

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

36

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

Том 36

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1974

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

доктор исторических наук *З. В. Удальцова* (отв. редактор),
действительный член Академии художеств СССР *М. В. Алпатов*,
доктор филологических наук *Е. Э. Гранстрем*,
доктор исторических наук *А. П. Каждан*,
академик АН Грузинской ССР *С. Г. Каухчишвили*,
доктор исторических наук *Г. Л. Курбатов*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
доктор исторических наук *Е. Э. Липшиц*,
доктор исторических наук *Г. Г. Литаврин* (зам. отв. редактора),
кандидат исторических наук *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
доктор исторических наук *Е. Ч. Скржинская*,
доктор исторических наук *М. Я. Сюзюмов*

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА, К. А. ОСИПОВА

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ
ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИИ
(Постановка проблемы)

Своеобразие общественного строя Византии в сравнении с средневековым Западом и Востоком всегда интересовало исследователей. Наличие бросающихся в глаза отличительных черт общественных отношений Византии от других стран средневекового мира породило во многом иллюзорное представление о какой-то особой исключительности Византийской империи. Частное, специфическое заслоняло иногда общее, закономерное в социально-экономическом развитии Византии. Логическим завершением гипертрофирования специфики общественного строя империи явилось отрицание, полное или частичное, существования феодализма в Византии. Преувеличивая своеобразие, зачастую чисто внешнее, общественных отношений империи, некоторые ученые трактовали Византию как страну, якобы не знавшую феодализма¹.

По вопросу о наличии или отсутствии феодализма в Византии, как известно, велись острые дискуссии на международных конгрессах византистов; ученые многих стран разделились на сторонников и противников признания феодализма в Византии, на «феодалистов» и «антифеодалистов»².

Против существования феодализма в Византии, как известно, особенно решительно выступил глава французских византистов П. Лемерль. В общественной структуре Византии Лемерль выдвигает на первый план черты этагизма, распространение централизованных форм прикрепления тружеников к земле, сохранение унаследованной от Рима фискальной системы. В X—XI вв., когда, как считают многие ученые, феодализм окончательно победил в Византии, по мнению П. Лемерля, наоборот, усилился натиск государства на крестьян. Такие категории византийского крестьянства, как стратиоты, димосиарии и экскуссаты лично, а не через посредство сельского коллектива, зависели от государства и его чиновников³. Пронюя, появление которой он датирует XII в. и которую не считает военным держанием, П. Лемерль не относит к фактам, свидетельствующим о феодализации империи. Крупная земельная собствен-

¹ А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1959).— ВВ, XXII, 1963, стр. 127—198; К. Wathanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine — une mise au point sur les diverses discussions.— «Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences», vol. 5—6, 1965.

² З. В. Удальцова. XII Международный конгресс византистов в Охриде.— ВВ, XXII, 1963, стр. 280—297; К. Wathanabe. Einige Notizen über der XII. Internationalen Byzantinistenkongress.— «Hitotsubashi Journal of Economics», III, 1962, № 1, S. 73—82.

³ P. Lemerle. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes.— «Cahiers de civilisation médiévale», 1959, № 3, p. 265—281; *idem*. Rapport complémentaire.— «Actes du XIIe Congrès International d'études Byzantines. Ochride, 10—16 Septembre 1961», t. I. Beograd, 1963, p. 275—284; *idem*. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes.— «Revue historique», t. 219, 1957, p. 32—74, 254—284; t. 220, 1958, p. 43—94; см. рец. А. П. Каждана: ВВ, XVI, 1958, стр. 92—113.

ность, по его мнению, хотя и существовала, но развивалась крайне медленно, и общество XI в., описанное в «Стратегиконе» Кекавмена, было еще далеко от феодализма⁴.

С «антифеодальной» концепцией исторического развития Византии солидаризировался и Л. Райбо⁵.

Известный греческий ученый Д. Закитинос соглашался с А. А. Васильевым в том, что понятие «феодализм» приложимо лишь к Западной Европе, но не к Византии⁶.

Основой концепции отрицания феодализма в Византии зачастую служит теория континуитета, согласно которой Византийская империя предстает как образец непрерывного сохранения греко-римских начал в средневековом обществе. Непризнание наличия феодализма в Византии связывается у адептов этой теории с представлением о постоянном существовании в Византии свободной мелкой крестьянской собственности, как опоры императорской власти и централизованного государства, о господстве римской частной собственности и римского права во всех сферах общественной жизни⁷. Большинство сторонников континуитета, понимая под феодализмом совокупность политических и правовых отношений и связывая его с децентрализацией и рассеянием суверенитета, делает из этого вывод, что феодализм был лишь западноевропейским феноменом. В Византии же, где непрерывно продолжали существовать основные институты Поздней Римской империи — императорская власть, частная собственность на землю, римское право и греко-римская образованность, феодализм, по их мнению, или совсем не развивался или был привнесен извне, из Западной Европы в период латинского завоевания империи⁸. Защитники концепции континуитета отрицают наличие цезуры между позднеантичным обществом и средневековой Византией и подчеркивают идею преемственности как в области аграрных отношений, так и в развитии городов и культуры. Византия в представлении этих исследователей выглядит как островок греко-римской цивилизации, в течение всего средневековья противостоящей феодальному миру⁹.

⁴ P. Lemerle. *Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos.* — Académie Royale de Belgique. Classe des lettres. Mémoires, t. 54. Bruxelles, 1960; см. Г. Г. Лумберин. Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? — ВО, 1961, стр. 217—240; *его же.* Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. М., 1972, стр. 5—115.

⁵ L. P. Raybaud. *Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues.* Paris, 1968, p. 293.

⁶ D. A. Zakythinis. *Le processus de féodalisation.* — «Hellenisme contemporain», 2, 1948, p. 449—534; A. Vasiliev. *On the Question of Byzantine Feudalism.* — Byz., VIII, 1933, p. 584—604; *idem.* History of the Byzantine Empire. Madison, 1952, p. 536—579.

⁷ N. Svoronos. *Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation.* — «Annales», 1956, № 3; *idem.* Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles; le cadastre de Thèbes. — BCH, 83, 1959; *idem.* Société et organisation intérieure dans l'empire byzantin au XIe siècle, les principaux problèmes. — «Proceedings of the XIIIth International Congress of byzantine studies». London, 1967; I. Karayannopoulos. Рец. на кн.: G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956. — BZ, 50, 1957.

⁸ Д. Закитинос допускает, что феодализм мог быть привнесен с запада в отдельные области империи, в частности в Морюю; см. D. A. Zakythinis. *Le Despotat grec de Morée*, vol. I, Paris, 1932; vol. II. Athènes, 1953; *idem.* Byzanz und die europäische Einheit im Mittelalter. — «Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht», Bd. 4, 1955.

⁹ Так, например, Томас утверждает, что, несмотря на внешнее сходство развития феодализма в Византии и Меровингской Галлии, в империи были значительные отличия, выразившиеся в непрерывном существовании бюрократии и регулярной денежной налоговой системы; см. C. B. Thomas. *The Seventh century revolution. East and West.* — «Classica et Mediaevalia», 28, 1969, p. 330—343. Идею континуитета в сфере культуры защищают многие ученые; см. H. Hunger. *Reich der Neue Mitte, Der christliche Geist der Byzantinischer Kultur.* Graz, Wien, Köln, 1966. Автор утверждает, что, несмотря на распространение христианства, даже в XIII в. в Византии было сильно влияние античной культуры; ср. D. A. Zakythinis. *Byzanz und*

Некоторые византилисты и медиевисты Западной Европы и Америки рассматривают феодализм лишь как особую политическую надстройку децентрализованного государства. Отсюда вытекает их негативная оценка феодального строя, ибо он влечет за собой распад и ослабление государственного организма.

Для сторонников политико-юридической школы феодализм — не закономерная и прогрессивная стадия развития человеческого общества, а специфическое и притом отрицательное явление в мировой истории. Византия, по их мнению, счастливо избежала феодализма, ибо в империи всегда сохранялась сильная государственная централизация и государственная собственность, что препятствовало утверждению феодализма¹⁰.

Господствующий класс Византии трактуется ими не как класс феодалов, материальное благополучие и политическое влияние которого зиждется на феодальной поземельной собственности и эксплуатации зависимого крестьянства, но как служилый класс, представляющий различные звенья государственного бюрократического аппарата.

Особенно ярко противопоставление этатизма и феодализма в Византии проводится представителями мюнхенской школы византиноведения. Большинство исследователей этого направления ставят во главу угла в общественном развитии Византии идею Римской империи и римского императора. Глава мюнхенской школы византинистов Ф. Дэльгер, исходя из универсалистской идеи «римского императора», утверждал, что византийский василевс рассматривался якобы как единственный собственник всех земель империи. В Византии, согласно мнению Дэльгера, не существовало понятия о взаимных обязательствах сеньюров и вассалов, личных связей между ними, как в западноевропейском феодальном обществе. Как отражение этой имперской идеологии, в Византии и владения стратиотов и домены, отданные в проению, представляли собой исключительно пожалование по милости императора. Лишь в результате крестовых походов византийский василевс был вынужден приспособляться к обычаям западноевропейского феодального общества и рассматривать западных рыцарей как вассалов (*λίξιοι*)¹¹.

Однако Дэльгер не отвергает развитие в Византии крупной земельной собственности, которую он рассматривает как некую «субструктуру», подготовившую благоприятные условия для введения в Византии западного понятия «феодализм». В известных случаях в империи могли возникать, как и на Западе, сеньории, с доменами сеньюров и землями зависимых от них крестьян¹².

---

die europäische Einheit; *H. W. Haussig*. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959. П. Лемерль считает Византию традиционным обществом, прямым продолжением Римской империи. Византия, по его мнению, «не знает ни юности, ни дряхлости, к ней неприменим термин «упадок». Застывшее в своем величии общество Византии играет консервативную роль наследницы античного мира. Ее культура обращена в прошлое; см. *P. Lemerle*. La notion de décadence à propos de l'empire byzantin. — «Classicisme et déclin culturel dans l'Islam». Paris, 1957, p. 268, 270.

¹⁰ *J. Danstrup*. The State and Landed Property in Byzantium to c. 1250. — «Classica et Mediaevalia», 8, 1946.

¹¹ *F. Dölger*. Der Feudalismus in Byzanz. — «Studien zum mittelalterlichen Lebenswesen. Vorträge und Forschungen», V. Konstanz, 1960, S. 185—193; *idem*. Byzanz und das Abendland von den Kreuzzügen. — «Relazioni del X Congresso Internazionale di Science Storiche, Roma 4—11. IX, 1955», vol. III. Firenze, 1956, S. 67—112; *idem*. Παρασπορά. Ettal, 1961, S. 73—106; *idem*. Die Kreuzfahrstaaten auf dem Balkan und Byzanz. — «Südost-Forschungen», Bd. 25, 1956, S. 151 f. Тезис о том, что имперская идея играла главенствующую роль в истории Византии и оказывала решающее влияние на ее внутреннюю структуру и внешнюю политику вплоть до конца существования византийского государства, развивал также О. Трейтингер; *O. Treitinger*. Die oströmische Kaiser — und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Darmstadt, 1953.

¹² *F. Dölger*. Zum Gebührenwesen der Byzantiner. — «Etudes dédiées à la mémoire d'André Andréadés». Athènes, 1939, S. 35—59; *idem*. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 232—260.

Продолжая и развивая идеи Ф. Дэлгера о противопоставлении этатизма и феодализма в Византии, Н. Зворонос утверждал, что до эпохи Комнинов личностные связи, выраженные в клятве верности, существовали лишь исключительно между императором и различными слоями общества (чиновниками, духовенством и др.). Лишь с правления «Комнинов, под влиянием Запада», византийский мир стал больше развивать личностные связи, основанные на взаимности в отношениях суверена и подданных и выраженные в клятве сеньора и вассала. Однако монархическая идея в Византии никогда не была поглощена феодальными понятиями¹³.

По мнению Я. Ферлуги, вассальные отношения в Византии были принесены с Запада и применялись только к иностранцам. Несмотря на появление типично феодального института пронии, в Византии, как утверждает этот историк, не встречалось *homage lige*, осуществляемого греческими феодалами. Введение вассальных институтов по западноевропейскому образцу встречало оппозицию в Византии, где еще была сильна монархическая идея¹⁴.

Известный немецкий византист Г. Г. Бек выдвигает тезис о сосуществовании и противоборстве в Византии официальной идеологии, основанной на универсалистской идее империи и императора, и идеологии неофициальной, оппозиционной по отношению к первой, нашедшей выражение в народной литературе, к которой он относит и «Стратегикон» Кекавмена и эпос о Дигенисе Акрите. Византийская аристократия уже осознала себя независимой в своих владениях, но оставалась подчиненной императору¹⁵.

Логическим выводом из неверного представления о феодализме как политико-юридической надстройке общества является, вольное или невольное, преуменьшение развития феодальной собственности в Византии и сеньориальных форм эксплуатации. Условные формы пожалований иногда отрываются от становления в Византии феодальной собственности и формирования вотчины¹⁶.

В связи с этой общей тенденцией некоторые историки на первый план среди специфических отличий византийского общества выдвигают такие по существу второстепенные, производные, внешние черты, как отсутствие развитой феодальной иерархии, полной кристаллизации вассалитета, феодальных дружин¹⁷. Понимание феодализма как политической и юридической надстройки приводило некоторых современных ученых даже к толкованию прогрессивности феодального общества в духе дворянской историографии.

В противовес западным историкам, которые рассматривали феодализм как болезнь государственного организма, защитники этой концепции считали феодализм не синонимом упадка, а носителем прогресса. Прогрес-

¹³ N. Svoronos. Le serment de fidelité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle. — «Actes du VIe Congrès International d'études Byzantines», I. Paris, 1950, p. 191—197.

¹⁴ J. Ferluga. La ligesse dans l'Empire byzantin. — ЗРВИ, VII, 1961, p. 97—123.

¹⁵ H.-G. Beck. Vademecum des byzantinischen Aristokraten. Das sogenannte Strategikon des Kekaumenos. Graz—Wien—Köln, 1956; *idem*. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971; *idem*. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im XIV. Jahrhundert. München, 1952.

¹⁶ Французская византистка Э. Гликаци-Арвейлер, рассматривая такие институты, как солемний, харистикий, прония, апанаж, считает их по существу пожалованием фиктивного права и отрывает их от пожалования поземельной собственности; см. H. Glykatzis-Ahrweiler. La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles. — «Actes du XIIe Congrès International d'études Byzantines. Ochride, 10—16 septembre 1961», t. II. Beograd, 1964, p. 103—114; *eadem*. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe—XIe siècles. — BCH, 84, 1960; *eadem*. La politique agraire des empereurs de Nicée. — Byz., t. XXVIII, 1958, p. 65 sq.; ср. I. W. Barker. The Problem of Apanages in Byzantium during the Palaiologan period. — «Βυζαντινά», 3, 1971, p. 103—122.

¹⁷ H.-G. Beck. Byzantinisches Gefolgschaftswesen. — SBAW, Phil.-hist. Klasse, H.5. München, 1965.

сивным элементом феодализма в Византии, однако, для них являются не народные массы, а феодальное дворянство — архонты, сохраняющие сословный дух, понятие рыцарской чести, областные собрания¹⁸.

Другие византилисты обнаруживали более глубокое понимание сущности феодализма и признавали в Византии наличие феодального строя. Однако, преувеличивая особенности феодального развития в Византии, они рисовали империю как наиболее яркий пример резкого отклонения от общепринятого эталона феодального общества — классической модели западноевропейского феодализма¹⁹.

Для представителей этого направления в зарубежной историографии феодализм в Византии — «особый феодализм», длительное время сохраняющий родимые пятна античного общества. В этом аспекте можно признать, что видоизменением теории континуитета в известной мере является концепция автохтонного развития Византии. Некоторые исследователи, хотя и признают наличие феодализма в Византии, генетически выводят ее общественный строй непосредственно из разлагающегося рабовладельческого общества Поздней Римской империи, отрицая значение каких-либо внешних влияний, в частности, варварских завоеваний и вторжений на территорию империи иноземных племен и народов (славян, армян, арабов и других). Вся социально-экономическая история Византии рисуется как процесс длительной трансформации рабовладельческого строя, которому сопутствует крайне замедленное изживание рабовладения, сохранение античных городов-полисов как оплота рабовладельческих отношений, господство сильного централизованного государства и бюрократии, по преимуществу служилый характер господствующего класса. Социальный строй Византии при этом иногда сближается с общественными отношениями средневековой Японии, где феодализм вырос без внешних влияний, непосредственно из рабовладельческого общества, существовавшего там в чистом виде²⁰.

Пытаясь создать модель «византийского феодализма», исследователи обращаются к поискам аналогий в общественном строе Византии и других средневековых государств. Одни обнаруживали подобные аналогии в странах азиатского Востока, другие — европейского Запада.

Порою воздвигалась непроходимая грань между Византией и Западом. Византия сильно ориентализировалась, сближалась со странами Востока. Отдельные ученые не только изображают в гипертрофированном виде роль византийского государства, но и сближают его с восточными деспотиями. Они преувеличивают развитие в Византии государственной собственности на землю, государственных форм эксплуатации крестьян и централизованной ренты — налога.

В связи с увлечением ряда ученых-марксистов Запада концепцией азиатского способа производства была выдвинута гипотеза о том, что Византия являлась страной, где господствовали общественные отношения, близкие к азиатскому способу производства. Государство рассматривалось как верховный собственник всей земли империи, а император — как деспот, обладающий неограниченной властью над жизнью и смертью своих подданных. Если в Западной Европе власть монарха была ограничена правом и моралью, то в Византии, как и в странах Востока, император якобы стоял по ту сторону добра и зла, как единственный творец закона и морали. Империя управлялась разветвленным бюрократическим аппаратом, живущим на доходы от централизованной ренты²¹.

¹⁸ А. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV в. Черты феодализма в византиино-сербском строе. — BS, 4, 1932, стр. 159—171.

¹⁹ К. Wathanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine, vol. 5, p. 32—40.

²⁰ Японский византист К. Ватанабэ усматривает сходство между феодализмом Византии и Японии, хотя и отмечает существующие между ними различия; см. К. Wathanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine, vol. 5, p. 32—33; vol. 6, p. 8—24.

²¹ Французская византистка Э. Антониадис-Бибику выступила против неправомерного распространения на Византию теории азиатского способа производства и

Иногда проводились малоубедительные аналогии между общественным строем Византии и средневековым Китаем. Причем «китайская модель» рисовалась своего рода эталоном восточного государства, покоящегося на всеобщем рабстве, государственной собственности и продажной бюрократии²².

Однако далеко не все исследователи в Европе и Америке признают, даже с оговорками, подобное сближение Византии с Востоком. Так, Д. Закитинос с полной определенностью констатирует общность путей развития Византии и Запада, подчеркивая, что Византия принадлежит к европейскому сообществу²³. Естественно, попытки применить к феодализму в Византии то западноевропейские мерки, то восточные эталоны обычно заканчивались неудачей. Альтернатива «Запад или Восток», искусственно созданная для Византии в современной науке, постепенно теряет своих сторонников. Все сильнее звучат голоса, доказывающие, что концепции сближения или противопоставления Византии Западу или Востоку отнюдь не взаимоисключают, а, наоборот, дополняют друг друга. Не восточный или западный путь общественного развития Византии, а изучение общего и особенного в исторических судьбах империи по сравнению со странами как Западной Европы, так и азиатского Востока — вот идея, все более и более завоевывающая умы исследователей.

В советской историографии, при наличии известных расхождений по частным вопросам, все историки единодушны в признании теории феодального развития Византии. Советские ученые понимают под термином «феодализм» особую общественно-экономическую формацию, социально-экономическим базисом которой является феодальный способ производства с присущей ему системой эксплуатации непосредственных производителей господствующим классом. Феодальный способ производства определяет характер всей политической, правовой и идеологической надстройки общества, но и сам подвергается с ее стороны постоянному воздействию. Если для многих буржуазных ученых феодализм — совокупность определенных политических институтов (сочетание вассалитета и бенефиция), наличие феодальной иерархии и личностных связей, соединяющих правовыми и морально-этическими узами сеньора и вассала, то для историков-марксистов феодализм — прежде всего определенная стадия развития производительных сил общества, связанная с преобладанием аграрной и натурально-хозяйственной экономики, господством крупной земельной собственности, основанной на эксплуатации крестьянства, которое находится в личной или поземельной зависимости от землевладельцев. Поэтому советские византилисты, изучая феодальные отношения в Византии, обратились к анализу таких глубинных процессов, как развитие производительных сил, формирование феодальной собственности, формы эксплуатации крестьянства, роль общины, воздействие государства на становление феодализма, классовая борьба народных масс²⁴. Многолетние исследования привели их к выводу о том, что феодализм отнюдь не был исключительно западноевропейским феноменом, а закономерной стадией развития

выдвинула веские аргументы в подтверждение своего мнения; см. *H. Antoniadis-Bibicou. Byzance et le mode de production asiatique.* — «La Pensée», № 129, 1966, p. 47—72.

²² Подобная точка зрения была высказана американским профессором К. В. Холлистером на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве. Холлистер ставил под сомнение наличие в Византии феодализма, ибо в империи не было развитой феодальной иерархии, вассальной армии, субинфеодации и сохранилось централизованное государство. Аналогичные явления несколько в модифицированной форме имелись и в Китае. См. *З. В. Удальцова. Генезис и типология феодализма.* — СВ, 34, 1971, стр. 19; *K. Wathanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine*, vol. 5, p. 32.

²³ Вместе с тем Д. Закитинос без достаточных оснований отрывает славян от европейского мира.

²⁴ *З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет.* М., 1969, стр. 49—101, 165—229.

человечества, через которую прошла и Византия. Эта концепция завоевывает все большее число адептов в зарубежных странах, особенно среди ученых социалистических государств.

Чрезвычайно велик вклад в разработку проблемы феодализма в Византии одного из выдающихся византинистов современности Г. А. Острогорского. Много лет изучая эту проблему, Г. А. Острогорский не ограничился рассмотрением каких-либо отдельных политико-юридических институтов, а обратился к исследованию кардинальных вопросов, таких, как формы условной феодальной собственности, прония и иммунитет в Византии²⁵, судьбы византийской общины²⁶, история византийского крестьянства²⁷. Г. А. Острогорский в своих трудах исходит из широкого понимания феодализма как особого типа общества, которое существовало, хотя и в разное время, но не только в Западной Европе, а и в других регионах мира. Это такой тип общества, основой которого являются крупные земельные владения, населенные и обрабатываемые зависимыми крестьянами. Г. А. Острогорскому, как никому другому, органически присуще глубокое чувство историзма: он показывает феодальный строй в Византии в его динамике с момента возникновения (который он относит к X в. и связывает с государственной парикией)²⁸ и до полной кристаллизации крупной земельной собственности в поздней Византии, структуру которой он прослеживает по материалам византийских практиков²⁹. Прония и экскуссия (иммунитет) по Острогорскому — живые, развивающиеся институты, претерпевающие эволюцию по мере укрепления феодального строя. Прония, согласно трактовке этого ученого, — пожалование земли в условное держание, а не оторванная от землевладения фикция вещного права, олицетворяющаяся в передаче прониару сбора квоты налогов с определенной области. Автор вновь и вновь подчеркивает типологическое сходство между системой пронии, возникшей в эпоху Комнинов, и западноевропейской системой феодалов.

Г. А. Острогорский признает, что в Византии отсутствовал институт вассалитета, полностью аналогичный западноевропейскому, ибо византийский феодал (фьеф) развивался в условиях существования сильного централизованного государства, и прониар в своей области был не только феодальным землевладельцем, но и представителем государства. Однако рост феодальной собственности приводил к неуклонному ослаблению центральной власти и государственного бюрократического аппарата³⁰. Югославский ученый приходит к выводу о большем, чем было принято думать ранее, распространении в поздней Византии вассальных отношений и феодальной иерархии, хотя и не столь развитой, как на Западе. В свите византийских феодалов находилось немало лиц свободного состояния, которые зависели от феодального сеньора, вместо того, чтобы быть в непосредственном подчинении у императора. Работа Острогорского во многом меняет сложившееся в западноевропейской науке представление о полном отсутствии или крайней неразвитости системы вассалитета и феодальной иерархии в Византии³¹. Выдающиеся труды Г. А. Остро-

²⁵ Г. Острогорски. Пронија. Прилог историј и феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. Београд, 1951; *idem*. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954; Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 55—107; Г. Острогорский. Pour l'histoire de l'immunité à Byzance. — Byz., XXVIII, 1958.

²⁶ Г. Острогорский. La commune rurale à Byzance. Loi agraire — Traité fiscal-Cadastre de Thèbes. — Byz., XXXII, 1962, p. 136—161.

²⁷ Г. Острогорский. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956; Г. Острогорский. Радоливо. — ЗРВИ, 7, 1961.

²⁸ Г. Острогорский. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine, p. 27—29.

²⁹ Г. Острогорский. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 264—290.

³⁰ Г. Острогорский. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 26—54.

³¹ Г. Острогорский. Observations on the Aristocracy in Byzantium. — DOP, 25, 1971, p. 14—17.

горского, на наш взгляд, неопровержимо доказали существование феодализма в Византии.

Советскими византистами³² и учеными стран социалистического сотрудничества³³ немало сделано для выяснения специфики византийского феодализма, его генезиса и развития. При этом феодализм трактуется не как совершенно особая модель, а как определенный вариант, имеющий аналогии как в южноевропейском регионе, так и в Юго-Восточной Европе и странах Востока.

В последнее время в византиноведческой науке пробивает себе дорогу идея изучения специфических особенностей феодального строя Византии в типологическом аспекте. Советские византилисты заглялись проблемой типологии феодального строя в Византии отнюдь не с целью создания какой-либо особой модели «византийского феодализма» или коллекционирования иных второстепенных отличий феодального общества империи. Главная задача, стоящая перед исследователями, — выяснить общее и особенное в феодальных отношениях в Византии, установить, как проявлялись основные закономерности развития феодальной формации на византийской почве и какие особенности феодального строя возникали здесь по сравнению с другими регионами мира³⁴.

Особенности аграрного строя Византии и период развитого феодализма

Своеобразие византийского феодализма во многом определялось особенностями его генезиса. Как мы уже отмечали ранее, Византия пошла по тому пути развития феодализма, когда феодальный строй утверждался на основе синтеза элементов разлагающейся рабовладельческой формации с феодальными отношениями, складывавшимися у варварских народов (славян, арабов, армян и др.), однако с явным превалированием античных начал, в частности, унаследованных от Поздней Римской империи. Наиболее четко этот путь развития прослеживается наряду с Византией также в Италии, Южной Галлии, вестготской Испании и романизированной Северной Африке. Для периода генезиса феодализма в Византии, как и в других странах Европы, одним из важнейших критериев типологизации, по-видимому, можно считать наличие или отсутствие синтеза

³² М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. — ВВ, XVII, 1960; *его же*. Некоторые проблемы истории Византии. — ВИ, 1959, № 3; Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазиатских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1958; *ее же*. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. — ВИ, 1961, № 6; *ее же*. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века. М., 1961; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии. IX—X вв. М., 1960; З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1958, № 10.

³³ Д. Ангелов. Принос к поземелните отношения във Византия през XIII век. — ГСУ, филол. факультет, кн. 2, 1952; *его же*. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1960, № 2; *его же*. Феодализмът във Византия. — ИП, 3, 1946—1947, кн. 2, стр. 223 сл.; Н. Everi-Kappasowa. Une grande propriété foncière du VIIIe siècle à Byzance. — BS, 24, 1963 и мн. др.

³⁴ К. В. Хвостова. Аграрно-правовые отношения в Византии XIII—XV вв. — В кн.: «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 97—108; *ее же*. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968; З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе историков в Москве. М., 1970; З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — ВО, 2, 1971, стр. 3—25; *ее же*. Проблема генезиса и типологии феодализма на международных конгрессах историков и экономистов в Москве и Ленинграде (1970 г.) — ВОН АН Арм. ССР, 1971, № 3, стр. 46—54; *ее же*. Генезис и типология феодализма. — СВ, 34, 1971, стр. 13—38; М. Я. Сюзюмов. Дофеодальный период. — АДСВ, VIII, 1972, стр. 3—41; *его же*. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 35, 1974, стр. 3—18; З. В. Удальцова, К. А. Осипова. Типологические особенности феодализма в Визан-

степень его интенсивности и соотношение в нем феодальных элементов, вызревавших в позднеантичном и варварском обществе ³⁵.

Эти типологические особенности, сформировавшиеся в раннефеодальный период, наложили отпечаток на типы феодального общества и в период развитого феодализма. В то же время в более поздний период проявились и новые факторы, влиявшие на характер феодализма как в Византии, так и в странах Западной Европы.

Географическое положение Византии, раскинувшей в эту эпоху свои владения на двух континентах — в Европе и в Азии, — сделало империю как бы средоточием между Востоком и Западом. Но Византия пошла своим историческим путем, во многом отличным от судеб как азиатского Востока, так и европейского Запада. В аграрном строе Византийской империи, однако, присутствовало немало черт как сходства, так и различия по сравнению и со странами Запада и с государствами Востока.

В состав Византийской империи входили области с разнообразными природно-климатическими условиями. Мягкий средиземноморский, местами субтропический климат прибрежных районов постепенно переходил в континентальный климат внутренних областей с жарким и порою засушливым летом и холодной, снежной зимой. Горный рельеф Греции и Малой Азии, части Македонии сменялся равнинными пространствами Фракии и Фессалии. Природноклиматические условия определяли отличия в хозяйственном облике разных частей империи. Преобладали, однако, изрезанные горами местности с малоплодородными почвами, где природные условия обуславливали хозяйственную замкнутость отдельных районов и распространение мелкого крестьянского хозяйства. Обилие островов, порою небольших, также благоприятствовало появлению парцеллярного хозяйства. Ведение крупного домениального хозяйства на подобных землях было нерентабельным.

Наряду с зерновыми культурами (пшеница, ячмень) большое распространение имели виноградники и оливковые плантации. На плоскогорьях и высокогорных лугах Балкан и Малой Азии было развито скотоводство.

С потерей Египта житницами Византии стали Фракия, плодородные речные долины Македонии и Фессалии. Здесь в большей степени, чем в гористых областях, природные условия способствовали концентрации земледелия в руках крупных землевладельцев и ведению домениального хозяйства. Ведь недаром в поздней Византии именно в Фессалии и в части Македонии были расположены имения богатых феодалов-властителей и домены императоров.

Итак, природные условия Византии отнюдь не стимулировали развития здесь обществ азиатского типа, с их ирригационным хозяйством в долинах великих рек и ведомством общественных работ, находящимся в руках государства. Все сказанное сближает Византию скорее с другими странами европейского Средиземноморья, и в особенности с Италией, чем с государствами азиатского Востока.

В период развитого феодализма (X—XV вв.), несмотря на территориальные потери, Византия оставалась одной из могущественных держав средиземноморского бассейна. Однако демографические сдвиги, повлекшие за собой сокращение численности населения, были чрезвычайно существенны и отразились на дальнейшем ходе исторического развития византийского государства ³⁶. Из огромной, этнически крайне неоднородной импе-

тии. — В кн.: «Проблемы социальной структуры средневекового общества». Л., 1974, стр. 4—28.

³⁵ З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Указ. соч., стр. 7—14; З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма, стр. 10.

³⁶ P. Charanis. Studies on the Demography of the Byzantine Empire. London, 1972. После значительного сокращения населения, связанного с потерей восточных провинций и кризисом VII в., в XI в. наступает, по-видимому, известная демографическая стабилизация, которая сменяется новыми демографическими изменениями в XIII—XV вв.; см. H. Antoniadis-Bibicou. Problèmes d'histoire économique de By-

рии, в состав которой входило множество различных племен и народов, Византия стала по преимуществу греческим, а с XI—XII вв. — греко-славянским государством. Этнические различия внутри государства, хотя, естественно, полностью не исчезли, но весьма отчетливо сглаживались, а преобладание греческого элемента становилось все более и более ощутимым.

Важной типологической особенностью феодализма в большинстве регионов Западной Европы было господство крупного частного землевладения вотчинного типа, условный характер этой крупной земельной собственности и ее разветвленная иерархическая структура.

В Византии же, в связи со спецификой генезиса феодализма, в значительно больших масштабах и более длительное время сохранялись формы земельной собственности, унаследованные от предшествующего времени. Характерной особенностью общественного развития Византии было длительное сосуществование таких форм земельной собственности, как безусловная частная собственность на землю, генетически восходящая к поздне-римским аграрно-правовым отношениям, государственная поземельная собственность и собственность мелких крестьян-общинников³⁷.

Аграрный строй Византии во многом определялся борьбой частнособственнических тенденций, общинных традиций и государственных форм землевладения. При этом континуитет в сфере землевладения наблюдался здесь в значительно большей степени, чем в странах Западной Европы.

Первый тип частной собственности на землю кристаллизовался как в крупном землевладении, так и в хозяйстве свободных крестьян. В Византии на всех этапах ее истории имела распространение купля-продажа земли (частновладельческой, городской, государственной и даже общинной) с передачей собственнику верховного права и титула собственности. Права собственников на землю охранялись римскими юридическими нормами, никогда не терявшими в Византии силы закона. В разные периоды византийской истории, естественно, масштабы частной собственности на землю то сокращались, то возрастали; менялся, разумеется, и характер ее использования, и формы эксплуатации зависимого населения. Но сам факт наличия в Византии наряду с коронными, государственными и общинными землями развитой системы частной собственности на землю и крупного землевладения признан в современной науке.

Очень сложен вопрос о государственной собственности на землю в Византии. Этот вопрос породил в византиноведении ожесточенные споры, которые не утихают и по сей день³⁸. На современном уровне развития науки можно высказать некоторые соображения по этой далеко не решенной проблеме.

Прежде всего, на наш взгляд, нельзя проводить прямых аналогий между государственной властью и государственной собственностью в Византии и в странах Востока. Государственная собственность на землю в Византии отнюдь не была точной копией, сколком государственной поземельной собственности, распространенной на Востоке. Прежде всего в странах Востока государь всегда (или почти всегда) был не только верховным правителем, неограниченным властелином, но и верховным соб-

---

zance au XIe siècle: démographie, salaires et prix. — BS, 28, 1967. p. 255—261; D. Jakoby. Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles. — «Etudes rurales», 5—6, 1962, p. 161—186; N. Kondov. Das Dorf Gradec. Die demographisch-wirtschaftliche Gestalt eines Dorfes aus dem Gebiet des unteren Strymon von Anfang des 14. Jahrhunderts. — «Etudes balkaniques», VII, 1971, 3, S. 31—55.

³⁷ К. В. Хвостова. Аграрно-правовые отношения в Византии XIII—XV вв., стр. 97—99.

³⁸ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 180—195; *её же*. К вопросу о генезисе феодализма, стр. 21—23; А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии, стр. 170—195; Г. Г. Литаврин. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. — ВВ, 35, 1973, стр. 51—74.

ственником всей территории страны. Главным, а порою и непременным условием существования государственной собственности на Востоке было одновременное отсутствие (или крайняя слабость) частной собственности на землю. Недаром К. Маркс писал: «...отсутствие частной собственности на землю... вот настоящий ключ даже к восточному небу»³⁹. В развитие этой мысли К. Маркс подчеркивал, что в азиатских государствах не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

Государственная власть в Византии не имела патримониального характера. Верховное право собственности государя на все земли подданных не зафиксировано в источниках.

Фонд государственных земель в Византии состоял преимущественно из владений фиска (в состав которых входили заброшенные земли и участки, конфискованные и переданные в казну), а также из императорских доменов⁴⁰. Размеры фонда государственных земель в разные периоды Византии резко изменялись. Можно наметить следующую динамику изменения размеров фонда государственных земель.

В ранней Византии владения фиска и домены императора достигали столь огромных размеров, что не могли обрабатываться жившими на них рабами и колонами, а сдавались в аренду и все равно часто пустовали. В VII—половине IX вв. фонд государственных земель сократился и, в связи с внутренней колонизацией и вторжением варваров, эти земли были в значительной части заселены свободными крестьянами-общинниками и переданы воинам-стратиотам. Власть государства над частью этих земель стала лишь номинальной. Во второй половине IX—XI вв., в связи с укреплением государственной власти, внешними завоеваниями и общей стабилизацией империи, фонд государственных земель вновь возрос; ведь завоеванные земли в значительной своей части переходили в собственность государства. Однако с XII в. он опять резко сокращается в результате развития вотчинного землевладения и внешних неудач. В поздней Византии он сохранялся, но в довольно скромных размерах. Государственные владения сравнительно редко представляли собой сплошные земельные массивы; чаще всего они располагались среди имений крупных собственников, монастырей и крестьянских наделов. Они сохранялись на протяжении всего существования Византии, но никогда не охватывали всю территорию византийского государства.

Государственная власть в Византии не могла неограниченно распоряжаться землями своих подданных. Поэтому византийские императоры раздавали в виде пожалований в первую очередь казенные земли, населенные государственными париками, земли императорских доменов, пустоши, которые разрешалось заселять пришлыми людьми. На коронных и государственных землях возникали владения церквей, монастырей и благотворительных учреждений, переданные им в качестве пожалований государством.

Однако в отличие от стран Востока свободные деревни мелких собственников не могли быть пожалованы частным лицам. Лишь земли, некогда находившиеся в собственности государства, а затем переданные за службу феодалам-прониарам, по прошествии определенного срока могли быть отобраны и переданы в другие руки.

Доменная хозяйство императоров в период развитого феодализма не достигало особенно больших масштабов и ограничивалось удовлетворением нужд императора и двора. Государство вмешивалось в экономиче-

³⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 215.

⁴⁰ А. П. Каждан отождествляет земли фиска и императорские домены (А. П. Каждан. Деревня и город в Византии, стр. 129—130), а М. Я. Сюзюмов проводит между ними различие, утверждая, что на императорских доменах велось организованное хозяйство, тогда как владения фиска в значительной мере состояли из пустошей и заброшенных земель (М. Я. Сюзюмов. Рец. на кн.: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии. IX—X вв. М., 1960. — ВВ, XXI, 1962, стр. 214).

скую жизнь страны прежде всего через посредство фиска, но не занималось, как в азиатских обществах, ее прямым управлением, «экономическим главнокомандованием», которое все больше и больше сосредоточивалось в руках феодалов⁴¹.

В отличие от большинства стран Западной Европы, где в период развитого феодализма отмечается относительная слабость общины-марки, в Византии и в эту эпоху общинные традиции и внутренняя консолидация общины оставались достаточно крепкими. Участие в коллективном использовании общинных угодий, общность хозяйственных интересов, взаимная связь и взаимная помощь, усиленные глубоким проникновением в жизнь деревни общинных традиций — все это способствовало объединению и упрочению спаянности односельчан. Община оставалась деятельным, сплоченным и сильным коллективом — это обстоятельство имело значение определяющего признака, отличавшего византийскую общину от общин-марок ряда стран Западной Европы.

Византийская община была сложным общественным организмом, утвердившимся в результате синтеза различных взаимодействующих начал. Одним из ее истоков были местные общины-митрокомии, издавна существовавшие в Восточном Средиземноморье и восходившие своими традициями к доэллинистическим временам⁴². Будучи соседскими общинами с правом частной собственности крестьянина на земельный участок, не ограниченным в возможности его отчуждения, ранневизантийские митрокомии сохраняли устойчивые традиции античного общества, проявлявшиеся в наличии рабства в общине, влиянии установлений частной собственности и римского права⁴³.

Большое влияние на формирование византийской общины оказали общинные порядки славянских племен. Славяне принесли с собой общину, которая отличалась большой внутренней сплоченностью, прочностью общинных связей, сохраняла некоторые элементы общинно-родового строя славян, в частности традиций большой семьи, большесемейной собственности и кровнородственных отношений⁴⁴. Наследие ранневизантийских митрокомий и общинные порядки славян явились двумя главными факторами, на основе синтеза которых в Византии сложился качественно новый тип общины. Большая сила и устойчивость, а также сочетание двух различных начал имели значение определяющего типологического признака, отличающего византийскую общину от общин-марок ряда стран Западной Европы. Известная стойкость общины создавалась веками упорной борьбы как с натиском феодализирующейся знати, так и с постоянным нажимом государства. Наступление господствующего класса на общину приобрело в Византии характер двуединого процесса.

Прежде всего община подвергалась постоянному централизованному воздействию со стороны государства. С целью подчинения свободного крестьянства византийское государство ввело систему коллективной податной ответственности и практику изъятия выморочных и заброшенных общинных земель. Кроме того, оно осуществляло ряд специальных законодательных мер, направленных на ограничение прав крестьян распоряжаться своей землей. Тем самым государство пыталось, по сути дела, прикрепить свободное крестьянство к земле, хотя полного закрепощения и официального акта о прикреплении крестьян Византия не знала. И хотя

⁴¹ Н. Antoniadis-Bibicou. Byzance et le mode de production asiatique, p. 64, 68 sq.

⁴² Р. Таубеншлаг. Сельские общины в романизованных провинциях Востока времени Диоклетиана. — ВВ, XIII, 1958, стр. 8 сл.; Е. С. Голубцова. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. (независимая сельская община). М., 1962, стр. 42—44; *ея же*. Сельская община Малой Азии. М., 1972, стр. 170—172.

⁴³ З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма в Византии, стр. 16.

⁴⁴ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии, стр. 5; *ея же*. Дофеодальный период, стр. 13.

община платила государственные налоги, она сохранила определенную самостоятельность и отнюдь не превратилась в податную общину восточного типа, полностью подчиненную государству⁴⁵.

Обороняясь от натиска государства, община неминуемо попадала в зависимость от феодалов. В пределы общинных земель все более интенсивно внедрялось крупное феодальное землевладение, а свободные общинники превращались постепенно в феодально-зависимых крестьян.

Однако глубокое проникновение в жизнь византийской деревни общинных традиций приводило к тому, что даже в условиях феодального закрепощения, подчинения общины и превращения общинников в частновладельческих крестьян общинные порядки в зависимой деревне нередко продолжали сохраняться.

Разумеется, в различных областях империи сохранение общинных традиций было неравномерным. Длительное переживание общинных порядков нередко было связано с этническими факторами, с развитием ересей (в частности, павликианства и богомилства). В некоторых областях империи, особенно в ее горных районах, община продолжала существовать вплоть до турецкого завоевания и падения империи.

Как и в некоторых странах Европы, в Византии основной путь утверждения феодальной собственности на землю проходил через общину. Внутренняя эволюция общины, имущественная дифференциация и вызревание элементов феодализма в ее недрах, равно как и экспроприация крестьянской собственности вторгающимся в общину крепнущим феодальным землевладением — все это послужило основным источником формирования феодальной вотчины в Византии.

Своеобразную и глубоко противоречивую роль в процессе становления крупной феодальной собственности в империи играло государство.

Бесспорно, подчинение свободного крестьянства государством и огромная роль государственных институтов в жизни империи тормозили складывание феодальной вотчины, мешали росту власти феодалов над зависимым населением. Государству в течение длительного времени удавалось держать вотчину под своим контролем, ограничивать число зависимых крестьян, осуществляя расследования и проверяя, в частности, владеет ли тот или иной феодал тем числом крестьян, которое указано в выданных ему императорских грамотах, или же он поселил у себя лишних крестьян, сверх назначенного ему «количества» (*ἀριθμός*)⁴⁶. Но с другой стороны, византийское государство активно содействовало утверждению феодальных отношений в империи и упрочению феодальной вотчины. Это проявлялось в распространенной практике пожалований частным лицам и монастырям государственных земель, среди которых значительную часть составляли запустевшие общинные земли, отторгнутые от общины и конфискованные государством⁴⁷.

Известное место среди феодальных вотчин занимали владения, восходившие к крупной земельной собственности позднеримского времени.

Различные пути генезиса феодальной собственности обусловили возникновение многообразных по структуре типов феодальных поместий. Чаще всего поместья складывались из многих земельных владений, расположенных в различных селах и местностях, среди общинных земель и владений соседних феодалов. В других случаях это были хозяйственно обособленные и не связанные с крестьянской общиной поселения — иногда генетически они восходили к рабовладельческим виллам. Нередко поместье представляло собой подчиненную динамом сельскую общину.

⁴⁵ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии, стр. 419 сл.

⁴⁶ А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в. — ВВ, XI, 1956, стр. 115—117; К. А. Осипова. Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии X в. — ВВ, X, 1956, стр. 77—78.

⁴⁷ Г. Г. Литаврин. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв., стр. 73.

Для обозначения феодальных поместий византийские источники употребляют термины «проастий» и «икос». По своему происхождению проастии часто были связаны с общиной. Они возникали на периферии общины в результате выделения мелких вотчинников, не удовлетворявшихся своими наделами в общине и предпочитавших основать новые имения за пределами деревни. В X в. проастии не обрабатывались трудом рабов и наемных работников — мистиев. Проастии были распространены и как специфический тип небольшого пригородного поместья⁴⁸. Однако уже с конца X в., когда феодальное подчинение крестьян развернулось в широких масштабах, проастий стал превращаться в типичное феодальное поместье, эксплуатация которого велась трудом зависимых крестьян — париков⁴⁹.

Второе наименование феодального поместья — икос — часто применялось для обозначения богатых барских усадеб, служивших центром владений феодала. Этим термином нередко обозначались богатые родовые поместья крупнейших византийских аристократических фамилий — Дук, Фок, Малеинов, Аргиров, расположенные в малоазийских фемах империи⁵⁰.

Условная поземельная собственность в Византии хотя и существовала, однако не получила такого распространения, как на Западе. Важная социальная роль, которую играла полная безусловная собственность на землю, в какой-то мере унаследованная от Поздней Римской империи, отличала Византию и от Запада и от Востока. На Западе доминировала иерархическая структура собственности. На Востоке большое значение имела государственная собственность на землю при отсутствии или слабости частной собственности и при наличии специфических форм условного землевладения. Византию же отличает от других стран средневекового мира развитый институт частной собственности на землю⁵¹.

Однако в Византии, так же как и на Западе, возникают условные формы земельной собственности, но они имеют свои специфические черты.

Иерархическая структура земельной собственности, нашедшая столь законченное воплощение в феодальном землевладении Западной Европы, в Византии складывалась медленными темпами. Коренные изменения произошли лишь в XII в., когда, наряду с другими видами собственности, довольно широкое распространение получают такие формы условного землевладения, как прония, близкая к западноевропейскому бенефицию, и гоникон — пожалование земли в наследственное владение при условии несения феодалом определенной службы в пользу государства. Прония, как и бенефиций, была связана с пожалованием права на временное владение землей, на взимание налога и эксплуатацию крестьян. Обычно прония давалась на срок жизни императора, жаловавшего пронию, или на срок жизни прониара. Прония была собственностью и *de jure* и *de facto*. Пожалование вещных прав на землю всегда было существенным компонентом пронии, отличавшим ее от таких восточных институтов, как икта, тимар, джагир, которые юридически являлись пожалованием налога и только в дальнейшем фактически превращались в земельную собственность⁵².

⁴⁸ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 59—60.!

⁴⁹ А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в., стр. 101; М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов, стр. 61.

⁵⁰ А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в., стр. 102, 103; *его же*. Деревня и город в Византии, стр. 69—71.

⁵¹ З. В. Удальцова. Своеобразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории. — В кн.: «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 303—307.

⁵² На этом особенно настаивает Г. А. Острогорский: *G. Ostrogorskiij. Le système de la pronoià à Byzance et en Serbie médiévale.* — «Actes du VIe Congrès International d'études Byzantines», t. I. Paris, 1950, p. 182—186; *его же*. Прония. Прилог историји феудализма у Византији и јужнословенским земљама. стр. 37; *idem*. Die Pronoià

В Византии, однако, процесс субинфеодации имел значительно меньшее развитие, чем на Западе. В этом аспекте аграрный строй Византии имеет больше сходства с аграрными отношениями стран Востока.

Можно наметить существенные различия между странами Западной Европы и Византией в характере власти феодалов и их иммунитетных прав. На Западе, как известно, четко прослеживается связь крупной земельной собственности с теми или иными формами политической власти, основанной на частно-правовых отношениях (вотчинные суды, иммунитеты, тюрьмы, полицейские силы).

В Византии такой важный институт феодального общества, как иммунитет феодалов, принял своеобразную форму так называемой экскуссии. Его основные отличия обуславливались спецификой форм землевладения в империи и тем, что он создавался в условиях централизованного государства. В системе иммунитетных привилегий в Византии доминирующую роль играли податные привилегии, а не судебные и административные, как на Западе. Податный иммунитет был генетически связан с разветвленной системой налогов в империи. Незрелость административного иммунитета проявлялась в регулярном допуске государственных чиновников на территорию иммунитета для составления поземельных описей. Это препятствовало формированию частного фискально-административного аппарата поместья и задерживало развитие частных форм внеэкономического принуждения⁵³.

Вассально-ленная система оставалась в Византии сравнительно неразвитой: феодальные дружины выступали здесь чаще как свита, а не как вассалы, связанные со своим сеньором поземельными и личными отношениями. В отличие от стран Западной Европы византийские дружины-этерии не были постоянно действующим и узаконенным институтом феодального общества. Этерии хотя и обладали политическим и военным потенциалом и играли важную роль при смене императоров на престоле и в борьбе различных феодальных клик, но в Византии на основе этерий все же не сложилось особого служилого сословия, подобного западноевропейскому рыцарству⁵⁴. Многоступенчатая феодальная иерархическая лестница в Византии так и не создалась, что было закономерно при наличии в империи сильной центральной власти и развитой бюрократии. В этом аспекте аграрный строй Византии имеет некоторое сходство с аграрными отношениями стран Востока. Однако по мере развития феодализма все же происходит укрепление частной вотчины, что сближает Византию с Западной Европой и отдаляет ее от Востока.

---

unter den Komnenen. — ЗРВИ, 12, 1970, S. 41—54. Г. А. Острогорский в выступлении на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г. отстаивал свою точку зрения о том, что прония с момента ее возникновения являлась земельным пожалованием; ср. *З. В. Удальцова*. Генезис и типология феодализма, стр. 24; *К. В. Хвостова*. О некоторых особенностях византийской пронии. — ВВ, XXV, 1964, стр. 214 сл. Однако в византиноведческой науке существует и иная трактовка института пронии. По мнению некоторых ученых, при значительном распространении централизованной ренты в Византии прония первоначально была связана не столько с передачей феодалу земельного владения, сколько с предоставлением ему права сбора в его пользу определенной квоты налогов; см. *А. П. Каждан*. Формы условной собственности в Византии. X—XII вв. Доклад на 25-м Международном конгрессе востоковедов. М., 1960; *H. Glykatzis-Ahrweiler*. La concession des droits incorporels, p. 103—114.

⁵³ *Г. А. Острогорский*. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 95 сл.; *Г. Г. Литаврин*. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 231 сл.; *А. П. Каждан*. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XIII вв. — ВО, 1961, стр. 186—216; *М. М. Фрейденберг*. Экскуссия в Византии XI—XII в. — «УЗ. Великолукского пед. ин-та», 3, 1958, стр. 354, сл.; *З. В. Удальцова*. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 184—188.

⁵⁴ *H.-G. Beck*. Byzantinisches Gefolgschaftswesen. — SBAW, 1965, H. 5; Г. А. Острогорский полагает, однако, что феодальная иерархия в Византии достигла значительно большей степени развития, чем было принято считать до сих пор; см. *G. Ostrogorsky*. Observations on the Aristocracy in Byzantium. — DOP, 25, 1971, p. 14—17.

Процесс складывания класса феодально-зависимого крестьянства происходил в империи, подчиняясь тем же основным закономерностям, что и на Западе. Однако, в силу своеобразия генезиса феодализма и исторических судеб византийского государства, класс зависимого крестьянства периода развитого феодализма имел в Византии некоторые особые черты, отличавшие его от класса непосредственных производителей в Западной Европе.

В отличие от стран Запада, где сравнительно рано кристаллизовался как преобладающий единый класс мелких крестьян-держателей, находившихся в различной степени поземельной, личной и судебной зависимости от феодала, в Византии формирование феодально-зависимого крестьянства как монолитного единого класса несколько затянулось. Здесь и в период развитого феодализма сохранялись многочисленные градации в уровне зависимости крестьян. В многоцветном спектре различных категорий византийского крестьянства этого времени можно отметить прослойки зависимых людей, унаследованные от прошлого, и генетически восходящих то к рабам (дулевиты и дулопарики), то к государственным парикам, то к свободным крестьянам-общинникам. Рабство сохранялось в Византии еще в XIII—XV вв. Рабов в этот период использовали в качестве домашней прислуги, на полевых работах, в ремесленном производстве, в мореплавании, где они выполняли тяжелую работу гребцов. Хотя церковь запрещала использование рабов, тем не менее их труд применялся в монастырях, странноприимных домах и богоугодных заведениях. Численность рабов в империи в различные периоды менялась, однако она по-прежнему оставалась довольно значительной. Тем не менее рабство в период развитого феодализма в Византии, как и в Западной Европе, все больше теряло свое значение в сельскохозяйственном производстве, а статус рабов сближался с положением низших слоев крестьянства⁵⁵.

В научной литературе ведутся постоянные споры о статусе свободных крестьян-общинников в Византии. Одни исследователи полагают, что основная масса крестьян-общинников в период развитого феодализма находилась уже в зависимости от государства и представляла собой многочисленную категорию государственных крестьян. К государственным крестьянам эти исследователи причисляют не только париков, живущих в доменах императора и на землях фиска, но и сельское население свободных общин. Государственные парики, согласно этой концепции, платили государству взносы, в которых были неразрывно слиты феодальная рента и государственные налоги⁵⁶.

Согласно другой точки зрения, крестьяне-общинники оставались лично свободными и были лишь подданными государства. Уплачиваемые ими взносы являлись государственным налогом, но не феодальной рентой. К государственным парикам сторонники этой теории относят лишь сельское население, жившее на землях короны и фиска⁵⁷.

Не претендуя на решение этого спорного вопроса, мы, однако, можем констатировать, что по мере распада общины и укрепления феодального способа производства в поздней Византии все более четкой становится поляризация двух категорий париков — государственных и частновладельческих. В эту эпоху государственные парики сидели на землях, принадлежавших императору и казне, и платили государственные налоги, а также выполняли парические отработочные повинности.

⁵⁵ Н. Кópstein. Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966, S.103—118; eadem. Zur Sklaverei in Byzantinischer Zeit. — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», 15, 1967, S. 359—368.

⁵⁶ G. Ostrogorsky. Quelques problèmes, p. 11 sq.; А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. — ВВ, X, 1956, стр. 60; его же. Деревня и город в Византии, стр. 419; К. А. Осипова. Аллиленгий в Византии в X в. — ВВ, XVII, 1960, стр. 31—35.

⁵⁷ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины. — ВВ, VIII, 1956, стр. 44; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 40—58.

Таким образом, типологической особенностью византийского крестьянства и в период развитого феодализма по-прежнему остается наличие особой прослойки государственных париков. Это явление, как известно, почти совершенно не было свойственно странам Западной Европы.

Частновладельческие парики также платили государственные налоги, но эти налоги в результате пожалований иммунитета в большинстве случаев передавались земельному собственнику. Наряду с этим парики, жившие в поместьях феодалов, выполняли повинности частнопрового характера. В поздний период в Византии частновладельческие парики по большей части были прикреплены к земле. Таким образом, положение государственных и частновладельческих париков не было идентичным. При этом необходимо отметить, что в последние столетия существования Византии число государственных париков неуклонно сокращалось.

Вместе с тем можно выделить особую и весьма многочисленную категорию сельского населения Византии — крестьян-присельников, превратившихся постепенно в феодально-зависимых париков. Это объясняется тем, что значительное распространение в Византии приобрел тот путь возникновения феодальной зависимости, при котором подчинению крестьян предшествовало их обезземеление и отрыв от общины, в результате чего крестьяне, лишившись общинных прав, покидали родные деревни. В поисках средств к существованию эти крестьяне обычно в качестве присельников оседали в поместьях византийских динатов, где превращались в зависимых париков.

И хотя с XII в. в византийском крестьянстве преобладающей стала категория частновладельческих крестьян-париков, но тенденция к нивелировке в положении крестьян полностью возобладала лишь в период поздневизантийского феодализма, когда зависимое крестьянство становится сравнительно однородным. Так, например, к этому времени почти исчезают дулевты и дулопарики — категории крестьян, сохранявшие родимые пятна рабства⁵⁸.

В Западной Европе, как известно, почти повсеместно преобладал частновладельческий, негосударственный тип эксплуатации крестьян в виде получения от них феодальной ренты (разных форм) с помощью частновладельческих же средств принуждения.

В отличие от Запада, наряду с частнопрововой рентой в Византии сохранялась публичноправовая рента. Государственные парики в Византии платили казне регулярные взносы, в которых были неразрывно слиты феодальная рента и государственный налог. Живущие же на землях феодалов феодально-зависимые крестьяне наряду с феодальной рентой, уплачиваемой собственнику земли, были обязаны платить налог государству.

Феодальная рента и государственный налог были по существу разграничены и существовали в обособленном виде, хотя внешне это было трудно различимо, поскольку право сбора налогов было передано феодалам.

Рента разных типов взималась с крестьян не только с помощью частновладельческих средств внеэкономического принуждения, но длительное время — с помощью государственной налоговой системы. Динамика развития шла в сторону увеличения удельного веса частнопрового феодальной ренты, особенно в поздний период. Сохранение ренты публичноправового характера, несмотря на постепенное ее сокращение, — одно из проявлений незавершенности процесса феодализации в Византии. Наличие в Византии ренты публичноправового характера отличало ее от феодальной Запада, где доминировала частнопровая рента, и в известной мере сближало со странами Востока. Распространение в Византии

⁵⁸ P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and later. — BS, XII, 1951; *idem*. Economic Factors in the Decline of the Byzantine Empire. — «The Journal of Economic History», 13, 1953.

этого типа ренты объяснялось существованием в империи сильной государственной власти и разветвленной налоговой системы. Византийские налоговые описи — практики составлялись государственными чиновниками, в то время как на Западе это было делом самих землевладельцев-феодалов⁵⁹.

В своих вотчинах византийские феодалы находились под известным контролем государственной власти, который выражался в том, что государство требовало с имений феодалов определенной нормы налогов. Для получения этой нормы податей государство могло воспрепятствовать феодалу освобождать от налогов крестьян в частных имениях. Центральная власть регулировала с этой же целью размеры взимаемой сеньором ренты с зависимых крестьян. Со временем этот контроль государства стал постепенно ослабевать.

По мере развития феодализма в Византии значительно возрастает доля феодальной ренты, уплачиваемой крестьянами непосредственно своему сеньору, и сокращаются размеры централизованной ренты в пользу государства. Это все больше сближает Византию с Западной Европой и отдаляет ее от Востока, где прочно сохраняются централизованные формы эксплуатации.

Начало кризиса феодализма, хронологически совпавшее с последним периодом исторической жизни Византии, было ознаменовано повышением товарности вотчинного хозяйства феодалов, возрастанием удельного веса денежной ренты и появлением в деревне такой новой фигуры, как арендатор-предприниматель, снимавший в долгосрочную аренду землю феодального собственника и возделывавший ее с помощью субарендаторов. В сфере аграрных отношений Византия вплотную подошла к вызреванию раннекапиталистических форм хозяйства.

Судьбы византийского города и его место в феодальном обществе

Средневековое общество было единым, живым и развивающимся общественным организмом, и городу принадлежало в нем свое особое и притом важное место. Поэтому при выяснении типологических особенностей феодализма в том или ином регионе необходимо обратить внимание так же и на отличительные черты развития городов и товарно-денежных отношений в различные периоды истории средневековья. Как известно, в Западной Европе города и городская экономика стали играть выдающуюся роль в общественной жизни, главным образом, начиная с периода классического средневековья, в эпоху второго великого разделения труда — отделения города от деревни.

По иному складывались судьбы византийского города. Навысшего расцвета города в Византии достигли не в конце, а в начале ее истории. Кривая социально-экономической трансформации городов шла от состояния расцвета на заре византийской истории, через временное затухание их экономической активности в период генезиса феодализма, к новому подъему в XI—XII в., сменившемуся окончательным упадком в последние два века существования империи.

В ранний период Византия⁶⁰ изобиловала крупными городскими центрами. В это время она обгоняла Запад по уровню развития ремесла и торговли. Природные условия Византийской империи весьма благоприятствовали процветанию городской экономики. Значительные запасы полезных ископаемых в империи, особенно железа, золота, меди, мрамора

⁵⁹ К. В. Хвостов. Социологические модели, западные и восточные типы общественных отношений. — В кн.: «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966, стр. 202—212.

⁶⁰ Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971; *его же*. Разложение

стимулировали развитие горных промыслов, рост производства оружия, орудий труда для ремесла и сельского хозяйства, стекла, ювелирных изделий и других предметов роскоши, ускоряли расцвет строительного дела. По запасам полезных ископаемых Византия была много богаче соседних стран. Изрезанность береговой линии, обилие удобных гаваней, господство над проливами, соединяющими Средиземное и Черное моря, способствовали развитию мореплавания и морской торговли. Все раннее средневековье Византия оставалась великой морской державой⁶¹. Ее жизненные интересы во многом были связаны с транзитной морской торговлей, а в защите от внешних врагов первостепенную роль играл военный флот. Боевые галеры византийцев, благодаря техническим усовершенствованиям, особенно изобретению греческого огня и косога паруса, значительно превосходили военные суда многих других средневековых государств⁶².

В византиноведческой литературе сравнительно долгое время оживленно дебатировался вопрос о том, имел ли место в Византии континуитет античного и средневекового города или между ними существовала цезура. Иными словами, спор шел о том, был ли византийский город прямым наследником и продолжателем традиций позднеантичного города, или новым феодальным общественным организмом⁶³. В решении этого спорного вопроса, на наш взгляд, надо идти средним путем и воздерживаться от крайностей: не следует как преувеличивать степень упадка византийских городов в VII—VIII вв., так и отрицать этот упадок. В Византии в эти столетия бесспорно сохранялись крупные городские центры, унаследованные от античной эпохи, но также росли и новые средневековые города. Они возникали или на месте разрушенных и захиревших античных городов, или на вновь освоенных территориях. Постепенно менялся и внешний облик византийского города. При сохранении в основном его стройной планировки, с прямыми улицами, богатыми общественными зданиями, домами античного типа, появляются средневековые укрепленные жилища, а административной единицей города становится приход, группирующийся вокруг церкви⁶⁴.

Думается, что ныне доказано, что византийский город времени «Книги Эпарха» был во многом уже новым феодальным городом, хотя и сохранял античные традиции.

античной городской собственности в Византии IV—VII вв. — ВВ, 35, 1973, стр. 19—32; *C. Dietrich*. Die byzantinische Stadt im VI. Jahrhundert. München, 1969; *H. W. Haussig*. Die byzantinische Stadt. — «Südosteuropa-Jahrbuch», 8. Bd., 1968, S. 35—42.

⁶¹ *O. Maull*. Der Einfluss geographischer Factoren auf die Geschichte der byzantinischen Reiches. — «Südost-Forschungen», XXI, 1962, S. 1—21. А. П. Каждан считает, что Византия оставалась морской державой лишь в ранний период. (ВВ, XXVI, 1965, стр. 282—283).

⁶² *H. Ahrweiler*. Byzance et la Mer. Paris, 1966, p. 87; ср. *H. Antoniadis-Bibicou*. Etudes d'histoire maritime de Byzance. A propos du «thème de Caraviens». Paris, 1966.

⁶³ Теория непрерывной эволюции городов развивается в работах: *G. Ostrogorsky*. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. — DOP, 13, 1959, p. 47—66; *V. Velkov*. Das Schicksal der antiken Städte den Ostbalkanländer (Vortrag). — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin», 1963, № 7/8, S. 839—843; ср. *F. Dölger*. Πρωτοπόρα. Ettal, 1961, S. 63; *М. Я. Сюсюмов*. Византийский город (середина VII — середина IX вв.). — ВВ, XXVII, 1967, стр. 38—70. С концепцией об упадке городов, выразившемся в ухудшении техники ремесленного производства и сокращении денежного обращения, выступил А. П. Каждан; см.: *А. П. Каждан*. Византийские города в VII—XI вв. — СА, XXI, 1954; *его же*. Деревня и город в Византии, стр. 260—273. Сторонниками этой концепции являются также Е. Кирстен, Д. Закитинос, П. Харанис и др.; см. *E. Kirsten*. Die byzantinische Stadt. — «Berichte zum XI. Internat. Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 19—48; *D. Zakynthinos*. Le despotat grec de Morée, vol. II, p. 169 sq.; *P. Charanis*. The Significance of Coins as Evidence for the History of Athens and Corinth in the VIIth—VIIIth Centuries. — «History», 4, 1955, p. 169; *Ph. Grierson*. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 498—c. 1090. — «Settimane di Studio del Centro Italiano di studi sul' alto medioevo». Spoleto, 1961, p. 446. Дискуссия по проблемам истории города освещена в кн. *З. В. Удальцова*. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 200—215.

⁶⁴ *A. Kriesis*. Greek Town Building. Athens, 1965.

Дезурбанизация, происшедшая в империи в VII — начале IX в., ощущалась в Византии не только слабее, чем на Западе ⁶⁵: византийские города, пережив известный упадок, раньше чем города Западной Европы вновь вступили в полосу экономического процветания.

Подъем византийских городов, начавшийся в IX в., достиг апогея в XI—XII вв., причем охватил не только столицу, но и некоторые провинциальные городские центры. Византийское мореходство и торговля, несмотря на конкуренцию арабов и норманов, все еще продолжали играть главенствующую роль в бассейне Средиземного моря. Вплоть до XII в. экономическое превосходство Византии над другими европейскими странами было бесспорным.

Причины своеобразного исторического пути византийского города таились в общественных отношениях, длительное время существовавших в Византии. То наследие, которое Византия получила от Поздней Римской империи и которое не было полностью разрушено в бурях VII в., как это ни парадоксально, сперва было мощным стимулом расцвета городов и помогало в раннее средневековье сохранению их экономического превосходства над городами Западной Европы.

Так, например, унаследованные от античности и в какой-то мере сбереженные в Византии традиции ремесленного производства, его высокая техника, секреты и навыки мастерства ремесленников в этот период давали византийскому городу весьма немаловажные преимущества по сравнению с городами других стран Европы. Государственная регламентация при наличии сильной централизованной власти до известного времени помогала расцвету городского ремесла и торговли. Поддержка государства обеспечивала торговую монополию цехов, защиту ремесленных корпораций от конкуренции внецехового ремесла, обилие богатых заказов императорской семьи и двора, армии, константинопольской знати, безопасность в городах и на морских и сухопутных путях империи.

Итак, важным типологическим отличием Византии от большинства стран Западной Европы было сохранение в более значительных масштабах, чем на Западе, городов и интенсивной городской жизни еще в эпоху генезиса феодализма ⁶⁶. Эта типологическая особенность имела место в Византии некоторое время и в период господства развитого феодального строя.

Коренной перелом в поступательном экономическом развитии Византии произошел в XII в. В XIII—XIV вв. экономическое превосходство переходит, и притом окончательно, к государствам Западной Европы. Решающую роль в этом сыграли различия в судьбах византийских и западноевропейских городов. Именно с XII в. пути экономического развития городов Византии и Западной Европы, в частности Италии, окончательно разошлись. В Западной Европе рост городских центров привел к кардинальным сдвигам во всей экономической жизни феодального общества, а позднее — к зарождению в наиболее передовых странах того времени — в Италии и Нидерландах — раннекапиталистических отношений ⁶⁷. В Византии же расцвет городов оказался недолговечным и не повлек за собой коренной ломки феодальной экономики страны ⁶⁸. Более того, поздневизантийский период (XIII—XV вв.) отмечен постепенным угасанием экономической деятельности городов и упадком их торговых связей ⁶⁹.

⁶⁵ W. G. East. *The Destruction of Cities in the Mediterranean Lands*. Oxford, 1971.

⁶⁶ З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма в Византии, стр. 23—25.

⁶⁷ Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи. — ВВ, 30, 1969, стр. 3—37.

⁶⁸ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса феодализма в Византии. — ВВ, XVII, 1960, стр. 5, 14—16; *его же*. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — ВО, 1961, стр. 54 сл.

⁶⁹ В советском византиноведении велись споры о характере экономики поздневизантийского города; см. З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр.

В чем же были причины упадка городов, ремесла и торговли в поздней Византии?

Они крылись в замедленности социально-экономического развития Византии, застое производства, господстве феодалов над городом, подавлении экономики империи иностранным купечеством, чрезвычайно тяжелой для византийского государства внешнеполитической ситуации (борьба против турок и разрыв с Западом).

Если в раннее средневековье такие факторы, как воздействие античного наследия и покровительство государства, способствовали сохранению экономической жизнеспособности городов, то в новых хозяйственных условиях они превратились из стимула в тормоз прогрессивного экономического развития городских центров. Устойчивость античных традиций в структуре и организации ремесленного производства мешала введению технических новшеств, а главное — переходу к новой, мануфактурной стадии развития.

Точно также и государственная опека над ремеслом и торговлей из поддержки превратилась в преграду качественного прогресса византийского ремесленного производства. Государственная помощь покупалась дорогой ценой потери торгово-ремесленными корпорациями самостоятельности и инициативы. Византийские корпорации с течением времени стали все острее ощущать сковывающее воздействие докучливой государственной регламентации. Возвращенное в условиях исключительной привилегированности, византийское ремесло, потеряв в поздней Византии поддержку государства, не обнаружило достаточной внутренней жизнеспособности, чтобы устоять и перейти на более высокую, мануфактурную стадию развития ⁷⁰.

В то время как на Западе разложение цехового строя было связано с переходом к более высокой ступени организации производства, в Византии корпоративное устройство стало разлагаться, когда еще не появилось условий для развития мануфактуры. Византийское ремесло чахло, будучи не в состоянии выдержать конкуренцию итальянцев, в первую очередь венецианцев и генуэзцев, и не только из-за того, что последним в этот период покровительствовало византийское правительство (освобождение от налогов, предоставление факторий и разнообразных привилегий), но главным образом потому, что расцвет мануфактур в Италии обеспечил решающее превосходство итальянского ремесленного производства над византийским.

Вопрос о византийской мануфактуре принадлежит к одному из самых сложных и спорных вопросов в экономической истории Византии.

В последние годы в советском византиноведении по этой проблеме развернулась оживленная полемика. И. П. Медведев категорически отрицает наличие мануфактуры в поздней Византии. Он придерживается мнe-

211—212. Некоторые ученые полагали, что в этот период город переживал полосу упадка, и отрицали наличие каких-либо предкапиталистических элементов в городской экономике; см. *Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1961, стр. 241—303, 379—381; Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи, стр. 14—18; E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 40—41; V. Hrochová. Byzantiska města ve 13—15 století. Praha, 1967.*

Другие исследователи считают, что раннекапиталистические отношения в основном пробивали себе путь в деревне или в сфере купеческого капитала, а порою связывают их появление с ростом иноземного влияния; см. *З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные вопросы социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1958, 10, стр. 93—96; М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии, стр. 58—62.*

⁷⁰ *З. В. Удальцова. Своеобразие общественного развития Византийской империи, стр. 309—311. О корпорациях в Поздней Византии см.: P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and later. — BS, 12, 1951; E. Francés. La disparition des corporations byzantines. — «Actes du XIIe Congrès International d'études Byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 93—101; S. Vryonis. Byzantine Δημοκρατία and the Guilds in the eleventh century. — DOP, XVII, 1963, p. 287—314.*

ния о типично средневековом характере ремесленного производства в городах той эпохи. Лишь в некоторых центрах, связанных с добывающей промышленностью (горное дело, добыча квасцов), могли возникать материальные предпосылки для появления мануфактур на ранней стадии их развития⁷¹. Аналогичные взгляды высказывала Р. А. Наследова и другие ученые⁷². Иного мнения придерживаются М. Я. Сюзюмов и В. А. Сметанин. Они полагают, что мануфактуры в зачаточном виде появились в Византии в XIII в., что подтверждается, по их мнению, данными труда византийского писателя Феодора Скутариота. В частности мануфактурные методы организации труда применялись в государственных мастерских, особенно в таких, которые изготовляли оружие. Эти исследователи выдвигают гипотезу о зарождении рассеянной мануфактуры в Поздней Византии на базе итальянской торговли.

Венецианские источники, в частности знаменитая «Книга счетов» венецианского купца Джакомо Бадозера, составленная во время его пребывания в Константинополе с торговыми целями в 1436—1440 гг., позволяют, как кажется, говорить о том, что венецианские торговцы нередко выступали в роли посредников закупки сырья и затем передавали это сырье (в частности, лен) местным ремесленникам. М. Я. Сюзюмов и В. А. Сметанин усматривают в таком венецианском купце торговца-скупщика, который снабжает сырьем экономически зависимых от него наемных работников⁷³.

Думается, что дальнейшее изучение всей совокупности данных о ремесленном производстве Поздней Византии может пролить дополнительный свет на проблему мануфактуры в Византии. Пока же вопрос остается нерешенным. Ясно лишь одно, что мануфактурное производство в Византии, если оно и существовало, то только в зачаточном виде и ни в какой мере не могло конкурировать с мануфактурным производством Западной Европы, в частности Италии. В последний период своего существования Византия теряла гегемонию не только в ремесленном производстве, но и былую монополию в посреднической торговле между Востоком и Западом, переходившую в руки венецианских и генуэзских купцов. Разгадку резкого сокращения масштабов и изменения характера торговли в Поздней Византии надо также, на наш взгляд, искать в двух взаимосвязанных явлениях — в отставании ремесленного производства и в господстве феодалов в поздневизантийском городе.

Правда, быть может, не следует слишком преувеличивать масштабы упадка византийской торговли в последние столетия существования империи. Однако изменения характера этой торговли ощущаются совершенно явственно. Симптоматично, что итальянские купцы преобладали в международной торговле. В их руки все больше переходила роль посредников в торговых отношениях между Востоком и Западом. Греки же теснее были связаны с розничной торговлей, ограниченной Константинополем и его окрестностями. С внешним миром они сносились, как правило, через иностранных, преимущественно итальянских, купцов⁷⁴. Своеобразие

⁷¹ И. П. Медведев. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн.: «В. И. Ленин и проблемы истории». Л., 1970, стр. 391—408.

⁷² Р. А. Наследова. Города, ремесло и торговля в Поздней Византии (XIII—XV вв.). — В кн.: «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 109—122.

⁷³ В. А. Сметанин. О некоторых аспектах социально-экономической структуры поздневизантийского города. — АДСВ, 8, 1972, стр. 108—119; Э. Вернер. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуни в 1342—1349 гг. — ВВ, XVII, 1960, стр. 164—165.

⁷⁴ М. М. Шитиков. Константинополь и венецианская торговля, стр. 48—62; *его же*. Венецианское купечество в первой половине XV в. в его торговых сношениях с Византией. — УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, № 237. История средних веков. М., 1965, стр. 85—137; *его же*. Из истории венецианско-византийских торговых связей в первой половине XV в. — Автореф. канд. дисс. М., 1965; T. Bertelé. Il Giro d'affari di Giacomo Badoer: precisazioni e deduzioni. — Akten des XI. Internat. Byzant-

исторических судеб византийских городов нашло воплощение еще и в таком историческом явлении, как неравномерность социально-экономического развития отдельных городских центров империи. Наиболее ярко это проявилось в наличии резкого контраста в уровне развития столицы и провинциальных городов.

Византия была страной, где полностью доминировал один ведущий могущественный и богатейший городской центр — столица государства — Константинополь ⁷⁵.

Огромный, хорошо укрепленный город, с многочисленным населением ⁷⁶, украшенный великолепными дворцами и храмами, крупнейший морской порт Средиземноморья, посещаемый купцами из отдаленных стран мира, Константинополь никогда не терял своего экономического могущества. Город изнеженной праздности и неумолимого труда, средоточие неограниченной власти и арена социальных битв, резиденция императоров, вельмож, бюрократии и пристанище пестрой городской толпы, центр православия и очаг античной культуры, Константинополь являл собой пример поразительных социальных контрастов. По своему политическому и экономическому значению, по своей роли в истории византийской культуры Константинополь мог сравниться лишь с императорским Римом времен его расцвета.

Такое гипертрофированное развитие столицы империи, связанное с сохранением централизованного государства, имело свои положительные и отрицательные последствия для экономической жизни империи. С одной стороны, оно стимулировало развитие ремесла и торговли как в самом Константинополе и его пригородах, так и в других городах империи. Но с другой стороны, оно в какой-то степени подавляло внутренний экономический рост провинциальных городских центров византийской державы. Между Константинополем и другими городами никогда не утихала острая конкуренция и постоянное соперничество в экономической сфере. В этой борьбе можно наметить периоды подъема и временного спада экономической активности Константинополя. В первые столетия исторической жизни Византии Константинополь разрастался и укреплял свое могущество, как столица византийского государства. Но в это время он знал опасных соперников в лице прославленных городов Востока — Александрии, Антиохии, Бейрута и многих других. С потерей восточных провинций и по мере ослабления провинциальных городских центров Константинополь окончательно занял главенствующее положение среди всех городов империи как в сфере экономики, так политики и культуры.

Начавшийся в XII в. процесс перемещения экономической активности из столицы в провинциальные города империи хотя временно и ослабил столицу, но так и не получил своего завершения в поздней Византии. Константинополь и в этот период был главным средоточием экономической и политической жизни страны, хотя наряду с ним все большее и большее значение приобретают и другие городские центры ⁷⁷.

tinisten-Kongress». München, 1960, S. 56; K.-P. Matschke. Zum Charakter des byzantinischen Schwarzmeerhandels im 13. bis 15. Jahrhundert. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx-Universität», Leipzig. Gesellsch. und Sprachwiss. Reihe. 19, 1970, H. 3, S. 447—458.

⁷⁵ R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1964, H.-G. Beck. Konstantinopel. Zur sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt. — BZ, 58, 1965, S. 11—45.

⁷⁶ О численности населения Константинополя см.: D. Jacoby. La population de Constantinople à l'époque byzantine. — Byz., XXXI, 1961, J. L. Teall. The Grain Supply of the Byzantine Empire. — DOP, 13, 1959, p. 330—335; A. M. Schneider. Die Bevölkerung Konstantinopels im XV. Jahrhundert. Göttingen, 1949.

⁷⁷ И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973; его же. Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона. — ВВ, 34, 1973, стр. 88—96; С. П. Карпов. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв. — ВВ, 35, 1973, стр. 154—164; его же. Сочинения Никиты Хониата как источник по истории Трапезундской империи. — В кн.: «Сборник научных работ аспирантов Исторического факультета. Проблемы всеобщей истории» (3). М., 1971, стр. 133—156.

В XIV — половине XV вв. Константинополь все еще оставался не только крупным центром потребления, но и пунктом оживленной транзитной торговли, хотя роль его как мирового рынка, «золотого моста» между Востоком и Западом заметно упала. Этому способствовало и постоянное соперничество между Константинополем и провинциальными городами империи (Фессалоника, Мистра, Моневасия, Патры, Коринф, венецианские Корон и Модон и др.). Некоторые города, такие как Фессалоника и Трапезунд, значительно выиграли от спада экономической активности Константинополя и начали прибирать к рукам транзитную торговлю, шедшую раньше через столицу.

Таким образом Константинополь в XIV—XV вв., сохраняя в известной мере свое торговое значение, утратил функции мирового центра ремесленного производства на экспорт. Итальянское купечество, захватившее ведущие позиции в международной торговле в Константинополе, подчинило своим потребностям и развитие местного ремесла. Для истории византийских городов характерна еще одна весьма важная особенность: это наличие значительного контраста в экономической жизни не только столицы и провинциальных центров, но и городов, расположенных в приморской полосе и во внутренних областях империи. Прибрежные города, связанные с морской торговлей, как правило, развивались много интенсивнее городов центральных районов Балкан и Малой Азии, где они зачастую выполняли прежде всего роль военных укреплений, административных и религиозных центров, а лишь во вторую очередь — центров ремесла и торговли⁷⁸.

Упадок торговли в поздней Византии является непосредственным результатом негативных явлений в сфере производства, что лишний раз подчеркивает подчиненную по сравнению с производством роль торговли.

Итак, завершая рассмотрение отличительных особенностей византийского города в период развитого феодализма, мы можем прийти к заключению, что общим и главным типологическим отличием империи в сравнении с Западной Европой было затухание экономической активности городов в Поздней Византии и слабое по сравнению со странами Западной Европы развитие в них элементов предкапиталистических отношений. Из других указанных нами особенностей неограниченное господство Константинополя над всеми другими городами империи можно, как кажется, признать типологическим отличием Византии, ибо оно не встречается аналогий в странах Запада. Различие же в уровне развития прибрежных и внутренних городов не является спецификой экономической жизни одной Византии, а сближает Византийскую империю со странами Южной и Юго-Восточной Европы.

Социальная структура византийского общества

В социальной структуре византийского общества также наблюдались существенные типологические отличия от стран Западной Европы и Востока⁷⁹.

На Западе в эпоху классического Средневековья специфической чертой социальной стратиграфии являлся сословно-корпоративный характер общества с большей или меньшей выраженностью сословных градаций. В жизни средневековой Европы все большее значение приобретали сословные привилегии, сословия превращались в замкнутые социальные ячейки общества, в городах широкое распространение получили цеховые корпоративные организации. Во многих же странах средневекового Востока

⁷⁸ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов, стр. 60.

⁷⁹ G. Ostrogorsky. Observations on the Aristocracy in Byzantium. — DOP, 25, 1971, p. 3—32; H. Ahrweiler. Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. London, 1971; А. П. Каждан. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI—XII вв. Предварительные выводы. — ВЗ, 66, 1973.

господствовала система неограниченной деспотической власти, основанная на всеобщем бесправии сословий и развитой бюрократии.

В Византии на состав и характер господствующего класса оказали решающее влияние три основные типологические особенности социально-экономического и политического развития византийского общества. Важнейшей из них было наличие сильной государственной власти, императора и императорского двора и гипертрофированная роль столицы в экономике и политике страны. Это предопределило чрезвычайно большое место, которое занимала константинопольская знать и высшее чиновничество в структуре господствующего класса империи ⁸⁰.

Вторая типологическая особенность византийского феодализма, выдающаяся роль в жизни империи городов и товарно-денежных отношений, привела к тому, что торгово-ремесленная верхушка византийских городов, в первую очередь Константинополя, также стала важной составной частью господствующего класса.

Византийское правительство нередко опиралось на константинопольскую чиновную аристократию, которая сама постоянно нуждалась в поддержке императора и двора. Доходы от централизованной ренты, высокое жалование, щедрые раздачи и подарки императоров, прибыли от торгово-ремесленной деятельности, обеспечивали экономическое и политическое могущество, известную сословную сплоченность и привилегии столичной знати. Богатая торгово-ремесленная верхушка городов — купцы, владельцы ремесленных мастерских, навклеры — владельцы торговых кораблей — обычно тяготела к константинопольской знати и находилась в орбите ее политического влияния. Столичная чиновная знать в Византии однако не превратилась в замкнутое сословие и представители богатых торгово-ремесленных кругов зачастую пополняли ее ряды ⁸¹.

Третья типологическая особенность византийского феодализма, незавершенность развития вотчинно-сеньориального строя, обусловила относительную слабость византийской провинциальной землевладельческой знати по сравнению с независимыми феодальными магнатами средневекового Запада. В отличие от самовластных феодальных владетелей Европы, византийским динамам так и не удалось расчленить империю на обособленные феодальные мирры ⁸².

Все сказанное отнюдь не исключает постоянной борьбы центробежных и центростремительных тенденций в византийском государстве, усилившейся по мере его феодализации. Недаром вертикальная мобильность византийского общества с особой силой проявлялась в период генезиса феодализма. С конца же XI—XII вв. происходит явная аристократизация господствующего класса, появляются знатные семьи и наследственная аристократия. В этот период ослабевает вертикальная мобильность

⁸⁰ В византиноведческой литературе последних лет много сделано для изучения структуры государственного аппарата и выяснения функций высших чиновников; см. *L. Stiernon. Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Sebaste et Gambros.* — REB, 23, 1965, p. 67—79; *R. Guillard. La noblesse byzantine. Remarques.* — REB, 24, 1966, p. 40—57; *idem. Recherches sur les institutions byzantines, vol. I.* Berlin-Amsterdam, 1967; *idem. Etudes sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le mystique.* — REB, 26, 1968, p. 279—296; *idem. Contribution à la prosopographie de l'empire byzantin. Les patrices byzantins du regne de Constantin IV (668—685) à Théodose III (716—717).* — «Ελληνικά», 23, 1970, p. 287—298; *idem. Contribution à la prosopographie de l'empire byzantin. Les Patrices sous les regnes de Basil I (867—886) et de Léon VI (886—918).* — BZ, 63, 1970, p. 300—317; *idem. Les Logothètes.* — REB, 29, 1971, p. 5—116; *idem. Contribution à la prosopographie de l'empire byzantin. Les Patrices sous le regne de Constantin IX Monomaque (1042—1054).* — ЗРВИ, XIII, 1971, p. 1—25.

⁸¹ *H.-G. Beck. Konstantinopel; idem. Senat und Volk von Konstantinopel.* München, 1966; cp. *A. Castagnol. La prosopographie, méthode de recherche sur l'histoire du Bas-Empire.* — «Annales», 25, 1970, p. 1229—1235.

⁸² *C. P. Kyrris. The social status of the Archontes of Phanari in Thessaly.* — «Ελληνικά», 18, 1964, p. 73—78; *D. J. Polemis. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography* «University of London. Historical Studies», XXII. London, 1968.

общества, утверждается принцип родовитости. Перелом в этом отношении начинается с Комнинов⁸³, но аристократизация общества продолжается и при Палеологах⁸⁴.

В то время как на Западе произошло оформление основных сословий общества — духовенства, дворянства и третьего сословия, в Византии этот процесс хотя и начался, но так и остался незавершенным. Политическая история Византии наполнена постоянными столкновениями константинопольской чиновной знати с местными феодальными землевладельцами. Соперничество этих социальных группировок, их смена у власти — зерно всей борьбы внутри господствующего класса империи, порою, правда, принимавшей форму дворцовых переворотов, бунтов провинциальных феодалов или династических заговоров⁸⁵. Это соперничество оказывало известное влияние и на выступления народных масс, как это было, например, во время восстания зилотов в Фессалонике⁸⁶.

Еще одной характерной особенностью господствующего класса империи является его нестабильность, отсутствие замкнутости византийской элиты⁸⁷. Значительно в меньшей степени, чем на Западе, здесь наблюдается сословная и корпоративная обособленность отдельных социальных группировок господствующего класса. Как известно, в ряды константинопольской знати нередко вливались выходцы из торгово-ремесленной верхушки и средних слоев общества, богатые общинники становились крупными феодальными собственниками, чиновная бюрократия пополнялась людьми низкого происхождения.

Известную роль в формировании византийской элиты играли представители различных слоев интеллигенции⁸⁸.

Однако динамика исторического развития и здесь, как и на Западе, шла в сторону увеличения политического влияния и могущества земельной феодальной аристократии. Вокруг крупных феодалов в поздней Византии группируется своего рода «свита», связанная с ее главой общностью социально-экономических и политических интересов⁸⁹. В даль-

⁸³ А. П. Каждан. Об аристократизации византийского общества в VIII—XII вв. — ЗРВИ, XI, 1968, стр. 47—55; *его же*. Загадка Комнинов (Опыт историографии). — ВВ, XXV, 1964, стр. 53—98; А. Hohlweg. Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen (Miscellanea Byzantina Monacensia), Н. 1). München, 1965.

⁸⁴ Аристократизацию византийского общества особенно при Палеологах признает и американский ученый П. Харанис. Однако он считает, что рост династской собственности являлся результатом законодательной деятельности императоров, а не объективных социально-экономических процессов. Экономическое могущество византийской аристократии основывалось, по мнению этого историка, главным образом на императорских земельных пожалованиях; см. P. Charanis. The Aristocracy of Byzantium. — «Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson». Princeton, 1951, p. 337 sq.; ср. «Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert». Wiesbaden, 1969; A. Bon. La Morée Franque. Paris, 1969; D. Jacoby. Les archontes et la féodalité en Morée Franque. — «Travaux et mémoires», II. Paris, 1967, p. 421—482; *idem*. La féodalité en Grèce médiévale. Les «Assises de Romanie». Paris, 1971.

⁸⁵ З. В. Удальцова. Своеобразие общественного развития Византийской империи, стр. 312.

⁸⁶ G. de Malafosse. Gouvernés et gouvernants dans l'histoire de Byzance. — «Gouvernés et Gouvernants. Recueil de la Société Jean Bodin», 23, 2e partie, 1968, p. 259—270; C. P. Kyrris. Gouvernés et gouvernants à Byzance pendant la révolution des Zélotés (1341—1350). — «Gouvernés et Gouvernants», 2e partie, p. 271—330; K. P. Matschke. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971.

⁸⁷ H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 13 f.; см. также: А. П. Каждан, М. А. Заборов. Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии (конец XI—XII вв.). — ВВ, 32, 1971, стр. 49—50; об особой категории господствующего класса — придворных евнухах см. А. П. Каждан. Состав господствующего класса в Византии XI—XII вв., ч. VI. Евнухи. — АДСВ, 10, 1973, стр. 184—194.

⁸⁸ B. Lourdas. Intellectuals, scholars and bureaucrats in the byzantine society. — «Κληρονομία», 2, 1970, p. 242—273.

⁸⁹ G. Weiss. Ioannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch. — «Gesellschaftsentwicklung von Byzanz», S. 5—8; в этой книге немецкий ученый дела-

нейших исследованиях ученым предстоит выяснить сходство и отличие этих объединений византийских феодалов и вассально-ленной системы Западной Европы.

Организация государственной власти

В отношении организации государственной власти, как известно, средневековая Европа не представляла собой какого-либо единства. Формы государственного устройства, существовавшие в странах Западной Европы, сильно варьировались. Эволюция государственных структур шла от варварских государств через феодальную раздробленность, полную или частичную, к сословнопредставительным монархиям централизованного типа (Англия, Франция, Испания, Скандинавские страны) или к системе территориальных княжеств (Германия) и городов-государств (Италия).

Византия же в течение всей своей тысячелетней истории по политической структуре представляла собой самодержавную монархию⁹⁰. Наибольшего расцвета государственная централизация достигла в ранней Византии⁹¹, что представляло особенно яркий контраст с распавшейся на обособленные варварские королевства Западной Европой. Несколько ослабевшая в период генезиса феодализма централизация византийского государства вновь упрочилась в эпоху классического средневековья. Именно в это время происходит кристаллизация всех форм государственности. Византия в эту эпоху была уже не мировой монархией, а средневековым феодальным государством, но с сильной центральной властью и разветвленным бюрократическим аппаратом⁹². Разумеется, в истории Византии не раз обнаруживались тенденции к политическому разобщению страны. Однако, за исключением последнего этапа своего существования, государство ромеев оставалось централизованным.

В Византии господствовал теократический принцип императорской власти: власть василевса считалась дарованной богом, она не была ограничена никакими условиями, никаким «общественным договором»⁹³. Именно в Византии окончательно сложилось и получило теоретическое осмысление господствующее в средние века учение о монархическом государстве. Христианская церковь в Византии обосновала теорию божественного происхождения императорской власти, дав религиозную санкцию

ет попытку показать характер свиты крупного византийского аристократа и императора Иоанна Кантакузина и описать структуру «дома» этого выдающегося представителя правящей феодальной элиты империи. Ср. *D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakouzenos (1100—1460)*. Washington, 1968.

⁹⁰ *H. A. Скабаланоуич. Византийское государство и церковь в XI в.* СПб., 1884; *D. Zakythinos. Etatismes byzantin et expérience hellénistique.* — *Melange H. Grégoire*, 2, 1950; *idem. Etats-Sociétés-Cultures. En guise d'introduction.* — «Art et société à Byzance sous les Paléologues». Venise, 1971; *A. П. Каждан. О социальной природе византийского самодержавия.* — «Народы Азии и Африки», 1966, № 6, стр. 52—54.

⁹¹ *J. Karayannopoulos. Der frühbyzantinische Kaiser.* — *BZ*, 49, 1956, S. 369—384.

⁹² *H. Glykatzis-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin*, p. 63—70; ср. *D. Zakythinos. Byzance et les peuples de l'Europe du Sud-Est. La synthèse byzantine.* — «Actes du Ier Congrès International des études Balkaniques et Sud-Est européennes», III. Sofia, 1969, p. 12—13. Автор признает полиэтнический характер только «протовизантийской» империи. Позднее в результате симбиоза цивилизаций выковывается «византийская национальность». Д. Закиннос без достаточных оснований включает все государство Юго-Восточной Европы в круг так называемых «национальных византийских цивилизаций».

⁹³ *D. Zakythinos. Byzance et les peuples*, p. 12—13. Автор полагает, что трансформация языческой Римской империи в христианскую Византийскую приводит к изменению политической теории императорской власти. В IV в. «монархическая идея вступает в новый этап своего мирового развития. От концепции императора-бога приходят к концепции императора милостью бога. Автократор отныне будет подражанием (μίμημα) и служителем (ὑπαρχος), через посредство которого бог управляет делами людей». Ср. *J. E. Karayannopoulos. Η πολιτική θεωρία τῶν βυζαντινῶν.* — «Βυζαντινά», 2, 1970, σελ. 36—62.

неограниченной христианской монархии⁹⁴. В теоретическом оформлении учения об автократии важную роль сыграло унаследованное от Поздней Римской империи обожествление личности императора⁹⁵, а также фило-софско-политические концепции абсолютной власти, воспринятые Византией от восточных народов.

В средневековой Византии однако еще долго сохранялись рудименты античных представлений о верховной власти в виде избрания василевса синклитом и войском и фикция его избрания народом⁹⁶. Императорская власть не являлась привилегией того или иного аристократического рода и не передавалась по наследству. Теоретически беспредельная, власть византийского государя нередко оказывалась фактически ограниченной, а самодержавные василевсы на деле были игрушкой борющихся социальных группировок. Со временем власть василевса, скованная торжественным этикетом и рутинной общественных традиций, как в теории так и в жизни все больше отрывалась от общества, все выше поднималась над народом. Реальная же власть василевсов все более сокращалась. Если в ранней Византии император в действительности был неограниченным правителем, то в поздневизантийский период василевсы сохранили лишь тень былого могущества⁹⁷.

Ту же эволюцию претерпела идея Византии как всемирной монархии. По мере ослабления Византийской империи представление о Византии как о главе иерархии государств, находившихся от нее в различной степени вассальной зависимости, трансформировалось из политической реальности в политическую фикцию.

Итак, ни в одной другой сфере общественной жизни типологическое отличие Византии от Запада не бросается так явно в глаза, как в сфере организации государственной власти.

⁹⁴ W. Ohnsorge. Das Zweikaiserproblem in im früheren Mittelalter. Die Bedeutung des byzantinischen Reiches für die Entwicklung der Staatsidee in Europa. Hildesheim, 1947; F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953; O. Treitinger. Die oströmische Kaiser und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Darmstadt, 1953.

⁹⁵ St. Harkianakis. Die Stellung des Kaiser in der byzantinischen Geistigkeit, dogmatisch gesehen. — «Βυζαντινά», 3, 1971, S. 43—52; H. Hunger. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964; автор этой работы полагает, что в преамбулах к официальным документам, в частности актам, часто находила выражение политическая теория императорской власти в Византии. Это — теория власти, как ее себе представляли сами византийские василевсы. Теория императорской власти освещалась в четырех аспектах: император в отношении с богом (как представитель бога, его подражатель и сын), император и его подданные (василевс — покровитель, пастырь своей паствы), император-законодатель (реформатор, судья, живой закон, мера права и порядка), император-спаситель. Византийская политическая теория государственной власти имела известное распространение у соседних народов: см. D. Angélov. Affermissement et fondement idéologiques du pouvoir royal en Bulgarie médiévale. — «Βυζαντινά», 3, 1971, p. 15—28; V. Beševliev. Die Kaiseridee bei den Protobulgaren. — «Βυζαντινά», 3, 1971, S. 81—92; V. Tapkova-Zaimova. L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare. — «Βυζαντινά», 3, 1971, p. 287—296.

⁹⁶ H.-G. Beck. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. München, 1970; idem. Reichsidee und nationale Politik im späbyzantinischen Staat. — BZ, 53, 1960, S. 86—94.

⁹⁷ F. Dölger. Die Familie der Könige im Mittelalter. — «Byzanz und die europäische Staatenwelt». Darmstadt, 1964, S. 34—69; Вопрос о том, находилась ли Россия в вассальной зависимости от Византии, длительное время дебатруется в византиноведческой науке; см. G. Ostrogorsky. Die byzantinische Staatenhierarchie. — «Seminarium Kondakovianum», VIII, 1936; idem. The byzantine emperor and the hierarchical order. — «Slavonic Review», 1956, p. 1—14. В последнее время он был вновь поднят в докладах Г. А. Острогорского и Д. Д. Оболенского на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве; см. К. А. Осипова. Византиноведение на XIII Международном конгрессе исторических наук. — ВВ, 33, 1972, стр. 252—254; T. Wasilewsky. Die Stellung des russischen Staates in der byzantinischen Welt im hohen Mittelalter. — «Acta Poloniae Historica», 22, 1970, S. 43—51; И. П. Медведев. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств). — В кн.: «Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле». Л., 1972, стр. 415—416.

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

КОДЕКСЫ ФЕОДОСИЯ
И ЮСТИНИАНА ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА *

При определенном падении хозяйственного значения рабства, рост продажи и самопродажи в рабство (при относительно умеренных ценах на продающихся в рабство свободных), естественно, мог делать все менее необходимым, так сказать, «планируемое» поощрение воспроизводства рабов в хозяйстве, «выращивание» собственных рабов, «вскармливание» малолетних. Вместе с ростом стихийного «самовоспроизводства» рабов и другими факторами это вело к сокращению категорий «вскормленников». Вероятно, вывод рабов на пекулий и распространение стихийного, неконтролируемого воспроизводства ограничивали возможности выращивания малолетних — более благоприятные условия для этого имели место в централизованных хозяйствах.

Очевидно, некоторым падением на рынке спроса на малолетних детей отчасти и объясняется распространение уже со II в. их подбрасывания (мы не рассматриваем другие причины), которое также становится важным «даровым» источником рабства.

Бесспорно, одним из источников рабства, своеобразным вариантом «продажи» становится как подбрасывание новорожденных, так и добровольная безвозмездная отдача в рабство своих детей. Все это увеличивало число рабов за счет свободных. По мнению Уэстерманна, для II—III вв. это даже второй по значению внутренний источник рабства¹.

К IV в. подбрасывание детей, в том числе и детей свободных, стало еще более распространенным. Эдикт Константина от 331 г. (CTh, V, 9, 1) предоставлял лицу, принявшему подкинутого ребенка, право самому выбрать и определить его статус. Он должен официально заявить, оставляет ли он его при себе как раба или как сына. Этим же законом родители лишались прав на подкинутых ими детей. Последующие законы, в частности эдикт Валентиниана, вводящие наказание для родителей, подбрасывающих своих детей, свидетельствуют о широком распространении подобной практики (CJ, VIII, 51 (52). 2—374 г.). Законодательство Юстиниана также уделяет ей значительное внимание. «Невостребованные» их господами или родителями подкидыши уже не признаются рабами, и Юстиниан фактически отменил законы императоров Константина и Гонория (CTh, V, 9.2—412 г.), допускавшие обращение подкинутых свободных в рабов. Наоборот, даже подобранные рабы мужского пола становились свободными². Таким образом, только во время Юстиниана вводятся серь-

* Окончание. Начало см. ВВ, 35, 1973, стр. 33—50.

¹ W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 120.

² CJ, I, 4, 24: nemini licere volumus... eum puerum in suum dominium vindicare... nomine domini. См. Г. Е. Лебедева. К вопросу об освобождении рабов в Кодексах Феодосия и Юстиниана. — XXII Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1969, стр. 188.

зные ограничения порабощения подброшенных. По законодательству Юстиниана и дети, отданные бесплатно из-за крайней бедности, остаются свободными (CJ, VIII, 51 (52). 3—529 г.).

В какой-то мере к этим внутренним источникам рабства относят также насильственный захват свободных и их порабощение. Прежде всего это весьма распространенное, судя по данным авторов и законодательства, похищение детей с целью последующей продажи их в рабство. Распространение этого промысла показывает, что спрос на рабов в империи был весьма значительным и в известной мере поддерживал и стимулировал подобного рода деятельность. В Кодекс Феодосия было включено, а в Кодексе Юстиниана сохранено постановление, карающее смертной казней такое преступление. (CJ, 9, 20.16; CTh, 9,18.1—315 г.).

В то же время в IV—VI вв. возрастают случаи добровольной, формально безвозмездной (во всяком случае, плата не зафиксирована) отдачи себя в рабство за пропитание и содержание. Рассматривая эти материалы и отмечая, что отдающие себя в рабство особо подчеркивают рабский характер своих обязанностей, обязуясь работать «как раб», У. Уэстерманн приходит к выводу о том, что их статус был обязательно ориентирован на рабство, представляя одну из его добровольных форм, а не более мягкой зависимости³. В добровольное рабство и безвозмездно отдавали себя бедняки, утратившие возможность иным путем спасти себя от голодной смерти. Характерно, что распространение такого рода «добровольного» рабства особенно относится к IV—VII вв.⁴ и свидетельствует о том, что юстиниановские законы, запрещающие обращать свободных в рабов, фактически нарушались и обходились в связи с реально существующими отношениями. Хотя формально источники пополнения рабов из свободных были ограничены законом, на практике порабощение свободных и в VI в. имело широкое распространение⁵. Таким образом, с III—IV вв. бесспорно возрастает значение внутренних источников, связанных

³ W. L. Westermann. Op. cit., p. 149.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem. Причем речь идет, по-видимому, и о нескольких иных формах этого «временного рабства», чем те, которые имели распространение ранее. Прежде всего, их, очевидно, нельзя сравнивать с теми формами использования наемного труда, весьма распространенными и симптоматичными, когда нанимающийся брался за плату выполнять «рабские обязанности» (*δουλικὰς χρεῖας*). Это чисто «фигуральное», по мнению М. Я. Сюзюмова, выражение (М. Я. Сюзюмов. Трудовые конфликты в Византии. — ВО, 1971, стр. 31) могло скрывать и обычный договор о найме, когда нанимающийся за ту или иную плату и на тот или иной срок брался выполнять «рабские обязанности», рабскую работу. Таким образом, речь шла только о характере его работы, а не его состоянии и положении. Он по-прежнему оставался свободным и сохранял все права свободного. Выражение *δουλικὰς χρεῖας* действительно было больше «фигуральным», поскольку оно предполагало не выполнение строго определенного вида работы, а «рабских обязанностей», работы взамен раба, как правило, подразумевавшей всякую работу, в том числе и разного рода службы при господине, те службы, которые обычно выполняли домашние рабы. В известном смысле это определение имеет значение «презренные», «рабские обязанности», т. е. обязанности, которые всегда выполняли и выполняют рабы. Распространение такого найма — показатель, но с той точки зрения, что свободным, в силу условий их положения, приходилось все чаще наниматься «взамен рабов» и в услужение. Наем в услужение «вместо раба» предполагал выполнение самых разнородных поручений господина. В этом смысле, нанимавшийся на такую работу действительно обязан был выполнять любую работу по приказанию хозяина. Таким образом, в смысле личного подчинения и времени работы он, естественно, более приближался к рабу, чем любой другой наемный работник. Такого рода отношения, как правило, и покрывались договорами типа *πρᾶξιονή*, т. е. договора о работе общего характера, «без спецификации этой работы» (см. К. К. Зельвин. Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии. — ВДИ, 1964, № 4, стр. 121 сл.). Нельзя, однако, упускать из виду и другого оттенка значения «рабских обязанностей», а именно того, что наемным работникам приходилось выполнять такую же работу, как и рабам; наниматели стремились в полной мере использовать их по мере возможности «взамен рабов», что само по себе свидетельствует о сохранившихся рабовладельческих тенденциях общества.

с порабощением свободных. Среди попадавших в рабство оказывались не только сельские и городские плебеи, но и куриалы и дети куриалов.

В какой-то мере к внутренним источникам рабства относятся и порабощение свободных людей, освобожденных или выкупленных из плена.

Целый ряд законов говорит о стремлении рабовладельцев не только присваивать взятых из вражеского плена рабов, принадлежащих другим римским собственникам, рабов, которые, естественно, по-прежнему рассматривались как собственность прежних господ и подлежали возвращению им (CJ, VIII, 50 (51). 10, 12; СТЪ, V, 7.1—CJ, VIII, 50.19), но и обращать в рабство свободнорожденных римских граждан (CJ, VIII, 50 (51). 20—409)⁶. «По строгой теории римского права свобода римского гражданина была на римской территории неотчуждаемой, он мог стать рабом только в том случае, если был взят в плен за границей. Но по возвращении на римскую территорию он автоматически восстанавливал свою свободу по *Postlininium*»⁷.

Характерно, что большинство конституций, направленных против этого, приходится на конец III — начало V в.; видимо, из-за актуальности указанных проблем и для последующего времени эти конституции были включены и в Кодекс Юстиниана. Они подтверждают и неоднократно ого-

---

Известны и другие формы «временного рабства», по существу также более договорного характера, как правило, являвшиеся результатом займа, долговой зависимости, когда должник в уплату долга или процентов обязывался выполнять *δουλικὰς χρεῖας*. Но это — договор с определенными условиями работы и не ликвидирующий личной свободы временного раба, скорее на время ставивший его в определенную личную зависимость (см., например: *И. Ш. Шифман*. Рабы в документах из Дура-Европос. — «Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности». М., 1967, стр. 84—85; *его же*. Социальные и экономические отношения в Сирии I—III вв. н. э. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 20: «временное рабство» — выполнение формально свободным должником в пользу заимодавца «рабской работы» вместо уплаты процентов по займу впредь до возвращения долга). Мы же имеем в виду те формы более развитого «временного рабства», которые очевидно и получают распространение в позднеримский период. Это отдала в действительное рабство по договору или юридически влекущее временную потерю свободы и переход на положение раба в отношении обязанностей, и, по-видимому, прав. Чаще всего связанная с долговыми обязательствами и займами и оформлявшаяся как самопродажа, продажа или другая форма официального перехода в рабство, фактическая продажа одного из членов семьи подпадала под действие норм позднеримского законодательства, сохранившего за родственниками лишь право выкупа, фактически — возмещения долга. Следовательно, и юридически, согласно закону Константина, проданный считается рабом до его выкупа, т. е. фактически — до возмещения долга. Его статус был временно рабским, господин использовал его как раба без всякой договоренности об условиях работы, и срок пребывания в рабстве не был ограничен определенным временем. Фактически родственники должны были путем погашения долга и процентов внести выкупную сумму. Итак, можно, очевидно, говорить, что в условиях ухудшения положения свободных и растущего предложения свободного труда были достаточно сильны тенденции к тому, чтобы и наемный труд использовать «взамен рабского» в формах, максимально обеспечивающих его замену, приближающихся к ним как по форме услуг, так и по положению заменившего труд раба. М. Я. Сюзюмов (указ. соч., стр. 31) совершенно прав, когда пишет, что «внепримлемо предположение, будто наемный труд является своего рода эрзацем рабского труда». Совершенно справедливо, что «сосуществование наемного труда рядом с рабским... даже в какой-то степени задерживало падение рабовладельческой формации», но не только тем, что можно было шире использовать наемный труд вообще, а и тем, что можно было поставить часть наемных в положение, когда они «заменили рабов». Аналогичными, как мы видим, были и тенденции развития ранее достаточно широко распространенного «договорного» временного рабства, по существу им не являвшегося. Законодательство IV—VI вв. для многих свободных открывало возможность и юридического обращения их в настоящих временных рабов, труд которых тоже по существу в максимально близкой и удобной форме частично замещал труд постоянных рабов.

⁶ См., например: CJ, VIII, 50, 12 (293): *receptos enim eos, non captos iudicare debemus, et militem nostrum defensorem eorum decet esse, non dominum.*

⁷ *A. H. M. Jones. The Later Roman Empire. Norman, 1964, p. 853.*

варивают неколебимость прав свободных лиц, бывших во вражеском плену, но уже с конца IV в. предписывают все более строгие меры против лиц, ответственных за обращение освобожденных в рабов и даже содействующих их порабощению, в том числе правителей провинций и чиновников (CJ, VIII, 50 (51). 19—366; VIII, 50 (51). 20—409).

Закон 408 г. (СТх, X, 10.25) также говорит о попытках землевладельцев обратить в рабство свободных, изгнанных из их районов в результате вторжения варваров и осевших на землях местных собственников.

Мы уже не говорим о той группе законов, которая касается весьма широко распространившейся в IV—VI вв. в связи с усилившимися варварскими вторжениями практики выкупа захваченных в плен. Дальнейшее развитие римского законодательства о выкупе по существу начинается со времени Гордиана⁸. Но основная масса законов, содержащаяся в Кодексах (18) и свидетельствующая о возрастающем значении этой проблемы, приходится на эпоху Диоклетиана и последующий период.

В связи с увеличением числа захваченных варварами жителей империи и расширением практики их выкупа организующую роль в этом деле со временем все более выполняла местная церковь, епископы; иногда для выкупа пленных использовались церковные фонды и добровольные пожертвования (эта практика получила более или менее широкое распространение лишь в VI в.). Фактически жертвователи приобретали определенные права на освобожденных, не говоря уже о том, что законодательством поощрялся и частный выкуп пленными имущими гражданами. Как показывает законодательство, «частный» выкуп пленных нередко имел конкретной целью, особенно в опустошенных пограничных провинциях, пополнить хозяйство «принудительной» рабочей силой (CJ, VIII, 50). Хотя юридически бывшие свободные по-прежнему считались таковыми, фактически они оказывались во временном или постоянном рабстве у выкупивших. Попавшие в плен, сделавшиеся там рабами и выкупленные, они как бы продолжали оставаться в рабском состоянии до момента окончательной расплаты: *Liber captus... et commercio redemptus, tunc demum cum pretium solverit... statum pristinum recipit*⁹.

Тенденция упредить права на выкупленных из плена, удержать их в качестве рабов или низвести к подобному статусу прослеживается достаточно отчетливо (законодательство предписывает: *Ab hostibus redempti, quoad exsolvatur pretium, in causam pignoris constituti quam in servilem conditionem videntur esse detrusi...*¹⁰, как и тенденция рассматривать их после отработки или погашения ими выкупной цены не как свободных, а как бывших рабов, т. е. вольноотпущенников (*liberti*), со всеми вытекающими отсюда обязательствами по отношению к выкупившему (CJ, VIII, 50.11).

Не случайно законодательство неоднократно обращает внимание на их первоначально свободное состояние, требует их полного освобождения после возмещения выкупа или отработки, а в начале V в. и официально ограничивает удержание выкупленных пятью годами. Целый ряд конституций, включенных в Кодекс Юстиниана, был направлен против попыток выкупивших удерживать выкупленных (CJ, VIII, 50.2.6.7.8.16). Характерно, что хронологически это более поздние статьи в титуле *de redemptis ab hostibus*.

Правительство вынуждено было принимать крайние меры, чтобы сдерживать попытки полного порабощения выкупленных, угрожая нарушителям ссылкой, работами в рудниках, конфискацией имущества, а чиновникам — штрафом в 10 либр золота за непринятие мер к своевременному освобождению выкупленных (CJ, VIII, 50.20—468). Закон прежде всего имел в виду земельных собственников, акторов, прокураторов, кондукторов.

⁸ CJ, VIII, 50.2—241; W. W. Buckland. *The Roman Law of Slavery*. Cambridge, 1908, p. 311.

⁹ CJ, VIII, 50.17—294 г.

¹⁰ CJ, VIII, 50.2.

Двадцать законов по этим вопросам, включенных в Кодекс Юстиниана и дополненных в VI в. новыми законами об организации массового выкупа военнопленных, свидетельствуют не только об актуальности этих проблем в VI в., но, бесспорно, и о фактическом росте размеров использования труда выкупленных¹¹.

По существу данные о положении выкупленных из плена говорят о наличии в Византии того времени значительной категории «временных», рабов, о существовании и распространении своего рода «принудительного» рабства. Таким образом, внешние неуспехи Византии приводили к тому, что захватывалось и удерживалось в империи все меньше рабов-военнопленных и все большее число жителей империи попадало в плен, а затем частично возвращалось в качестве «выкупленных», труд которых отчасти возмещал нехватку рабской силы. Рассмотренные законы свидетельствуют о достаточно отчетливом стремлении выкупивших не только использовать выкупленных как рабов, а не колонов, но и к удержанию их в рабстве [CJ, VIII, L (LI)].

Что касается внешних источников увеличения числа рабов, то в ранневизантийском законодательстве достаточно отчетливо прослеживается значение как захвата, порабощения военнопленных, так и покупки, приобретения рабов у соседних варварских народов. О важности их в какой-то мере говорят и упоминания в законодательстве «варварских» рабов — как варваров-военнопленных, так и купленных «варваров»¹², особое отношение к которым со стороны государства возрастало в связи с усилившейся опасностью внешних вторжений. О большом значении их труда и стремлении сохранить их у владельцев свидетельствует усиление наказаний за бегство рабов к варварам. Разумеется, эти статьи имели в виду в принципе вообще всех рабов, в том числе и внутриимперского происхождения. Однако естественно, что более активным было стремление бежать за пределы империи к своим соплеменникам у рабов-военнопленных. Если в III в. рабы, бежавшие за границы империи, просто возвращались (после соответствующего наказания) господам (Dig., XLVIII, 15.19.5), то стремление приостановить их бегство привело в IV в. к повышению наказания. За бегство к варварам рабу отрубали ногу или ссылали на работу в рудники (CJ, VI, 1.3 — 317—323 гг.). Этот закон вошел в Кодекс Юстиниана и, очевидно, сохранил свое значение и в VI в.

Из внешних источников рабства война бесспорно и в IV—V вв. являлась более значительным и важным, чем торговля. Отчасти, может быть, признание этого нашло отражение и в законодательстве (CTh, 4, 12.1.6).

Едва ли можно согласиться с тем, что войны в IV—VI вв. обеспечивали «регулярный приток рабов в империю»¹³. Но несомненно, они обеспечивали наибольшее их поступление извне. Поэтому мы прежде всего остановимся на анализе законодательных данных, касающихся военных источников получения рабов. Один из основных вопросов, который, как мы уже видели выше, встает перед исследователями, — вопрос о том, возрастало обращение военнопленных в колонов¹⁴ или внешние войны по-прежнему служили важным источником пополнения рабов и тенденция к обращению пленных в рабов продолжала оставаться достаточно сильной, характерной для ранневизантийского общества.

Не отрицая развития тенденций к обращению военнопленных в колонов, можно, однако, отметить, что степень его в IV—VI вв. по-разному

¹¹ CJ, VIII, L (LI).

¹² См., например: GTh, IV, 4.1; XIII, 4.4.

¹³ А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 853; З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана). — ВВ, XXIIV, 1964, стр. 5.

¹⁴ См. Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, стр. 24; Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. — ВДИ, 1955, № 4, стр. 65.

оценивается исследователями. Одни считают, что в IV—V вв. уже обнаруживается незаинтересованность собственников в обращении военнопленных в рабов¹⁵. Они обращаются в основном в колонов, и, таким образом, значение поступления пленных как источника пополнения числа рабов быстро падает. Другие, признавая более «рабовладельческий» настрой собственников империи — вернее, более консервативной их части, — переносят акцент на государственную политику, ее основное направление. По их мнению, государство, в той или иной мере отражая общие интересы и настроения, встало на путь законодательного ограничения обращения военнопленных в рабов. Анализ и оценка некоторых касающихся этого вопроса законов стали основанием для более широких выводов не только о падении заинтересованности в использовании труда рабов, но и в известной мере уже об антирабовладельческой политике общества и правительства, активной направленности их деятельности на изживание рабовладельческих отношений¹⁶.

Не вдаваясь сейчас в более детальное рассмотрение этих точек зрения, отметим, что именно на основании анализа законов о военнопленных делаются широкие выводы, влияющие на оценку других источников рабства. Поэтому именно эти законы нуждаются в особенно тщательном изучении. На наш взгляд, законы о военнопленных представляют интерес и с точки зрения выявления степени заинтересованности частных собственников в обращении пленных в рабов, и с точки зрения изучения государственной политики, поскольку интересы собственников и государства могли не совпадать полностью. Если интересы государства отличались от интересов частных собственников, то это должно было проявиться прежде всего в отношении к военнопленным, попавшим в руки государства, императора. Следовательно, речь должна идти о военнопленных, принадлежащих частным лицам и государству, императору.

Мы знаем, что государственные пленные частично обращались в рабов, частично же поселялись на положении колонов¹⁷. По мнению А. Джонса, государство поощряло поселение пленных как колонов, так как хотело получить колонов-плательщиков подати и кадры рекрутов¹⁸. Однако для окончательного решения этого вопроса должны быть изучены многие обстоятельства (как внутренние, так и внешние), которые могли способствовать обращению возрастающей части пленных в колонов. Тезис Джонса противоречит его же положению о нехватке рабов в империи и неудовлетворяемом спросе на них, который и толкал к более активному порабощению свободных¹⁹. В то же время известно, что в государственных имениях работало много рабов; значительная часть пленных не только направлялась туда, но и раздаривалась в качестве рабов частным собственникам. Что касается пленных, попадавших в частные руки, то они, во всяком случае в IV в., обращались исключительно в рабов. Законы трактуют право полной собственности не только государства, но и военных на захваченных ими пленных (см., например: CJ, VIII, 50 (51).12), которые бесспорно становились рабами²⁰ или продавались как рабы. В значительной мере за счет пленных укреплялись ветеранские и военные хозяйства. Целый ряд законов говорит о рабах ветеранов, приводимых ими с войны и не записанных в ценз (CTh, VII, 1.3—349). Анализ этих законов показывает, что военнопленные, оставшиеся у солдат и военных командиров, становились их рабами и использовались как рабы.

¹⁵ См. Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Указ. соч., 24; Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 65.

¹⁶ Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 65.

¹⁷ CTh, V, 6, 3—409.

¹⁸ А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 853.

¹⁹ Ibid., p. 794.]

²⁰ W. W. Buckland Op. cit. p. 291—292; ср. В. Велков. Сведения на Темистий за Тракия — «Известия на Археологически Институт», XIX, 1955, стр. 245—260.

Все источники, сообщающие о готских войнах IV в., единодушно свидетельствуют о том, что основная масса пленных готов была обращена в рабов²¹. Бойкая торговля готскими рабами шла на рынках Малой Азии. По данным Синезия, значительную часть домашних рабов в Киренаике в его время составляли готские рабы; трудно было найти даже скромный дом, в котором не оказалось бы готских рабов (De Regno, 22). За счет пленных готов существенно пополнялось число рабов в дунайских провинциях, на Балканах, широким потоком хлынули они и на рынки империи. Именно внутренний спрос на рабов активизировал не только тенденции к продолжению их захвата, но и привел к попыткам порабощения осевшей на территории империи части готов.

Таким образом, почти для всего IV в. у нас нет достаточных оснований говорить о том, что у собственников империи не было активной тенденции к пополнению числа рабов. Поэтому дискуссия по этому вопросу, особенно относительно оценки тенденций государственной политики, «передвинулась» на материалы начала V в. В центре дискуссии прежде всего оказался известный закон 409 г. о военнопленных скирах (CTh, V, 6.3). По мнению одних исследователей, закон 409 г. отразил падение заинтересованности собственников в эксплуатации пленных как рабов. В. Велков пишет: «Их уже не продавали как рабов, так как, очевидно, никто не был заинтересован в эксплуатации рабского труда, но в эксплуатации труда колонов»²². Е. Э. Липшиц считает, что при определении рубежа, когда рождается новое «качество», когда складывается феодальная экономика, нельзя исходить только из одного факта сохранения рабства. Правящий класс отнюдь не поощрял появления в доме новых рабов, но всячески содействовал созданию класса закрепощенных колонов. Может быть, наиболее ярким примером в этом отношении является закон Гонория и Феодосия от 12 апреля 409 г., изданный в ознаменование победы над скирами»²³. При рассмотрении этого закона прежде всего встает вопрос о том, в какой мере в нем нашло отражение стремление самих рабовладельцев к тому, чтобы не обращать военнопленных в рабов. Закон прямо запрещает обращать пленных скиров в рабов (*non alio iure quam colonatus... nullique licere, nullique liceat*). Это распоряжение повторено дважды, причем запрещается обращать захваченных скиров не только в сельских, но и в городских рабов — *in servitutum trahere urbanis obsequiis addicere*. Настойчивость, с которой говорит об этом правительство, свидетельствует в пользу того, что рабовладельцы не стремились использовать рабов как колонов. Напротив, весь текст постановления отчетливо показывает, что правительство, по-видимому, достаточно ясно отдавало себе отчет в стремлении собственников превратить пленных именно в рабов и стремились преодолеть, ограничить эту тенденцию. Самый тон постановления не оставляет в этом сомнений.

Можно было бы в какой-то мере ставить под сомнение значение такого вывода, если бы мы не имели для этих же районов (Фракии и Иллирии) ряда других, предшествующих законов, свидетельствующих о том, что у местных собственников было достаточно сильное стремление к увеличению именно числа рабов. Мы уже не говорим о стремлении присваивать чужих рабов. Один из законов прямо направлен против попыток землевладельцев обращать в рабов бежавших и осевших на их землях свободных жителей, изгнанных из их районов варварами. Причем этот закон (CTh, X, 10.25) был издан в 408 г., т. е. за год до издания закона 409 г., и прямо свидетельствует о стремлении собственников увеличить число своих рабов, незаконно наложить на свободных «бремя рабства» (*ilicite iugum servitutis imponere*). Итак, закон 409 г. лишь подтверждает то, что стремление

²¹ См. В. Велков. Рабство в Тракия и Мизия през античността. София, 1967, стр. 121—125.

²² Там же, стр. 123.

²³ Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 65.

увеличить число собственных рабов и обратить военнопленных скиров именно в рабов продолжало оставаться ведущим, доминирующим в начале V в.

Таким образом, в предшествующее время не было предпосылок для резкого изменения отношения к обращению военнопленных в рабов в начале V в. Кстати сказать, и другие данные о развитии рабства и хозяйства областей, к которым относится закон, не свидетельствуют о заметном падении интереса к приобретению рабов в IV в. Все исследователи, занимавшиеся специально этими районами, признают, что в течение IV в. число рабов в придунайских провинциях возросло²⁴.

Может быть, закон в большей мере отражал принципиальные установки правительства, государственной власти на ограничение обращения военнопленных в рабов вопреки «консервативным» тенденциям местных рабовладельцев?

Анализ текста закона под этим углом зрения также не позволяет прийти к подобному заключению. Запрещая обращение пленных в рабов, правительство разъясняет причины издания этого закона. Из разъяснения следует, что за запрещением не стояли принципиальные экономические или другие мотивы, и правительство рассматривало запрещение порабощать скиров как меру временную, исключительную. Оно прямо объясняет ее, как видно из вводной части закона, внешними обстоятельствами — силой союзников скиров — многочисленных гуннов и оставшейся с ними части скиров, реальной угрозой их вторжения и того, что, в случае порабощения пленных, они поддержат их вторжение своим восстанием, а это создаст угрозу для всех собственников²⁵. Правительство не только запрещает обращать скиров в рабов, но и не разрешает держать их в пограничных областях и как колонов, предписывая переселение их в более отдаленные от границы области империи. В тексте закона не содержится ни одного намека на принципиальные, хозяйственные мотивы. Кроме стремления припугнуть собственников Фракии угрозой гуннского вторжения, в этом предписании можно видеть, по нашему мнению, известную уверенность правительства в том, что его распоряжения натолкнутся не только на недостаточное понимание, но и на сопротивление местных владельцев.

Таким образом, едва ли в законе 409 г. мы можем обнаружить программу «новой» принципиальной государственной линии в отношении характера использования военнопленных. Государственная власть, осознавая опасность порабощения скиров, вынуждена была выступить против явного стремления местных собственников обратить скиров в рабов только из этих соображений. Это была реакция на ситуацию, а не принципиальная установка. Характерно также и то, что в законе все время говорится именно о скирах — *ex praedicto genere*. По-видимому, если бы этот закон носил принципиальный характер, в нем не подчеркивалось бы, что речь идет только о скирах. В законе не чувствуется принципиально недоброжелательного отношения к обращению пленных в рабов. Напротив, такой перевод рассматривается как естественный, а данное постановление как исключение.

Итак, пока еще нет достаточных оснований рассматривать закон 409 г. как показатель перелома ни в отношении использования рабского труда вообще, ни в отношении к внешним источникам пополнения числа рабов как со стороны рабовладельцев, так и со стороны правительства. Скорее этот закон приходится оценивать не с точки зрения «внутренних» установок, а с точки зрения влияния внешних факторов на ограничение использования такого рода источников пополнения рабской силы. Создается

²⁴ См., например: «Икономиката на България до социалистическата революция», т. 1. София, 1969, стр. 45.

²⁵ D. Angelov, Chr. Danov, V. Velkov. Über einige Probleme der sozial-ökonomischen und ethnischen Entwicklung in II–V. Jh und des Übergangs von der Antike zum Mittelalter. — «Etudes Historiques», t. V, 1970, S. 47–48, Anm. 101.

впечатление, что не столько в империи не было стремления к обращению военнопленных в рабов, сколько «давление» и угроза варварской периферии вынуждали отказываться от этого; быть может, внешние факторы играли не меньшую роль, чем внутренние, в развитии тенденции к отказу от применения рабского труда.

Археологические данные свидетельствуют о сохранении многих рабовладельческих вилл на Балканах до середины V в. Судя по этим данным, большая их часть была уничтожена в ходе варварских вторжений.

То, что издание закона 409 г. было вызвано местной ситуацией, местными обстоятельствами, достаточно наглядно подтверждается тем, что его положениям не было дано более широкой ориентации. Наоборот, в нем непрерывно подчеркивается, что оно касается только скиров. Закон адресован только собственникам одного района империи. Тот факт, что впоследствии он с его «радикальными» положениями не был включен в Кодекс Юстиниана, лишний раз свидетельствует о том, что его рассматривали как вынужденное временное постановление.

Может быть, этим отчасти и объясняется то конкретное обстоятельство, что балканские провинции на протяжении почти всего V в. были объектом достаточно успешных и глубоких варварских вторжений. Нежелание местных собственников и правительства отказываться от применения рабского труда создало благоприятные условия для вторжений, и, таким образом, стремление местных рабовладельцев сохранить рабство, а не только сила варваров во многом объясняет остро кризисную ситуацию на Балканах в V в. Обстановка здесь, возможно, была бы несколько иной если бы в политике местных рабовладельцев и правительства действительно возобладала та тенденция, которые пока что без достаточных оснований приписывают им на основе анализа закона 409 г.

Мы подробно остановились на этом законе не только потому, что на основании его делаются самые широкие выводы о переломе в отношении к использованию рабского труда²⁶. Нам кажется, что, по данным законодательства в рассматриваемый период (до издания Кодекса Юстиниана), о таком переломном моменте едва ли можно говорить.

Исследователи отмечают, что когда империя в VI в. оправилась и развернула наступательные войны, значительная часть захваченных военнопленных была обращена в рабов²⁷. Таким образом, тенденция к пополнению числа рабов в империи из внешних источников в результате войн продолжала сохраняться и в этом столетии.

Обращает на себя внимание, что и в конце VI в. собственники выражали радость по поводу ставших уже нечастыми побед византийских императоров и захвата ими пленных, потому что это давало им возможность пополнить число рабов. Евагрий был в восторге от того, что Маврикий привез много взятых в плен рабов. «Они же, наконец, и во всяком доме стали выполнять домашние работы, потому что приобретение их сделалось весьма легким» (Евагр., 19). Последнее замечание говорит о том, что трудности получения рабов извне в конце VI в. все более возрастали, и это, видимо, сыграло немалую роль в углублении кризиса рабства в Византии V—VI вв. Во всяком случае, тот факт, что и в VI в. при всякой возможности возрастало обращение пленных в рабов, свидетельствует о сохранившихся внутренних тенденциях к поддержанию рабства. По-видимому, и для всего VI в. приходится не столько говорить о падении интереса к получению рабов, в том числе и в результате войн, сколько о сокращении реальных возможностей для этого. На наш взгляд, не только внутренние тенденции,

²⁶ См., например: Д. Ангелов. О некоторых проблемах социально-экономического развития Юго-Восточной Европы во II—V вв. и переходе от античности к средневековью. — XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16—23 августа 1970 г.» Доклады. М., 1970, стр. 6 и др.

²⁷ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 5—6.

но и усиливающаяся невозможность путем войн существенно пополнять число рабов способствовали дальнейшему падению значения рабства в Византии.

В определенной мере потребность общества в рабах отражало и использование другого их внешнего источника — коммерческого импорта рабов.

О том, что этот импорт был достаточно значительным и в IV, и в VI вв., едва ли приходится спорить. Оживленная торговля рабами шла на всех границах империи, начиная от Нумидии и Эфиопии и кончая дунайской границей²⁸. Естественно, что объем ее во многом зависел от обстановки, характера отношений внутри соседних варварских племен и их отношений между собой и с империей, что определяло размеры продажи соплеменников, сбыта пленников. Поэтому поступление рабов из разных соседних областей колебалось, и это нашло отражение в соответствующих упоминаниях литературных источников. В целом мы можем зафиксировать достаточно стабильную заинтересованность Византии в получении рабов из всех возможных источников их экспорта.

Об импорте рабов свидетельствуют и некоторые законы Кодексов Феодосия и Юстиниана, которые в этом аспекте также заслуживают более детального изучения. Среди них прежде всего следует упомянуть известный закон 374 г., в котором рабы стоят на первом месте в перечне товаров, покупаемых у варваров (CJ, IV, 63.2—374 г.). Из текста закона видно, что рабов для продажи, с одной стороны, привозили на территорию империи варварские купцы, которые уже в ее пределах вели торговлю рабами, с другой — их скупали и византийские работорговцы, отправлявшиеся к варварским народам. Последнее свидетельствует о достаточно активной заинтересованности византийских собственников в приобретении рабов на внешних рынках, их стремлении к проникновению и закреплению на них. Заслуживает внимания, что этот закон был включен в Кодекс Юстиниана и, очевидно, сохранил свое значение.

По существу к этой же проблеме относятся и некоторые юстиниановские постановления, в частности, те, которые говорят о ценах на рабов (CJ, VIII, 7.1.5—530 г.)²⁹. Бесспорно, это была официальная таксация для разного рода внутренних конфликтных ситуаций, требовавших вмешательства властей и судебных органов. Но частично такая таксация была связана и с продолжением активной внешней торговли рабами, импорта рабов, необходимостью взыскания торговых пошлин за ввоз рабов³⁰. Известно, что эти пошлины составляли $\frac{2}{10}$ стоимости раба. Их можно рассматривать как средние³¹; судя по их размерам, они явно не были направлены на ограничение ввоза рабов. Специальные таможи в Авидосе и Гироне контролировали и ввоз рабов. О том, что спрос на них был, свидетельствует и параллельное развитие контрабандной торговли рабами. Хотя интенсивная торговля ими шла в пограничных областях империи, византийские купцы и в VI в. отправлялись за ними далеко за ее пределы. Вероятно, этим объясняются в Кодексе Юстиниана упоминания о покупке византийскими купцами рабов за пределами империи.

Продолжало, по-видимому, контролироваться и запрещение отдавать варварам золото за рабов. Можно думать, что в VI в. это положение уже

²⁸ З. В. Удальцова Указ соч., стр. 6.

²⁹ См., например: Р. Браунинг. Рабство в Византийской империи (600—1200 гг.). — ВВ, XIV, 1958, стр. 53; ср. И. Ф. Фихман Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, стр. 47. Прокопий указывает, что выкуп пленных обычно производился по цене более низкой, чем рыночная цена рабов (Procopii Caesariensis Opera omnia, vol. I. Lipsiae, 1962, II, 22. 13—16).

³⁰ Н. Antoniadis-Bibicou Recherches sur les douanes à Byzance. Paris, 1963. По мнению З. В. Удальцовой (указ соч., стр. 6), именно «размах торговли вызвал ее срочную регламентацию»

³¹ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 6

не имело большого значения, поскольку варвары могли получать из империи золото из других источников, которые правительство не в силах было ограничить, в частности — за выкуп пленных, в виде платы за отказ от нападений на империю; может быть, об этой официальной тенденции свидетельствует упоминание Прокопия о том, что византийские купцы обменивали свои товары на рабов (хотя это могло быть вызвано и другими обстоятельствами). Во всяком случае, все имеющиеся данные относительно внешней торговли империи рабами в VI в. показывают, что и в этом столетии она была достаточно активной и значение такого внешнего источника пополнения рабов в империи, как их торговый импорт, весьма существенно, по-видимому, не уменьшалось³².

Нельзя рассматривать оба внешних источника получения рабов — войну и торговлю — в отрыве друг от друга. Импорт рабов, на наш взгляд, для характеристики отношения к рабству даже еще более показателен. Он мог означать и то, что прямой захват рабов не удовлетворял всей потребности в них империи, что существовала потребность и в их коммерческом приобретении. Другое дело, что эти источники рабства могли использоваться с неодинаковой степенью интенсивности. Можно допустить, что с сокращением возможностей военного захвата рабов возрастало стремление приобрести их «за деньги» на зарубежных рынках, и, таким образом, сокращение первого источника могло вести к попыткам более интенсивного использования второго. С ослаблением империи и усилением варваров торговый импорт рабов, вероятно, мог возрастать.

В работах последних лет было еще раз показано, в каких огромных количествах покупались, захватывались, обращались в рабов и распродавались на рынках империи до 376 г. готы³³. Империя могла пополнять массу рабов, дешево покупая их. Торговля готскими рабами шла на всех рынках империи. Приобретение их торговыми путями процветало и было выгодно. Когда же обстановка изменилась, естественно, должен был возрасти интерес к обращению в рабов военнопленных, к усилению порабощения свободных.

Естественно возникает вопрос: несмотря на постепенное падение роли рабства, не возросло ли зафиксированное законодательством III в. порабощение свободных внутри империи, особенно в связи с несколько сократившимся в это время притоком рабской силы извне, вызванным ослаблением военной мощи империи? Несколько окрепшая в конце III в. империя (и это показывают литературные источники) смогла восполнить нехватку рабочей силы за счет рабов-военнопленных. Может быть, отчасти в связи с этим стоит попытка Диоклетиана запретить внутри империи продажу свободными своих детей в рабство. При Константине возросшая нехватка рабов вынудила его, хоть и с оговорками, вновь приоткрыть эти внутренние каналы; как показывают сообщения писателей IV в., продажа детей в империи повсеместно приняла широкие размеры.

Последующие события вновь привели к росту числа военнопленных. О массе скифских и готских рабов во всех областях империи и бойкой торговле ими на ее рынках сообщают многие авторы. Но все они вовсе не выражают недовольства самим этим фактором. Они опасаются другого — концентрации вновь захваченных рабов-варваров по соседству с их могущественными соплеменниками и союзниками у границ империи. Это отчетливо выражено в речах Синезия. Поэтому издаются законы, запрещающие увеличивать концентрацию рабов в городах, предписывающие их перемещать в другие, более отдаленные провинции и т. д.

³² З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 6; *Procopii Caesariensis Opera omnia*, vol. I, II, 28, 26.

³³ См., например: В. Велков. Сведения на Темистий, стр. 245—260; его же: Рабство, стр. 121—123.

Итак, анализируя данные законодательства и сопоставляя их со свидетельствами других источников, мы можем прийти к выводу, что тенденция к увеличению числа рабов в ранневизантийском обществе сохранялась в течение всего рассматриваемого периода. По-видимому, существовала определенная взаимосвязь между активизацией использования внутренних и внешних источников, отражавшая эту общую тенденцию. Если до конца III в., в связи с определенными особенностями хозяйственного развития и общей ситуацией в империи преобладало более или менее организованное воспроизводство рабской силы в большинстве хозяйств при важном дополнительном значении внешних источников, то с изменением положения возрастает заинтересованность в использовании других внутренних источников, усиливается их эксплуатация.

Таким образом, в изучаемый период значительно возрастает роль внутренних источников рабства; для этого времени особенно характерно стремление шире использовать различные, в том числе неполные, формы порабощения свободных. Все это, а также распространение «нетипичных форм» использования рабского труда³⁴, на наш взгляд, было важным показателем усиливающегося кризиса и упадка рабства, разложения рабовладельческих отношений. Однако расширение источников пополнения рабов и отношение к ним общества свидетельствуют о сохранении рабовладельческих тенденций в ранневизантийском обществе.

Думается, что растущее непостоянство источников рабства привело и к некоторым достаточно отчетливо прослеживаемым изменениям в терминологии, использовавшейся для обозначения рабов, несомненно, отражавшей своеобразие рабства той или иной эпохи. В IV—VI вв. в законодательных источниках все реже употребляются термины, свидетельствующие о домашнем, поместном и местном происхождении большей части рабов (*verna*, *vernae*), тогда как в Дигестах термины *verna*, *vernae* чрезвычайно употребительны. В ранневизантийском законодательстве эти термины почти не используются, и некоторые из них не встречаются в Кодексах после IV в. Все это, на наш взгляд, говорит о том, что рабочая сила рабовладельческих хозяйств все больше комплектовалась из самых разнородных источников, что в них все более широко использовались рабы, не рожденные в собственном господском хозяйстве и не вскормленные в нем, а рабы, рожденные и выросшие в хозяйствах рабов на пекулии, рабы от браков рабов и колонов и свободных, свободные, обращенные в рабство (купленные, пленные). Бесспорно, эволюция терминологии отражала изменение уклада хозяйственной жизни и характера использования труда рабов.

В этих условиях все меньшее значение приобретал вопрос о «выращивании» раба, о его происхождении. Важен был его статус. Поэтому термины, отражавшие специфику «внутреннего» происхождения рабов в IV—VI вв., выходят из употребления. Термин *verna*, например, всего один раз упоминается в Кодексе Юстиниана.

Аналогичную эволюцию под этим же углом зрения мы не можем не отметить и в отношении терминов, более четко выделявших или подразумевавших внешнее происхождение рабов. Прежде всего, это относится к термину *captivus* и его греческому эквиваленту. В прежние столетия определенно имевшие в виду раба-военнопленного, а иногда употреблявшиеся просто для обозначения рабов с акцентом на их «внешнем» происхождении в IV—VI вв., эти термины почти перестают употребляться для обозначения рабов. *Captivi* для IV—VI вв. — это уже не только рабы-военнопленные, но одновременно и (может быть, не реже) захваченные варварами в плен ромеи, как рабы, так и не рабы. С ослаблением империи

³⁴ *J. Biezunska-Malowist. Quelques formes non typiques de l'esclavage dans le monde ancien.* — «Античное общество», стр. 91—96; ср. *М. Я. Сюзюмов. Указ. соч.*, стр. 37—41.

и прекращением победоносных войн, дававших массу рабов-военнопленных, *captivus* все более переставал быть прямым обозначением раба-военнопленного, приобретал значение более широкое.

Очевидно, аналогичную, продолжающуюся в этом направлении эволюцию претерпел и термин *ἀνδράποδος*. В более ранних источниках он применялся значительно шире и чаще. Но он был более тесно связан также с внешними источниками рабства (*ἀνδραποδίζω* — «поработать»), и в эпоху ограниченного порабощения свободных сограждан он преимущественно имел в виду порабощенных военнопленных. Таким образом, *ἀνδράποδος* — это в определенной мере захваченный раб. Поскольку рабы обычно использовались как основная физическая сила, этот термин приобрел дополнительный оттенок. Характерно, что в IV—VI вв. применение этого термина с первым смысловым акцентом, неразрывно, как мы видели, связанным со вторым, все более сходит на нет, отчасти в связи с сокращением прямого использования принудительного труда рабов в господском хозяйстве. Этот термин все реже употребляется для обозначения рабов по сравнению с другими терминами, и еще реже используется для обозначения рабов-военнопленных. В ранневизантийском законодательстве он употребляется редко и не для обозначения рабов-военнопленных, но все же подразумевает рабов, занятых тяжелым сельским трудом в господских имениях. Характерно, что он все же продолжал сохранять оттенок прежнего значения «раб-военнопленный». Не с этим ли было связано более активное его употребление в VI—VII вв., когда возросло число рабов-военнопленных? ³⁵

Таким образом, характерная для последнего периода разложения рабства возрастающая нестабильность, многообразность источников рабства и в этих условиях известное падение значения происхождения рабов, естественно, приводили к определенной унификации терминологии, отражавшей их происхождение, поскольку все более важным становился лишь сам их статус.

Можно добавить несколько слов об эволюции терминологии, связанной с покупкой, импортом рабов. Как в предшествующий, так и в ранневизантийский период не было специального термина для обозначения купленных рабов. Очевидно, в ранневизантийский период, торговля в целом давала значительно меньше рабов, чем война, и для терминологического выделения этой части рабов не было достаточных оснований. Таким образом, война и в VI в. продолжала оставаться главным внешним источником поступления рабов.

Несколько иное положение складывается в последующие периоды византийской истории. Как показывает, например, исследование Х. Кэпштейн, в дальнейшем не только вновь появляются термины, специально обозначающие «купленных» рабов или рабов-военнопленных; использование этих категорий рабов получает достаточно широкое распространение ³⁶ в связи с тем, что внутренние источники рабства утрачивают свою роль с падением значения рабства. Все это относится к тем периодам, когда в империи вновь возросла потребность в рабах, и не столько войны, сколько торговля обеспечивала их поступление извне. Весьма существенно меняющиеся в последующий период термины, обозначающие рабов, достаточно резко отделяют последующий период от рассмотренного ³⁷.

В целом изучение законодательного материала, содержащегося в Кодексах Феодосия и Юстиниана, не создает впечатления, что в IV—VI вв. резко падает интерес к восполнению числа рабов. В ранневизантийском обществе сохранялись сильные тенденции к обращению военнопленных

³⁵ См., например: К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 128.

³⁶ Н. Köpstein. Die Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966, S. 54—55.

³⁷ Ibidem.

преимущественно в рабов. Попытки опровергнуть этот вывод на основании данных закона 409 г. пока нельзя признать убедительными. Достаточно сильные тенденции к порабощению свободных, использованию различных категорий «временных» рабов не только отражают кризис рабства, но и определенные тенденции к его сохранению, поддержанию за счет использования внутренних возможностей. Возможно, что сокращение военных возможностей для постоянного пополнения числа рабов в определенные периоды IV—VI вв. играло свою роль в усилении порабощения свободных внутри империи.

В целом же законодательство показывает, что в IV—VI вв. достаточно интенсивно использовались все источники пополнения числа рабов.

Таким образом, законодательный материал, характеризующий отношение к источникам рабства, существовавшее в ранневизантийском обществе, на наш взгляд, не дает достаточных оснований рассматривать этот период как качественно новый, когда общество встало на путь активного изживания рабовладельческих отношений.

Е. Э. ЛИПШИЦ

**ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО
В ПЕРИОД МЕЖДУ ЭКЛОГОЙ И ПРОХИРОНОМ
(Частная Распространенная Эклога)**

Изучение юридических источников, если речь идет о законодательных памятниках, ставит всегда перед исследователем вопрос, в какой мере эти законодательные памятники могут расцениваться как правдивые свидетельства исторической реальности своего времени. Ведь далеко не все законодательные постановления имели практическое применение. Некоторые из них могли оставаться «мертвой буквой», некоторые могли сохраняться по традиции, столь сильной вообще в византийском праве.

Для ответа на этот вопрос византилисты располагают недостаточным документальным материалом. Лишь для самого первого и последнего периодов истории Византии источники документального характера в какой-то мере восполняют этот чувствительный пробел.

Сохранение в сводах старых конституций, в сочетании с нередко противоречащими им в той или иной мере новыми, наблюдается на всем протяжении развития византийского права, что чрезвычайно затрудняет их правильную оценку и интерпретацию в современной науке. Но эта черта, присущая византийским законодательным сводам, немало затрудняла и византийских юристов в их практике. Она требовала приемов интерпретации законов, во многом отличных от тех, которые применяются в наше время. Следы этой интерпретации сохранились в схолиях к Василикам и с особой полнотой в Пире¹.

Однако при анализе источника и отсутствии иной документации изучение судьбы текста одного и того же закона в последующих сводах и выявление происшедших нормативных изменений дает возможность, как мы полагаем, восполнить в какой-то степени недостаток этой документации. Именно так обстоит дело в данном случае.

О состоянии законодательства, права, о работах византийских юристов во второй половине VIII в. и особенно в IX в. до его последней четверти, т. е. до начала законодательства императоров Македонской династии, имеется вообще очень мало сведений. Новеллы императрицы Ирины, Льва и Константина (776—780 гг.), некоторые данные хрониста Феофана о мероприятиях императора Никифора — вот и все, что известно о праве того времени. После Эклоги и вплоть до издания Прохирона Василием I (ок. 879 г.)² не появлялось никаких законодательных сборников. Время издания Земледельческого, Военного и Морского закона не может быть уста-

¹ Этот вопрос будет освещен в нашем следующем историко-юридическом этюде. См. также соображения, высказанные Д. Нэрром (*D. Norr Die Struktur des Kaufes. — «Byzantinische Forschungen», 1, 1966, S. 258*), а также новое исследование некоторых текстов Пирь: *G. Weiss. Hohe Richter in Konstantinopel. — JÖB, 22, 1973, S. 122 f*

² Дата Прохирона в последнее время некоторыми исследователями определяется иначе — 872 г.; ср.: Д. Гинис, в *ΕΕΒΣ, 30, 1960, σελ. 351—352* (см. *BZ, 54, 1961, S. 429*), а также: К. Г. Πιτζάκης. *Κωνσταντινού Ἀρμενοπούλου Προχέτρον νόμων ἡ Ἐξέλιξις. Ἀθήνα, 1971, σελ. 31.*

новлено с точностью. Земледельческий закон был издан, вероятно, либо вскоре после Эклоги (726 г.), либо незадолго до нее. Прочие два закона имеют еще меньше данных для датировки. Их обычно относят к периоду VI—VIII вв., вернее — к VIII в.

Тем более привлекает к себе внимание одна из частных переработок Эклоги, которая была, по-видимому, выполнена в интересующий нас промежуток времени. Этот источник хотя бы отчасти заполняет почти 150-летнюю лауну в истории византийского права.

В свое время К. Э. Цахариэ Лингенталь в предисловии к изданиям Прохирона³ и Эклоги Льва III и Константина V⁴, отметил, что в рукописях (Codex Parisinus graecus 1384 — XII в., Codex Vindobonensis juridicus graecus 3 — XIV в.) сохранился вариант Эклоги, который он назвал «Частной распространенной Эклогой» (*Ecloga privata aucta*). По мнению исследователя, ее основой явился второй вариант официальной Эклоги — так называемая «Частная Эклога» (*Ecloga privata*). «Частная Эклога» (в дальнейшем — *Ea*) была обнаружена им в ряде рукописей⁵. Она отличается от официальной Эклоги порядком титулов, статей и транскрипций.

Третий же вариант — *Ecloga privata aucta* (в дальнейшем — *ЧРЭ*) — явился расширенным и дополненным вариантом двух первых: официальной и частной. Многие из этих дополнений заимствованы из законодательства Юстиниана (в частности статьи 1, 3; 2, 7; 7, 1; 8, 2—4).

В 1865 г. этот текст был им критически издан⁶. В предисловии издатель отметил, что в Венской рукописи (Cod. Vind. jurid. gr. 3) имеются прямые ссылки на фрагменты, заимствованные из Дигест, из Эпитомы новелл Юстиниана, составленной Феодором Гермупольским (Dig., 48, 19, 38; Theod. Ep. Nov., 72; 1, 2; 3 sq.⁷ Эти дополнения⁸ следуют за восьмым титулом «Частной Эклоги». Далее за девятым титулом вновь приводятся заимствования из Кодекса и новелл Юстиниана.

Исследование привело К. Э. Цахариэ Лингенталья к заключению, что этот источник относится к IX столетию. Ранее он относил *ЧРЭ* к началу правления императора Василия I⁸, однако потом изменил свой взгляд. В публикации 1865 г. Цахариэ привел в пользу отнесения источника ко времени, предшествующему правлению Василия I, убедительную аргументацию⁹. Он указал, что ни в *ЧРЭ*, ни в *Ea* нет никаких следов законодательства Василия I. Они этому законодательству явно предшествуют. Такая точка зрения исследователя представляется более аргументированной, чем первоначальная¹⁰.

³ *Ἡ πρόχειρος νόμος. Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron. Ed. C. E. Zachariae. Heidelbergae, 1837, p. XVII.*

⁴ *Ecloga Leonis et Constantini, ed. C. E. Zachariae a Lingenthal, Lipsiae, 1852 [далее — Эклога (Zach)], p. 5 sq.*

⁵ Cod. Par. gr. 1391, f. 179—210 (absque proemio), Cod. Par. gr. 1371 (proemium tantum); cod. Vindob. jurid. gr. 8, f. 1—8 (tit. I—X); cod. Cryptoferrat. V, 60; cod. Vat. gr. 1168, f. 1—28; cod. Mosquensis (без точной ссылки).

⁶ *Ius graeco-romanum, pars IV, ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1865. [далее — *Ius* (Zach.).]. Этот текст переиздан без изменений П. Зепосом: *Ius graeco-romanum, VI. Aalen, 1962; ср. также: Ἀ. Π. Χριστοφιλόπουλος. Τὸ πρόβλημα τῆς Ecloga privata. — «Ἀρχαίων ἰδιωτικῆς δικαίου», 4, σελ. 97—105, — где высказан взгляд, что *Ea* была предварительным проектом (νομοσχέδιον) официальной Эклоги; см. L. Wenger. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953, S. 697, Anm. 202.**

⁷ *Anecdota, ed. Zachariae. Lipsiae, 1843 [далее — *Anecdota* (Zach.)], p. 213.*

⁸ *Ἡ πρόχειρος νόμος, р. XLVII—LIII; см. также: М. Бенеманский. Прохирон. Сергиев Посад, 1906, стр. 196.*

⁹ *Ius* (Zach.), IV, 1865, p. 4. Это изменение взгляда Цахариэ на датировку Л. Венгером не отмечено: ср. L. Wenger. Op. cit., S. 697, Anm. 202.

¹⁰ См. K. E. Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Lipsiae, 1892 = Aalen, 1955, S. 36 (далее — *Zachariae. Geschichte*; цитируем по изданию 1955 г.); ученый высказал предположение, что обработка (Bearbeitung) *ЧРЭ*, как и *Ecloga ad Prochiron mutata* и *Epitome ad Prochiron mutata*, происходит из Южной Италии, где найдены их рукописи.

Новые черты, которые были выявлены Цахариаэ в *ЧРЭ* по отношению к официальной Эклоге, происходили, по его мнению, из двух источников — из *Еа*¹¹ и из какого-то неизвестного руководства, включавшего отрывки из законодательства Юстиниана, а также не известные нам в оригинале законы и дополнения, почерпнутые из обычного права и из судебной практики.

В целом *ЧРЭ* может быть охарактеризована, на основании изысканий ее издателя, как единственный дошедший до нашего времени законодательный памятник в частной обработке, который может дать представление о состоянии византийского права в период после издания официальной Эклоги и до начала законодательства Македонской династии, т. е. в период между второй половиной VIII в. и последней четвертью IX в.

К. Э. Цахариаэ Лингенталь не оставил детального комментария к этому источнику. Однако его заслугой является то, что он своими наблюдениями открыл пути к дальнейшим изысканиям. Рукописи XII и XIV вв., которыми он пользовался, несомненно, свидетельствуют о том, что интерес к этому памятнику не угасал и в более позднее время, будь то в Византии или в норманской Южной Италии¹².

О том же можно заключить и из частных обработок позднейших законодательных сборников IX в., как, например, *Epitome ad Prochiron mutata* (XII в.), *Epitome aucta* (X в.), где имеются следы использования *ЧРЭ*¹³.

В 1927 г. английский ученый Э. Фрешфильд издал перевод текста *ЧРЭ* по изданию Цахариаэ Лингенталья на английский язык, снабдив его небольшим комментарием. Фрешфильд отметил, что текст *ЧРЭ* следует тексту Эклоги¹⁴, но рассматривает только личноправовые и частноправовые вопросы. В общем Фрешфильд в своих оценках источника полностью следует за Цахариаэ Лингенталем. Не давая систематического и полного комментария, Фрешфильд касается только некоторых, особо важных, по его мнению, изменений, внесенных в этот сборник, по отношению к официальной Эклоге. Так, он обращает внимание на наличие существенных изменений по вопросам «финансового права». Этот модернизированный по отношению к Византии и средневековому источнику термин имеет в виду кредитно-денежные отношения, а точнее — разрешение займов под проценты.

Подобно Цахариаэ Лингенталю, он считал, что главным источником дополнений *ЧРЭ* являлось — либо непосредственно, либо через какой-то утраченный источник — законодательство Юстиниана, а также не дошедшие до нас императорские эдикты. Он обратил внимание и на то, что фразеология в титуле, трактующем о браке и разводе, имеет черты сходства с той, которая использована составителями предисловия к официальной Эклоге и заимствована из императорской канцелярии.

Отмечая отсутствие точных данных о времени составления *ЧРЭ*. Фрешфильд поддержал аргументацию Цахариаэ Лингенталья и, подобно последнему, пришел к заключению, что источник возник до воцарения императора Василия I (867 г.) и до начала законодательства Македонской династии. Он склонен был относить время создания *ЧРЭ* к концу VIII в.

В отличие от Цахариаэ Лингенталья, который, по-видимому, не считал возможным рассматривать имеющиеся в инвокации слова «ἀπὸ τῶν ἰουστινιανῶν» как принадлежащие оригиналу *ЧРЭ*, Фрешфильд придает им большое значение¹⁵. Он отметил, что одна из важнейших глав, отличаю-

¹¹ Из *Еа*: 1, 3; 4, 7 (окончание); 5, 11; 6, 6; 7, 2; 8, 2.

¹² См прим 10.

¹³ См. о них: *Zachariae. Geschichte*, S. 27, 36; *Ius (Zach.)*, IV, 1965, p. 173 sq., 177.

¹⁴ *A Revised Manual of Roman Law founded upon the Ecloga of Leo III and Constantine V of Isauria. Ecloga privata aucta, rendered into english by E. H. Freshfield.* Cambridge, 1927.

¹⁵ Цахариаэ Лингенталь привел эти слова в сноске. Он указывает, что в рукописи

щая ЧРЭ от Эклоги и других сборников права, начинается с цитаты, заимствованной из Институций Юстиниана (3, 14). В этом именно титуле и идет речь о даче денег под проценты с определением максимально допустимого, с точки зрения закона, процента. В соответствии с законоположением Юстиниана и в отличие от других законодательных распоряжений таким образом легализуется ростовщичество и устанавливается законный предел взимаемого процента при ссудах по договоренности между сторонами. В случае нарушений и отказа выплаты денег долг может быть востребован по суду. Предельный процент не может быть, однако, превышен и по взаимной договоренности сторон. Норма процента изменялась в зависимости от социального статуса кредитора. При превышении нормы она должна была быть соответственно засчитана в счет долга и уменьшить полученную займы сумму.

Соображения Фрешфильда по вопросу о ростовщичестве и процентах не содержат ничего нового по отношению к тому, что известно из подробного рассмотрения этого вопроса у Сахариез Лингенталиа. Последний дал гораздо более полный перечень законов Кодекса Юстиниана, новелл Юстиниана, а также данных, имеющих у эпитоматоров, схолиастов, в памятниках позднейшего права (Прохирина, Эпанагоги, новелл Льва VI, Пире), в патристической литературе, каноническом праве и хронографии. Фрешфильд о данных, приведенных у Сахариез, не упоминает, хотя они могли бы восполнить многие лакуны в этой части комментария¹⁶.

Итак, по сути дела выводы Фрешфильда внесли мало нового в оценку и анализ интересующего нас памятника права. Некоторые частные вопросы, которых касался Фрешфильд в примечаниях к своему переводу, будут рассмотрены ниже.

Следует подчеркнуть, что оба названных ученых единодушно признают важность ЧРЭ, восполняющей наши знания о том периоде в развитии византийского права, который не освещен другими источниками.

Мы полагаем, что оценить имеющиеся в этом источнике сведения по достоинству можно лишь на основе систематического анализа его в целом. Важно шаг за шагом выяснить, что именно он вносит нового, и проследить судьбы этого нового в позднейших источниках, будь то памятники официального законодательства или, подобные ЧРЭ, сочинения какого-либо частного юриста. Ни первое, ни в особенности второе до сих пор сделано не было. Поскольку официальная Эклога была, с одной стороны, дополнена в ЧРЭ новыми законоположениями, с другой — не все статьи ее нашли отражение в ЧРЭ, то и этот момент должен быть принят во внимание при анализе материала.

Подобные частные компиляции официальных источников явились в Византии своеобразной формой пособий для юристов-практиков, формой, где, разумеется, ничего нового по отношению к изданным императорами законам не присоединялось. Но составители таких компиляций, не присваивая себе функций законодателя, сталкивались на практике со случаями, не предусмотренными в кратких официальных законодательных

тексту предшествует, кроме этого, индекс титулов, который, по-видимому, составлен копиистом: Ius (Zach.), IV, 1865, p. 7, N. 1.

¹⁶ Ср. Zachariae. Geschichte, S. 308 f, 312 f. Эклога не упоминает о процентах. Никифор I их полностью запретил (*Theophanis. Chronographia*, rec. C. de Boog, I, Lipsiae, 1883, p. 488). Прохирион (Proch., 16, 14) полностью запрещает взимание процентов; также и Эпанагога (28,2), оговаривая лишь исключение для малолетних и сирот. Лев VI (Nov., 83) разрешил их снова. Василики следуют законоположениям Юстиниана; ср. Bas. (23,3) и Земледельческий закон (67). См. W. Ashburner. The Farmer's law. — JHS, XXX, 1910, p. 106. О Морском законе см. E. H. Freshfield. Op. cit., p. 3; E. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX века. М.—Л., 1961, стр. 109 сл.; М. Я. Сюзюмов. Морской закон (Перевод и комментарий). — АДСВ, 6, 1969, стр. 1—64.

сборниках типа Эклоги, и дополняли их, заимствуя недостающие сведения и законы из нигде не отмененных более обширных сводов Юстиниана или из каких-либо нам не известных в оригинале новых законоположений. Заимствования из свода Юстиниана облегчались тем, что под руками этих юристов-практиков имелись краткие греческие сводки Эпитомы, пособия и справочники, как, например, очень популярные сводки новелл Юстиниана, Феодора Гермупольского, Афанасия Эмисенского, греческий перевод Институций Юстиниана, юриста VI в. Феофила, интерпретации законов Юстиниана Фалелеем, справочник «О сроках» и т. д.

Выявление подобных черт отличия нашего частного юридического источника от официальной Эклоги, таким образом, должно дать материал для суждения о том, каковы были результаты применения Эклоги на деле и в каком направлении далее шло развитие византийского права.

Прежде чем перейти к последовательному рассмотрению всех этих вопросов, нужно отметить, что, помимо исключения некоторых статей Эклоги, в ЧРЭ изменен и порядок расположения материала.

Обратимся к рассмотрению внесенных изменений, следуя порядку изложения ЧРЭ.

Из четырех статей первого титула ЧРЭ, трактующего, как и в Эклоге, об обручении, вторая и третья не имеют параллелей в Эклоге. С другой стороны, из четырех статей аналогичного первого титула Эклоги только одна первая перешла в ЧРЭ¹⁷.

Первая из дополнительных статей ЧРЭ (1, 2) содержит законоположение, предоставляющее право безнаказанного разрыва помолвки каждой из сторон, если обрученный живет в той же епархии, что и невеста, и если брак не будет осуществлен в течение двух лет и если не препятствует заключению брака возраст невесты. А также, если кто-либо из обрученных принимает монашеский обет. В этом случае обручение считается полностью недействительным. Попробуем ответить на вопрос, откуда могло быть взято автором сборника это законоположение. Мы полагаем, что оно скомпилировано из двух источников, которые входят в состав свода Юстиниана.

В законе Константина I и Констанция (CJ, 5, 1, 2 = CTh, 3, 5, 4)¹⁸ имеются положения, которые легли в основу первой части статьи. При сопоставлении статьи ЧРЭ 1,2 с этой конституцией Кодекса нетрудно убедиться в том, что статья ЧРЭ по отношению к конституции Кодекса имеет дополнения, а именно в части, указывающей на возможные препятствия (возраст, монашество), делающие соглашение об обручении недействительным. О вступлении в монастырь, как причине разрыва обручения, речь идет в новелле Юстиниана 123, 39 (546 г.), откуда это и было почерпнуто автором статьи ЧРЭ. Наличие указания на принятие монашества, возможно, свидетельствует также о том, что ЧРЭ возникла в период после восстановления иконопочитания (окончательного или временного), тогда как Эклога была издана в период, когда налицо были предпосылки антимонашеского движения.

Следует отметить, что на закон Константина и Констанция обратили внимание и позднейшие законодатели — составители Прохирона и Эпаногаги, откуда в них включены соответствующие постановления (Proch.,

¹⁷ Из первого титула Эклоги в ЧРЭ опущены полностью или частично статьи Эклоги: 1, 2 — о заключении письменного договора при обручении и об ответственности сторон в случае расторжения соглашения по желанию одной из сторон; 1, 3 — о двухлетнем сроке ожидания невестой заключения брака (как предельном) после обручения; 1, 4 — об обручении малолетних сирот и их праве расторгнуть соглашение, заключенное до наступления их совершеннолетия. Нумерация статей Эклоги дана, кроме случаев особо оговоренных в сносках, в соответствии с книгой: «Эклога». Византийский законодательный свод VIII века. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965 [далее — Эклога (Липшиц)].

¹⁸ В тексте использованы также: CTh, 3, 5, 5; CJ, 5, 1, 2; по отношению к CTh имеются дополнения; см. CJ, p. 192, 8—10.

1,9; Еван., 14, 12). Этот закон в измененном виде нашел отражение и в Василиках (Bas., 28, 1, 16), где текст дополнен в последней своей части за счет CJ, 5, 17, 2¹⁹.

Однако ни в одном из этих поздних текстов не упоминается о вступлении в монастырь, как уважительной причине при расторжении помолвки. Другими словами, часть статьи ЧРЭ, заимствованная из новеллы Юстиниана, не вошла в позднейшие сборники права.

Следующая дополнительная статья ЧРЭ в этом титуле (1, 3) ведет свое происхождение, вероятно (по мнению Цахаризэ)²⁰, из «частной Эклоги». В ней говорится, что безнаказанный разрыв соглашения о браке возможен, когда неимущий (εὐτελής) собирается вступить в брак с богатой и если с невестой помолвка разорвана вследствие смерти ее матери. В этой статье обращает на себя внимание сохранившееся в начале ее указание «оттуда же». Фрешфильд предполагал, что здесь автор воспроизводит не дошедший до нас эдикт²¹. Если это и так, то во всяком случае нам представляется, что слова «оттуда же» скорее относятся к какому-то промежуточному источнику, т. е. к ЕА.

Во втором титуле ЧРЭ о браке порядок статей сильно отличается от соответствующего титула Эклоги. Некоторые статьи, кроме того, перемещены в другие титулы (например, 1, 4 соответствует Эклоге, 2, 2). Однако по своему содержанию все первые девять статей ЧРЭ 2, 1—9 находят соответствие в Эклоге.

В дальнейших статьях этого титула уже наличествуют дополнения. Так, ЧРЭ 2, 10 не имеет параллели в Эклоге. По своему содержанию эта статья примыкает к предшествующей, где предусмотрена возможность заключения письменно не оформленного брака (ЧРЭ 2, 9 = Эклога 2, 10²²) и определены имущественные последствия его для жены, пережившей своего мужа.

ЧРЭ 2, 10 начинается указанием на то, что установленные в предшествующей статье предписания должны быть соблюдены не только впредь всегда, но и «до издания этого нашего благочестивого закона» по отношению к бракам, заключенным и оформленным письменным договором. Далее следуют ссылки на всемогущего бога, который заставляет нас не допускать какого-либо предлога для беззакония (ἀδικίας) и вносится новое дополнение. Предписывается обязательно соблюдать порядок при разрешении всех фамильных имущественных споров (родителям с детьми, детям с родителями), чтобы без дрызг разрешать их и без судебных тяжб, без столкновений (μάχας) и болтовни.

Уже по самому характеру изложения этой статьи чувствуется, что она ссылается на какой-то новый закон (вероятно, утраченную конституцию), со времени издания которого должен быть соблюден новый установленный им порядок. Справедливо отмечалось также сходство в фразеологии статьи с предисловием к Эклоге²³.

Следующая дополняющая Эклогу статья ЧРЭ 2, 13 является продолжением предшествующей ей статьи 2,12 (которая соответствует Эклоге 2,11). В последней шла речь об имущественных правах малолетних детей

¹⁹ Ὁ μνηστευόμενος κόρην καὶ μὴ συμφωνήσαι χρόνον ἐν μνηστεία ὀφείλει ταύτην, ἐν μὲν ἐν τῇ αὐτῇ ἐπαρχία διάγει εἰς αὐτὴν διατίας γαμῶν καὶ ἄλλων καὶ ἐν ἄλλῃ ἐπαρχίᾳ εἰς αὐτὴν τριετίας εἰ δὲ ἐπέρθηται, δύναται ἢ κόρη ἑτέρῳ συνάπτεισθαι (если же в отсутствии, то в пределах трехлетия, если же за пределами этого срока, девушка может соединиться с другим). См. ВТ 1317. Ср. также схолию Фалелея (BS 1801), согласно которой двухлетний срок при наличии законной причины может быть продлен Фалелей ссылается на Dig., 23,1. См. также: Sup. Bas. M, 15, 10, p. 498; Ius (Zach.), V, p. 498; Peira, 49, 26; Ius (Zach.), I, p. 232.

²⁰ Ius (Zach.), IV, p. 6.

²¹ E. H. Freshfield. Op. cit., p. 25, n. 2. Он отметил также, что источник: статьи неясен и текст неполон. Ср. Ius (Zach.), IV, p. 7, n. 9.

²² В изд. Zachariae ей соответствует 2, 9.

²³ E. H. Freshfield. Op. cit., p. 31.

при вступлении их матери во второй брак. В Эклоге 2,11 вопрос рассмотрен детальным образом, в соответствующей же статье ЧРЭ (2,12) — суммарно. Дополнительная же статья ЧРЭ 2,13, носящая название «О наследстве сирот», содержит законоположение, которым предписывается, чтобы наследство детей-сирот, умерших в малолетнем возрасте (τῆ πρώτῃ ἡλικίᾳ), не переходило к их матери. Ибо доля, причитающаяся на ребенка, переходит к братьям умершего по отцу. Это дополнение заимствовано, по всей вероятности, из Дигест. В Дигестах (26, 6, 2, 1) цитируется (по-гречески) высказывание Модестина (libro primo de excusationibus), в котором, подобно рассматриваемой статье ЧРЭ 2,13, указано, что мать отстраняется от законной доли наследства ребенка (ἡ μὲν γὰρ μήτηρ ἐξελαινεταὶ τῆς τοῦ παιδὸς νομίμου κληρονομίας²⁴).

Нужно сказать, тем не менее, что в ЧРЭ текст переделан по-своему и согласован с предшествующей статьей этого законодательного сборника.

Среди дополнительных статей того же титула в ЧРЭ должны быть отмечены еще некоторые статьи, имеющие своим источником законодательство Юстиниана. Таких статей имеется целая серия — 2, 16; 18, 19; 21 и 22.

Одновременно обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в этом титуле, где речь идет об условиях действительности брака, в ЧРЭ опущены две последние статьи Эклоги, где говорится о разводе. Это, разумеется, отнюдь не случайно.

Если сравнить ЧРЭ с Эклогой, можно легко убедиться, что первая ставит вопрос о разводе иначе, чем Эклога. ЧРЭ следует в этом отношении нормам, установленным новеллами Юстиниана, которые определяют условия развода не так, как Эклога.

Эклогой в эту часть законодательства предшествующего времени внесены существенные изменения — были значительно ограничены возможности развода и сведены до минимума причины, которые признавались законными. Суровые предписания Эклоги на практике, видимо, далеко не всегда соблюдались. Об этом можно заключить уже из нового закона, изданного между 776 и 780 г. Львом IV и Константином VI²⁵. В законе констатируются факты нарушения предшествующих предписаний. В конституции Льва IV и Константина VI сделаны уступки; отчасти восстанавливаются нормы права VI в. Согласно последним, развод был разрешен во многих случаях²⁶. Он осуществлялся по частному акту²⁷ без приговора суда²⁸. Наказание налагается в форме возмещения ущерба по моральным основаниям на того из супругов, кто дал повод для развода. Предусмотрено было также и наказание, налагаемое на тех, кто разводится без оснований²⁹. Издавна достаточным основанием для развода считалось взаимное согласие на развод обоих супругов. Хотя Юстиниан и отверг было это основание в новеллах 535 и 556 гг. (117, 13 и 134, 11) (при разводе по обоюдному соглашению супругов³⁰ предписывалось заточение в монастырь и запрещение вторичного вступления в брак), однако, вскоре порядок был изменен. Юстин II (Nov. 2, 566 г.) рассматривал взаимное согласие на развод как его законную причину. К тому же и вторичный брак разведенному был по существу разрешен (contra Nov. Just.

²⁴ Ср. Bas., 37, 6, 2; BT 1665. В Дигестах и соответственно в Василиках речь идет лишь о матери, не проявившей должной заботы о назначении опекуна.

²⁵ Coll. I., nov. 26; Ius (Zach.), III; Zachariae. Geschichte, S. 78—79.

²⁶ Zachariae. Geschichte, S. 77.

²⁷ Nov. Just., 22, 3 (535); cf. Bas., 28, 7, 4; Sch. 2 (Hb), III, p. 225; BS 1871.

²⁸ Bas., 28, 7, 4; BS 1871 — Bas. (Hb), III, p. 225; Sch. 2 ζῆτες; Zachariae. Geschichte, S. 77, Anm. 177.

²⁹ Zachariae. Geschichte, S. 77; ср. Theod. Epit. Nov., 134, 26.

³⁰ О разводе по обоюдному соглашению в византийском праве византийские законодательные памятники говорят по-разному: (Ius (Zach.), III, Coll., I, Nov. 30; Proch 11, 4; Epanag., 21, 4, sch. «f»; Bas. 18, 7, 6, sch. 1; 7, 8, sch. 2; Syn. Bas. «Г», 4, Sch. «b», p. 156; Peira, 25, 37; 62; 68, 6 и др.

117, 3, 542 г.). Как указывал Цахарияэ, позднейшие византийские юристы считали, что развод без законных оснований при правильной интерпретации новеллы Юстиниана 117, 11 (542 г.) должен рассматриваться, собственно говоря, как недействительный³¹.

Рассмотрим по порядку дальнейшие статьи ЧРЭ, дополняющие второй титул Эклоги и корректирующие ее путем исключения двух ее статей (Эклога 2, 14 и 15).

1) ЧРЭ 2, 16. В этой статье, имеющей особое заглавие, идет речь о вступлении в монастырь. При намерении вступить в монастырь брак расторгается у лиц, заключивших его по устному соглашению (*ἀγράφως*). Если оба супруга избирают этот путь, брак расторгается и при отсутствии, и при наличии детей безнаказанно. Если один из супругов вступает в монастырь и имеется до трех детей, то четвертая часть всего имущества предоставляется тому из супругов, кто не избрал монашескую жизнь. Если же имеется четверо или более детей, то доля одного ребенка переходит в собственность (*δεδιοτρίσταν*) к тому, кто не вступил во второй брак. Ибо затем и эта доля отдается детям³². И если до вступления в монастырь лицо, намеревающееся принять монашеский обет, желает разделить оставшееся имущество между своими детьми, или — при отсутствии детей — передать его родителям, оно может это сделать, удержав часть, причитающуюся на одного ребенка, и отдав ее как взнос в монастырь, куда намеревается вступить. В случае смерти этого лица, последовавшей без завещания, его дети после смерти отца получают законную долю из его оставшегося имущества — если детей будет менее четырех, то в размере одной трети, если их больше, то в размере половины; если детей нет, но есть родители, то они получают тоже одну треть.

В новелле Юстиниана 123, 38 (546 г.) можно найти текст, на котором, вероятно, основывался автор статьи. Он внес в этот текст очень небольшие изменения. Этот же текст сохранился у Анонима Бодлеянской библиотеки (Anon. Bodlejanus, p. 219)³³, деятельность которого относится к VI—VII вв.³⁴ Ср. также новеллу 22,5 (535—536 гг.) о разрешении расторжения брака при вступлении в монастырь).

Что касается этих новелл Юстиниана, то и в позднейшем законодательстве IX в. они использовались достаточно часто. Так, аналогичные по содержанию постановления вошли в состав Прохирона Василия I (24,3) и Эпанагоги (9, 10). Однако в этих законодательных сборниках характер эксцерптов из новелл стилистически отличен от ЧРЭ. Предельно лапидарный и ясный стиль свидетельствует о том, что авторы Прохирона и Эпанагоги сами непосредственно использовали новеллы Юстиниана через эпитому Феодора Гермупольского³⁵.

Наша статья не послужила им источником, хотя и заимствована из того же источника. Нужно, однако, отметить, что мысль составителя ЧРЭ, на которую его, вероятно, наталкивали изменившиеся после издания Эклоги жизненные обстоятельства, предвосхищала путь, по которому пошли вскоре составители Прохирона и Эпанагоги.

2) В ЧРЭ 2, 17 предусмотрена возможность безнаказанного развода после трех лет брака, заключенного по устному соглашению (*ἀγράφως*), в случае импотенции мужа. Статья основана на уже упомянутой 22-й новелле Юстиниана (22,6). Этот текст новеллы повторен в ЧРЭ дважды

³¹ *Zachariae. Geschichte* S. 81.

³² Это типичный случай собственности на время, понятие о которой было чуждо классическому римскому праву.

³³ *Anecdota (Zach.)*, p. 219, Nov. 123, 38.

³⁴ Цахарияэ отождествлял этого анонимного писателя с Юлианом. Этот вопрос вызвал большую дискуссию; см. подробно *L. Wenger Op. cit.*, S. 675, Ann. 261. S. 676; см. также: *H. I. Scheltema. L'enseignement de droit des antécédents*. Leiden, 1970, p. 53, n 124; p. 54, n 129.

³⁵ *Anecdota (Zach.)*, Nov. 123, 38; ср. *Proch.*, 24,3; *Epan.* 9, 10, *CIC*, III, 1959, p. 621.

(вторично — по письменному соглашению). (ср. 2,20); он был использован также автором известного справочника о сроках ³⁶, которым часто пользовались византийские юристы. Справочник обычно датируется VI—VII вв.

3) *ЧРЭ* 2,18 в свою очередь восходит к 140-й новелле Юстина II (566 г.), а также к новелле Юстиниана 22,4 (536 г.), разрешающим развод по обоюдному согласию супругов. Новелла Юстиниана 22,4 использована, насколько нам известно, только в рассматриваемой статье *ЧРЭ*. Новелла же Юстина II о разводе по обоюдному согласию супругов в сокращении содержится в Эпитоме Феодора Гермупольского (Epit. Theod., 140) и Афанасия Эмисенского (10, 11). Она использована и каноническим правом в Номоканоне в XIV титулах (tit. 13,4). О колебаниях в законодательстве VI в. по этому вопросу речь шла уже выше. При анализе *ЧРЭ* важно подчеркнуть, что в этом пункте проявилось серьезное расхождение между *ЧРЭ* и официальной Эклогой. Первая не приняла изменений, которые внесла в этом отношении официальная Эклога. Среди причин развода, признаваемых Эклогой, мы не находим причины развода по обоюдному согласию супругов. А вне причин, перечисленных в Эклоге, супруги не могут расходиться в соответствии с предписанием «кого бог соединил, человек да не разделит» (Ев. от Матфея, 19,6; Ев. от Марка, 10, 9). Статья официальной Эклоги воспроизведена только в Эклоге, измененной по Прохирону (Ecloga ad Prochiron mutata, 3, 3) ³⁷, в то время, как по тому же пути, что *ЧРЭ* 2, 18, шла и новелла Льва IV и Константина VI ³⁸, шло и позднейшее законодательство, хотя и по-разному ³⁹.

4) *ЧРЭ* 2, 19 (как и сходная с ней отчасти 2, 16) о праве на расторжение брака при вступлении в монастырь одного из супругов и о судьбах имущества каждого из них основана на новелле Юстиниана 123, 38 (546 г.). В сжатой форме текст новеллы встречается у эпитоматоров (Anon. Bodlejanus 18; Theodor. Herm. Epit. 123) и в позднейшем законодательстве (Proch., 24, 3; Epanagoge, 9, 10). Располагая сводками эпитоматоров, возникшими в VI—VII вв., неизвестный автор *ЧРЭ* мог легко использовать это законоположение, отсутствовавшее в официальной Эклоге, возможно, по причине антимонашеской ориентации ее составителей ⁴⁰. Это дополнение согласуется, таким образом, с отмеченным нами выше дополнением в статье 1, 2 титула об обручении.

5) Статья *ЧРЭ* 2, 21, как и следующая 2, 22, содержит перечень оснований для развода по желанию одного из супругов при вине другого (2, 21 — по инициативе мужа, 2,22 — по требованию жены). Перечень основан на данных новеллы Юстиниана 117,8 и 117,9 (542 г.), однако с существенными сокращениями законоположений новеллы. И та, и другая статьи 117-й новеллы были использованы и в других источниках — в Прохироне (11, 1, 5—18), в Эпанагоге (21,5, 6), а также в Василиках (28,7, 4), в Синописе (Major) Василик (Г, IV, 4) ⁴¹ и в Номоканоне, в XIV титулах (1,32 и 11,4) с присоединением положений из новеллы Юстиниана 134,10 (556 г.).

Таким образом, второй титул *ЧРЭ* содержит существенные отличия от Эклоги. Эти отличия указывают на развитие права в направлении, близком к тому, которое в конце IX в. было принято официальным законодательством Македонской династии. Однако мы не имеем оснований видеть в *ЧРЭ* источник, использованный этим официальным законодательством.

³⁶ «Ai *Ῥροπίαι*» oder die Schrift über die Zeitabschnitte, welche insgemein einem Eustathios, Antecessor zu Konstantinopel zugeschrieben wird. Herausgegeben von C. E. Zachariae. Heidelberg, 1836, S. 203.

³⁷ Ius (Zach), IV, p. 74—75

³⁸ См. выше, прим. 25.

³⁹ См. выше, прим. 30.

⁴⁰ Фрешфильд, комментируя эти тексты, высказал предположение, что они могли возникнуть после антимонашеских мероприятий Константина V в конце VIII в.

⁴¹ Ius. (Zach), V, p. 151.

По-видимому, составитель *ЧРЭ*, руководствуясь требованиями жизни, изменившимися социально-политическими условиями, шел своим путем, сходным с тем, который избрали позднее, независимо от *ЧРЭ*, составители официальных законодательных сборников.

В третьем титуле *ЧРЭ*, посвященном законодательству регламентирующему правила дачи приданого, не заметно сколько-нибудь существенных отличий от *Эклоги*, хотя в *ЧРЭ* (3, 1) срок востребования обещанного, но не уплаченного мужу, приданого (для лиц старше 25-летнего возраста) и уменьшен (в *Эклоге* срок установлен в течение пяти лет после заключения брака, в *ЧРЭ* — в течение двух лет). Текст в *ЧРЭ* изложен иначе, но не содержит каких-либо значительных дополнений. Обе статьи этого титула *Эклоги* в измененном виде превратились в четыре статьи *ЧРЭ*⁴².

Иначе обстоит дело в титуле четвертом о дарениях. Там бросаются в глаза отличия даже в тех пунктах, которые основаны на законоположениях *Эклоги*.

В *Эклоге* четвертый титул о дарениях состоит из шести статей. В *ЧРЭ* — их семь, притом в *ЧРЭ* одна из статей (4, 5) соответствует двум статьям *Эклоги* (ср. *Эклога* 4,3 и 4,4).

Статья *ЧРЭ* 4,1 о письменно оформленном даре находит соответствие в *Эклоге* (4,2) лишь в своей первой части. В ней имеется дополнение, ограничивающее этот вид письменно оформленного простого дара суммой до пятисот номисм (о чем в *Эклоге* не упомянуто). Число требуемых свидетелей также различно. В *Эклоге* считается возможным совершение такого письменно оформленного дара в присутствии трех или пяти свидетелей, в *ЧРЭ* 4,1 — только пяти.

Автор *ЧРЭ* ввел дополнительную вторую статью (4,2), не находящую параллели в *Эклоге*, где рассмотрены условия, требуемые для признания действительности дара на сумму, превышающую 500 номисм. В этом случае требуется его совершение либо в присутствии магистра ценза (τῷ μαγίστρῳ τοῦ κήρσον), либо, если дело происходит в провинции (κατὰ χῶρας), эдикка (διὰ τοῦ ἐκδικίου)⁴³. Если же это условие не соблюдено, то дар будет сочтен действительным только в пределах суммы до 500 номисм.

Эта дополнительная статья, с которой связано и дополнение, внесенное в первую статью четвертого титула *ЧРЭ*, основана на законодательстве Юстиниана — С. J., 8, 53, 34, 1 (529 г.)⁴⁴ и Nov. 162, 1, 2 (539 г.), Nov. 127, 2 (548 г.). Оба законоположения новелл заслуживают внимания еще и потому, что если в первой мы находим аналогию к заключительной фразе статьи, то во второй перечислены сановники («в столице — магистр ценза, в провинциях — эдикки городов») ⁴⁵, аналогичные упомянутым в *ЧРЭ*. Можно ли из этого заключить, что сохранился старый порядок и те же чиновники продолжали во времена *ЧРЭ*, как и в VI в., исполнять прежние функции, остается под вопросом. Во всяком случае известно, что Лев VI в новелле 44 указал, что в его время вместо магистра ценза эти функции выполняет логофет τοῦ γερμικοῦ⁴⁶. Все эти источники VI в. были включены позднее в *Василики*⁴⁷.

⁴² В Nov. Just., 100, 1 (539 г.) — срок от 2 до 10 лет, в CJ, 5, 15, 3 (528 г.) — без срока. В *Эклоге* срок востребования — 5 лет. В *ЧРЭ* (3, 1) — срок 2 года, так же, как и в Proch., 9, 11; Proch. a. 11, 20 — срок 5 лет; в Ecloga ad Proch. m. срок 5 лет;

⁴³ E. H. Freshfield. Op. cit., p. 40, где термин ἐκδικίος переводится как «Public Advocate»; точнее было бы «defensor civitatis».

⁴⁴ В CJ, 8, 53, 34, 1 (529 г.) указана сумма в 300 солидов.

⁴⁵ Nov. 127, 2: ἐπὶ μὲν τῆς βασιλίδος πόλεως παρὰ τοῦ μαγίστρου τῶν κήρσον, ἐν δὲ ταῖς ἐπαρχίαις παρὰ τῷ τῆς πόλεως ἐκάστης ἐκδικίῳ (CJС, III, 1954, p. 634).

⁴⁶ Zachariae. Geschichte, S. 353, Anm. 238; Jus (Zach.), III, p. 137.

⁴⁷ Конституция Кодекса (CJ, 8, 53, 34) включена в *Василики*. — Bas., 47, 66, Bas (Hb), IV, p. 588; BT 2141; со схотией Феодора. — Ibid., p. 588—589; BS 2785. Равным образом и новелла 162, 1, 2 включена в Bas 47, 1, 76, 1 (Ibid., p. 594—595). Новелла 127,2 включена в *Василики* (Bas. 29, 4, Bas. (Hb), II, p. 467). Новеллу

Различия наблюдаются и в следующих статьях. Первая статья четвертого титула Эклоги о даре, сделанном путем устного заявления, находит соответствие в *ЧРЭ* 4, 3, однако в последней дар признается действительным лишь в том случае, если он сделан в присутствии пяти свидетелей (в Эклоге — трех — в малонаселенной местности и пяти — в населенной). В *ЧРЭ* 4, 4 также, несмотря на аналогичное с Эклогой (4, 3), местами даже буквальное совпадение текста, можно констатировать наличие дополнения, ограничивающего это предписание закона, относимое автором только к дарам, не превышающим сумму в 500 номисм, т. е. аналогичное с тем, которое имеется и в *ЧРЭ* 4, 1 и 4, 2. Также имеется изменение, как в вышеперечисленных статьях, количества (5) свидетелей.

Сходное отличие можно констатировать в статье *ЧРЭ* 4, 5 по отношению к аналогичной ей статье Эклоги (4,4).

Следующая статья *ЧРЭ* (4, 6) совпадает с Эклогой (4, 5). В последней статье этого титула *ЧРЭ* (4, 7) о возврате дара с перечислением причин, допускающих эту отмену, наблюдается полное совпадение между обоими источниками (ср. Эклога 4, 6). Однако автор добавил многоречивое разъяснение о том, как это происходит (при жизни дарителя или после его смерти). Если нет в живых дарителя и в завещании о возврате дара ничего не сказано, дар остается в силе.

Сопоставленные данные позволяют заключить о большой самостоятельности автора *ЧРЭ* в подборе дополнений к Эклоге. И здесь они почерпнуты из тех же источников, из которых черпали позднейшие составители Василия. Использованы были, видимо, сводки эпитоматоров новелл Юстиниана, а также и Кодекса Юстиниана.

Титул пятый *ЧРЭ* состоит из одиннадцати статей. В Эклоге их восемь ⁴⁸. При этом в титуле опущены две статьи Эклоги (5, 6 и 5, 8). Он посвящен, как и в Эклоге, рассмотрению вопроса о завещании.

При сопоставлении *ЧРЭ* и Эклоги обращает на себя внимание статья третья пятого титула *ЧРЭ*. Эта статья, после повторения содержания предельно краткой соответствующей статьи Эклоги (5, 3) об устных завещаниях, содержит дополнение автора. Устное завещание по Эклоге и *ЧРЭ* считается действительным, если оно сделано в присутствии семи свидетелей. Однако автор *ЧРЭ* счел необходимым пояснить, как практически происходит эта процедура. Он указывает, что свидетели обязаны записать для памяти (πρὸς ἑαυτοῦς ἐγγράφως πρὸς μνήμην ἰδίων ἀποζημιούμενων) имена наследников, распоряжения, касающиеся их, льготы, освобождения. Свидетели не должны опускать какого-либо пункта из этого волеизъявления или того, что они услышали в отношении намерений завещателя по поводу дел, и обязаны клятвенно заверить, что сберегут это все в памяти.

Как уже было отмечено, в пятом титуле *ЧРЭ* опущены две статьи Эклоги. Первая из них (5, 6) содержит разрешение составлять завещания в пользу постороннего лица в случае, если это лицо проявит заботу о родителях вместо их законнорожденного сына, не проявившего подобной заботы. В *ЧРЭ* эта статья заменена кратко и частично сформулированным изложением законоположений новеллы Юстиниана 115,3 и 115, 4 (542 г.), согласно которым упоминание детей в завещаниях, оставленных их родителями (кроме случаев неблагодарности детей), запрещено. То же относится и к детям, вообще не упоминающим в своих завещаниях родителей. Первая часть (т. е. законоположение новеллы 115, 3) суммирована в Эклоге в титуле шестом (6, 13), что же касается второй части новеллы (115, 4), где речь идет об отсутствии упоминания о родителях в завещании

162,1 см. у эпитоматоров: *Theolori Herm.*, 162; *Athan.*, 18, 4; *Anon. Bodl.*, 30; *Anecd.* (*Zach.*), p. 223; *Περὶ δι' φόρων ἀναγνώσμάτων*, § 19, *Anecd.* (Нб.), p. 197.

⁴⁸ Однако это расхождение в числе статей объясняется тем, что некоторые статьи Эклоги из других титулов включены в пятый титул *ЧРЭ* (*Ecloga*, 16, 1: 17, 4).

их детей, то эта часть в Эклоге опущена. Пробел восполнен автором *ЧРЭ* в статье 5, 6⁴⁹.

Законоположение, которое мы находим в *ЧРЭ* 5, 6, соблюдалось, как мы знаем из юридической практики, записанной в Пире, и в XI в. (Rei-ga 14,9). Оно же вошло в состав Прохирона, Эпанагоги и Василик⁵⁰.

Что касается второй дополнительной статьи Эклоги (5, 8), в которой речь идет о действительности завещания, оставленного раненым на войне или в пути даже при наличии всего двух свидетелей (вместо семи) и при отсутствии номика, то она заменена в *ЧРЭ* другой статьей (5, 8), также трактуемой о воинском завещании. Эта статья содержит законоположение, согласно которому воинское завещание признается действительным, если завещатель является подвластным и если, находясь в лагере (*ἐν φασσάτῳ*), он попросит кого-либо составить завещание вместо него и если он либо письменно, либо устно выразил свою волю. И так как — говорится в статье — стратегиоты бывают несведущи в законах, им разрешается завещать без указанной выше (имеются в виду предшествующие статьи) точности, но так, как они этого желают и как могут это сделать, выразив свою волю в условиях походной жизни (*ἐν τοῖς ἐξπeditoῖς διαγούταις*).

Статья *ЧРЭ* 5, 8 полностью следует тому, что сказано на этот счет в Институциях Юстиниана⁵¹. Институции могли быть использованы автором и через посредство более понятной автору IX в. греческой Парифразы к Институциям Феофила⁵². Это законоположение находит соответствие и в конституции Юстиниана 529 г., включенной в Кодекс Юстиниана⁵³. Аналогичная мысль выражена и в Дигестах, где приведена выдержка из 45-й книги Ульпиана (*ad edictum*)⁵⁴. Закон Юстиниана вошел в состав Василик⁵⁵. |

В Прохироне и Эпанагоге⁵⁶, где текст передан в измененной форме, но с сохранением мысли законодателя, и где речь также идет о завещании подвластных лиц, находящихся в походе, вместо транскрибированного по-гречески латинского термина (*expeditionibus*) употреблен уже греческий термин (*ἀπὸ ταξιδίου*). Редакция текста в последних двух источниках более независима от законодательства Юстиниана, чем редакция в *ЧРЭ*.

Статья *ЧРЭ* 5, 9 о раненом, желающем перед смертью оставить завещание и написавшем его кровью на своих ножнах или щите или мечом на земле, не имеет параллели в Эклоге. Она заимствована из Кодекса Юстиниана⁵⁷, куда был включен закон Константина от 334 г. Последняя фраза этого закона повторена в *ЧРЭ* 5, 9 буквально.

В шестом титуле *ЧРЭ* все статьи, кроме последней (6, 6), совпадают с законоположениями, включенными в шестнадцатый титул Эклоги. Там речь идет о воинском имуществе и имуществе подвластных лиц. Последняя же статья этого титула *ЧРЭ* содержит дополнение. Там говорится, что подвластные дети имеют право завещать имущество, полученное ими по наследству от своих братьев. Эта статья по существу трактует вопрос о завещаниях, полученных подвластными лицами от своих братьев, в том же

⁴⁹ § 1—12 новеллы 115, 3 вошли в суммированной форме в Эклогу 6, 13; §1—14 вошли в *ЧРЭ* 7, 16 и 18; новелла Юстиниана 115,4 использована в *ЧРЭ* трижды: в *ЧРЭ* 7, 19; 7, 20 и 5, 6 = Nov. 115, 4 pr.

⁵⁰ Proch., 33, 18; Epagag., 34,7; Bas., 35, 7, 37.

⁵¹ Inst., 2, 11 pr.

⁵² Theoph. Inst., 2, 11 pr.

⁵³ CJ, 6, 21, 17 = 2, 50 (51)8 = 7, 35, 8. Оттуда же взят и латинский термин «*expeditionibus*», транскрибированный в *ЧРЭ* по-гречески «*ἐξπeditoῖς*».

⁵⁴ Dig., 29, 1, 1. Ульпиан цитирует указ императора Траяна, подтверждающий действительность завещаний воинов, выполненных с отступлением от обычных правил.

⁵⁵ VT, 35, 21, 1 (VT 1647).

⁵⁶ Proch., 22, 6; Epagag., 31, 4.

⁵⁷ CJ, 6, 21, 15. Закон был включен в CTh, 2, 4, 3 (ср. 4, 6, 4; 9, 3, 5; 14, 1, 17). Об имеющих различиях см. JCS, II, 1954, p. 252, n. 14, 14a.

духе, как это сделал немного позднее схолиаст к тексту Эпанагоги (30, 1) ⁵⁸, а в первой половине XI в. — автор Пирры (1, 7) ⁵⁹. Право завещания имущества подобной категории было запрещено законом Юстиниана (CJ, 6, 22, 11, 531 г.).

Эта дополнительная статья обращает на себя внимание и в том отношении, что ее автор пошел по пути расширения имущественных прав подвластных лиц. Этот путь был сходен с тем, который избрали и другие юристы конца IX в. Последние толковали эти права более широко в отношении возможности завещания пекулия подвластными, чем это было допущено законодательством VI в. ⁶⁰ Статья ЧРЭ интересна также и тем, что она свидетельствует, подобно другим позднейшим данным, о которых речь будет ниже, о том, что институт подвластности — реликтовая форма отношений, перешедшая в Византию из классического римского права, несмотря на все изменения, все же сохранял еще реальное практическое значение в IX в.

Много дополнений по отношению к официальной Эклоге автор ЧРЭ внес и в следующий — седьмой — титул, который посвящен вопросу о наследовании без завещания.

В первой статье титула (7, 1) вкратце суммированы с незначительными отступлениями положения первых шести статей соответствующего по теме шестого титула официальной Эклоги.

Во второй же статье ЧРЭ (7, 2) рассмотрен случай, когда завещатель оставляет завещание в пользу постороннего лица и когда у завещателя нет родственников. При таких обстоятельствах завещание считается действительным только в отношении половины имущества. Вторая же половина должна быть оставлена в пользу императорского сакеллия. Этот параграф дополняет Эклогу. Любопытно отметить, что это дополнение было впоследствии включено в Эклогу, измененную по Прохирону (Ecloga ad Prochiron mutata, 8, 7) ⁶¹. Она не находит соответствия в законодательстве Юстиниана ⁶².

Не имеет аналогий в официальной Эклоге и следующая статья ЧРЭ 7, 3, определяющая также законные условия наследования *ab intestato*. Здесь речь идет о порядке наследования, установленном для тех случаев, когда сын, умерший бездетным, не оставил завещания. Статья ЧРЭ основана на законоположении Юстиниана, сформулированном в 127-й новелле 548 г. ⁶³

Подобным же образом и статья ЧРЭ 7, 4, не имеющая аналогий в официальной Эклоге, дополняет Эклогу законоположением, в основе которого лежит известная 118-я новелла Юстиниана ⁶⁴ 543 г., установившая новый порядок наследования. В ЧРЭ 7, 4 рассмотрен порядок наследования от отца, умершего без завещания и имеющего полнородных братьев и сестер по отцу и по материнской линии, а также и других братьев (только по отцовской или материнской линии). В этом случае наследуют полнородные братья по отцу и матери вместе с родителями ⁶⁵. Братья же по одному из родителей не наследуют ничего.

⁵⁸ Epanag., 30, 1, sch. (Zach.), p. 70.

⁵⁹ Ср. также В.35, 4, 11 sch. Нб., III, p. 551; Ecloga, 16, 5; CJ, 6, 61, 8 (531 г.); Nov. Just., 117, 1.

⁶⁰ В Шестикнижии Арменопула имущество, унаследованное от братьев, считается *quasi castrensia* и также может быть завещано (Harm., 5, 2, 7).

⁶¹ Создание Эклоги, измененной по Прохирону, относится ко времени между серединой X и серединой XII вв.; см. Ius, (Zach.), IV, p. 53.

⁶² Zachariae. Geschichte, S. 36; Ius (Zach.), IV, p. 5.

⁶³ Nov. Just., 127, 1; ср. Anecdota (Zach.), p. 249; Theod. Herm., 127, 1; Proch., 30, 7; Epanag. schol. ad 33, 16.

⁶⁴ Nov. Just., 118, 3.

⁶⁵ У Фрепфильда слова «*τοὺς ... ἀδελφοὺς*» переданы по-английски «*brothers and sisters*».

В новелле Юстиниана 118, 3 речь идет не только о братьях, но и о сестрах⁶⁶. Параллелью к рассматриваемой статье ЧРЭ могла бы служить статья Прохирона 30, 8. Однако в изложении заимствованного и ЧРЭ, и Прохирином из одного и того же источника текста заметны такие отличия, которые дают основание предполагать независимость эксцерпирования в каждом из этих сводов. С Прохирином вполне аналогична Эпанагога (Proch., 30, 8 = Epanag., 33, 19).

Статья ЧРЭ 7, 6 также дополняет Эклогу. В ней уточняется, что легат, отказанный завещателем (будь то в устной или письменной форме), должен быть полностью выплачен легатариям наследниками после осуществления этими наследниками ряда обязательных процедур. Они обязаны организовать и оплатить похороны умершего, составить опись издержек, расходов, приданого, долгов, освобождений на волю. Лишь после подведения итога и вычисления чистого состояния завещателя определяются размеры законной доли, причитающейся детям и родителям умершего. Легат же выплачивается из остатка.

В изложении статьи заметно полное следование (даже в деталях) Институциям Юстиниана (2, 22). Однако норма расчета, указанная в Институциях, не приводится⁶⁷.

Следующей статьей этого титула ЧРЭ, также не повторяющей Эклогу, является статья 7, 7. В этой статье рассмотрен случай, когда исполнителем воли умершего является постороннее лицо, которое выплачивает легаты за счет имущества завещателя. Тогда с каждого предоставленного этим лицом легата ему причитается четвертая часть. Это есть «законная доля» (*νόμιμος μοῖρα*) или Фалькидиева кварта, но в том расширенном значении, которое она получила в византийском праве уже в VI в. (Nov. Just., 18, 536 г.)⁶⁸. В Эклоге (16, 4) о законной доле упоминается как об одной трети наследственного имущества (*τὴν νόμιμον ἡγούσιν τὴν ὕμωρα*). В ЧРЭ 7, 6 термин «*νόμιμος μοῖρα*» употреблен, однако, без дальнейшего уточнения. В следующей статье ЧРЭ 7, 7 говорится лишь о «четвертой доле» (*τετάρτην μοῖραν*) с каждого легата. Таким образом, ни в ЧРЭ 7, 6, ни в 7, 7 не говорится, что «законная доля» равна одной трети, как это указано и в Эклоге (16, 4), и в Эпанагоге (36, 2), и в Прохирионе (32, 2); в Василиках (41, 1, 1) говорится, что «допускается легат до восьми унций (*τὸ ὄκταουγκίου*), наследнику сохраняется *τετραοῦγκιον*». Хаймбах в латинском переводе толкует это как третью часть (*triens enim heredi scripto servatur*), отмечая, что Прохирон и Арменопул добавляют после слова *τετραοῦγκιον* *τοῦτέστι τὸ τρίτον τῆς περιουσίας*. В Дигестах, однако, (35, 2, 1 — Paulo libri singulari ad legem Falcidiam) Фалькидиева доля определена как четвертая часть. Это, разумеется, понятно, так как лишь 18-я новелла Юстиниана (Nov. Just., 18 пр. 1) изменила ранее существовавшее положение вещей, заменив «*τριούγκιον*» третьей частью (*τὴν τρίτην τῆς ἐαυτοῦ περιουσίας*), как минимум⁶⁹. В Ва-

⁶⁶ Nov. Just., 118 (Auth, 113) с. 1—4 — цитируется в В. 45,3,8 (BT 2099); Theod. Herm., 118; Athan., 9, 10; Anon. Bodl.-Anecdota (Zach.), p. 208 sq.; Iulian. Const. CIX; Proch. 30, 2, 6, 8; 36, 8; Epanag., 33, 14; 16; 19—21; 38, 11; Bas., 45, 3, 8, Bas. (Theodori), IV, p. 525, 526. Ср. Manuale Basilicorum (Heimb.), VI, p. 428 BS 2705 с самыми указаниями источников.

⁶⁷ Inst., 2,22; ср. Theoph. Inst., 2,22. В Институциях указано, что четвертая часть остается у наследников, а три части распределяются между легатариями соразмерно с ценностью отказа, завещанного каждому из них. Можно высказать предположение, что это не приведено потому, что прежний расчет Фалькидиевой доли как четверти был позднее изменен: Фалькидиева quarta превратилась в треть (*τρίτον*). Ср. Zachariae. Geschichte, S. 202—203.

⁶⁸ Новелла специально посвящена этой законной доле. Ей уделяют значительное внимание и другие византийские законодательные памятники и юридические источники: Dig., 35,2,1; CJ, 6,50; Proch., 32,2; Epanag., 36,2; Bas., 41,1,1; Peira, 41; Harm., 5,9,2; 5,9,3.

⁶⁹ Nov. Just., 18, пр. § 1, p. 128.

силик же термин *tribunus* попал из Дигест, на которые и опирается этот текст Василий.

Следующие девять статей седьмого титула *CPD* (7, 8; 7, 9; 7, 10; 7, 13; 7, 15; 7, 17; 7, 18; 7, 19 и 7, 20), дополняющие Эклогу, основаны на законодательстве Юстиниана.

Так *CPD* 7, 8 имеет своим источником закон Севера и Антонина 211 г., включенный в Кодекс Юстиниана⁷⁰. В статье отражены также и Инсти- туции Юстиниана, где изложен тот же закон⁷¹. Сущность закона приве- дена в и Сентенциях Павла (созданных, вероятно, неизвестным автором в конце III — начале IV в.)⁷². Речь идет о легате, который после сделан- ного завещания отдан в залог или ипотеку (*διὰ χρέος ὑπόκειται αὐτό*). Нас- ледник обязан возвратить заложенное легатарю⁷³.

В статье *CPD* 7, 9 основой явился закон Александра Севера (6, 37, 12, 240 г.)⁷⁴. Этот закон опирается на высокий авторитет «Responso» Папи- ниана. В *CPD* сущность закона формулирована так: если назначенному по завещанию наследнику, который отказывается от наследства, отказан также легат, то ему дается и этот легат. Другими словами, если наследство принято невыгодно, так как оно обременено долгами, то наследник может, отказавшись от него, все же получить от наследователя какой-то дар в форме легата.

CPD 7, 10 снова рассматривает вопрос о легате. Легат оставлен кре- дитору в обеспечение долга завещателем. Если наследником этот долг даже и уплачен кредитору, последний все же может удержать по этому закону оставленный ему залог. И это положение, подобно многим другим, заимствовано из законодательства Юстиниана. В Кодексе Юстиниана приведен закон Диоклетиана и Максимиана (6, 37, 16, 294 г.), который был использован в дополнение к Эклоге. Подобно обоим предшествующим, эти законы вошли позднее в состав Василий⁷⁵.

На законоположениях Кодекса Юстиниана основаны также статьи 7, 13 и 7, 15.

Первая из этих статей по содержанию близка к официальной Эклоге 6, 9. Согласно Эклоге наследнику, принявшему наследство без опреде- ления состава унаследованного имущества, вменяется в обязанность вы- платить все долги, не ограничиваясь частичным их возмещением. В *CPD* 7, 13 говорится о последствиях принятия наследства без составления описи имущества, но со знанием наследником состава наследства, притом о та- ком случае, когда наследник, не составив описи, смешивает полученное наследство со своим собственным имуществом. Если он выплачивает дол- ги, оставшиеся от завещателя, но не делает надлежащей казенной описи унаследованного состояния и правовых обязательств (*δικαίων*), то он должен нести ответственность по всем обязательствам и легатам. Если смерть завещателя последовала в его доме, то устанавливается трехме- сячный срок для составления казенной описи (*τὴν δημοσίαν ἀναγραφὴν*). Если же завещатель умер, находясь в другой епархии (*ἐπαρχία*), то опись может быть сделана в течение годичного срока. Это освобождает наследника от ответственности по обязательствам завещателя. Закон Юстиниана 531 г., в котором подробно рассмотрен аналогичный вопрос и в котором фигурирует трехмесячный срок для составления инвентаря, вошел вкратце в состав Василий. К тексту относится и схолия Фалелея⁷⁶.

⁷⁰ Закон CJ, 6,37,3 содержит, вероятно, интерполяции (Ascoli).

⁷¹ Inst., 2, 20, 12.

⁷² *Pauli Sententiae*, 3, 6, 16. — «Textes de droit romain», ed. Girard—Senn. Paris, 1967, p. 319.

⁷³ Ср. В. Т., 44,4, 27; Syn. Bas., 44,4,27; «Л», I, p. 461 (66); ср. с. 6, 37,3.

⁷⁴ Ср. В., 44,4, 36; Syn. Bas., p. 461 (71).

⁷⁵ Bas., 44,4,41.

⁷⁶ CJ, 6, 30, 22, I = Bas., 35, 14, 110; ср. *C. E. Zachariae*. Tractatus de creditis. — «Heidelberger Jahrbücher», 1841, S. 550 f. (Thalelaeus?); ср. Jus. (Zach.) VI. Это — часть комментария Фалелея (см. *Basilicorum libri LX*, ed. C. Heimbach, t. V.

Захарие высказал предположение, что до нас не дошел какой-то компендиум институций, предшествующих новым законам Юстиниана, в частности закону 531 г. В отличие от Эклоги, где возможно, отразились эти более ранние законоположения (Эклога 6, 9) *ЧРЭ* 7, 13 опирается на закон 531 г.⁷⁷ Но это — гипотеза, которая пока не является доказанной.

Статья *ЧРЭ* 7, 15 также имеет источником закон Юстиниана 531 г., известный и из Институций Юстиниана⁷⁸. Закон определяет обязанности наследника в тех случаях, если не имеется особого подтверждения воли завещателя или свидетелей и если наследник отказывается выполнить волю завещателя. В таком случае требуется, чтобы наследник принес клятву, что завещателем ему не было поручено возратить что-либо из имущества (*ἐκ τῆς ὑποτάσεως*). Притом истец должен предварительно и с себя снять подозрение в клевете (*πρότερον τοῦ ζητοῦντος κατατιθεμένου τὸν περὶ ἐπηρείας λόγον*). В статье Кодекса (6, 42, 32) речь идет о фидеикомиссе, т. е. доверенном поручении, оставленном завещателем фидеикомиссару или легатарии⁷⁹. В *ЧРЭ* эти детали опущены. В изложении речь идет только о наследнике. Текст очень краток. Статья эта в измененном виде имеется и в Эклоге (6, 12), и в позднейшей переработке Эклоги (*Ecloga ad Prochiron mutata*, 8, 20). Переработка статьи в *ЧРЭ* заключалась, как это вытекает из сопоставления всех текстов, не только в более сокращенном изложении, но и в меньшей определенности предписания и иной его редакции, чем в Эклоге. В последней прямо говорится что «если появился человек, претендующий на то, что умерший оставил ему легат, но не имеющий возможности доказать истинность своих слов с помощью свидетелей или как-либо иначе, то суждение предоставляется наследнику». Ни о какой клятве или снятии подозрения в клевете здесь речи нет.

Следующие четыре статьи *ЧРЭ* (7, 17; 7, 18; 7, 19; 7, 20), дополняющие Эклогу, основаны на законоположениях новеллы Юстиниана (115, 2; 115, 4; 115, 9, 542 г.), либо использованных непосредственно, либо через посредство других извлечений⁸⁰. Все они посвящены перечислению случаев, когда только и допускается исключение родителями из числа наследников своих детей или, наоборот, детьми своих родителей. Многие из этих законоположений перешли из этой новеллы Юстиниана, местами в неизменном виде, и в позднейшее законодательство конца IX в. — в Прохирон, Эпанагогу, Василики⁸¹. И здесь мы, следовательно, не можем не констатировать, подобно тому, как это уже было сделано неоднократно в предшествующих случаях, что мысль неизвестного юриста — составителя *ЧРЭ* — шла в том же направлении, что и мысль составителей позднейших законодательных сводов. Это направление было, вероятно, подсказано жизнью, которая вносила коррективы в официальную Эклогу⁸². Необходимо, однако, подчеркнуть, что даже в тех случаях, когда источником новых статей *ЧРЭ* являлся тот же источник, общий и для более сходных между собой Эпанагоги и Прохирона, каждый из юристов шел своим путем. Поэтому *ЧРЭ* никак не может считаться посредствующим звеном между Эклогой и Прохионом и рассматриваться как один из источников

Lipsiae, p. 918, n. «g»). Частично комментарий Фалесия отразился и в некоторых других текстах; см. *Zachariae. Geschichte*, S. 190, Anm. 604. Ссылка на Peira XVI, 13, однако, ошибочна.

⁷⁷ *Zachariae. Geschichte*, S. 192, Anm. 608.

⁷⁸ С., 6, 42; 32; ср. *Inst.*, 2, 23, 12; *Theoph. Inst.*, 2, 23, 12.

⁷⁹ Фрешфильд неточно следует тексту *ЧРЭ* 7, 15, включая туда из Кодекса и Институций Юстиниана термин фидеикомиссар и другие детали (*E. H. Freshfield. Op. cit.*, p. 50).

⁸⁰ Среди этих извлечений нужно отметить *Athan.*, 15, 8, *Anecd. (Hb.)*, I, p. 157, 194 (*Περὶ διαφόρων ἀναγνωσμάτων*).

⁸¹ *Proch.*, 33, 1—3; 5—29; *Epanag.*, 34, 4—7; *Bas.*, 35, 8, 36. [BT, *Syn. (Bas. «K»* 14, 3; *Ius (Zach.)*, V, p. 401.

⁸² *ЧРЭ* 7, 16 и 18; *Ecloga*, 6, 13.

последнего. Симптоматично лишь направление, которое, очевидно, и в начале и в конце IX в. «носило в воздухе».

В восьмом титуле *ЧРЭ* (8, 2—8, 4) мы находим ряд новых отступлений от Эклоги в направлении большего приближения законов о попечительстве над малолетними к нормам права Юстиниана⁸³.

Статья 8, 3 дополняет Эклогу, черпая свой материал из Институций Юстиниана (1, 23, р. § 1). В ней указано, что лица, находящиеся в первом периоде несовершеннолетия (мальчики с 15-летнего, девочки — с 13-летнего возраста вплоть до 25 лет), должны иметь кураторов, заботящихся о сохранении имущества, принадлежащего несовершеннолетним; аналогичным образом решается вопрос и об имуществе сирот.

Непосредственно связаны своим происхождением с законодательством Юстиниана также статьи о попечительстве *ЧРЭ* 8, 5 и 8, 6.

Статья *ЧРЭ* 8,5 разрешает лицам, находящимся во втором периоде несовершеннолетия (мужчинам с 21 года, женщинам — с 19 лет), желающим управлять собственным имуществом, испрашивать согласие от своих кураторов в Константинополе или провинции. При этом должно было быть подтверждено свидетелем то, что они достигли требуемого возраста и что они способны управлять своим имуществом. В соответствующем законе Юстиниана⁸⁴ речь идет о том же. Как правило, совершеннолетие наступало для мужчин в 25 лет⁸⁵.

Статья *ЧРЭ* 8,6 запрещающая епископам, стратигам и клирикам быть опекунами (*ἐπιτροπῆβεν*) и кураторами сирот, кроме тех случаев, когда это касается их сородичей, а также запрещающая быть опекунами женщинам (кроме матери и бабушки), тоже основана на законоположениях Кодекса Юстиниана⁸⁶. Следует, однако, сказать, что еще в большей степени можно констатировать здесь близость с новеллами 123, 5 и 118, 5⁸⁷. Тем не менее ни в одном из этих источников нет буквального совпадения с рассматриваемой статьей *ЧРЭ*.

В следующем (девятом) титуле *ЧРЭ*, трактующем об освобождении от рабства и о рабстве, в статью 9, 3, повторяющую законоположение Эклоги 8, 2, внесено дополнение, заимствованное из Кодекса Юстиниана⁸⁸. Этот закон Юстиниана перешел впоследствии и в Василики⁸⁹. Согласно этой статье раб получает свободу после смерти своего хозяина, если последний забыл и не упомянул о нем (в завещании). С другой стороны, в *ЧРЭ* опущена статья Эклоги (8, 7), где говорится о том, что вольноотпущенники (даже если они состоят на службе в качестве государственных чиновников), проявляющие неблагодарность, оскорбляющие своих господ

⁸³ *Zachariae. Geschichte*, S. 124—125. Нужно сказать, что в Эклоге имеется единственная статья (7,1) об опеке, которая аналогична *ЧРЭ* 8,1. Прочие статьи *ЧРЭ* 8,2—8,6 не имеют параллелей в Эклоге. Цахария отметил, однако, факт наличия расхождений в том, кому поручается назначение попечителей. В Константинополе вместо прежнего орфанотрофа назначением попечителя ведают *scriba*, в провинции — эдик и епископ. В IX в. в Василиках исследователем констатируется (по данным *Bas.*, 37 и 38, а также *Peira*, 16,5) полный возврат к праву Юстиниана. Первоначально греческим термином *ἐπιτροπός* обозначался *tutor* — опекун; *κορράτορ* (в греч. транскрипции) соответственно переводился как попечитель. Но в IX в. в термин *ἐπιτροπός* вкладывается новое содержание: лицо, имеющее функции душеприказчика, распорядителя воли завещателя (*Nov. Leonis*, 68; *Epanag.*, 9, 1 *schol. Peira*, 16, 5; 11; 12).

⁸⁴ *C.*, 2,44 (45) 2,1 (ср. *C.Th.*, 2, 17,1 с разночтениями). Этот закон включен в Василики: *BT* 596—597.

⁸⁵ Ср. например: *C.*, 2,22 (23), 2 (241 г.); 2, 23 (25,2); 2,25 (26) (294 г.); 2, 27 (28), 1; 2,37, 1 (214 г.); 2,39 (40) 1 (238 г.) и т. д.

⁸⁶ *C.*, 5, 34, 4 (244 г.); *C.*, 1, 3, 51 (52) (531 г.).

⁸⁷ *Nov.*, 123, 5 (546 г.); *Bas.*, 3, 1, 11 (*BT* 86); *Epanag.*, 9, 1, 2; *Nomocanon. XIV tit. (Voell.)*, p. 619; *Syn. Bas.*, 37, 2; *Ius. (Zach.)*, p. 335; *Athan. paratitla*, 13, 1; *Nov.*, 118, 5; *Athan.*, 13, 1.

⁸⁸ *CJ*, 7, 6, 1, 3 (531 г.).

⁸⁹ *Bas.*, 48, 14, 1 (*BT* 2240).

и оговаривающие их перед архонтом и судьей, возвращаются в рабское состояние⁹⁰.

В этом изменении, может быть, сказывались тенденции облегчения выхода из рабского состояния. В пользу этого предположения говорит то, что ни в Прохироне, ни в Эпанагоге закона Константина и соответственно статьи Эклоги мы не находим. С другой стороны, нет там и дополнения, аналогичного ЧРЭ 9, 3⁹¹, что снова доказывает независимость этих двух источников конца IX в. от ЧРЭ.

Если мы обратимся к десятому титулу ЧРЭ, трактующему о договоре купли-продажи, и сопоставим его с соответствующим ему девятым титулом Эклоги, состоящим всего из двух статей, то бросается в глаза незначительность внесенных в ЧРЭ дополнений. Несмотря на то, что титул ЧРЭ включает пять статей, по сути дела только в одной из них (10, 3) содержатся дополнения к статье Эклоги. В статье в начале исполнены Институты Юстиниана, возможно, через парафразу Феофила. Редакция статьи и некоторые детали изложения свидетельствуют, однако, о самостоятельности автора, в частности в отношении предусмотренных в договоре пунктов о сохранности и состоянии предмета продажи. Если это в письменном договоре не предусмотрено, то договор остается в силе даже при выявлении скрытых дефектов проданного после завершения акта продажи⁹².

Дополнения к Эклоге имеются и в некоторых статьях одиннадцатого титула ЧРЭ, трактующего о займах и соответствующего десятому титулу Эклоги. Все пять статей Эклоги имеются и в ЧРЭ. Но в последней есть еще девять статей, значительно расширяющих этот раздел, что несомненно указывает на его практическую значимость в рассматриваемое время.

Так, в ЧРЭ 11, 1 включена дополнительная статья, характеризующая, в соответствии с Институтами Юстиниана⁹³, сущность этого договора.

В следующей статье ЧРЭ (11, 2) эти положения развиваются. Определение способов обеспечения заимодавца включает ряд вариантов: обеспечение путем дачи залога (*διὰ ἐνεχούρων δόσεως*) обеспечение, основанное на одном только доверии к должнику (*ἀξιοπιστία καὶ μόνῃ τοῦ λαμβάνοντος*) собственноручная расписка должника (*ἐν γραμματείῳ ἰδιοχειρῶ*); обеспечение формальным контрактом, заключенным публично (*ἀγοραίῳ*). Далее перечисляются условия, которые предусмотрены при даче ссуды, в том числе и норма процента (*καὶ τῶν εἰς οὕτως τόχῃ ἐπερωτωμένων μεταξὺ αὐτῶν τόκων*). Устное соглашение требует присутствия трех свидетелей. Если договор займа заключен таким образом, риск, проистекающий из случайных обстоятельств, падает на лицо, получившее деньги взаймы (*τὰ τόχηρά τὸν δανεισάμενον ὄραν*).

Прочие статьи одиннадцатого титула, не находящие аналогий в Эклоге (11, 5; 11, 6; 11, 7; 11, 8; 11, 11; 11, 13 и 11, 14), основаны на законоположениях, заимствованных из свода Юстиниана. Рассмотрим их по порядку.

ЧРЭ 11, 5 устанавливает норму процента при устно или письменно заключенных займах денег под земельную собственность (*ἐγγράϊως*) Основу своих рассуждений автор ЧРЭ черпает в статье из конституции

⁹⁰ См. закон Кодекса Юстиниана (С., 6, 7, 2), изданный Константином в 326 г. и перешедший в Василики *Bas.*, 49, 2, 19 (ВТ 2284).

⁹¹ Ср. С., 7, 6, 1, 3 (531 г.).

⁹² Новые интересные соображения о статье ЧРЭ 10,3 высказал Д. Нэпп. Он отметил, что купля-продажа здесь утрачивает свой консенсуальный характер. Отличие между устной и письменно оформленной куплей-продажей лишь формальное. Речь идет о продаже за наличные (*Barkauf*). Отсутствие согласования этой статьи с 72-й новеллой Льва VI, на которое обратил внимание исследователь, на наш взгляд, объясняется тем, что ЧРЭ предшествует новеллам Льва VI; см. *D. Nörr. Op. cit.*, S. 248 f.

⁹³ *Inst.*, 3, 14.

Юстиниана 528 г., включенной в Кодекс⁹⁴⁻⁹⁵ и попавшей оттуда впоследствии и в Василики⁹⁶. Значимость этой конституции в юридической практике XI в. подтверждается цитатой, заимствованной из Василик Широй⁹⁷, сборником известного юриста XI в. Евстафия Ромея. Как видно из текста в той редакции, которую закон получил в Василиках, а также из схолии Фалеллея к этой статье⁹⁸, в Василиках — с упоминанием имени юриста V в. (Патрикия) — опровергнута точка зрения на способ установления нормы процента, которая была в свое время анонимно раскритикована уже в конституции Юстиниана в 528 г.⁹⁹ Патрикий считал, что личный иск погашается 30-летней давностью только в отношении капитала, но не в отношении процентов¹⁰⁰.

ЧРЭ 11, 6 основана на конституции Юстиниана 529 г.¹⁰¹ Она излагает принципы расчета при превышении установленного законом процента для различных категорий населения. Превышение идет в зачет данных займы денег. Изложение законоположений Кодекса дополнено в двух новеллах Юстиниана 535 г.¹⁰² Проценты на проценты не взимаются.

ЧРЭ 11, 7 восходит снова к законам VI в. — к уже упомянутой конституции 528 г.¹⁰³ Как отметил Фрешфильд, эта важная в практическом отношении статья, согласно которой заимодавец являлся соучастником торговли и совладельцем судна, взята из Родосского морского закона.

ЧРЭ 11, 8 черпает свои положения из Дигест (из 38-й книги Ульпиана «К эдикту»)¹⁰⁴ и рассматривает вопрос о мере ответственности за залоги, принятые на земле под ссуды¹⁰⁵ (а не в морской торговле, как в предшествующей статье). Согласно законоположению ЧРЭ, забота о сохранности залога должна проявляться в максимальной степени (*ἐπιμελεστάτην*). Только не зависящий от ответчика несчастный случай снимает с него ответственность. Если же ущерб или потери произошли по небрежности, получивший залог отвечает за него. В соответствующем тексте Дигест говорится о том, что для иска в этом случае можно сослаться на обман (*dolus*), а также на вину (*culpa*), как в договоре ссуды (*commodatum*)¹⁰⁶. Обстоятельства, не зависящие от кредитора (*vis maior*), не могут являться основанием (*causa*) для возбуждения иска.

Вопросы о мере ответственности по-разному решались в источниках классического римского и ранневизантийского права. Этим вопросам посвящена большая литература¹⁰⁷. Наиболее важной чертой развития, отличающей раннесредневековое, византийское, право от права классического времени, являлось перенесение центра тяжести на субъективные моменты в поведении хранителя чужих вещей при гибели их или нанесении им ущерба.

⁹⁴⁻⁹⁵ С., 4, 32, 26.

⁹⁶ Bas., 23, 3, 74 (BT 1134); Syn. Bas., Т. 11, 17; Ius (Zach.) V, p. 622.

⁹⁷ Peira, 19, 62; BS 1703; ср. Bas. (Hb.), 2, p. 730.

⁹⁸ В 1704/6 = Bas. (Hb.), 23, 3, 74, sch. ad. Λέγουσα ὅτι ἀτοπὸν ἐστὶ = dicitque absurdum esse.

⁹⁹ Ср. слова конституции С., 4, 32, 26 — «*principali actione non subsistente satis supervacuum est super usuris vel fructibus adhuc iudicem cognoscere*».

¹⁰⁰ См. подробный разбор статьи у P. Collinet (Byz., III, 1927, p. 7); D. Simon. Aus dem Codexunterricht des Thalelaios. — SZRA, 87, 1970, S. 374 f.

¹⁰¹ С., 4, 32, 27; ср. Bas., 23, 3, 75; Bas. (Hb.), II, p. 732 BS (Thalelai); Bs (Theodori), BS 1705; Ср. также: B. Biondi. Il diritto romano cristiano, III. Milano, 1954, p. 246 sq.; M. Kaser. Das römische Privatrecht, I. München, 1955, S. 416.

¹⁰² Nov., 121, 138.

¹⁰³ С., 4, 32, 26, § 1.

¹⁰⁴ Dig., 13, 7, 13, 1.

¹⁰⁵ Τοῖς ἐπὶ δανείου ἐγγαίου διδομένοις ἐνεχόροις.

¹⁰⁶ Т. е. передачи вещи под условием возвращения той же самой вещи, в отличие от займа (*mutuum*) заменимых вещей. Ср. Dig., 12, 1, 2; Inst., 3, 14.

¹⁰⁷ Подробно об этом — в подготовленной нами к печати работе «Право и суд в Византии IV — VIII вв.» В исследованиях романистов, насколько нам известно (несмотря на большое внимание к этой теме и в новейших работах), текст ЧРЭ 11, 8 не был привлечен.

ЧРЭ 11, 11 также не находит соответствия в законоположениях Эклоги. Если жена дала согласие отдать займы свое имущество мужу или какому-либо другому лицу или поручила и приняла обязательство на себя лично (*καὶ παρεγγυήσεται καὶ ὑπόθεται ἑαυτήν*) или на свое имущество (*καὶ τὰ οἰκεῖα πράγματα τὸ σύνολον*), то это не признается действительным, если она ясно не докажет, что это выгодно для ее собственного имущества. Статья заканчивается сентенцией: «ибо следует содействовать тем, кого обманывают и кому наносит ущерб, а не тем, кто нанесит вред или обманывает». Смысл этой статьи полностью раскрывается, если мы обратимся к ее источнику — к 134-й новелле Юстиниана 536 г.¹⁰⁸ Там мы читаем, что, если жена дала согласие в взаимном письме (*ἐν δανειακῷ γραμματίῳ*)¹⁰⁹ предоставить мужу свое имущество или сама приняла на себя обязательство (*ἢ καὶ ἑαυτήν ἐνοχον ποιήσει*)¹¹⁰, мы приказываем, чтобы это считалось недействительным, будь то один раз или неоднократно, будь то по частному или казенному (*δημόσιον*) долгу, если она не докажет с ясностью, что деньги истрачены для пользы ее самой.

Сопоставление текстов раскрывает значение термина «τὸ σύνολον», не вполне ясного в греческом тексте ЧРЭ, как «приняла сама обязательство полностью на себя»¹¹¹.

Подобным же образом и в 32-й новелле Юстиниана (535 г.) мы находим основу статьи ЧРЭ 11, 13, также не имеющей параллелей в Эклоге. Эта новелла нашла отражение не только у эпиноматоров — Феодора Гермупольского¹¹², Афанасия, Анонима, но и позднее — в Василиках¹¹³. Любопытно, что автор статьи ЧРЭ 11, 13 не просто копирует свой основной источник, но слегка его видоизменяет — местами дополняет, местами опускает отдельные положения в соответствии с современными ему изменениями в языке. Так, говоря о займе денег крестьянами, он употребляет вместо слова *νομίσματα* новогреческий термин *λογάρη*, буквально обозначающий богатство. В новелле Юстиниана запрещается при займе денег отбирать у крестьян землю. Смысл новеллы с полной определенностью виден уже из ее заглавия, гласящего, что никому не разрешается, давая крестьянам займы, удерживать их землю («*Περὶ τοῦ μηδένα δανείζοντα γεωργοὶ κρατεῖν τὴν ἐκείνου γῆν*»). В ЧРЭ же вообще запрещается взятие земли в ипотеку при займе крестьянами денег (*ὁ δανείζων γεωργῷ μὴ λαμβανέτω τὴν γῆν αὐτοῦ εἰς ὑπόθήκην*).

При сопоставлении текстов обоих источников бросается в глаза существенное отличие. Главная мысль новеллы, выраженная уже в заглавии, развивается и далее. Там указано, что деньги и плоды, которые даются крестьянам займы под залог земли, быков, овец, рабов и т. д., должны быть даны с соблюдением установленной в новелле нормы годового процента (в размере одной восьмой части модия при займе плодов и в размере

¹⁰⁸ Nov., 134, 8; Athan., 4, 22.

¹⁰⁹ «*crediti documento*»: Nov., 134 (Authent).

¹¹⁰ «*et propriam substantiam aut se ipsam obligatam*»: Nov., 134 (Authent).

¹¹¹ Перевод этой статьи у Фрешфильда неполон и неточен. Там не упоминается о личном согласии жены на сделку; из изложения неясно, по чьей инициативе происходит сделка. Выпущена и заключительная сентенция. Согласие могло быть вынужденным, против чего направлены и статья ЧРЭ, и соответствующий текст новеллы.

¹¹² *Theod. Herm.*, Nov. 32 — *Anecdota (Zach.)*, p. 48.

¹¹³ Athan., 16, 1 *Anecdota (Hb.)*, p. 159. Афанасий упоминает, что земля дана в залог (*ἐνέχυρον*). Феодор Гермупольский также говорит о залоге, но далее перечисляет скот, землю и пр., как в 32-й новелле Юстиниана и в тексте Василик; см. Bas., 23, 3, 76 (BT 1135). См. схолию BS 1705—1706 *θεοδώρου*, поясняющую текст и содержащую ссылки на дополнительные законоположения (С., 8, 20 [15?], 8; 11, 48, 19; 4, 10, 10 [11?]). Следует обратить внимание на термин «ипотека» (*λαμβανέτω εἰς ὑπόθήκην*) в схолии Феодора.

Новелла сохранилась также в латинском тексте Юлиана под номером 34, у Анонима Бодлеанской библиотеки [*Anecdota (Zach.)*, p. 213] и в каноническом праве (*Epit. Ioann. Schol.*, 87, 21).

одного кератия с номисмы при денежном займе)¹¹⁴. Залог должен быть возвращен крестьянам при уплате долга. Ван дер Валь, комментируя текст этой новеллы, указывает, однако, что, хотя по смыслу новеллы как будто бы закон предписывал реституцию земли крестьянам после возврата ими долга, юристы VI—VII вв. толковали закон иначе. По их мнению, смысл ее заключался в том, что кредитор не мог получить крестьянской земли и в залог долга (*obtenir en gage*)¹¹⁵.

В статье ЧРЭ 11, 13 речь идет о подобном же запрещении, как и в новелле 32. Однако, как мы видели, формулировка первого ее положения скорее совпадает с толкованием юристов, на которое указал Ван дер Валь.

Далее следует установление нормы процента при даче взаймы денег или плодов (как и в новелле). Все изложение завершается запрещением взимать проценты сверх нормы под угрозой потери долга. Никаких указаний на характер залога (земли, скота, как в новелле) в ЧРЭ 11, 13 мы не находим. Таким образом, статья закона направлена против лиц, которые дают крестьянам займы на условиях ипотеки на крестьянскую землю¹¹⁶. Следует отметить также, что в новелле 32 термин «ипотека» не упоминается, но он применен Феодором Гермупольским¹¹⁷ в схолии, включенной в Василики (*Bas.*, 23, 3, 76—*BT* 1135). В других изложениях 32-й новеллы Юстиниана¹¹⁸, а также в экстракте в тексте Василики, о ипотеке упоминаний нет. Это дает основание заключить, что новелла Юстиниана, была использована автором через посредство схолии Феодора Гермупольского, составившей, вероятно, часть курса его лекций, построенного иначе, чем у его предшественников-«антецессоров», ведущих юристов-профессоров. Феодор Гермупольский — современник императора Маврикия (582—602 гг.), очевидно, и явился автором этого нового термина в тексте новеллы.

Однако и с этим источником у автора статьи ЧРЭ 11, 13 есть существенные расхождения. В ней говорится только о запрещении брать в ипотеку крестьянскую землю. Феодор же, несмотря на то, что он имеет в виду не залог, а ипотеку, во всем прочем следует новелле. Он сообщает и об условиях займа под проценты плодов и золота и, что особенно важно, говорит, что, если в залог (*ἐνέχυρον*) взята земля, скот или рабы (*καὶ γῆ καὶ βοσκήματα καὶ ἀνδράποδα εἶη*), кредитор обязан вернуть это крестьянину (*ἀναγκάζεσθαι ἀποδίδοναι ὅσα ἔσχευ ἐνέχυρα παρ' αὐτοῦ*). Ничего этого в ЧРЭ нет. Если здесь перед нами не случай неточного или не понятого автором употребления юридических терминов, а сознательное изменение смысла закона в связи с изменившимися за три столетия условиями, которые заставили полностью запретить займы под землю на условиях ипотеки, то этот факт заслуживал бы внимания и специального анализа в истории аграрных отношений того времени. Это запрещение, возможно, шло в том же направлении, что и статьи Эклоги (12, 6) и ЧРЭ

¹¹⁴ Т. е. 12,5% при займе зерна и плодов и 4¹/₆% при денежном займе; см. *N. Van der Wal. Manuale novellarum Justiniani*. Groningen, 1964, p. 55.

¹¹⁵ *N. Van der Wal. Op. cit.*, p. 88. Ван дер Валь ссылается на Юлиана (*Jul. nov.*, 33), Афанасия (*Athan.*, 16,1), Феодора Гермупольского (*Theod. Nov.*, 32) и Анонима Бодлеяна. [*Anecdota (Zach.)*, p. 213].

¹¹⁶ Византийские юристы VI в. различали ипотеку и залог в тесном смысле этого слова, как это можно видеть из текста Дигест (13, 7, 9, 2 из 28-й кн. Ульпиана к эдикту). Согласно этому определению, ипотека предполагает, что земля остается на попечении и во владении должника (*hypothecam, cum non transit nec possessio ad creditorem*). Залог же переходит к кредитору (*pignus dicimus quod ad creditorem transit*). В другом месте (*Dig.*, 50, 238,2 — *De verborum significatione*) говорится, что кредитор, который получил залог, не является его владельцем, хотя и имеет его во владении (*creditor, qui pignus accepit, possessor non est, tametsi possessionem habeat*). Ср. *E. Seidl. Römisches Privatrecht. Köln, 1963, S. 143—144*.

¹¹⁷ См., *BS 1705—1706* и выше, прим. 113.

¹¹⁸ *Cod. Bodl.*, 3399, 1.74 — *Anecdota (Zach.)*, p. 213.

(13, 6). Там устанавливаются и другие заслоны расхищению крестьянских участков динамами ^{118а}.

Последняя статья этого титула *ЧРЭ* (11, 14) также ставит вопрос о ипотеке. Земля освобождается от ипотеки, если полученные с нее плоды покрыли долг, и потому кредитор не имеет права продать ее.

Статья 11,14 полностью следует закону Александра (223 г.), включенному в Кодекс Юстиниана ¹¹⁹, с тем единственным изменением, что термин *pignus* этого закона переведен в *ЧРЭ* 11, 14 термином *ὑποθήκη*. Видимо, ипотека стала широко распространенной формой займа в практике того времени.

Двенадцатый титул *ЧРЭ* соответствует одиннадцатому титулу Эклоги, состоящему только из одной статьи (ср. *ЧРЭ* 12, 3). Первая и вторая статьи *ЧРЭ* базируются на положениях Дигест, в которых речь идет о мере ответственности за сданные на хранение (*depositum* = греч. *παράκαθήκη*) деньги или вещи ¹²⁰.

Примененная в тексте *ЧРЭ* терминология, определяющая высшую степень заботы о принятых на хранение вещах, как *ἐπιμελεστάτην*, переносящая центр ответственности на субъективное поведение хранителя вещи, характерна для византийского права, в отличие от классического римского. Об этом уже речь была выше при рассмотрении *ЧРЭ* 11, 8.

В тринадцатый титул *ЧРЭ* (ср. Эклога 12) включены все соответствующие по содержанию статьи Эклоги без каких-либо заметных дополнений. Титул посвящен законодательству об эмфитевзисе.

Так же дело обстоит и с четырнадцатым титулом *ЧРЭ*, состоящим из одной статьи (ср. Эклога 13), где речь идет об аренде.

Пятнадцатый титул *ЧРЭ*, соответствующий четырнадцатому титулу Эклоги, имеет по отношению к Эклоге ряд отличий.

Имеющиеся в Эклоге две дополнительные статьи — 14, 2 и 14, 3 (по изд. Манфферрата) — не находят соответствия в *ЧРЭ*. В первой из них (14,2) говорится о том, что изгнание из сената за неблагоприятное поведение влечет за собой запрещение быть судьей и свидетелем ¹²¹. Во второй (14,3) приводятся случаи, когда рабу разрешается, в виде исключения, возбуждать судебное дело против своего господина ¹²².

В *ЧРЭ* имеется также и ряд дополнений к Эклоге. Так, в *ЧРЭ* 15,2 внесено дополнение в Эклогу 14,1 = *ЧРЭ* 15,1, заимствованное из 90-й новеллы Юстиниана, касающееся применения телесных наказаний (плети) при допросе неизвестных свидетелей в Константинополе и провинциях. Уточняется, что при допросе неизвестных и неимущих свидетелей судья, если он является архонтом, может их допрашивать под плетью. Если же он — не архонт, то это разрешается делать в Константинополе — эпарху, в провинциях — архонту и экдикам.

В статье *ЧРЭ* 15, 7 о приведении свидетелей к клятве на евангелии автор использовал закон Константина 334 г. ¹²³

Подобным же образом статья *ЧРЭ* 15,8 о том, что один свидетель не принимается (во внимание.— *Е. Л.*), даже если это синклитик (*συγκλητικός*),

^{118а} См. *Е. Э. Липшиц*. Указ. соч., стр. 77.

¹¹⁹ С., 8, 27, 1; *Bas.*, 25, 7, 23 (BT 1227).

¹²⁰ *Dig.*, 16, 3, 1, пр. § 1; *Dig.*, 16, 3, 1, § 5.

¹²¹ Эта статья основана на законоположении Дигест (1, 9, 2) и перешла в Василики: *Bas.*, 6, 1, 2 (BT 150); см. также анонимную схолию BS 33.

¹²² Эта статья исходит из С., 4, 20, 8 (294 г.); см. *Bas.*, 21, 1, 31 (32) (BT 1019); ср. BS 1251.

¹²³ С., 4, 20, 9 (334 г.) = СTh, 11, 39, 3; — см. *Bas.*, 21, 1, 33 (BT 1019); см. также *Syn. Major.*, «М» 6, 23, *Ius* (Zach.), V, p. 482. Данные Василики и схолий к ним недавно рассмотрены в исследованиях по вопросам византийского гражданского процесса: *U. Zillett*. *Studi sul processo civile Giustiniano*. Milano, 1965; *M. Kaser*. *Das römische Zivilprozessrecht*. München, 1966; *D. Simon*. *Untersuchungen zum Justinianischen Zivilprozess*. München, 1969. *La Preuve*. Recueil de la Société J. Bodin. Bruxelles, 1965.

основана на том же законе¹²⁴. Термину «синклитик» в *ЧРЭ* в Кодексе Юстиниана соответствуют слова «etiam si praesclarae curiae honore praefulgeat».

Следующей же статье *ЧРЭ* 15, 9, также не имеющей параллели в Эклоге, соответствует закон того же титула Кодекса, изданный Валентом, Грацианом и Валентинианом (376 г.), о том, что в своем деле никто не может быть свидетелем¹²⁵.

Аналогичным образом и в статье *ЧРЭ* 15, 11 использована конституция Юстиниана 528 г.¹²⁶ Статья эта с незначительными изменениями повторяет Эклогу (14, 9).

На конституции Юстиниана 530 г. основана статья *ЧРЭ* 15, 12. Однако текст закона Юстиниана¹²⁷ изложен в ней крайне неясно. В статье *ЧРЭ*, как и законе Юстиниана, речь идет о свидетелях, дающих свои показания перед третейскими судьями (αἰρετοῖς ἢ τοῖς κομπρομισσαρίοις δικασταῖς μαρτυροῦσάντες)¹²⁸. Сущность вопроса может быть изложена так. Согласно статье 15, 12, такие свидетели после передачи дела в суд (δικαστήριον) снова выступают в качестве свидетелей или на суде приводятся их показания (φωναί) по требованию противной стороны (ἀντιδικός). Если же свидетели, которые давали показания, при рассмотрении дела (во второй инстанции) умерли, тогда привлекаются к даче показаний те, кто свидетельствовал перед третейскими судьями. Если же вторые свидетели умерли, а какие-либо (из первых) присутствуют в суде, то присоединяются и показания умерших. Вводная часть статьи Кодекса, в которой раскрываются причины издания конституции и сущность сомнений в отношении возможности привлечения свидетелей, выступавших в третейском суде при передаче дела в суд следующей инстанции обычного типа, опущена. Поэтому и возникла неясность в статье *ЧРЭ* при изложении этого вопроса¹²⁹.

В статье *ЧРЭ* 15, 16 приводится законоположение, согласно которому свидетельства табулярия недостаточно, если он утверждает, что грамотный человек не подписал документ, кроме тех случаев, когда человек признает свою задолженность; это свидетельство действительно только, если подтверждается свидетелями, как это положено по закону. Статья воспроизводит одно из положений 90-й новеллы Юстиниана¹³⁰.

Наконец, *ЧРЭ* 15, 19 дополняет Эклогу по вопросу о числе свидетелей, заимствуя указания из Дигест¹³¹. Согласно этой статье, для установления истины достаточно двух или трех достойных доверия свидетелей при исследовании дела, за исключением тех случаев, когда число необходимых свидетелей оговорено в предшествующих статьях (παρὲξ τῶν προανατεταγμένων κεφαλαίων τῶν διὰ τὴν τοῦ ἀριθμοῦ μαρτύρων τὴν σύστασιν ἀπαλλούμετων)¹³².

Обращаясь к рассмотрению шестнадцатого титула *ЧРЭ*, соответствующего пятнадцатому титулу Эклоги, в котором речь идет о мировых сделках, следует обратить внимание на различие в заглавии обоих источников. В *ЧРЭ* говорится о мировых сделках (διαλύσεων), касающихся несовершеннолетних (ἀνηλικῶν), в Эклоге — только о мировых сделках (утвержденных и отмененных). Однако все статьи Эклоги (15, 1, 2 и 3) исполь-

¹²⁴ С., 4, 20, 9; Ср. *D. Simon. Op. cit.*, S. 248 f.

¹²⁵ С., 4, 20, 10, (376 г.) = СГБ, 2, 2, 1; см. *Bas.*, 21, 1, 34 (BT 1020); *Proch. auctum*, 27, 108 — *Ius (Zach.)*, VI, p. 215.

¹²⁶ С., 4, 20, 17; см. *Bas.*, 21, 1, 41 (BT 1022).

¹²⁷ С., 4, 20, 20 (530 г.); см. также *Bas.*, 21, 1, 44 (BT 1024); *Proch. auctum*, 27, 212 — *Ius (Zach.)*, VI, p. 229. Ср. *M. Kaser. Op. cit.*, S. 474, 495.

¹²⁸ Близость к Кодексу Юстиниана сказывается даже в терминологии — «compromissarii iudices» конституции Кодекса сохранены в тексте статьи *ЧРЭ* 12 в греческой транскрипции.

¹²⁹ См. *E. H. Freshfield. Op. cit.*, p. 70.

¹³⁰ *Nov.*, 90, 3; *Athan.*, 5, 5 — *Anecdota (Hb.)*, p. 194; ср. *Bas.*, 21, 1., 46; BS 1271.

¹³¹ *Dig.*, 22, 5, 1, 2 (Аркадий и Харисий из кн. «О свидетелях»); *Dig.*, 22, 5, 12 (Ульпиан из кн. 37 «К эдикту»).

¹³² У Цахария (*Ius*, II, 1865, p. 39, n. 20) оговорено: forte τῶν περισσοτέρων μαρτύρων πρὸς σύστασιν.

зованы в первых трех статьях ЧРЭ и воспроизведены без сколько-нибудь заметных изменений. В ЧРЭ к этим трем статьям добавлено еще четыре.

ЧРЭ 16, 4 определяет сущность мировой сделки, следуя в начале статьи Дигестам¹³³. Согласно этому определению, в ЧРЭ указано, что мировая сделка является разрывом (*τομή*) или окончанием (*περάτωσις*) сомнительной или спорной сделки. Дальнейшая же часть статьи происходит из какого-то другого источника. Там говорится, что этот разрыв осуществляется с фиксацией в письменной форме. Это должно быть выполнено собственноручно в присутствии свидетелей или путем публично заключенного договора (*ἢ δι' ἀγοραίου τετελεσμένου συμβολαίου*), или путем устного соглашения (*ἠμολογήσεως*), подтвержденного какими-либо лицами. Таким образом, в композиции статьи заметны существенно уточняющие процедуру детали. Они, возможно, заимствованы из практики или из источника, который пока нами определен быть не может.

Статья ЧРЭ 16, 5 изложена крайне неясно. Смысл ее можно передать лишь предположительно. По завершении мировой сделки не следует возбуждать иск против реципиента, если он не предоставил всего, сколько было внесено при заключении мировой сделки, и этого захотел бы ответчик (*μετὰ τετελεσμένην διάλωσιν μὴ κινεῖτω τις, εἰ μήπω παράσχοι πάντα, ὅσα διαλωσάμενος ἐκομίσατο καὶ τοῦτο βουλομένου τοῦ ἐναγομένου*). Фрешфильд толкует текст иначе: законный иск о полной мировой сделке (of a full discharge) не может быть возбужден против реципиента, если реципиент добровольно вернул кредитору при сделке все, что он получил от кредитора. По мнению Фрешфильда, речь идет не о мировой сделке в общем смысле (ср. Инст., 3, 29), но главным образом о денежных займах. Толкование статьи, предложенное им, основано по существу не на тексте ЧРЭ 16, 5, а на толковании конституции Диоклетиана и Максимиана 290 г., включенной в Кодекс Юстиниана¹³⁴.

Следующая, дополнительная статья ЧРЭ 16, 6 также трактует о мировой сделке. Лицо, достигшее возраста полного совершеннолетия (старше 25 лет), заключившее мировую сделку об условленной сумме денег, может возбудить иск об остальной причитающейся ему по долгу сумме. Содержание этой статьи восходит к двум законам Кодекса Юстиниана, изданным в 294 г. Диоклетианом и Максимианом¹³⁵.

Далее же говорится о случае, когда какое-либо лицо заключило полную и всеобъемлющую мировую сделку без злого умысла (*κακούργηματος*) или обмана (*δόλου*). Тогда иск более не должен быть возбужден, но следует требовать полагающийся штраф или пеню (*ποινὴν ἀπαιτεῖσθαι*). Сделка же, заключенная кем-либо с применением устрашения (*φόβου*) или хитрости и злого умысла, если это будет доказано в пределах до двух-летнего срока, считается недействительной. В этой части статьи автор ЧРЭ черпает свои положения из других конституций Кодекса Юстиниана¹³⁶.

В конституциях Севера, Антонина и Диоклетиана, а также в конституции Юстиниана (531 г.)¹³⁷, находим основу статьи ЧРЭ 16, 7, завершающей рассматриваемый нами титул. В статье речь идет о мировой сделке, заключенной лицом, не достигшим 25-летнего возраста и не имеющим ку-

¹³³ Dig., 2, 15, 1 (Ульпиан кн. 50 «К эдикту»); Bas., 11, 2, 7, (BT 651); BS 360; Syn., Bas., 27, 1 — Ius (Zach.), V, p. 237.

¹³⁴ С., 2, 4, 14; см. также Bas., 11, 2, 31 (BT 662). Если противная сторона старается действовать против мировой сделки из соображений справедливости, рекомендуется возврат денег, если и ты этого желаешь, и возбуждение иска о всем деле в целом (см. E. H. Freshfield. Op. cit., p. 73, п. 1). Автор высказывает сомнение в предложенном им толковании этой и следующей статей ЧРЭ.

¹³⁵ С., 2, 4, 24 и 31; см. Bas., 11, 2, 41 (BT 666) и Bas., 11, 2, 48 (BT 669). См. также Syn. Bas., «Δ», 27, 20. — Ius (Zach.), V, p. 241.

¹³⁶ С., 2, 4, 17 (293 г.); 2, 4, 13 (290 г.); 2, 4, 19 (293 г.). Двухгодичный срок указан в конституции Константина 319 г.: С., 2, 20, 8.

¹³⁷ С., 2, 31 (32), 1 (без даты); 2 (294 г.); 2, 52 (53), 7 (531 г.) Речь идет о так называемой *restitutio in integrum*.

ратора. Если такое лицо терпит ущерб до достижения полного совершеннолетия, пусть вчинит иск о понесенном ущербе и не будет осуждено за неосмотрительно заключенную им мировую сделку. Следует, однако, заметить, что не только содержание использованных старых законов, но и форма их изложения передана весьма свободно. Это свидетельствует о самостоятельной обработке их либо самим автором *ЧРЭ*, либо каким-то его предшественником.

Практическое значение законоположений о мировых сделках выступает с полной очевидностью при разборе сложных дел, поступавших на рассмотрение высших судебных инстанций в XI в.

Последний, семнадцатый титул *ЧРЭ* посвящен, как и в официальной *Эклоге* 726 г., наказаниям за уголовные преступления. Однако в порядке изложения наш источник отнюдь не следует *Эклоге*. Кроме того, и здесь в ряде случаев статьи *ЧРЭ* не находят аналогий в *Эклоге*, и восходят к законодательству более раннего времени. В большинстве случаев это законы из свода Юстиниана. Однако источник некоторых статей пока определить не удалось. Титул *ЧРЭ* содержит всего 11 дополнительных статей. Наконец, некоторые статьи *Эклоги* (17, 16; 17, 23; 17, 25; 17, 31; 17, 34; 17, 37; 17, 51; 17, 53) не находят параллелей в *ЧРЭ*.

Перейдем к рассмотрению этих расхождений.

ЧРЭ 17, 3 в дополнение к статье 17, 4, повторяющей статью *Эклоги* 17, 3, также трактует об оскорблении величества или заговоре против императора или империи и одинаково карает это преступление казнью мечом. При этом упоминается, что ругающий императора (*ὁ διαλοδορῶν*) или дурно упоминающий о нем приводится к императору на суд. Основу статьи содержит закон 393 г. Феодосия, Аркадия и Гонория, включенный в использованный автором *ЧРЭ* Кодекс Феодосия и Юстиниана. Эта конституция перешла и в *Василики* ¹³⁸⁻¹³⁹.

Можно высказать предположение, что дополнение находит свое объяснение в исторических условиях второй половины VIII — начале IX в., когда Константин V стали называть Копрономом — «навозником».

Дополнительной статьей является *ЧРЭ* 17, 10, карающая смертью (казнь мечом) виновного в насилии над посвященной богу девушкой или вдовой, благочестиво живущей, замужней женщиной или собственной невестой. В основе этой краткой статьи лежит детальная конституция Юстиниана 533 г. ¹⁴⁰, отменяющая, за исключением закона Константина ¹⁴¹, прежние законы и карающая подобные преступления смертью. Этот закон перешел также в *Василики* ¹⁴².

ЧРЭ 17, 12 предписывает казнь мечом разведчику, подсланному врагами. Близость к лежащему в основе источнику — *Дигестам* — выступает уже в терминологии. Термин «explorator», примененный в *Дигестах*, здесь дан в греческой транскрипции ¹⁴³. Текст *Дигест* взят из третьей книги военного трактата (*De re militari*) Аррия Менандра. Аналогия между *ЧРЭ* 17, 12 и ее источником — полная.

Неясен источник статьи *ЧРЭ* 17, 17, предписывающей отрезание носа, наказание плетью и вечным изгнанием человеку, вовлекшему в связь сестру жены или ее дочь или падчерицу. Сообщницу закон предписывает покарать теми же телесными и членовредительными наказаниями, но без изгнания.

Статья *ЧРЭ* 17, 26 трактует о соращении замужней женщины. Виновник карается отрезанием носа, но не будет разведен со своей женой. Его любовница подвергнется такому же наказанию и заберет у своего мужа принадлежащие ей вещи. В качестве обвинителей указан кто-либо

¹³⁸⁻¹³⁹ С., 9, 7 = CTh, 9, 4, 1; ср. Bas., 60, 36, 13.

¹⁴⁰ С., 9, 13.

¹⁴¹ CTh, 9, 24, 1, 5.

¹⁴² Bas., 60, 58, 1.

¹⁴³ Dig., 49, 16, 6, 4.

из пяти лиц, осведомленных об этом,— ее муж, отец, брат, дядя по отцу или матери. Если же какое-нибудь иное лицо доводит до сведения архонта о прелюбодеянии, то это явление должно быть подкреплено сведениями о его статусе (*σύστασις*); архонт обязан уведомить мужа. Если мужа нет, то должно быть извещено одно из названных четырех лиц. Обвинение в прелюбодеянии должно быть тщательно расследовано архонтом, лишь тогда виновные подвергнутся наказанию.

Эта статья по своему содержанию примыкает к предшествующей (*ЧРЭ* 17, 25 = 17,27). Первая часть рассматриваемой статьи 17, 26 имеет основу в конституции Константина 326 г.¹⁴⁴

Статья *ЧРЭ* 17, 29 также трактует о прелюбодеянии женатого человека. Он подвергается церковной каре. Если же он отказывается выполнять наложенные на него эпитимьи, то половина его имущества конфискуется. Источник статьи пока не определен ни Цахарием, ни последующими исследователями.

ЧРЭ 17, 32 определяет наказания за вооруженное нападение на дома и поля. Если происходит убийство, виновный подлежит казни мечом. Основанием для статьи явилось, вероятно, положение, сформулированное в пятой книге сентенций псевдо-Павла, включенное в *Дигесты*¹⁴⁵.

ЧРЭ 17, 35 трактует о весьма остром вопросе. Согласно этой статье, отступничество от христианской веры карается смертью. Основой ее является, как полагал Цахарием, конституция Валентиниана, Феодосия и Аркадия 391 г.¹⁴⁶, хотя ее содержание и формулировки отличаются от последней. В Прохироне эта конституция Кодекса формулирована с предельной краткостью; она сходна с *ЧРЭ* 17, 35 в следующих словах: «Удостоенные святого крещения и снова ставшие язычниками подлежат смертной казни» (*ἐσχατῇ τιμωρίᾳ*). Эта кара передана в *ЧРЭ*, 17, 35, что обычно для этого источника, как «казнь мечом» (*ξίφει τιμωρισθῶσαν*). Отличие также заключается в том, что в *ЧРЭ* 17, 35 не упоминается о «святом крещении»¹⁴⁷.

ЧРЭ 17, 37 — о святотатстве и вторжении в ночное время в алтарь в целях похищения священных подношений богу — карает виновного смертью (казнь мечом). Статья близка по содержанию следующей статье (17, 38), которая в свою очередь совпадает со статьей Эклоги (17, 15)¹⁴⁸. *ЧРЭ* 17, 37 имеет источником *Дигесты*: положение Ульпиана (7-я кн. de officio proconsulis), где такая же кара предусматривается для похищающих ночью дары, принесенные богу¹⁴⁹.

К *Дигестам* восходит и *ЧРЭ* 17, 39, где казнь мечом предписывается как кара за преднамеренное изготовление ядовитых лекарств или веществ, убивающих людей¹⁵⁰. Текст *Дигест* принадлежит Маркиану (14-я кн. Институций), который цитирует закон Корнелия об убийцах, гл. 5.

Подобным же образом в *Дигестах* находит свой источник и *ЧРЭ* 17, 45 о фальсификаторах (*πλαστογράφοι*). В *ЧРЭ* они караются отсечением руки; в *Дигестах* приведено высказывание Маркиана (14-я кн. Институций) о законе Корнелия Суллы о фальсификаторах (de falsis) и Ульпиана (7-я кн. de officio proconsulis), которые использованы в статье *ЧРЭ*. Однако краткая формулировка принадлежит автору *ЧРЭ*.

Наконец, *ЧРЭ* 17, 60 предписывающая наказание смертной казнью (*κεφαλικὴ τιμωρία*) научившему варваров строить корабли, повторяет закон Гонория и Феодосия 419 г., также каравший за это смертной казнью (*capitale supplicium*)¹⁵¹.

¹⁴⁴ С., 9, 9, 29 (30) = СTh, 9, 7, 2; Bas., 60, 37, 68.

¹⁴⁵ Dig., 48, 6, 11 pr., n. § 1.

¹⁴⁶ С., 1, 7, 3 = СTh., 16, 3, 23.

¹⁴⁷ Proch., 39, 33.

¹⁴⁸ Dig., 48, 13, 7 (6); 11 (9), pr. n. § 1.

¹⁴⁹ Dig., 48, 8, 3 pr.

¹⁵⁰ Dig., 48, 10, 1, § 13 и 18

¹⁵¹ С., 9, 47, 25 = СTh, 9, 40, 24.

В 17-м титуле *ЧРЭ* не были повторены некоторые статьи Эклоги: 23 (связь с монахиней), 25 (связь с крестницей), 31 (изнасилование несовершеннолетней), 34 (связь с матерью и дочерью), 37 (брак между двоюродными братьями и сестрами и т. д.), 51 (карающая клеветников) и 53 (о перебежчиках).

В 18-м титуле *ЧРЭ* — о разделе военной добычи — расхождений с официальной Эклогой 726 г. не имеется.

Рассмотрение шаг за шагом всего содержания *ЧРЭ*, сделанное нами выше, дает основание для ряда выводов о путях развития византийского права в полуторавековой период, отделяющий иконоборческую Эклогу 726 г. от первого краткого свода, изданного императорами Македонской династии (ок. 879 г.), — Прохирона, периода, почти не освещенного другими юридическими источниками.

1. *ЧРЭ* — это новый тип частного юридического руководства, тип, который широко представлен памятниками византийского права IX—XIV вв. В таком руководстве краткий официальный свод по мере надобности, подсказанной необходимостью решения дел, не предусмотренных в этом своде, дополняется автором руководства (обычно неизвестным) за счет норм, заимствованных из других законодательных памятников. Дополнения, разумеется, берутся только из официального законодательства, хотя изложение заимствованных норм часто бывает отнюдь не буквальным повторением оригинала.

2. *ЧРЭ* возникла ранее Прохирона. В этом мы согласны с нашими предшественниками, которые указывали на то, что в ней нельзя обнаружить никаких следов знакомства с Прохироном. Мы полагаем, однако, что отмеченные нами в ходе анализа текста законодательные постановления, говорящие о внимании автора к институту монашества, вопросам, не отраженным в иконоборческой Эклоге 726 г., заставляют считать, что изучаемый юридический памятник возник скорее не в VIII в., как полагал Фрешфильд, а вероятнее всего — в IX в., незадолго до восстановления иконопочитания. Он появился, по-видимому, в тот период, когда антимонашеские мероприятия императоров-иконоборцев ушли уже в прошлое и когда возросло влияние монашества и монастырей.

3. Прежде мы лишь предположительно высказывали тот взгляд, который оставался недоказанным, что Эклога 726 г. в целом не отменила действия законодательства Юстиниана. Этот краткий законодательный свод в основном ограничивался только теми нормами, в которых его создатели расходились со своими предшественниками, в первую очередь с законодательством Юстиниана. Последнее нашло свое отражение в других разделах Эклоги, в очень ограниченной степени, отнюдь не охватывая всех сторон правовой жизни. На основании анализа содержания *ЧРЭ* мы можем сейчас это предположение подкрепить серьезными аргументами и можем утверждать, что законодательство Юстиниана оставалось действующим и в других своих частях в VIII—IX вв. Именно отсюда составитель *ЧРЭ* главным образом черпал свои дополнения и именно отсюда он брал нормы, которыми иногда заменял нормы Эклоги 726 г. Это отчетливо видно при анализе «скрытых» источников.

4. Заимствованные дополнительные статьи переданы обычно в переработанном и измененном, а также сильно сокращенном виде, вероятно, для приспособления их к требованиям времени и в зависимости от юридической подготовки автора. Эти изменения, однако, обычно не меняют нормативного содержания заимствованных законоположений.

5. Заимствования производились из свода Юстиниана либо непосредственно, либо (чаще) через посредство греческих парафраз и эпитом к частям свода Юстиниана, выполненных учеными профессорами права V—VII вв., особенно Феодора Гермупольского и Анонима Бодлеянской библиотеки. Использование этих парафраз и эпитом роднит *ЧРЭ* с позд-

нейшими официальными и неофициальными юридическими сочинениями, составители которых часто пользовались подобным приемом.

6. Дополнения к Эклоге 726 г. шли часто в том же направлении, в котором впоследствии делались и дополнения к Прохирону, Эпанагоге и другим законодательным памятникам Македонской династии. Рост товарно-денежных отношений в IX в. заставил автора ЧРЭ (как позднее и императора Льва VI) предусмотреть возможность займов под проценты, следуя в этом отношении законодательству Юстиниана, а не умалчивающей о них Эклоге.

7. Следование в отдельных пунктах законодательству Юстиниана констатируется и в некоторых других разделах — о брачных, брачно-имущественных отношениях, в разделах о дарах, мировых сделках, ипотеке и т. п. Все это свидетельствует о более интенсивном росте, расширении деловой жизни, деловых отношений по сравнению с началом VIII в.

8. Хотя это развитие и расширение нормативного материала ЧРЭ как будто идет в том же направлении, в каком шел позднее Прохирон, мы не смогли установить каких-либо следов зависимости Прохирона от ЧРЭ. Заимствования из свода Юстиниана по сходным вопросам делались в обоих источниках неодинаково. Поэтому у нас нет оснований считать, что пути эти совпадали и что составители Прохирона использовали ЧРЭ в процессе подготовки своего официального свода.

К. Н. ЮЗБАШЯН

ЗАВЕЩАНИЕ ЕВСТАФИЯ ВОИЛЫ
И ВОПРОСЫ ФЕМНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ «ИВЕРИИ»

В апреле 1059 г. византийский вельможа, протоспафарий и ипат Евстафий Воила составил завещательное распоряжение относительно своих имуществ. В этом документе подробно говорится о земельных владениях Воилы, его многочисленных рабах, перечисляются предметы утвари, одежды, книги. Завещание содержит сведения биографического характера, некоторые подробности повседневного быта, отношений с соседями и пр.¹ Значение этого документа признано давно², однако лишь после того как С. Врионису, а затем и Р. М. Бартияну удалось показать, что Воила, переселившись из Каппадокии, обосновался в феме «Иверии», памятник привлекает к себе особое внимание³. С. Врионис и Р. М. Бартиян продолжили текстологическое исследование памятника, продвинутое уже его первым издателем В. Н. Бенешевичем, а свои переводы завещания (соответственно на английский и армянский языки) оба автора снабдили ценным комментарием. Эти две публикации существенно обогатили наши знания о внутренней жизни «Иверии»⁴.

¹ Завещание Воилы сохранилось в рукописи Парижской Национальной библиотеки Coisl. 263; см. R. Devreesse. Catalogue des manuscrits grecs, II. Le Fonds Coislin. Paris, 1945, p. 241—242. Текст издан: В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI века. — ЖМНП, 1907, май, стр. 219—231.

² П. Безобразов. Завещание Воилы. — ВВ, XVIII, 1911; Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 169—173 (пер. М. В. Левченко).

³ S. Vryonis. The will of a provincial magnate, Eustathius Boilas (1059). — DOP, XI, 1957; Р. М. Бартиян. Завещание Евстафия Воилы (1059 г.) как важный источник по истории Армении и Грузии. — ВМ, 5, 1960 (на арм. яз.); его же. Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059 г.). — ВВ, XIX, 1961; см. также «Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9—16 августа 1960 г.», I. М., 1962, стр. 541—547. П. В. Безобразов (указ. соч., стр. 108) локализовал владения Воилы в феме «Антиохия», а В. Н. Златарски (V. N. Zlatarski. Една датирана приписка на гръцки от средата на XI векъ. — BS, I, 1929, стр. 25) — близ Эдессы.

⁴ См. также: Г. Г. Литаврин. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. (По материалам завещаний). — ВО, 1971, стр. 152—168. Р. М. Бартиян показал, в частности, что некоторые из упомянутых Воилой населенных пунктов находились близ Артануджа, в Кларджии. Эта точка зрения встретила возражения Ш. Бадридзе. Грузинский ученый поддерживает идею о том, что Воила обосновался в «Иверии», но полагает, что Кларджия в состав фемы не входила. Ш. Бадридзе исходит при этом из того, что в 1048 г. Калмахи (недалеко от Артануджа) составляло владение одного из приверженцев царя Баграта IV — Сулы Калмахели, поэтому неправомочно отождествлять с ним Калмухи завещания — собственность Воилы. Но противоречие здесь кажущееся. Воила прибыл в «Иверию» около 1051 г. и вступил, по-видимому, во владение не заброшенным имуществом, а имуществом, вынужденно оставленным прежним владельцем или владельцами. Справедливой представляется точка зрения В. А. Арутюновой-Фиданян, которая на основании локализации владений Воилы в Кларджии считает, что эта область была приобщена к «Иверии» позднее (по ее мнению, в 40—50-х годах XI в.). Действительно, старые пред-

Завещание Воилы переписано рукою монаха Феодула, об этом имеется упоминание в самом документе. Феодул переписал и прочие разделы рукописи. Сохранился его колофон, помещенный вслед за «Лествицей» Иоанна Климака и непосредственно перед текстом завещания. Из колофона явствует, что «Лествица» завершена перепиской в лето 6567, индикт XII, апреля 4, в субботу, т. е. 4 апреля 1059 г. Несколько строк колофона являются чрезвычайно важным источником, проливающим свет на административное устройство ряда восточных фем, в том числе и «Иверии».

Колофон расположен слева и справа от креста, образующего рамку вокруг последних строк «Лествицы»⁵. Таким образом, каждая из 20 строк колофона, за исключением трех последних, имеет разрыв. До недавнего времени все исследователи читали текст от полной строки к строке, отвлекаясь от разрыва. В 1959 г. Р. М. Бартикян внес существенное изменение в этот порядок. По его мнению, принцип записи от полной строки к строке дважды оказался нарушен и действительно следует признать иную последовательность слов: Ἀαρὼν προέδρου καὶ αὐτοεπιστοῦ Αὐγούστου Μεσοποταμίας τοῦ Παραδοῦναβι, Βασιλείου μαγίστρου Ἰωάννου Μοναστηριότου Ἰβηρίας. Это изменение распространяется на ту часть колофона, где упомянуты правители фем, при которых и была переписана рукопись с текстом завещания. В этом случае магистр Василий (имя которого ранее сопрягалось с тоῦ Παραδοῦναβι) утрачивал эту прибавку и наряду с Иоанном Монастириотом становился правителем «Иверии»⁶.

Точка зрения Р. М. Бартикяна встретила возражения Н. Бэнеску, который подтвердил свой давний взгляд на Парадунавис как на обозначение фемы Паристрион и на магистра Василия, его дуку⁷. Поправка Р. М. Бартикяна была отвергнута и в цитированном выше издании «Гръцки извори». Но в 1967 г., на основании прежней аргументации Р. М. Бартикян повторил свою точку зрения⁸. Отталкиваясь от его чтения, Э. Стэнеску высказал гипотезу о наличии «Придунайской Месопотамии»⁹. Приняла эту поправку и В. А. Арутюнова-Фиданиян в своих статьях о ви-

ставления о географических пределах фемы подлежат пересмотру, ее граница с Грузинским царством в середине столетия проходила севернее, чем принято было думать. См. В. А. Арутюнова-Фиданиян. Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи. — ИФЖ, 1972, № 1; *ею же*. Византийские правители фемы «Иверия». — ВАН Арм. ССР, 1973, № 2, ср. *Ch. Badridzé. Deux études pour servir à l'histoire du Tao.* — ВК, XXXI, 1973, p. 172—177; см. также: Z. Avalichvili. La succession du curopalate David d'Ibérie, dynaste de Tao. — Вуз., VIII, 1933, p. 198—200; E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1961, S. 165—166; E. Такайшвили. Археологическая экспедиция 1917 г. в южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 63.

⁵ Фотогипеческие воспроизведения колофона см. H. Omont. Facsimilés des manuscrits grecs datés du IXe au XIVe siècles. Paris, pl. XXVI, 2; K. and S. Lake. Dated greek minuscule manuscripts to the year 1200, IV, part 1. Boston, Mass., 1935, pl. 285. Чтение колофона с переводом на болгарский язык, библиографией и комментарием см. Гръцки извори за българската история, VI, съставили Ив. Дуйчев и др. София, 1965, стр. 38—89.

⁶ Р. М. Бартикян. Относится ли прозвище Παραδοῦναβις к магистру Василию в памятной записи монаха Феодула (1059 г.). — ИАН Арм. ССР, общественные науки, 1959, № 8, стр. 85—86; *ею же*. Критические заметки..., стр. 34—37.

⁷ N. Bănescu. A propos de Basile Aropapes, duc de Paradounavis (Paristrion). La notice du moine Théodule (1059). — RESEE, I, 1963, № 1—2. Из ранних работ того же автора см. Les premiers témoignages byzantins sur les Roumains du Bas-Danube. — BNJ, III, 1922, 3—4; La question du Paristrion ou conclusion d'un long débat. — Вуз., VIII, 1933, p. 277 sqq.; Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et la Bulgarie. Bucarest, 1946.

⁸ Р. М. Бартикян. Към кого се отнася прозвището ПАРАДОУНАВИС в приписката на монаха Теодул от 1059 година? — ИБИД, кн. XXV, 1967. С упомянутой в предыдущей сноске статьей Н. Бэнеску, выпедшей в 1963 г., Р. М. Бартикян, по-видимому, не знаком.

⁹ E. Stănescu. Beiträge zur Paristrion-Frage. Die Benennungen der unteren Donaugebiete im 10. bis 12. Jahrhundert als historisches Problem. — JÖBG, VII, 1968, S. 57; ср. N. Oikonomidès. Recherches sur l'histoire du Bas-Danube aux Xe—XIe siècles: Mesopotamie d'Occident. — RESEE, III, 1965.

зантийской администрации в феме «Иверии». Таким образом, вопрос остался дискуссионным, и поскольку он важен для правильного представления о фемной администрации в «Иверии», имеет смысл, по-видимому, вновь обратиться к анализу записи Феодула.

В последующих рассуждениях я совершенно отвлекаюсь от вопроса, приложимо ли произвище *τοῦ Παραδούναβι* к проэдру Аарону — сыну последнего болгарского царя Иоанна-Владислава¹⁰. Сомнения вызывают иные обстоятельства. Почему переписчик нарушил им же установленный порядок записи? Почему *τοῦ Παραδούναβι*, если это наименование относится к Аарону, нашло свое место в самом конце фразы, а не поставлено рядом с личным именем? Почему между именами «магистр Василий» и «Иоанн Монастириот» нет союза? Но если эти обстоятельства, каждое в отдельности или даже взятые в совокупности, не могут служить решающим аргументом против чтения Р. М. Бартикяна, то новый смысл, который приобретает после перестановки слов запись Феодула, находится в принципиальном противоречии с нашими представлениями о фемном строе Византии. Действительно, перестановка предложена в той части колофона, которая начинается с ΔΟΥΚΩΝ. В подлинном тексте над конечным Ν стоит Γ, и исследователи по разному расшифровывают это место — *δοικῶν*, *δοικῶντ(ος?)*. Но при любом чтении контекст таков, что все перечисленные ниже лица, т. е. Адриан, Аарон, Василий, Иоанн Монастириот и Панкратий являются дуками¹¹. И если согласно традиционному чтению колофона магистр Василий определяется как дука Парадунависа (или как Василий «Парадунавис»), то в случае перестановки он становится наряду с Иоанном Монастириотом дукой Иверии. Разумеется, административные функции в феме может выполнять не только дука или катепан, но также и судья, и командир дислоцированного здесь отряда, и специальное лицо, посланное на помощь фемному начальнику. Тем не менее, «двучначалие в управлении отдельной областью не практиковалось в империи, так как оно противоречило бы основному принципу ее фемного устройства»¹². Отказываясь же от традиционного чтения колофона, мы неизбежно приходим к заключению, что во главе одной фемы одновременно находилось двое дук — ситуация, сколько мне известно, нигде не зафиксированная. Таким образом, даже не выходя за пределы сведений, содержащихся в записи Феодула, следует признать, что ее традиционное осмысление пересмотру (по крайней мере, в том направлении, которое предлагает Р. М. Бартикян) не подлежит. Согласно записи Феодула, в 1059 г. в Иверии был один правитель — Иоанн Монастириот¹³.

* * *

Фема «Иверия», где обосновался Воила, была создана из бывших владений Давида Куропалата, могущественного князя армяно-грузинской области Тао-Тайк. В 1000 г. Давид был убит, его земли отошли к империи, но только в 1023 г., после кровопролитных войн за наследство Давида, здесь окончательно утвердилась византийская администрация. Столицей фемы поначалу был Феодосиополь. В 1045 г. византийцам удалось овладеть Анийским царством. Власть местных Багратидов была упразднена, а их владения включены в состав «Иверии». Центром «Иверии» стал город Ани. Впоследствии границы фемы были вновь раздвинуты.

¹⁰ По мнению Т. Василевского, такое сочетание невероятно; см. *T. Wasilewsky Le thème byzantin de Sirmium-Serbie au XIe et XIIe siècle.* — ЗРВИ, VIII, 2, 1964, p. 480, n. 83.

¹¹ Признавая корректным чтение *δοικῶν* (множ. ч.), В. Тышкова-Заимова предлагает тем не менее перевод, по которому дукой был только Адриан.

¹² В. А. Арутюнова. К истории падения Ани (О личности «царского раба» в «Истории» Михаила Атталиата). — ВАН Арм. ССР, 1967, № 9, стр. 100; *ее же*. Из истории северо-восточных пограничных областей..., стр. 99.

¹³ Ср. *Ch. Badridzé. Op. cit.*, p. 171.

Когда Воила оказался на чужбине (т. е. в «Иверии»), он нашел покровителя в лице «светлейшего и знаменитого дуки Михаила». На протяжении 15 лет, заявляет автор завещания, он служил под началом у Михаила, а через 8 лет после того, как Воила покинул службу, дука скончался¹⁴. Множество благоденный оказал Воиле не только дука, но и его сын, «светлейший и славнейший» магистр Василий¹⁵. Говоря о них, Воила пользуется не только общими выражениями *κ̄ρ, κ̄ριος*, но и более специфическими *αὐθέντης, αὐθέντοπουλος*. Крупные земельные собственники; они в силу своего имущественного положения обладают определенной властью над Воилой, их «вассалом»¹⁶. Далее выясняется, что деревни Офидовуни, Куснерии и Калмухи Воила вынужден был передать дуке, а проастиий Варта — его сыну Василию. Дука, его покойная жена и здравствующий сын Василий выдали Воиле расписки на сумму, достигающую 25 литров, но денег по ним Воила не получил. Несмотря на то, продолжает Воила, что я не замыслил против господ и их детей — не строил козней, не писал доносов, а наоборот, всячески устраивал их дела, — я много претерпел от них и через них, и даже жизнь моя была в опасности¹⁷. Сыновей дуки Михаила, магистра Василия и вестарха Фаресмана, Воила назначает своими душеприказчиками¹⁸.

Каково было отношение дуки Михаила к «Иверии»? С. Врионис подобным вопросом не задавался. По мнению Р. М. Бартияна, и Михаил, и его сын Василий, будучи оба дуками, принадлежали к местной византийской администрации¹⁹. Согласно В. А. Арутюновой-Фиданян, Михаил был дукой Кларджии (1036—1051), Василий — правителем Кларджии (1051—1059), и в этом качестве они входили в состав администраторов, подчинявшихся «византийскому наместнику фемы Иверия»; в 1059 г. Василий был соправителем «Иверии»²⁰. Конечно, термин «дука» в контексте завещания может означать только правителя фемы²¹. Перечисляя лиц, которых он заклинает и обязывает соблюдать неукоснительно свою волю, Воила называет катепанов, дук и фемных судей — обычных представителей фемной администрации. Катепан и дуки фем фигурируют также в записи Феодула. Но был ли Михаил дукой «Иверии», а если был — оставался ли в этой должности, когда ему вновь довелось встретиться с Воилой?

Завещание составлено в 6567 г., в апреле XII индикта²². Та же дата (с добавлением дня и часа) фигурирует и в записи Феодула. Воила говорит, что в VI индикт у него умер сын, проживший всего 3 года, в IX индикт умерла жена, и до текущего XII индикта Воила вынужден заботиться о двух своих дочерях²³. Вряд ли можно сомневаться, что все эти данные относятся к одному и тому же 15-летнему циклу. В таком случае сын Воилы родился в 1050 г., умер в 1053 г., жена Воилы умерла в 1056 г.²⁴

¹⁴ Б. Н. Бенешевич. Указ. соч., стр. 222.5—10.

¹⁵ Там же, стр. 222.10—12, 31—34.

¹⁶ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 118; История Византии, т. II. М., 1967, стр. 247; G. Ostrogorsky. Observations on the aristocracy in Byzantium. — DOP, 25, 1971, p. 15. О термине см. Г. Г. Луман-рин. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. М., 1972, стр. 469, прим. 603; стр. 528, прим. 940.

¹⁷ В. Н. Бенешевич. Указ. соч., стр. 224.4—20.

¹⁸ Там же, стр. 231.8—12.

¹⁹ Р. М. Бартияна. Завещание Евстафия Воилы..., стр. 406; его же. Критические заметки..., стр. 37.

²⁰ В. А. Арутюнова-Фиданян. Византийские правители..., стр. 66—67 и 77—78 (таблицы).

²¹ В. Н. Бенешевич. Указ. соч., стр. 230.27. Об эволюции термина см. H. Glykatzis-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe—XIe siècles. — ВСН, LXXXIV, 1961, 1, p. 52 sqq.

²² В. Н. Бенешевич. Указ. соч., стр. 231.22—23.

²³ Там же, стр. 223.6—10.

²⁴ Перевод индикта в год нашего летосчисления производится округленно, без учета сентября — декабря предшествующего года.

Сын Воилы Роман умер на новом месте и похоронен в церкви св. мученицы Варвары (здесь похоронена была и жена Воилы Анна)²⁵. Таким образом, для переселения Воилы, соответственно и общения с дукой Михаилом, мы устанавливаем твердый *terminus ante quem* — 1053 г.

Трехлетний сын Воилы родился, по-видимому, до того, как семья обосновалась в «Иверии»²⁶. Если эта посылка верна, тогда 1050 г. можно рассматривать как *terminus post quem* для отбытия Евстафия Воилы на новое место. С. Врионис полагает, что Евстафий имел отношение к заговору Романа Воилы и обосновался в Иверии после подавления движения. Скилица рассказывает о нападении печенегов в IV и V индикт; «в это же время» имел место заговор Романа Воилы, — говорит хронист и переходит затем к описанию сельджукских нашествий — эти события датируются 1053 и 1054 гг.²⁷ В таком случае переселение Воилы падает на 1051/52—1053 гг.

Не согласный с доводами С. Вриониса А. П. Каждан считает, что Воила прибыл в Таик за 23 года до составления завещания, т. е. в 1036 г. Уже на новом месте служил 15 лет дуке Михаилу, а затем 8 лет — его сыну²⁸. Эту хронологию признает и В. А. Арутюнова-Фиданян²⁹. Такое толкование данных завещания представляется неправильным. В тексте говорится о том, что Воила служил дуке Михаилу 15 лет, а через 8 лет после того, как он, Воила, вышел в отставку, дука скончался. На основании этих цифр невозможно определить абсолютную хронологию событий. Методика же С. Вриониса представляется корректной.

В течение двух десятилетий, предшествовавших появлению завещания Воилы, правителями «Иверии» были следующие лица:

1038—1046 гг. Вест, затем вестарх Михаил Иасит. При нем границы фемы были расширены за счет Анийского царства³⁰.

1046—1048 гг. Преемником Иасита стал Катакалон Кекавмен³¹.

1055/56—1057 гг. При императрице Феодоре (1055—1056) в Ани прибыл магистр Аарон. Он правил фемой до весны 1057 г.³²

1059 г. «Иверией» правит Иоанн Монастириот³³.

Известно также, что в течение недолгого времени в сентябре 1047 г. на посту византийского администратора части «Иверии» (возможно, «Иве-

²⁵ В. Н. Бенешевич. Указ. соч., стр. 225.13—16.

²⁶ Там же, стр. 223.1—5. В переводе М. В. Левченко: «... в качестве чужеземца пришел я в эту страну с тем имуществом, какое у меня было и какое я приобрел добрыми путями, и с детьми, какие были мне дарованы: двумя женского пола и одним мужского» («Сборник документов по социально-экономической истории Византии», стр. 169). Сходным образом толкует это место и С. Врионис, хотя и с оговоркой, что не совсем ясно — родились дети до или после того, как Воила отбыл на чужбину (*S. Vryonis. Op. cit.*, p. 265, n. 10). В переводе Р. М. Бартияна: «Мне были дарованы двое дочерей и один сын», вне временной связи с предшествующей и последующей фразой (*Р. М. Бартиян. Завещание Евстафия Воилы...*, стр. 412).

²⁷ *Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae ope ab J. Bekkeri suppletus et emendatus. II. Bonnæ, 1839 (далее — Cedr.)* p. 605; *S. Vryonis. Op. cit.*, p. 273. Датировку сельджукских нашествий см. «Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци», пер. с древнеарм. К. Н. Юзбашяна. М., 1968 (далее — Аристакес Ластивертци), стр. 164, прим. 4 к гл. XV.

²⁸ История Византии, т. II, стр. 241 и 446, прим. 12.

²⁹ В. А. Арутюнова-Фиданян. Византийские правители..., стр. 66; ср. В. Н. Бенешевич. Указ. соч., стр. 222.6—10.

³⁰ *Cedr.*, II, p. 519.6, 558—560; *Аристакес Ластивертци*, стр. 85.

³¹ *Cedr.*, II, p. 560.20, 574.3—4; *Аристакес Ластивертци*, стр. 85.

³² И. А. Орбели. Городище Ани. Ереван, 1966, стр. 38, № 107, табл. XII (Свод армянских надписей, I, на арм. яз.); В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи XI века из эпохи византийского владычества. Пб., 1924, стр. 1—14; *Cedr.*, II, p. 627—628; *Ioannis Zonarae Epitome historiarum*, IV. Lipsiae, 1871, (далее — *Zon.*), p. 187.

³³ *Michel Psellos. Chronographie. II. Texte établi et traduit par E. Renauld. Paris, 1967*, p. 15, 26—27; *Cedr.*, II, p. 561, 16; *Michaelis Glycae Annales. Bonnæ, 1836*, p. 596.5—7. В отличие от названных авторов Атталиат считает Льва Торникая стратигом Мелитины: *Michaelis Attalatae Historia. Bonnæ, 1853 (далее — Attal.)* p. 22. 10—11.

рии» в ее прежних пределах) находился Лев Торникий.³⁴ Далее, под 1057 г. Аристоклас Ластивертци упоминает правителя Ани с титулом магистра и правителя Карина-Феодосиополя³⁵. Возможно, это правители отдельных частей «Иверии», но возможно также, что Феодосиополь стал отдельной фемой, а «ишхан Ани» правил «Иверией» в ее новых границах.

Таким образом, отвлекаясь от не вполне ясных известий о Льве Торникийи и ишхане Ани, можно с уверенностью сказать, что в 1038—1046 гг. «Иверией» правит Михаил Иасит, в 1046—1048 гг. — Катакалон Кекавмен, в 1055/56—1057 гг. — Аарон, в 1059 г. — Иоанн Монастириот. Промежуток между 1048 и 1055/56 гг. не заполнен, встреча же Воилы с дукой Михаилом в «Иверии» произошла, по-видимому, в 1051/52—1053 гг. Совершенство этих сведений делает идею о пребывании Михаила на посту дуки «Иверии» допустимой, но, к сожалению, не подтверждает ее. Неопределенность снять не удастся.

Итак, мы видим, что вопрос о принадлежности дуки Михаила к византийской администрации именно «Иверии» остается открытым. К каким выводам можно придти относительно его сына Василия?

Василий характеризуется в завещании как *διάδοχος* своего отца, дуки Михаила³⁶. Для передачи этого понятия М. В. Левченко пользуется словом «преемник», С. Врионис — *successor*, а Р. М. Бартияян — «*жарангорд*». Основное значение *successor* в современном английском — «преемник», но это слово может означать и наследника; армянское слово также имеет оба этих значения. В данном же случае оттенок в переводе греческого слова играет большую роль. Действительно, если допустить, что Михаил был дукой именно в «Иверии» (а эту возможность следует постоянно иметь в виду), а Василий был его *преемником*, тогда он должен трактоваться, естественно, как преемник на посту фемного начальника. Между тем мы знаем, что в 1059 г. во главе «Иверии» находился Иоанн Монастириот. Ответ на этот вопрос может быть дан с учетом того обстоятельства, что завещание Воилы является юридическим документом, в соответствии с этим и должна осмысляться его лексика. Действительно, при том, что завещание содержит разделы индивидуального характера, в целом оно восходит к какому-то местному формуляру (а не к источникам византийского права, как полагает Р. М. Бартияян). За преамбулой следует формула: «Во имя отца и сына и св. духа...», где говорится, что завещатель составил документ по доброй воле, не по принуждению или обману, в здравом уме и т. д. Эту формулу можно найти в десятках частных-правовых документов³⁷. Известны и документы с описью имущества³⁸. Текст рукописи в конце л. 164 об. утрачен, и Р. М. Бартияян остроумно восстанавливает его, опираясь на данные армянских надписей: на нарушителя пусть падет проклятие 318 отцов никейских и пр. Можно восстановить эту формулу по греческим документам, где она встречается весьма часто. Заключительная часть завещания, где перечисляются душеприказчики и распорядители, приводится подпись Воилы, дата, — составлена по форме. В утраченной части документа стояли, по всей видимости, подписи свидетелей. Завещательные грамоты (в особенности поздневизантийские) сохранились в большом количестве, известны также формуляры подобных грамот³⁹.

Помимо отмеченного выше *διάδοχος* в завещании встречаются и другие термины, имеющие отношение к наследованию-преемству. Воила обращается к иереям, монашествующим и *τοὺς κληρονόμους* *μοῦ* с просьбой

³⁴ Аристоклас Ластивертци, стр. 111.

³⁵ В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи..., стр. 11—20.

³⁶ В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина..., стр. 222.34.

³⁷ См., например: ММ. IV, 1, р. 46, 48, 51, 58, 60, 66, 78, 80, 87, 90, 116 и др.

³⁸ Ссылки на такие документы см. S. Vryonis. Op. cit., p. 264, n. 5.

³⁹ G. Ferrini. Formulari notarili inediti dell'età byzantina. — BISI, 33, 1913, p. 51—53, 64, (N 10, 12, 39), 70—76.

совершить по его кончине трисвятительную молитву и делать ежегодные поминания⁴⁰. Говоря о лицах, которые призваны обеспечить правильное исполнение воли завещателя, Воила пишет также: τοῖς ἐμοῖς κληρονόμοις καὶ διαδόχοις⁴¹. Воила предупреждает, что если кто-либо из его клирономов отступится от истинной веры, то он лишится своей доли в наследстве⁴².

Согласно праву, засвидетельствованному в греческих папирусах из Египта, переход к наследнику законных прав умершего на распоряжение имуществом обозначался термином κατὰ διαδοχὴν, а наследник назывался διάδοχος. В греческом праве наследник звался κληρονόμος τῶν ὑπαρχόντων. С течением времени происходит смещение этих концепций, термин «диадох» употребляется наравне с «клирономом». Римское провинциальное право восприняло оба эти наименования. Но в начале V в. н. э. происходит переосмысление терминологии. «Древний термин διάδοχος начинает прилагаться к heres ab intestato, а термин κληρονόμος сужается и означает «наследника по завещанию. Римск. bonorum possessio обозначается κατοχή, соответственно διακατοχή, а римск. bonorum possessor — διακάτοχος»⁴³.

В византийских правовых документах эти обозначения утрачивают свой специфический характер и выражают понятие правопреемника, наследника вообще. При этом формула διάδοχος, κληρονόμος καὶ παντοῦ διακάτοχος (в различных написаниях) может быть приведена как полностью⁴⁴, так и в усеченном виде⁴⁵. Термин «диадох» встречается в сочетании с «клирономом»⁴⁶ или с «диакатохом»⁴⁷. Обычным являлись также случаи, когда сочетаются термины «клироном» и «диакатох»⁴⁸. Как и прочие члены этой формулы, «диадох» может употребляться отдельно, а также в сочетании с μαθητής; в этом случае термин относится к членам монастырской братии, наследующей игумену⁴⁹. Мы располагаем документом, в котором интересующий нас термин «диадох» употреблен отдельно и означает наследника земельной собственности. Речь идет об известном акте Иоанна Контостефана, дуки Фессалоники, от 1162 г.⁵⁰ Монахи лавры св. Афанасия начали тяжбу с проиаром Панкратием Анемой по поводу земельного владения, ссылаясь на документ от 1118 г. Согласно этому документу, утверждали они, спорное владение было передано «стратиотам» — Роману Рентину и братьям Лукитам лично, а не их диадохам. Если даже допустить без оснований, продолжали монахи, что это владение могло перейти к диадохам Лукитов, т. е. к Панкратию, — последний, тем не менее, теряет на него права⁵¹.

Таким образом, мы видим, что в завещании Воилы использована обычная терминология для обозначения наследника имущества. Определяя

⁴⁰ В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина..., стр. 230. 20—23

⁴¹ Там же, стр. 230. 25—26.

⁴² Там же, стр. 230. 28—31.

⁴³ R. Taubenschlag. The law of greco-roman Egypt in the light of papyri. Warszawa, 1955, p. 182—183, со ссылками на источники и литературу. См. также: H. Kreller. ΔΙΑΔΟΧΟΣ und ΚΛΗΡΟΝΟΜΟΣ. — MВPАР, 19, 1934; F. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden, I. Berlin, 1925, s. v. διάδοχος, κληρονόμος, διακάτοχος. Терминологию римского права см. A. Berger. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia, 1953.

⁴⁴ См., например: MM, IV, 1, p. 116, 118, 119, 120, 122; P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. Actes de Lavra. Paris, 1970 (далее — Lavra), 1/13; 20/68; 53/9—10.

⁴⁵ Иногда в одном и том же документе (ср. Lavra, 1/13 и 27; 53/9—10 и 24, 28, 29).

⁴⁶ MM, IV, 1, p. 126, 169; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948, 108/25; Lavra, 1/27; J. Bompaire. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964, 16/16, 26/44; N. Oikonomides. Actes de Dionysiou. Paris, 1968, 1/28 и др.

⁴⁷ См. ВВ, XII, 1906, стр. 1. 10—11, 2. 46—47; Lavra. 10/8, 28/8 и др.

⁴⁸ Например: MM, IV, 1, p. 410, 412.

⁴⁹ J. Bompaire. Op. cit., 2/23, 36; Lavra, 9/10, 16, 30, 31; 12/18—19; 19/18—19, 21; 25/24, 34; App. VI, 21.

⁵⁰ Lavra, N 64.

⁵¹ Lavra, 64/78—81, ср. франц. пер., p. 328.

Василия как диадоха своего отца, Воила имел в виду владения последнего. Независимо от того, был Михаил дукой «Иверии» или нет, Василий наследовал не пост фемного начальника, а его состояние. Из завещания видно, что Михаил и Василий выступают по отношению к Воиле как крупные земельные собственники, а не как представители местной фемной администрации. И если вопрос об административных обязанностях Михаила именно в «Иверии» остается открытым, то о Василии в завещании вообще нет данных, которые оправдали бы постановку вопроса в таком аспекте. О служебной карьере магистра Василия можно судить только на основании записи Феодула. Прежде чем коснуться этого вопроса, остановимся на прочих данных завещания, освещающих административное устройство «Иверии».

Выше уже говорилось, что, перечисляя лиц, которые должны соблюдать выполнение воли завещателя, Воила называет также катепанов, дук и фемных судей⁵². Эта фраза вполне соответствует фемной организации «Иверии». Правители фемы могли быть как дуками, так и катепанами. Так, в записи Феодула (познания которого применительно к данному случаю вне сомнения) Иоанн Монастириот назван дукой «Иверии», а в надписи, высеченной в Ани в том же 1059 г., Иоанн Монастириот именуется «катепаном Армении и Иверии». Можно не сомневаться, что речь идет об одном и том же административном округе, и идентичность терминов «дука» и «катепан» совершенно очевидна. Другой пример. Около 1060—1064 гг. «Иверией» правил Баграт Вхкаци. Византийские авторы именуют его дукой⁵³, а в армянской надписи из Ани Баграт называет себя «катепаном Востока»⁵⁴. Данные, касающиеся «Иверии», хорошо подтверждают вывод Э. Арвейлер о равнозначности обоих терминов (по крайней мере, в XI в.)⁵⁵.

Судьи, о которых говорит Воила, появились в «Иверии» одновременно с образованием фемы. Перед тем как покинуть Тао-Тайк в 1000 г., Василий II назначил там «чиновников, судей и надсмотрщиков», — говорит Аристакэс Ластивертци⁵⁶. Тот же автор рассказывает о судьбе, который в 1057 г. «осуществлял попечение о Востоке»⁵⁷. Известна печать Иоанна — спафарокандидата, асикрита и судьи Иверии⁵⁸. Таким образом, утверждение Э. Арвейлер о полном отсутствии сведений о судьях в Антиохии, Иверии и Великой Армении⁵⁹ применительно к феме «Иверии» не оправдываются.

*, * *

В полемике вокруг личности магистра Василия выявилось три точки зрения:

а) магистр Василий, дука Парадунависа из записи Феодула, отличен от магистра Василия, сына Михаила из завещания Воилы, но тождествен с магистром Василием Апокапом, который в 1064 г. вместе с Никифором Вотаниатом был архонтом придунайских областей и с ним же попал в плен к печенегам⁶⁰ (Н. Бэнеску);

⁵² В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина..., стр. 230.27.

⁵³ Excerpta ex breviario historico Ioannis Scylitzae Cuiropalatae. Vonnae, 1839, p. 653, 22; Attal., p. 80,17.

⁵⁴ И. А. Орбели. Указ. соч., стр. 37, № 106, табл. XII. По тем же клише текст и таблица воспроизведены у В. Н. Бенешевича («Три анийские надписи...»).

⁵⁵ Н. Ahrweiler. Op. cit., p. 64—65.

⁵⁶ Аристакэс Ластивертци, стр. 57.

⁵⁷ Там же, стр. 110. отождествление этого судьи с domestиком Востока Феодором (там же, стр. 168, прим. 12) в настоящее время представляется мне ошибочным. Но фема «Иверия» действительно называлась также и «Востоком», это засвидетельствовано и армянскими, и грузинскими источниками.

⁵⁸ К. Konstantopoulos. Βυζαντινά κολυβόβουλλα.— JIAN, t. 9, 1906, p. 77, № 177α.

⁵⁹ Н. Ahrweiler. Op. cit., p. 85.

⁶⁰ Scyl., p. 654; Attal., p. 83; Zon., IV, p. 199—200; Матфей Эдесский. Хронография. Вагаршапат, 1898, стр. 152 (на арм. яз.).

б) магистр Василий завещания, магистр Василий записи Феодула и магистр Василий Апокап — одно и то же лицо (С. Врионис);

в) магистр Василий завещания и магистр Василий записи — одно и то же лицо, отличное от Василия Апокапа (Р. М. Бартиякя).

Отметим, что идея о принадлежности дуки Михаила и его сына Василия к фамилии Апокапов получила распространение в литературе⁶¹.

Прежде чем приступить к анализу, необходимо внести некоторые уточнения в чтение колофона. Восстанавливая запись Феодула в той части, где речь идет о правителях отдельных фем, Р. Девреесс реконструировал: при дуке Адрианополя Антиохе⁶². Эта реконструкция сделана без особых оснований. Острое ударение в Ἀντιόχ (ου) проставлено издателем, в подлинном тексте (насколько можно судить по фототипическим воспроизведениям) его нет. В списке дук повсюду на первом месте значится собственное имя правителя. Поэтому правы те, кто вслед за В. Н. Бенешевичем восстанавливает это место так: при Адриане, дуке Антиохии⁶³.

Далее, в последнем издании колофона В. Тышкова-Заимова вслед за В. Н. Златарским к имени правителя Васпуракана Панкратия прибавляет: [βασιλέως]⁶⁴. Эта прибавка совершенно произвольна. Васпуракан перестал быть царством в 1021 г. Колофон является единственным источником, где упомянут этот Панкратий (его отождествление с Панкратием — Багратом Вхкаци основано на омонимии и ничем по существу доказано быть не может). Нет оснований думать, что правитель Васпуракана в 1059 г. был в то же время царем или некогда носил этот титул.

И, наконец, последнее замечание. Как известно, В. Н. Златарски полагал, что в колофоне упомянут магистр Василий Парадунавис («Придунайский»), т. е. τοῦ Παραδούναβι текста толковал как прозвище Василия, а не название административного округа. Это толкование (принятое и В. Тышковой-Заимовой) кажется неосновательным. В. Н. Златарски исходил из того, что дукой в колофоне назван только Адриан (правитель Антиохии), остальные упомянуты без должностного титула. Вследствие этого Василий становился «Придунайским», Панкратий — царем Васпуракана, а Иоанн Монастириот — игуменом монастыря в Иверии! Между тем Феодул составил колофон в соответствии с определенной логикой. Здесь названы Евстафий Воила и сам Феодул — вследствие своей причастности к созданию рукописной книги. Упомянуты император Исаак Комнин и его брат, куропалат и domestik схол Иоанн Комнин. Последний оказался в самом конце записи, но, как верно заметил В. Н. Златарски, это произошло вследствие случайных причин. Далее назван константинопольский патриарх Константин (Лихуд). Эти трое фигурируют в записи как олицетворение центральной власти. Назван также антиохийский патриарх Феодосий — по той, очевидно, причине, что владения Воилы (в том числе и Салим, где автор записи был священником в церкви Богоматери) подчинялись в церковном отношении антиохийскому престолу⁶⁵. Далее следуют имена катепана Эдессы Иоанна Дукицы и пяти дук, определяемых по своим фемам. Дукой Антиохии назван Адриан, Месопотамии — Аарон, Парадунависа — Василий, Иверии — Иоанн Монастириот, Васпуракана — Панкратий. В конце колофона назван Иоанн Комнин, но он оказался здесь по ошибке. Структура колофона подсказывает, что «Парадунавис» — название фемы, а не прозвище Василия.

⁶¹ История Византия, т. II, стр. 241, 247; р. 15; В. А. Арутюнова-Фиданян. Византийские правители..., стр. 75, прим. 80.

⁶² R. Devreesse. Op. cit., p. 242 (стк. 7).

⁶³ Это чтение принимает и В. Тышкова-Заимова, не указывая при этом на точку зрения Р. Девреесса («Гръцки извори...», стр. 89).

⁶⁴ V. N. Zlatarski. Указ. соч., стр. 31; Гръцки извори..., стр. 89.

⁶⁵ Καλιουχῆ завещания отождествляется с Καλιάλχη, близ которого располагалось одно из владений антиохийского патриарха; см. E. Honigmann. Op. cit., S. 218 ff.; S. Υγιονίς. Op. cit., p. 275; Р. М. Бартиякя. Завещание Евстафия Воилы..., стр. 399.

С учетом этих замечаний попытаемся выяснить, как соотносятся названный в завещании магистр Василий, сын дуки Михаила, с магистром Василием колофона. То, что нам известно о сыне Михаила, само по себе не исключает возможности его отождествления с одноименным лицом, но и не подтверждает их идентичности. Анализ же колофона позволяет, как мне кажется, прийти к определенным выводам. Действительно, за исключением Парадунависа, здесь перечислены одни восточные фемы. Эти фемы расположены поблизости друг от друга, связаны между собой еще и тем, что ими иногда управляют одни и те же лица. По существу здесь перечислены важнейшие опорные пункты Византии на Востоке. Находящийся же на Дунае «Парадунавис» представляет собой исключение, поэтому следует думать, что он внесен в список по соображениям, связанным с личностью его правителя. Вряд ли мы нарушим правила критики источника, допустив, в силу этих рассуждений, что правитель «Парадунависа» магистр Василий — никто иной, как сын дуки Михаила магистр Василий. Имея владения в «Иверии», распоряжаясь судьбой и имуществом своего «вассала», Василий являлся местной знаменитостью. Хотя оба сына дуки Михаила были душеприказчиками Воилы, ничто не указывает на то, что магистр Василий постоянно пребывал в «Иверии». Владения на востоке вполне могли сочетаться с административными обязанностями на западе. Доверенное лицо Воилы, Феодул счел нужным упомянуть в колофоне патрона своего заказчика и одновременно правителя Парадунависа. Идентичность двух Василиев представляется вероятной и объяснимой.

Но насколько вероятно тождество этих двух Василиев, настолько сомнительна их общность с Василием Апокапом. Действительно, в 1059 г. дуки Михаила не было в живых, тогда как, согласно Матфею Эдесскому, в 1065 г. отец Василия Апокап принял вернувшегося из плена сына⁶⁶. Этот довод, который приводит Р. М. Бартикян против принадлежности семейства дуки Михаила к фамилии Апокапов, представляется весьма убедительным. Для того чтобы признать Михаила и его отпрысков Апокапами, нужно доказать, что Матфей Эдесский ошибается. Пока это доказательство отсутствует, мы обязаны ему верить. Отсюда же явствует, что магистр Василий 1064 г. не может быть одним лицом с магистром Василием, сыном дуки Михаила. Если приведенные выше доводы в пользу идентичности сына Михаила и Василия Парадунависа верны, тогда исключается и тождество магистра Василия 1064 г. с последним⁶⁷.

Итак, сформулируем основные выводы:

1. Запись Феодула от 1059 г. читается на всем протяжении от полной строки к строке.
2. Пребывание дуки Михаила на посту фемного правителя именно «Иверии» недоказуемо, хотя нет и доводов, которые опровергали бы эту идею или делали ее маловероятной.
3. Магистр Василий, сын дуки Михаила (завещание Воилы), и магистр Василий, дука «Парадунависа», — по всей вероятности, одно и то же лицо.
4. Магистр Василий Апокап (1064 г.) и магистр Василий, сын Михаила (он же магистр Василий, дука «Парадунависа»), — разные лица.
5. Принадлежность дуки Михаила и его сыновей к роду Апокапов исключается.

⁶⁶ Матфей Эдесский. Указ. соч., стр. 152—153; армянский хронист сообщает так же, что «Апокап» был стражем при патре Давида Куропалата (стр. 57); Р. М. Бартикян. Относится ли прозвище *Παραδουναβίς* к магистру Василию, стр. 84; его же. Завещание Евстафия Воилы..., стр. 405; его же. Критические заметки..., стр. 35—36.

⁶⁷ В новейшей литературе уже отмечалось, что это разные лица: P. Diaconu. Vasile Aropakes si Nikiphor Botaneiates — katepani la Dunarea de jos. — SCIV, t. 20, 1969, 3, p. 450, 451; E. Stănescu. Byzance et les pays roumains aux IXe—XIe siècles. — «XIVe Congrès International des études Byzantines». Bucarest, 6—12 septembre 1971. Rapports, IV. Bucarest, 1971, p. 20.

С. П. КАРПОВ

ТРАПЕЗУНД И КОНСТАНТИНОПОЛЬ В XIV В.

Связи Трапезундской империи и Византии не были предметом специального исследования. Различные сведения о них, приводимые в общих трудах¹, не сведены в систему и нуждаются в дополнении и уточнениях. Это одна из причин, вызвавших появление нашей статьи. Другая требует более подробного обоснования.

Два государства — Византия и Трапезундская империя — еще совсем недавно составляли единое целое. Пережитки былого единства, устаревшие доктрины византийского единодержавия не могли не наложить отпечатка на их взаимоотношения². В частности, уже Михаил VIII Палеолог настойчиво добивался хотя бы формального признания своего главенства над понтийскими областями³. Некоторые ученые искали следы византийского вмешательства во внутренние дела Трапезунда и позднее, особенно в периоды обострения борьбы трапезундских феодальных группировок. Я. Фальмерайер впервые подчеркнул существование в господствующем классе Трапезундской империи двух противостоящих лагерей. Первый (греческая знать старовизантийского происхождения, пришедшая с династией Великих Комнинов) он назвал «константинопольской партией», второй (местная знать) — «месохалдами»⁴. Побеждает «константинопольская партия», после чего в Трапезунде устанавливается византийское влияние⁵. Эта концепция была развита и оформлена в трудах Ф. И. Успенского, который конкретизировал ряд ее положений. Успенский прямо писал о «партии константинопольского влияния» и «туземной, т. е. национальной партии», тем самым признавая прямое вмешательство Византии во внутренние дела Трапезунда⁶. Однако указанные суждения о роли Византии скорее постулировались, чем доказывались. Методы же визан-

¹ J. Fallmerayer. Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt. München, 1827; G. Finlay. A History of Greece, vol. IV. Oxford, 1877; Σ. Ἰωαννίδης. Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζούντος. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870; W. Miller. Trebizond. The Last Greek Empire. London, 1926; Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929; E. Janssens. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.

² См. С. П. Карпов. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв. — ВВ, 35, 1973, стр. 154—164.

³ Georgii Pachymeris De Michaelis et Andronico Palaeologis libri XIII, rec. I. Bekker (далее — Pachym.), vol. I. Bonnae, 1835, p. 519—523; F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 535—1453. Bd. 3: Regesten von 1204—1282. München — Berlin, 1932, S. 72—74.

⁴ J. Fallmerayer. Op. cit., S. 167—172.

⁵ Ibid., S. 173—175, 180—182; см. также: Г. Герцберг. История Византии. М., 1897, стр. 519; П. В. Безобразов. Трапезунт, его святыни и древности. Пг., 1916, стр. 13—15; W. Miller. Op. cit., p. 44—47; E. Janssens. Op. cit., p. 100—105 и другие работы.

⁶ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 105, также стр. 99—113. И. Меликова писала даже о попытке Константинополя эллинизировать (?) Трапезундскую империю: I. Mélikoff. Géorgiens, Turcomans et Trébizonde: notes sur le «livre de Dede Korkut». — ВВ, 17—18, 1964, p. 19.

тийской политики по отношению к Трапезундской империи в XIV в. оставались в тени. Именно поэтому мы попытаемся определить степень участия Константинополя в событиях внутренней борьбы на Понте и выяснить, в какой мере справедливо суждение о так называемой «константинопольской партии». Особого внимания заслуживает вопрос об удельном весе трапезундской церкви в системе константинопольского патриархата⁷.

Трапезундско-византийские связи становятся стабильными и регулярными лишь с конца XIII в., когда было налажено морское сообщение с Константинополем, потерпела крах непопулярная в Трапезунде Лионская уния и был разрешен дискутировавшийся с начала века вопрос о титуле трапезундского правителя. Сближение двух стран отражало интересы влиятельных групп греческих феодалов, купечества, церкви. Но оно было достигнуто ценой компромисса при известных уступках со стороны Трапезунда. Хотя трапезундский правитель и сохранил в дальнейшем императорский титул, он должен был изменить его формулу и появиться в Константинополе перед Михаилом VIII Палеологом в одеянии деспота. Результатом этого компромисса был брак трапезундского императора Иоанна II Великого Комнина (1280—1297 гг.) и дочери Михаила Евдокии⁸. Установившиеся отношения были весьма дружескими: Иоанн II пробыл в Константинополе около года⁹, а перед смертью, по сообщению Пахимера, поручил сына и наследника Алексея опеке его дяди, Андроника II Палеолога (1282—1328 гг.)¹⁰. У. Миллер даже писал, что Иоанн II оставил Трапезунд в практической зависимости от Византии¹¹. Однако в источниках этого периода нет сведений о том, в чем конкретно выражалась такая зависимость. Во всяком случае, уже 14-летний сын Иоанна Алексей II (1297—1330 гг.), едва вступив на престол, решительно отверг все попытки дяди навязать ему униженный брак с дочерью префекта каниклея Никифора Хумна Ириной¹². Политика Трапезундской империи в то время была направлена на борьбу с возросшей туркменской угрозой. Алексею II приходилось вести войну под стенами второго города империи Керасунта¹³. В этом он опирался на местную знать и союз с Грузией. Алексей II отдал предпочтение браку с дочерью мтавары Самцхе Бека Жакели, независимого и воинственного правителя грузинских областей, расположенных на восточной границе империи¹⁴.

⁷ Систематическое изложение истории трапезундской церкви см. Μητροπολίτης Χρυσανθός. Ἡ Ἐκκλησία Τραπεζοῦντος. — «Ἀρχαῖον Πόντου», IV/V, 1936.

⁸ Перед этим многократные предложения Михаила VIII Палеолога заключить такой брак отвергались; см. Акт 1261 г., адресованный от имени патриарха еще Мануилу I (1238—1263 гг.): L. Petit. Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde. — ИРАИК, т. 8, 1903, вып. 3, стр. 170; *Rachm.*, vol. I, p. 519—524; Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν, ἐκδ. Ὁ. Λαμφίδης. — «Ἀρχαῖον Πόντου», 22, 1958 (далее — *Панарет*), сел. 62. См. подробнее: Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 63—71; W. Miller. Op. cit., p. 27—29; E. Janssens. Op. cit., p. 87—91.

⁹ Он отправился туда ранее апреля 1282 г. (когда против Трапезунда выступил ивирский царь Давид) и вернулся в апреле 1283 г. — *Панарет*, стр. 62.9—25.

¹⁰ *Rachm.*, vol. II, p. 287. 13—14.

¹¹ W. Miller. Op. cit., p. 32.

¹² *Rachm.*, vol. II, p. 287—288. См. также: J. Verpeaux. Nicéphore Choumnos, homme d'état et humaniste byzantin (ca. 1250/55—1327). Paris, 1959, p. 43—44; Ирине было в это время 7 или 8 лет: V. Laurent. Les Régestes des Actes des patriarches de Constantinople, vol. I, fasc. 4: Les Régestes de 1208 à 1309. Paris, 1971, p. 359.

¹³ *Панарет*, стр. 63.15—17 (сент. 1301 г.); ср. также: стр. 63.24—64.2; Энкомий Стефана Стурочуца Алексею II см.: Ἁ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, т. I. Ἐν Πέτρουπόλει, 1891, сел. 431—434; А. Панадопуло-Керамевс. Сборник источников по истории Трапезундской империи, т. I. СПб., 1897, стр. 61—62.

¹⁴ *Панарет*, стр. 63.11; *Rachm.*, vol. II, p. 288.4—6; С. Г. Каухчишвили. Грузинские источники по истории Византии, I. Тбилиси, 1974, стр. 142—143. О роде Жакели см. Н. А. Бердагвишвили, В. Д. Дондуа, М. К. Джумбадзе, Г. А. Меликишвили, Ш. А. Месхиа. История Грузии, т. I. Тбилиси, 1962, стр. 242—243.

Для реализации своих планов Андроник II пытался прибегнуть к авторитету церкви и к помощи своей сестры, матери Алексея, Евдокии, но оба раза не имел успеха ¹⁵.

Однако, несмотря на это, можно сказать, что отношения между двумя государствами не стали враждебными. Пахимер сообщает, что Алексей II был «возвеличен» деспотским достоинством ¹⁶. Как дружелюбный акт трапезундского императора по отношению к Византии следует рассматривать и разрешение избранному в июле 1317 г. митрополиту Амасии Каллисту иметь резиденцию в епископии Лимний — сильной крепости на трапезундской территории ¹⁷. Амасийская епархия находилась в то время в руках турок, и номинальный митрополит получал в управление епископию, которая должна была бы составить часть его диоцеза ¹⁸. Появление в Трапезундской империи еще одного митрополита (кроме митрополитов Трапезунда, Керасунта, а также поддерживавшего с империей самые тесные связи митрополита Алании) поднимало ее значение в связях с Византией и позволяло оказывать определенное влияние на часть православного населения, жившего на турецкой территории вблизи от трапезундских границ ¹⁹. В дальнейшем Лимнии стали постоянной резиденцией Амасийского митрополита, причем в 1384 г. уже епископ Лимний получил право на Амасийскую митрополию ²⁰.

При скудости источников, относящихся к истории трапезундско-византийских отношений при Алексее II, нельзя не обратиться к косвенному свидетелю — эпитафии протонотария и протовестиария Трапезунда Константина Лукита на смерть этого императора. Лукит восхваляет происхождение Алексея II не только от Комнинов, но и от Палеологов, «императоров великих и родовитейших, нового и великого четвероцарствия». Андроник II уподоблен Аврааму, Андроник III назван настоящим гигантом, подлинным Андроником (победителем мужей). Оба императора, по Лукиту, омрачились и оплакали смерть двоюродного дяди

¹⁵ Патриарх и большая часть синода отказались поддержать требование императора расторгнуть брак Алексея II с «ивирийской принцессой», тем более, что она уже ожидала ребенка; см. *Pachym.*, vol. II, p. 288—289; *V. Laurent. Op. cit.*, № 1574—1575, p. 359—360 (1298 г. — 22. XI 1299 г.). После смерти мужа Евдокия прибыла в Константинополь вместе с младшим сыном Михаилом 13 июня 1298 г.: *Pachym.*, vol. II, p. 270; *Панарет*, стр. 63. 12—13. Имя Михаила не названо. Речь идет о будущем императоре (1344—1349 гг.). Вероятно, до 1341 г. Михаил оставался в Константинополе, где и получил воспитание. После прибытия сестры, Андроник II долгое время удерживал ее в столице, заставляя воздействовать на сына письмами, а также собираясь, вопреки ее воле, выдать ее замуж за сербского короля Стефана II Милутина. Чтобы уехать в Трапезунд, Евдокия обещала лично угорвить сына; однако, прибыв туда в марте 1301 г., «она возбуждала в юноше всяческое неповиновение», как писал Пахимер: *Pachym.*, vol. II, p. 288—289; *Nicephori Gregori Byzantina historia, cura L. Schopeni, vol. I. Bonnae, 1829* (далее — *Greg.*), p. 202—203; см. *A. Papadopulos. Versuch einer Genealogie der Palaiologen 1259—1453. München, 1938, S. 32.*

¹⁶ *Pachym.*, vol. II, p. 448. 10—11.

¹⁷ Об этой морской крепости см. *Ф. И. Успенский. Указ. соч.*, стр. 90—99. Вряд ли было возможно предоставление ее агенту враждебной державы. Вспомним, как один из первых понтийских правителей, Давид Комнин, вскоре после 1208 г. изгнал диакона, рукоположенного в епископа Амастриды и даже «обесчестил ударами плетей», справедливо усматривая в нем лазутчика никейского императора и не желая, чтобы «в его владении епископ был назначен другой властью»; см. *В. Г. Васильевский. Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского.* — ВВ, III, 1896, стр. 275.

¹⁸ ММ, I, № 38, p. 69—71. Утверждение А. Лайу, что новый епископ должен был жить в Трапезунде, не опирается на источник; см. *A. Laiou. Constantinople and the Latins: the Foreign Policy of Andronicos II (1282—1328). Cambridge, Mass., 1972, p. 247—248.*

¹⁹ О состоянии греческой церкви на турецкой территории и о номинальных митрополитах см. *Sp. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from XIth through the XVth century. Berkely, 1974, p. 288—350.*

²⁰ ММ, vol. II, № 365, p. 64—66; указано, что и ранее Амасийский митрополит находился в Лимниях.

и племянника. Алексей II назван еще украшением Комнинов и красой Палеологов²¹. При вполне официальном характере эпитафии, составленной для торжественного поминовения покойного василевса, в какой-то мере прослеживается и сам характер трапезундско-византийских отношений за прошедший период.

После кратковременного царствования Андроника III Комнина (1330—1332 гг.) и Мануила II (январь — сентябрь 1332 г.)²² к власти в Трапезунде пришел второй сын Алексея — Василий (1332—1340 гг.). Он прибыл из *Константинополя* и свергнул своего малолетнего племянника. Последовали репрессии против представителей местной знати негреческого происхождения²³. При своем воцарении Василий, видимо, опирался на византийскую поддержку и на ту часть знати, которая была за союз с Византией. Этим объясняется его быстрый брак с незаконной дочерью Андроника III Ириной²⁴. Неудача этого брака послужила поводом к новому вмешательству Византии в трапезундские дела. Василий вскоре приблизил к себе другую женщину, также Ирину, от которой имел двух детей Алексея и Иоанна (будущего императора под именем Алексея III)²⁵. По сообщению Григоры, Василий изгнал законную жену из дворца²⁶. 8 июля 1339 г. был заключен его брак с бывшей фавориткой²⁷. Семейные отношения императора очень скоро стали предметом гласности, и использовались группировками знати в своей борьбе. 3 марта 1337 г., во время солнечного затмения, императора забросали камнями²⁸. Григора добавляет, что царица, не желая переносить учиненного беззакония, перед всеми изливала свою скорбь. И народ восстал против Василия, сильно возмутившись²⁹.

В ответ на эти события патриарх Иоанн XIV обратился к трапезундскому митрополиту с суровым осуждением адюльтера и попустительства ему со стороны местных церковных властей (последние ранее в письмах к патриарху пытались всячески его скрыть). Вторая жена Василия Ирина была отлучена от церкви, патриарх грозил тем же и трапезундским иереем, собираясь наложить интердикт на всю трапезундскую церковь. Самому императору было направлено увещательное письмо³⁰. Патриаршая грамота, вероятно, сыграла свою роль в усилении напряженности в Трапезунде.

Император Василий внезапно скончался 6 апреля 1340 г. Было подозрение, что в его смерти повинна первая жена Ирина, которая сразу же взойшла на престол и отправила соперницу с малолетними детьми к своему отцу в *Константинополь*³¹. В 1340 г. или немного позже в *Константинополь* из Трапезунда эмигрировала часть знати и чиновничества. В их числе был и будущий митрополит, скевофилак трапезундской церкви Иоанн

²¹ Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμίδος. Ἀνάλεκτα, т. I, σελ. 425, 428.

²² *Панарет*, стр. 64.

²³ *Панарет*, стр. 64.16—23: были убиты великий дук Тцатцинский Лека, его сын великий domestik Тпампа и великая дукива Сирикена. Ранее Василий бежал в Византию от своего старшего брата Андроника III, убившего двух других братьев. Заметим, что с начала XIV в. в *Константинополе* регулярно находятся возможные кандидаты из рода Великих Комнинов на замещение трапезундского престола.

²⁴ *Панарет*, стр. 64.26—29 (сентябрь 1335 г.); *Greg.*, vol. I, p. 536 (ошибочно названа Евдокией); p. 549—551 (Ирина); vol. II, p. 678—679 (Ирина).

²⁵ Иоанн (Алексей III) родился 5 октября 1338 г.: *Панарет*, стр. 65. 7—9; ср. *Greg.*, vol. I, p. 550; vol. II, p. 679.

²⁶ *Greg.*, vol. I, p. 549. 10—11.

²⁷ *Панарет*, стр. 65. 10—11.

²⁸ Там же, стр. 65. 3—6.

²⁹ *Greg.*, vol. I, p. 549.

³⁰ *MM*, vol. I, № 94, p. 199—201. Грамота не датирована. Хронология — 1336—1340 гг.

³¹ *Панарет*, стр. 65; *Greg.*, vol. I, p. 549—550; vol. II, p. 679; *А. Παπαδόπουλο-Κεραμίδος*. Указ. соч., стр. 134 (IV. Обозрение чудес св. Евгения Трапезундского, написанное Иоанном Лазаропулом).

Лазаропул³². Присутствие представителей разных группировок трапезундской знати в византийской столице уже само по себе втягивало византийское правительство в конфликты, происходившие на Понте.

В Трапезунде, как и в Византии, существовали объективные противоречия между столичной служилой и провинциальной знатью, опиравшейся на собственные крепости и военные отряды. К ним добавлялись и национальные противоречия: провинциальная знать была в значительной мере лазской³³, а столичная аристократия была представлена в основном греками³⁴. Такие же различия и во всем населении империи (преобладание греков в городах, а лазов — в сельской округе) придавали борьбе особо острый характер³⁵. Но, как правило, борющиеся группировки знати не были устойчивыми, хотя тенденция противостояния столичной, административной, и провинциальной, преимущественно военной, знати сохранялась. Народные массы, находившиеся в тяжелом положении из-за возрастающего феодального гнета и постоянных набегов сельджуков и туркменов, потенциально были сторонниками сильной императорской власти. Но при большой внутренней нестабильности крестьяне и городское население подчас активно участвовали во внутренней борьбе, примыкая к определенным «партиям» и надеясь на улучшение своего положения в результате их победы³⁶.

Пришедшая к власти императрица Ирина не имела прочной социальной опоры. Ведя политику лавирования, она прямо апеллировала к византийской помощи. Чувствуя всю непрочность своего положения среди спорящих за власть групп знати, Ирина *сразу же* (вместе с высланной соперницей) отправила в Константинополь посольство с просьбой помочь ей и найти для нее достойного мужа, знатного родом, славного деяниями и желающего править трапезундским государством³⁷. Как видим, победа императрицы Ирины прямо подводила Трапезунд к прямому подчинению Византии. Но была ли последняя в силах обеспечить это подчинение?

Послам Ирины не удалось заставить Андроника III ни в Константинополе, ни в Фессалониках. Оправившись от болезни, византийский император выступил в поход в Эпир. Лишь спустя много времени послы смогли изложить ему суть дела, найдя его в Акарнании³⁸. Между тем положение Ирины в Трапезунде становилось все более неустойчивым. В заговоре против нее приняли участие как представители греческой, так и лазской знати: великий стратопедарх кир Севаст Тцанихита, Схоларии, Митцоматы, Каваситы, Константин Доранит и Камакин³⁹. Ирина не была законной наследницей престола, не принадлежала к роду Великих Комнинов и оставалась чужеземкой как в глазах знати, так и народных масс. Продолжая лавировать между группировками знати и ища помощь извне, Ирина отправила второе посольство в Константинополь с участием самого трапезундского митрополита. Но и оно не было успешным: вскоре после возвращения из Акарнании Андроник III скончался, так и не дав ответа на просьбы⁴⁰. Как показали дальнейшие события, реальный правитель Византии великий domestik Иоанн Кантакузин без сочувствия отно-

³² А. Пападопуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 134.

³³ Основные представители: Каваситы, Камакины, великий domestik Тцампа (Джаба), Тцанихиты.

³⁴ Современники называли их схоларантами. Помимо собственно Схолариев к ним относились Дораниты, Митцоматы, Мелиссины. К этой группе примыкал и великий дук Лимний евнух Иоанн.

³⁵ О борьбе знати см. Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 99—113.

³⁶ Об участии народных масс в борьбе знати см. *Панарет*, гл. 9, 11, 12, 16, 31; *Greg.*, vol. I, p. 549—551; vol. II, p. 679—682.

³⁷ *Greg.*, vol. I, p. 550; vol. II, p. 679.

³⁸ *Ibid.*, vol. I, p. 550.

³⁹ *Панарет*, стр. 65.18—20; *Greg.*, vol. I, p. 551.

⁴⁰ *Greg.*, vol. I, p. 551; vol. II, p. 679; *Панарет*, стр. 66.1—2.

сился к идее укрепления Палеологов в Трапезунде. Провозглашенный регентом при малолетнем Иоанне V, Кантакузин сам стоял перед лицом могущественной оппозиции во главе с Алексеем Апокавком и патриархом Иоанном XIV Калекой. Вскоре он и вовсе утратил контроль над столицей⁴¹. Византия находилась на пороге гражданской войны, лишившей ее возможности сколько-нибудь существенно влиять на положение дел в Трапезунде. Кантакузин отклонил просьбы Ирины о помощи, указав на раскол у самих трапезундцев по вопросу о законности ее правления и на то, что управлять Трапезундской империей по местным законам должен был лишь отпрыск рода Великих Комнинов⁴². Таким образом, кратковременная победа императрицы Ирины не привела к установлению византийского влияния в Трапезунде, но ускорила развязывание в нем гражданской войны⁴³.

Несмотря на то, что Ирина одержала временный успех и казнила часть мятежных «архонтов»⁴⁴, уже в июле 1341 г. она была низложена. Лето 1341 г. было особенно тяжелым для Трапезундской империи: достигла апогея феодальная анархия, Трапезунд подвергся нападению туркмен из Амиды и был сожжен, сельская округа была разграблена. Из-за пожара и разложения трупов вспыхнула чума, усугубленная голодом от засухи и неурожая⁴⁵. В этой обстановке 17 июля власть была захвачена провинциальной знатью при помощи лазского войска. Правительницей стала дочь Алексея II Анна Анахутлу. Однако еще ранее, не зная об этом перевороте⁴⁶ и, видимо, согласившись с уговорами сторонников Схолариев, Иоанн Кантакузин, отказав императрице Ирине, отпустил для принятия власти в Трапезунде 56-летнего Михаила Комнина, брата Алексея II. Вместе с ним отплыли Никита Схоларий и Григорий Митцомат⁴⁷. Но византийская поддержка ограничилась лишь этим; военные силы Схолариев составляли 2 или 3 итальянских судна и отряд «латинских» воинов⁴⁸. Недостаток этих сил и непрочность позиции столичной знати в Трапезунде привели готовящийся переворот к поражению. Первоначально Михаил Комнин был встречен с почестями, но в ночь с 30 на 31 июля его схватили, а 7 августа сослали в Иней, затем — в Лимнии. Часть борющихся переворота была убита или заключена в тюрьму, часть спаслась на кораблях⁴⁹. Во всяком случае разгром схоларантов не был полным: все их предводители — Никита Схоларий, Григорий и Михаил Митцоматы, Константин и Иоанн Дораниты бежали на венецианском судне в Константинополь⁵⁰. Еще ранее, 10 августа, сюда выслали Ирину Палеолог⁵¹.

⁴¹ См. «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 135—137.

⁴² *Greg.*, vol. II, p. 679. 20—22.

⁴³ Как справедливо заметила У. Бош, для внешней политики Византии этот кратковременный успех не имел практического значения; см. *U. V. Bosch. Kaiser Andronikos III Palaiologos. Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321—1341.* Amsterdam, 1965, S. 150—151.

⁴⁴ Ирину поддерживали Амитцантаранты и часть царской гвардии (τοῦ βασιλικοῦ ἀλλαχίου). Великим domestиком, помогавшим Ирине (*Greg.*, vol. I, p. 551), был, видимо, один из Амитцантарантов. Оппозицию возглавлял виднейший феодал Мацуки Тцанихит. В состав оппозиции входили почти все известные нам крупные феодалы как столичной, так и провинциальной группировок: *Панарет*, стр. 65—66 и указ. место Григоры.

⁴⁵ *Панарет*, стр. 66. 5—10; Ἀνδρέου Λιβადηνοῦ Περιήγησις, ἐκδ. Μ. Παράνικας. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1874, σελ. 27—31; *N. Bănescu. Quelques morceaux inédits d'Andreas Libadenos.* — «Βυζαντινός», II, 1911/1912, p. 376—380; молитва Ливадина об избавлении от этих бедствий; о датировке—лето 1341 г.— см. прим. издателя, p. 362.

⁴⁶ Переворот был совершен 17 июля, а 30 июля Михаил уже прибыл в Трапезунд. Но Кантакузин верно учел непрочность положения Ирины Палеолог.

⁴⁷ *Панарет*, стр. 66. 17—20; *Greg.*, vol. II, p. 679—680. О Михаиле Комнине см. прим. 15.

⁴⁸ *Панарет*, стр. 66. 19 (3 катерги); *Greg.*, vol. II, p. 680. 12 (2 судна).

⁴⁹ *Панарет*, стр. 66; *Greg.*, vol. II, p. 680—681. Григора отмечает, что в Трапезунде установилось олигархическое правление и сохранялось недовольство народа.

⁵⁰ *Панарет*, стр. 67. 3—6.

⁵¹ Там же, стр. 67. 1—2.

В столице Византии вновь оказалась группа трапезундской аристократии, которая всячески убеждала правящую в то время императрицу Анну Савойскую и Алексея Апокавка «словами и обещаниями дать им для правления трапезундцами сына Михаила Комнина (Иоанна.— С. К.), которому тогда было 20 лет»⁵². Византийское правительство выговаривало определенные условия. Переговоры длились довольно долго — с 10 сентября 1341 г. по 17 августа 1342 г. За это время заговорщикам удалось добиться согласия Анны Савойской и Алексея Апокавка и обеспечить себе военную поддержку. Но она вновь не была византийской: 17 августа 1342 г. к Трапезунду отплыл флот из трех генуэзских и двух трапезундских больших судов (катерг)⁵³. На их борту находился отряд наемных итальянских воинов. Прибыв 4 сентября в Трапезунд, флот и войско при поддержке восставшего народа захватили город. Анна Анахутлу была убита, стоящие у власти — казнены, подверглись конфискации имущества или пожизненному изгнанию⁵⁴.

Однако и после этого переворота борьба знати продолжалась, теперь уже внутри победившей группировки. Она привела к смене Иоанна III Михаилом Комнином (1344 г.) и высылке первого сначала в скит св. Саввы, затем — в Константинополь⁵⁵. Недовольная часть трапезундской знати интриговала в Константинополе. Вот что сообщает источник, вышедший из этих кругов и написанный скёвофилаком Иоанном Лазаропуллом: «Итак, самодержец ромеев Иоанн Кантакузин, благородный и известный словом и делом, преисполненный всяческой учености, движимый божественным рвением, узнав, что в Трапезунде получил власть, как не подобало, Михаил Комнин, недалекий и пустой, старец и бездетный⁵⁶, решил, чтобы власть в Трапезунде имел, как подобает, истинный наследник Алексей Великий Комнин (...сын императора Василия Великого Комнина), для которого он бы приобрел власть. И император предоставил мне такое поручение (ἀπαρρέσια)...»⁵⁷. В этом отрывке впервые прослеживается инициатива византийского императора в подготовке переворота, который и совершился 13 декабря 1349 г. По уже установившейся традиции, свергнутый император был отправлен в Константинополь, на сей раз после пострижения в монахи⁵⁸.

После воцарения Алексея III (1349—1390 гг.) происходит сближение Византии и Трапезунда; в сентябре 1351 г. Алексей III женился на Феодоре, дочери севастократора Никифора Кантакузина, двоюродного брата Иоанна VI⁵⁹.

Как мы видели, Кантакузин уже давно уделял внимание Трапезунду. И это не было случайностью. Отношения с Трапезундом и укрепление там сторонников новой династии Кантакузинов были важны для Иоанна VI в его отношениях с Палеологами⁶⁰. Не исключено, что обратить

⁵² *Greg.*, vol. II, p. 681, 4—7.

⁵³ Об этом типе судов см. *A. Bryer. Shipping in the Empire of Trebizond.* — «*The Mariner's Mirror*», 52, 1966, N 1, p. 6—7.

⁵⁴ *Панарет*, стр. 67; *Greg.*, vol. II, p. 681.

⁵⁵ *Панарет*, стр. 67—68; *Greg.*, vol. II, p. 681—682. Теперь шла борьба за ограничение императорской власти. Михаил (1344—1349 гг.) дал на это свое согласие. Лишь боязнь перед выступлением народа, противившегося феодальной анархии, и перед действиями отнесенной от власти группы знати заставила Схолариев вновь вернуться к некоторому укреплению власти василевса.

⁵⁶ *А. Пападопуло-Керамевс.* Указ. соч., стр. 135.16. Странное утверждение: известен сын Михаила Иоанн III; см. *Панарет*, стр. 67.8.

⁵⁷ *А. Пападопуло-Керамевс.* Указ. соч., стр. 135.

⁵⁸ *Панарет*, стр. 69.8—18.

⁵⁹ Там же, стр. 69—70; *D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca. 1100—1460. A Genealogical and Prosopographical Study (DOP, 11).* Washington, 1968, № 35, p. 143—145; о Никифоре Кантакузине см. *ibid.*, № 34, p. 141—142.

⁶⁰ В своей «Истории», однако, Кантакузин почти ничего не писал о Трапезунде. Это, вероятно, объяснимо тенденцией его книги: автор освещает лишь основные линии

внимание на Трапезунд Кантакузина заставила и борьба с генуэзской колонией Галатой ⁶¹. Трапезунд в это время также вел борьбу с генуэзцами ⁶². Объединение сил могло быть желательным для византийского правительства.

Подводя итоги трапезундско-византийским связям в середине XIV в., следует отметить, что их инициатива чаще принадлежала борющимся группам трапезундской знати. Константинополь служил прибежищем для трапезундских эмигрантов, здесь они жили целыми семьями ⁶³, сюда под византийский контроль и подальше от понтийских территорий высылались свергнутые императоры ⁶⁴. Роль Византии сводилась лишь к выдвижению живших в Константинополе царевичей в качестве возможных претендентов на трапезундский трон ⁶⁵. Притом это совершалось по просьбе или с согласия той или иной группировки трапезундской знати. В период гражданской войны в Трапезунде представители разных лагерей господствующего класса связывали свои интересы с Константинополем. Но на реальную, тем более военную, помощь из столицы Византии они уже не могли рассчитывать. Византия теперь не ставила и не могла ставить перед собой прямых целей подчинения Трапезунда или лишения его правителей императорского титула (как во времена Михаила VIII или при никейском императоре Феодоре I Ласкаре). И задачи, и силы, и методы византийской политики изменились. Поэтому считать эти подвижные группировки трапезундских феодалов «константинопольской партией», на наш взгляд, нет оснований. В наибольшей мере ориентация на Константинополь проявилась лишь в 1341—1342 гг., когда широкие круги греческой столичной знати Трапезунда были в оппозиции к правлению Анны Анахутлу, опиравшейся на провинциальных феодалов и лазское войско. Но и в этом случае роль столицы Византии не была активной.

Со второй половины XIV в. внутреннее положение Трапезундской империи стабилизируется: изживаются последствия гражданской войны, происходит укрепление положения и авторитета императорской власти, заключаются выгодные браки трапезундской династии с соседними мусульманскими правителями, обеспечивавшие относительную безопасность границ, продолжают поступать подати с купцов. Утратив часть своих владений, Трапезундская империя сумела сохранить независимость и основные жизненные центры. Между тем положение Византии непрерывно ухудшалось: она теряла город за городом, ее торговые позиции были давно утрачены, и XV век страна встречала на пороге гибели ⁶⁶. Естественно, усилилась основная тенденция в ее политике — поиски союзников. Одним из них мог стать и Трапезунд.

Со второй половины XIV в. Константинополь решительно идет на сближение с Трапезундом: официально признается императорский титул

своей деятельности, основные этапы борьбы за власть, а они были связаны с Европой. Несмотря на блестящее знание географии, Малая Азия, по выражению Паризо, остается для Кантакузина «в неопределенности»: *V. Parisot. Cantacuzène, homme d'état et historien. Paris, 1845, p. 16, 21.*

⁶¹ «История Византии», т. III, стр. 153—154, 156—157; *Е. Ч. Скржинская. Петрарка о генуэзцах на Леванте. — ВВ, 2, 1949, стр. 245—266; D. M. Nicol. The Last Centuries of Byzantium, 1261—1453. London, 1972, p. 228—234.*

⁶² *Greg., vol. II, p. 687; Панарет, стр. 68—69; W. Heyd. Histoire du commerce de Levant au moyen âge, vol. 2. Paris, 1886, p. 104—105; G. Finlay. Op. cit., vol. IV, p. 370—371; W. Miller. Op. cit., p. 54—55; E. Janssens. Op. cit., p. 110—111.*

⁶³ Например, семья Иоанна Лазаропула; см. *А. Пападопуло-Керамесс. Указ. соч., стр. 134—135.*

⁶⁴ Ирина Палеолог (1341 г.), Иоанн III (1344 г.), Михаил (1349 г.).

⁶⁵ По источникам можно судить, что в Константинополе жили следующие трапезундские императоры (в скобках указывается время их пребывания в Византии): Василий (1330?—1332 гг.), Михаил (1298—1341 гг. и 1349 г.— до смерти), Алексей III (1340—1349 гг.), Иоанн III (октябрь 1322—1342 гг. и 1344—1362 гг., последние годы — в Адрианопле).

⁶⁶ Ср. «История Византии», т. III, стр. 161—172; *D. M. Nicol. The Last Centuries, p. 265—417.*

Великих Комнинов, изживаются все следы былой конкуренции⁶⁷. Палеологи, вслед за Кантакузинами, старались укрепить династические связи с трапезундскими императорами. 22 января 1358 г. в Трапезунд прибыл посол Иоанна V Иоанн Леонтостет⁶⁸. Цели его миссии проявляются во время второго посольства в Трапезунд в 1361 г.: апокрисиарий от имени Иоанна V вел переговоры о заключении брака с трапезундской принцессой⁶⁹. Видимо, переговоры проходили успешно, так как уже в апреле 1363 г. в Константинополь направляется ответное посольство во главе с великим логофетом Георгием Схоларием и протосевастом и протонотарием Михаилом Панаретом⁷⁰, автором Трапезундской хроники. Но цель трапезундского посольства состояла не только в заключении брака. Как известно, Константинополь часто имел под рукой возможных претендентов на трапезундский престол. В 1355 г. там было два бывших императора: престарелый Михаил и Иоанн III, его сын. В 1355 г. Михаил пытался вновь захватить власть в Трапезунде, но из-за очевидной тщетности предприятия и отсутствия достаточных сил вернулся в Константинополь, едва достигнув Солхата в Крыму⁷¹. К 1355 г. положение в Трапезунде достаточно укрепилось: в октябре этого года был подавлен последний очаг сопротивления мятежной знати⁷². Так как Михаилу в 1355 г. было уже около 70 лет⁷³, он вскоре перестал представлять опасность для Алексея III. Но в марте 1362 г. неудачную попытку овладеть престолом предпринял его сорокалетний сын Иоанн III. Ему удалось добраться до Синопа, но здесь он скончался от чумы. Византия не оказывала ему поддержки: Иоанн бежал из Адрианополя⁷⁴. Итак, казалось, что к 1362 г. Алексей III избавился от всех опасных соперников. Сын Иоанна III находился в трапезундской темнице. Однако ему внезапно удалось бежать сначала в Каффу, затем в Галату⁷⁵. Подчеркнем: в генуэзскую Галату, а не в Константинополь, откуда в тех условиях нельзя было ждать поддержки. Бегством юного царевича и обращением его за помощью к генуэзцам и следует объяснить поспешность посольства Схолария — Панарета: помимо традиционных встреч с членами византийского царствующего дома (в том числе с бывшим императором Иоанном VI (Иоасафом) Кантакузином), послы посетили катепана и подеста генуэзцев в Галате Леонардо де Монтальдо⁷⁶. Посольство также пришло к соглашению, чтобы сын императора Иоанна V Мануил получил руку дочери Алексея III⁷⁷. Однако о заключении такого брака в ближайшие годы известий нет. Возможно, добившись главной цели, Алексей не спешил с выполнением взятых обязательств.

По источникам, брак мог произойти значительно позднее — в 1386—1391 гг. Об этом есть небольшое сообщение у Лаоника Халкокондила: «И этот Эммануил (византийский император Мануил II. — С. К.) привез овдовевшую дочь императора Колхиды, которая была женой турецкого игемона Тезетина⁷⁸, отличавшуюся красотой. И когда он привез ее из

⁶⁷ См. С. П. Карнов. Указ. соч., стр. 160—161.

⁶⁸ Панарет, стр. 72.24—25.

⁶⁹ Там же, стр. 73.17—19.

⁷⁰ Там же, стр. 74.24—28.

⁷¹ Там же, стр. 71.20—21.

⁷² Там же, стр. 71.22—25.

⁷³ Как писал Григора, в 1341 г. ему было 56 лет: *Greg.*, vol. II, p. 679. 25.

⁷⁴ διὰ τὴν ἀπόδρασιν τοῦ Κομνηνοῦ Ἰωάννου ἐκ τῆς Ἀδριανουπόλεως. — Панарет, стр. 74.14—16.

⁷⁵ Там же, стр. 74.21—23.

⁷⁶ Там же, стр. 74.24—32.

⁷⁷ Там же, стр. 75.1—3. Ф. Дэльгер — П. Вирт датируют договор концом весны 1363 г.: *F. Dölger — P. Wirth. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*. 5. Teil. Regesten von 1341—1453. München — Berlin, 1965, N 3092, S. 52.

⁷⁸ Коррекцию чтения имени см. *R. Loenertz. Une erreur singulière de Laonic Chalcocondyle: Le prétendu second mariage de Jean V Paléologue.* — *REB*, XV, 1957, p. 178, n. 1.

Колхиды в Византий, то император, его отец (Иоанн V. — С.К.), увидел ее и считая, что она по красоте превосходит многих женщин и в изобилии наделена и всем остальным, что и соответствовало действительно и, сам женился на ней, отняв (ее) у сына»⁷⁹. Речь идет о Евдокии Комнина, дочери Алексея III, которая 8 октября 1379 г. была выдана замуж за сына Лимний Тадж ад-дина Челеби⁸⁰. Переговоры о сватовстве с дочерью Алексея III Тадж ад-дин вел с 1362 г.⁸¹, т. е. почти одновременно с трапезундско-византийскими переговорами по этому вопросу и перед посольством Схолария. Трапезундская дипломатия вела двойную игру, склонившись к 1379 г. к предпочтительному браку с сильным соседом. Это, возможно, и вызвало позднее ухудшение трапезундско-византийских отношений.

24 октября 1386 г. Евдокия овдовела⁸² и вскоре, как признавала научная литература, стала женой Иоанна V Палеолога⁸³. Но сложившееся мнение в 1955 г. попытался пересмотреть В. Лоран, а затем, в 1957 г., более подробно — Р. Ленертц.

В. Лоран, рассмотрев неизданную рукопись дела анкирского митрополита Макария (1407/08 г. — Paris. graec. 1397, л. 38), доказывал, что первая жена Иоанна V Елена Кантакузина пережила своего мужа и скончалась лишь в октябре — декабре 1396 г. Следовательно, Иоанн V не мог быть женат дважды. Евдокия Комнина была лишь его любовницей⁸⁴. Р. Ленертц вовсе отрицал весь эпизод, считая его ошибкой Халкокондила, неверно истолковавшего соответствующее место в сочинении Сфрандзи⁸⁵. Напомним, что Георгий Сфрандзи, писатель, дипломат и друг последнего византийского императора, писал о том, что дед Константина XI получил в жены «деспину киру Евдокию», которая «раньше имела мужем турка, владельца небольшой и незначительной местности»⁸⁶. По мнению Ленертца, дедом Константина XI, упоминаемым Сфрандзи, был не Иоанн V, а дед по матери Константин Дечанский, за которого и вышла замуж трапезундская принцесса⁸⁷. Однако это не вяжется со смыслом всего контекста у Сфрандзи, где речь идет о прецеденте для *византийского императора*. Таким был только один дед Константина XI — Иоанн V. По хронике Панарета мы знаем, что деспина кира Евдокия лишь в сентябре 1395 г. прибыла из Константинополя в Трапезунд, привезя с собой невест для императора Мануила III и его сына Алексея⁸⁸. Но реальных

⁷⁹ *Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes*, rec. E. Darkó, vol. I. Budapestini, 1922, p. 75. 22—76.7.

⁸⁰ *Панарет*, стр. 78.34—79.11.

⁸¹ Там же, стр. 74.19—20.

⁸² Там же, стр. 80.12—19.

⁸³ *Ch. Du Cange du Fresne. Familiae Byzantinae*. Paris, 1680, p. 194; *J. Fallmerayer. Op. cit.*, S. 240—241; *G. Finlay. Op. cit.*, vol. IV, p. 385, 437; *I. Berger de Xivrey. Mémoires sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue*. — «Mémoires de l'Institut de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», t. XIX, part. 2, 1853, p. 60—61; *W. Miller. Op. cit.*, p. 68; *A. Papadopoulos. Op. cit.*, S. 46; *L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin*. Paris, 1949, p. 32; *Панарет*, стр. 121—123; *F. Dölger — P. Wirth. Op. cit.*, vol. V, S. 50—52; *I. Papadrianos. The Marriage Arrangement between Constantine XI and the Serbian Mara*. — «Balkan Studies», 6, 1965, p. 136, n. 23; *E. Janssens. Op. cit.*, p. 117.

⁸⁴ *V. Laurent. La date de la mort d'Hélène Cantacuzène, femme de Jean V Paléologue*. — REB, XIII, 1955, p. 135—138; *idem. La date de la mort d'Hélène Cantacuzène, femme de Jean V Paléologue. Une précision*. — REB, XIV, 1956, p. 200—201.

⁸⁵ *R. Loenertz. Op. cit.*, p. 176—184. Автор удачно проследил зависимость Большой хроники от сочинения Халкокондила: *R. Loenertz. Autour du Chronicon Maius attribué à Georges Phrantzès*. — «Miscellanea G. Mercati», 3 («Studi e Testi», 123), 1948, p. 288—296. Однако обратная связь, т. е. заимствования Халкокондила из оригинального сочинения Сфрандзи, не доказана.

⁸⁶ *Georgios Sphrantzes. Memorii 1401—1477*, ed. V. Grecu. București, 1966, p. 80. 9—12 (далее — *Sphr.*).

⁸⁷ *R. Loenertz. Une erreur...*, p. 179.

⁸⁸ *Панарет*, стр. 81.9—15.

№	Нотия Андроника II (1282—1328)		Нотия 1328—1359 вар. сп. 3 и 4	Нотии конца XIV в.
	вар. сп. 1	вар. сп. 2		
1	Кесария Каппадокийская			
2	Эфес — Азия			
3	Ираклия Фракийская	Никомидия	Ираклия Фракийская	
4	Анкира — Галатия	Никея	Анкира (+ Фессалоники) ¹	Анкира
5	Кизик	Ираклия	Кизик	
6	Сарды	Анкира	Сарды (+ Филадельфия) ¹	Сарды
7	Никомидия	Кизик	Никомидия	
8	Никея	Сарды	Никея	
9	Халкидон ²			
10	Филадельфия (ранее — епископия)	Сида	(+ Афины + Монеувасия) ¹	Сида
11	Фессалоники (ранее — 16)		Севастия	
12	Адрианополь (40)		Амасия (+ Адрианополь) ¹	Амасия
13	Сида (10)		Мелитина	
14	Севастия (11)		Тиана (+ Веррия) ¹	Тиана
15	Амасия (12)		Гангры	
16	Мелитина (13)		Фессалоники	
17	Тиана (14)		Клавдиополь (+ Понтоираклия + Пруса + Пиги + Пергам) ¹	Клавдиополь, замещ. Понтоираклия
18	Гангры (15)		Неокесария	
19	Понтоираклия (епископ, возведена в ранг метрополии вместо Клавдиополя-17)		Пессинунт	
20	Пруса (100)		Миры — Ликия	
21	Пиги (90)		Ставрополь — Кария	
22	Пергам (17)	Пергам (69)	Лаодикия	
23	Неокесария (18)	Неокесария (17)	Синада	
24	Пессинунт (19)		Иконий	
25	Миры — Ликия (20)		Аптиохия — Писидия	
26	Ставрополь (21)		Силей (+ Писидия) ¹	Силей-Перги
27	Лаодикия (22)		Коринф	
28	Синада (23)		Афины	
29	Иконий (24)		Мокисс	
30	Веррия (епископ)		Селевкия ² — Крит	
31	Писидия (25)		Калабрия — Регий	
32	Силей (26)		Ст. Патры	
33	Коринф (27)		Трапезунд — Лазика	Трапезунд ³
34	Монеувасия (епископ)		Ларисса	
35	Афины (28)		Навпакт	
36	Мокисс (29)		Филиппополь	
37	Крит (30)		Траянополь	Адрианополь
38	Калабрия (31)		Родос (+ Серры) ¹	Родос
39	Ст. Патры (32)		Филиппы (+ Христовполь) ¹	Филиппы

40	Трапезунд (33)	Адрианополь ⁴	Конец списка митрополитов, имеющих титул экзарха. Далее указаны митрополии, выделенные из других епархий (в особом порядке).
41	Ларисса (34)	Иераполь	
42	Навпакт (35)	Диррахий	
43	Филиппополь (36)	Смирна (+ Митилена + + Иоаннины) ¹	
44	Траянополь (37)	Катана (+ Дидимоти- ка + Лакедемония) ¹ и ²	
45	Родос (38)	Аморфий	
46	Серры (58)	Камаха	
52	Митилена (49)	Амастрида	
63	Аспрон (69)	61 Энос + Вриса	
		Евхаиты (+ Аспрон)	
		64 Амастрида (52)	
	71 Россия (60)		
72 Алания (61)	72 Алания (62)	77 Россия	
76 Керасунт (65)			
91 Медимна	88 Медимна		
102 Селимврия (81)			94 Тенедос
103 Милет (84)	100 Милет (84)		97 Виза
			109 Созополь
Поднятие до ранга митрополий:			
Вриса	Херсон		
...	Виза		
Херсон	Вриса		
после Андроника II:			
Виза			
.....			
Тенедос			

А Томос 1351 г.	Б (ММ, № 194) ок. 1364	В (ММ, № 203) январь. 1365	Г (ММ, № 205) январь. 1365	Д (ММ, № 212) 1365	Е (ММ, № 228) 1365	Ж (ММ, № 238) 1368	З (ММ, № 261) ок. 1371	И (ММ, № 276) 21 январь. 1370	К акт 1428	Л 1438	Л 1439
				1 Кесария	1 Кесария					Представители восточных патриархов 1 Трапезунд (Кесария) 8	
		1 Эфес		2 Эфес	2 Эфес				1 Трапезунд 7		
1 Ираклия				3 Ираклия	3 Ираклия	2 Ираклия	1 Ираклия		2 Ираклия		
2 Фессалоники				4 Анкира					2 Кизик (Анкира)		
3 Кизик	2 Кизик	2 Кизик		5 Кизик	4 Кизик	3 Кизик			3 Кизик		
4 Филадельфия	3 Филадельфия			6 Филадельфия	5 Филадельфия	4 Филадельфия					3 Никея (Сарды)
											4 Никомидия
		3 Никея		7 Никея	6 Никея	5 Никея	2 Никея				
5 Халкидон	4 Халкидон	4 Халкидон		8 Халкидон	7 Халкидон	6 Халкидон	3 Вриса	3 Халкидон			5 Лакедемония
							4 Халкидон	4 Вриса			
6 Мельник								5 Кизик			6 Тырново
											7 Митилена
7 Амасия							5 Амасия				7 Молдовлахия
		5 Тиана									8 Молдовлахия (Севастия)
8 Понтоираклия	5 Понтоираклия			9 Понтоираклия	8 Понтоираклия	7 Понтоираклия					9 Амасия
	6 ²	6 Виза		10 Виза		8 Вриса					
		7 Траянополь									
9 Пиги											9 Ставрополь
		8 Вриса		11 Вриса							
	7 Лаодикия				9 Лаодикия						
				12 Миры	10 Миры						
					11 Траянополь						
					12 Вриса						
10 Веррия		9 Афины		13 Афины	13 Афины	9 Афины					
				14 Адрианополь	14 Трапезунд	10 Трапезунд	6 Трапезунд				
11 Трапезунд		10 Трапезунд	8 Трапезунд	15 Трапезунд							
			9 Вриса								
			10 Афины								
											5 Лакедемония

и т. д.

12 Траянополь	8 Траянополь				
		9 Вриса			
		10 Миры			
13 Селимврия ⁵	11 Селимврия				
				16 Милет	
14 Аспрон ⁶				17 Россия	
15 Амастрида	12 Амастрида			18 Амастрида	
16 Энос и т. д.					
23 Тенедос					
26 Созополь	13 Созополь			15 Энос	
27 Адрианополь	14 <i>Τραπεζούνδ</i>			16 Амастрида	
	15 Энос	11 Энос	11 Энос	19 Энос	
				17 Созополь	
		12 Миры			

7 Митилена	
8 Медимна	
9 Созополь	8 Созополь
10 Херсон	
	9 Амасия

Примечания:

¹ Вариант списка 3: помета о включении дополнительной епархии.

² Помета списка 4: о незаемщении места.

³ В нотации конца XIV в. записи: А) ἔχει δὲ νῦν τὸν τόπον τοῦ Κατσαρίας, Β) ἔχει δὲ νῦν τὸν τόπον Ἐφέσου (см. указания в тексте статьи).

⁴ В списке 3 отмечается отсутствие Адрианополя. Сказано : ранее был Адрианополь.

⁵ τὸν τόπον ἐπέχων Κοτυχίου.

⁶ Ἀσπρον... τὸν τόπον ἐπέχων Ἐὐχαΐτων.

⁷ τὸν τόπον ἐπέχοντας τοῦ Ἐφέσου.

⁸ В скобках указана замещаемая по праву *locum tenens* митрополия.

следов ее пребывания в Сербии пока не обнаружено⁸⁹. Ленертц считал, что Сфрандзи назвал Евдокию деспиной не потому что она была византийской императрицей, а потому, что она происходила из царственного трапезундского рода⁹⁰. Но в Трапезунде право на такой титул имели лишь мать и жена императора, но никак не другие родственницы⁹¹. Халкокондила, считает Ленертц, ввело в заблуждение письмо Сфрандзи, приведенное в его Мемуарах⁹². Постулируя возможность знакомства Халкокондила с сочинением Сфрандзи, Ленертц выводил его из безусловного признания эмиграции Халкокондила на Крит, что само по себе далеко не бесспорно⁹³. Еще менее обоснованно предположение о знании Халкокондильной хроники Панарета⁹⁴, дошедшей до нас в единственной рукописи в составе библиотеки Виссариона Никейского и вряд ли сколько-нибудь широко известной в то время. Видимо, Халкокондил пользовался иными источниками.

Хронологические построения Лорана, как и привлекаемый им источник (к сожалению, он приведен лишь в виде краткой выдержки), заслуживают серьезного внимания. Однако вывод о невозможности брака Иоанна V и Евдокии Комнины нам кажется преждевременным. Даже если Елена Кантакузина была жива, допустимы ее отстранение или развод. Трудно предположить, что Евдокия оставалась лишь любовницей Иоанна V, так как она вернулась из Константинополя, притом с важной миссией, лишь в 1395, г., т. е. через 4 года после смерти Иоанна V. Выводы Ленертца⁹⁵, на наш взгляд, не доказывают ошибочности свидетельства Халкокондила и искажают смысл отрывка Малой хроники Сфрандзи. Брак Иоанна V Палеолога и принцессы Евдокии спорен, но не невозможен.

Итак, с середины XIV в. наметилась общая тенденция сближения Трапезунда и Византии. Однако, наряду с ней, действовали и противоположные факторы. К сожалению, они крайне скупо освещены источниками. Несмотря на фрагментарность последних, можно сказать, что трения в византийско-трапезундских отношениях были отчасти отражением конфликта трапезундского правительства с венецианцами. Итальянские купцы старались использовать Византию для давления на Трапезунд. Внешним проявлением натянутости трапезундско-византийских отношений было то, что давно предполагавшийся брачный союз между Великими Комнинами и Палеологами не заключался, а в 1373 г. дело дошло до открытого столкновения. 11 ноября сын византийского императора Иоанна V Михаил,

⁸⁹ Об этом не упомянул и автор специальной работы А. Брайер: *A. Bryer. Trebizond and Serbia.* — «*Ἀρχαῖον Πόντου*», 27, 1965, σελ. 28—40.

⁹⁰ *R. Loenertz. Une egeur...*, p. 179—180.

⁹¹ *Панарет*, гл. 4, 6, 9, 10, 15, 16, 17, 18, 20, 22, 31, 39, 48, 50, 54, 56. Единственное исключение — именование деспиной сестры Алексея III Марии, но она названа еще «хатунью». Она состояла в браке с правителем Ак-Коюнлу Кутлубеком (1352 г.), постоянным союзником империи. Титул, притом с добавлением, дан как признание царственного положения мужа; см. *Панарет*, стр. 72.27 (ἡ δεσποινάχατ); стр. 76.3 (δεσποινάχατ). О связях Трапезунда с туркменами см., например: *I. Melikoff. Op. cit.*, p. 21—22. Титул δεσποινά χατοῦ применяется также к трапезундской принцессе Феодоре, жене другого эмира Ак-Коюнлу Узун Хасана (1453—1478 гг.); см. *Ecthesis Chronica and Chronicon Athenarum*, ed. by Sp. P. Lampros. London, 1902, p. 25. 24; 60.5—6; 60.21—22. Заметим, что Евдокия не называется деспиной до заключения предполагаемого брака ее с Иоанном V Палеологом: *Панарет*, стр. 79.2—3; 79.9—10. Она именуется деспиной только после возвращения из Константинополя: *Панарет*, стр. 81.10—11.

⁹² *R. Loenertz. Une egeur...*, p. 180.

⁹³ См. *В. Греку*. К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила. — ВВ, 13, 1958, стр. 200—203; *Е. В. Веселаго*. Еще раз о Лаонике Халкокондилье и его историческом труде. — ВВ, XIV, 1958, стр. 194—195 (там же ссылки на основную литературу вопроса).

⁹⁴ *R. Loenertz. Une egeur...*, p. 181.

⁹⁵ Точку зрения Ленертца разделяют: *Ἰ. Λαμφίδης. Σύμμενικτα εἰς τὸ χρονικὸν Μιχαήλ τοῦ Παλαρέτου.* — «*Ἀρχαῖον Πόντου*», 23, 1959, σελ. 44—48; *J. W. Barker. Manuel II Palaeologus (1391—1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship.* New Brunswick, 1969, p. 474—477.

прибыв с тремя катергами, пытался захватить трапезундский престол. Безуспешно простояв на рейде 5 дней, незадачливый претендент возвратился назад, причем один из его приближенных, протовестиарий Иоанн Андроникопул, перешел на службу к трапезундскому императору⁹⁶. Свет на события этих лет проливают материалы венецианского Сената (*Consilium Rogatorium*). В марте 1376 г. Сенат обсуждал вопрос о свержении трапезундского императора Алексея III и замене его Михаилом Палеологом или Андроником Комнином⁹⁷. Существовал даже проект (отклоненный сенаторами из-за нереальности) ввести прямое венецианское правление в Трапезунде с опорой на местных «баронов»⁹⁸.

Таким образом, Венеция пыталась втянуть Византию в свой конфликт с Трапезундом, в котором уже принимал участие византийский подданный, правитель восточных придунайских областей деспот Добротич⁹⁹. Как реально развивались события, неизвестно, но уже в июле шли переговоры Венеции с Алексеем III, и ему была прощена половина долга республике св. Марка¹⁰⁰. К 1381 г. отношения нормализуются¹⁰¹. Переворот не произошло.

Еще одно свидетельство о каких-то византийско-трапезундских трениях мы встречаем в патриаршем регистре. Обстоятельства дела не вполне ясны: великий протосинкелл константинопольской церкви иеромонах Мирон добился у патриарха разрешения уехать в Трапезунд. Однако он должен был дать письменное обязательство «никогда не соглашаться с трапезундским императором в том, что он пожелает сделать для пагубы церк-

⁹⁶ *Панарет*, стр. 78.1—7; *R. I. Loenertz. Chronicon breve ad Graecorum imperatoribus ab anno 1341 ad annum 1453 e codice Vaticano graeco 162.*— ЕЕВЭ, 28, 1958, p.208, §. 12. Позднее, в хрисуле Алексея IV и Иоанна IV (1432 г.) говорилось о родовой собственности Андроникопула; см. *V. Laurent. Deux Chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II.*— «*Ἀρχαῖον Πόντου*», 17, 1953, с.л. 263. 74—75.

⁹⁷ *N. Jorga. Veneția în Marea Neagră.*—«*Analele Academiei Române*», seria II, tom. 36. *Memoriale Secțiunii istorice.* București, 1914, p. 1058. См. также сообщение венецианской хроники Яна Якопо Карольдо (ум. в 1538 г.): *J. Chrysostomides. Studies on the Chronicle of Caroldo, with special reference to the history of Byzantium from 1370 to 1377.*— ОСР, t. 35, 1969, p. 166. Ф. Тирье (см. прим. 98) и Дж. Баркер (*J. W. Barker. Op. cit.*, p. 25, п. 58) считали, что упомянутый в документе Сената Андроник — Андроник IV Палеолог. Однако в постановлении Сената и в оригинальном тексте хроники Карольдо о нем не говорится как о Палеологе и сыне Иоанна V. И. Хрисостомидес убедительно показал, что в этот период Андроник IV Палеолог находился в заточении в монастыре Кавлей. Кроме того, он был неприемлем для венецианцев из-за связей с Генуей. Хрисостомидес присоединился к ранее высказанному мнению Н. Йорги о том, что речь идет об Андронике Великом Комнине (*N. Jorga. Veneția...*, p. 1051; *idem. La politique vénitienne dans les eaux de la Mer Noire.*— «*Académie Roumaine. Bulletin de la Section historique*», 2, 1914, p. 289). По его мнению, этим Андроником был незаконный сын Алексея III (*J. Chrysostomides. Op. cit.*, p. 141—142). Но упомянутый Андроник погиб, выпав из окна верхнего этажа императорского дворца в Трапезунде 14 марта 1376 г. (*Панарет*, стр. 78). В постановлении же Сената говорится, что, в случае соглашения с Андроником его надо было доставить в Трапезунд из Константинополя: *si secum obtinebitis que dicta sunt, ducatis ipsum in Trapesundam* (*N. Jorga. Veneția...*, p. 1060; ср. p. 1061). Переговоры с Андроником также должны были проходить в Константинополе. Об этом же Андронике сказано, что он являлся законным претендентом на власть в Трапезунде: *ad quem ipsum Imperium Trapesundespectare dicitur* (*N. Jorga. Veneția...*, p. 1058). Возможно, именно таким претендентом мог считаться уже известный нам сын Иоанна III, бежавший в 1362 г. в Галату (см. стр. 92), отпрыск свергнутой линии трапезундских василевсов. В этом случае мы восстанавливаем неизвестный пренем одного из Великих Комнинов.

⁹⁸ *N. Jorga. Veneția...*, p. 1058—1062; *Fr. Thiriet. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie* (далее — *Reg. Sen.*), t. I. Paris, 1958, p. 143—144.

⁹⁹ См. *N. Jorga. La politique...*, p. 289—307.

¹⁰⁰ *N. Jorga. Veneția...*, p. 1063.

¹⁰¹ *Ibid.*, p. 1064 (20 октября 1381 г.); *R. Predelli. Diplomatarium Veneto-Levantinum*, t. II. Venetiis, 1899, № 107, p. 183; *Reg. Sen.*, I, № 607, p. 149 — о возобновлении «пути в Трапезунд» (*viagium Trapesundae*) после венецианско-генуэзской войны.

ви», и препятствовать всеми возможными способами своему назначению в одну из тамошних митрополий¹⁰².

В конце XIV в. наступает длительное примирение Трапезундской и Византийской империй. Этому способствовало нарастание османской угрозы. Общая опасность вела к большей сплоченности. Во время блокады Константинополя турками, установленной с 1394 г., Трапезунд оказывал столице Византии помощь продовольствием и, возможно, флотом и войском¹⁰³. Не случайно, что в 1395 г. заключается брак Мануила III (1390—1416 гг.) с Анной Филантропиной и Алексея IV (1416—1429 гг.) — с Феодорой Кантакузиной¹⁰⁴. Эти браки еще более укрепили трапезундско-византийские отношения. Другой стороной признания Византией роли Трапезунда было возрастание удельного веса трапезундской митрополии в составе вселенского патриархата¹⁰⁵.

Положение той или иной митрополии в составе патриархата регулировалось целым рядом обстоятельств: церковно-канонической традицией, внесением в список вновь образованных митрополий (с соответствующим перемещением старых), поднятием прежних епископий до ранга митрополий, отчасти изменением в реальном положении самих митрополий. Первое обстоятельство играло решающую роль: митрополиты, оставшиеся таковыми лишь по саву, утратившие свою епархию, подчас занимали куда более высокое место, чем предстоятели церквей христианских государств (например Руси). Для определения места той или иной митрополии императорской и патриаршей администрацией составлялись особые списки последовательности митрополий и епископий, так называемые *Notitiae episcopatuum*¹⁰⁶. На практике же место митрополий находило свое выражение в порядке подписания архиереями грамот в патриаршем синоде. Естественно, что в заседании синода принимало участие лишь ограниченное число митрополитов (находившихся в то время в столице) и подчас допускались некоторые отступления от общепринятого порядка — в зависимости от конкретных обстоятельств.

Для определения места трапезундской митрополии в теории и на практике следует рассмотреть таблицу, составленную нами по известным и опубликованным нотциям, грамотам патриаршего регистра и другим актам.

От XIV в. до нас дошли три основные редакции нотций. Первая из них составлена при Андронике II и представляет собой значительное изменение прежнего порядка митрополий, установленного в целом еще при Льве VI (886—912 гг.)¹⁰⁷. Вариант этой нотции несколько необычен,

¹⁰² ММ, II, № 361, р. 44—45.

¹⁰³ Эти сведения содержатся в анонимной болгарской хронике начала XV в.: «Сия слышавше Трапезонтеке и Каффа и Амастро и отъ вьсекого своего острова придошу с катръгами своими, с оружием и самострелы и цаграми, носяще и пищу доволну себе, и вьси сътицахуся в святии град»; см. *J. Bogdan. Ein Beitrag zur bulgarischen und serbischen Geschichtsschreibung.* — «Archiv für slavische Philologie», Bd. 13, 1891, S. 533—534; см. также *J. W. Barker. Op. cit.*, р. 148. Помощь флотом могла исходить и от генуэзцев и венецианцев, которые также оказали поддержку Константинополю. Необходимые для Константинополя припасы из Трапезунда доставлялись венецианскими кораблями в тяжелые дни 1422—1423 гг.: *Reg. Sen.*, II, № 1884, р. 203—204 (распоряжение Сената от 4 июня 1423 г.).

¹⁰⁴ *Панарет*, стр. 81.

¹⁰⁵ Д. Найкол справедливо заметил, что церковь играла роль важного связующего звена между Константинополем и Трапезундом; см. *D. M. Nicol. The Last Centuries*, р. 427.

¹⁰⁶ См. *H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich.* München, 1959, S. 148—156; *Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica*², Bd. I. Berlin, 1959, S. 463—465; *J. Darrouzès. La Régistre synodal du patriarchat byzantin au XIVe siècle. Étude paléographique et diplomatique.* Paris, 1971, р. 338; *Sp. Vryonis. Op. cit.*, р. 302—304.

¹⁰⁷ Основное издание — *H. Gelzer. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatuum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte.* — *Abh. BAW*, I. Klasse, XXI, 3, 1901, N VII, S. 597—601. Ср. нотцию Льва VI — *ibid.*, S. 550—559.

так как нарушает наиболее консервативную, высшую, часть списка ¹⁰⁸. Вторая редакция приписывается Андронику III, но ее оформление относится ко времени до 1359 г. Эта нотиция в значительной мере пересматривает предыдущую в сторону архаизации ¹⁰⁹. Третья редакция — «Эктезис Неа» конца XIV в. — приближается к нотиции Андроника III, представляя собой ее вариант с некоторыми добавлениями и изменениями частного порядка ¹¹⁰.

Параллельно в таблице приведены данные о месте митрополитов по известным нам актам с их подписями или регистрацией последовательности кафедр, разумеется, в том случае, когда фигурирует трапезундский митрополит ¹¹¹.

Обратимся к анализу таблицы. По нотиции I трапезундский митрополит отодвигается с 33-го места на 40-е. Это происходит из-за возвышения ряда митрополий, фактическое значение которых было давно выше места, предусмотренного для них предшествующими нотициями. Возвышаются митрополии Фессалоник и Адрианополя — крупнейших городов империи, Пиг, Серр и т. д. Некоторые бывшие епископии, получившие ранг митрополий, занимают соответствующее место в списке. С другой стороны, целый ряд митрополий сдвинут вниз. Это в значительной степени номинальные митрополии, потерянные Византией или утратившие прежнее значение (Иконий, Амасия, Коринф и т. д.). В числе «отодвинутых» оказался и Трапезунд. Сдвиг объясним и общей перестановкой в списке (введением новых митрополий в его верхнюю часть) и состоянием трапезундско-византийских отношений во второй половине XIII в., которые тогда еще не были достаточно прочными, а трапезундский митрополит не принимал регулярного участия в патриарших синодах в Константинополе.

В так называемой нотиции Андроника III Трапезунд вновь занимает свое прежнее 33-е место. Это связано с пересмотром всего списка в сторону архаизации, а также с общим укреплением трапезундско-византийских связей.

Важнейшие изменения в отношении Трапезунда зафиксированы нотицией конца XIV в., где целый ряд рукописей содержит добавление: трапезундский митрополит ἔχει δὲ ὡν τὸν τόπον τοῦ Καισαρείας ¹¹² или ἔχει δὲ ὡν τὸν τόπον Ἐφέσου ¹¹³. Значит, даже в документах, рассматривавших теоретическое положение вещей, трапезундский митрополит получает право замещать *первое* или (реже) *второе* места списка. Это значительное возвы-

¹⁰⁸ Условно обозначен списком № 2; см. *G. Parthey. Hieroclis Synecdemus et Notitiae Graecae Episcopatum. Berolini, 1866, XI, p. 225—235.*

¹⁰⁹ Учитываются списки: *H. Gelzer. Op. cit., VIII, S. 607—609* (список № 3); *G. Parthey. Op. cit., III, p. 101—131* (список № 4).

¹¹⁰ Имеется критическое издание Ж. Даррузеса, учитывающее основные рукописи: *J. Darrouzès. Ekthésis Néa. Manuel des Pittakia du XIVe. siècle. — REB, 27, 1969, p. 44—46; классификацию см. там же, p. 6—37.*

¹¹¹ А — Томос 1351 г.: *E. Honigmann. Die Unterschriften des Tomos des Jahres 1351. — BZ, 47, 1954, S. 106—108; Б—И — Акты патриаршего регистра по изданию ММ (даты и номера — в таблице); К — Грамота патриарха Иосифа монастырю Кутлумуш (1428 г.): *P. Lemerle. Actes de Kutlumus. Paris, 1946, № 44, p. 155—156; F. Dolger. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948, S. 229; Л — чинопоследование митрополитов в греческих актах Ферраро-Флорентийского собора: *I. D. Mansi. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio, t. XXXI. Paris—Leipzig, 1904, col. 475—476; подписи греческих митрополитов под соборным определением Флорентийского собора: J. Gill. The Council of Florence. Cambridge, 1959, p. 295, pl. 1. Вариант (в том числе митрополиты Трапезунда и Кизика поменялись местами) — в греческих актах собора: *I. D. Mansi. Op. cit., vol. XXXI, col. 1033—1040.* Эта перемена не показательна, так как трапезундский митрополит по-прежнему является locum tenens митрополии *виррей* (Кесарийской) епархии. При подписании определения было сделано несколько экземпляров грамот, отсюда — незначительные процессуальные расхождения.***

¹¹² *J. Darrouzès. Ekthésis Néa. § 14, p. 43* (рукопись: *Vat. gr. 856, Vat. gr. 1185, Athos Batoped. 516*). *O Vat. gr. 1185 см. G. Parthey. Op. cit., IV, p. 131—138.*

¹¹³ *J. Darrouzès. Ekthésis Néa, p. 43* (*Vindob. Hist. graec. 34*).

шение его роли. Аналогичный порядок зафиксирован и конкретными актами.

Подписи трапезундских митрополитов под синодальными грамотами патриаршего регистра в целом следуют той последовательности, которая предусматривалась нотицией Андроника III. Колебания незначительны и вызваны, по всей видимости, случайными обстоятельствами¹¹⁴. Весьма серьезный сдвиг зафиксирован актом патриарха Иосифа II относительно монастыря Алипиу на Афоне (май 1428 г.). Вопреки обыкновению, трапезундский митрополит назван первым из поименованных, выше митрополитов Ираклии, Кизика, Неокесарии, Пелопоннеса. Чем это объяснить? Издатель акта Ф. Дэльгер считал, что это личные почести, возданные трапезундскому митрополиту, свидетельствующие о росте значения трапезундской митрополии, которую он представлял¹¹⁵. Однако в акте о трапезундском митрополите сказано: *τὸν τόπον ἑπέχοντες τοῦ Ἐφέσου*¹¹⁶. Это значит, что трапезундскому митрополиту предоставлялось право занять место митрополита Эфеса, быть *locum tenens*. Как пишет Ж. Даррузес, это была одна из привилегий, позволявшая временно или постоянно возвысить митрополита вопреки предусмотренной иерархической последовательности. Но, хотя такая практика и встречалась с XIII в.¹¹⁷, до XV в. ее следы немногочисленны.

Новый документальный факт, свидетельствующий о постоянном характере возвышения трапезундской митрополии, отражен греческими актами Ферраро-Флорентийского собора. В отличие от предшествующего периода, перед началом собора уже целый ряд архиереев греческой церкви получил право быть *locum tenens* пустующих высоких кафедр. Это был вполне естественный шаг, направленный на то, чтобы придать большую представительность готовящемуся собору. В числе получивших это право был трапезундский митрополит Дорофей, *locum tenens* Кесарийской (первой!) епархии. В описании торжественной церемонии прибытия Иоанна VIII, константинопольского патриарха, и греческого духовенства в Италию трапезундский митрополит назван первым, после представителей патриархов, выше митрополитов Кизика (*locum tenens* митрополита Анкир) и самого Виссариона Никейского (*locum tenens* митрополита Сард)¹¹⁸. Это же положение сохраняется при подписании Акта определения собора (Л).

Порядок, зафиксированный в документах XV в., сложился ранее, но, в силу известного канонического консерватизма, оформился лишь в 20—30-е годы XV в. Однако и здесь поднятие митрополии происходит не за счет пересмотра списка, а за счет передачи титула более высокой, но утраченной епархии. Систему «*locum tenens*» не всегда можно понимать как передачу прав на митрополию, захваченную врагами. Чаще это просто способ, безболезненно для традиции, повысить ранг важной епархии. Трапезунд, например, не был бы в состоянии реализовать права в опеке населения митрополий Эфеса или Кесарии Каппадокийской. Зато он

¹¹⁴ Под Томосом 1351 г. митрополит Веррии подписался выше трапезундского митрополита, скорее на основании «Правил» Андроника II, чем Андроника III. Вероятно, с нарушением процедуры подписания связано низкое место трапезундского митрополита в акте В; такого же рода частное нарушение — подписание акта Г трапезундским митрополитом выше митрополита Афин. Понижение места амасийского митрополита в акте И могло быть закономерным: митрополия Амасия с начала XIV в. управлялась из епископии Лимний, находившейся на трапезундской территории. Позднее епископ Лимний получил на нее права. О частных нарушениях в процедуре подписания см. J. Darrouzès. *Le Régistre...*, p. 337—338; p. 344—388 (таблицы 1—10) — сводные таблицы подписей всех митрополитов в грамотах патриаршего регистра.

¹¹⁵ F. Dölger. *Aus den Schatzkammern...*, S. 230.

¹¹⁶ *Ibid.*, S. 229. 19—20; P. Lemerle. *Actes de Kutlumus*, p. 155. 19—20.

¹¹⁷ J. Darrouzès. *Le Régistre...*, p. 336.

¹¹⁸ I. D. Mansi. *Op. cit.*, t. XXXI, col. 475—476 («Л»); ср. список № 3 нотиции Андроника III.

реально играл такую роль для христиан сопредельных с империей Великих Комнинов территорий, ставших мусульманскими владениями: Амасии¹¹⁹, Неокесарии, Колонии, Кельтцины, Ставрополя (в Карию), что особо отмечается патриаршими грамотами¹²⁰. Повышение места трапезундской митрополии в указанных документах связано именно с признанием ее значения как форпоста константинопольского патриархата на северо-востоке Малой Азии; оно было объективным отражением возросшего значения Трапезундской империи в византийской внешней политике. Об этом же говорят и другие факты.

В беседе с папским легатом Павлом в июне 1367 г. экс-император Иоанн VI Кантакузин отмечал, что для исследования причин греко-римского конфликта по вопросам вероучения необходимо присутствие, помимо восточных патриархов, патриарха Тырнова, архиепископа Сербии и митрополитов России, Трапезунда и Алании¹²¹.

Во второй половине XIV в. трапезундские митрополиты чаще приезжают в Константинополь. После марта 1364 г. сюда для хиротонии прибыл избранный в Трапезунде митрополит Иосиф (Иоанн) Лазаропул¹²². Ряд патриарших грамот подписан им как членом синода в период его пребывания в столице Византии с весны 1364 г. по апрель 1365 г.¹²³ Покинув трапезундскую кафедру, Иосиф ищет себе прибежище вновь в Константинополе¹²⁴. В этом же городе был избран и рукоположен его преемник митрополит Феодосий, выходец из Фессалоник, монашествовавший 20 лет на Афоне и ставший затем игуменом столичного Манганского монастыря. 13 августа 1370 г. Феодосий прибыл в Трапезунд и был интронизирован¹²⁵. Очевидно, что в этих двух случаях происходило некоторое нарушение привилегий трапезундской митрополии (акт от 1 января 1261 г.), состоявшихся в том, что трапезундский митрополит должен был избираться на соборе своего диоцеза и там же получать посвящение от патриаршего представителя¹²⁶. Однако мы видим, что митрополит Иосиф сам ехал для рукоположения в Константинополь, а Феодосий был там и избран, и рукоположен. Но мы не располагаем свидетельствами о недовольстве этим в Трапезунде. Связи Иосифа Лазаропула с византийским правительством нам уже известны. Отношение же к митрополиту Феодосию в Трапезунде было весьма почтительным: это единственный архиерей, жизненный путь которого описан Панаретом, о котором высоко отзывается хрисовул трапезундского императора¹²⁷. Наконец, это — брат Дионисия, известного подвижника

¹¹⁹ См. выше, стр. 86.

¹²⁰ ММ, II, № 424, р. 154—155: экзарх и управляющий делами трапезундской митрополии Феодор Панарет получил верховную власть над вышеупомянутыми митрополиями вместе с патриаршими правами в самом Трапезунде. Трапезунд также постоянно ведал делами Аланской митрополии, поддерживал с ней самые прочные связи; см. ММ, I, № 221, р. 477—478; *Greg.*, vol. III, р. 532; ММ, II, № 636, р. 483—484; № 673, р. 541—543.

¹²¹ *J. Meyendorff. Projets de Concile oecumenique en 1367. Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul.* — DOP, XIV, 1960, р. 173.127—138 (греч. текст); *Г. М. Прогоров. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371.* — ВВ, 29, 1969, стр. 330.

¹²² *Панарет*, стр. 75.24—25.

¹²³ ММ, I, № 194, 203, 205, 212, 228; *Панарет*, стр. 75.30—32: прибыл в Трапезунд 13 апреля, интронизирован 15 апреля 1365 г.

¹²⁴ После непродолжительного пребывания в разграбленном трапезундском монастыре Элеусы, куда он удалился 12 ноября 1367 г. Отплыл в Константинополь 19 июля 1368 г.; см. *Панарет*, стр. 76.20—25. Одна из патриарших грамот (ММ, № 238) датирована январем VI индикта 6876 (1368) г. В ней упомянут трапезундский митрополит (ММ, I, р. 498). Однако до 19 июля 1368 г. Иосиф был еще в Трапезунде; интронизация следующего известного нам митрополита — Феодосия — произошла в 1370 г. (*Панарет*, стр. 77). Промежуточный митрополит неизвестен: *Χρῆσαυθός*. *Op. cit.*, сзл. 789—790. Остаеся предположить неточность или в дате грамоты, или в тексте Панарета. Вероятна описка переписчика грамоты: похожие цифры ζ и с могли быть спутаны.

¹²⁵ *Панарет*, стр. 77.17—22.

¹²⁶ *L. Petit. Op. cit.*, р. 163—171.

¹²⁷ *N. Oikonomidès. Actes de Dionysiou.* Paris, 1968 («Archives de l'Аthos», IV), р. 60 (1374).

и основателя монастыря на Афоне. В поставлении Феодосия вновь чувствуются связи Трапезунда с династией Кантакузинов и их политикой: поставление совершал патриарх-кантакузинист Филофей Коккин, а представляемый был игуменом того самого Манганского монастыря, где принял постриг Иоанн VI Кантакузин.

Если поставлением митрополитов допускались некоторые нарушения прав трапезундской митрополии, то, напротив, патриарх назначает своим представителем и экзархом в Трапезунде *местного* клирика, великого эконома трапезундской митрополии Феодора Панарета (около 1391 г.)¹²⁸.

Итак, мы рассмотрели политические связи Трапезунда и Константинополя в XIV в. Можно констатировать, что в целом они развивались по восходящей линии и были дружественными. Сближению двух сторон способствовала общеполитическая обстановка, рост турецкой угрозы; немаловажное значение в этом процессе имела близость культуры и церковное единство.

В XIV в. Византия утратила былые притязания на то, чтобы подчинить Трапезундскую империю. Теперь ставилась иная цель: как можно теснее сблизиться с Трапезундом по линии государственных, династических и церковных связей, обеспечить помощь из Трапезунда в случае опасности для Константинополя.

Участие Византии в событиях гражданской войны в Трапезундской империи не было значительным. При этом инициатором византийского вмешательства часто выступали сами соперничавшие трапезундские феодальные группировки; на заключительном этапе гражданской войны интеллектуальным фактом двусторонних отношений было установление прочного союза Кантакузинов и Великих Комнинов, просуществовавшего с середины XIV в. до падения Трапезундской империи¹²⁹. Возможно, эти связи, помимо уже указанных выше факторов, способствовали поднятию роли трапезундской церкви в системе вселенской патриархии, где влияние кантакузинистов, особенно при патриархе Филофее Коккине (1353—1354 гг., 1364—1376 гг.), было весьма значительным.

¹²⁸ ММ, II, № 424, р. 154—155.

¹²⁹ В XV в. заключается брак последнего трапезундского императора Давида и Елены Кантакузины; см. *D. M. Nicol. The Byzantine Family*, № 72, р. 188—190; *V. Laurent. Le Vaticanus Latinus 4789, IV. Alliances et filiations des Cantacuzènes au XVe siècle.* — *REV*, IX, 1952, р. 77—83, 88—89. Заметим также, что именно великий домestik Андроник Палеолог Кантакузин и Иоанн Кантакузин, друг и соратник Константина XI, настаивали на необходимости брака последнего с трапезундской принцессой, т. е. выступали за укрепление союза с Трапезундом накануне падения Константинополя: *Sphr.*, XXXII, 7, р. 84; *Pseudo-Phrantzes sive Macarii Meliseni Chronicon.* — *Ibid.*, III, 2, 8, р. 364—366; см. также: *A. Papadrianos. Op. cit.*, р. 136—137.

П. И. ЖАВОРОНКОВ

НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЗАПАД (Взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством)

Одна из главных проблем исследования внешнеполитической деятельности Никейской империи — проблема взаимоотношений ее с государствами Апеннинского полуострова и папством до сих пор остается относительно мало изученной. Как известно, основной целью деятельности всех никейских императоров, начиная с Феодора I и кончая Михаилом VIII, было восстановление Византийской империи и ликвидация латинского господства в Константинополе. Однако вопрос о судьбе Константинополя выходил далеко за рамки местного, то есть греческого значения, так как с одной стороны Рим, защищающий Латинскую империю — «Новую Францию» на греческой земле, по выражению папы Гонория III в силу своего влияния и могущества в то время в Западной Европе, представлял по сути дела объединенную силу католических государств¹, которую он мог использовать (и использовал) для укрепления власти латинских императоров; с другой стороны, в лице одного из могущественных правителей «Священной Римской империи» — императора Фридриха II Гогенштауфена (в 1212 г. сицилийский король Фридрих стал германским императором при поддержке Иннокентия III), считавшего главной целью своей жизни борьбу за полное присоединение Северной и Средней Италии и подчинение Рима императорской власти, Никейская империя пыталась найти опору в борьбе за возвращение древней столицы. Немаловажное значение для Никейской империи имели связи с итальянскими торговыми республиками.

Для литературы, непосредственно посвященной вопросу взаимоотношений Никейской империи с Западом, характерно прежде всего то, что она либо освещает только небольшие периоды этих отношений, обычно время правления отдельных пап или патриархов (таковы работы В. Лорана² и Г. Гофмана³), либо занимается изучением никейско-генуэзских и никейско-германских отношений на фоне исследования более широких вопросов⁴. Кроме того, специальная литература обычно освещает события либо с точки зрения их значения для объединения церковью под эгидой папства⁵, либо с точки зрения их важности для Фридриха II Гогенштауфе-

¹ F. Dölger. Byzanz und die Europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 71.

² V. Laurent. Le pape Alexandre IV (1254—1261) et l'Empire de Nicée. — EO, t. XXXIV, 1935, p. 26—55.

³ G. Hofmann. Patriarch von Nikaia Manuel II und Papst Innozenz IV. — OCP, IX, 1953, S. 59—67. См. также: W. de Vries. Innozenz IV (1243—1254) und der christliche Osten. — Ostkirchliche Studien, 12, 1963, S. 113—131.

⁴ S. Borsari. Federigo II et l'Oriente byzantin. — «Rivista storica italiana», 63, 1951, p. 279—291; C. Manfroni. Le relazioni fra Genova, l'impero bizantino e i Turchi. — «Atti della Società Ligure di Storia Patria», XXVIII, 1898, fasc. 3, p. 653—666; M. Balard. Les Genoës en Romanie entre 1204 et 1261. Recherches dans les minutiers notariaux genoës. — «Melanges d'archéologie et d'histoire», t. 78, 1966, p. 467—502.

⁵ Это особенно характерно для следующих работ: А. Катанский. История попыток к соединению церковью греческой и латинской в первые четыре века по их разделению.

на и Генуи. Последнее относится как к работе С. Борсари ⁶, так и к статье М. Балара ⁷, рассматривающей отношения Генуи с Востоком (и частично с Никеей) с точки зрения политики итальянской республики.

Следствием рассмотрения данного вопроса с позиции взаимоотношений Запада с Никейской империей явилось невнимание к многим важным сторонам отношений Никейской империи с государствами Апеннинского полуострова и папством. Во-первых, если конец 40-х — начало 50-х годов большинством исследователей характеризуется как поворотный пункт в отношениях Рима к империи ⁸, то остается открытым вопрос, когда и в силу каких причин началось изменение этого отношения? Во-вторых, можно ли выделить какие-то периоды во взаимоотношениях Никей и Рима? В-третьих, в чем для Никейской империи заключалась сущность союза со Священной Римской империей? И, наконец, последняя проблема, но самая важная: что дали империи союзы с Фридрихом II Гогенштауфеном и Генуей, а также обращение к Риму в главном вопросе ее внешней политики — возвращении Константинополя?

В данной статье мы попытаемся на основе всех доступных нам источников и литературы, если и не разрешить все эти проблемы, то, во всяком случае, сделать шаг в этом направлении.

После того, как 13 апреля 1204 г. Константинополь оказался в руках западного рыцарства, Феодор Ласкарь, зять императора Алексея III, покинул вместе с братом Константином и всей своей семьей Константинополь и ушел в Никею, где попытался организовать сопротивление латинским завоевателям. Поражение армии латинского императора Балдуина I от болгарского царя Калояна при Адрианополе в апреле 1205 г. значительно укрепило положение нового государства.

К середине 1207 г. Феодор I Ласкарь добился значительных успехов в борьбе как с внутренними противниками, мелкими правителями Малой Азии, так и внешними — латинянами и трапезундскими Комнинами. Разбитые в нескольких сражениях, войска Давида Комнина временно прекратили нападения ⁹. Летом 1207 г. Ласкарю удалось добиться перемирия на два года и с Генрихом, императором Латинской империи ¹⁰. Заключенный еще летом — осенью 1204 г. с султаном Кылич Арсланом III ¹¹ и продленный после его смерти с Кей-Хюсревом I зимой 1205 г. ¹² союз давал возможность уделять меньше внимания охране восточных границ империи. Однако Феодор понимал, что положение империи неустойчиво, угроза захвата ее латинянами еще существовала. В поисках силы, способной сдерживать натиск латинских рыцарей, он решил прибегнуть к помощи папского Рима и в 1207 г., по-видимому, вскоре после перемирия с Генрихом, написал письмо папе Иннокентию III ¹³. К старым претензиям и жалобам на латинян (жестокость, святотатство, вероломство),

---

нии. — «Христианское чтение», 1867, октябрь, стр. 471—514; В. Герье. Расцвет западной теократии. Иннокентий III. М., 1916.

⁶ S. Borsari. Op. cit., p. 283—290.

⁷ M. Balard. Op. cit., p. 478—482.

⁸ V. Laurent. Op. cit., p. 30—32; J. Haller. Das Papsttum, Idee und Wirklichkeit, Bd. 4. Stuttgart, 1953, S. 261—262; R. L. Wollf and H. W. Hazard. The Later Crusades. 1189—1311. London, 1969 (далее — R. L. Wollf. The Later Crusades), p. 226.

⁹ Nicetae Choniatae historia, rec. I. Bekker. Bonnae, 1835, p. 828.11—19, 844.8—11.

¹⁰ G. de Villehardouin. La conquête de Constantinople, ed. par E. Faral, t. 2. Paris, 1939, p. 300—302, n. 486.

¹¹ H. W. Duda. Die Seltchukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959, S. 38.

¹² Georgii Acropolitae Opera, I. Lipsiae, 1903 (далее — Acrop.), p. 11.1—4.

¹³ PL, t. 215, 1855, col. 1372 C — 1373 B; см. F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, t. 3. München, 1932, N 1677.

Письмо или не сохранилось или пока не найдено. Привез его в Рим, вероятно, епископ Бенедикт, который вел переговоры с греческим духовенством Константинополя в 1206 г. и в 1207 г. уехал в Рим, см. A. Heisenberg. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. — SBAW, Phil.-hist. Klasse, 1923, 2 (далее — A. Heisenberg, NQ, 2).

Ласкарь, судя по ответу папы от 16 апреля 1208 г.¹⁴, присоединил личную жалобу: Генрих согласился заключить с ним только перемирие и не довольствуется завоеванным, а стремится к новым захватам ромейских земель. Поэтому он просит папу примирить его с латинянами и прислать легата для заключения мира. В противном случае он заключит мир с болгарами и другими народами¹⁵.

В письме Ласкаря не было речи о союзе церквей. Да Феодор и не мог вести такие переговоры: в империи еще не было патриарха, а условия заключения союза были неприемлемы для греков, поскольку папа настаивал на подчинении греческого духовенства латинскому.

То, о чем просил никейский император, не входило в планы Иннокентия III, и он, не признавая Феодора императором¹⁶, советовал ему в ответном письме достигнуть мира с Генрихом путем должного «уважения» латинского императора, т. е. путем подчинения Генриху, хотя и обещал в конце письма прислать легата¹⁷. Доказательством нежелания папы содействовать миру между ромеями и латинянами служит тот факт, что легат прибыл только через пять лет, когда внутривполитическое (избрание патриарха, коронация Феодора, окончательное подчинение мелких правителей) и внешнеполитическое положение Никейской империи улучшилось¹⁸ и попытка разгрома империи латинянами потерпела крах¹⁹. Однако отношение Иннокентия III к Никею не сделалось благоприятным. Папа, идя на переговоры, заботился в первую очередь не о признании Никейской империи и императорского титула Феодора, а желал добиться подчинения греческой церкви.

Легат Иннокентия III кардинал Пелагий был послан в Никею в августе—сентябре 1213 г.²⁰ Он должен был содействовать заключению мира между Генрихом и Феодором. Одновременно ему было поручено путем переговоров с высшим никейским духовенством и императором, если и не добиться союза церквей, то привлечь ромеев к участию в крестовых походах, по поводу которых папа Иннокентий III собирался в конце 1215 г. созвать вселенский собор²¹.

¹⁴ PL, t 215, col 1372—1373

¹⁵ Ibid, col 1373; В Герье Указ соч, стр 128; А Luchaire Innocent III La question d'Orient Paris, 1907, p 268 Следует заметить, что союз с болгарами был заключен не позднее весны 1207 г (*G de Villehardouin Op cit*, p 274); это, по-видимому, было известно Генриху, а значит и папе

¹⁶ Он называет его «знатным мужем» — PL, t 215, col 1372

¹⁷ Ibid, col 1374—1375; В Герье Указ соч, стр 129, *Vries* Innozenz III (1198—1216) und der christliche Osten — «Archivum Historiae Pontificae», 1965, 3. S 87—126. М Maccarone La ricerca dell'unione con la chiesa greca sotto Innocenzo III — «Unitas», 1964, 19, p 251—367 (нам недоступно)

¹⁸ Летом 1211 г в сражении при Антиохии на Меандре Ласкарь разбил войска султана Кеп-Хюсрева I и окончательно ликвидировал опасность с Востока Асгор, I, p 1517—17 15, *Nicephori Gregorae Byzantina historia*, v I Bonnæ, 1829 (дате — *Greg*), p 20, 14—21 9

¹⁹ Хотя в ходе военных действий 1211—1213 гг латинянам и удалось нанести ряд серьезных поражений Феодору, однако уничтожить государство Ласкаря, опиравшегося в борьбе с латинянами на народные массы, не удалось Феодор, по свидетельству самого Генриха, даже после поражения при Риндаке (15 октября 1211 г) оставался основным противником латинян; см *J. A Buchon Recherches et matériaux pour une histoire de la domination française au XIIIe, XIVe et XVe siècles*, t 2 Paris, 1840, p 211—213. Неудивительно, что в конце 1214 г он смог предпринять широкое наступление на территорию Трапезундской империи

²⁰ В письме Генриху от 29 сентября 1213 г папа писал, что он уже отправил кардинала Пелагия: PL, t 216, 1855, col 104; *R Janin Au lendemain de la conquête de Constantinople* — EO, t 32, 1933, p 196; *M Viller Les Relations de Rome et de Constantinople au Moyen Age* — Byz, t II, 1925, p 627 Неправ А Панадопуло-Керамеус (*A Papadopoulos-Kerameus Théodore Eirenicos, patriarche oecuménique de Nicée* — BZ, 10, 1901, p 183—184), когда он пишет, что Пелагий приехал незадолго до избрания патриарха Иринака, которое произошло 28 сентября 1214 г; *A Heisenberg Op cit*, S 54—55; *V Grumel La chronologie* Paris, 1958, p 436

²¹ *J Longnon L'Empire latin de Constantinople et la Principauté de Morée* Paris, 1949, p. 145

Переговоры о мире ²² начались только в середине октября 1214 г. ²³, когда из Константинополя в Никею прибыли послы легата к Феодору, «ищущему мира, желающему мира» ²⁴. Они беседовали с Феодором I Ласкарисом «и после скрепления секретных переговоров отправились в Византию» ²⁵, договорившись вместе с тем начать в Константинополе и переговоры о союзе церквей. Не ясно, был ли с ними проект договора, но при встречах речь о договоре с Латинской империей несомненно шла. Мы думаем, что окончательно договор был подписан только в декабре 1214 г. ²⁶, потому что как в Никее, так и в Пафлагонии (конец ноября — начало декабря) Феодор настаивал на мире с латинянами ²⁷.

Если переговоры на политической почве закончились успешно и мир был заключен, то многодневные собеседования латинских священников и кардинала Пелагия с митрополитом Эфеса и экзархом всей Азии Николаем Месаритом по поводу воссоединения церквей как в ноябре в Константинополе ²⁸, так и в декабре в Ираклии окончились безрезультатно ²⁹. Хотя Феодор I Ласкарь и говорил о союзе церквей ³⁰ и прислал на переговоры с Пелагием Месарита, сторонника союза с Римом ³¹, однако ни сам император, ни тем более новый патриарх Ириник ³² не желали союза церквей, так как греческая церковь, не получая за него никаких политических компенсаций, должна был подчиниться Риму ³³. Мы не можем согласиться с А. Флишем, К. Тузелье и И. Азэ ³⁴, которые считают, что обе стороны искренне желали союза. Эта точка зрения не соответствует истине. Достаточно вспомнить, что после смерти патриарха Михаила Авториана, противника союза с папством ³⁵, был избран Ириник, тоже противник сближения с Римом. А так как никейские императоры всегда избирали патриар-

²² Перемирие, вероятно, было заключено ранее, иначе трудно предположить, чтобы Феодор, находясь в состоянии войны с Генрихом, отправился бы в Пафлагонию; см. А. Heisenberg. *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion.* — SBAW, Phil.-hist. Klasse, 1923, 3, p. 19.2—4 (далее — А. Heisenberg, NQ, 3).

²³ Состояние источников не позволяет предположить более раннюю дату. Послы, прибывшие в Никею, ждали возвращения императора из похода в Пафлагонию, куда он отправился тотчас же после возведения на престол патриарха Ириника (т. е. 28 сентября), «почти и пищи не отдавав», по выражению Месарита: см. А. Heisenberg, NQ, 3, p. 19.1—2. Известие Акрополита (*Acrop.*, I, p. 27.16—21) о заключении Нимфейского мира не дает никаких хронологических примет. Кроме того, эта дата позволяет нам ответить на вопрос о том, почему кардинал Пелагий только через год после своего прибытия смог приступить к церковным переговорам с Никеей. До тех пор, пока не начались переговоры на политической почве, не могли начаться и собеседования о союзе церквей.

²⁴ А. Heisenberg, NQ, 3, p. 19.10—11.

²⁵ *Ibid.*, p. 19.20—21.

²⁶ См. J. Longnon. *Op. cit.*, p. 128. Г. А. Острогорский (*G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates.* München, 1963, S. 355.) относит заключение договора к концу 1214 г., А. Ф. Дэльгер (*F. Dölger. Regesten*, III, № 1684) — к времени после 1212 г. Об условиях договора см. *Acrop.*, I, p. 27. 21—28.10.

²⁷ А. Heisenberg, NQ, 3, p. 34.10—12.

²⁸ Переговоры происходили с 13 по 25 ноября; см. А. Heisenberg, NQ, 3, p. 22.29-33. Неверно заключение Гийяна (*R. Guiland. Histoire de l'empire byzantin de 1081 à 1453.* Paris, 1945, p. 150—151), что беседа латинян и ромеев проходила в августе-сентябре 1214 г. и Феодор, ожидая их результата, несколько недель не назначал вместо умершего нового патриарха.

²⁹ Подробнее о церковных переговорах см. А. Luchaire. *Op. cit.*, p. 270—280; L. Jongnon. *Op. cit.*, p. 145—148.

³⁰ А. Heisenberg, NQ, 3, p. 11—12.

³¹ В среде высшего греческого духовенства всегда существовало два взгляда и две партии по вопросу о союзе с католической церковью; партия противников союза всегда превосходила пролатинскую партию.

³² Патриарх и его сторонники в Никее радовались провалу собеседования с латинянами и осуждали Месарита за уступки, допущенные им во время переговоров с Пелагием; см. А. Heisenberg, NQ, 3, p. 47—48.

³³ Об этом прямо говорит Акрополит; см. *Acrop.*, I, p. 29.21-30.2.

³⁴ А. Fliche, C. Thouzellier et Y. Azais. *La chrétienté romaine (1198—1274).* — «Histoire de l'Eglise depuis les origines jusqu'à nos jours», t. X, 1950, p. 84—85.

³⁵ А. Heisenberg, NQ, 3, p. 18.10-14.

хов, угодных себе и поддерживающих их политику³⁶, то едва ли Феодор I Ласкарь согласился бы на избрание патриархом человека противоположного мнения. Посылка же Месарита была вызвана как тем, что к кардиналу должен был поехать равный ему по званию (Николай Месарит, митрополит Эфеса, был к тому же и экзархом всей Азии), так и тем, что у него уже был большой опыт проведения подобных переговоров в 1206 г.

Переговорами с посланцем Рима Феодор должен был быть доволен, так как ему удалось, во-первых, самым фактом переговоров добиться у Рима признания Никейской империи, а во-вторых, заключить при помощи легата мир с Латинской империей. Благоприятный результат этих переговоров положил начало новому, *второму периоду* во взаимоотношениях Никей и Рима, которому предшествовал период непризнания Никейской империи папством (1204—1214).

Ободренный успешными (в политическом плане) переговорами 1214 г. и надеясь, вероятно (точных указаний нет), при помощи объединения церквей вернуть Константинополь, Феодор I Ласкарь через несколько лет обращается к Риму с предложением объединить церкви и даже посылает послов. Об этом мы узнаем из письма патриарха Мануила I митрополиту Навпакта Иоанну³⁷. Письмо датируется декабрем 1219 г. Патриарх сообщает, что Феодор решил собрать на пасху 1220 г. в Никее собор с участием патриархов Антиохии, Александрии и Иерусалима, «чтобы по общему решению и мнению *снова* послать посольство к папе древнего Рима, для разрешения распрей и для того, чтобы помирились церкви и все христиане были единокорными»³⁸. Относительно времени отправления посольства и предложений в качестве платы за объединение церквей можно строить лишь гипотезы. Вероятнее всего это произошло после смерти императора Генриха и папы Иннокентия III в 1216 г., когда, со вступлением на престол Гонория III, возникла надежда при помощи объединения церквей вернуть Константинополь.

Неудача посольства заставила Феодора на время прекратить сношения с Римом. В 1218 г. он вступает в брак с дочерью нового латинского императора Роберта, чтобы добиться возможности вмешиваться в дела Латинской империи и укрепить там свое влияние, а через год заключает с венецианским подеста в Константинополе³⁹ договор, который, однако, не имел существенного политического значения. Никейя по этому договору получала лишь незначительные экономические выгоды. Для никейских купцов открывался рынок сбыта, но ввиду того, что венецианские купцы получили право беспосредственной торговли на всей территории империи, а никейские купцы при въезде на территорию Латинской империи должны были платить коммеркий⁴⁰, соглашение было более выгодно Венеции, чем Ласкарию⁴¹. Никейский император, обещая не посылать флот в воды Константинополя, тем самым укреплял уже обреченную Латинскую империю⁴². Единственным политическим достижением следует считать то, что этим договором,

³⁶ *Асвор.*, I, p. 106.22-107.3.

³⁷ *В. Г. Васильевский*. *Epirotica saeculi XIII.* — ВВ, III, 1896, стр. 264; см. также: *V. Laurent*. *Les Regestes de 1208 à 1309.* Paris, 1971, № 1224.

³⁸ *В. Г. Васильевский*. Указ. соч., стр. 264.14-17. Письмо с подобным же предложением было послано и Ласкарем правителю Эпира Феодору Комнину; см. *Α. Μηλιαράκης*. *Ἱστορία τοῦ Βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου (1204—1261).* Ἐν Ἀθήναις, 1898, σελ. 105—108; *F. Dölger*. *Regesten*, III, N 1704.

³⁹ *G. L. F. Tafel* und *G. M. Thomas*. *Urkunden zur älteren Handels- und Staatgeschichte der Republik Venedig.* — In: «*Fontes rerum Austriacarum Diplomata et acta*», t. XII, pars 2, Vindobonae, 1856, p. 205—207; *F. Dölger*. *Regesten*, III, № 1703.

⁴⁰ *G. L. F. Tafel* und *G. M. Thomas*. *Op. cit.*, p. 206.

⁴¹ *W. Heyd*. *Histoire du Commerce du Levant*, t. I. Leipzig, 1895, p. 305.

⁴² См. *A. Dandolo*. *Chronica Venetiarum.* — In: «*Rerum italicarum scriptores*», ed. Muratori, t. XII. Romae, 1728, p. 288; *F. Thiriet*. *La Romanie vénitienne au moyen âge. Le développement et l'exploitation du domaine colonial venetien (XII—XV siècles).* Paris, 1959, p. 88—89.

где Феодор I Ласкарь назван «императором ромеев», Никейская империя признавалась равноправным государством⁴³.

В 1220 г. Феодор хотел, как мы писали выше, созвать собор всех православных иерархов, чтобы на основе общего решения послать посольство к папе с целью объединения церквей. Самим фактом проведения такого собора в Никее Феодор хотел показать Риму, что его патриарх, носящий титул константинопольского (что не признавалось папской курией), является главой православного мира и законно носит этот титул, а он сам справедливо претендует на власть в Константинополе. Однако проект был нереален и собор не состоялся. Восточные патриархи не явились, а Феодор Комнин, занявший позицию покровительства своей эпирской церкви и усиливающий наступление на латинян⁴⁴, был недоволен союзом Никее с Латинской империей⁴⁵ и отнесся к подобному предложению отрицательно. Митрополит Навпакта в своем ответном письме к патриарху Мануилу на словах одобрял подобное посольство к папе, хотя и не верил в его успех⁴⁶, и под предлогом трудностей пути в Никее согласился только на то, чтобы посланцы Эпира присоединились к посольству, когда оно будет проезжать через Эпир в Рим⁴⁷. Вместо вселенского собора в том же году собрался поместный собор⁴⁸.

Через два года Феодор I Ласкарь умер. Главная задача, которую ставил перед собой никейский император при переговорах с Римом, — заключение мира с латинянами и официальное признание папами самостоятельного государства ромеев — была выполнена уже в первый период взаимоотношений с Римом. Второй период (1215—1222) характеризуется провалом планов объединения церквей, который, по-видимому, не очень огорчил Феодора, так как он, отправляя посольства к папе, едва ли мог надеяться, что при объединении церквей будет ликвидирована Латинская империя.

Новый император Иоанн III Ватац (1222—1254), зять Феодора I, с самого начала своего царствования отказавшись от переговоров с папской курией, открыл новую главу в истории взаимоотношений с Римом: он решил при помощи меча вернуть то, что некогда принадлежало ромеям. Победой при Пиманионе в 1225 г. он значительно уменьшил территорию Латинской империи⁴⁹, а завоеванием на следующий год островов Лесбоса, Самоса, Хиоса⁵⁰ подорвал влияние Венеции в этом районе Эгейского моря.

Когда в 1228 г. на Крите началось третье по счету восстание ромеев против венецианского господства, возглавляемое Скордилами и Мелисинами, Ватац, в ответ на обращение восставших за помощью и обещание передать ему остров, немедленно послал на Крит 23 корабля под командованием мегадуки⁵¹. Несмотря на захват крепости Ретимо и порта Мелипотамо, восставшим и никейским войскам не удавалось в течение двух лет захватить замок Бонифация. Опасаясь появления венецианского флота, к которому присоединился правитель герцогства Наксоса Марко Санудо⁵², мегадука никейского флота прекратил осаду замка Бонифация и отплыл от берегов Крита, но около Кифиры попал в бурю, в которой, за исключением трех кораблей, погиб весь флот⁵³.

⁴³ G. L. F. Tafel und G. M. Thomas. Op. cit., p. 205.

⁴⁴ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 267.17-28; A. Gardner. The Lascarids of Nicea. London, 1912, p. 112-113.

⁴⁵ В. Г. Васильевский. Указ. соч., 266.4-8.

⁴⁶ Там же, стр. 266.17-26, 266.31-33.

⁴⁷ Там же, стр. 266.26-31.

⁴⁸ Ἀ. Μηλαράκης. Op. cit., σελ. 108—110.

⁴⁹ Асгор., I, p. 35.7-9; F. Dölger. Regesten, III, № 1711.

⁵⁰ Асгор., I, p. 29.1-3; R. Guiland. Op. cit., p. 154.

⁵¹ A. Dandolo. Op. cit., p. 346; Ф. Тирье говорит о 33 кораблях: F. Thiriet. Op. cit., p. 97—98.

⁵² J. Fotheringham. Marco Sanudo the Conqueror of the Arcipelago. Oxford, 1915, p. 101—102.

⁵³ A. Dandolo. Op. cit., p. 346; Н. П. Соколов. Народно-освободительное движение и

В 1231 г., когда еще продолжалась осада венецианских крепостей на Крите ромейскими войсками, в Никею прибыли Николо Ембриако и Гвидо Поличино — послы Генуи, чтобы заключить договор о мире с Ватацем⁵⁴. Мы не знаем ничего о ходе переговоров, но результат их был явно отрицательным, так как через четыре года, в 1235 г., генуэзцы сражались вместе с венецианцами против Ватаца, осаждавшего Константинополь⁵⁵. Трудно предположить, что виновником провала переговоров был Иоанн III Ватац, так как для него в этот момент было очень важно найти союзника в борьбе с Венецией и стремящейся усилиться Латинской империей, бароны которой вели переговоры с Иваном II Асенем о браке его дочери с малолетним императором Балдуином II и регентстве Асеня до совершеннолетия императора⁵⁶.

Хотя соглашение между Константинополем и Болгарией не состоялось, но провал переговоров с Генуей, неудача на Крите, мятеж Гавалы на Родосе⁵⁷, а особенно коронация в августе-сентябре 1231 г.⁵⁸ нового императора Латинской империи Иоанна де Бриеня и заключение им в том же году союза с Венецией, по которому последняя отдавала ему 40 кораблей (с их помощью он намеревался отвоевать захваченные Ватацем территории Латинской империи)⁵⁹, встревожили никейского императора и он, чтобы уменьшить опасность со стороны Константинополя, готов был начать переговоры с Римом о союзе церквей. Однако это был ловкий дипломатический ход: как только угроза со стороны Латинской империи была ликвидирована, Ватац стал думать уже не о союзе (хотя еще шли переговоры), а о перенесении военных действий на Балканы.

Неверие в переговоры и нежелание союза церкви отчетливо показывает переписка между патриархом Германом II и папой Григорием в 1232 г., а также и ход самих переговоров в 1234 г. Обратимся к фактам. В 1232 г. в Никею пришло 5 монахов-миноритов, бежавших из сельджукского плена⁶⁰. В беседах с монахами о схизме патриарх Герман обвинял латинян в притеснениях ромейских священников в Константинополе и на Кипре⁶¹.

классовая борьба на Крите в первые полтора столетия венецианского владычества. — «Уз Горьковского университета», историко-филологическая серия, 46, 1959, стр. 40.
⁵⁴ «Annali genovesi di Caffaro e dei continuatori», ed. L. T. Belgramo, C. Imperiale, t. III. Roma, 1923, p. 57. 15-16-Bartholomaei Scribae Annales. — MGH. SS, t. 18, 1863, p. 177.30-31. О значении термина «Романия» в «Генуэзских хрониках» см. *M. Ballard. Op. cit.*, p. 468—70; *R. Wolff. Romania: The Latin Empire of Constantinople.* — «Speculum», XXIII, 1948, p. 12.

⁵⁵ *Greg.*, I, p. 43; *A. Dandolo. Op. cit.*, p. 352; *Marino Sanudo Torsello. Vite de' duchi di venetiani auctori.* In: «Rerum italicarum scriptores», t. 22, 1733, p. 550.

⁵⁶ Согласно посланиям венецианского подеста в Константинополе Джованни Квирино, Асень обещал отвоевать районы Фракии и Македонии, захваченные у латинян императором Феодором Ангелом, уважать права и привилегии баронов, венецианцев и церкви; см. *M. C. R. Cessi. Deliberazioni de Maggior Consiglio di Venezia*, vol. I, Bologna, 1931, p. 209—211, n. 140-141; *Marino Sanudo Torsello. Secreta fidelium Crucis*, ed. Bongarius. — In: «Gesta Dei per Francos», vol. II. Hannoverae, 1611, p. 72—73.

⁵⁷ Нам представляется более верной точка зрения официального историка Никейской империи Георгия Акрополита, который писал о выступлении Гавалы как о мятеже против Никейской империи (*Acrop.*, I, p. 45.23—46.3), чем мнение Влеммида, считавшего, что Гавала не был подчинен Ватацу (*Nicéphori Blemmidae curriculum vitae et carmina*, ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1896, p. 61.13-26). Но еще в 1225 г. Ватац вместе с завоеванием островов в Эгейском море подчинил и Родос (*Acrop.*, I, p. 29. 3-4); см. *H. Ahrweiler. Byzance et la mer.* Paris, 1966, p. 317.

⁵⁸ *RHC. NO*, t. 2. Paris, 1859, p. 382. О роли Венеции и Рима в поставлении Бриеня см. *Gualteri Cornuti, Senonensis archiepiscopi, Historia susceptionis Corone Spinee.* — In: «*Exuviae Sacrae Constantinopolitani*», t. I. Genova, 1877, p. 48.

⁵⁹ *G. L. F. Tafel und G. M. Thomas. Op. cit.*, p. 277, 295.

⁶⁰ Письмо патриарха Германа Григорию IX см. К. Н. Σάδας. *Μεσαιωνική βιβλιοθήκη*, τ. 2. Ήν Βευστία, 1873, σελ. 41.

⁶¹ *Ibid.*, σελ. 44. О действиях латинян по отношению к православным епископам и архиепископу Неофиту см. два письма Германа от 1223 г. (PG, t. 140, col. 604—613) и 1229 г. (*ibid.*, col. 614—620). Ср. *V. Laurent. Les Regestes*, N 1250 (там и литература вопроса). Латиняне изгоняли греческих епископов, если они не признавали

Монахи отвечали, что папа и латинская церковь не виноваты в этом, но, если патриарх хочет послать кого-нибудь к папе, последний сделает все, что они просят⁶².

Однако ни Ватац, ни тем более Герман II, враждебно относившиеся к латинской церкви и бывшие противниками союза с Римом⁶³, не хотели посылать посольство, но, чтобы поддерживать отношения с папской курией и создать видимость желанной унии, Герман написал письма папе⁶⁴ и кардиналам⁶⁵, в которых не было ни слова о стремлении Никеи начать переговоры ввиду их бесполезности⁶⁶.

Папа Григорий IX немедленно ответил Герману. Хотя в его письме от 26 июля 1232 г.⁶⁷ с точки зрения уменьшения расхождений во взглядах на достижение церковного союза не имелось ничего нового (старые обвинения греческой церкви в том, что она за нарушение церковного единства сделалась рабой светской власти и потеряла чистоту веры и дисциплину), однако папа выражал желание вести переговоры с Никеей и писал, что пришлет послов⁶⁸. Действительно, уже в мае 1233 г. посольство в составе Гуго и Петра из ордена проповедников, Аймо и Радульфа из ордена миноритов⁶⁹ отправилось из Рима вместе с письмами папы к Герману II⁷⁰ и священникам Востока⁷¹. В письме к Герману повторялись все те же претензии к греческой церкви, что были высказаны папой в письме от 1232 г.⁷² Папское послание к «восточному» духовенству преследовало цель возбудить среди части никейского духовенства стремление к союзу, поскольку папа знал, что среди церковных иерархов имеются люди, желающие унии⁷³.

Послы прибыли в Никею 15 января 1234 г. и были тепло встречены никейским духовенством⁷⁴. Однако радушный прием был лишь видимостью. Переговоры, продолжавшиеся почти 4 месяца (сначала в Никее,

---

папу главой церкви или рукополагались без согласия латинян: PG, t. 140, col. 605, 608.

⁶² А. Катанский. Указ. соч., стр. 100.

⁶³ Письма Германа II к жителям Кипра см. t. 140, col. 604, 616. Его же письмо к папе Григорию IX: К. Н. Σάθας. Op. cit., т. 2, σελ. 43—44; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 667.

⁶⁴ К. Н. Σάθας. Op. cit., т. 2, σελ. 39—46; А. Лебедев. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV в. М., 1902, стр. 197; V. Laurent. Les Regestes, N 1256.

⁶⁵ Латинская версия сохранилась только у Матфея Парижского под 1237 годом (*Matthaei Parisiensis Chronica Major*, ed. Luard, t. 3. London, 1876, p. 455—460). Греческий текст не издан и находится в нескольких рукописях; см. V. Laurent. Les Regestes, N 1257. По содержанию это письмо идентично письму к папе, только в конце письма Герман, желая показать силу и широту распространения христианства, говорит, что ромей не одиноки в своей вере: эфиопы, сирийцы, иверы, аланы, аласты, готы, хазары, множество руссов и болгары «мыслят с нами заодно».

⁶⁶ См. К. Н. Σάθας. Op. cit., т. 2, σελ. 45.

⁶⁷ См. J. D. Mansi. Sacrorum conciliorum, nova et amplissima collectio, t. XXIII. Parisiis, 1903, col. 55—59.

⁶⁸ Ibid., col. 58. Об этом он говорит и во втором письме, от 18 мая 1233 г.; см. К. Н. Σάθας. Op. cit., т. 2, σελ. 47.

⁶⁹ Ibidem. Это были 2 доминиканца и 2 францисканца. О деятельности и роли членов этих орденов как легатов Рима см. M. Rancoglia. Les Frères Mineurs et l'Eglise grecque orthodoxe au XIIIe siècle (1231—1274). — «Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Franciscano», ser. 4, t. 2. Cairo, 1954; B. Altaner. Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Forschungen zur Geschichte der Kirchlichen und Mohammedaner- und Heidenmission des Mittelalters. Habelschwerd. 1924; P. Gratien. Histoire de la Fondation et de l'Evolution de l'ordre des frères Mineurs au XIIIe siècle. Paris, 1928; С. Г. Лозинский. История папства. М., 1961, стр. 158—160. Об участии Радульфа в посольстве в Никею см. также: MGH, t. 38, p. 562.16-18; S. Borsari. Op. cit., p. 287.

⁷⁰ К. Н. Σάθας. Op. cit., т. 2, σελ. 46—49.

⁷¹ *Matthaei Parisiensis Chronica Major*, t. 3, p. 471.

⁷² Здесь, правда, еще развивается тезис о 2-х папских мечях — духовном и материальном; см. К. Н. Σάθας. Op. cit., т. 2, σελ. 48.

⁷³ J. B. Papadopoulos. Théodore II Lascaris empereur de Nicée. Paris, 1908, p. 45.

⁷⁴ J. D. Mansi. Op. cit., t. 23, col. 279.

а после перерыва для собора греческих иерархов, в Нимфее), в конечном счете, ни к чему не привели, несмотря на искреннее стремление сторонника союза с Римом, Никифора Влеммида⁷⁵, положить конец церковной вражде. Пролатинская партия во главе с Влеммидом была немногочисленной и бессильной изменить ход переговоров. Конец собеседований, когда латиняне и ромеи, называя друг друга еретиками и схематиками, с шумом и криком покинули зал собраний, представлял полную противоположность приему, оказанному ромеями латинянам 4 месяца назад. Так закончились переговоры 1234 г., которые не дали ничего Никейской империи и не отразились на дальнейшей политике Ватаца⁷⁶, который с самого начала своего царствования считал, в противоположность Феодору I, бесполезным и ненужным обращение к помощи Рима (отсутствие каких-либо свидетельств подобного обращения является доказательством этого положения) и к началу 30-х годов не только не изменил свою точку зрения, но, напротив, благодаря военным успехам в борьбе против латинян, еще более укрепился в этой мысли. И если временные неудачи в борьбе с венецианцами (1229—1230 гг.) и относительное укрепление Латинской империи (1231—1232 гг.) и нарушили эти планы, то это было тактическое отступление, дипломатический маневр.

В то же время позиция Рима по отношению к Никейской империи начинает меняться. Папа Григорий IX, видя в лице Ватаца серьезную опасность существованию Латинской империи, которая год от года слабела и, потеряв почти все свои азиатские владения, держалась благодаря стенам Константинополя, действительно желал спасти ее при помощи унии церквей. Спасти, но не пожертвовать ею, как это случилось через два десятилетия. Характерно, что когда зимой 1234 г. переговоры были прерваны и папские легаты ушли в Константинополь, через некоторое время они вновь были вынуждены вернуться, так как положение Константинополя было плачевным: императорская казна пуста, венецианские корабли готовы были покинуть город, с севера и запада угрожали болгары, с юга — войска Никеи⁷⁷.

На изменении позиции Рима сказались в первую очередь консолидация и укрепление внутривосточного положения империи, активные и победоносные действия никейского императора. Еще до начала переговоров император подавил выступление феодальной оппозиции, к которой принадлежали его брат Нестонг, Тарханиот, Синадин, Стасин и др.⁷⁸ Не удалась и восстание в 1233 г. кесаря Гавалы на Родосе. Хотя подчинение Льва Гавалы в 1233 г. было не полным (Андроник Палеолог не смог взять крепость Родос), и в августе 1234 г. он заключил договор с Венецией о взаимной помощи (договор способствовал завоеванию венецианцами Крита и удержанию в Эгейском море части сил Ватаца, предотвращая его нападение на Константинополь⁷⁹), однако Гавала отказался поддерживать дуку Крита против никейских войск и через год окончательно перешел на сторону Ватаца⁸⁰ (см. ниже). Успешные действия против Иоанна де Бриеня (1233 г.) окончательно похоронили планы престарелого

⁷⁵ В. И. Барвинок. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911, стр. XXI, 17.

⁷⁶ Подробнее о ходе переговоров см. В. И. Барвинок. Указ. соч., стр. 17—27; А. Кантаский. Указ. соч., стр. 102—108; J. D. Mansi. Op. cit., col. 277—307; G. Goloubovitch. Disputatio Latinorum et Graecorum seu relatio apocrisiariorum Gregorii IX de gestis Nicaeae in Bythynia et Nymphaeae in Lydia. — «Archivum Franciscanum Historicum», t. XII, 1919, p. 418—524 (нам недоступно).

⁷⁷ R. L. Wollf. Op. cit., p. 218.

⁷⁸ Acrop., I, p. 36.18—37.2.

⁷⁹ G. L. F. Tafel und G. M. Thomas. Op. cit., p. 319—322; W. Heyd. Op. cit., t. I, p. 306; F. Thiriet. Op. cit., p. 98.

⁸⁰ Гавала, наверное, в это время получил разрешение Иоанна III на чеканку собственной монеты. Известны 2 монеты (серебряная и золотая) Льва Гавалы; см. G. Schlumberger. Numismatique de Rhodes avant la conquête de l'île par les chevaliers de Saint-Jean (Les Gabalas et leurs divers successeurs). — «Revue archéologique», t. XXXI, 1876, p. 239—241.

латинского императора отвоевать у Никеи земли, которыми Константинополь владел при Генрихе I⁸¹.

Поэтому в сложившихся условиях начала 30-х годов Рим был заинтересован в мире между Ватацем и латинянами больше, чем Никея. Начиная с этого времени и до начала 50-х годов римская курия выступает в качестве инициатора переговоров о союзе церквей как средстве спасения Константинополя. Если Феодор I Ласкарь просил Рим о содействии в установлении мира между ромеями и латинянами, то теперь, наоборот, папство просит Ватаца не нападать на Константинополь и уважать латинского императора⁸². Так в отношениях Рима с Никейской империей начался *третий период*.

1235—1238 гг. отмечены неоднократными столкновениями интересов Никейской империи и Венеции, «самой большой и сильной торговой нации» средневековья, по выражению Ф. Энгельса⁸³. Успешные действия никейского флота и сухопутной армии под Константинополем⁸⁴, а также военная помощь восстанию греков на Крите (1235 г.)⁸⁵, которая хотя и не привела к изгнанию венецианцев с острова из-за предательства греческих феодалов, но подняла авторитет Никеи среди ромейского населения островов Эгейского моря, встревожили Рим и заставили Балдуина еще при жизни Иоанна де Бриеня отправиться за помощью на Запад⁸⁶.

После посещения Балдуином папы, последний пишет Ватацу письмо⁸⁷, в котором сообщает о крестовом походе на помощь Латинской империи и советует Ватацу, чтобы он «не замыслил никакой опасности и ущерба названной империи и любимому во Христе сыну нашему Иоанну, императору Константинополя и его преемникам»⁸⁸, а помогал бы ему и проявлял верность римской церкви. В противном случае ему будет нелегко избежать трудностей⁸⁹.

Ответное письмо Иоанна III Ватаца⁹⁰ (подлинность которого долгое время подвергалась сомнению⁹¹) написано скорее всего летом или осенью 1237 г. Это был достойный ответ императора ромеев, царство которого «не безмянно и не бесславно», императора, только что одержавшего значительные победы над Иоанном де Бриенем, ответ законного преемника Константина Великого⁹², за трон которого ромей никогда не перестанут сражаться⁹³.

⁸¹ *Асorp.*, I, p. 47.4—48.14.

⁸² Письмо папы Григория IX Иоанну III Ватацу в 1237 г. см. *W. Norden. Das Papsttum und Byzanz.* Berlin, 1903, S. 752. Об этом же и в ответе Ватаца см. «Αθηναϊκόν», I, 1872, 1873, p. 376.

⁸³ *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Собрание сочинений, т. 25, ч. II, стр. 478.

⁸⁴ *Асorp.*, I, p. 51—13-20; *Greg.*, I, p. 29.9-15; *A. Dandolo.* Op. cit., p. 349—352; *Martin da Canale. La chronique des Veniciens.* — «Archivio storico italiano», t. VIII, 1845, p. 362—366; *MGN*, t. 23, p. 938—940; ср. *П. Медовиков.* Латинские императоры в Константинополе и их отношение к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849, стр. 132—133.

⁸⁵ *G. L. F. Tafel und G. M. Thomas.* Op. cit., p. 312—313, 322—326, 333—335; подробнее см. *Н. П. Соколов.* Указ. соч., стр. 42; *F. Thiriet.* Op. cit., p. 99.

⁸⁶ Кроме Рима, Балдуин посетил Францию и Англию; см. *Matthaei Parisiensis Chronica Major*, t. 3, p. 480—481; *Gualteri Cornuti Historia*, p. 49.

⁸⁷ Написано 21 мая 1237 г.; см. *W. Norden.* Op. cit., S. 751—752; *V. Grumel.* L'authenticité de lettre de Jean Vatatzes, Empereur de Nicée, au pape Gregoire IX. — EO, t. XXIX, 1930, p. 455—456 (нам недоступно).

⁸⁸ *W. Norden.* Op. cit., S. 752. Папа еще не знал о смерти Иоанна де Бриеня в марте 1237 г.

⁸⁹ *Ibidem.*

⁹⁰ См. «Αθηναϊκόν», I, p. 372—378; *V. Grumel.* Op. cit., p. 452—454. Сокращенный перевод на новогреческий (а не перепечатка, как указано Ф. Дэльгером. — *F. Dölger.* Regesten, III, № 1757) сделан А. Милиаракисом («Α.Μηλιαράκης.» Op. cit., σελ. 276—279).

⁹¹ В. Грюмель (*V. Grumel.* Op. cit., p. 450—452) — с ним согласен Ф. Дэльгер (*F. Dölger.* Regesten, III, № 1757) — опроверг мнение о том, что это фальсификация XVII в.

⁹² «Αθηναϊκόν», I, p. 373: «избрание наследника этой (державы) перешло к нашему роду и мы являемся преемниками и наследниками ее».

⁹³ *Ibid.*, p. 376.

Именно тон письма и претензии Ватаца на Константинополь (которые нигде еще так прямо не выражались в посланиях к папам) заставляли многих исследователей сомневаться в достоверности ответа. Однако претензии никейского императора исходили из сознания собственной силы⁹⁴, возможностей противостоять Риму и изгнать латинян из Константинополя, положение которого становилось угрожающим. Если бы не поддержка папы, а также двух верных союзников на Востоке — Венеции и Ахайи⁹⁵, он бы уже пал⁹⁶. На угрозу папы послать крестоносцев никейский император гордо отвечал, что ромеи умеют сражаться и с ними⁹⁷. Письмо Ватаца было не только ответом на незаконные притязания латинян на древнюю византийскую столицу, а папы — как на главу церкви⁹⁸, но оно свидетельствовало и о патриотизме Иоанна III и понимании им общих задач всех эллинов⁹⁹.

Однако угрозы Рима не были пустыми: папа вел переговоры с Францией и Венгрией о союзе против Никеи и снаряжении крестоносного войска¹⁰⁰, а также пытался разрушить никейско-болгарский союз¹⁰¹.

Войско крестоносцев было готово в начале 1238 г.¹⁰² идти на помощь Константинополю, против ромеев — схизматиков и еретиков¹⁰³. Папа Григорий IX обратился к Фридриху II с просьбой пропустить крестоносцев через территорию своего государства¹⁰⁴. Однако Фридрих ответил отказом, закрыл гавани Южной Италии и задержал войско крестоносцев вместе с Балдуином II. Латинскому императору удалось достигнуть окрестностей Константинополя только в конце 1238 г., пройдя сушей через Венгрию и Болгарию.

Задержка Фридрихом II крестоносцев — это первое в источниках упоминание о помощи германского императора Ватацу, о дружественных отношениях между двумя императорами, отношениях, которые являлись значительным событием (больше политического, чем военного характера) во внешней политике Никейской империи. Выступление Фридриха II на стороне Ватаца дает нам основания предполагать, что к этому времени уже существовал союз между ними. Более того, нам представляется, что союз был заключен еще в 1237 г., возможно даже — до получения Ватацем письма Григория IX (и тогда еще легче объяснить тон ответа папе) и,

⁹⁴ «Αθηναίων», I, p. 377.

⁹⁵ F. L. Ganshaf. Histoire des relations internationales, t. I. Paris, 1953, p. 189—190.

⁹⁶ Не имея денег и средств для защиты Константинополя, Балдуин продал на Западе свои европейские владения, драгоценные реликвии византийской столицы, заложил венецианцам свою императорскую корону, а впоследствии даже своего сына Филиппа за 400 000 марок; см. H. E. Mayer. Geschichte des Kreuzuge. Stuttgart, 1965, S. 182—183.

⁹⁷ «Αθηναίων», I, p. 377.

⁹⁸ Ибо папский престол «ничем не отличается от других тронов, на которых обычно сидят архиереи» (ibid., p. 373).

⁹⁹ «Αθηναίων», I, p. 374; см. подробнее A. E. Bacalopoulos. Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period. 1204—1461. New Brunswick, 1970, p. 37—38.

¹⁰⁰ «Les Registres de Gregoire IX (1227—1241)», éd. L. Auvray. — «Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome», t. 3. Paris, 1910, N 2872 (1 декабря 1235 г.) 2909—2910 (16 февраля 1236 г.).

¹⁰¹ Ibid., N 3716, 3719 (от 31 мая 1237 г.). Асень II не подчинился папе и Григорий IX в январе 1238 г. потребовал от Венгрии начать крестовый поход против болгарского царя; см. ibid., № 3694, 3720, 4056—4059.

¹⁰² А не в 1236 г.; ср. J. B. Papadopoulos. Op. cit., p. 48. Это доказывает и письмо папы Ватацу от 21 мая 1237 г., где говорится только о подготовке к походу; см. W. Norden. Op. cit., S. 752.

¹⁰³ Письмо Григория IX Фридриху II от 12 марта 1238 г.; см. J. L. Huillard-Bréholles. Historia Diplomatica Friderici Secundi, t. 5. Paris, 1858, p. 181.

¹⁰⁴ Письмо от 17 марта 1238 г.; см. ibid., p. 182—183 = G. H. Pertz. Epistolae saeculi XIII e regestis pontificum romanorum, t. I. Berolini, 1883, p. 624.14—20. Григорий IX, уверяя Фридриха, что крестоносцы посылаются не столько ради защиты Константинополя, сколько ради защиты православной веры на Востоке, оправдывал это тем, что ромеи сорвали переговоры в 1234 г. в Никее; см. J. L. Huillard-Bréholles. Op. cit., p. 182; G. H. Pertz. Op. cit., p. 622.38—624.7.

во всяком случае, — в конце 1237 г., так как у Филиппа Мускэ сохранились сведения ¹⁰⁵ о том, что в конце 1237 г. — начале 1238 г. Ватац предложил Фридриху признать себя ленником германского императора, если последний освободит Константинополь и отправит Балдуина во Францию ¹⁰⁶. Если это предложение — реальный факт (а это, по-видимому, так) ¹⁰⁷, то соглашение между Фридрихом II и Ватацем должно было состояться в 1237 г. ¹⁰⁸, тем более, что уже весной 1238 г. никейские войска сражались в Италии на стороне Фридриха ¹⁰⁹.

Обращение к Фридриху с предложением о союзе показывает, что Ватацу была не чужда мысль завоевать Константинополь дипломатическим путем. Не надеясь добиться этого от Рима, так как Григорий IX не собирался жертвовать Латинской империей ради унии церквей, Ватац предполагал осуществить это мероприятие с помощью могущественного германского императора. Внешним поводом к предложению союза, по нашему мнению, было расторжение никейско-болгарского союза в начале 1237 г.

Хотя предложение Ватаца и не было принято Фридрихом (по крайней мере, оно не было выполнено), однако германский император сделался посредником во взаимоотношениях Никеи и Константинополя ¹¹⁰ и покровителем греческой церкви на юге Италии ¹¹¹. К тому же союз, заключенный в 1237 г., давал Никейской империи свободу действия на Балканах. Одновременно, он свидетельствовал и о значительной роли, которую Никея стала играть в международных делах. Именно этим можно объяснить вторичное обращение Генуи к Иоанну III (первое, как мы помним, было в 1231 г.) с предложением союза.

К 1238 г. отношения между Фридрихом и Генуей, не без помощи папства ¹¹², стали ухудшаться. Поэтому генуэзская Коммуна в 1238 г. решила послать в Никею посольство Бонувассала Узусмара (Bonuvassalus Ususmaris) с предложением союза в борьбе против Фридриха II ¹¹³. Однако Ватац, уже находящийся в союзе с германским императором, не мог согласиться на такое предложение. Но и генуэзцы, вероятно, не дожидаясь возвращения первого посольства, послали вскоре второе — Джованни Гверчо — с более широкими полномочиями и предложением союза не столько, наверное, против Фридриха, сколько против Венеции. Возможно, речь шла о том, чтобы в ответ на помощь предоставить Генуе в

¹⁰⁵ Правда, А. Милиаракис считает это выдумкой автора; см. Ἀ. Μηλιαράκης. Op. cit., σελ. 314.

¹⁰⁶ Philippe Mouskès. Chronique rimée. Bruxelles, 1836-1838, v. 29855—29860.

¹⁰⁷ Ибо уже в марте 1238 г. Григорий IX выступил против союза Фридриха с Никейской империей и намерения вернуть Константинополь ромеям; см. W. Norden. Op. cit., S. 325. С этим согласны Ш. Диль (Ch. Diehl. Figures byzantines, t. II. Paris, 1908, p. 209), Р. Гийан (R. Guiland. Op. cit., p. 162) и В. Лоран (V. Laurent. Le pape Alexandre IV, p. 34).

¹⁰⁸ 1237 год представляется более всего вероятным и еще по одной причине. До смерти Иоанна де Бриеня (март 1237 г.) Фридрих держался более или менее пассивно в отношениях с Латинской империей, так как Бриень был его тестем. Смерть Бриеня позволила Фридриху II изменить свое отношение к Латинской империи и пойти на союз с Ватацем.

¹⁰⁹ MGH. SS, t. 18, p. 479.32-37; E.-H. Kantarowicz. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927, S. 422.

¹¹⁰ При посредничестве Фридриха 24 июня 1241 г. было заключено двухгодичное перемирие с Балдуином (Abericus Monachus Trium Fontium Chronicon, p. 950.23; F. C. Hodgson. Venice in the thirteenth and fourteenth centuries. A sketch of Venetian history from the conquest of CP. to accession of Michele Steno, AD. 1200—1400. London, 1910, p. 255), а в 1244 г. по просьбе Балдуина — одногодичное (Matthaei Parisiensis Chronica Major, t. 4, p. 299; «Chronicon Generalium Ministrorum Ordinis Fratrum Minorum». — «Analecta Franciscana», t. III, 1897, p. 249.15—19).

¹¹¹ P. Herde. Das Papsttum und die griechische Kirche in Süditalien vom 11. bis 13. Jahrhundert. — «Deutsches Archiv», Bd. 26, 1970, S. 22.

¹¹² С. Г. Лозинский. Указ. соч., стр. 152—153; V. Laurent. Le pape Alexandre IV, p. 30—31.

¹¹³ «Annali genovesi...», t. 3, p. 93.20—21-MGH. SS, t. 18, p. 190.21-22

Константинополе такие же привилегии, какими обладала Венеция. Такое предположение, как нам кажется, объясняет как отправление второго посольства, так и прибытие с этим посольством в Геную посланца Ватаца в 1239 г.¹¹⁴

Однако ко времени прибытия в Геную посла Никейской империи (не позднее 3 июля 1239 г.) генуэзская Коммуна заключила оборонительный союз с Венецией (зимой 1239 г.)¹¹⁵. Переговоры стали невозможными¹¹⁶, и до 1261 г. Генуя не стремилась к сближению. Наоборот, через 10 лет, в 1249 г., генуэзцы даже попытались отобрать Родос¹¹⁷.

Неудача никейско-генуэзских переговоров заставила Иоанна III пойти на дальнейшее сближение с германским императором, которое связано с женитьбой Ватаца в 1244 г. на дочери Фридриха Констанции, принявшей имя Анны¹¹⁸. Сам по себе этот факт был не причиной¹¹⁹, а следствием сближения двух правителей. Брак упрочил союз и придал ему большую значимость¹²⁰, ибо интересы обоих императоров во многом совпадали.

Оба они были враждебны к Латинской империи и папству, но по разным причинам: если Ватац хотел заставить папу не препятствовать возвращению Константинополя и признать патриарха Никей (тем самым существование латинского патриаршества в Константинополе теряло свой смысл), то Фридрих, унаследовавший «представление об императорской власти, как о неограниченной, дарованной богом власти римских императоров»¹²¹, хотел заставить отказаться Рим от честолюбивых замыслов, и ликвидировать Латинскую империю как орудие папского влияния на Востоке. Все это и определяло относительную прочность союза между ними, хотя в глазах папы один из них был всего лишь непокорным сыном церкви, посягающим на власть наследников престола св. Петра, а другой схизматиком и противником в деле воссоединения церквей¹²².

Относительная прочность союза между Фридрихом и Ватацем заключалась в том, что если первый мог достичь своей цели, лишь победив папство и опираясь только на свои силы и силы союзников (а отсюда верность союзу с Никеей), то Ватац мог завоевать Константинополь и добиться признания восточной церкви не только с помощью Фридриха, но и путем уступки со стороны Рима. Этот нюанс и определял политику Никейской

¹¹⁴ «Annali genovesi...», t. 3, p. 93.21-24-MGH.SS, t. 18, p. 190.22-24.

¹¹⁵ «Annali genovesi...», p. 92; G. L. F. Tafel und G. M. Thomas. Op. cit., p. 341—346; F. C. Hodgson. Op. cit., p. 82; W. Cohn. Die Geschichte der Sizilischen Flotte unter Regierung Friedrichs II (1197—1250). Breslau, 1926, S. 43.

¹¹⁶ «Annali genovesi...», t. 3, p. 93.24-25-MGH.SS, t. 18, p. 190.24-25; F. Dölger. Regesten, III, № 1766; M. Balard. Op. cit., p. 481—482; C. Caro. Genua und die Mächte am Mittelmeer, 1257—1311. Halle, 1895, S. 162. Anm. 2.

¹¹⁷ См. об этом ниже, прим. 140.

¹¹⁸ Согласно письму Фридриха II от 1243 г. (J. L. Huillard-Breholles. Op. cit., t. 6, pars 1, p. 147). «Большой хронике» (Matthaei Parisiensis Chronica Major, t. 4, p. 299), «Истории Англо» Матфея Парижского (Matthaei Parisiensis Historia Anglorum, éd. F. Madden, t. 2. London, 1868, p. 487) и Продолжателя Гийома Тирского (Continuator. Historia..., p. 557) первым предложение о браке сделал сам Фридрих через посольство Гелия Кортонского, главы ордена францисканцев; см. P. Gratien. Op. cit., p. 139—140. Датировку и литературу вопроса см. F. Dölger. Regesten, III, N 1779.

¹¹⁹ Неправа А. Гарднер (A. Gardner. Op. cit., 168), что это был «удобный случай для заключения союза между двумя антипапскими императорами».

¹²⁰ Это хорошо понимал папа Иннокентий IV. Поэтому среди обвинений против Фридриха, выдвинутых на Лионском соборе (июнь 1245 г.), фигурирует и этот брак с Ватацем, «врагом Бога и церкви»; см. J. L. Huillard-Breholles. Op. cit., t. 6, pars 1, p. 325-MGH.SS, t. 18, p. 491.42-48.

О враждебном отношении папы к этому союзу пишет и Матфей Парижский: Matthaei Parisiensis Chronica Major, t. 4, p. 299.

¹²¹ А. А. Васильев. Латинское владичество на Востоке. 1207—1261. Пгр., 1923, стр. 28; см. также: E. H. Kantarowicz. Kaiser Friedrich II und das Königsbild des Hellenismus. — «Varia Variorum. Festgabe für K. Reinhardt». Münster-Köln, 1952, S. 169—193; L. Allshorn. The Life of the Friderick II of Sicily..., 622—1492. New York, 1970, p. 62—65.

¹²² А. А. Васильев. Указ. соч., стр. 29; R. Guiland. Op. cit., p. 162.

империи в отношениях с Римом и Фридрихом. Иоанн III Ватац проводил гибкую политику лавирования, надеясь с помощью одного из двух непримиримых врагов достичь своей цели. Об этом хорошо знал папа и не упустил случая, чтобы посеять раздор между никейским и германским императорами¹²³.

Попытки посеять вражду между ними были предприняты папой вскоре после брака Ватаца с Анной. В 1247 г.¹²⁴ папа Иннокентий послал на Восток монаха — минорита Лаврентия. Прибыв в Никею к патриарху Мануилу, он сообщил ему о желании папы добиваться союза церквей. Истинной же его целью было поссорить Ватаца и Фридриха¹²⁵. Поссорить императоров ему не удалось, но предложение о союзе церквей было внешне положительно встречено в Никее. Ватац, только что закончивший успешные военные действия против латинян¹²⁶, мог бы, вероятно, и сам отвоевать Константинополь, но, опасаясь вызвать бурю на Западе и крестовый поход против него¹²⁷, решил пойти на переговоры с Иннокентием IV о союзе церквей, несмотря на недовольство Фридриха¹²⁸.

Но только ли боязнь крестового похода побудила Ватаца пойти на переговоры с Римом? Хотя источники и не содержат прямых указаний, можно с большой долей уверенности сказать, что главной причиной этого шага было сомнение в действенности союза с Фридрихом II. Десять лет союзных отношений не дали Никейской империи ничего. Не сулило перемен и будущее, так как положение дел германского императора в Италии оставляло желать лучшего, несмотря на некоторые успехи, подробно описываемые им в письмах к Ватацу¹²⁹. Поэтому последний, не порывая с Фридрихом, пошел на сближение с Римом. С этого времени начинается *второй период* во взаимоотношениях Иоанна III Ватаца с Римом.

Но Ватац не спешил, и только в марте 1249 г. в Лион, где находился папа, прибыл посланный Ватацем монах Салимбен¹³⁰. Он привез письма Ватаца и патриарха Мануила с просьбой прислать Иоанна Пармского для переговоров¹³¹. 28 мая 1249 г. Иннокентий IV отправил в Никею генерала ордена миноритов Иоанна Пармского, ревностного последователя Франциска Ассизского¹³². Исходя из письма, данного Иоанну Пармскому¹³³, папа не возлагал больших надежд на предстоящие переговоры в Никее. Но, по-видимому, их результат был более благоприятным, чем ожидал папа, и в мае 1250 г. Иоанн Пармский, получив письма от Мануила и Ватаца, уехал в Рим вместе с никейским посольством¹³⁴. Об отправлении Ватацем посольства мы узнаем из письма Фридриха к Ватацу¹³⁵. Германский император, узнав о посольстве 1249 г. к Ватацу, был очень

¹²³ J. Haller. Op. cit., S. 262.

¹²⁴ См.: L. Wadding. Annales Minorum, t. 3. Romae, 1732, p. 1247, № 8, 9, 10; ср. В. И. Барунок. Указ. соч., стр. 44 (в 1249 г.).

¹²⁵ E. Muralt. Essai de chronographie, t. I, p. 370.

¹²⁶ Acrop., I, p. 85.1—86.7; Matthaei Parisiensis Chronica Major, t. 4, p. 432.

¹²⁷ Балдуин опять отправился во Францию и Англию за помощью и собирал крестоносцев; см. Matthaei Parisiensis Historia Anglorum, t. 3, p. 24—25; кроме того, он посетил Испанию, где вел переговоры с орденом св. Жака о защите Константинополя; см. подробнее J. Longnon. L'empereur Baldouin II et l'Ordre de Saint Jacques.— Byz., t. 22, 1952, p. 297—299.

¹²⁸ Письмо Фридриха II Ватацу см. J. L. Huillard-Bréholles. Op. cit., t. 6, pars 2, p. 921—922.

¹²⁹ MM, t. III, 1865, p. 70—76.

¹³⁰ MGH.SS, t. 32, 1905—1912, p. 321.20-23.

¹³¹ Ibid., p. 304.24-27; «Chronicon Generalium», p. 697.20-24; F. Dölger. Regesten, III, N 1795; V. Laurent. Les Regestes, N 1311.

¹³² MGH.SS, t. 32, p. 305.5-10; P. Gratien. Op. cit., p. 239.

¹³³ E. Berger. Les Registres d'Innocent IV, vol. II. Paris, 1887, N 4749, 4780; G. N. Pertz. Op. cit., t. 2, N 13385—13386.

¹³⁴ MGH.SS, t. 32, p. 662.15-20. А. Милиаракис (Α. Μηλιαράκης. Op. cit., σελ. 399—400) путает это посольство с посольством 1253—1254 гг., см. F. Dölger. Regesten, III, N 1802—1804; V. Laurent. Les Regestes, N 1313.

¹³⁵ MM, t. III, p. 72; J. Dräseke. Theodoros Lascaris.— BZ, 3, 1894, S. 505.

недоволен сближением его с папой, «отцом лжи»¹³⁶, и просил Ватаца, чтобы он не посылал послов к папе без отцовской воли¹³⁷, т. е. без разрешения Фридриха. Вместо того, чтобы отправить послов к папе, о чем просил Ватац в своем письме, Фридрих, перевезя посольство из Диррахия в Брундизий, задержал его¹³⁸.

Как мы видим, Ватац даже не скрывал от Фридриха своего намерения пойти на союз церквей, если того требовали обстоятельства. Одновременно он не прекратил помощи Фридриху, надеясь, в случае победы последнего над папством в Италии, осуществить свои планы при содействии германского императора. Так, в 1248 г. он послал Фридриху большую сумму денег¹³⁹, а весной 1250 г. вскоре после разгрома генуэзцев на Родосе¹⁴⁰ и одновременно с посольством к папе, отправил большое конное и пешее войско в Италию на помощь Фридриху¹⁴¹.

13 декабря 1250 г. Фридрих II умер. Так закончился никейско-германский союз, не имевший большого практического значения для Никейской империи, ибо сын Фридриха Конрад, враждебно настроенный к близким родственникам императрицы Анны¹⁴², по существу разорвал союз с Ватацем. Правда, он освободил никейское посольство, задержанное его отцом, и оно смогло отправиться к папе в Перуджу, куда и прибыло в конце 1251 г.

Однако Ватац, не дождавшись известия о посольстве, начал в это время военные действия против Латинской империи и заставил Балдуина II вновь отправиться на Запад за помощью. Папа послал проповедников в Венецию призывать к крестовому походу против Никейской империи. Новая угроза крестового похода, разрыв отношений со Священной Римской империей, враждебность сицилийского короля Конрада и особенно опасность нашествия монголов, с которыми велись переговоры в Риме¹⁴³, вынуждали Ватаца пойти на союз церквей. Поэтому он отправляет к папе во второй половине 1253 г. посольство в составе митрополитов Георгия Кизикского и Андроника Сардского, а также игумена монастыря Оксейя, Арсения Авториана, будущего патриарха¹⁴⁴, с самыми широки-

¹³⁶ ММ, т. III, р. 73.

¹³⁷ Ibid., р. 74. «Ибо,— добавляет Фридрих,— в этих делах мы более опытные и их зло не останется незамеченным для нас» (ibid., р. 75).

¹³⁸ Ibid., р. 75. Папские легаты были отпущены и прибыли к Иннокентию IV в Лион, где он находился до апреля 1251 г.; см. *W. Norden*. Op. cit., S. 325.

¹³⁹ Об этом сообщает гуманист XV в. П. Колленуччио: *P. Collenuccio*. Compendio de le Istorie del Regno di Napoli, t. 1. Bari, 1929, р. 141.

¹⁴⁰ Генуэзцы, захватившие остров в тот момент, когда Иоанн Гавала, ставший после смерти своего брата Льва правителем Родоса, находился в Азии, были частью войска, которое французский король Людовик IX вел в Египет и Палестину. В конце 1249 — начале 1250 г. генуэзцы были окончательно изгнаны с острова, несмотря на помощь князя Ахайи Виллардуэна; см. *Acrop.*, I, р. 861—88.14; ММ, т. III, р. 72; *Ephraemi monachi imperatorum et patriarcharum recensces*. Bonnae, 1840, v. 8634; *H. Ahrweiler*. Op. cit., р. 322.

¹⁴¹ Письмо Фридриха к Михаилу II Ангелу от февраля 1250 г. о том, чтобы Михаил пропустил никейские войска через свою территорию и помогал им в пути до Диррахия, откуда они будут переправлены на кораблях в Брундизий (ММ, т. III, р. 69). О прибытии войск Ватаца он сообщает и в письме от апреля 1250 г. какому-то капитану и приказывает ему готовить корабли; см. *J. I. Huiland-Bréholles*. Op. cit., t. 6, pars 2, р. 76.

¹⁴² Конрад изгнал из Италии семью Ланчия, т. е. родителей Анны и Манфреда. Родные императрицы прибыли в Никею и были хорошо встречены Ватацем, особенно дядя Анны, Галвано Ланчия; см. *Ch. Diehl*. Op. cit., t. 2, р. 219—220.

¹⁴³ Еще в 1247 г. монгольские послы предлагали папе союз в борьбе с Ватацем; см. *Matthaei Parisiensis Historia Anglorum*, t. 3, р. 38—39; *P. Pelliot*. Les Mongles et la Parauté.— «Revue de l'Orient chrétien», t. XXIV, 1924, р. 225—335; t. XXVIII, 1931, р. 3—84.

¹⁴⁴ С ними также были комит Ангел и переводчик Феофил; см. *F. Schillmann*. Zur byzantinischen Politik Alexandre IV (1254—1261).— «Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte», t. 22, 1908, S. 115; *Acrop.*, I, р. 187.11; см. также: *F. Dölger*. Regesten, III, N 1812.

ми полномочиями¹⁴⁵. Ватац ставил условием союза церквей возвращение Константинополя, восстановление вселенского патриархата и отъезд латинского духовенства из города. В свою очередь, он признавал главенство папы, подтверждал его право созывать соборы и председательствовать на них, право принимать присягу православного духовенства, а также выполнять его указы, если они не противоречат канонам¹⁴⁶.

Никогда еще греческая церковь не шла на такие большие уступки. Вероятно, Ватац обещал патриарху, что после возвращения Константинополя он не станет их выполнять; на это были рассчитаны и многочисленные оговорки о соблюдении священных канонов.

Посольство¹⁴⁷, как уже говорилось выше, отправленное во второй половине 1253 г., было задержано Конрадом IV и только в начале лета 1254 г. достигло Рима, после переговоров с германским императором, которые велись папой зимой 1253—1254 гг.¹⁴⁸ В Риме никейские послы были торжественно встречены папой.

Рим вступал в новый, *четвертый период* взаимоотношений с Никеей. Иннокентий IV, отличающийся широкими взглядами¹⁴⁹, начал понимать, что основным препятствием для воссоединения церквей в настоящее время является не могущественная на Востоке Никейская империя и греческая церковь, а бессильная и беспомощная Латинская империя. Римская курия не видела возможности ее спасти. Поэтому папа приносил ее в жертву в обмен на союз с Никейской империей, с политическим значением которой теперь приходилось считаться не только всем балканским странам и государствам Юго-Восточной Европы, но и самому Риму. Кроме того, еще две причины заставляли папу принять предложение Ватаца. Во-первых, борьба Рима и германских императоров, продолжающаяся не одно десятилетие, поглотила почти все средства казны, подорвала престиж папства и не обещала ничего хорошего для него в ближайшем будущем¹⁵⁰. Поэтому для папства было важно при помощи союза с Никеей исключить возможность сближения Гогенштауфенов и Ласкарей. Во-вторых, монгольская опасность, угрожавшая не только Никейской империи, но и всей Западной Европе, пугала Иннокентия не меньше, чем Ватаца, и заставляла думать о создании на Востоке преград перед татаро-монголами¹⁵¹. Никейская империя могла быть одной из них.

В данной политической обстановке и при данном положении дел на Востоке, союз с Никеей нужен был *Риму*. Так, от непризнания империи до стремления заключить с нею союз, при условии ликвидации ла-

¹⁴⁵ Письмо патриарха Мануила папе см. *G. Hofmann. Op. cit.*, p. 67—70; о датировке см. *V. Laurent. Les Regestes*, N 1319.

¹⁴⁶ Письмо папы Александра IV к епископу Орвието см. *F. Schullmann. Op. cit.*, S. 115—119.

¹⁴⁷ Нам представляется ошибочным мнение А. Катанского (*A. Катанский. Указ. соч.*, стр. 110) и Ф. Дэльгера (*F. Dölger. Regesten*, III, № 1812), что никейское посольство отправилось в Рим вместе с Иоанном Пармским, посланным в Никее еще в мае 1249 г. Как мы писали выше, это посольство отправилось в Рим вместе с послами Ватаца весной 1250 г. и было задержано Фридрихом в Диррахии на некоторое время (*MM*, t. III, p. 75). В то же время, говоря о посольстве 1253 г., ни один источник не сообщает прямо, что в его составе были папские послы. Патриарх Мануил в своем письме к папе только благодарит его за посольство, переговоры с которым были успешными (*W. Norden. Op. cit.*, S. 757). Этих послов и эти переговоры можно или отождествить с папским посольством и переговорами 1249 г. (но ничто не говорит, что легаты еще были в Никее), или это новое посольство папы, что сомнительно, так как источники ничего о нем не сообщают.

¹⁴⁸ *W. Norden. Op. cit.*, S. 367.

¹⁴⁹ *J. Haller. Op. cit.*, S. 259. Противоположной точки зрения придерживается Ф. Л. Ганшаф: *F. L. Ganshaf. Op. cit.*, t. I, p. 176.

¹⁵⁰ *V. Laurent. Le pape Alexandre IV*, p. 29.32-33.

¹⁵¹ Начиная с 1245 г., Рим вел активные переговоры с татаро-монгольскими ханами, посылал посольства, стараясь отвести угрозу монгольского нашествия на Европу; см. *P. Pelliot. Op. cit.*; *L. Soranzo. Il papato, l'Europa christiana e i Tatars. Milano*, 1930, p. 1—206; *E. L. Lanshaf. Op. cit.*, p. 196.

тинского Константинополя, эволюционировало в течение полустолетия отношение папства к Никее.

Воссоединение церквей, возвращение Константинополя и тем самым восстановление Византийской империи, хотя и в урезанном виде, казалось, было уже решенным делом, ибо уже существовал устный договор между посольством Ватаца и папой, когда неожиданно умер Иннокентий IV. Еще раньше, 3 ноября 1254 г. умер Ватац. Переговоры были прерваны и греческое посольство возвратилось в Никею.

Новый император Никейской империи Феодор II Ласкарь (1254—1258), воспитанный на философии Аристотеля, видел назначение правителя в служении своему народу и нации, ради счастья и славы которых он должен, как и каждый подданный, жертвовать даже своей жизнью¹⁵². Похожий во многом по своим взглядам на Фридриха II Гогенштауфена¹⁵³, он занял совершенно иную, чем его отец, позицию в отношениях с Римом. Дело здесь не только в том, что он надеялся взять Константинополь собственными силами¹⁵⁴. Вопрос заключался в его понимании сущности отношений между церковью и правителем. Признавая главенство императорской власти над властью папы¹⁵⁵, Феодор отвергал подчинение Риму¹⁵⁶.

Вместе с тем неверно было бы думать (как это мы видим в литературе XIX и первой трети XX вв.)¹⁵⁷, что Феодор был противником переговоров с папством. Эта точка зрения опирается на единственное неверное сообщение Акрополита¹⁵⁸. Опубликованные документы позволяют утверждать, что он был не противником, а инициатором переговоров, но переговоров на совершенно иной основе, чем та, на которой они велись при Ватаце, а именно на основе признания равенства церквей и главенства в них императора¹⁵⁹. Поэтому, выслушав посольство Андроника Сард-

¹⁵² См. подробнее: *E. Lappa-Zizicas. Un Traité inédit de Théodore II Lascaris. — «Actes du VIe Congrès Internationale d'études Byzantines», I. Sofia, 1950, p. 119—126; N. Svoronos. Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle. — Ibid., p. 195—196.*

¹⁵³ Но едва ли он был полным «перевоспитанием Фридриха II» на ромейской земле, как думает В. Лоран (*V. Laurent. Le pape Alexandre IV, p. 34*), хотя можно не сомневаться во влиянии идей Фридриха на Феодора; очень показательна в этом отношении эпитафия на смерть Фридриха; см. *J. B. Papadopoulos. Op. cit., p. 183—189 = «Βυζαντις», 2, 1911—1912, p. 404—413.*

¹⁵⁴ Надгробная речь Феодора на смерть Ватаца см. *M. A. Andreeva. A propos de l'Eloge de l'empereur Jean III Batatzes par son fils Théodore II Lascaris. — «Seminarium Kondakovianum», X, 1938, p. 138.*

¹⁵⁵ Феодор требовал, чтобы император, а не папа в случае объединения церквей имел право созывать собор, председательствовать на нем и утверждать его решения; см. *Theodori Ducae Lascaris De processione spiritus sancti, ed. Swete. London, 1875; N. Festa. Theodori..., p. 210. — J. Dräseke. Theodoros II Lascaris. — BZ, 3, 1894, S. 510—14.*

¹⁵⁶ *N. Festa. Op. cit., p. 202—203; письмо кардиналу Петру Капаччо — Ibid., p. 209—210.*

¹⁵⁷ Хотя письма Феодора II Ласкариса были опубликованы Н. Фестой еще в 1898 г. (в том числе письма к папе Александру IV), а письма папы по поводу посольства в Никею епископа Константина Орвието — в 1908 г. (*F. Schillmann. Op. cit., S. 108—131*), однако вплоть до появления в 1935 г. статьи В. Лорана (*V. Laurent. Le pape Alexandre IV*) в литературе господствовало неверное представление о взаимоотношениях Никей и Рима в царствование Феодора.

¹⁵⁸ *Acrop., I, p. 139—24—140.2; см. V. Laurent. Le pape Alexandre IV, p. 41—42.*

¹⁵⁹ Мы не можем согласиться с точкой зрения Б. Алтанера (*B. Altaner. Op. cit., S. 17*), считающего, что никейский император руководствовался теми же мотивами, что и Ватац в 1232 г. Не говоря уже о совершенно другой политической обстановке в 1256 г., автор забыл об ином подходе Феодора II к переговорам с Римом, чем это было у его отца. К тому же инициатором переговоров 1234 г. был Рим, а не Никея. Вызывает сомнения и точка зрения В. Нордена (*W. Norden. Op. cit., S. 380*), принятая затем Р. Гийяном (*R. Guillard. Op. cit., p. 176*), что переговоры были начаты под воздействием определенной идеи — примирить христиан. Скорее прав А. Е. Вакалопулос (*A. E. Bakalopoulos. Op. cit., p. 40*), когда он говорит, что Феодор II ставил перед собой две цели: вернуть Константинополь и объединить всех греков. Союз с Римом, если бы он был заключен на основе, предложенной никейским императором, способствовал бы осуществлению этих целей.

ского, вернувшись из Рима в 1255 г., он остался недоволен результатом устного соглашения с Иннокентием IV¹⁶⁰ и вскоре (не позднее марта 1256 г.) посылает светское посольство — севаста Феодора Докиана и Димитрия Спарту, чтобы начать переговоры о возвращении Константинополя и воссоединения церквей на основе главенства в них императора¹⁶¹. Хотя посольство ставило чисто политическую цель — возвращение Константинополя, но ввиду того, что решение ее предполагало и объединение церквей (взгляды сторон на этот вопрос были совершенно противоположны), оно в конечном итоге было обречено на провал.

Папа Александр IV охотно пошел на переговоры и тотчас же по прибытии никейских послов (в июле 162) послал к Феодору епископа Константина Орвието, сторонника союза и хорошо владеющего греческим языком¹⁶³. Но если Феодор отвергал условия соглашения, выработанные его отцом, то папа настаивал на них как на основе переговоров¹⁶⁴. Папский легат прибыл в Фессалонику¹⁶⁵ не ранее праздника Воздвижения, т. е. 14 сентября¹⁶⁶, и встретился с императором Феодором. Там же находились и все представители церкви, так как они сопровождали императора, чтобы отпраздновать свадьбу его дочери с Никифором, сыном Михаила II Эпирского¹⁶⁷. Однако переговоры затянулись до декабря 1256 г.; причин было две: во-первых, условия договора, предложенные папой, были неприемлемы для Феодора¹⁶⁸, а во-вторых, внешнеполитическая обстановка была благоприятной для Nikei¹⁶⁹ и никейский император чувствовал, что и без унижительных условий объединения церквей овладеет Константинополем.

Однако после отправления Акрополитом легата из Веррии¹⁷⁰, Феодор пожелал, чтобы папа прислал новое посольство для переговоров, с условиями соглашения, соответствующими его интересам. В случае, если стороны придут к соглашению, он обещал собрать собор 500 епископов (что было нереально) и ликвидировать схизму¹⁷¹. Неизвестно, каков был от-

¹⁶⁰ Письмо Феодора к Влеммиду см *N Festa Op cit*, p 24 8-13; «требования папы предписывают для нас послушание» (*ibid*, p 24 21-22); несмотря на уверенность Андроника, гордого своими успехами, Феодор считал это соглашение нереальным (*ibid.*, p 24.25-26).

¹⁶¹ Письма Александра IV к епископу Орвието и Феодору Ласкарию см *F Schillmann Op cit*, S 113, 118, 121; см также: *N Festa Op cit*, p 201—202

¹⁶² Среди документов Александра IV, датированных маем-июлем, находится поручение епископу, которое А Потхаст (*Regista Pontificum*, t 2, N 16485) датирует 15 июля.

¹⁶³ *R. Burkhard Die Union zwischen der griechischen und der lateinischen Kirche auf dem II Konzil von Lyon (1274) Bonn, 1964, S 45—46* Он мог созывать собор и председательствовать на нем от имени папы, отпускать грехи и т д см *F. Schillmann. Op. cit*, 129—130

¹⁶⁴ *F Schillmann Op cit*, S 115 Папа полагал, что монгольская угроза заставит Феодора пойти на объединение см *ibid*, S 114

¹⁶⁵ *C N Sathas Bibliotheca graeca medii aevi, t 7 Leipzig, 1894, p. 529.14.* Предположение Ф. Дэльгера (*F Dolger Regesten, III, N 1835* — он не использует свидетельство Скутариота), что папский легат, прибыв в Nikeю и узнав о том, что император еще весной отправился в Македонию (*Acrop*, I, p 124 25), остался в Nikee и отправился к императору только осенью, прибыв в декабре в Веррию (*Acrop*, I, p 139 24), представляется нам мало основательным

¹⁶⁶ На основании повествования Акрополита: *Acrop*, I, p. 132—133.

¹⁶⁷ Письмо патриарха Арсения папе — cod. Vatic gr 1409, f. 369; отрывок приведен у В Лорана: (*V Laurent Le pape Alexandre IV, p. 43, n 3* Издано. *Th Haluscynsky-M. M Wojhar. Acta Innocentii papae IV. Romae, 1962, p 133—136* (нам недоступно); см *V Laurent Les Regestes, N 1332*

¹⁶⁸ Письмо Феодора кардиналу Петру Капаччо см *N Festa Op cit*, p. 210 Легат, проявивший большую осторожность к предположениям Феодора, не хотел идти ни на какие изменения устного соглашения в сторону предоставления больших прав православной церкви, хотя и не прерывал переговоры, следуя указанию папы. Поэтому Арсений и писал, что легат был назначен принимать, но «не имел полной власти, чтобы что-то делать взамен»; см *V. Laurent Le pape Alexandre IV, p 47.*

¹⁶⁹ *Acrop*, I, p 1199 19

¹⁷⁰ *Acrop*, I, p 139.24-140 1

¹⁷¹ *V Laurent. Le pape Alexandre IV, p. 54*

вет папы ¹⁷², но с этого времени и до отвоевания Константинополя активных контактов между Римом и Никеей, по-видимому, не существовало.

Правда, последний никейский и первый император восстановленной Византийской империи Михаил VIII Палеолог, после того, как он отстранил законного наследника престола, сына Феодора II — Иоанна IV и стал в начале 1259 г. ¹⁷³ единоличным правителем, пытался завязать отношения с Римом ¹⁷⁴, но, вероятно, не столько с целью союза (хотя Палеолог и говорит о нем ¹⁷⁵), сколько с целью нейтрализации неблагоприятного впечатления у Рима в связи с его незаконным воцарением. Ответом на это послание было молчание Рима, однако в апреле 1261 г. Александр IV послал Михаилу Палеологу письмо с просьбой освободить двух венецианских купцов со всем их имуществом, которых Палеолог ранее задержал ¹⁷⁶.

Итак, в ходе полустолетних взаимоотношений Никейской империи и Рима основной вопрос — возвращение Константинополя — не был решен. Исследовав характер этих взаимоотношений, мы можем выделить несколько периодов во внешнеполитической деятельности той и другой стороны.

Никейская империя

Первый период (1204—1214 гг.). Обращение Феодора I Ласкаря с просьбой к Риму о заключении мира с Латинской империей и признании нового государства.

Второй период (1215—1222 гг.). Стремление Феодора I к союзу церквей, в надежде с его помощью вернуть Константинополь.

Третий период (1223—1247 гг.). Нежелание союза с Римом, так как Иоанн III Ватац не надеялся, что папство ликвидирует Латинскую империю. Отсюда — заключение союза с императором Священной Римской империи Фридрихом II Гогенштауфеном.

Четвертый период (1248—1254 гг.). Постепенный отход от прежней точки зрения на союз с Римом и заключение устного соглашения об унии церквей и ликвидации Латинской империи.

Пятый период (1255—1258 гг.). Новый взгляд Феодора II Ласкариса на вопрос о воссоединении церквей, в основе которого лежало мнение о главенстве императора над папой, взгляд отвергнутый Римом.

Рим

Первый период (1204—1214 гг.). Непризнание нового государства в Малой Азии.

Второй период (1215 — начало 30-х годов). Формальное признание Никейской империи.

Третий период (начало 30-х — начало 50-х годов). Стремление Рима к союзу церквей и расторжению никейско-германского союза при поддержке Латинской империи.

¹⁷² В. Лоран (*V. Laurent. Le pape Alexandre IV*, p. 55) предполагает, что Александр ограничился простой присылкой курьера, чтобы поддерживать отношения, но не более.

¹⁷³ См. *D. J. Geanakoplos. Michael Palaeologus and the West. 1258—1282. A Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge, 1959*, p. 50—59; *idem. The Nicene Revolution of 1258 and usurpation of Michael VIII Palaeologues. — «Traditio», IX, 1953*, p. 420—430; *P. Wirth. Die Begründung der Kaisermacht Michaels VIII Palaiologos. — JÖBG, 10, 1961*, S. 85—91.

¹⁷⁴ В письме Михаила к папе Клименту IV от 1267 г. (писем до 1261 г. не сохранилось) византийский император писал: «Когда я взял в руки весло империи, я тотчас же послал «посольство к папе»; см. *N. Festa. Lettera inedita del imperatore Michele VIII Paleologo al pontefice Clemente IV. — «Bessarione», t. 5, 1899*, p. 48.

¹⁷⁵ *N. Festa. Lettera inedita*, p. 48.

¹⁷⁶ *E. Ricotti. Liber Jurium Republicae Genuensis, I. — «Historiae patriae monumenta», t. 7. Turin, 1854*, p. 1345.

Четвертый период (начало 50-х годов — 1261 г.). Изменение политики в отношении Константинополя и согласие заключить унию на основе ликвидации Латинской империи при главенстве папы в православной церкви.

Как уже говорилось выше, союз со Священной Римской империей не дал Никее никаких серьезных выгод. Еще при Ватаце, в 1254 г. в Никее прибыло от Конрада IV посольство маркиза Бартольда Гогенбурга¹⁷⁷ с целью побудить Ватаца изгнать членов семьи Ланция, напавших приют при никейском дворе. Конрад опасался, что Галвано Ланция, уже ранее бывший в Никее в составе посольства от Фридриха II¹⁷⁸ и имевший хорошие отношения с Ватацем, побудит последнего к союзу с Манфредом Тарентским. Как показали дальнейшие события, опасение было малоосновательным. Даже когда Галвано стал при Манфреде министром¹⁷⁹, а другой член семьи Ланция, Фридрих — правителем Калабрии¹⁸⁰, отношение Манфреда к Никее не изменилось и оставалось по-прежнему враждебным. К тому же, даже если бы предложение о союзе с Манфредом и последовало, Ватац едва ли в этот решительный момент переговоров с Римом отважился бы заключить союз с врагом папства. Переговоры маркиза с Феодором II Ласкарем¹⁸¹, продолжавшиеся с мая 1254 г.¹⁸² вплоть до смерти Конрада, не дали, по-видимому, положительных результатов, и Гогенбург уехал в Италию, чтобы добиваться опекуна над сыном Конрада¹⁸³.

Отношения с сицилийским королевством при Манфреде еще более ухудшились. Манфред стал открытым врагом империи. Но не следует удивляться столь резкой перемене отношения сицилийского короля к Никее: укрепив свои позиции в Италии, Манфред стал проводить более активную политику на Балканах, имея в виду, в конечном счете, Константинополь, так как завоевание Византии было традиционной политикой норманнов (Роберт Гвискар, Боэмунд Рожер II, Генрих VI). Однако он не осмелился один начать военные действия против Никей¹⁸⁴, а присоединился к антиникейской коалиции эпирского деспота Михаила II и князя Ахайи Гийома Виллардуэна с тем, чтобы использовать этот союз и завоевания на Балканах как трамплин для захвата Константинополя. Но этим планам не суждено было сбыться. Их похоронила битва при Пелагонии¹⁸⁵, которая одновременно устранила последнего противника в борьбе за византийское наследство — Эпирский деспотат. Михаил VIII направил всю свою деятельность на овладение Константинополем.

Латинская империя доживала последние дни, и это хорошо понимала Генуя. Желая вернуть свои прежние привилегии в Константинополе, (а кроме того, и на Черном море, куда перемещались торговые пути после завоевания монголами Передней Азии¹⁸⁶), лишить венецианцев всех их

¹⁷⁷ О посольстве маркиза Гогенбурга сообщают многие письма Феодора II; см *N Festa Theodori*, p 1, 67, 117, 140, 150, 159, 162, 166, 172, 181, 283, *Nicola de Jamsilla* Op. cit., p 506

¹⁷⁸ *Nicola de Jamsilla*. Op. cit., p 506.

¹⁷⁹ *Ibid*, p 507

¹⁸⁰ *Ibid*, p 508

¹⁸¹ Ватац был очень болен и переговоры вел Феодор, см *N Festa Theodori*, cap. CLXXX, 1—4

¹⁸² *Ibid*, CXXV

¹⁸³ *J B Papadopoulos* Op. cit., p 53

¹⁸⁴ См *F Sheider* Eine Quelle für Manfreds Politik — «Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken», t 24 Rome, 1932—1933, S 112—123

¹⁸⁵ Подробнее см *D J Geanakoplos* Greco-latin relations on the Eve of the Byzantine Restoration, the Battle of Pelagonia — *DOP*, 7, 1953, p 105—140; *idem* Michael Palaeologue, p 50—74; *M Dendias* Le roi Manfred de Sicile et la bataille de Pélagonie — «*Mélanges Ch Diehl*», t I Paris, 1930, p 58—60

¹⁸⁶ *Е Ч Сяржинская* Генуэзцы в Константинополе в XIV столетии — ВВ, I (26), 1947, стр 22

владений на Востоке¹⁸⁷ и тем самым отомстить Венеции за поражение в войне 1256—1258 гг.¹⁸⁸, Генуя сама предложила союз Палеологу¹⁸⁹. Император принял предложение Генуи, так как неудачная осада весной 1260 г. Галаты явственно показала ему, что для взятия Константинополя, кроме сухопутных войск, необходим хорошо вооруженный флот¹⁹⁰. Сыграли свою роль и слухи, что папа присылает войска на помощь Константинополю¹⁹¹; они имели под собой основание, так как в мае 1260 г. дож Венеции просил латинских баронов Крита, Негропонта и Ахайи создать постоянное войско в 1000 человек для защиты Константинополя¹⁹². Эта просьба, наверное, не была выполнена. К тому же на данном этапе Генуя была естественным союзником Палеолога в борьбе с Латинской империей¹⁹³, хотя и преследовала свои далеко идущие планы.

Посланные генуэзской коммуной в конце 1260 г. с неограниченными полномочиями Гвиллермо и Гварнеро заключили 13 марта в Нимфее договор с Палеологом¹⁹⁴. Подписанный Палеологом 28 апреля 1261 г. текст договора¹⁹⁵ был отправлен в Геную с никейским посольством в составе паракимомена Исаака Дуки, дяди императора, Феодора Кривикиота и архидиакона Льва¹⁹⁶.

Нимфейский договор¹⁹⁷, ратифицированный 10 июля 1261 г. в Генуе¹⁹⁸, является своеобразной параллелью знаменитому хрисовулу 1081 г. в пользу венецианцев и по византийской терминологии (*presens privilegium de aurea bulla imperii nostri*) должен был также именоваться хрисовулом¹⁹⁹. Исходя из содержания статей, можно с уверенностью сказать, что Палеолог заключал договор не столько с целью завоевать Константинополь, сколько ради того, чтобы совершенно изгнать венецианцев и обеспечить содействие Генуи на длительное время. Он давал последней больше привилегий, чем их имела Венеция в Латинской империи. Представлял ли себе император, что, избавившись от одного врага, он сам открывал двери перед другим? Думается, что роковые последствия этого договора, которые могли возникнуть (и которые возникли), не были учтены, и Михаил VIII руководствовался в первую очередь необходимостью решения насущных проблем.

Договор гарантировал Генуе полную свободу торговли на всей Византийской территории и в Черном море²⁰⁰. Никея тем самым подрывала свою собственную торговлю, так как византийские купцы могли не выдержать конкуренции с Генуей. Предоставляя Лигурийской республике право организовать свои фактории в Смирне, Алеа, Адрамитии, на Хиосе, Лесбосе, в Фессалонике, Сосандрах, а также на Евбее и Крите, которые еще

⁸⁷ «La civiltà veneziana del secolo di Marco Polo». Venezia, 1955, p. 55.

⁸⁸ См. Н. П. Соколов. Борьба Венеции за преобладание на Востоке с западными итальянскими республиками в XII и XIII веках. — «УЗ Горьковского гос. университета», историко-филологическая серия 46, 1959, стр. 69—70.

¹⁸⁹ *Martin de Canale*. Op. cit., p. 480. «Помня венецианские обиды, генуэзцы не останавливались ни перед чем для того, чтобы создать трудности для своих противников», — поясняют генуэзские анналы («Annali genovesi...», t. 4, p. 41). О прибытии генуэзских послов сообщает и греческий источник; см. X. Σιδερίδης. Μανουήλ Ὁλεβώλου ἐγκώμιον εἰς τὸν αὐτοκράτορα Μιχαὴλ Η' τὸν Παλαιολόγον. — ΕΕΒΣ, 3, 1926, σελ. 186.

¹⁹⁰ *Pachym.*, I, p. 122.1-10; *H. Ahrweiler*. Op. cit., p. 329.

¹⁹¹ *Pachym.*, I, p. 124.4-12.

¹⁹² *W. Norden*. Op. cit., S. 759.

¹⁹³ Уже еврейский конфликт 1256—1260 гг. с участием Генуи, Венеции, Ахайи и Латинской империи показал Палеологу, что в борьбе с латинянами и их союзниками он может рассчитывать на помощь Генуи; см. *F. Thiriet*. Op. cit., p. 102—103.

¹⁹⁴ «Annali genovesi...», t. 4, p. 41.22-42.5-MGH. SS, t. 18, p. 242.32-39.

¹⁹⁵ *E. Ricotti*. Op. cit., p. 1345—1346.

¹⁹⁶ *Ibid.*, p. 1346a; «Annali genovesi...», t. 4, p. 42. 14-20-MGH. SS, t. 18, p. 242.44-49.

¹⁹⁷ Лучшее издание текста договора см.: *C. Manfroni*. Op. cit., p. 791—809.

¹⁹⁸ *E. Ricotti*. Op. cit., p. 1350—1359; *Martin de Canale*. Op. cit., p. 480; «Annali genovesi...», t. 4, p. 42.

¹⁹⁹ *C. Manfroni*. Op. cit., p. 792; *Е. Ч. Скржинская*. Указ. соч., стр. 221—222.

²⁰⁰ *C. Manfroni*. Op. cit., p. 792—793, 796.

предстояло завоевать²⁰¹, Михаил Палеолог тем самым как бы вводил в здоровое тело ромейского государства болезнетворные бактерии, которые и стали одной из причин его гибели. А передача прав на венецианское наследство как в Константинополе, так и в других районах империи²⁰² и изгнание из всех портов венецианских кораблей²⁰³ имели временный характер, ибо вскоре Палеологу пришлось предоставить Венеции те же привилегии, что и Генуе.

Обязательства генуэзской коммуны на фоне этих широких привилегий были более чем скромными: послать флот для отвоевания Константинополя, вооружить 50 судов за счет Никеи²⁰⁴ и предоставить греческим купцам незначительные торговые привилегии в Лигурии²⁰⁵. Но вооруженная помощь Генуе не понадобилась, так как когда 6 кораблей и 10 галер²⁰⁶ подошли к Константинополю, он был уже в руках ромеев и вновь стал византийской столицей.

«Помощь» Генуи при взятии Константинополя символизирует отношения Запада к Никейской империи. Как обращение к Риму, так и союз с Фридрихом и Генуей в конечном счете не принес Никейской империи никаких практических результатов. Наоборот, именно союз с Генуей, а затем и с Венецией явился одной из причин подчинения не только всей экономической жизни Византийской империи итальянским республикам, но и ее политической беспомощности. В то же время для ее союзников отношения с империей были полезны и необходимы. Мы не имеем в виду политическое значение этих соглашений для Никейской империи — они поднимали ее роль в международных отношениях, а это в свою очередь, отражалось на характере ее отношений с папством, Гогенштауфенами и итальянскими республиками. Однако то, что Никейской империи удалось победить своих соперников и вернуть Константинополь, — заслуга не Запада, а результат ее собственного экономического и политического развития, активной дипломатической и военной деятельности энергичных никейских императоров, результат ее внутреннего роста и силы.

---

²⁰¹ *C. Manfroni*. Op. cit., p. 793, 795.

²⁰² *Ibid.*, p. 794—795

²⁰³ *Ibid.*, p. 794

²⁰⁴ *Ibid.*, p. 798.

²⁰⁵ *Ibid.*, p. 797.

²⁰⁶ *C. Chapman*. Op. cit., p. 43. Нельзя согласиться с точкой зрения (*L. Serra*. *La Storia della antica Liguria e di Genova*, t. 2. Torino, 1834, p. 132), что Палеолог взял небольшое количество кораблей, потому что был в финансовом затруднении (он должен был платить за вооружение и экипировку экипажа). Даже при его «щедрости» (*Pachym.*, I, p. 71.15-20) он не мог так быстро истратить те огромные запасы, которые накопили императоры Иоанн III Ватац и Феодор II. В этот момент он еще не думал о решительном штурме Константинополя (взятие его Алексеем Стратигопулом было для императора неожиданностью), а поэтому и взял у Генуи пока небольшое количество кораблей.

П. ТИВЧЕВ

ЛЕОНТИЙ МАХЕРА КАК ИСТОРИК КИПРА *

В хронике Леонтия Махеры, наряду с неприязненным отношением к борьбе народных масс, просматривается и традиционное для византийской историографии, под влиянием которой, несомненно, находился наш хронист, пренебрежительное отношение к чужеземным народам, враждебно настроенным к Кипру. Разумеется, здесь мы можем говорить только об известном влиянии в этом направлении: в полной мере византийское отношение к «варварам» проявиться не могло, так как условий для этого уже не существовало. Леонтий Махера сохраняет это отношение прежде всего к арабам и туркам.

Как уже было отмечено, Кипрское королевство занимало особое место в связях между Востоком и Западом. Возникшее в результате крестовых походов, оно продолжало политику западных феодальных государств и папства по отношению к мусульманским странам. Это маленькое государство получало поддержку и помощь от западных феодальных монархий, но очень часто было вынуждено и само отражать натиск турок и арабов. Леонтий Махера неоднократно пишет, что Кипр является «скалой в море, окруженной врагами, с одной стороны турками, с другой — арабами». В лице этих народов он видел злейших врагов христианства и Кипра. С чувством большого удовлетворения он сообщает о поражениях, которые турки терпели от кипрских войск, об опустошениях турецких областей, о взятии в плен или сожжении турецких кораблей и т. д.¹

Арабы называются в хронике «ворами» (οἱ κλέφτες Σαρακηνοί)², каирский султан — «диким волком» (ὁ λύκος ἄγριος)³ или «собакой-султаном» (τὸ σκύλλου τοῦ σουλτάνου)⁴. В другом месте читаем: «Теперь мы расскажем о трижды проклятом султани, который не хотел заключить мир...»⁵ Турки часто называются «неверными»⁶.

Значительная часть хроники вообще занята отношениями между Кипрским королевством, с одной стороны, и турками и арабами — с другой. Это показательно для определения того места и значения, которое имели мусульманские страны во внешней политике Кипра, а также западных государств. Уделено внимание и экономическим, особенно торговым, связям с Сирией и другими странами Леванта. Весьма обстоятельно рассказывается о том, сколько человек и кто именно были посланы в качестве послов для переговоров с султаном, раскрывается тонкая дипломатиче-

* Окончание. Начало см. ВВ, 35, 1973, стр. 165—180.

¹ *Leontios Makhairas. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus entitled Chronicle.* Edited with a translation and notes by R. M. Dawkins, I. Oxford, 1932, p. 124. 9—26, p. 132.7—134.12; p. 158.30—160.6 и т. д.

² *Ibid.*, p. 200.21.

³ *Ibid.*, p. 186.6.

⁴ *Ibid.*, p. 214.17—18.

⁵ *Ibid.*, p. 272.16—17.

⁶ *Ibid.*, p. 134.9 и др.

ская игра как со стороны восточных государей, так и киприотов, вмешательство генуэзцев и венецианцев, приводятся тексты заключенных мирных договоров и т. д. Хотя Леонтий Махера считает мусульман естественными врагами Кипра, он понимает выгоду от торговли с Востоком, то, что, благодаря этой интенсивной торговле, Кипр процветал. Вот почему он не ограничивается изложением только военного аспекта сложных взаимоотношений Кипра с арабами. Несмотря на ненависть к ним, он чувствует необходимость отметить, что торговцы из Фамагусты очень обрадовались, когда узнали, что будет заключен мир с Каирским султаном (1369—1370 гг.)⁷. Он сообщает также, что 24 ноября 1414 г. с *большой торжественностью и радостью* было объявлено о заключении мирного договора с Сирией. Многие аристократы и часть населения встретили это известие с недовольством⁸. По всей вероятности, это были не представители торговой среды, а лица, заинтересованные в продолжении военных действий, приносящих им добычу и рабов.

Следует отметить, что в целом отрицательное отношение в хронике к восточным народам имело в основе своей соображения религиозного характера. Для Леонтия Махеры турки и арабы оставались представителями чуждой, глубоко враждебной христианству, религии.

Посмотрим теперь, каково было отношение автора к христианским народам. Надо сказать, что к некоторым из них он проявляет понятную ненависть, поскольку они были торговыми соперниками или врагами Кипра. В хронике постоянно отмечается, например, алчность и вероломство генуэзцев. Нет более завистливых народов, по мнению хрониста, чем генуэзцы и армяне; за это они были наказаны богом. «Армяне владели двумястами крепостями и селами, но из-за зависти их потеряли,— пишет он.— Будем молить бога, чтобы то же случилось и с генуэзской общиной»⁹.

Генуэзская республика сыграла пагубную для Кипрского королевства роль. Как известно, в правление короля Петра I кипрское государство достигло значительных внешнеполитических успехов. Благодаря деятельности, которую развил этот энергичный король, в пределы его государства были включены новые территории (например Атталиа и др.). Некоторые турецкие эмиры признали себя его вассалами (например эмиры Алайи и Моновгата)¹⁰.

Война с Генуэзской республикой в 1373—1374 гг. основательно подорвала экономическую и военную мощь Кипра. Из-за генуэзского нападения пришлось отозвать для усиления обороноспособности острова военные гарнизоны из крепостей на захваченных турецких территориях и бросить последние на произвол судьбы. В связи с уступкой города Атталии туркам Леонтий Махера пишет, что это случилось из-за генуэзцев. «Вернуть такую прекрасную крепость туркам было большим позором для христиан»¹¹.

Вследствие генуэзского вторжения пострадало население острова. Генуэзцы грабили и жгли, много людей было убито или убежало в горы. Враги захватили «прекрасную Фамагусту и благородную Левкосию». Помимо прямого грабежа, при заключении мирного договора с королевством они наложили тяжелую контрибуцию, которая поглощала большую часть средств кипрского государства.

Грабительский характер войны со стороны Генуи был ясен Леонтию. Во время генуэзского вторжения совершались не только грабежи; многие киприоты были погублены самым жестоким образом (четвертованы, сожжены и т. п.). Генуэзские войска, чтобы подавить сопротивление кипрского населения, выносили тяжелые приговоры, и экзекуции проводи-

⁷ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 284.1—10.

⁸ *Ibid.*, p. 628.22—27.

⁹ *Ibid.*, p. 510.21—26.

¹⁰ *Ibid.*, p. 108.8—15.

¹¹ *Ibid.*, p. 346.16—25.

лись с характерной для того времени суровостью. Особенно остро реагировали генуэзцы на попытки отвоевать Фамагусту. Греческие заговорщики, которые действовали в оккупированном городе, были убиты, четвертованы, и части их тел были выставлены на улицах города для устрашения населения¹².

Генуэзцы обрисованы как люди алчные, вероломные, которые с легкостью нарушали свои клятвы и заключенные соглашения. Так, например, генуэзский адмирал Пиетро ди Кампо Фрегозо, совместно с группой генуэзских капитанов, дал торжественную клятву в церкви св. Николая в Фамагусте, что они вступят в город только для переговоров с королем и королевой. Однако вскоре после этого генуэзцы арестовали короля и захватили обманом крепость: «И генуэзцы, адмирал и капитаны поклялись королю и аристократам, что они вступят в крепость для переговоров и что пусть будет, как то даст бог. И когда происходила литургия, они взяли короля, его мать и принца (антиохийского принца Жана Лузиньяна, дядю короля Петра II. — *П. Т.*) и отправились во дворец для переговоров. А затем генуэзцы вышли один за другим наружу и оставили только троих государей — короля, его мать и принца. И они закрыли их внутри и оставили без пищи и воды на весь день...»¹³

Генуэзцы неоднократно проявляли подлость. Вопреки обещанию сохранить безопасность во время ведения переговоров конетаблю Жаку Лузиньяну, одному из энергичных и смелых защитников острова, они предательским образом захватили его и заключили на долгие годы в Генуе¹⁴.

Вражда с генуэзцами продолжалась и после заключения мирного договора; кипрские короли несколько раз предпринимали попытки вернуть Фамагусту, но все они, из-за предательства, заканчивались неудачно. В одной из них участвовал и брат Леонтия — Петр Махера¹⁵.

Леонтий Махера подчеркивает и то, что генуэзцы подбивали каирского султана к походу против Кипра, чтобы тем самым ослабить королевство и лишить киприотов возможности вернуть себе Фамагусту¹⁶.

Причин для ненависти, которую Леонтий Махера питал к генуэзцам, имелось, как мы видим, достаточно.

Свое повествование о других, также не менее опасных торговых конкурентах — венецианцах Леонтий Махера ведет в более спокойном тоне.

Венецианцы тоже грубо вмешивались во внешнюю политику Кипрского королевства. Чтобы не пострадала их торговые интересы, они сорвали уже подготовленный поход кипрского короля против турок¹⁷. В другом случае венецианцы тайно отправили послов к каирскому султану, чтобы сообщить ему, что нападение христианского флота произошло без их ведома и они в этом не виновны¹⁸. Преждевременное разглашение венецианцами новости о том, что в 1366 г. с султаном будет заключен мир, нанесло, согласно хронисту, большой вред христианам. Многие из западных государей, которые имели намерение отправиться в поход против арабов, отказались от этого¹⁹.

Причина более мягкого отношения Леонтия Махеры к венецианцам заключается в том, что они были заклятыми врагами Генуи и их вражда с нею была, естественно, благоприятна для Кипра. Во время одного нападения венецианского флота, генуэзцы в Фамагусте были так сильно напуганы, что едва не отдали город киприотам²⁰.

¹² *L. Makhairas Op. cit.*, I, p. 612.28—614.2.

¹³ *Ibid.*, p. 394.25—396.14; p. 396.15—404.10.

¹⁴ *Ibid.*, p. 542.1—544.11.

¹⁵ *Ibid.*, p. 616.10—618.24, n. 5.

¹⁶ *Ibid.*, p. 652.1—7.

¹⁷ *Ibid.*, p. 156.28—158.15.

¹⁸ *Ibid.*, p. 156.11—21.

¹⁹ *Ibid.*, p. 162.18—28.

²⁰ *Ibid.*, p. 580.18—584.14.

С венецианской помощью было собрано наемное войско из ломбардцев, немцев, французов, критян, венгров и англичан и отвезено на Кипр. Вмешательство этого наемного отряда оказалось решающим для спасения королевства в его борьбе с генуэзцами²¹.

Излишне говорить, что в хронике чувствуется теплое отношение к Византии и византийцам: киприоты являлись частью греческой народности и византийской религиозной общности. Леонтий подчеркивает, что латиняне ненавидели ромеев, т. е. греков. Он выражает недовольство тем, что предложение византийского императора Иоанна Палеолога выдать свою дочь замуж за кипрского короля Петра II было отвергнуто. Это произошло, пишет он, из-за старой ненависти, которая существовала между франками и ромеями.

Под тем предлогом, что в это время король вел войну с генуэзцами, предложение византийского императора было дипломатично отклонено. Причиной отказа явилось и скрытое соперничество между некоторыми латинскими аристократами, которые сами надеялись породниться с королем. Они даже приготовили большое приданое, пишет Леонтий Махера, но «все захватили генуэзцы»²².

В хронике уделяется внимание и византийской истории. Когда савойский граф Амедей, который имел намерение воевать против арабов, узнал от венецианцев, что между кипрским королем и каирским султаном будет заключен мир, он отправился помогать византийскому императору — своему племяннику. «Милостью всемогущего бога, император разбил турок и захватил много земель, которыми те владели»²³.

Мы уже видели, как относился Леонтий Махера к православию и православному духовенству.

Вся хроника проникнута глубоким патриотическим чувством. События, которые непосредственно касаются о. Кипра, передаются с позиций патриота, каким, несомненно, был Леонтий Махера.

С этой точки зрения интересны эпитеты, которые он употребляет по отношению к Кипру, к кипрским городам. Вот заглавие его произведения — «Повесть о *сладкой земле Кипр*». Хроника начинается фразой: «Во имя милосердного бога и пресвятой троицы, мы решили рассказать о *миллой земле Кипр*»²⁴. Он часто говорит с восхищением о главных городах Кипра — «чудесной Фамагусте и благородной Левкосии»²⁵.

Хронист гордится успехами и победами киприотов и, напротив, выражает свое огорчение по поводу их поражений или каких-нибудь несчастий.

В хронике рассказываются случаи проявления героизма со стороны киприотов. Генуэзцы, ограбив столицу Кипра Левкосию во время войны 1373—1374 гг., погрузили на телеги и верблюдов добычу (ткани, серебро и золото) с намерением отправить ее в Фамагусту. Один кипрский мальчик, который участвовал в погрузке добычи, тайком отправился в Кирению и рассказал об этом конетаблю Жаку Лузиньяну. Он сообщил также, что охрана, которая должна была сопровождать караван с добычей, состояла из 500 человек. «Я — киприот, и поэтому пришел сообщить тебе об этом (*καὶ διατὶ εἶμαι Κυπρίωτης ἦλθα νὰ σοῦ τὸ πολίτω νόσιον*), — пишет Леонтий»²⁶. Благодаря своевременно полученному известию, Жак Лузиньян, вместе с отрядом в 500 человек, в котором было много и болгар,

²¹ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 552.9—554.11.*

²² *Ibid., p. 326.5—330.32.*

²³ *Ibid., p. 162.18—28.* Амедей VI воевал также против болгар — по просьбе Византии он совершил нападение на болгарские черноморские города; ср. *Л. В. Горина. Походът на граф Амедей VI Савойски против България през 1366—67 гг. — «Исторически преглед», XXVI, 1970, кн. 6, стр. 71—78.*

²⁴ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 2.1—3.*

²⁵ *Ibid., p. 474.8—9.*

²⁶ *Ibid., p. 438.4—15.*

устроил засаду, разбил генуэзцев и отнял награбленные в Левкосии богатства²⁷.

Хроника изобилует эпизодами героической обороны о. Кипр от генуэзцев. Особенную храбрость проявили киприоты при защите важной крепости Кирении. Осада велась генуэзцами с помощью большой боевой техники, по правилам и требованиям тогдашнего военного искусства. Атаки на Кирению проводились с суши и с моря. Гарнизон страдал, помимо этого, и от недостатка продовольствия. Среди защитников Кирении было много болгар, на которых возложили особые задачи: захват генуэзского конвоя с продуктами и оружием, сожжение с помощью греческого огня или выведение из строя стенобитных машин и т. п.²⁸

Леонтий Махера рассказывает об ожесточенных боях между киприотами и генуэзцами, об успехах защитников крепости. Ему доставляет удовольствие подчеркнуть, что осаждающие испугались и отклонили предложение устроить единоборство с лучшими рыцарями Кирении²⁹. «С помощью божьей киприоты всегда одерживали победу!» — восклицает хронист³⁰.

Леонтий понимал, что латинское господство тяготит местное греческое население, что последнее находится в подчиненном положении. Латинские государи со своей стороны не чувствовали себя уверенно в чужой стране и принимали меры против возможного проявления недовольства. Феодалное латинское право предусматривало суровые санкции против местных жителей, которые пытались выразить свой протест. В хронике отмечается, что, если бедный житель Кипра поднимет руку на латинского рыцаря, он будет, согласно законодательству, наказан отсечением правой руки. «Это сделано потому, — пишет хронист, — что ромеев на Кипре было много, и для того, чтобы они не взбунтовались» (*ὅτι μὴν ῥωβελιάσου*)³¹.

Леонтий Махера понял и отразил в своей хронике этот постоянный страх латинских феодалов перед бунтами местного греческого населения. В 1306 г. королева говорила тем аристократам, которые составляли заговоры против короля: «Не идите против государя своего и не устраивайте беспорядка на острове, вы откроете глаза народу, и он взбунтуется» (*καὶ ἀνοίξετε τὰ μύματα τοῦ λαοῦ καὶ ἡ ῥωβελιάσου*)³².

Действительно, греческое население неоднократно поднималось против чужеземных феодалов, о чем сообщает в хронике Леонтий Махера; однако он сам был тесно связан с правящей династией, и это мешало ему более полно раскрыть данную тему.

Небезынтересно проследить и отношение хрониста к религии. Уже отмечалось, что он был глубоко религиозным человеком, горячим приверженцем православия. Религиозное мировоззрение автора наложило свой отпечаток на всю хронику. В ней очень часто говорится о боге, его заповедях и т. п.; например, «бог сказал, люби ближнего своего, а мы делаем всякое зло перед лицом бога»³³, или «бог не слышит гордецов, но смиренным дает победу»³⁴ и т. д.

Для Леонтия Махеры большое значение имело соблюдение христианских правил и заповедей. Он специально обращает внимание на распоряжение, которое было оглашено в городе Левкосии и по всему Кипру 25 марта 1425 г.: «Никто да не осмелится в воскресенье продавать, покупать

²⁷ Ibid., p. 438.15—442.17; ср. П. Тушчев. Известията в хрониката на Леонтий Махера, стр. 47.

²⁸ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 482.32—484.16; ср. П. Тушчев. Известията в хрониката на Леонтий Махера, стр. 47—50.

²⁹ L. Makhairas. Op. cit., I, 486.37—488.8.

³⁰ Ibid., p. 464.17—18.

³¹ Ibid., p. 24.17—38. О феодальном праве на Кипре ср. К. Σάθας. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, т. VI. Ἐν Βενετία, 1877, σελ. 1—497.

³² L. Makhairas. Op. cit., I, p. 46.1—14.

³³ Ibid., p. 626.35—36.

³⁴ Ibid., p. 590.8—9.

или делать какую-либо другую работу, или привозить грузы извне. Кого увидят делающим это, тот будет брошен в темницу и наказан»³⁵.

Как добрый христианин, он проводит мысль, что киприоты должны уповать на бога, а не на свое оружие. В связи с большим походом арабов против Кипра в 1426 г., который закончился поражением короля Януса, в хронике вставлен интересный рассказ, который Леонтий представляет как чудо. Юноша 16-ти лет, по имени Георгий, отправился вместе со своей матерью к «гробу Господню». В одном оазисе они остановились на несколько дней отдохнуть. Юноша убил из лука змея, но после этого его разбил паралич. Во сне он увидел трех молодых воинов, которые излечили его от внезапной болезни. Они были в полном воинском снаряжении и проехали мимо него на конях. На вопрос, куда они едут, они ответили, что посланы в помощь киприотам против арабов. Спустя несколько дней ему снова приснились три воина, которые возвращались назад. На его вопрос они ответили: «Бог нам приказал уехать с Кипра, потому что там надеются не на бога, а на свое обманчивое оружие, и поэтому мы его покидаем»³⁶.

На этот рассказ Леонтия Махеры оказала влияние популярная греческая агиография, в которой очень часто говорится о трех царях, трех святых и т. п. В основу рассказа о юноше Георгии легла коптская легенда о чудесах св. Георгия³⁷.

Как уже было отмечено, на первое место Леонтий Махера ставил христианство в его восточно-православной форме, придавая большое значение святым, чудесам и т. п., особенно тем, которые были связаны с Кипром или киприотами. Не меньшее внимание уделяет он и тем киприотам, которые предпочитали смерть отказу от своей веры. Примеров проявления религиозного фанатизма, как со стороны мусульман, так и христиан, в хронике имеется много. Во время похода против кипрского королевства в 1425 г. арабы увели много пленных. Некоторые из них, принуждаемые к принятию ислама, решительно отказались от этого и были умерщвлены. Леонтий пишет, что они предпочли смерть ради «сладчайшего Иисуса и христовой веры жизни в заблуждении... и церковь приобщила их к святым и канонизировала»³⁸.

Леонтий Махера был воинствующим христианином. Для него долг христианина заключался в том, чтобы бороться против ислама, против турок и арабов. Религиозный фанатизм легко находил почву для существования в таком государстве, как Кипрское королевство, на границе, где наиболее остро сталкивались мусульманство и христианство. Как арабы и турки немедленно навязывали пленникам ислам, так и киприоты считали своим долгом крестить пленных мусульман. На острове было много арабов, крещенных их господами. В 1426 г., когда войска каирского султана вторглись на остров, кипрское правительство предусмотрело специальные меры по отношению к крещеным арабам с тем, чтобы они не переребжали к своим соплеменникам: их заключили в темницу в Левкосии. Леонтий считает, что эти меры были излишними, потому что многие, узнав о нашествии неприятеля, спасались бегством в горы. В хронике упоминаются имена рабов-арабов, которые, вместе со многими другими рабами, предпочитали скорее умереть, чем попасть в руки сарацин³⁹.

О другом случае Леонтий Махера сообщает при описании событий 1424 г. Тогда султан послал шесть кораблей, которые сожгли Лемесо и нанесли большой ущерб Кувуклии. В последнем селении они обнаружили раба-сарацина по имени Томазо, который отрекся от христианства. Позд-

³⁵ *L. Makhairas. Op. cit., I., p. 630.4—9.*

³⁶ *Ibid., p. 648.3—650.30.*

³⁷ Ср. *R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 30.* Эти три воина были тремя святыми: первый — св. Георгий (о чем можно судить по имени юноши), второй — св. Димитрий, третий — св. Феодор (Феодор Сратилат или Феодор Тирон).

³⁸ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 638.1—14.*

³⁹ *Ibid., p. 656.10—29.*

нее, в 1429 г., этот раб был пойман и сожжен киприотами за отступничество⁴⁰.

Для хрониста указание вероисповедания при характеристике людей имеет исключительное значение. Например, говоря о посольстве, отправленном для переговоров с султаном, Леонтий сообщает, что кипрский король включил в его состав и одного еврея, Жана д'Альфонсо, который ранее крестился⁴¹. В других переговорах со стороны султана принимал участие генуэзец, который стал мусульманином и принял имя Наср-эд-Дин⁴².

В «Кипрской хронике» часто сообщается об эпидемиях, появлении саранчи, наводнениях и других стихийных бедствиях. Автор объясняет эти явления также с религиозной точки зрения, рассматривая их как наказание за грехи киприотов⁴³.

Леонтий Махера не чужд и суеверий своей эпохи. Он верит в магию, приметы и знамения. Так, например, он рассказывает, что собранные на совет аристократы убеждали короля не допускать к себе приехавшего арабского посланника, так как тот может околдовать его вместе с войском, потому что арабы хорошо разбираются в этих делах и, благодаря искусству астрологии, могут сживать нас со света, говорили они⁴⁴.

В ночь с 6 на 7 июля 1426 г. в лагере королевского войска при Хирокитии было плохое знамение. В полночь появилась большая звезда, которая остановилась на небе, а потом упала на башню, где находился король. Войско перепугалось и всю ночь охраняло короля Януса⁴⁵. Это случилось накануне сражения с арабами, в котором королевское войско было разбито, а король взят в плен.

В другом месте хроники, опять в связи с поражением при Хирокитии, Леонтий Махера пишет, что приметы говорили правду: перед тем, как король был взят в плен, собаки лаяли, петухи не вовремя кукарекали, вороны каркали, совы кричали во дворе и в крепости. В то же воскресенье землю окутала мгла⁴⁶.

* * *

Наряду с мировоззрением Леонтия Махеры, интерес представляет и его исторический метод, его язык и стиль.

Автор имел своей целью прежде всего по порядку рассказать обо всех событиях, а не объяснять их. Отсюда характерное для средневекового летописания отсутствие разделения важного и второстепенного, значительного и мелкого, педантичное рассмотрение незначительных фактов и пренебрежение к крупным событиям или поверхностное их описание.

Хроника Леонтия Махеры носит в общем и целом черты такой средневековой летописи⁴⁷. Однако следует отметить, что она превосходит обычную хронику, главным образом благодаря попытке дать более глубокую интерпретацию событий и явлений.

Хотя и в его сочинении, наряду с событиями первостепенного значения, отводится место всевозможным мелочам, некоторые части «Кипрской хроники» выделяются своей содержательностью, попыткой раскрыть и показать причины, которые породили данное явление или событие. В этом отношении первая часть хроники, где не соблюдается строго хронологический принцип изложения, существенно отличается от остальной книги: она имеет, как мы видели, обзорный характер, отдельные ее разделы являются самостоятельными экскурсами о государственном и адми-

⁴⁰ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 632.3—13.*

⁴¹ *Ibid., p. 162.1—4*

⁴² *Ibid., p. 184.16—186.5.*

⁴³ *Ibid., p. 60.25—30.*

⁴⁴ *Ibid., p. 644.14—21.* Речь идет о сыне одного дружески настроенного к киприотам арабского шейха, который предостерегал кипрского короля Януса от нарушения условий договора и вступления в войну с султаном Барсбаем.

⁴⁵ *Ibid., p. 658.2—7.*

⁴⁶ *Ibid., p. 668.18—25.*

⁴⁷ *Ср. К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 901.*

нистративном устройстве, о церковной организации, о латинском феодальном праве и т. д.

Леонтий Махера дает очень удачные и правильные объяснения причин ряда событий, проявляя при этом незаурядный ум и интуицию. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что Леонтий являлся непосредственным свидетелем некоторых событий, о многих из них узнавал от очевидцев. Зачастую он не удовлетворяется поверхностным объяснением событий, а ищет их более глубокие, скрытые причины⁴⁸. Он, например, понимает, что экономическое благополучие Фамагусты и Кипра определялось успешной торговлей с Сирией, с одной стороны, и с западными городами-республиками — с другой. Транзитная торговля давала возможность киприотам быстро обогащаться. После военного конфликта между Кипрским королевством и Генуэзской республикой, в результате которого Фамагуста была оккупирована, приток товаров на остров заметно уменьшился⁴⁹.

Для Леонтия Махеры не осталась скрытой и причина вторжения генуэзцев на Кипр в 1373 г. Под предлогом, что они идут на помощь королю Петру II и королеве-матери Элеоноре, чтобы восстановить их законные права, ограниченные аристократией, они попытались завладеть островом⁵⁰. Правильно раскрыты также причины вмешательства венецианцев во внешнюю политику королевства. Венецианцы имели значительные торговые интересы на Востоке и не хотели, чтобы им был причинен ущерб — поэтому они отправляли послов к каирскому султану, поэтому настаивали перед кипрским королем, чтобы он отложил тот или иной поход против арабов.

Вмешательство генуэзцев, которые подбивали каирского султана Барсбая к походу на Кипр в 1426 г., также хорошо объяснено Леонтием. Генуэзцы хотели ослабить таким образом Кипрское королевство, с тем чтобы киприоты не смогли вернуть Фамагусту. Со своей стороны и эмир Алайи, Караман-бег, поощрял султана Барсбая к походу на Кипр, стремясь лишить киприотов возможности нападать на его владения⁵¹.

Отчетливо показано в хронике стремление феодальной аристократии приобретать все новые поместья и власть в королевстве. Во имя этого аристократы были готовы на любые компромиссы и даже преступления. Леонтий Махера подчеркивает присущую им алчность, которая толкала их к нападениям на турок и арабов в расчете захватить добычу и рабов. Аристократы, согласно автору, оказывали серьезное влияние на внешнюю политику королевства. Они систематически нарушали заключенные с арабами договоры, снабжали кораблями, оружием и продовольствием пиратов, скупали у них добычу и т. п. Это вызвало недовольство султана, который несколько раз предпринимал опустошительные походы против Кипра. Некоторые из этих походов имели катастрофические последствия для королевства.

Примеры, которые ясно говорят о весьма реалистическом подходе Леонтия Махеры к событиям, о правильной и трезвой их интерпретации, можно было бы увеличить, но в этом нет необходимости.

Однако, наряду с этим, в хронике отдана дань провиденциализму. Многие события объясняются «волей божьей» («так пожелал бог», «по божьему попущению» и т. д.)⁵². Религиозный дух, вера во вмешательство бога и сверхъестественное, покрывают все его произведение своеобразной амальгамой.

⁴⁸ Согласно Доукинсу (*R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle*, p. 30—31). Леонтий Махера не приводит в систему и не устанавливает связь между событиями, у него наличествует лишь одна рудиментарная идея причинности.

⁴⁹ *L. Makhairas. Op. cit.*, I, p. 80.13—82.2, n. 1.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 334, 10—24 sq.

⁵¹ *Ibid.*, p. 652.7—11.

⁵² *Ibid.*, p. 426.14—19; p. 464.19—20 и т. д.

Характерным для исторического метода Леонтия Махеры является переоценка им субъективного фактора. Он подчеркивает роль и значение отдельной личности, особенно королей. На первый план в хронике поставлена личность короля, он является главной фигурой во многих событиях, он издает приказы о походах и войнах, заключает мир и т. д. В действительности большая власть в королевстве принадлежала аристократии и именно она определяла внешнюю и внутреннюю политику государства. Из самой хроники видно, что, как только король превышал свои права и пытался вести относительно самостоятельную политику, аристократы выражали протест, ссылаясь на ассизы. Латинская аристократия ревниво охраняла свои права и привилегии и при нарушении их королем остро на это реагировала. Иногда попытки короля действовать более самостоятельно заканчивались его убийством (как это было в случае с королем Петром I). Идеализация и переоценка роли короля объясняется, возможно, влиянием византийской традиции, от которой Леонтий Махера заимствовал идею сильной центральной власти.

Автор хроники считает, что если бы сыну дружески настроенного к киприотам арабского шейха удалось вступить в личный контакт с королем и передать ему все порученное отцом, то, по всей вероятности, события могли принять другой оборот. Но аристократы сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать этому. Сын шейха уехал, так и не переговорив с королем Янусом⁵³, и последующие события привели к войне с каирским султаном, закончившейся катастрофой 1426 г.

Наряду с королем, видное место в хронике занимают и другие лица. Например, конетабль Кипра Жак Лузиньян, брат короля Петра I и дядя Петра II, после которого он сам стал во главе кипрского государства, изображается автором чересчур идеализированно. Конетабль Кипра, действительно, был энергичным и смелым защитником королевства в его борьбе против Генуи. Однако Леонтий Махера рисует Жака Лузиньяна в каком-то героико-сентиментальном плане, преувеличивая его заслуги. Согласно хронисту народ видел в его лице защитника и не отпускал из Левкосии. Из Кирении Жаку Лузиньяну было отправлено письмо, в котором население просило его прибыть в эту крепость и стать во главе ее, потому что «нет другого, который бы любил этот остров больше тебя»⁵⁴. Народ в хронике рисуется как беспомощная толпа, которая ничего не может сделать без Жака Лузиньяна. Но если бы местное население острова не оказало завоевателям самоотверженного и решительного сопротивления, Жак Лузиньян, этот действительно способный полководец, едва ли мог иметь успех.

Иногда в хронике на первый план выдвигаются третьестепенные причины важных событий. Так, например, причиной обострения ненависти между королем и аристократами, поведшей к организации последними заговора и убийства Петра II, Леонтий Махера считает спор, разгоревшийся между королем и Генрихом де Жибле из-за двух турецких охотничьих собак⁵⁵.

Но, наряду со слабостями такого рода, необходимо отметить стремление автора к объективности, к сообщению обильной информации. Он приводит подробные сведения о лицах, цифровые данные о потерях неприятеля и киприотов, о размере налогов, перечисляет имена послов, заложников, пленных, дает описание боевых машин и т. п.

Леонтий Махера заявляет, что будет беспристрастен при сообщении о потерях генуэзцев на войне. «Если кто-нибудь имеет желание узнать,—

⁵³ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 640.17—646.25. R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 29.* Доукинс считает, что Леонтий Махера передал этот рассказ, который встречается и у других авторов, несколько иначе. Он заимствовал драматическую форму рассказа.

⁵⁴ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 380.24—26.*

⁵⁵ *Ibid., p. 240.32—252.32; p. 252.33—268.10.*

пишет он, — сколько генуэзцев, их войска, погибло в Кипрском королевстве, я ничего не буду преувеличивать с целью прославить наши, кипрские, войска по сравнению с генуэзскими»⁵⁶.

Однако, несмотря на это заявление, потери противника, несомненно, преувеличены, а киприотов — уменьшены. Хронист сообщает, что киренийцы, среди которых имелись отличные стрелки и где находился Николай Махера, убили за один день 400 (!) генуэзцев⁵⁷. Эта цифра выглядит явно завышенной, если иметь в виду характер военных действий и численность войск (2—3 тыс. человек с каждой стороны).

Вообще цифровые данные в некоторых случаях, очевидно, не соответствуют действительности. Так, например, в битве при Хирокитии, по сведениям Леонтия, было убито 20 киприотов. Он называет их имена. Однако, если произвести подсчет, то можно увидеть, что погибших при Хирокитии киприотов, о которых сообщает сам хронист, оказывается значительно больше. После перечисления имен 24 убитых аристократов, в том числе и 8 немецких рыцарей и 10 человек из простого народа, Леонтий Махера пишет, что погибло также много сирийцев, армян и морейцев (из Пелопоннеса)⁵⁸. Следовательно, число убитых с кипрской стороны было в несколько раз больше, чем указанные два десятка человек.

Характерной чертой исторического метода Леонтия Махеры является также привлечение им документального материала. Как было отмечено выше, в своем изложении хронист цитирует международные договоры, королевские указы, письма и т. п. Это одна из положительных сторон его труда. По всей вероятности, автор имел доступ к обширным архивным фондам двора. Документы приводятся дословно, без всякой обработки, что, бесспорно, повышает ценность хроники как исторического источника.

Положительным моментом в труде Леонтия Махеры является и подробная датировка событий. Местами они прослеживаются буквально по дням⁵⁹. Возможно, автор делал для себя какие-то заметки наподобие дневника. Некоторые из цитированных им писем имеют точные даты, с обозначением дня, месяца и года.

Леонтий Махера любит, кроме того, передавать речи, которые были произнесены по тому или иному поводу. Можно допустить, что какая-то часть этих речей действительно была произнесена, а какая-то или свободно передана автором или просто вымышлена им для придания своему рассказу более живого характера.

Леонтий Махера мастерски включает в хроникку истории и эпизоды, возбуждающие интерес у читателя. Он рассказывает пикантные случаи из интимной жизни двора и высшей аристократии (например, о том, что в отсутствие королевы король Петр I засыпал с сорочкой своей супруги, о его любовницах, о том, как одну из них королева заключила в монастырь, и та прожила в башне целый год, хотя от этого красота ее не померкла, о любовной связи королевы Элеоноры с Жаном де Морфу, графом Руха, о которой говорил весь народ, даже дети и др.)⁶⁰. Леонтий Махера пускается в рассуждения о любви, о том, как опасны женщины, делает интересные сравнения⁶¹.

Благодаря всему этому «Кипрская хроника», хотя значительная ее часть носит характер чисто исторического сочинения, становится более сочной, колоритной. Это удовлетворяло определенные литературные

⁵⁶ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 466.27—30.*

⁵⁷ *Ibid., p. 458.19—31.*

⁵⁸ *Ibid., p. 664.21—666.13.*

⁵⁹ *R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 9—11.*

⁶⁰ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 218.25—220.2.*

⁶¹ *Ibid., p. 574.19—33: «Узнайте от меня, как страдают мужчины, которые любят женщин и верят их словам...», — начинает свои поучения Леонтий. Об этих рассуждениях как проявлении средневековой сатиры на женщин см. *R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 19—20.**

запросы людей того времени, их потребность узнать нечто интересное, пикантное, что возбудило бы воображение, воздействовало бы на них эмоционально. В этом отношении хроника Леонтия Махеры имеет не только познавательное значение. Она представляет собой произведение, в котором содержатся и некоторые элементы художественной литературы.

Автор хроники разнообразит и расширяет свое повествование и рассказами о различных святых и чудесах. Специально подобранные (они связаны с кипрской церковью), эти рассказы являлись определенной формой идеологического и патриотического воздействия на читателя. Используя агиографическую литературу, Леонтий Махера последовательно проводит в своей хронике скрытую антилатинскую тенденцию.

Одним из литературных приемов автора является широкое употребление сентенций, высказываний древних философов и народных поговорок. Все это обогащает «Кипрскую хронику»⁶².

Язык, которым написана «Кипрская хроника», — вульгаризированный кипрский диалект. Леонтий Махера употребляет много иноземных слов, преимущественно французского и итальянского происхождения, грецизированных по форме, например: *ἀπλαζίρη* от французского *plaisir*; *ξόμπλην, ὀξόμπλην* от французского *exemple*; *ζυτιλόμιου* от французского *gentilhomme*; *τζάμπρας* от французского *chambre* и многие другие⁶³.

В стиле «Кипрской хроники» чувствуется влияние народных рассказов. Леонтий Махера часто использует диалоги и прямую речь, которые придают силу и драматизм его повествованию. Сравнение диалогов Махеры с собранным на Додеканезах фольклорным материалом показало большое их сходство⁶⁴. Леонтий Махера пишет сжато, его фразы иногда не закончены, что до известной степени неблагоприятно отражается на смысле сказанного. Он пишет, будто говорит. Как отмечал К. Крумбахер, Леонтий Махера не имел представления о построении предложений⁶⁵. Действительно, он меняет подлежащее, не соблюдает правил синтаксиса. Это наблюдается в обычной простонародной греческой речи и в новое время⁶⁶.

Однако рассказ Леонтия Махеры не лишен красоты и выразительности. Он употребляет восклицания, которые придают живость и непосредственность изложению. Леонтий хороший рассказчик, его повесть, несмотря на некоторые трудности, читается с увлечением.

«Кипрская хроника» Леонтия Махеры была позднее широко использована и переведена. Неполный ее перевод был сделан Диомедом Страмбальди на венецианский диалект итальянского языка; в этом переводе допущено много ошибок. Сочинение Леонтия использовано в хронике Франциско Амади, хотя тот определенно об этом и не сообщает. Из «Кипрской хроники» заимствованы сведения и для написания итальянской истории о Кипра Флорио Бустроном (ум. в 1570 г.) и его продолжателем Георгием Бустроном⁶⁷.

В новое время появились французский перевод Е. Миллера и К. Саффи и английский — Р. М. Доукинса⁶⁸.

⁶² См. *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 2.11—12; p. 10.13—14; p. 184.33—186.5; p. 390.26—27; p. 472.6; p. 478.17—22; p. 526.18—19; p. 536.2—3; p. 554.14—17; p. 670.6—7.

О поговорках и сентенциях в хронике Леонтия см. Ф. Κουκουλές. *Παραμύθια και γυμνικά ἐν τῷ Χρονικῷ Λεοντίου Μαχαίρα*. — «Αθῆνα», 58, 1954, σελ. 235—242.

⁶³ О языке хроники Леонтия Махеры см. К. Σάβας. Op. cit., σελ. 20 ἐπ.; *L. Makhairas*. Op. cit., II, p. 31—40, 235—276.

⁶⁴ *R. M. Dawkins*. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 20—21.

⁶⁵ *K. Krumbacher*. Op. cit., S. 901.

⁶⁶ *R. M. Dawkins*. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 21—22.

⁶⁷ Ср. *K. Krumbacher*. Op. cit., S. 901—903. Итальянский перевод Д. Страмбальди см. *M. L. de Mas Latrie*. Collection de documents inédits sur l'histoire de France. J. Paris. 1891—1893, p. 1—11; *idem*. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan, II. Paris, 1852, p. 338—357.

⁶⁸ *E. Miller* — *C. Sathas*. Λεοντίου Μαχ. τῆς Χρονικῆς Κίπρου. Chronique de Chypre. I—II. Paris, 1882; *L. Makhairas*. Op. cit., I.

* * *

Настоящая статья не имела своей целью дать полную и исчерпывающую характеристику Леонтия Махеры и его хроники. Она представляет собой только скромную попытку, предпринятую в этом направлении. Проблемы, связанные с «Кипрской хроникой», преимущественно с изучением социально-экономической истории Кипра, будут объектом нашего специального исследования.

«Кипрская хроника» богата по содержанию и велика по объему, она справедливо считается одним из наиболее важных источников по средневековой истории Кипра.

Когда кипрский грек Леонтий Махера, движимый глубоким патристическим чувством, создал «Повесть о сладкой земле Кипр», он оказал неоценимую услугу своей родине, описав длившийся несколько столетий тяжелый период ее истории.

Б. Л. ФОНКИЧ

ЗАМЕТКИ О ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ
СОВЕТСКИХ ХРАНИЛИЩ

1. Московский автограф Феодоры Раулены

Среди греческих рукописей Гос. Исторического музея (ГИМ) в Москве, не относящихся к Синодальному собранию и не имеющих печатного описания, находится список Толкований Симплиция на «Физику» Аристотеля (Муз. 3649)¹. Рукопись написана на бумаге восточного происхождения, без филигранных; почерк позволяет датировать ее XIII столетием. Имеющееся на л. 1 трехстрочное киноварное надписание, расположенное в П-образной плетеной заставке, содержит сведения, дающие возможность определить писца кодекса и уточнить время его создания. Приводим это надписание.

Καὶ δέλετον αὐτήν τοῦ σοφοῦ Συμπλικίου:
τὴν τῶν φυσικῶν ἐκδιδάσκουσα βιβλόν:
Ἀριστοτέλους οὗ σοφοῦ πολὺς λόγος:/
καλλιγραφεῖ τε καὶ μέτρησι συντόνω:
ἀδελφιδῆ κρατοῦντος ἢ θεοῦ δάρον:
Δουκῶν Κομνηνῶν Παλαιολόγων φύσα:/
δάμαρ ἔχοντος τοῦ Ῥαοὺλ κλίσειν χάρι:
τρόποις ἀρίστου καὶ κρατίστου τῷ γένει:

Аналогичную по содержанию запись находим в рукописи Ватиканской библиотеки Vat. gr. 1899, написанной около 1280 г. племянницей императора Михаила VIII Палеолога Феодорой Палеологиной Рауленой (ок. 1240—1300):

Καὶ τὴν Ἀριστείδου δὲ τήνδε τὴν βιβλόν:
γραφεῖσαν ἴσθι παρὰ τῆς Θεοδώρας:
καλῶς εἰς ἄκρον γνησίως ἐσκεμμένην:
Ῥώμης νέας ἀνακτος ἀδελφῆς τέκος:
Κάντακουζηνῆς ἐξ ἀνάκτων Ἀγγέλων:
Δουκῶν φυσίσης Παλαιολόγων φύτλης:
Ῥαοὺλ δάμαρτος Δούκα χαριτωνόμου:
Κομνηνοφουῶς πρωτοβεστιαρίου:²

Сравнение этих двух записей и анализ почерка Московской и Ватиканской рукописей свидетельствуют о том, что рукопись ГИМ является автографом Феодоры Раулены³. Так как в Московской рукописи Феодора говорит о себе как о «племяннице правящего (императора)», то время написания манускрипта должно быть отнесено к периоду до 1282 г.

¹ Рукопись поступила в Синодальную библиотеку от В. П. Орлова-Давыдова (1809—1882).

² A. Turyn. Codices graeci Vaticani saeculis XIII et XIV scripti annorumque notis instructi. In Civitate Vaticana, 1964, p. 63—65, tab. 36, 168 c; H. Follieri. Codices graeci Bibliothecae Vaticanae selecti, temporum locorumque ordine digesti, commentariis et transcriptionibus instructi. Apud Bibliothecam Vaticanam, 1969, p. 60, tab. 40.

³ См. D. M. Nicol. The byzantine family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca. 1100—1460. Washington, 1968, p. 16—19.

2. Ленинградский список Notitiae episcopatum

В 1927 г. В. Н. Бенешевич обратил внимание на хранящуюся в ГПБ, в собрании А. И. Пападопуло-Керамевса, рукопись греч. № 716, XVI в., содержащую список епархий Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, указание границ Александрийского и Антиохийского патриархатов и небольшой трактат о синкеллах иерусалимского патриарха⁴. В. Н. Бенешевич описал рукопись, подробно проанализировал особенности ее текста, указав важнейшие из них, опубликовал описание Александрийского патриархата и трактат о синкеллах. Исследователь пришел к заключению, что Ленинградская рукопись представляет выдающийся интерес для изучения Notitiae episcopatum, благодаря широте задуманного составителем плана — «не только дать список епархий» четырех восточных патриархатов, «но и указать границы главнейших, основных частей вселенской церкви»⁵.

Опубликованные в 1873 г. И. Велудосом и в 1970 г. Н. Икономидисом фотографии двух грамот 1579 г. константинопольского патриарха Иеремии II⁶ позволяют установить, что обе эти грамоты и рукопись греч. № 716 написаны одной рукой. Следовательно, Ленинградский список Notitiae episcopatum был создан во второй половине XVI в. (но не позже 1589 г., когда был основан Московский патриархат: на л. Зоб. упоминается лишь митрополит Киевский и всея России) в канцелярии вселенского патриарха.

В заключение приведем одно важное дополнение к описанию рукописи, сделанному В. Н. Бенешевичем.

На л. 6 об. находится помета XVIII в.: $\frac{140}{364}$ τὰ γεγραμμένα φύλλα. По-видимому, те 6 листов, которые образуют сейчас греч. № 716, в XVIII в. входили в состав большого рукописного сборника (может быть, конволюта), в первой части которого текст занимал 140, а во второй — 224 лл.

3. О греческих записях X в. Коридетского евангелия

Из 9 греческих приписок, находящихся на листах Коридетского евангелия, 4 — на лл. 72 об., 140 об., 174 и 197 об. — относятся к X в., причем запись на л. 140 об., судя по упоминанию в ней «господина Фоки василевса» и дате — 8 индикта, сделана в 965 г. В работе Г. Ф. Церетели, посвященной исследованию Коридетского евангелия и его греческих записей, приписки X в. изданы соответственно под № 1, 5, 7 и 8⁷.

Запись на л. 140 об. называет имя сделавшего ее игумена Коридетской обители пресвитера Михаила Цаланиса. Той же рукой исполнена и первая запись X в., на л. 72 об., как об этом, опираясь на содержание приписки и данные почерка, правильно (хотя и с некоторым сомнением) заключил Г. Ф. Церетели⁸. Вероятно, лишь небольшие размеры записи № 7

⁴ В. Н. Бенешевич. Заметки к текстам Notitiae episcopatum. — «Seminarium Kondakovianum», I. Prague, 1927, p. 65—72.

⁵ Там же, стр. 71.

⁶ I. Veludos. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῶν οἰκουμενικῶν πατριάρχων ἀνήκοντα εἰς τοὺς Φιλαδέλφειας μητροπολίτας ὑπερτίμους καὶ ἐξάρχους πατριαρχικούς καὶ προέδρους πνευματικούς τῆς Ἑνετίας τῶν ὀρθοδόξων κοινότητος. Ἐν Βενετία, 1873, φот. 1. N. Οἰκονομίδης. Ἰερά μονή Κωνσταντινου. Κατάλογος τοῦ ἀρχείου. — «Σύμμεικτα», т. 2, 1970, фот. 41—42. Этим же писцом написана грамота Иеремии II во Львов 1593 г.: ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, д. 190.

⁷ Г. Ф. Церетели. Коридетская рукопись и ее греческие приписки. Тбилиси, 1937, стр. 45—48, 50—52, 54—59. Новое издание греческих записей Коридетского евангелия с грузинским переводом см. С. Г. Каухчишвили. Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии, т. VII. Тбилиси, 1967, стр. 1—16.

⁸ Г. Ф. Церетели. Указ. соч., стр. 7 и 50.

не позволили Г. Ф. Церетели высказаться более решительно в пользу принадлежности ее тому же Михаилу; исследователь ограничился только замечанием о том, что почерк 7-й приписки напоминает почерк 5-й⁹. Нам кажется, однако, что и тех нескольких десятков букв, которые образуют 7-ю запись, достаточно для подтверждения верности наблюдения Г. Ф. Церетели, так как запись на л. 174 содержит все характерные для почерка Михаила Цаланиса буквы (см., например, Г с загибающимся вверх свободным концом горизонтали, или $\times$ и γ , в начертании которых писец, несомненно, подражал письму самой рукописи).

Что касается 8-й записи, очень важной и интересной, ибо она является документом, определяющим границы земельных участков и лесных угодий деревень Коридети, Осмали и Дурча, то она отнесена Г. Ф. Церетели к X в., а писавший ее писец признан неопытным¹⁰. Мы склоняемся между тем к заключению, что и эта большая приписка принадлежит пресвитеру Михаилу; правда, мы не встретим здесь указанного выше характерного написания χ , да и вся запись сделана письмом более монументальным, чем № 1, 5 и 7, однако это, на наш взгляд, можно объяснить сознательным изменением формы отдельных букв, желанием писца сделать текст важного документа удобочитаемым, максимально понятным.

4. Киевский список устава Петрицонского монастыря

С тех пор, как С. Г. Каухчишвили издал текст устава монастыря Ботородицы Петрицонитиссы по Хиосскому списку XIII в.,¹¹ рукопись XVIII в., явившаяся основой издания Л. Пти¹², и новогреческий перевод 1782 г., введенный в научный оборот Г. Мусеем¹³, отошли на второй план. Если утрата интереса к ним со стороны византистов понятна, то для историков позднегреческой культуры эти рукописи XVIII в. продолжают сохранять свое значение. Поскольку до последнего времени внимание ученых было обращено главным образом на содержание памятника, поздней судьбой его текста специально не занимались; еще ждут ответа вопросы о том, почему в конце XVII в. текст Петрицонского устава живо интересовал иерусалимского патриарха Досифея и его племянника и преемника Хрисанфа¹⁴; зачем в начале XVIII в. с древнего списка устава была снята копия, находившаяся в руках Хрисанфа и спустя сто лет заверенная двумя филиппопольскими митрополитами¹⁵; кем был составлен интересный сборник второй половины XVIII в., содержащий монастырские уставы XII—XIII столетий, в том числе — предисловие и послесловие Петрицонского устава¹⁶; наконец, при каких обстоятельствах был сделан новогреческий перевод 1782 г.

Материалы для изучения поздней истории текста Петрицонского устава теперь могут быть пополнены: занимаясь предварительным описанием не вошедших в печатные каталоги греческих рукописей ЦНБАН УССР, мы обнаружили еще один список новогреческого перевода этого памятника.

Рукопись облечена в картонный, с темно-красным кожаным корешком и наугольниками переплет и имеет проставленный в нескольких местах

⁹ Г. Ф. Церетели. Указ. соч., стр. 54.

¹⁰ Там же, стр. 55.

¹¹ С. Г. Каухчишвили. Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии, т. V. Тбилиси, 1963, стр. 83—301.

¹² L. Petit. Turikon de Grégoire Pasourianos pour le monastère de Pétritzos (Bačkovo) en Bulgarie. — ВВ, XI, Приложение, № 1, 1904.

¹³ Γρηγόριος Πακουριανός μέγας δομῆστικός τῆς Δύσεως καὶ τὸ ὑπ' αὐτοῦ τυπικὸν τῆς μονῆς τῆς Θεοτόκου τῆς Πετριτζοντίσσης. Lipsiae, 1888.

¹⁴ L. Petit. Op. cit., p. XXV—XXVI; А. Шанидзе. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Грузинская редакция типика. Тбилиси, 1971, стр. 48 и табл. 9.

¹⁵ L. Petit. Op. cit., p. XXXI.

¹⁶ П. Безобразов. Материалы для истории Византийской империи. I. Неизданные монастырские уставы. — ЖМНП, ч. 254, 1887, ноябрь, стр. 65—78.

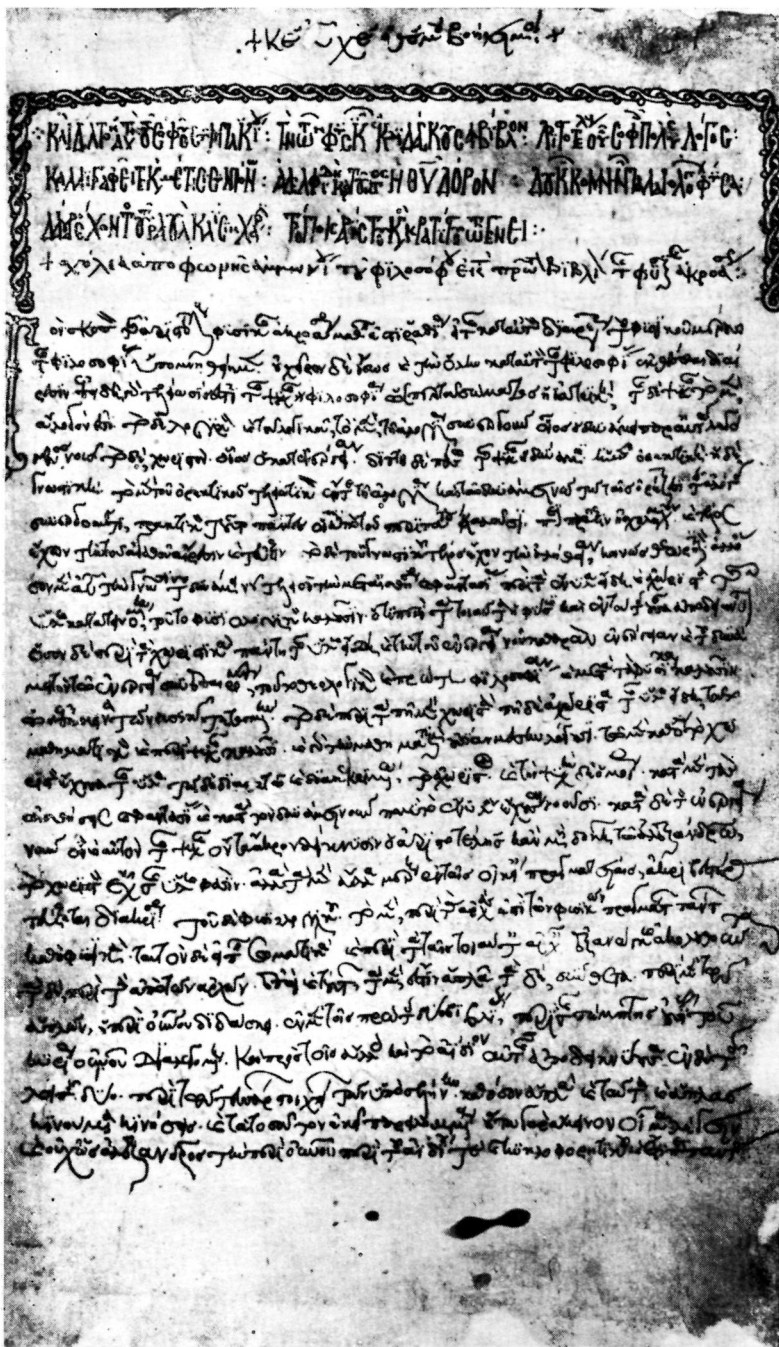

Рис. 1. Толкования Симплиция на «Физику» Аристотеля.
Москва, ГИМ, Муз. 3649, л. 1.

ΥΡΑΝΩ ΓΑΙΕΝΙ
 ΗΣ' ΗΓΑΘΩΣ ΑΙΕ
 ΣΥΝΛΕΝΜΕΟ
 ΠΗΡ' ΙΓΑΙ' Ω ΔΙΟ
 ΣΥ' ΕΛΩ ΎΜΑΣ
 ΙΟΥ ΕΥΘΕΙΤΕΣ
 ΟΥΝ ΠΑΘΗΤΕΥ
 ΣΑΥ' Ε ΠΑΝΤΑ
 ΨΑΘΗΝ' ΒΑΠ
 ΨΙΖΩΝ Ψ' ΕΣΑΥ
 ΤΟΥΣ· ΕΙΣ ΤΟ
 ΟΝΟΜΑ ΤΟΥ ΠΑΤ
 ΡΟΣ ΤΟΥ ΎΪΟΥ
 ΚΑΙ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ

ΟΣ ΑΜΗΝ:

... με εχάμαρ τω ανθε...
 ... ημυ γου με νοσ τισ...
 ... γου κρη με θηου...
 ... φελλου στεφανος...
 ... του προχαιτου...
 ... και του...
 ... γρηγοριου...
 ... κωστα...
 ... και...
 ... και...
 ... και...
 ... και...
 ... και...
 ... και...

Рис. 4. Коридетское евангелие. Тбилиси, Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР, л. 72 об.

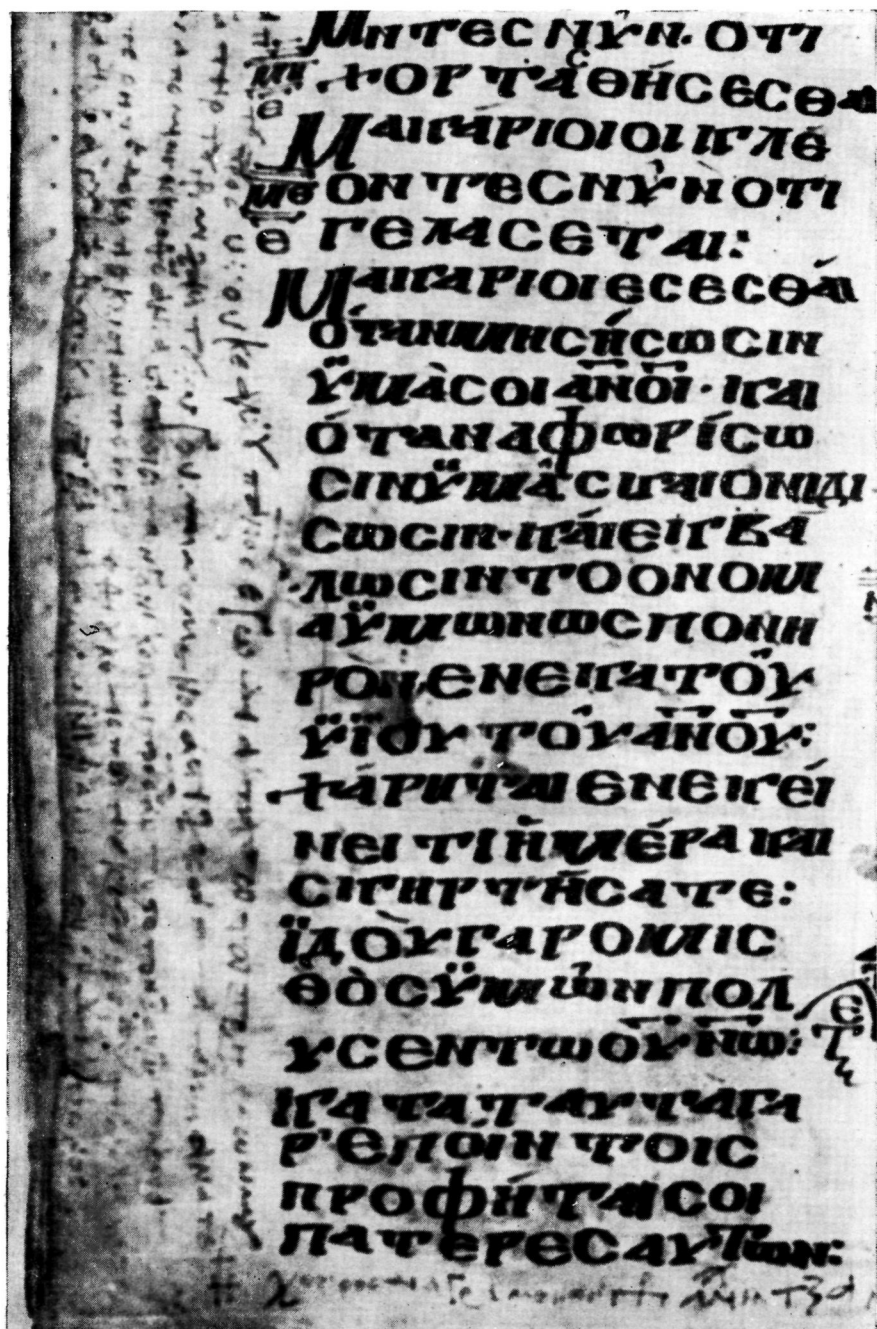

Рис. 5. Коридетское евангелие. Тбилиси, Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР, л. 140 об.

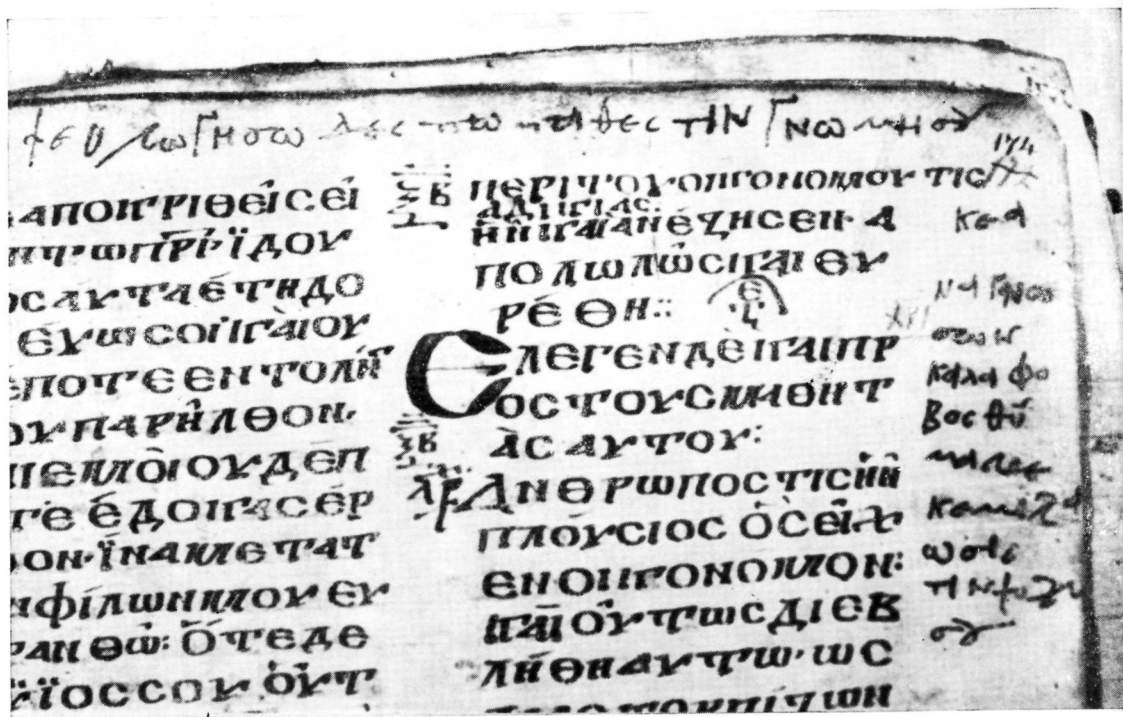

Рис. 6. Коридетское евангелие. Тбилиси, Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР, л. 174.

Z4579

ΤΥΤΕΚΟΦΕ

Τῆς κεφαλῆς καὶ σεβασμίας Ἱερωσύνης Μο-
 νῆς τῆς Πυρρηνῆς εἰς ὄνομα τοῦ κοι-
 μνήσεως τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, τῆς ἑορο-
 μασημένης Μετὰ τὸν Ἰουλίον. Τοῦ ὁσίου ἐφε-
 ρέδη βασιλέως Σεβαστοῦ καὶ μετὰ τὸν Δομετίου
 τοῦ ὁσίου καὶ τῆς Ἁγίας Παναχρίας, ἡ
 ἱερωσύνης Ἰουάννου τοῦ γένου καὶ Ἰγνατίου
 Ἑλληνιστῆ ἱερωσύνη καὶ ἀρεμενίου δια-
 κόνου ἐπί τοῦ βασιλέως Ἰουάννου τοῦ Κο-
 μνηνῆ ἐν ἔργῳ Σωτηρίῳ, ἀγίου Ἰουάννου ἑ.
 καὶ τῆς ἁγίας Βαρβάρας καὶ τοῦ ὁσίου ἐφ-
 ρέδη καὶ ἐπὶ τῶν ἁγίων τῆς ἱερωσύνης καὶ τοῦ
 Ἁγίου ἡ ἱερωσύνης Μονῆ, κερμενῆ ἐν ἑ.
 καὶ κατὰ τῆς ἐπαρχίας Ἑλλιοπολεως.
 Μετὰ τὸν δὲ τοῦ ἱερωσύνη τῆς ἁγίας
 εἰς τῆς ἁγίας Ἑλληνιστῆ τῆς ἁγίας
 ἐν ἔργῳ Σωτηρίῳ, ἀγίου Ἰουάννου ἑ.

Handwritten signatures and scribbles in Greek script, including the name 'Ιωαννης' (John) and other illegible signatures, located at the bottom right of the page.

Рис. 8. Устав Петрицонского монастыря. Киев. ЦНБАН УССР, Z 4579, л. 1.

чернилами шифр Z 4579. Судя по тому, что подобный шифр имеет рукопись № 163 по каталогу Н. Петрова¹⁷, список Петрицонского устава принадлежал прежде Церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии.

Рукопись состоит из 49 лл. (1 л. защитный + 6 нумеров. лл. + 82 нумеров. стр. + 1 л. защитный) размером 217 × 159 мм и написана на бумаге одного сорта, с филигранью «Три луны». Подобный тип филигрании очень распространен в рукописях рубежа XVIII и XIX вв. и уточнению датировки нашего списка не помогает. Судя по почерку, Киевскую рукопись следует датировать первой четвертью XIX в.

В рукописи имеется одна особенность, которая, казалось бы, позволяет отнести время ее написания к последнему десятилетию XVIII в. На л. 1, в заглавии типика, при указании даты его перевода на новогреческий язык, стоит не 1782 (как, согласно мнению исследователей, было в списке, которым пользовался Г. Мусей), а 1792 г. Думать, что здесь просто ошибка, не приходится, так как разночтения Киевского списка (см. ниже) показывают его независимость от списка Мусея. Можно было бы поэтому предполагать, что в нашей рукописи дата перевода изменена сознательно, но 1792-м годом обозначено не время перевода памятника, а время написания Киевского списка. Однако это предположение не кажется нам убедительным, так как мы не уверены, что в списке Г. Мусея был указан 1782 г.: в его издании под ошибочным αψβ (р. 157) можно угадывать не αψβ' (1782), а αψ γ β' (1792). Если это так, то *новогреческий перевод Петрицонского устава был выполнен не в 1782, а в 1792 г.*, и в Киевском списке нет ошибки в дате. Тогда нужно отбросить и предположение о возможности написания рукописи в последнем десятилетии XVIII в. и, опираясь на данные почерка, считать, что она была скопирована в начале XIX в. с оригинала конца предыдущего столетия.

Киевский список заверен филиппопольским митрополитом Никифором¹⁸: на л. 1, под заглавием, находятся печать ΝΙΚΗΦΟΡΟΣ Ο ΦΙΛΙΠΠΟΥΠΟΛΕΩΣ и подпись митрополита ἴο Φιλίππουπόλεως Νικήφορος, рядом с которой другими чернилами и другой рукой (?) добавлено: ὁμοφαίνετє. Возможно, подпись Никифора появилась в Киевской рукописи в июне 1825 г., одновременно с его же подписью на Бухарестском списке Петрицонского типика¹⁹.

Киевский кодекс переписан одним писцом; 24—27 строк на странице; все заглавия и инициалы писаны красными чернилами.

(л. 1) Заглавие (см. фото). (л. 1об.) Здесь находился обширный текст, позже совершенно затертый. (лл. 2—4) Τυπικὸν τῆς ἱερᾶς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς ἐπονομαζομένης Πετριτζονίτισσης. Προόμιον καὶ περὶ τοῦ ὑπὸ τίνος ἐκτίσθη ἢ εἰρημένη μονῆ καὶ διὰ τί καλεῖται Ἰβηρικῆ. (лл. 4об.—6об.) Πίναξ τῶν τριάκοντα τριῶν κεφαλαίων ὅπου θεοπίσωμεν εἰς τὸ παρὸν τυπικόν.

(стр. 1—6) Глава 1²⁰. (стр. 6—15) Глава 2. (стр. 15—16) Глава 3. (стр. 16—21) Глава 4. (стр. 21—27) Глава 5. (стр. 27—31) Глава 6. (стр. 31—33) Глава 7. (стр. 33—36) Глава 8. (стр. 36—39) Глава 9. (стр. 39—40) Глава 10. (стр. 40—41) Глава 11. (стр. 41—44) Глава 12. (стр. 44—46) Глава 13. (стр. 46—47) Глава 14. (стр. 47—51) Глава 15. (стр. 51) Глава 16. (стр. 52—

¹⁷ Н. Петров. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. 1. Киев, 1875, стр. 108—109. Рукопись № 163 поступила в библиотеку академии 11 мая 1872 г.

¹⁸ Никифор был избран митрополитом Филиппополя 26 сентября 1824 г. После его смерти его преемником стал критский митрополит Хрисанф — с 24 августа 1850 г.; см. К. М. Αποστολίδης. Ἡ τῆς Φιλίππουπόλεως ἱστορία ἀπὸ τῶν ἀρχαίων μεχρὶ τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων. Εὐ Ἀθήναις, 1959, с. 286. Этим примечанием мы обязаны директору Греческого института византийских и послевизантийских исследований в Венеции г-ну М. Магусакасу, которого сердечно благодарим.

¹⁹ L. Petit. Op. cit., p. XXXI.

²⁰ Мы опускаем греческие заголовки, начало и конец каждой главы, так как они совпадают, за исключением отдельных мест, с текстом, изданным Г. Мусеем.

53) Глава 17. (стр. 53—58) Глава 18. (стр. 59—60) Глава 19. (стр. 60—64) Глава 20. (стр. 61—64) Глава 21. (стр. 65) Глава 22. (стр. 65—66) Глава 23. (стр. 66—67) Глава 24. (стр. 67—68) Глава 25. (стр. 68—69) Глава 26. (стр. 70) Глава 27. (стр. 70—71) Глава 28. (стр. 71—74) Глава 29. (стр. 74—75) Глава 30. (стр. 75—77) Глава 31. (стр. 77—78) Глава 32. (стр. 78—79) Глава 33. (стр. 80—82) Περὶ τοῦ ὅτι ἐγγράφη τὸ παρὸν τοπικὸν ἰβηριστί, ἀρμενιστί καὶ ἐλληνιστί. Ποία ὁμῶς ἀπὸ τὰς τρεῖς διαλέκτους διορίζομεν νά ἔχη τὸ κύρος.

В заключение приводим некоторые разночтения текста по изданию Г. Мусея (с указанием на страницы и строки издания) и Киевского списка (с указанием на страницы рукописи).

р. 157.13 — αψφβ', ἰνδικτιῶνος ι, л. 1 — αψ η β, ἰνδικτιῶνος 1; р. 165.26 — ἰδικήν, стр. 6 — ἐδικήν; р. 170.19 — κυριαρχικήν; стр. 15 — πατριαρχικήν; р. 180.6—7 — τῆς ὑπηρεσίας, стр. 33 — τῶν ὑπηρετῶν; р. 184.24 — δωδέκατον, стр. 41 — δέκατον δεύτερον; р. 184.26 — ἀγίαν ἐκκλησίαν, стр. 41 — ἐκκλησίαν; р. 184.26 — τὰς προσευχὰς καὶ ψαλμοφθιάς, стр. 41 — τὴν προσευχὴν καὶ ψαλμοφθίαν, р. 184.27 — γίνονται, стр. 41 — γίνετα; р. 188.7 — ὑποκρισίαν, стр. 47 — ὑπόκρισιν; р. 190.6 — τόπον, стр. 51 — τόπον; р. 190.7 — ψυχῆς, стр. 51 — τῆς ψυχῆς; р. 191.12 — ἔχουσιν, стр. 53 — ἔχουν; р. 191.13 — ἔχω ἀφιερωμένα, стр. 53 — ἀφιερωμένα; р. 195.2 — πρόσωπα νά, стр. 60 — πρόσωπα πρέπει νά; р. 195.3—4 — κάμνουσι λειτουργίαν, стр. 60 — λειτουργῶσι; р. 195.25 — ἄλλαι ἐλεημοσύναι, стр. 61 — ἄλλαις ἐλεημοσύναις; р. 198.9 — ἐκείνου, стр. 66 — ἐκείνα; р. 198.28 — после слов καλόγηρον ἢ πρεσβύτερον в издании следуют две строки без текста, тогда как в рукописи (стр. 65) после этих слов идет καὶ διὰ ποίαν αἰτίαν и затем — без всякого перерыва — текст главы; р. 201.25 — ξενοδοχεῖα, стр. 71 — μοναστήρια.

З. Г. САМОДУРОВА

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ,
СОДЕРЖАЩИЕ МАЛЫЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ

Одним из важных направлений в изучении византийского рукописного наследия является анализ состава рукописных сборников, выяснение их назначения, тех функций, которые они выполняли. Изучение состава сборников и истории их создания открывает новый дополнительный источник по истории культуры и образованности Византии, помогает понять ее характер и определить уровень.

Обилие рукописных сборников, содержащих малые византийские хроники, ставит перед исследователями задачи их классификации, определения характерных признаков, изучения основных линий развития и причин широкого распространения, установления имен писцов и владельцев рукописей, в составе которых находятся эти хроники. В византиноведческой литературе данные вопросы почти не ставились¹.

В настоящей статье мы ограничимся обзором содержания рукописных сборников, включающих малые «древние» хроники².

Изучение каталогов библиотек Французской национальной³, Австрийской национальной⁴, Ватиканской (отдельных фондов)⁵, Иерусалимского патриархата⁶, Испанской национальной⁷, Баварской государственной⁸, Бодлеянской⁹, а также московских собраний — ГИМ¹⁰ и МГУ¹¹, позволило выявить большую группу кодексов (свыше 120 единиц), в состав которых входят малые «древние» хроники. Анализ этих рукописей показывает, что в них, наряду с хрониками, помещены следующие материалы.

¹ В последнее время уделяется большое внимание исследованию *русских* энциклопедических сборников XV в., во многом сходных по содержанию с изучаемыми нами греческими рукописями; см. *Р. П. Дмитриева*. Четыре сборника XV в. как жанр. — ТОДРЛ, XXVII, 1972, стр. 150—180.

² О типах малых византийских хроник см. *З. Г. Самодурова*. Малые византийские хроники и их источники. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 153—161.

³ *M. Richard*, N 58, 667; *M. Richard*, Suppl., N 670 с. Мы следуем принятой в специальной литературе системе от ссылок к каталогам греческих рукописей: *M. Richard*. — *M. Richard*. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Paris, 1958; *idem*. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Supplément I (1958—1963). Paris, 1964. Все включенные в справочник *М. Ричарда* каталоги рукописей имеют соответствующие номера, на которые мы и ссылаемся. Все номера с литерами относятся к *M. Richard*, Suppl.

⁴ *M. Richard*, N 859; *M. Richard*, Suppl., N 859a; *H. Hunger* — *O. Kresten*. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek, Th. 2. Codices juridici, Codices medici. Wien, 1969.

⁵ *M. Richard*, N 719, 720, 733, 734.

⁶ *Ibid.*, N 444.

⁷ *Ibid.*, N 568.

⁸ *Ibid.*, N 622.

⁹ *Ibid.*, N 651, 654, 659.

¹⁰ *Ibid.*, N 613.

¹¹ *Б. Л. Фонкич*. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета. — ВДИ, 1967, № 4, стр. 95, 103.

1. Работы по грамматике — заметки о частях речи, временах и спряжениях глаголов, склонении местоимений, окончаниях, словообразовании, пяти эллинических диалектах, грамматических и лексикографических терминах, ударениях, изменении смысла слова в связи с переносом ударения и др.¹²

2. Грамматические упражнения, сходы¹³.

3. Разнообразные лексиконы — словари к трудам отцов церкви, библейским книгам, произведениям античных и византийских авторов; медицинские, этимологические, юридические лексиконы и т. п.¹⁴

4. Алфавиты — греческий, латинский, еврейский¹⁵.

5. Труды по географии — общие географические сведения, описание частей света, климатов земли, отдельных островов, «святых» мест, городов, рассказ о разделении земли между сыновьями Ноя, *Notitiae episcopatus*, списки городов, гор, рек, семи чудес света и др.¹⁶

6. Сочинения по метрике¹⁷.

7. Сочинения по философии — преимущественно разнообразные комментарии философских сочинений, а также трактаты по метафизике, диалектике, краткие записи об опыте, знании, душе, сознании, мышлении, роке, судьбе, движении, происхождении человека и мира и т. п.¹⁸

8. Материалы по риторике — образцы речей и риторические упражнения¹⁹.

9. Исторические сочинения — о царствовании отдельных византийских императоров, завоевании Иерусалима, Маккавеев, Александре Македонском, сведения о жизни знаменитых людей, по греческой мифологии, сообщения о вселенских и поместных соборах, списки патриархов и т. д.²⁰

¹² *M. Richard*, N 613, стр. 667—671, 677—679; N 859a, S. 95, 159, 234, 306, 319—320, 322—324, 330, 357, 427; N 58, t. I, p. 159—160, 177; t. II, p. 129—130, 139—140, 143—144, 254—255; t. III, p. 20—21, 137—138, 157, 191, 292—293; N 667, p. 109—111; N 720, p. 359—363; N 734, p. 216—222; N 733, p. 118—120; N 651, t. I, p. 508—510, 688—692; N 654, p. 15—23; N 859, p. 405—408; N 444, t. IV, p. 218—223, 335—337; N 568, p. 256—266.

¹³ *M. Richard*. N 734, p. 216—222.

¹⁴ *Ibid.*, N 58, t. I, p. 171; t. II, p. 21—22, 129—130, 139—140, 210—211, 236—237, 254—255; t. III, p. 20—21, 157, 191, 292—293; N 667, p. 204—206, 352—353; N 859a, S. 28, 97, 159, 234, 319—320, 357; N 859, p. 136—140, 405—408; N 622, t. V, p. 247—257; N 733, p. 118—120.

¹⁵ *Ibid.*, N 58, t. I, p. 159—160; t. II, p. 35—36, 129—130, 139—140; t. III, p. 157; N 667, p. 204—206; N 859a, S. 95, 234, 323; N 859, p. 405—408; N 568, p. 256—266.

¹⁶ *M. Richard*, N 613, стр. 483—484, 667—671, 677—679; N 58, t. I, p. 41—42, 159—160; t. II, p. 2—3, 16, 21—23, 35—36, 93—94, 129—130, 137—138, 142—144, 210—211, 253; t. III, p. 137—138, 292—293; N 667, p. 109—111, 168—172; N 859a, S. 25—28, 100, 116—117, 159; *H. Hunger — O. Kresten*. Op. cit., S. 12—13; *M. Richard*, N 859, p. 136—140, 228—230, 340—344, 363—364, 405—408; N 622, t. V, p. 247—257; N 719, p. 183—185; N 720, p. 469—477; N 733, p. 102—104, 217—218; N 734, p. 236—237; N 651, t. I, p. 61—62, 429—433, 519—525; N 568, p. 480—499; N 444, t. I, p. 89—96; t. III, p. 162—164; t. IV, p. 126—134, 333; t. V, p. 56—59.

¹⁷ *Ibid.*, N 58, t. I, p. 41—42; t. II, p. 35—36, 139—140, 191—192, 254—255; t. III, p. 292—293, N 859a, S. 306, 323, 327; N 651, t. I, p. 688—692.

¹⁸ *M. Richard*, N 613, стр. 667—671; N 58, t. I, p. 41—42, 159—160; t. II, p. 35—36, 143—144, 191—192, 196; t. III, p. 137—138; N 859a, S. 95, 234, 427; N 859, p. 426—429; N 734, p. 212—215; N 654, p. 15—23; N 444, t. III, p. 162—164.

¹⁹ *Ibid.*, N 58, t. I, p. 159—160; t. II, p. 139—140, 191—192, t. III, p. 81—82; N 859a, S. 327, 357, 427; N 651, t. I, p. 508—510; N 444, t. IV, p. 126—134, 335—337.

²⁰ *Ibid.*, N 613, стр. 604, 667—671; N 58, t. I, p. 159—160, 177, 293—294; t. II, p. 16—21—23, 35—36, 93—94, 130, 137—140, 142—144, 191—192, 254—255; t. III, p. 20—21, 81—82, 137—138, 141—142, 157, 191, 194, 332—333; N 667, p. 109—111, 125—126, 204—206, 352—353, 365; N 670c, p. 130—131; N 859a, S. 99—101, 116—117, 306—307, 323, 327—330, 357; *H. Hunger — O. Kresten*. Op. cit., S. 12, 26; *M. Richard*, N 859, p. 110—122, 136—140, 228—230, 340—344, 382—384, 405—408, 426—429; N 733, p. 102—104, 118—120, 150—152, 217—218; N 734, p. 212—215, 235—236; N 719, p. 183—187; N 622, t. V, p. 247—257, 378—404; N 568, p. 256—266, 347—353, 480—499; N 654, p. 15—23, N 651, t. I, p. 26—27, 519—525, 688—692; N 659, t. I, p. 11—12; N 444, t. I, p. 89—96; t. III, p. 162—164; t. IV, p. 126—134, 232; t. V, p. 56—59.

10. Жития святых ²¹.

11. Произведения античных и средневековых авторов — сочинения Гомера, Пифагора, басни Эзопа, комедии Аристофана, сочинения Григория Богослова, Амфилохия Иконийского, Георгия Писиды, Андрея Критского, Иоанна Дамаскина, Михаила Пселла, Мануила Фила, Феодора Продрома, Максима Плануда и др. ²²

12. Арифметические и геометрические задачи ²³.

13. Сведения по астрономии (астрологии) — о семи планетах, 12 знаках зодиака, лунном и солнечном циклах, затмениях Луны и Солнца, движении Земли, изменении времени в зависимости от места на земле, добавочных днях, астрономические таблицы и т. п. ²⁴

14. Сведения по метрологии ²⁵.

15. Сведения по естествознанию, физиологии, космографии ²⁶.

16. Сведения по медицине — по диагностике, анатомии, о видах болезней и их лечении, о лекарствах, диете, медиках; медицинские рецепты ²⁷.

17. Данные о календарях, названия месяцев, пасхалии ²⁸.

18. Изложение книг Ветхого и Нового Завета, апокрифов, списки канонических и неканонических книг Библии, сведения об авторах евангелий и числе стихов в библейских книгах ²⁹.

²¹ *M. Richard*, N 58, t. I, p. 22, 41—42, 159—160; t. II, p. 93—94, 236—237, 254—255; t. III, p. 137—138, 157; N 667, p. 109—111, 204—206; N 859a, S. 94—101, 307, 328—329, 429; *H. Hunger — O. Kresten*. Op. cit., S. 13, 27; *M. Richard*, N 859, p. 110—122, 136—140, 228—230, 340—344, 382—384, 405—410, 426—429; N 651, t. I, p. 61—62, 429—433, 519—525, 688—592; N 720, p. 160—161, 469—477; N 734, p. 216—222; N 733, p. 102—104, 118—120, 150—152, 217—218, 245—248; N 622, t. V, p. 378—404; N 568, p. 347—353; N 444, t. I, p. 89—96; t. II, p. 649; t. III, p. 162—164; N 613, стр. 667—671, 677—679.

²² *M. Richard*, N 613, стр. 483—484, 667—671, 677—679; N 58, t. I, 41—42, 159—160, 177, 187, 288—289; t. II, p. 35—36, 93—94, 129—130, 137—140, 143—144, 191—192, 236—237, 254—255; t. III, p. 20—21, 81—82, 137—138, 194, 332—333; N 667, p. 109—111, 365; N 670 c, p. 130—131; N 859a, S. 26—29, 99—101, 112, 117, 127, 235, 306—308, 322—324, 358, 326—330, 428; N 859, p. 340—344; N 720, p. 13—15, 301—304, 323—330, 469—477; N 734, p. 216—222, 236—237; N 733, p. 217—218, 245—248; N 622, t. V, p. 247—257, 378—404; N 568, p. 256—266; N 654, p. 15—23; N 651, t. I, p. 429—433, 508—510, 688—692; N 444, t. I, p. 89—96; t. III, p. 162—164; t. IV, p. 126—134, 218—223, 335—337.

²³ *M. Richard*, N 58, t. II, p. 139—140, 196, 253; t. III, p. 137—138; N 667, p. 109—111; N 859a, S. 245; N 613, стр. 667—671.

²⁴ *M. Richard*, N 613, стр. 483—484, 667—671, 677—679; N 58, t. I, p. 159—160; t. II, p. 35—36, 137—140, 191—192, 196, 210—211, 236—237, 253; t. III, p. 20—21; N 667, p. 168—172; N 720, p. 157—159, 359—363; N 859a, S. 99, 117, 245—246, 306—307, 320, 323, 328, 356, 428; N 859, p. 340—344; N 734, p. 216—222; N 733, p. 217—218; N 444, t. I, p. 89—96.

²⁵ *Ibid.*, N 58, t. I, p. 159—160, 187; t. II, p. 93—94; N 859, p. 136—140; N 720, p. 469—477.

²⁶ *Ibid.*, N 58, t. I, p. 159—160, 177, 187; t. II, p. 35—36, 93—94, 129—130, 139—140, 143—144, 196, 236—237, 254—255; t. III, p. 20—21; N 720, p. 301—304, 469—477; N 734, p. 216—222, 236—237; N 733, p. 118—120, 217—218, 245—248; N 859a, S. 308, 320; N 859, p. 340—344, 382—384, 426—429; N 622, t. V, p. 247—257, 378—404; N 654, p. 15—23; N 651, t. I, p. 508—510, 688—692; N 444, t. V, p. 32—33; N 613, стр. 667—671, 677—679; *З. Г. Самодурова*. Хроника Петра Александрийского. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 153—154; *Б. Л. Фонкич*. Указ. соч., стр. 96—98.

²⁷ *M. Richard*, N 613, стр. 667—671, 677—679; N 58, t. I, p. 41—42, 288—289; t. II, p. 137—138, 210—211, 236—237, 254—255; t. III, p. 137—138; N 667, p. 109—111; N 622, t. V, p. 247—257, 378—404; N 859a, S. 98—99, 117, 328; N 859, p. 136—140; N 654, p. 15—23; N 734, p. 216—222, 236—237; N 733, p. 245—248; N 444, t. IV, p. 335—337.

²⁸ *Ibid.*, N 58, t. I, p. 159—160, 177; t. II, p. 137—140, 196, 210—211, 254—255; t. III, p. 137—138, 157; N 667, p. 109—111, 204—206; N 720, p. 157—159, 323—330, 359—363, 469—477; N 859a, S. 306, 323, 326, 357, 428; N 859, p. 136—140, 228—230, 382—384, 405—408; N 734, p. 216—222; N 733, p. 217—218, 245—248; N 654, p. 15—23; N 613, стр. 483—484, 677—679; *З. Г. Самодурова*. Анонимная византийская хроника в списке XV в. из греческой рукописи собрания ГИМ. — ВВ, 31, 1971, стр. 226—228.

²⁹ *З. Г. Самодурова*. Хроника Петра Александрийского, стр. 153—154; *Б. Л. Фонкич*. Указ. соч., стр. 96—98; *M. Richard*, N 58, t. I, p. 39, 41—42, 159—160; t. II, p. 16,

19. Многочисленные выдержки из Евхология, Псалтири, Стихираря и других богослужебных книг³⁰.

20. Выписки из сочинений отцов церкви и византийских писателей (в них раскрываются первоосновы христианского богословия³¹, излагаются главные положения православной веры³², идет речь о таинствах³³, о троице³⁴, сущностях и ипостаси³⁵, воплощении и воскресении³⁶, о душе³⁷, об отдельных праздниках³⁸; кратко характеризуются крупнейшие еретические течения³⁹.

-
- 93—94, 129—130, 137—138, 142; t. III, p. 20—21, 81—82, 137—138, 141—142, 157; N 667, p. 109—111, 125—126, 204—206; N 720, p. 157—159, 323—330, 359—363; N 859a, S. 29, 95—100; N 859, p. 228—230, 340—344, 382—384, 405—408; N 734, p. 216—222; N 733, p. 150—152, 245—248; N 622, t. V, p. 378—404; N 654, p. 15—23; N 659, t. I, p. 11—12; N 568, p. 480—499; N 444, t. II, p. 651—653.
- ³⁰ Ibid., N 58, t. I, p. 159—160, 177; t. II, p. 2—3, 21—23, 35—36, 93—94, 137—138, 236—237, 254—255; t. III, p. 20—21, 81—82; N 859a, S. 95—100, 306—307, 329, 357; *H. Hunger — O. Kresten.* Op. cit., S. 26—27; *M. Richard*, N 859, p. 340—344, 405—410; N 720, p. 323—330, 469—477; N 734, p. 216—222; N 733, p. 102—104, 217—218, 245—248; N 622, t. V, p. 378—404; N 654, p. 15—23; N 651, t. I, p. 429—433; N 444, t. II, p. 651—653; t. IV, p. 126—134; N 613, стр. 483—484, 667—671, 677—679; *З. Г. Самодурова.* Анонимная хроника, стр. 226—228.
- ³¹ *M. Richard*, N 613, стр. 483—484, 634—635, 667—671, 677—679; *З. Г. Самодурова.* Анонимная хроника, стр. 226—228. *M. Richard*, N 58, t. I, p. 22, 41—42, 159—160, 171, 187, 288—289, 293—294; t. II, p. 2—3, 16, 21—23, 35—36, 93—94, 137—141, 143—144, 191—192, 196, 254—255; t. III, p. 20—21, 81—82, 137—138, 191; N 667, p. 109—111, 168—172, 352—353; N 720, p. 157—161, 301—304, 323—330, 359—363, 469—477; N 859a, S. 26—28, 94—101, 159, 307—308, 322, 327—328, 356—358, 427—429; *H. Hunger — O. Kresten.* Op. cit., S. 11—13, 26—27; *M. Richard*, N 859, p. 110—122, 136—140, 217, 228—230, 340—344, 363—364, 382—384, 405—410, 426—429; N 734, p. 212—222, 236—237; N 733, p. 118—120, 150—152, 217—218, 245—248; N 622, t. V, p. 378—404; N 568, p. 256—266, 347—353; N 654, p. 15—23; N 651, t. I, p. 26—27, 61—62, 429—433, 508—510, 519—525, 688—692; N 659, t. I, p. 11—12; N 444, t. I, p. 89—96; t. II, p. 649, 651—653; t. III, p. 162—164; t. IV, p. 126—134, 218—223, 332—333, 335—337.
- ³² *M. Richard*, N 613, стр. 483—484, 667—671, 677—679; N 58, t. I, p. 41—42, 159—160, 171, 187, 288—289, 293—294; t. II, p. 22—23, 93—94; t. III, p. 137—138; N 667, p. 109—111; N 720, p. 160—161, 323—330, 359—363; N 622, t. V, p. 378—404; N 568, p. 347—353; N 734, p. 212—222; N 733, p. 118—120, 150—152, 245—248; N 859a, S. 26—28, 307; N 859, p. 110—122, 217, 340—344, 363—364, 382—384, 426—429; N 651, t. I, p. 429—433, 508—510, 519—525; N 444, t. II, p. 651—653; t. IV, p. 126—134, 218—223, 335—337.
- ³³ Ibid., N 622, t. V, p. 378—404; N 734, p. 216—222; N 733, p. 245—248; N 720, p. 157—159, 359—363; N 859a, S. 429; N 651, t. I, p. 429—433; N 58, t. II, p. 22—23; N 444, t. I, p. 89—96; N 613, стр. 667—671, 677—679.
- ³⁴ Ibid., N 613, стр. 677—679; N 859a, S. 95, 159—160; N 859, p. 110—122, 363—364, 426—429; N 734, p. 212—215; N 733, p. 150—152; N 58, t. III, p. 20—21, 137—138; N 667, p. 109—111; N 720, p. 323—330; N 651, t. I, p. 519—525, 688—692; N 444, t. II, p. 651—653; t. IV, p. 335—337.
- ³⁵ Ibid., N 859a, S. 96; N 859, p. 110—122; N 58, t. I, p. 159—160; N 720, p. 157—159, 359—363; N 733, p. 118—120; N 444, t. IV, p. 218—223; N 613, стр. 677—679.
- ³⁶ Ibid., N 613, стр. 677—679; N 622, t. V, p. 378—404; N 734, p. 212—222, 235—236; N 733, p. 118—120, 150—152, 217—218; N 720, p. 157—159, 359—363, 469—477; N 859, p. 110—122, 228—230, 426—429; N 654, p. 15—23; N 651, t. I, p. 429—433; N 58, t. I, p. 159—160, 288—289; t. II, p. 93—94, 254—255; N 859a, S. 95, 101; N 444, t. II, p. 651—653; t. IV, p. 126—134, 218—223, 332—333.
- ³⁷ Ibid., N 622, t. V, p. 378—404; N 734, p. 212—215, 235—236; N 733, p. 150—152, 245—248; N 720, p. 359—363, 469—477; N 58, t. II, p. 35—36; N 654, p. 15—23; N 651, t. I, p. 688—692; N 444, t. IV, p. 218—223; N 613, стр. 634—635, 677—679.
- ³⁸ *M. Richard*, N 859, p. 136—140, 382—384; N 859a, S. 94, 96; N 733, p. 245—248; N 734, p. 212—215; N 58, t. I, p. 41—42, 288—289; t. III, p. 191; N 767, p. 168—172, 352—353.
- ³⁹ Ibid., N 734, p. 212—215, 236—237; N 733, p. 118—120, 217—218, 245—248; N 58, t. I, p. 159—160, 288—289; t. II, p. 2—3, 16, 21—22, 93—94, 196; t. III, p. 137—138; N 667, p. 109—111; N 720, p. 160—161, 469—477; N 859, p. 110—122, 136—140, 363—364; N 859a, S. 27—28, 358, 427—428; N 622, t. V, p. 378—404; N 568, p. 347—353; N 651, t. I, p. 429—433, 688—692; N 444, t. I, p. 89—96; t. IV, p. 126—134, 218—223; N 613, стр. 483—484, 634—635, 667—671, 677—679; *З. Г. Самодурова.* Анонимная хроника, стр. 226—228.

21. Антилатинские полемические сочинения ⁴⁰.
22. Послания отцов церкви, духовных и светских византийских деятелей, где также освещаются богословские вопросы ⁴¹.
23. Многочисленные толкования трудов отцов церкви и византийских авторов, отдельных книг и мест Библии, канонов вселенских соборов, богослужебных текстов и т. п. ⁴²
24. Памятники светского и церковного законодательства — в первую очередь новеллы Юстиниана и других императоров, Шестикнижие Константина Арменопула и остальные его сборники, номоканоны, соборные постановления, Эклога законов, данных Моисею, типики и т. п. ⁴³
25. Комментарии древнегреческих мифов, афоризмов Гиппократа, античных литературных, юридических, философских и астрономических произведений ⁴⁴.
26. Изречения древнегреческих и византийских (светских и церковных) авторов ⁴⁵.
27. Морально-аскетические наставления ⁴⁶.
28. Заповеди ⁴⁷.
29. Загадки-пословицы ⁴⁸.
30. Перечни должностей константинопольского двора и церкви ⁴⁹.

-
- ⁴⁰ *M. Richard*, N 58, t. I, p. 288—289, 293—294; t. II, p. 2—3, 35—36, 137—138; N 859a, S. 95—97, 101, 357; N 859, p. 110—122, 136—140; N 733, p. 217—218, 245—248; N 734, p. 212—215; N 622, t. V, p. 378—404; N 651, t. I, p. 429—433, 688—692; N 444, t. IV, p. 126—134, 218—223.
- ⁴¹ *M. Richard*, N 613, стр. 483—484, 634—635, 667—671; N 58, t. I, p. 39, 41—42, 159—160, 171, 177, 187, 288—289, 293—294; t. II, p. 2—3, 16, 21—23, 35—36, 140, 254—255; t. III, p. 20—21, 81—82, 157, 191; N 667, p. 204—206, 352—353; N 720, p. 157—161, 323—330, 359—363, 469—477; N 651, t. I, p. 429—433, 519—525, 688—692; N 654, p. 15—23; N 734, p. 212—215; N 733, p. 102—104, 217—218, 245—248; N 859a, S. 27—29, 96, 98, 100, 306, 323, 326, 328, 358; N 859, p. 110—122, 136—140, 322—323, 382—384, 405—408, 426—429; N 622, t. V, p. 378—404; N 568, p. 256—266; N 444, t. I, p. 89—96; t. IV, p. 126—134, 218—223, 335—337; t. V, p. 56—59.
- ⁴² *M. Richard*, N 613, стр. 634—635, 667—671, 677—679; N 58, t. I, p. 26, 159—160, 171, 187, 288—289, 293—294; t. II, p. 21—23, 35—36, 93—94, 129—130, 141, 143—144, 191—192, 236—237, 254—255; t. III, p. 20—21, 157; N 667, p. 168—172, 204—206; N 720, p. 160—161, 323—330, 359—363, 469—477; N 733, p. 150—152, 217—218, 245—248; N 734, p. 212—222, 235—236; N 651, t. I, p. 61—62, 429—433, 688—692; N 659, t. I, p. 11—12; N 654, p. 15—23; N 622, t. V, p. 378—404; N 859a, S. 26—29, 96, 127, 357, 427—429; N 859, p. 110—122, 136—140, 228—230, 322—323, 382—384, 405—410, 426—429; N 444, t. I, p. 89—96; t. II, p. 649, 651—653; t. III, p. 162—164; t. IV, p. 126—134, 218—223, 332—333; t. V, p. 56—59.
- ⁴³ *M. Richard*, N 613, стр. 483—484, 667—671, 677—679; N 58, t. I, p. 41—42, 159—160; t. II, p. 2—3, 16, 21—23, 35—36, 93—94, 129—130, 143—144; N 651, t. I, p. 26—27, 61—62, 519—525; N 859a, S. 25—29, 97—98, 429; *H. Hunger — O. Kresten*. Op. cit., S. 11—12, 25—26; *M. Richard*, N 859, p. 110—122, 136—140, 340—344, 409—410; N 654, p. 15—23; N 568, p. 347—353; N 734, p. 212—215, 236—237; N 733, p. 102—104, 150—152, 217—218, 245—248; N 719, p. 183—185; N 622, t. V, p. 247—257, 378—404; N 444, t. I, p. 89—96; t. II, p. 651—653; t. III, p. 162—164; t. IV, p. 126—134; t. V, p. 56—59.
- ⁴⁴ *Ibid.*, N 651, t. I, p. 688—692; N 568, p. 256—266; N 859a, S. 112, 306, 327; N 58, t. II, p. 22—23, 191—192, 236—237, 253—255; N 720, p. 469—477.
- ⁴⁵ *M. Richard*, N 613, стр. 483—484, 667—671, 677—679; N 58, t. I, p. 41—42, 159—160, 177, 187; t. II, p. 93—94, 139—140; t. III, p. 20—21, 81—82; N 654, p. 15—23; N 651, t. I, p. 508—510, 688—692; N 859a, S. 94, 308, 322—324, 326, 357, 429; N 859, p. 382—384, 426—429; N 622, t. V, p. 378—404; N 568, p. 256—266, 347—353; N 734, p. 236—237; N 444, t. II, p. 651—653; t. IV, p. 335—337.
- ⁴⁶ *Ibid.*, N 651, t. I, p. 508—510, 688—692; N 654, p. 15—23; N 58, t. II, p. 143—144; t. III, p. 81—82; N 859a, S. 428; N 859, p. 340—344, 426—429; N 733, p. 245—248; N 719, p. 183—185; N 444, t. II, p. 651—653; N 613, стр. 667—671, 677—679.
- ⁴⁷ *Ibid.*, N 58, t. II, p. 22—23, 93—94; t. III, p. 81—82, 137—138; N 667, p. 109—111; N 622, t. V, p. 247—257; N 568, p. 347—353; N 733, p. 217—218.
- ⁴⁸ *M. Richard*, N 859a, S. 234, 322; N 58, t. II, p. 139—140; t. III, p. 81—82; N 859, p. 228—230.
- ⁴⁹ *Ibid.*, N 859a, S. 26, 28; *H. Hunger — O. Kresten*. Op. cit., S. 12—13, 26; *M. Richard*, N 859, p. 340—344; N 58, t. I, p. 41—42; t. II, p. 21—22, 130, 137—138, 142—144; t. III, p. 81—82; N 734, p. 236—237; N 733, p. 102—104; N 719, p. 183—185; N 444, t. III, p. 162—164; t. IV, p. 126—134, 218—223; t. V, p. 56—59; N 613, стр.

31. Пророчества (Мефодия Патарского, Льва Мудрого и др.)⁵⁰.

Большинство указанных сочинений являются работами небольшого размера, содержащими конкретные сведения по различным областям знаний. Это либо мелкие статьи, либо фрагменты, либо извлечения из крупных произведений. Некоторые из них представляют собой как бы краткий пересказ уже известных трудов. Атрибуция данных сочинений весьма условна. Нередко составители каталогов греческих рукописей при отождествлении текста этих статей ставят имя предполагаемого автора в скобки, сомневаясь в правильности своего определения. Многие из включенных в исследуемые манускрипты работ анонимны.

Ряд статей дан в виде вопросов-ответов на самые разнообразные темы (философские, богословские, грамматические, медицинские, морально-аскетические): об Адаме, Христе, вере, богах, троице, святом духе и его исхождении, ангелах, возрасте богородицы, Священном писании, евангелиях, ересях, церковных таинствах и обрядах, исповеди, опресноках, звездах, Аполлоне Дельфийском, изобретателях искусств и ремесл и т. д. Встречаются в манускриптах и образцы писем, завещаний, хрисовулов и т. п.

В рассматриваемых сборниках, кроме того, помещены всякого рода *перечни*: списки пророков, апостолов, правителей, вселенских патриархов, церковных кафедр, митрополий, архиепископий, канонических и неканонических книг Библии, должностей двора и церкви, эллинских диалектов, поэтов, ораторов, медиков; приводятся хронологические отсчеты лет, названия месяцев, городов, рек, гор и др. Данные статьи имели справочный характер и использовались, по всей вероятности, в качестве пособий по истории, хронологии, грамматике, литературе, географии и т. п.

Итак, в изучаемых нами манускриптах, в состав которых входят малые византийские хроники, представлены все отрасли знаний, распространенных в византийском обществе. Они содержат ценный материал для характеристики вкусов и интересов их читателей: писцов и владельцев. Эти сведения дают возможность более детально исследовать уровень и характер византийской образованности, позволяют выяснить те новые запросы, которые приводили к пересмотру состава сборников.

483—484, 667—671, 677—679; *З. Г. Самодурова*. Анонимная хроника, стр. 226—228.

⁵⁰ *M. Richard*, N 58, t. II, p. 211, 236—237; t. III, p. 20—21; N 720, p. 469—477; N 734, p. 216—222, 236—237; N 733, p. 245—248; N 859a, S. 101, 159, 322, 327, 428; N 859, p. 340—344, 409—410, N 622, t. V, p. 378—404; N 568, p. 256—266; N 651, t. I, p. 429—433, 508—510; N 444, t. III, p. 162—164; t. V, p. 56—59.

И. П. МЕДВЕДЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ «ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ИОАННА КАНТАКУЗИНА»

Небольшое по размеру любопытное сочинение «Жизнеописание Иоанна Кантакузина, императора ромеев», написанное в 1699 г. отпрыском известного византийского рода бухарестским врачом Иоанном Комнином и посвященное румынскому стольнику Константину Кантакузину, дошло до нас в двух рукописях — ГПБ, греч. 253 (без окончания) и Vindobonensis Suppl. gr. 79¹ — и было издано Хр. Лопаревым по первому из названных списков². Представляя собою не столь уж ценную по материалу компиляцию из нескольких источников, это «Жизнеописание», однако, неоднократно обращало на себя внимание исследователей. Наиболее спорным оказался вопрос об источниках, использованных Иоанном Комнином для написания этого сочинения, хотя последние явно немногочисленны и установить их, казалось бы, не представляет особого труда. История этих поисков подробно изложена в двух недавних работах — Фoorдекера и Найкола³, поэтому нам нет необходимости ее касаться. В данной заметке нам хотелось лишь обратить внимание исследователей на одно, оставшееся неотожествленным (даже в указанных работах, где вопрос об использованных Иоанном Комниным источниках ставится специально) место в тексте «Жизнеописания». Имеется в виду сообщение Иоанна Комнина о том, что Иоанн Кантакузин пожаловал привилегии Фессалонике и Монемвасии, подтвердив императорским орисмосом епископу Монемвасии круг священных прав, пожалованных ему императором Андроником Палеологом, а также хрисовулы императоров, предписывающих, чтобы он назывался *Παναγιώτατος*, подписывался индиктом, был экзархом всего Пелопоннеса и занимал место епископа Иерусалима⁴. «It is hard to know the source of Comnen's information», — говорит в этой связи Найкол⁵, а Фoorдекер констатирует, что этот отрывок не заимствован ни из «Мемуаров» Иоанна Кантакузина, ни из биографической заметки Жака Понтана к первым изданиям «Мемуаров» Кантакузина (которую в других местах своей компиляции интенсивно использовал Иоанн Комнин), и затрудняется указать точный источник этих сведений⁶. Между тем и этот отрывок не представляет трудности для отождествления: он целиком заимствован из всемирной хроники XVI в., известной под названием хроники Псевдо-Дорофея⁷. Приводим для сравнения тексты Псевдо-Дорофея и Иоанна Комнина.

¹ H. Hunger. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Supplementum graecum. Wien, 1957, S. 55—56.

² *Ioannis Comneni medici Vita Ioannis Cantacuzeni Romaeorum imperatoris*. Edidit graece Chrysanthus Loparev Samarovenssis. Petropoli, 1888.

³ E. Voordeckers. La «Vie de Jean Cantacuzène» par Jean-Hiérothée Comnène. — JÖB, 20, 1971, p. 163—169; D. M. Nicol. The Doctor — Philosopher John Comnen of Bucarest and his Biography of the Emperor John Kantakuzenos. — RESEE, IX, 1971, № 3, p. 511—526.

⁴ *Ioannis Comneni ... Vita Ioannis Cantacuzeni...*, p. 12, 1.8—20.

⁵ D. M. Nicol. Op. cit., p. 523.

⁶ E. Voordeckers. Op. cit., p. 168—169.

⁷ Βιβλίον ιστορικόν ... τοῦ κυρίου Δωροθέου. Ἐν Βενετία, 1814, σελ. 400. Об этой хронике см. Th. Preger. Die Chronik vom Jahre 1570 («Dorotheos» von Monembasia

τοῦτος ἔδωκε προνόμιον εἰς τὸν Θεσσαλονίκης νὰ λέγεται Παναγιώτατος, καὶ νὰ γράφη Ἰνδικτιῶνα. τοῦτος ἐβεβαίωσε διὰ βασιλικοῦ ὀρισμοῦ τὰ Ἱεροκύκλια τοῦ Μονεμβασίας, ὅποῦ ἔδωκεν ὁ Ἀνδρόνικος ὁ Παλαιολόγος καὶ ἔδωκάν του μεγάλας τιμὰς καὶ εἰσοδήματα, καθὼς τὰ οὐπτά Χρυσόβουλα τῶν Βασιλέων διαλαμβάνουν νὰ λέγεται Παναγιώτατος, νὰ γράφη Ἰνδικτιῶνα, νὰ εἶναι Ἐξαρχος πάσης Πελοποννήσου, καὶ νὰ ἐπέχη τὸν τόπον τοῦ Ἱεροσολύμων. ἔκαμε καὶ πολλὰς ἀναπαύεις τῶν χριστιανῶν, ἤγουν Διδασκαλεῖα Φιλοσοφίας, καὶ πάσης ἄλλης παιδεύσεως μαθημάτων, πτωχοτροφεία, γηροκομεῖα καὶ Ναοὺς ἀνέκτισεν.

ἔδωκε προνόμιον τοῦ Θεσσαλονίκης νὰ λέγεται «παναγιώτατος» καὶ νὰ γράφη ὡς καὶ ὁ Κωνσταντινουπόλεως Ἰνδικτιῶνα. ἔτι δὲ ἐβεβαίωσε καὶ τὰ ἱεροκύκλια τοῦ Μονεμβασίας διὰ βασιλικοῦ ὀρισμοῦ, ὅποῦ ἔδωκεν ὁ Ἀνδρόνικος ὁ Παλαιολόγος. καὶ ἔδωκάν του μεγάλας τιμὰς καὶ εἰσοδήματα, καθὼς τὰ τῶν βασιλέων χρυσόβουλλα διαλαμβάνουν, νὰ λέγεται δηλαδὴ καὶ αὐτὸς «παναγιώτατος» καὶ νὰ γράφη Ἰνδικτιῶνα καὶ νὰ εἶναι ἔξαρχος πάσης Πελοποννήσου καὶ νὰ ἐπέχη τὸν τόπον τοῦ Ἱεροσολύμων. Ἐκαμε δὲ καὶ πολλαῖς εὐεργεσίαις εἰς τοὺς χριστιανούς, ἤγουν διδασκαλεῖα φιλοσοφίας καὶ πάσης ἄλλης παιδεύσεως ἐπιστημονικῶν μαθημάτων, πτωχοτροφεία, γηροκομεῖα, ξενώνας, νοσοκομεῖα καὶ ὄρφανοτροφεία πολλά. ναοὺς δὲ ἱερῶς πολλοὺς μὲν ἀνεκαίνισε, πολλοὺς δὲ καὶ ἐκ βάρθρων ἀνήγειρεν.

Совпадение фраз, как видим, буквальное, почти слово в слово. так что факт заимствования бесспорен. Более сложным является вопрос об отношении к этой информации небезызвестного монемвасийского митрополита Макария Мелиссена. Нам приходилось уже указывать на то, что совокупность прав, которые якобы подтверждал своим орисмосом Иоанн Кантакюзин, является обличающей уликой подделок Макария Мелиссена, этого знаменитого пластографа⁸. Но, насколько нам известно, вопрос о причастности его к редакции хроники Псевдо-Дорофея решается исследователями отрицательно. Трудно сказать, в какой форме, по участие Мелиссена в составлении хроники нам представляется весьма вероятным⁹. Во всяком случае, несомненно, что привилегии Монемвасийской митрополии, о которых идет речь в хронике Псевдо-Дорофея и «Жизнеописании Иоанна Кантакюзина», не исходят от самого Иоанна Кантакюзина, хотя об этих привилегиях также говорится в его хрисовуле Монемвасийской митрополии, который мы издали по копии XVIII в. и к которому, как мы предполагаем, также «приложил руку» Макарий Мелиссен¹⁰.

und Manuel Malaxos). — BZ, XI, 1902, S. 4—15; D. Russo. Studii istorice greco-româna, I. București, 1939, p. 51—100; И. Н. Лебедева. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. («Палестинский сборник», вып. 18/81). Л., 1968.

⁸ И. П. Медведев. О подделке византийских документов в XVI в. — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. II. Л., 1969, стр. 283.

⁹ Ср. R.-I. Loenertz. Byzantina et franco-graeca. Roma, 1970, p. 30, n. 3 (Ленерц считает, что заметка в хронике Псевдо-Дорофея о подтверждении Иоанном Кантакюзинем привилегий монемвасийской митрополии была составлена или интерполирована после 1570 г. Макарием Мелиссеном или каким-нибудь продолжателем «его фальсификаторского труда»).

¹⁰ И. П. Медведев. Поздние копии византийских документов в собрании Библиотеки Академии наук СССР. — ВВ, 32, 1971, стр. 227—230.

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

О ТРЕТЬЕЙ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ «ЛЕТОПИСЦА ВСКОРЕ»
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА НИКИФОРА

Мы посвящаем эту статью истории текста «Летописца вскорее» патриарха Никифора в древнерусской письменности, а именно — его III русской редакции. Наукой уже давно было установлено, что «Летописец вскорее» восходит к «Χρονογραφικὸν βύβλον», малой византийской хронике IX в. названного автора. В своей работе «К изучению «Летописца вскорее» константинопольского патриарха Никифора»¹ мы, опираясь на труды А. А. Шахматова, Н. В. Степанова, А. Н. Насонова², предлагаем различать три редакции памятника: Нераспространенную, Распространенную и Сводную, и рассматриваем некоторые особенности I и II редакций. При этом мы приходим к следующим выводам: I (Нераспространенная) редакция наиболее полно отразила текст оригинала, II (Распространенная) редакция основана на переводе текста I и содержит дополнения, свидетельствующие об использовании составителем целого ряда памятников хронографического жанра (Хроники Георгия Амартола, Полной Хронографической Палеи и др.). Как мы пытались показать, это обращение не носило характера дословного цитирования других хронографических памятников, а свидетельствовало о начитанности древнерусских книжников и знании многих сходных сюжетов. Кроме того, текст II редакции представлен в древнерусской традиции несколькими видами. Мы различаем их четыре.

Теперь в центре нашего внимания будет III (Сводная) редакция. Она отразилась в списках: ГБЛ, собр. Беляева, 1512 (М., 1512) (далее — Бел); ГБЛ, собр. Волоколамское, № 191 (583) (далее — Вол); ГПБ, собр. Погодина, № 1409 (далее — Пог₂); ГПБ, собр. Погодина, № 1577 (далее — Пог₃); ГПБ, собр. Софийское, № 1497 (далее — Соф₂); ГПБ, Q XVI 321 (далее — Q₂); ЦГАДА, собр. Мазурина, № 289 (далее — Маз); ЦГАДА, ф. 181, № 365 (далее — Архив). В основе этой редакции лежит такой текст «Летописца вскорее» Никифора, который, с одной стороны, местами при описании исторических событий и характеристик правителей сохранил почти дословный перевод оригинала (например описание эпохи Фалека, подвигов Александра Македонского и пр., что является характерным признаком I редакции); с другой стороны, ему присущи некоторые отличительные черты II редакции (например, № 2—4, 7—8, 10—15, 17, 20—22 классифицированных нами отличительных черт). Однако объем сведений из истории Болгарии и Древней Руси (черта 22) сокращен, изменен также порядок и стиль повествования: нет сведений о смерти Синеуса и Трувора, Олег назван племянником Рюрика³, дважды говорится о смерти Игоря (что свидетельствует об использовании автором III редакции какого-то дополнительного источника, кроме текста II редакции); при

¹ ТОДРЛ, т. XXIX, 1974.

² Библиографию работ см. там же.

³ Эта особенность — определение Олега как «племянника» Игоря — отмечена в работе: Б. М. Кloss. О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI, 1971, стр. 247.

сообщении о переводе книг Священного писания на славянский язык говорится, что он был выполнен «святым Кирилом Философом» и др.

Нам представляется, что автор III редакции не прибегнул к новому переводу греческого оригинала, а использовал уже существовавшие тексты перевода и его переделки (так мы называем текст II редакции). В большей части изложения текста (до перечисления лет правления византийских императоров и событий византийской истории), по-видимому, книжником были только сведены разночтения предшествующих редакций. Так, при описании времен Фалека первая фраза дана — по II редакции, а все дальнейшее пространное изложение — по I, предыстория перехода Моисея и еврейского народа через пустыню — по I редакции, а отсчет лет от Авраама до этого события — по II, или, например, подробное описание пленения Иерусалима Навуходоносором дано по II редакции, а отсчет лет от начала царствования Соломона до пленения — по I⁴. Следует отметить, что в тексте III редакции есть отсчеты лет, отсутствующие в текстах редакций I и II: от пленения Иерусалима Навуходоносором до смерти Александра Македонского («лет 200 и 61») и от рождения Христа до начала царствования римского императора Диоклетиана («лет 270 и 6»). Кроме того, в тексте III редакции в значительной степени были использованы дополнительные источники, что повлияло на композицию текста. Так, после перечисления событий римской истории после указанной выше «суммы лет» от «рождения Господня до Диоклетианова» следует заголовок: «Царие царствующие в Коньстянтине граде православии же и еретици». Далее приводится текст с именами и числами лет царствования византийских императоров, с указанием важных исторических событий, подробным описанием вселенских соборов и интервалами лет между ними, и, согласно указанному заголовку, для завершения характеристики правления императоров указано отношение их к православию.

Аналогичный перечень содержится и в тексте выделяемого нами третьего вида II редакции. Но в отличие от третьего вида II редакции, в котором этот перечень византийских императоров был по сути дела формально прибавлен к существовавшему тексту и являлся тавтологией (ведь в основном тексте Хронографикаона приведены имена византийских императоров и указаны многие исторические события), автор III редакции использовал его совершенно по-иному: рассматриваемая часть текста III редакции начинается указанием числа лет правления Константина Великого, далее приводятся подробное описание Первого вселенского собора и сообщения — о трех сыновьях Константина Великого, о Юлиане и т. д. Здесь, как и в предшествующих частях повествования, можно видеть примеры сведения разночтений двух ранних редакций (факт царствования Константина Великого приведен по I редакции, описание Первого вселенского собора — по II и т. п.). Характеристики отношения императоров к православию начинаются только с имени Иовиана и сопровождают еще имена Валента и Уала, затем они даны спорадически лишь после имен Зинона и Юстина I. Постоянное употребление их начинается с царствования Никифора I. Перечисление византийских императоров заканчивается именем Иоанна VIII Палеолога, сына Мануила II. Последние слова: «Сын его Кир Калуян по нем начя царствовати в лет[о] 6933, православен» — аналогичны концу текста третьего вида II редакции. Как известно, подобные перечни или их отрывки входят в состав текста некоторых списков Еллинского Летописца II редакции⁵, а также в состав рукописей ГБЛ,

⁴ В перечне египетских Птолемеев Птолемей XII (Διδύμος) назван, как и в списках I и II редакций, Двуостровным. Этот факт — еще одно свидетельство того, что автор III редакции к новому переводу оригинала не обратился.

⁵ О списках Еллинского Летописца II редакции см.: О. В. Творогов. К изучению древнерусских хронографических сводов (I. Редакция Еллинского летописца. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции). — ТОДРЛ, т. XXVII,

собр. Ундольского, № 1, ГИМ, собр. Епархиальное, № 374 и др.⁶ В истории византийской хронографии подобные хроники-перечни, построенные по типу хронологического справочника, как и Хронографикон Никифора, связаны с традицией малых хроник. По существующей классификации З. Г. Самодуровой они могут быть соотносимы со вторым типом малых греческих хроник, построенных по поименному принципу (второй подгруппой четвертой группы)⁷. Как правило, это — анонимные произведения, имеющие заглавия: *Οἱ βασιλεύσαντες ἐν Κωνσταντινουπόλει ὀρθόδοξοι τε καὶ αἰρετικοί; οἱ βασιλεύσαντες ἐν Κωνσταντινουπόλει χριστιανοὶ καὶ ἁίρετικοί; Ὅσοι ἐβασίλευσαν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀπὸ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου; τῶν χριστιανῶν τοὺς βασιλεῖς μοι σέπει*⁸. Обращение к греческим текстам типа «*Οἱ βασιλεύσαντες ἐν Κωνσταντινουπόλει χριστιανοὶ καὶ αἰρετικοί*», как наиболее близким к изучаемому нами тексту, не позволило установить непосредственный источник. Просмотренные нами опубликованные греческие тексты перечней оканчиваются ранее начала царствования Мануила II Палеолога (даты последних событий — 780 г., 1347 г., 1390 г.)⁹. Определить точно время создания подобных компендиев на византийской почве невозможно, однако, как полагают, они могли быть составлены в то время, на событиях которого обрывается текст¹⁰. Вероятно, на Русь аналогичные перечни попали в конце XIV — начале XV в.¹¹ Нельзя утверждать, что изложение доходило именно до времени правления Иоанна VIII Палеолога, ибо есть и такие древнерусские списки, изложение в которых доведено лишь до начала царствования Мануила II Палеолога.

Возможно и то, что греческий текст перечня был доведен только до времени правления Иоанна V (1341—1391), отца Мануила II Палеолога, так как древнерусский текст, содержащий сведения о Мануиле II и Иоанне VIII Палеологе, по сравнению с предшествующей частью перечня структурно изменен (указаны даты начала правления обоих императоров, а не общие числа лет их царствования). Может быть, сообщения о Мануиле II и Иоанне VIII приведены по другому источнику (не обязательно по малой хронике?): в высшей степени лаконичная форма изложения перечня позволяла русскому книжнику продолжить его по дополнительным источникам¹².

1972, стр. 380—404. По мнению О. В. Творогова, этот перечень находился уже в протографе Еллинского Летописца II редакции.

⁶ Иногда в описаниях собраний рукописей эти перечни признаны отрывками из Летописца Никифора; см. например: Каталог славянорусских рукописей, приобретенных Московским публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после смерти Д. В. Пискарева. Составлен А. Е. Викторовым. М., 1874, стр. 38—40; А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. I. М., 1866, стр. 91—92; «Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», т. 3, вып. 1. М. — Л., 1959, стр. 43—56. Но, как мы попытаемся показать ниже, это, по-видимому, — переводы (или переложения) других малых византийских хроник, а не «*Χρονογραφικὸν σύντομον*».

⁷ З. Г. Самодурова. Малые византийские хроники и их источники. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 159.

⁸ Там же.

⁹ Шифры греческих рукописей с малыми хрониками этого типа, текст которых издан, см. в указ. работе З. Г. Самодуровой, стр. 159.

¹⁰ Там же, стр. 160.

¹¹ А. Н. Насонов считал, что во второй половине XV в., в период объединения русских княжеств вокруг Москвы, «Летописец вскоре» патриарха Никифора был особенно популярен на Руси, а соединившийся с ним перечень византийских императоров, православных и «еретиков», гармонировал с интересом к вопросу о различных сектах в эту эпоху на Руси; см. А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 413—414.

¹² То, что даты правления византийских императоров и самый их перечень в древнерусских списках третьего вида II редакции и списках III редакции приводятся согласно тождественной малой византийской хронике, может быть доказано, например, фактом упоминания в текстах этих редакций имен императоров, которые опущены в тексте «*Χρονογραφικὸν σύντομον*»: например, «Уал лета три, арианин»; Онорие лета три, православен» — «*Ὀυάλης ἔτη γ', ἀρειανὸς ταξιδάρης*», «*Ὀνώριος ἔτη γ', χριστιανός*», или перевода глагольной формы «*ἐκπεσών*» причастием «ниспад» в характеристике Михаила VII Дуки: «Михаил сын Дуков по смерти матери

Другая композиционная особенность III редакции, помимо включения в текст «Летописца вскоре» Никифора хроники-перечня византийских императоров, связана также с использованием нового источника. Так, списки Пог₂, Пог₅, Бел, Вол, Маз, Архив имеют и выборку «сумм лет» важнейших событий всемирной истории. Она начинается словами: «От Адама до потопа лет 2242» и заканчивается: «От крещения же руския земля до исполнения седмыа тысящи рекше седмаго века лет 504». Основными вехами событий мировой истории в «выборке» служат: разделение языков, начало жизни Авраама, переход сынов израильских через Чермное море, смерть царя Давида, начало царствования Соломона, взятие Иерусалима Навуходоносором, смерть Александра Македонского, рождество Христа, начало царствования римского императора Августа, смерть и воскресение Христа, начало царствования Константина I. Кроме того, указаны интервалы между вселенскими соборами (от первого до седьмого), а также важнейшие события славянской истории — перевод греческих книг на славянский язык Мефодием и крещение Руси. Эта «выборка» по-разному соединяется с текстом «Летописца вскоре» Никифора. В списках Пог₂, Пог₅, Бел, Вол она заканчивает текст, а в списках Маз и Архив предшествует ему. Целесообразно, по-видимому, выделить среди текстов III редакции виды: 1-й — без «выборки», представленный списками Q₂ и Соф₂; 2-й — «выборка» включает текст, списки Пог₂, Пог₅, Бел, Вол; 3-й — «выборкой» начинается текст, списки Маз и Архив.

В древнерусских рукописях нередко встречаются тексты, озаглавленные «Летописец вскоре» или «Летописчик вкратце», которые также представляют собой выборку «сумм лет» различных исторических событий¹³. Если вновь обратиться к классификации З. Г. Самодуровой, то можно предположить, что эти летописцы соотносимы с греческими малыми хрониками 3-го типа, так называемыми *φῆρος ἐτῶν*¹⁴. По-видимому, с традицией малых хроник типа «счета лет» следует связывать и ответ Александра Невского римским послам из «Жития Александра Невского»¹⁵, и хронографическую выборку Кирика¹⁶, и текст «Повести временных лет»,

его и отчима его лет 6 и месяц 7; православен, еже от царства ниспад поставлен бысть митрополитом Ефеским» — *Μιχαὴλ ὁ υἱὸς τοῦ Δοῦκα μετὰ τὴν καταλύσιν τῆς μητρὸς αὐτοῦ καὶ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ ἔτη ε' μηνᾶς ζ'. χριστιανός. ὅς καὶ τῆς βασιλείας ἐκτελεσῶν ἐκστρωτοῦντῆθι μητροπολίτης Ἐφέσου* (текст здесь и выше цитируется по изданию: *C. de Boor. Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani. Opuscula historica. Lipsiae, 1880, p. 231—234.*)

¹³ Образцом подобных текстов может быть текст «Летописчика вкратце», предшествующий Хронографу редакции 1512 г.; см. ПСРЛ, т. XXII, ч. I. СПб., 1914, стр. 19—20. Кроме указанных выше событий всемирной истории (стр. 153), в этих текстах есть и дополнительные факты из истории славян: крещение Болгарии и начало княжения Рюрика. Стилистической особенностью подобных текстов является то, что после каждой строки с упоминанием суммы лет, как рефрен, следует отсчет событий от рождения Адама («А от Адама лет...»).

¹⁴ *З. Г. Самодурова. Указ. соч., стр. 155.*

¹⁵ В этом ответе содержится перечисление основных «вех» событий всемирной истории, за исключением фактов из истории славян; здесь нет также числового выражения «сумм»; см. *В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст.* СПб., 1913, стр. 46. В. Мансикка, исследуя круг источников, повлиявших на текст «жития», предполагал, что этот отрывок связан с летописным хронологическим перечнем, «приводимым в начале летописей и нередко составляющим предмет особой статьи» (там же, стр. 46—47). Д. С. Лихачев считает, что текст ответа Александра Невского послам — систематическая и логическая выборка текста из хронографического отрывка Летописца Никифора, и предполагает при этом существование особого Хронографа, отразившегося в «Житии» и именного в своем составе «Летописец вскоре» Никифора; см. *Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского.* — ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 38—42.

¹⁶ См. *Н. В. Степанов. Заметка о хронологической статье Кирика (XII век).* — ИОРЯС, т. XV, кн. 3, 1910, стр. 144—150. По мнению Н. В. Степанова, одним из источников «выборки» Кирика послужила «Хронологическая таблица патриарха Никифора» или ее переделка. Как нам кажется, по предварительным наблюдениям можно считать, что именно текст «выборки» Кирика в наибольшей степени соответствует «суммам лет» в тексте III редакции «Летописца вскоре» патриарха Никифора.

читающийся под 852 г.¹⁷, и выборки «суммы лет», находящиеся в списках ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 2 (XIV в.), л. 137 и ГБЛ, собр. Ундольского, № 1 (XV в.), л. 470¹⁸. Все эти тексты необходимо в дальнейшем сопоставить между собой и с «суммами лет» «Летописца вскорее» Никифора для того, чтобы выяснить их генетическую зависимость.

Пока можно лишь высказать следующее заключение: ни текст «выборки» из «Жития Александра Невского», ни тексты, подобные «Летописчику вкратце» их Хронографа западнорусской редакции, нельзя считать возможными источниками «выборки» сумм III редакции «Летописца вскорее» Никифора. В первом случае — по причине схематичности и отсутствия важных исторических фактов, во втором — по причине позднейшей фиксации в тексте большого исторического свода, созданного не ранее XVI в. Кроме того, значительная часть списков III редакции входит в состав сокращенных Летописных сводов конца XV в.¹⁹: Пог₂, Пог₅, Бел — в состав Сокращенного Летописного свода 1493,²⁰ Маз, Архив, Вол — в состав Сокращенного Летописного свода 1495²¹ Соф₂ — в Хронограф особого вида²², Q₂ — в сборник историко-литературного состава. Вероятно, можно также предположить, что подобные «выборки сумм» могли быть не только переводами малых хроник, но и составляться русскими книжниками самостоятельно по образцу греческих. Необходимо отметить и тот факт, что часть поздних списков «Летописца вскорее» Никифора, списков XVIII—XIX вв. ГБЛ, собр. Тиханова, № 600 — Тих₂, ГПБ, собр. Соловецкое, № 831/941 — Сол₃, ГБЛ, собр. Пискарева, № 197 — Писк₂, ГПБ, собр. Погодина, № 1568 — Пог₃, ГБЛ, собр. Вологодское, № 168 — В) не попадает в предлагаемую нами систему классификации редакций памятника. Особенность этих списков заключается в том, что в них не представлен полностью текст Хронографика, а есть только выписки из отдельных частей всемирной истории, выполненные по тексту Никифора, сопровождаемые также «суммами лет» отдельных событий и дополненные иногда сведениями и фактами из русской истории. Это своеобразные вариации на текст «Летописца вскорее» Никифора²³.

¹⁷ А. А. Шахматов соотносил этот текст с текстом «Летописца вскорее» патриарха Никифора, причем с его II греческой редакцией: А. А. Шахматов Исходная точка летосчисления «Повести временных лет». — ЖМНП, ч. СССХ, 1897, № 3, стр. 217—222.

¹⁸ Оба текста имеют заглавие: «От книг Хронографа», они идентичны, содержат «суммы лет» всемирной и русской истории, однако «вехи» этих сумм отличны от известных нам других подобных выборов.

¹⁹ Своды опубликованы в ПСРЛ, т. XXVII. М. — Л., 1962, стр. 163—298 и 299—367, тексты «Летописца вскорее» Никифора III редакции занимает стр. 165—172 и 301—307.

²⁰ Подробное описание списков, относящихся к этим летописным сводам, см.: С. М. Кашинов. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493—1495 гг.). — ПИ, VIII, 1959, стр. 445—465.

²¹ В статье Я. С. Лурье «Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и «Устюжского летописца» («АЕ за 1971 год». М., 1972, стр. 120—129) указаны дополнительные шифры списков данных сводов, однако текст «Летописца вскорее» в них нами не обнаружен.

²² А. Попов. Указ. соч., вып. 1, стр. 217—226.

²³ Списки БАН, 45.11.16 (H) и ГПБ, 22/1099 (E) не рассматриваются в нашей классификации редакций. H представляет особую редакцию памятника, так как имеет вставки из Хроники Георгия Амартола; см. С. А. Белокуров. Русские летописи. — ЧОИДР, кн. IV. М., 1898, стр. 1—90. Текст этого списка до сих пор остается единственным в своем роде. E переписан известным книжником XV в. Ефросином, который проявил заметную осведомленность в вопросах всемирной истории, и возможно, что текст «Летописца вскорее» Никифора был лишь одним из источников «Летописца», составленного им самим. Краткую характеристику списка E см.: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, стр. 151.

Заклячая наш обзор, мы должны отметить, что, по всей видимости, древнерусским книжникам были известны греческие тексты не только таких больших по объему произведений византийской хронографии VI и IX вв., как Хроники Иоанна Малалы, Георгия Монаха (Амартола), Георгия Синкелла, но и разнообразные тексты малых анонимных византийских хроник, которые были переведены или одновременно с текстом «Летописца Никифора», или некоторое время спустя и переводились на протяжении всего времени обращения русских книжников к византийскому наследию. Причем в древнерусской письменности греческая традиция преломлялась особо: разные типы малых хроник не только нередко соседствовали и сливались в один текст, но и взаимно влияли друг на друга. Это явление мы наблюдали в списках и сокращенных летописных сводов конца XV в., и Никоновского свода. Хотя в этих случаях текст «Летописца вскоре» патриарха Никифора является неотъемлемой частью уже сложившегося свода, однако подобное расчленение его источников необходимо для определения специфики русского летописания и для выяснения истоков его формирования и судьбы Летописца Никифора уже на новой, после перевода на славянский язык, почве. Замечания о существовании традиции перевода малых византийских хроник в древнерусской письменности содержатся в работах Ф. Терновского²⁴ и И. И. Жданова²⁵. Как и им, нам пока не удалось обнаружить непосредственных греческих оригиналов для текстов типа «Цари царствующие в Константинограде, православни же и еретици» и выборок «сумм лет». Но мы надеемся, что в дальнейшем процессе работы эта загадка может быть решена²⁶.

В данной работе был предложен опыт классификации дошедших списков «Летописца вскоре» Никифора (без учета соотношений и изменений списков в их временном развитии). Даже такой опыт предварительной классификации дает возможность выделить отдельные важные моменты в истории текста. Хронографикон Никифора, этот «в высшей степени тощий труд» (К. Крумбахер), после перевода на славянский язык имел удивительную судьбу. Если в истории византийской хронографии ему была уготована лишь роль справочного пособия по истории и использования его для нужд школьного образования, наряду с массой других подобных произведений, то на Руси он стал не только излюбленным кратким сводом событий всемирной истории, о чем свидетельствует большое число сохранившихся списков, но и был воспринят официальным летописанием как наиболее авторитетный труд.

Лаконизм его изложения и в то же время достаточно насыщенный свод событий всемирной истории позволяли использовать «Летописец вскоре»

²⁴ Ф. Терновский. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси, вып. I, Киев, 1875, стр. 143.

²⁵ И. И. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895, стр. 97—98.

²⁶ Не связаны ли с традицией малых хроник и тексты списков ГИМ, собр. Синодальное, № 939; ГИМ, собр. Синодальное, № 940 и ЛОИИ СССР, собр. Археографической комиссии, № 250, озаглавленные: «Сказание въ кратце сущимъ от Адама до днепнего времени родословие»? Они содержат изложение событий от Адама до Константина Великого (Син. 940) или до взятия Царьграда турками (Син. 939 и Археографической комиссии № 250). Текст списков до описания времени Константина Великого совпадает с напечатанным текстом из Летописи по Воскресенскому списку (ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 246—247). По-видимому, соотносимы с малыми хрониками тексты: ГИМ, собр. Синодальное, № 951 и ГВЛ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 408, которые, вероятно, из-за краткости изложения, ошибочно отождествлены Р. П. Дмитриевой с «Летописцем вскоре» Никифора: Р. П. Дмитриева. Четыре сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, т. XXVII, 1972, стр. 163, 167. По нашим наблюдениям, текст Син. 951 более близок к тексту, опубликованному М. Н. Тихомировым; см.: М. Н. Тихомиров. Малоизвестные памятники, I. Летописец XV в. с названием «Россия» и «Российская земля». — ТОДРЛ, т. XVI, 1960, стр. 452—454.

в качестве вступления к русским летописным сводам и тем самым связывать историю Руси с историей Византии, а через нее — со всемирной историей.

Судьба памятника была сложной. На древнерусской почве он подвергался переработкам и переделкам, вступая во взаимоотношения с текстами других памятников. Мы предложили различать три редакции «Летописца вскоре» Никифора. Если о времени возникновения и становления I и II редакций памятника мы не можем говорить достаточно определенно, ибо это связано с будущим исследованием о переводе памятника на славянский язык и распространением его на Руси, то создание III редакции мы связываем со второй половиной XV в., когда политическая идея «Москва — Третий Рим» особенно остро воспринималась древнерусскими книжниками и в данном случае нашла свое подтверждение в создании сокращенных летописных сводов конца XV в., прологом к которым и послужила новая редакция «Летописца вскоре» Никифора.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

К вопросу о социальных воззрениях Кекавмена

Сочинение Кекавмена, условно именуемое «Советы и рассказы», только что вышло в новом издании Г. Г. Литаврина¹. Как известно, этот памятник сохранился в единственной рукописи ГИМ № 436², переписанной столь малограмотным писцом, что местами текст искажен до неузнаваемости. Уже первые издатели, В. Г. Васильевский и В. К. Эрнштедт, сделали десятки поправок к рукописному чтению³, а после них П. Лемерль и его сотрудники предложили еще ряд конъектур⁴. Литаврин критически пересмотрел работу своих предшественников, приняв одни из поправок, отвергнув другие и предложив еще 39 исправлений текста (по его собственным подсчетам — Г, стр. 33; ср. стр. 310—312).

Несмотря на сравнительную простоту синтаксиса Кекавмена, перевод его не представляется легким делом. До сих пор существовал лишь один полный перевод Кекавмена — на немецкий язык, выполненный Х. Г. Беком⁵. Литаврин критически пересмотрел этот перевод и предложил десятки поправок к нему. Издание Литаврина снабжено обширнейшим комментарием: автор тщательно разъясняет термины и реалии, раскрывает намеки, обосновывает свое чтение и понимание текста. Наконец, во введении мы находим всестороннюю характеристику рукописи, автора и его сочинения.

Новая публикация, несомненно, будет способствовать изучению сочинения Кекавмена и облегчит это изучение. Однако трудности, связанные с пониманием памятника, столь велики, что работа Литаврина не «закрывает тему» — да он, разумеется, и не стремился к этому. Ряд вопросов все еще остается спорным, и я бы даже сказал, что после работы Литаврина спорность их обнаруживается с еще большей ясностью. Но прежде чем обратиться к этим вопросам, и особенно к проблеме социальных воззрений Кекавмена, я хотел бы еще раз вернуться к тому, что составляет объект анализа, — к тексту Кекавмена и его переводу.

Текст издается критически, а не дипломатически, и это вполне оправдано, поскольку публикация опирается на поздний список (XIV в., по Фонкичу). В соответствии с избранным принципом издатель стремится максимально приблизиться к тексту автографа: он изменяет, согласно своей концепции, порядок разделов («Советы топарху» помещены после «Советов василевсу» — вопреки рукописи), конъектуры, как правило, выносятся в текст, а не в критический аппарат.

Из 39 конъектур Литаврина 12 отражают вполне оправданную тенденцию избежать слишком далеких, слишком «смелых» отклонений от рукописного чтения (стр. 144.19; 160.8, 16, 17; 170.6; 172.29; 184.25; 186.31; 220.4; 282.29; 284.8; 306.1); именно эта тенденция позволила издателю предложить убедительное прочтение двух географических названий: Товий и Мосинополь. В двух других случаях эмендация приводит к новому

¹ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972 (далее — Г).

² См. Б. Л. Фонкич. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена. — ВВ, 31, 1971, стр. 108—120; Р. М. Бартияян. О владельце рукописи «Советов и рассказов» («Стратегикона») Кекавмена — «Вестник общественных наук АН Арм ССР», 1973, № 1, стр. 75—78.

³ *Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus*. — «Записки Историко-филологического факультета СПб. университета», 38, 1896 (далее — ВЕ).

⁴ P. Lemerle. *Prologèmes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos*. Bruxelles, 1960 (далее — Л), p. 101—106. Согласно Литаврину (Г, стр. 33), он принял 22 (менее половины) поправок Л; по моему подсчету, им принято (полностью или частично) 39 и отвергнуто 13 (в том числе одна в соответствии с исправлением Ж. Гуйара) конъектур французского ученого.

⁵ H. G. Beck. *Vademecum des byzantinischen Aristokraten*. Graz, Wien, Köln, 1956, (далее — Б).

пониманию текста: замена рукописного $\tau\alpha\upsilon\mu\omicron\nu\omega\upsilon\acute{\nu}$ на $\delta\alpha\iota\tau\omicron\mu\omicron\nu\omega\upsilon\acute{\nu}$ $\omega\upsilon\acute{\nu}$ (стр. 218.3) и замена $\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\omicron$, осмысленного *BE* как возможный топоним, на $\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\omicron\nu$ (стр. 182.22). В четырех случаях мы имеем дело с исправлением орфографии (стр. 226, 24, 244.20) и пунктуации (стр. 268.22, 284.13). Непростой задачей было восстановление имен, переданных в ненормативном написании. Можно, пожалуй, согласиться с исправлением имени Велисария (стр. 148.13), которое Кекавмен, по справедливому суждению издателя (стр. 363, прим. 207), не мог не знать, и имени Диогена (стр. 266.4). Но когда в рукописи 11 раз топоним Лариса (и ларисяне) пишется с одной сигмой, добавление второй кажется мне произвольным. То же относится к имени Роберта Гвискара, встречающемуся в двух вариантах: Рупердос (стр. 186.19) и Рунпердос (стр. 254.9), что *G* ригористически выправляет на Рупердос, хотя известно, что и грамотные византийцы давали подчас произвольную транскрипцию латинских имен. Чтения $\rho\acute{\omega}\sigma\omicron\upsilon\varsigma$ (стр. 176.23) и $\Phi\acute{\iota}\lambda\iota\pi\pi\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ (стр. 180.33) вполне возможны, но они не лучше конъектур *BE*: $\rho\acute{\omega}\varsigma$ и $\Phi\acute{\iota}\lambda\iota\pi\pi\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ (последнее даже предпочтительней, так как в рукописи два ударения). Аргироцулос (стр. 280.4) не более правомерен, нежели Аргирополос *BE*, но последний ближе к рукописному $\acute{\alpha}\rho\gamma\upsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\lambda\omicron\varsigma$. Рукописное $\kappa\alpha\theta\acute{\epsilon}\nu\alpha$ (стр. 276.26) возможно и вполне соответствует слитному написанию $\kappa\alpha\tau\acute{\iota}\delta\iota\alpha\nu$ (стр. 124.25 и др.) или $\acute{\epsilon}\xi\alpha\nu\acute{\alpha}\gamma\chi\eta\varsigma$ (стр. 254.21), оставленным без исправления. Наконец, перенос отрицаний $\omicron\upsilon$ на стр. 268.6 не кажется мне обязательным.

Таким образом, 18 конъектур Литаврина можно считать «вкусовыми». Их, во всяком случае, лучше было бы включать не в текст, а в критический аппарат. Одну конъектуру следует отвергнуть, как ошибочную: на стр. 264.12 во фразе $\acute{\alpha}\pi\alpha\rho\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma$ $\tau\eta\acute{\nu}$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\nu$ издатель убирает артикль, не учитывая, что здесь подразумевается $\tau\eta\acute{\nu}$ $\delta\delta\acute{\omicron}\nu$ и что выражение $\tau\eta\acute{\nu}$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron$ $\acute{\alpha}\pi\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ зарегистрировано в словаре Лиддл — Скотта.

Несмотря на плодотворную работу Васильевского и Ернштедта, Лемерля и Литаврина, текст сочинения Кекавмена далеко не всюду ясен, и можно предпринять некоторые попытки к его эмendaции^{5а}.

Стр. 188.1. Рукописное $\acute{\omicron}\pi\acute{\epsilon}\rho$ $\acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\nu$, которое восстанавливает (вопреки *BE* и *B*) *G*, вряд ли возможно: из контекста следует, что речь идет не о властях, кроме стратига (как понимает *G*), но о подчиненных стратигу командирах. «Слушайся его (стратига) с полной покорностью», — настаивает Кекавмен. Следует читать $\acute{\iota}\pi'$ $\acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\nu$.

Стр. 228.14. В рукописи — $\alpha\acute{\omicron}\tau\acute{\omicron}\nu$. *G* (вслед за *BE*) принимает $\alpha\acute{\omicron}\tau\acute{\omicron}\phi$, но вполне возможно и $\alpha\acute{\omicron}\tau\acute{\omicron}\nu$, так как глагол $\acute{\epsilon}\pi\iota\lambda\acute{\iota}\pi\omega$ управляет и винительным.

Стр. 228.14. $\delta\acute{\epsilon}\iota\pi\lambda\alpha$, а не $\delta\epsilon\iota\pi\lambda\acute{\alpha}$, существительное, а не глагол.

Стр. 230.30. Речь идет о второженце, который берет новую жену из «порядочных» ($\tau\acute{\omicron}\nu$ $\chi\rho\eta\sigma\acute{\iota}\mu\omega\nu$), что не приносит ему счастья, так как на брачном ложе она будет вспоминать о первом своем супруге. Связи нет, но текст легко поддается исправлению, если вместо $\chi\rho\eta\sigma\acute{\iota}\mu\omega\nu$ читать $\chi\eta\rho\acute{\omega}\nu$ — «из вдов».

Стр. 244.7. Слово $\pi\omicron\nu\eta\rho\acute{\alpha}\varsigma$ явно не на месте. *G* (стр. 245; ср. 502, прим. 855) переводит «неутомимый», ссылаясь на фрагмент 139 Гесиода. Но Лиддл — Скотт осмысляют $\pi\omicron\nu\eta\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$ в этом фрагменте как *oppressed by toils*, т. е. измученный. Может быть, в оригинале стояло излюбленное Кекавменом $\phi\rho\acute{\nu}\nu\mu\omicron\varsigma$, точно отвечающее контексту?

Стр. 246.19 $\omicron\iota$ так как это не артикль, а местоимение: «которые».

Стр. 262.13. Рукописное $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\eta\acute{\nu}$ $\sigma\upsilon\nu\epsilon\acute{\iota}\delta\eta\sigma\iota\nu$ $\alpha\acute{\omicron}\tau\acute{\omicron}\nu$ странно. Чтобы выйти из затруднения, *G* переводит $\sigma\upsilon\nu\epsilon\acute{\iota}\delta\eta\sigma\iota\varsigma$ как «бессовестность» (стр. 263; ср. стр. 539, прим. 980), т. е. прямо противоположно смыслу. Не лучше ли читать $\alpha\acute{\omicron}\tau\acute{\omicron}\nu$ в значении «[Никулица], опечаленный в своем сознании», т. е. в душе?

Стр. 292.22—23: $\sigma\tau\rho\alpha\tau\acute{\iota}\epsilon\iota\alpha\varsigma$ $\acute{\epsilon}\omega\sigma\iota\nu$ $\acute{\epsilon}\xi\kappa\omicron\upsilon\sigma\sigma\acute{\alpha}\tau\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$. Стратия, один из видов крестьянских наделов, не подлежала, по византийской терминологии, экскуссии, и *G* (стр. 293) справедливо переводит: «[Владельцы] стратий пользовались экскуссией». Не следует ли читать $\sigma\tau\rho\alpha\tau\acute{\iota}\omega\tau\alpha\varsigma$ подобно тому, как в свое время Г. А. Острогорский⁶ $\sigma\tau\rho\alpha\tau\acute{\iota}\omega\tau\acute{\omicron}\nu$? Вопрос, во всяком случае, заслуживает рассмотрения.

Характеризуя свой перевод, Литаврин писал: «При переводе труда Кекавмена мы стремились к передаче не столько языковых и стилистических особенностей текста, сколько его смысла» (стр. 34). Если бы на самом деле так случилось, можно было бы только пожалеть, но в действительности Литаврин удачно сохраняет языковой рисунок оригинала с обилием просторечий и разговорными интонациями. Поскольку, однако, переводчик думает, что он не ставил перед собой художественной задачи и поскольку эта сторона дела не очень существенна для выбранной мною темы, я оставляю в стороне вопросы языка и стиля.

^{5а} См. важные поправки к тексту и переводу Кекавмена: *Р. М. Бартикян*. Некоторые замечания о «Советах и рассказах» («Стратегиконе») Кекавмена. — «Вестник общественных наук АН Арм.ССР», 1974, № 2, стр. 71—88.

⁶ *Г. Острогорский*. О византийском дрявним сельцима и војницима. — две повел е из доба Јована Цимискиа. — «Глас САН. Од друштв наука», 3, 1954, стр. 27, прим. 11. *Ср. А. П. Калждан, Б. Л. Фонкич*. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения. — ВВ, 34, 1973, стр. 40 и сл.

В целом переводчик успешно вышел из единоборства с Кекавменом, о чем в первую очередь свидетельствуют его многочисленные исправления старых переводов. Тем не менее и здесь еще многое предстоит сделать, и я позволю себе привести ряд примеров ошибочного или спорного понимания.

Стр. 118.2 *καλοτομία* οὐ τῆ τυχοῦσῃ — «неожиданному взысканию». Слово *καλοτομία* встречается у Кекавмена еще несколько раз, и там оно переведено иначе: «убыток» (стр. 150.15—17), «затраты» (стр. 196.24). В византийском юридическом языке термин этот означал «новшество, несправедливость» (см. Nov. Just., 7, 5 § 1). Поэтому заключение, что в тексте (испорченном) идет речь о «чрезвычайных государственных налогах» (стр. 328, прим. 5), как полагает Г — хотя и с колебаниями (стр. 329, прим. 7), — кажется мне неоправданным. Кекавмен говорит не специально о налогах, а вообще о несправедливости; к тому же οὐ τῆ τυχοῦσῃ — скорее «необычная» (unerhört — В, стр. 21), чем «неожиданная».

В сходном смысле следует понимать *καλοτομία* и в трудной фразе на стр. 196.24—26, которая в переводе Г звучит: «Если ты постарайся исполнить дело казначейства и возратить свои затраты, ты захочешь уменьшить ругу твоих людей и в конце концов отдать последнее, чего и не выразишь». Перевод не очень ясный: в самом деле, почему, исполняя дело казначейства, человек вдруг уменьшит жалование своих слуг или помощников? Начнем с наиболее надежного — с грамматики: *ἀπίτησας* — аорист и переводится прошедшим временем, «взыскал». Сомнения в правильности толкования усиливаются при семантическом анализе: *περίστημι* не имеет значения «исполнить дело», но «окружить, обойти», в том числе и в переносном смысле — «обмануть»; *ἀνασῶζω* может означать «удержать» (незаконно приобретенное). Так мы получаем иной перевод: «Если ты будешь стремиться обойти казначейство и удержатъ и незаконно приобретенное (*καλοτομίας*) и ругу твоих людей (запятую следует поставить не перед *καί*, а перед *θέλεις*), ты своей волей (*θέλεις*) нарушишь законность и в результате выблешь последнее, чего и не взыскал».

Как «несправедливое новшество» *καλοτομία* может быть понята и на стр. 150. Во всяком случае, и там не говорится о взысканиях.

Стр. 120.1—2. «Богатый, поведение и богатство которого евангелист называет блистательными». В самом деле, евангельская притча о Лазаре упоминает, что богат «пирествовал блистательно» (Лк., 16, 19). Но в греческом оригинале евангелия стоит *γαμπρός*, а Кекавмен употребляет совсем другое наречие — *τραντάτα*, которое означает «самым явным образом». Следует перевести: «Богач, о чьем образе жизни (*πολιτεία* — это не «поведение») и богатстве недвусмысленно заявляет (*ἀναγγεῖται*) евангелист» (см. В, стр. 22).

Стр. 120.14. «Предопределено было случившееся». *Οἰκονομία* — отнюдь не «предопределение», а совокупность спасительных действий Христа, особенно его смерть⁷. Я бы перевел: «Хотя это и послужило ко спасению». Перевод В (стр. 22) — «Vielleicht göttliche Zulassung war», на мой взгляд, также неточен.

Стр. 122.18. *Μή σοὺ καταγνώσεται* — «чтобы он не заподозрил тебя» (ср. В, стр. 24). Перевод грамматически правилен, но плохо увязывается со смыслом: получается, что другу надо помогать осторожно, чтобы он не заподозрил. Эту трудность заметили ВЕ, предлагавшие эмendaцию *καταγνώσῃ τις* (см. стр. 335, прим. 39). Но, может быть, можно обойтись без правки текста, понимая *καταγνώσεται* безлично, типа немецкого *man wird irge*. В такой же безличной форме стоит и глагол *δέχεται* (стр. 160.1) во фразе, которую Г переводит: «Если дело не исправится при таком подходе». При таком понимании спорное место означает: «Дабы не заподозрили тебя» (третьи лица).

Стр. 124.5—10. *Κατὰ συχώρησιν θεοῦ* не значит «по соизволению божию» (ср. стр. 186.19), но «по попустительству божию», как правильно переведено ниже (стр. 188.14). Богословие четко противопоставляет *συχώρησις* абсолютной воле бога, и соответственно Кекавмен предлагает эту формулу лишь к действиям, которые он оценивает негативно. Поэтому выражение *ἐπερ παύομαι* (стр. 124.8), «чего я страшусь» или «да не случится этого», относится не к тому, что человек вообще «окажется на большой высоте» (так Г), но только к одному случаю — если он вознесется «по попустительству божию», а не в силу своих добродетелей или рвения.

Стр. 142.8. «Без бога невозможно охотиться на воробья» (так и В, стр. 38). Смысл искажен. *Θῆρεον* с винительным означает «поймать» (ср. Лк., 11, 54 — «уловить»).

Стр. 144.11—12. Касаясь суждения древних авторов о полководцах, Кекавмен говорит: «Я же не принимал этого, так как не пришел к выводу — как или каким образом». Обосновывая свой перевод, Г (стр. 360, прим. 183) замечает, что сказуемое *ἔδωχαν* стоит в 1-м л. ед. ч. Это невозможно: 1-е л. ед. ч. аориста — *ἔδωχα*, а *ἔδωχαν* (наравне с *ἔδωσαν*) — форма 3-го л. мн. ч., существующая, кстати сказать, и в новогреческом. Поэтому перевод В (стр. 70), отвергнутый Г: *weil sie ihre Behauptung nicht näher bestimmt haben*, «поскольку они (древние авторы) не определили, как и каким образом», корректен.

Стр. 192.29. Кекавмен перечисляет церковные службы, обязательные для мирянина; в переводе это заутреня, молитва в четыре часа, вечерня и молитва перед сном. Но богослужения в четыре часа православная церковь не знала; *τῶν τεσσάρων ὥρων* — это так называемые «часы» (*die vier Noren* — В, стр. 75), четыре последовательные

⁷ Н. Thurn. *Oikonomia*. München, 1961, S. 77f.

службы между заутреней и вечерней: в первый час церковного исчисления (иногда совпадало с заутреней), в третий, шестой и девятый.

Стр. 194.2. Δὲ αὐτῶν τῶν λειτουργιῶν, «Посредством этих литургий» (так и *В*, стр. 75), — но предикативная (перед артиклем) постановка местоимения αὐτός предполагает перевод не «этого», а «самый». Т. е. примерно так: «Эти (службы) существуют для устройства нашей жизни, а в ходе самой литургии мы выказываем себя покорными рабами божьими». Приравнения литургии к религиозным обрядам вообще (см. стр. 459, прим. 556) в этом пассаже нельзя усмотреть: Кекавмен знал, что она отличается от часов, заутрени и пр.

Стр. 196.3. Согласно *Г*, Иоанн Майос «имел в изобилии и самые разные номисмы, и всякое добро». Перевод, видимо, смущал его, поэтому он поясняет: «номисмы разных чеканов» (стр. 461, прим. 571). Однако в этом пояснении нет нужды: по Кекавмену, у Майоса было в изобилии все (πάντων не значит «разные») — как номисмы (νομισμάτων τε — частица не учтена при переводе), так и всякое добро: mit viel Geld und grossen Besitztümern (*В*, стр. 76).

Стр. 198.7—10. По *Г*, речь идет о налогоплательщиках, которые «будут таскать» откущика «до десяти и пятнадцать лет по фемным судьям» (так и *В*, стр. 78). В оригинале связь иная: ἕως δέκα καὶ δεκαπέντε χρόνους οἱ ἀπατηθέντες παρὰ σοῦ — «те, с кого ты до 10 или 15 лет взыскивал налоги»; εἰς τοὺς θεματικοὺς δικαστὰς ἄξουσί σε («поведут тебя к фемным судьям») стоит очень далеко от обстоятельства времени.

Стр. 210.21—22. В выражении λογικά καὶ θεωρητικά μαθήματα *Г*, хотя и не без колебаний (см. стр. 478 и сл., прим. 660), усматривает противопоставление светского и религиозного образования; по его мнению, Кекавмен советовал обучать детей светским и божественным наукам. Однако слова λογικά и θεωρητικά у Кекавмена не противопоставлены, а сопоставлены, как имело место в греческой традиции со времен Юстина (PG, t. 6, col. 697 C): λογικά καὶ θεωρητικά — это, скорее всего, духовные и умозрительные науки.

Стр. 216.27. Слово ἰδιώται в приложении к монахам не имеет того унижающего смысла, который присущ русскому слову «невежественный» (см. особенно стр. 482, прим. 695, где на основании этого места подчеркивается «низкий образовательный уровень византийского монашества»). Скорее нужно переводить «простецы» (См. Деян., 4, 13, где сказано «простые»). Ср. geistig einfältig — *В*, стр. 91). То место Писания (II Кор., 11, 16 — не 17, 6, как ошибочно цитирует *Г*: стр. 482, прим. 696), которое имеет в виду Кекавмен, называет между прочим апостола Павла «невеждой в слове, но не в познании». Прилагаемый издавна к апостолам⁸, этот эпитет говорит об уважении, а не о презрении.

Стр. 218.9—10. Согласно *Г*: «Не клевети на виновного ни ради [его] осуждения, ни ради денег». Но можно ли в наречии ἐγκληματικῶς видеть значение «ради осуждения», а χρηματικῶς — «ради денег»? Я предложил бы несколько иной перевод, исходя из того, что διαβάλλω означает также «обвинять», а ἐγκλημα имеет техническое значение — частный иск. Так мы получаем: «Невинного человека не обвиняй [не привлекай к суду] ни по частному иску (ἐγκληματικῶς), ни χρηματικῶς». Последнее слово, уже по контексту противопоставленное частному иску, действительно соответствует лат. civiliter (как гражданин) и имеет в данной связи смысл — «по ведомственному обвинению». Чуть иначе, но близко по мысли переводит *В* (стр. 92): Ziehe keinen Unschuldigen vor Gericht, weder in Strafsachen, noch in Geldsachen — т. е. «не привлекай к суду ни по уголовному, ни по гражданскому делу».

Стр. 220.4. χέρσον ἐργαζόμεθα — не «создаем вещественное», но «возделываем целину».

Стр. 252.15: τὸν συμπένθερόν σας *Г* переводит «твоего свата». но σᾶς — личное местоимение мн. ч., и речь идет о «вашем свате» (так *Л*, стр. 43, *В*, стр. 115), что естественно, ибо Самуил обращается не к одному лицу, а ко всему роду Никулицы. Из этого следует, что Кекавмен не был непременно сватом самого Никулицы, но находился в свойстве с его семьей (такой перевод только подкрепляет представление *Г* о характере родства Никулиц и Кекавменов — см. стр. 54).

Стр. 262.21—24. Трудность этой фразы проистекает из того, что слово λέγουσιν может быть понято двояко: как 3-е лицо мн. ч. «говорят» (именно так *Г*; ср. *В*, стр. 121 и сл.) или как дат. мн. ч. причастия, согласованного с βασιλεῦσιν, в таком случае «говорящими по своей воле» оказываются не слуги, а цари, а лживыми и несправедливыми — слуги не всех царей, а тех, кто «высказывается произвольно (безответственно)?». Возможность такого истолкования, во всяком случае, нужно принимать во внимание.

Стр. 284.12—13. Грамматически простая фраза: Πτόχευε λαόν — весьма важна для понимания воззрений Кекавмена. *Г* переводит ее: «Держи войско в бедности», — но λαός встречается у Кекавмена как в значении «войско», так и «народ». По моим подсчетам, *Г* 8 раз перевел «народ» и 50 раз — «войско»; правда, из этих 50 случаев около 9 спорных (например, на стр. 260. 16: ὑπέχω τὸν λαόν — вполне может быть переведено: «Держу в подчинении народ»). Но даже и без спорных случаев значение «войско» встречается в 5 раз чаще, чем «народ». Однако нельзя не видеть, что подавляющее большинство бесспорных употреблений термина в узком («военном») значении

⁸ Origène. Contre Celse, t. IV. Paris, 1969, p. 276 (VIII, 47. 22).

(36 из 41) приходится на особую часть книги, так называемый «Стратегикон», — за пределами этой части оно отнюдь не господствует (5 бесспорных значений «войско» против 8 — «народ»). Таким образом, мы не можем сказать, что вероятность понимания данного места в узком смысле выше, чем в противоположном.

Кекавмен употребляет для обозначения войска и другой термин — *στρατός*. Возникает вопрос, есть ли различие между обоими терминами. По всей видимости, в термине *λαός* содержится элемент личных связей между людьми и полководцем: 24 раза Кекавмен говорит о *λαός σου, λαός αὐτοῦ, λαός ἡμῶν*. Сюда надо прибавить *λαός σὺν* на стр. 164.13, что в свете сказанного, по-видимому, следует исправлять на *λαός σου*. О «своем» *λαός* стратига или командира дружины говорится и почти во всех прочих случаях. Напротив, *στρατός σου* (или *αὐτοῦ*) как войско стратига появляется только три раза, тогда как в 14 случаях термин применяется для обозначения абстрактного войска или имперских военных сил. Таким образом, анализ терминологии показывает, что для характеристики отношений василевса и армии скорее следовало ожидать термина *στρατός*, чем *λαός*, — и в самом деле несколько ниже Кекавмен прямо рекомендует царю: «Не позволяй распускать и разорять (*πρωχέσαι*) твой *στρατός*» (стр. 292.14).

Обратимся к контексту рассматриваемой фразы. Кекавмен советует царю не жаловаться за счет столицы, «подвластных земель» и *στρατίς*, — иное говорил Василий II «негодный старец»: «Держи в бедности *λαός*». *Лаός* в данном случае, скорее всего, не синоним *στρατός*, а более широкое понятие, обнимающее и столицу, и подвластные земли, и войско, — иными словами, это — народ (так и *Β*, стр. 141). Не следовало ли *λαός* везде переводить «люди» — по аналогии со старофранцузским *gent*?

Стр. 284.28—29. По словам Кекавмена, в его времена можно было наблюдать «обложение свыше налоговой записи — не только при взыскании необходимого, но и при бесполезных сборах». Таков перевод *Γ* (ср. *Б*, стр. 142) — в действительности же Кекавмен в этой фразе отнюдь не имеет в виду податную систему. *Ἐκταγή* (или *ἐκταγτικά*) — слово, послужившее камнем преткновения для обоих переводчиков, — имеет совершенно четкое значение: это — судебные поборы, взимавшиеся в пользу судей⁹ (нем. *Sporeln*), *ἀγωγή* — иск. (лат. *actio*). Текст, который *Γ* считает «довольно темным» (стр. 603, прим. 1207), оказывается вполне прозрачным: «Судебные поборы выше капитала (*κεφάλαιον*, суммы, являющейся предметом тяжбы) и не только при взимании долгов (*χρέη*), но и при пустяковых исках».

Остановлюсь на нескольких случаях, где на мой взгляд имеют место неточности в понимании отдельных слов и терминов.

Стр. 126.24. *ἤδικησε* — не «огорчил», а «был несправедлив» (*tut er unrecht* — *Б*, стр. 28).

Стр. 128.27. *τοῦ κακοῦ ἀπότισις* — здесь не «плата за преступление», ибо наказание эпирий не было связано с преступлением. Кекавмен говорит буквально о «возмещении бедствия», т. е. об уплате несправедливых взысканий (*das Ubel abzahlen* — *Б*, стр. 29). Как «беда» нужно переводить *κακόν* и на стр. 140.2: «У тебя есть враг — как же ты не ждешь беды?».

Стр. 140.10—11. «Наслушавшись, чего не надо». У *Б* иначе (стр. 37): *weil sie bald diesen, bald jenen Rat zu hören bekamen*. И в самом деле *ἄλλὰ ἀντ' ἄλλων* означает «одно за другим». К тому же *ἀκηκοότες* я бы переводил здесь не «наслушавшись», а «прислушиваясь, повинуюсь». Таким образом, получается: «Прислушиваясь то к одному, то к другому [совету]».

Стр. 148.29. *ἀκνήστεροι* — скорее не «наиболее выносливые», а «наиболее быстрые» (от *ἀκνέω* — медлить). Ср. *schlagfertigsten* — *Б*, стр. 44.

Стр. 156.19—20. *ταπεινός, ταπεινώσις* — слова, очень существенные в византийской этике, означают не «скромность», а «смирение». Ср. например, Лк., 1, 52: «Низложил сильных с престолов и вознес смиренных (*ταπεινούς*)».

Стр. 158.27. Неточно передано противопоставление *τὰ μὲν ... τὰ δέ*. Надо: «В одних случаях примись за дело с кротостью, в других — притворись» (несколько иначе у *Б*, стр. 51: *einerseits... zum andern Teil*).

Стр. 164.18. *τραπήσεται* — не «будет разбито», а «обратится в бегство» (это могло произойти и без сражения, *ohne Kampf* — *Б*, стр. 56).

Стр. 168.10. *κλασμάτωνσι σε* — как видно из последующего, перевод «разобьют тебя по частям» неточен: войско катепана Михаила было заперто в клисуре, а не разгромлено по частям. *Κλάσμα* имеет значение не только «кусочек, часть», но и «повреждение, разрыв»; соответственно *κλασμάτιζω* означает просто «разгромить» (*vernichtete* — *Б*, стр. 57).

Стр. 188.26. *καλαμώνας* — не «кустарники» (*Buschwerk* — *Б*, стр. 72), а «заросли камыша». Камыш употреблялся для ремесленных поделок: грамота 1110 г. (Lavra, № 59.50—51) упоминает *καλαμῶν*, как и Кекавмен, в связи с эргастиреом.

Стр. 190.13. *ἀναγκαία* — не «продовольствие», а «необходимое», как правильно переведено ниже (стр. 220.13), или «потребное» (стр. 228.14).

Стр. 194.23. Перевод «Корнелий-эллин» неудачен, поскольку Корнелий был не эллином (греком), а сотником италийского «полка» (см. Деян., 10, 1). Перевод

⁹ K. E. Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955, S. 363.

В (стр. 76): Heide, «язычник», с которым полемизирует Г (стр. 459, прим. 563), правлен.

Стр. 194.28. Перевод слова *περισσπραχτορία* как «откуп налогов» — истолкование, а не перевод. Оно означает скорее — «чрезмерные налоговые взыскания», *ungerechte Steuererhebungen* (В, стр. 76).

Стр. 196.27. «Справедлив ли подлый сборщик податей?!» — восклицает Кекавмен у Г. На самом деле иначе: «Какой (ποταπός) мытарь (или «сборщик») справедлив?» (Ist ein Zöllner gerecht? — В, стр. 77).

Стр. 200.28. *συναχθέντες* не имеет значения «огорченные». *Συάγομαι* может значить «собраться вместе», как его понимает В, который переводит *συναχθέντες πάντες* просто *alle*, «все» (стр. 80). Но есть и другой смысл: «быть пораженным, затронутым» — при таком понимании речь идет обо «всех, кого коснулась эпирия».

Стр. 204.19. *ἐξωτικώς* значит скорее не «перед домом», а менее точно: «в другом месте, вне дома» (*draussen* — В, стр. 83).

Стр. 222.6. *μη γίνου ἐνδοξος* — «не стань тщеславным» (ср. *werde nicht grosspurig* — В, стр. 95) точнее, чем «не прославься», как у Г.

Стр. 224.22. *ἀριστον* — не обед, а обычно утренняя плотная еда, завтрак. Ср. еще стр. 258.13, где *ἀριστον* съедают задолго до полудня.

Стр. 226.18—21. Здесь две неточности. Во-первых, термина «стратиот» в оригинале нет. Глагол *στρατεύομαι* неопределеннее: «отправиться на войну». Во-вторых, конец следует переводить: «Избегай трактирных драк (*καπηλοπολέμου* — букв. «трактирной войны»): там будешь ранен, убит и после смерти покрыт позором». О том, чтобы «смыть позор смертью» (в трактирной драке!) здесь речи нет. Попутно замечу, что γάρ у Кекавмена вовсе не обязательно всякий раз переводить «так как». Г подчас справедливо опускает этот союз (например стр. 288.9).

Стр. 228.4. *θυροόμενοι* — не просто «обуреваемые сильными страстями», но «гневливые». Гнев, *θυμός* — один из главных пороков по византийской этической шкале. Ниже *θυμός* правильно переведено как гнев (стр. 232.15, 272.9).

Стр. 230.10, 14. *σάφρον* — не «разумный», а «целомудренный» (ср. стр. 288.14: *σωφροσύνη*, что верно переведено «целомудрие»): здесь целомудрие явно противопоставлено похоти.

Стр. 240.23. *εἰ μὲν ἀγαθὰ εἰσιν* — по Г, «если все обошлось хорошо». На самом деле *ἀγαθὰ*, согласовано с *τὰ τε ἐπραξας* предыдущей фразы, и переводить нужно примерно: «если твои поступки и разговоры благи» (так и В, стр. 108).

Стр. 250.12. *ἐπαθόν* здесь «испытали», а не «пострадали». Что «родители» (или, скорее, «родня») Никулицы не пострадали, специально подчеркнуто ниже (см. стр. 252.10—12). Ср. еще стр. 252.24, где *ἐπαθεν* переведено верно — «перенес».

Стр. 264.10, 16, 23. Слово *πρόκριτος* повсюду передано «избранник». Оно соответствует лат. *principes* и должно здесь переводиться «первенствующий».

Стр. 266.26. *ἔξοτατος* в данном контексте скорее «быстрый, способный», нежели «резкий».

Стр. 286.13. *οἱ ἄρτον ζητοῦντες* не означает «хлеб себе добывающие». *Ζητέω* — «искать», в новогреческом «просить»: речь идет о просящих хлеб, о нищих (*Bettler* — В, стр. 143).

Стр. 286.18—19. *ἐπρονόοντο* не означает, что Орфанотроф «стоял во главе» своих бедных родственников, но что он о них «бесся» (ср. *sorgte* — В, стр. 143): *πρόνοια* — «забота, попечение».

Стр. 294.4. *ἄσπριον* — не «овощи», а стручковые всех сортов, как сказано в словаре Лиддла—Скотта. Справедливости ради следует отметить, что в ряде французских изданий византийских текстов *ἄσπρι* переводится *legumes secs*, «сушеные овощи» (Lavra, p. 152 и др.), но я не вижу оснований для этого. Достаточно сослаться на современника Кекавмена Симеона Сифа, который в книге о свойствах продуктов питания применяет термин *ἄσπρις* как общее обозначение стручковых, куда входят чечевица, бобы, лунин и т. п.

Стр. 296.28. *ἐξέλθης βασιλικῆς* — означает, по-видимому, не «уйдешь от престола» (дворца, города?), но «уйдешь по царской [дороге]».

Стр. 302.30—31. Говоря *τὸ βασιλεῖον κράτος*, Кекавмен имеет в виду не «престол василевса», а самого царя. *Τὸ ἡμέτερον κράτος* было в XI в. официальным эпитетом императора (см. Lavra, № 32.63—64, № 33.125—126).

Два последующих замечания касаются не понимания такта, но лишь его русского выражения.

Стр. 132.3. О боге говорится: «тот, кто исследует сердце и почки». — следовало сохранить ветхозаветную лексику: «кто испытует сердца и утробы» (ср. Пс., 7, 10).

Стр. 304.9—10. Будничное «по воле волн» не передает художественного оттенка оригинала, где идет речь о «царственности волн».

Для осмысления Кекавмена чрезвычайно важен обширный комментарий Литаврина, где широко использованы параллельные источники и необходимая литература; многие примечания являются в полном смысле слова исследованиями и содержат оригинальные решения проблемы (например прим. 277, 343, 393, 394, 397, 813, 899, 921, 1086, 1142, 1191, 1198, 1212, 1227, 1264). Литаврин стремился сделать понятным каждое слово Кекавмена, и в общем ему это удалось.

Вместе с тем в тексте остались некоторые (очень немногие) пассажи, нуждающиеся

в объяснении. Таково, например, интересное место (стр. 224.4—8), рекомендующее не менять профессии. Как следует понимать его? Доказывает ли оно наличие в Византии XI в. цеховой замкнутости, или, наоборот, из него следует, что профессиональная стабильность была здесь лишь узусом, а не законом? Не разъяснено, почему один из сыновей Никуллицы носил армянское имя Баграта-Панкратия (стр. 258. 18). Нуждаются в комментировании и термины римского права $\alpha\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$ и $\beta\lambda\epsilon\phi\omicron\upsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$ (стр. 298.21).

Структура комментария осложнена тем, что он включает в себя такие элементы, которые должны были бы найти место в подстрочном критическом аппарате. Сюда относятся поправки к тексту (например прим. 1154, где *T* принимает эмендацию *L*, хотя она уже отмечена на стр. 281 как сделанная *BE*; конъектура прим. 914 вовсе не учтена в критическом аппарате на стр. 253), многочисленные указания на устранение заголовков, раскрытые цитаты из Писания (кстати, не следовало ли указать, что цитаты не всегда совпадают с каноническим текстом, — см. цитату из Ио., 19.11 на стр. 120.9—11?).

Прямые ошибки и неточности немногочисленны. Отметим некоторые из них.

В прим. 914 идет речь о Георгии Коринфском. Он назван протосинкелом, а во второй половине XI в. титул протосинкела носили высшие иерархи — по-видимому, Георгий был архиепископом Коринфа около 1066 г.¹⁰ «Георгий Коринфский, — пишет Литаврин, — неизвестен по другим источникам». Это неверно: сохранилась печать Георгия, проэдра Коринфа, которую В. Лоран датировал как раз второй половиной XI в.¹¹; Лоран отличает владельца этой печати от двух его омонимов, занимавших этот пост соответственно около 1027/8 г. и в первой половине XII в. Литаврин полагает далее, что рукописная форма Κορίνθος зафиксирована «документами», — он ссылается, впрочем, только на печать Георгия (описки! Надо — Павла), архиепископа Коринфа, — но на этой печати в действительности вырезано ΚορίοϠ(ου) , где «омикрон» вместо «ню» стоит «по простой рассеянности» резчика¹². В прим. 1022, еще раз возвращаясь к Георгию, Литаврин считает, что он был удален в провинцию между маем 1067 и октябрем 1071 г., — но он занимал пост претора Армениака уже в 1068 г.

Кстати сказать, Георгий заслуживает внимания: духовное лицо, фаворит Константина X, затем видная фигура в провинциальной администрации, он типичен для своего столетия с его смешением духовных и светских, дворцовых и военных функций.

В прим. 192 Литаврин пишет: «имеется в виду епарх Константинополя». Однако тот епарх, который, согласно легенде, убедил Константина отсечь голову трем невинным мужам (стр. 146.6—8), не был епархом города. «Чудеса св. Николая», передающие эту легенду (напрасно Литаврин на стр. 40 и сл. сомневается, что Кекавмен опирался на этот памятник), сообщают имя епарха — Аблабий. Он хорошо известен: Флавий Аблабий был префектом претория при Константине в 329—337 гг.; греческая традиция называет его $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\alpha\tau\eta\varsigma \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\eta\varsigma \alpha\delta\epsilon\lambda\tau\eta\varsigma$ ¹³, епархом царского двора.

В прим. 258 к слову «Месопотамия» Литаврин касается истории Северного Междуречья в VI—VII вв., но не упоминает о феме Месопотамии, основанной около 900 г.¹⁴, которую и имеет в виду Кекавмен.

Введение к изданию предлагает читателю всестороннюю характеристику памятника и его автора. Чрезвычайно тщательно и осторожно анализирует Литаврин скудные сведения о происхождении, жизни и взглядах Кекавмена, причем особенный интерес порождает сравнительная характеристика этого писателя и его современников — Скилицы и его Продолжателя, Атталиата и Пселла, Симеона Богослова. Собственно говоря, это первый опыт изучения социальных воззрений Кекавмена. Отказываясь от характеристики Кекавмена как «среднего византийца» (Лемерль), Литаврин стремится «уяснить, к какому социальному строю тот принадлежал. Он определяет Кекавмена как «идеолога провинциальной военной аристократии» (стр. 98); к ней писатель принадлежал и по своему происхождению, и по своей служебной карьере. Основным идейным противником Кекавмена Литаврин считает Пселла (стр. 78—83), тогда как Продолжатель Скилицы был по духу ближе всего к нашему автору (стр. 71). Скилица тоже вышел из военной провинциальной знати, но в отличие от Кекавмена «он не видит серьезных противоречий между бюрократией и военной аристократией» (стр. 74), тогда как Атталиат — «выразитель интересов синклита», хотя и «не видит в военной аристократии своих непосредственных врагов» (стр. 77 и сл.). Что же касается Симеона Богослова, то его, «выходца из чиновной бюрократии столицы», Литаврин противопоставляет Кекавмену (стр. 95 и сл., прим. 13).

«Мы отдаем себе отчет, — пишет Литаврин, — что намеченные нами идейные различия между упомянутыми выше авторами и Кекавменом нуждаются в более детальном рассмотрении и уточнениях» (стр. 83). В соответствии с пожеланием автора я позволю

¹⁰ О титуле протосинкел см. *N. Oikonomidès. Un décret synodal du patriarche Jean VIII Xiphilin.* — REB, 18, 1960, p. 70—71. Георгий отсутствует в каталоге коринфских митрополитов в кн.: *A. Cominis. Gregorio Pardos. Roma, Atene, 1960, p. 43—58.*

¹¹ *V. Laurent. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin, t. V, 1. Paris, 1963, № 563.*

¹² *Ibid.*, № 556.

¹³ *The Prosopography of the Later Roman Empire, vol. I. Cambridge, 1971, p. 3 f.*

¹⁴ *N. Oikonomidès. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972, p. 349.*

себе прежде всего сделать несколько уточнений в его характеристике современников Кекавмена: быть может, это прольет некоторый свет и на собственную позицию автора «Советов и рассказов».

Рассматривать Атталиата, крупного судебного чиновника и собственника городской недвижимости, как выразителя интересов синклитиков кажется вполне естественным, однако подобной оценке противоречат два обстоятельства. Прежде всего, Атталиат был несомненным приверженцем Никифора Вотаниата, вождя малоазиатской аристократии, причем историк подчеркивает не только достоинства своего героя, но и знатность его происхождения¹⁵. Именно такая оценка Никифора дала основание Г. А. Острогорскому и другим исследователям видеть в Атталиате приверженца военной феодальной аристократии¹⁶. На второе обстоятельство как будто до сих пор не обращали внимания — это интерес Атталиата к деятельности городских кругов. Он специально подчеркивает, например, что отец Никифора, Михаил Вотаниат, с уважением относился к горожанам (Аттал., стр. 236.11—237.2), и сообщает, что горожане Константинополя, собравшись в храме св. Софии, δημοκρατούμενοι, провозгласили Никифора императором (стр. 256.9—17). Особо отмечает Атталиат и благорасположение Никифора к ремесленникам (стр. 281.7—10). Напротив, Михаил VII и Никифорица, которых Атталиат вообще не жалует, выступают в его изображении враждебными торговой и ремесленной деятельности: Михаил VII лишил собственности владельцев пристаней (стр. 278.15—17), Никифорица учредил в Редесто гибельную монополию хлебной торговли (стр. 202.2—9), что вызвало требование мистиев повисить заработную плату (стр. 204.5—6).

Из противоречивой социальной позиции Атталиата вытекает та двойственность его программы, о которой говорит Литаврин (стр. 77): с одной стороны, историк возмущен податным гнетом¹⁷, с другой — восхваляет императорскую щедрость. Он видит пороки своих современников (Аттал., стр. 144.14—16), но вместе с тем не теряет оптимистической уверенности в возрождении империи, которое должен принести государь, подобный Никифору Фоке (стр. 223.4—13), опять-таки аристократу. Он осуждает одних аристократов-узурпаторов — таких, как Лев Торник или Никифор Вриений, но оправдывает других, подобных Роману Диогену или Никифору Вотаниату.

Изучение взглядов Скилицы и его Продолжателя в одном отношении более сложно, нежели анализ воззрений Атталиата: оба хрониста были компиляторами, и в их сочинениях мы находим как их собственные суждения, так и суждения, перенесенные (далеко не всегда осознанно) из переписываемых ими трудов. При этом, если источники Скилицы в его изложении истории XI в. нам неизвестны, то Продолжатель пользовался по преимуществу «Историей» Атталиата.

Продолжатель Скилицы, по мысли Литаврина, разделял чаяния и надежды тех кругов, к которым принадлежал Кекавмен, т. е. военной аристократии провинций. Один из основных аргументов в доказательство выдвинутого тезиса — равнодушие Продолжателя к синклиту (стр. 71). Мне кажется, что этот аргумент Литаврина — результат недоразумения: помимо тех трех упоминаний, которые приводит Литаврин (Продолж. Скил., стр. 109.19—23, 116.8, 186.3)¹⁸, я мог бы указать еще не менее восьми (стр. 111.11—15, 123.1, 133.19—20, 142.6, 172.1—3, 176.7—8, 178.3—4, 181.25—26). Более того, сравнивая Продолжателя с Атталиатом, мы можем видеть, что интерес к синклиту является у Продолжателя активным: так, Атталиат, повествуя о «тронной речи» Константина X, сообщает, что император говорил перед городскими коллегиями (Аттал., стр. 70.16); пересказывающий его Продолжатель свидетельствует, что речь была произнесена перед синклитом и всем городским народом (Продолж. Скил., стр. 111.11). Симпатии Атталиата к горожанам и симпатии Продолжателя к синклиту обнаруживаются при сопоставлении этого пассажа.

Литаврин совершенно прав, когда пишет, что Пселл своим талантом резко выделяется среди современных историков (стр. 78). Его многогранность и колоссальное наследие делают изучение идей Пселла особенно сложным. Кстати сказать, Литаврин ограничивает себя только «Хронографией» Пселла, оставляя в стороне его письма и речи, весьма существенные для понимания воззрений византийского мыслителя.

Литаврин считает Пселла «безусловным сторонником демократической формы правления» (стр. 79). Однако то место, на которое он ссылается (Пселл, II, стр. 35, § 134), свидетельствует как раз о противоположном. В самом деле, что пишет Пселл? В древности у афинян и в городах, подражавших их демократии, высоко ценилось благородство. У нас же это благо утеряно, и благородство не уважается (λόγος οὐδεις εὐγενείας). Далее следует фраза: ἀνοθεν ἐκ κλήρου διαδοχῆς, которую Литаврин понимает так: «Власть передается по наследственному жребью», — но она не имеет такого смысла. Пселл хочет сказать лишь, что благо было утеряно издавна (ἀνοθεν) и такой порядок передавался по наследству (ἐκ κλήρου διαδοχῆς), он даже не употреб-

¹⁵ F. H. Tinnfeld. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. München, 1971, S. 140—142.

¹⁶ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 262.

¹⁷ См. детальнее: F. H. Tinnfeld. Op. cit., S. 136 f.

¹⁸ Я цитирую не по Бонскому корпусу, как Литаврин, а по критическому изданию Е. Цолакиса: Εὐδ. Θ. Τσολάκης. Ἡ συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη (Ioannes Skylitzes continuatus). Θεσσαλονίκη, 1968.

ляет слова «власть». Так понимает Пселла его издатель и переводчик Э. Рено: «*se male date des origines et il est de succession héréditaire*». Упомянув о Роуле — родоначальнике таких порядков (?), Пселл продолжает: «Синклит загублен, и первый попавшийся (*ὁ βουλόμενος*) становится гражданином». В понимании дальнейшего я опять-таки расхожусь с Литавриным — казалось бы, в незначительной нюансировке, но нюанс этот оказывается существенным. Пселл говорит о выскочках, которые сменили кожух на дорогое платье, о варварах и подлых Спартаках, правящих византийцами. Мысль как будто бы ясная и тесно связанная с предыдущим: «у нас» благородство не уважается и правят выскочки, незаконно ставшие гражданами. Но Литаврин придает этой фразе уступительное значение: «Конечно, кто-нибудь нашел бы и у нас...» Но *ἀμέλει* имеет значение «безусловно, непременно»; что касается «и» перед «у нас», — его нет в оригинале. Фраза Пселла имеет утвердительный смысл: безусловно, у нас найдутся подобные выскочки.

Итак, слова Пселла отнюдь не обосновывают демократию, наоборот, писатель скорбит о потере благородства, о загубленном синклите, о правлении подлых выскочек.

По словам Литаврина, Пселл полагал, что «благородство определяется рождением» (стр. 79). Такое утверждение односторонне. В самом деле, Пселл рассматривал родовитость как несомненное достоинство (Пселл, I, стр. 122, § 11. 11—12; II, стр. 177, § 9. 5—6); если он сравнительно благоприятно оценивает незнатного Михаила IV (I, стр. 56, § 7.2—6, стр. 85, § 54.15—16), то его все-таки поражает, что человек худородный, достигнув такого положения, не потерял рассудок, но оказался достойным своей судьбы (I, стр. 57, § 10.2—4). Вместе с тем унаследованное от отцов и дедов «родовое» благородство должно сочетаться, по Пселлу, с собственными деяниями¹⁹. В письмах он говорит о благородстве как происхождения, так и души, призывает своего адресата украсить род просвещенностью, образом жизни, разумом и добродетелью и утверждает, что человека делают прекрасным его душа, его тело, его нрав, его образ мыслей, величественная природа и благородные стремления²⁰. Родовитость — конечно, великое качество, но выше нее стоят личные свойства человека (Пселл, II, стр. 134, § 84.12—14). С несомненным одобрением говорит Пселл о мероприятиях Константина IX, который сообразовал назначать высших чиновников не по принципу родовитости. Разве можно пополнять синклит из одних родовитых, даже из тех, чей ум ушербен и кто отличается только слесивостью и чванством?²¹

«Пселл делит, — пишет Литаврин (стр. 80), — население империи на три части: народ, синклитики и стратиоты». Пселл, в самом деле, говорит о трех названных разрядах как об опоре императорской власти²². Но это не единственная форма общественной стратификации, известная Пселлу: в другом месте он перечисляет синклитиков, монашество, городской плебс и тех, кто занимается земледелием и торговлей (I, стр. 108, § 37.10—16). Он также разделяет константинопольцев на знать и плебс, внутри которого выделены «самостоятельные лица» (*αὐτοῦργοί*) и ремесленники²³. Кстати сказать, обе эти попытки стратификации отнюдь не свидетельствуют, что «народ мало интересует Пселла» (стр. 80) — другое дело, что не так просто выяснить, что именно понимает Пселл, говоря о «народе».

Дело, однако, не только в уточнении отдельных положений, касающихся социальных воззрений Пселла. Трактуй его как «шрифтворного философа» (стр. 82), как «прожженного и циничного политика» (стр. 83), Литаврин снижает образ большого мыслителя и художника, воззрения которого не сводились только к оправданию «словных» интересов. Тот «эпикурейско-гориацианский» дух, та снисходительность к людям, о которой писал Я. Н. Любарский²⁴, та апология дружбы и античной образованности, которая так отличает Пселла от другого идеолога столичной знати — Симеона Богослова, — все это не может быть выведено из факта принадлежности Пселла к синклитикам. Он не просто был защитником столичной бюрократии, но принадлежал к ее особому крылу, которое можно назвать «интеллектуальным».

Литаврин противопоставляет Кекавмена как Симеону, так и Пселлу. Я хотел бы подчеркнуть, что это противопоставление отнюдь не должно быть абсолютизировано. Спору нет, в свое время, наметив некоторые черты сходства между Кекавменом и Симеоном²⁵, я пошел в этой аналогии несколько дальше, чем следует, — и Литаврин справедливо указывает на известные отличия между ними. Он указывает их во введении, но в комментарии, напротив, неоднократно отмечает черты сходства (см. прим.

¹⁹ K. N. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, t. V. Paris, 1876, p. 192. 15—18.

²⁰ Psellos. Scripta minora, vol. II. Milano, 1941, p. 94.17, 101.15—18, 262.12—13.

²¹ K. N. Sathas. Op. cit., t. IV, p. 430. 28—431.14. Как подчеркивает Я. Н. Любарский («Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла». — ВВ, 33, 1972, стр. 98), происхождение героя Пселла не определяет его поступки и судьбу.

²² Пселл, II, стр. 83, § 1.11—12. Анализ этого тезиса см. H. G. Beck. Ideen und Realitäten in Byzanz. London, 1972, XIV, S. 1.

²³ Psellos. Scripta minora, vol. I, p. 283.12—20.

²⁴ Я. Н. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. — ВВ, 30, 1969, стр. 85—89. Ср. теперь: F. Tinnefeld. «Freundschaft in den Briefen des Michael Psellos. Theorie und Wirklichkeit». — JOB, 22, 1973, BSS, 168.

²⁵ А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, 28, 1967.

708, 712, 737, 1055, 1337). Точно так же и Пселл в каких-то своих положениях сближается с Кекавменом: укажу сейчас лишь на один момент. Кекавмен настоятельно советует старательно обрабатывать землю (см. стр. 58), и переписка Пселла также полна заботы о принадлежащих ему земельных угодьях.

Литаврин считает, что Пселл и Кекавмен смотрели друг на друга как на врагов (стр. 82). Ответственное это положение аргументировано очень слабо. Почему, приведа слова Пселла о лъстедах и приспешиках, Литаврин пишет: «Итак, Пселл видит врага в Кекавмене» (стр. 82), — мне просто непонятно. Во всяком случае, осуждение лъстецов встречается и у Кекавмена (стр. 154.17—18, 290.10), и Литаврин в другом месте (стр. 71) расценивает соответствующие слова Кекавмена как намек на Пселла. Думаю, что как в том, так и другом случае нет личных намеков, но обычный тонос византийской дидактики. Такой же тонос — и призыв Кекавмена к тому, чтобы философ не уподоблялся миму и скomoroxу, но учил столицу добру; в этом призыве Литаврин также усматривает намек на Пселла (стр. 71 и сл.). Можно, однако, напомнить, что и Пселл с такой же решительностью осуждал общение с мимами, недостойное синклитика²⁶. И, разумеется, типичным клише является заявление Кекавмена о неискренности его полезного труда, не похожего на праздные басни, что Литаврин также считает выпадом против Пселла (стр. 72).

Литаврин прав, подчеркивая враждебность Продолжателя Скилицы к Пселлу: не «дважды» (стр. 72), а четырежды этот хронист высмеивает философа; кстати сказать, ему, а не Зонаре принадлежит осуждение ипата философв, учившего Михаила VII ямба в трудные для страны дни (Продолж. Счил., стр. 171.6—10; ср. еще стр. 156.7—8. Два других места приведены Литавриным). У Кекавмена же выпадов против Пселла нет, а к Иоанну Ксифилину, одному из ближайших друзей Пселла, наш писатель испытывает прямое расположение (стр. 264.24—30).

Таким образом, оппозиция: Пселл (синклитик) — Кекавмен (идеолог провинциальной знати) — оказывается не столь безусловной. Рассмотрим теперь сведения, которыми мы располагаем, о социальной принадлежности и социальных симпатиях самого Кекавмена.

Дальние предки Кекавмена были армянскими и болгарскими полководцами, перешедшими на византийскую службу (стр. 51 и сл.). О социальном положении отца Кекавмена мы ничего не знаем. Дядя (или двоюродный брат) писателя Иоанн Майос был стратигом, а потом занимался откупом налогов (стр. 51). Помимо известного полководца Катакалона Кекавмена, которого Литаврин (стр. 50) с полным основанием отличает от автора «Советов и рассказов», мы можем назвать еще трех Кекавменов, живших на рубеже XI и XII вв.: Михаила, полководца Алексея I (Анна Комнина III, стр. 27.1—2; 104.14—15; 107.20—22); Василия, автора стихотворной эпитафии Анастасию Лизику, — он был гражданским чиновником: протасикритом и судьей ипподрома²⁷; Константина, занимавшего пост протохартулария²⁸, — он мог быть и гражданским чиновником, и военным.

Правомерно ли утверждать на основании нашего списка, что семья Кекавменов принадлежала непременно к военной знати? Думаю, что это было бы рискованно. Вполне возможно, что полководцы при Василии II, Кекавмены затем постепенно превращаются в гражданскую знать. Во всяком случае, среди них были судья, податной откупщик и, видимо, начальник канцелярии. Сходную эволюцию можно предполагать и у родственной Кекавменам семьи Никулиц: последнего из них мы застаем на посту архигета и анаграфеса (податная должность!) кондаратов и моряков (стр. 268.4—5).

О самом писателе известны лишь три факта: в 1041 г. он совсем еще молодым участвовал в походе против Деляна; в 1042 г. находился в Константинополе и наблюдал низложение Михаила V — возможно, что он был (служил?) во дворце; позднее он имел какую-то должность в Элладе, но характер этой должности неизвестен (стр. 51). Ясно, что такие скудные данные не дают оснований называть Кекавмена полководцем.

Но Кекавмен посвятил большую часть своей книги военному делу, написав это на основании «истинного опыта», по его собственным словам (стр. 156.4—5). Для Литаврина (стр. 59 и сл.) военные советы Кекавмена — важнейший аргумент, чтобы считать писателя полководцем. Я опять-таки предпочел бы быть более осторожным. Во-первых, Кекавмен дает советы василевсу и патриарху, но он не был ни тем, ни другим. Его рекомендации служащему при дворе не менее колоритны, чем адресованные страгигу. Во-вторых, военное дело интересовало в XI в. многих непрофессионалов. Литаврин справедливо напоминает (стр. 59), что Пселл мнил себя знатоком стратегий. Атталиат, который был одно время армейским судьей, также имел смелость рассуждать о военном деле²⁹. В-третьих, воинский опыт Кекавмена оказывается довольно ограниченным: он никогда не упоминает о своих успехах, о своем командовании — лишь один раз он появляется как наблюдатель или участник похода.

²⁶ K. N. Sathas. Op. cit., t. V, p. 209. 22.

²⁷ S. G. Mercati. Collectanea byzantina, vol. I. Bari, 1970, p. 336 tit.

²⁸ V. Laurent. Bulletin de la sigillographie byzantine. — Byz., 5, 1930, p. 635.

²⁹ Εἰδ. Θ. Τσολάκης. Ὁ Μιχαὴλ Ἀτταλειάτης ὡς κριτικὸς τῶν ἐπιχειρήσεων καὶ τῆς τακτικῆς τοῦ πολέμου. — «Βυζαντινά», 1, 1969, σελ. 187—204.

Думаю, что следует отказаться от презумпции принадлежности Кекавмена к военной знати. Может быть, он и был полководцем, но достаточных данных об этом нет. Кекавмен упоминает ряд императоров и должностных лиц Византийской империи. Не может ли отношение к ним помочь понять социальные симпатии нашего автора?

Оставляем в стороне Василия II и Романа III, оценки которых недостаточно определены и которые правили до начала активной деятельности Кекавмена. Оценку Михаила IV Литаврин (стр. 67) считает отрицательной, но нельзя сбросить со счетов, что писатель наделяет Михаила «великими добродетелями» (стр. 286.9, 17) и повествует о его военном успехе (стр. 180.22—31) и дипломатической ловкости (стр. 300.31—302.8). Осуждение, строго говоря, находят лишь родичи Михаила IV. К Константину IX Кекавмен действительно выражает «особую неприязнь», прямо заявляя, что тот погубил царство ромеев (стр. 288.1—2; см. стр. 67); впрочем, он называет Константина благочестивейшим (стр. 152.29—30) и возлагает вину за военные неудачи на полководцев василевса. Любопытно, что Исаак I, явный представитель провинциальной аристократии и способный военачальник, вовсе не упомянут Кекавменом. Отношение к Константину X довольно скептическое, что правильно отмечает Литаврин (стр. 68); трудность, однако, состоит в том, что политика Константина не может быть оценена однозначно как отвечающая интересам синклитиков. Сам Константин, во всяком случае, принадлежал к военно-аристократическому роду Дук и поддерживал переворот Исаака I. Замечание Кекавмена о Романе IV, по справедливому суждению Литаврина (стр. 67), недостаточно ясно. И, наконец, Михаил VII Кекавмен называет добрейшим и благочестивейшим (стр. 266.30, 268.6—8).

Таким образом, никак нельзя сказать, что императоры из провинциальной знати пользуются особой симпатией Кекавмена. Скорее наоборот — к незнатному Михаилу IV и невоинственному Михаилу VII он испытывает наибольшую симпатию. Правда, Литаврин полагает (стр. 68), что похвала Михаилу VII объясняется тем, что сочинение было написано в его царствование, но к этому мы еще возвратимся.

Помимо императоров, Кекавмен упоминает ряд других лиц. При этом мы с некоторым удивлением замечаем, что среди них нет представителей военно-аристократических фамилий, таких, как Даласины, Комнины или Докианы. Высшая военная аристократия империи по какой-то причине вне интересов Кекавмена. Он упоминает (помимо своих родственников) ипоземцев: Алусиана, Гаральда Гардрата (не Гардара, как пишет Литаврин), Сенахирима или Хасана ал-Муфарриджа бин ал-Джарраха (Муфарриг б-ал-Гарах у Литаврина — стр. 640, прим. 1330); ларисян (Иоанн Гримианит, Григорий Вамбака, Веривой и др.), а также представителей гражданской знати и лиц незнатного происхождения, достигших высоких постов. Остановимся подробнее на двух последних разрядах.

Иоанна Орфанотрофа Кекавмен характеризует с явным осуждением (стр. 286.19—22). По мнению Литаврина (стр. 85), Пселл по-ипому оценивал всемогущего внуха. Литаврин приводит фразу Пселла о том, что Орфанотроф «никому не причинил зла» (Пселл, I, стр. 59, § 12.5). Однако фраза эта вырвана из контекста: Пселл пишет о том, что Иоанн держал всю страну в страхе, даже не прибегая к наказаниям («злу»), одним своим взглядом он внушал ужас. Подобно Кекавмену, Пселл сообщает, что Иоанн покрывал несправедливые действия своих братьев (I, стр. 61, § 15.13—14). По его словам, Орфанотроф стремился погубить каждого, кто отличался добродетелью или разумом (I, стр. 61, § 14.12—15). Конечно, такую характеристику нельзя назвать однозначно хвалебной — Литаврин опять-таки преувеличивает различие между Пселлом и Кекавменом.

Монах Василий (стр. 164.20; см. стр. 402, прим. 361) неудачно действовал против печенегов. Константинополитанин Ной, патроним которого также не назван (стр. 184.26—30), был «династом» (правителем) Димитриады — согласно Литаврину (стр. 451, прим. 504), «может быть, начальником ее гарнизона»; его непредусмотрительность привела к захвату города агарянами. О социальном лице Георгия Коринфского (см. о нем выше) прямых данных нет.

Высокими достоинствами Кекавмен наделяет Никифорицу (стр. 266.23—27). Литаврин (стр. 68) считает эти похвалы неискренними (как и похвалы Михаилу VII), но думаю, что его предположение не может быть обосновано. Сам Литаврин справедливо пишет (стр. 106), что Кекавмен не предназначал свое сочинение для широкой публики и что он включал туда «рекомендации, прямо враждебные интересам империи». Почему же следует думать, что писатель в своих интимных и доверительных советах станет лстыть Никифорице или Михаилу VII? Более того, Кекавмен явно одобряет отдельные конкретные мероприятия Никифорицы. Советуя государю добиться того, чтобы его родственники боялись его (стр. 286.5—6), Кекавмен, по всей видимости, имеет в виду действия Никифорицы, ограничившего влияние родни Михаила VII (см. Аттал, стр. 200.15—18). Кстати сказать, рекомендация Кекавмена идет вразрез с той «семейственной политикой», которую осуществляла военная аристократия XI в., особенно после прихода к власти Алексея I.

К Василию Педиадиту, катепану Сицилии, Кекавмен относится с явным сочувствием (стр. 158.6—10). Литаврин предполагает, что Педиадит «был связан как-то с провинциальной военной знатью» (стр. 386, прим. 299), но оснований для этого нет. О Василии мы знаем, что он был евнухом, придворным Михаила IV. В XII в. Педиадиты принадлежали к гражданской знати: Константин был грамматиком Исаака II (MM,

III, p. 16.29), позднее — протонотарием (p. 49.16—17). Василий, его современник, занимал пост учителя школы св. Павла³⁰. В XI в. известны Педианиты (может быть, та же фамилия?): один из них Михаил — торговец, умерший к 1090 г.³¹, другой, Георгий, оставил после себя печать, датируемую X—XI вв; она не содержит сведений о владельце.

[Льва] Сервлию (стр. 152.31), податного сборщика, Кекавмен считал виновником сельджукских успехов. Лев — первый из известных нам членов семьи Сервлиев. В комментарии (стр. 376, прим. 256) Литаврин упоминает лишь одного из них — Иоанна, нотариуса геникона в 1109 г., который, видимо, идентифицирует адресату Феофилакта. Кроме того, известны: Михаил, видный судебный чиновник 1062 г.³²; Стефан, коммерциарий Лонгивардии³³; Петр, судья вила и Селевкии³⁴; его омоним — судья Пелопоннеса и Эллады³⁵; Феодор «Сервлиий», протонотариус в 1088 г. (MM, VI, p. 54.4—5); Иоанн, чиновник, скрепивший указ Алексея I от 1099 г. (MM, VI, p. 95.14—15). Один из Сервлиев (Литаврин считает его Иоанном, но это маловероятно) был активным учеником Иоанна Итала. В XII в. Сервлии также принадлежали к гражданской знати: среди них мистик³⁶ и судья³⁷.

Михаил, сын логофета (Анастасия), потерпел поражение от сербов (стр. 168.11—12). В. Златарский (не В. Тышкова-Займова, как пишет Литаврин) отождествил его с полководцем — аколупом (командиром варягов) Михаилом³⁸, тоже упомянутым у Кекамена (стр. 164.23). Литаврин обоснованно возражает против такой идентификации (стр. 409, прим. 381), но чуть выше сам называет сына логофета аколупом.

Наконец, Андроника Филокала, катепана Болгарии, Кекамен изображает папуганым восстанием 1066 г. (стр. 264.17—20). Литаврин подчеркивает богатство и знатность Филокалов, ссылаясь преимущественно на свидетельства конца XII — начала XIII в. (стр. 544, прим. 1003). Семья Филокалов выдвинулась с конца X в., когда один из них, простой крестьянин, стал китонитом и протовестиарием³⁹. По печатям (скорее всего — XI в.) известны Филокалы — гражданские чиновники: судья Евмафий (или Евстафий)⁴⁰, мистик Михаил⁴¹, эпарх Михаил Филокалит⁴². В 1094 г. Мануил Филокал занимал пост каниклия⁴³. От всех этих гражданских чиновников как будто бы отличается Евмафий Филокал, приближенный Алексея I, занимавший военно-административные посты — стратопедарха и мегадука. Однако, несмотря на свои воинские должности, Евмафий не принадлежал к военной аристократии: Анна Комнина специально отмечает (III, стр. 142.19—23), что он не имел военной подготовки, не умел стрелять из лука или пользоваться щитом, зато искусно заманивал врага в западню или побеждал с помощью военных механизмов.

Таков круг лиц, интересующих Кекамена: одних он хвалит, других осуждает, отношение к третьим нейтрально, но нельзя не видеть, что в поле его зрения попадают прежде всего гражданские чиновники, выходцы из гражданской знати (в том числе служившие полководцами) или лица, происходившие из знатных семей.

Учтя все это, я думаю мы лучше поймем социальную программу Кекамена: «Все люди, — провозглашает Кекамен в соответствии с традицией, — дети одного человека, Адама: цари они, или архонты, или просящие хлеб» (стр. 286.11—13; см. стр. 62 и сл.). Можно ли предположить, что подобную идею выдвигала феодальная аристократия, даже византийская? В этом пункте, я бы сказал, Кекамен оказывается «демократичнее» Пселла. Конечно, равенство Кекамена — это равенство не состояния, а отношения: царю надлежит относиться одинаково (ἐν ἴσῳ ὁφθαλμῶ — букв. «равным глазом») ко всем — и чиновным, и не чиновным (стр. 274.13—16), но такая ἰσότης не отменяет социальных и имущественных граней. Человек должен знать свое место и не стремиться сменить занятия: плохо, если моряк пытается стать стратиготом или нотариусом — кузнецом; лишь в редких случаях такие перемены удачны (стр. 224.4—8). Бедняку не следует «завидовать»: пусть насаждает виноградники и возделывает землю — и будет жить, не зная печали (стр. 220.17—20). Но и пренебрегать добрым советом простого человека (εὐτελής) не следует — ведь, может быть, господь вдох-

³⁰ J. Darrouzès. Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'Eglise byzantine. Paris, 1970, p. 77.

³¹ F. Dölger. Regesten, T. II, № 1091. О дате см. P. Gautier. Le Synode de Blachernes (fin 1094). — REB, 29, 1971, p. 241, n. 3.

³² F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 57.7.

³³ G. Schlumberger. La sigillographie byzantine. Paris, 1884, p. 218.

³⁴ Ibid., p. 270 sq.

³⁵ Ibid., p. 190, 698.

³⁶ R. Guiland. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Le Mystique. — REB, 26, 1968, p. 285.

³⁷ V. Laurent. La Collection C. Orghidan. Paris, 1952, № 314.

³⁸ В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. II, София, 1934, стр. 89, бел. 1.

³⁹ См. о нем: P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. — «Revue historique», 219, 1958, p. 277 sq.

⁴⁰ G. Schlumberger. Op. cit., p. 188, № 4, № 6.

⁴¹ R. Guiland. Op. cit., p. 284.

⁴² G. Schlumberger. Op. cit., p. 692.

⁴³ P. Gautier. Op. cit., p. 241.

новил его на это (стр. 140.3—6; ср. стр. 158.3—4). Простоту, εὐτέλεια, высоко ценит и Симеон Богослов: по его словам, благие люди считают именно ее царством, а земное царство — нищетой⁴⁴.

Кекавмен делит население империи на три разряда — Литаврин (стр. 63) полагает, что в основу этого членения положен «имущественный признак», но такая оценка кажется мне односторонней. Высший разряд, по Кекавмену, это те, кто имеет власть судить (стр. 120.16) и у кого есть παρρησία, свобода речи (стк. 22); такие люди вместе с тем и богаты (стк. 24). Второй разряд — «средние», у которых нет παρρησία (стк. 26), третий — «совсем низкие» (οἱ κάτω παντελῶς) (стк. 29). Впрочем, οἱ κάτω — не всегда «простопародье»: «Ты служишь царю и принадлежишь к οἱ κάτω», — говорит Кекавмен в начале книги (стр. 126.4).

Византийская политическая мысль выделяла, как правило, несколько моментов, определявших знатность: родовитость, богатство, чиновность и высокую мораль. Кекавмен в данном случае использует лишь два критерия — власть и богатство. И в другом месте он отмечал, что весьма обладал видным положением, богатством, чинами и благородством (стр. 204.7—9). Богатым и благородным именуется он Петра de Turra, «первого человека своей земли» (стр. 186.18). Но благородство (εὐγένεια) в понимании Кекавмена окрашено этически: «благородных» он противопоставляет взятчицам-человекоубийцам и осквернителям могил (стр. 130.17—20), а «неблагородными» (δυσγενής) он считает спесивцев, воров, гадателей, магов (стр. 286.13—15). Если я не ошибаюсь, Кекавмен нигде не выдвигает «кровь», родословие в качестве ценности, тогда как Аталиат, скажем, усматривает достоинство Никифора Вотаниата, помимо всего прочего, в том, что император происходил от римских Фабиев и византийских Фок (Аттал., стр. 217 и сл.); Пселл также вспоминал славных предков Константина X Дуки (Пселл, II, стр. 140, § 6.1—5).

Другая форма общественной стратификации предложена Кекавменом в советах василевсу: он делит людей на царей, архонтов и «хлеб просящих» (стр. 286.13). Здесь можно напомнить, что и Симеон Богослов выделял два разряда «высшего общества»: царей и архонтов — богатых⁴⁵. Архонт, в понимании Кекавмена, как правильно отмечает Литаврин (стр. 339, прим. 62), — «официальное лицо»; так же понимает этот термин и Симеон. «Все стратиги и архонты — слуги или друзья царя»⁴⁶, а слуги царя — не те, кто сидит в своих домах и проастях, но кто сопровождает царя и следует за ним в поход⁴⁷. Наконец, в третьем случае Кекавмен делит население империи по функциональному принципу: на стратиотов, синклитиков и горожан (стр. 284.17—18). Как мы помним, такую же формулу стратификации выдвигал и Пселл.

Ни в одной из попыток Кекавмена наметить социальные градации мы не можем проследить идеологию провинциальной знати: место человека в обществе, по Кекавмену, определяется не «кровью», но чиновностью, богатством и (в идеале) нравственной высотой.

Хотя Кекавмен довольно четко разделяет военные и гражданские функции (ср. еще стр. 154.15—17), он с равным уважением относится и к стратиоту, готовому пролить свою кровь, и к энергичному нотарию или «секретнику» (стр. 276.13—14). Провдвижение по служебной лестнице определяется (если только оставить в стороне попустительство божие) двумя причинами: высокими добродетелями или активностью человека (стр. 124.5—8). Я никогда не видел, рассуждает Кекавмен в другом месте, чтобы деятельный и бодрствующий человек не достиг вершин: служение (δουλεία) не бывает напрасным (стр. 188.10—11). От фемной службы не следует отказываться, ибо должность (ἄξιωμα) — благословение божие (стр. 210.23—24). [Писатель делает исключение лишь для δημοσιῶν δουλείων (стр. 194.28—30), что из контекста раскрывается как откуп налогов]. Наконец, Кекавмен приравнивает царскую должность к чести от бога (стр. 238.1—2). Вся эта система взглядов, мне думается, ближе к воззрениям чиновника, нежели провинциального аристократа.

Обращаясь к военным советам Кекавмена, мы можем расценить его как приверженца той стратегии, которую осуществлял немногим позднее Евмафий Филокал (см. выше). Кекавмен — не сторонник рыцарственной отваги, он советует полководцу держаться средней линии между смелостью и мудрой трусостью (стр. 136.17—19). Военные хитрости, обман, коварство, с одной стороны, меньше окупаться от врагов (стр. 150.15—19), с другой — таковы принципы Кекавмена, которые Литаврин называет «оборонительной тактикой» (стр. 88; ср. стр. 365, прим. 223).

Благочестие присуще нашему писателю: о том, что все зависит от бога, он говорит так часто, что приводить примеры излишне. К монахам он относится с уважением, рекомендуя беседовать с ними (стр. 216.26). Он советует усердно посещать церковь и стоять насмерть за святые иконы (см. стр. 94). Правда, Литаврин (стр. 98) подчеркивает уважение Кекавмена к образованности вообще и к светской науке в частности, но мне кажется, что это положение не совсем точно, причем порождена эта неточность в какой-то мере ошибочностью перевода одного из пассажей Кекавмена (см. выше).

⁴⁴ Syméon le Nouveau Théologien. Hymnes, t. II. Paris, 1971, p. 138, № 21.89—90.

⁴⁵ Syméon le Nouveau Théologien. Hymnes, t. II, p. 120, N 20.141. Ср. *idem*. Traités théologiques et éthiques, t. I. Paris, 1966, p. 180.29, 248.30—32, 432.599 et al.

⁴⁶ Syméon le Nouveau Théologien. Traités..., t. II, p. 188. 460—461.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 166, 133—136.

Литаврин внимательно проанализировал источники Кекавмена и правильно подчеркнул, что он постоянно пользовался Писанием (стр. 40); в отличие от Литаврина я только думаю, что и житийную литературу наш автор знал неплохо: его зависимость от «Чудес св. Николая» довольно очевидна (см. выше), а из «Жития Марии Египетской» приведена прямая цитата (см. стр. 619, прим. 1256⁴⁸). Те крохи светских знаний, которые рассеяны по «Советам и рассказам», могли быть почерпнуты (помимо стратегиконов) из каких-либо компендиумов и словарей.

Знание получает у Кекавмена этическую окраску: творящий беззаконие (мздоимец) пребывает, по его суждению, «во мраке невежества», даже если он многоучен и исполнен всяческого разумения (стр. 126.27—29). А мнения Кекавмена о врачах (стр. 224.12—15), вполне отвечая средневековым предрассудкам, вряд ли свидетельствует о его образованности.

Этические воззрения Кекавмена полно и четко охарактеризованы Литавриным (стр. 100 и сл.). В этой связи особенно важен вопрос о дружбе: в свое время я старался показать, что в трактовке дружбы Кекавмен особенно близок Симеону и что негативное отношение к этой форме социальных связей типично для индивидуализма византийского чиновничества. Как интеллектуалы типа Пселла, так и провинциальная аристократия придавали дружбе (хотя и по разным основаниям) весьма высокое значение. Литаврин колеблется в оценке позиции Кекавмена по отношению к дружбе. Он настаивает, что писатель допускал существование истинной дружбы, и вместе с тем подчеркивает: «Кекавмен делает акцент не на положительных, а на отрицательных последствиях дружбы» (стр. 101; ср. еще стр. 421 и сл., прим. 401). Я не раз цитировал относящиеся сюда высказывания; не стану повторять их здесь, ограничившись лишь напоминанием, что негативная оценка Кекавменом дружбы не была книжной, но жила на личном опыте. «Я никогда не хотел иметь товарища и не садился за стол с равным мне, разве только по необходимости» (стр. 242.12—14), — так говорил он.

Литаврин шипит далее: «Кекавмен живет в вечном состоянии ожидания беды» (стр. 103). Это очень точная характеристика. Я думаю только, что такое психологическое состояние типичнее для чиновника, все время ожидающего немилости начальства⁴⁹, нежели для провинциального феодала — полунезависимого владельца своей земли.

Таковы некоторые уточнения к концепции Литаврина. Я далек от мысли, что мои возражения неоспоримы. Я преследовал более скромную цель — показать, что оценка Кекавмена как полководца и идеолога провинциальной знати все еще остается дискуссионной. Было бы осторожнее не выносить слова «сочинение византийского полководца» на титул очень важной и интересной публикации Литаврина.

А. П. Каждан

Ответ рецензенту

В осуществленном нами в 1972 г. новом издании «Советов и рассказов» Кекавмена мы писали, что состояние современной историографии этого памятника позволяет предвидеть еще более оживленный обмен мнениями после выхода в свет нашей публикации (стр. 39).

Действительно, рецензия А. П. Каждана, публикуемая в данном томе «Византийского временника», является уже шестым откликом на наше издание¹. Рецензенты сделали ряд критических замечаний, не согласившись они и с некоторыми нашими выводами и заключениями. Особенно много новых предложений по греческому тексту содержится в рецензии Р. М. Баргикяна, указавшего и на погрешности нашего перевода.

Решили мы ответить, однако, только на рецензию Каждана, поскольку в ней поставлены под сомнение некоторые из наиболее существенных наших выводов и среди критических замечаний рецензента содержится много таких, которые мы считаем ошибочными, альтернативными или лишеными какого бы то ни было значения.

При публикации источника, в особенности публикации повторной, претендующей на более точную передачу текста памятника, «мелочи» играют порой важную роль. Представляется поэтому вполне оправданной та тщательность, с которой рецензент отмечает недочеты нашего издания. Мы с благодарностью принимаем те из них, которые признаем бесспорными (ниже мы детально их перечислим). Но мы не можем признать большую часть названных Кажданом недостатков.

⁴⁸ Более точный перевод этой фразы см. С. В. Полякова. Византийские легенды. Л., 1972, стр. 85.

⁴⁹ О нестабильности статуса византийских чиновников XI в. см. теперь: G. Weiss. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos München, 1973, S. 38, 42 u. a.

¹ М. Vojnov. Nouvelle édition de Kékauménos. — «Etudes balkaniques», 1973, 2, p. 127—130; G. Cankova-Petkova. De nouveau de Kékauménos — «Bulgarian Historical Review», 1973, 3, p. 61—77; Н. Mihăescu, in: «Revue des études sud-est européennes», XI, 1973, 3, p. 571—573; Г. Л. Курбатов. — ВИ, 1973, № 11, стр. 158—161; Р. М. Баргикян. Некоторые замечания о «Советах и рассказах» («Стратегиконе») Кекавмена. — «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1974, № 2, стр. 71—88.

Центр тяжести рецензии приходится на ее вторую часть, в которой Каждан рассматривает некоторые важные положения нашего введения к изданию, как и систему доказательств этих положений. Естественно поэтому было бы начать ответ с этой части рецензии, так как именно здесь подняты наиболее существенные вопросы общественно-политической и идеологической жизни империи XI в.

Мы предпочли, однако, композицию, предложенную рецензентом, в силу двух причин: читателю легче сравнивать и выносить суждение при таком порядке изложения; сам Каждан готов видеть корни собственной, отличной от нашей, концепции мировоззрения Кекавмена (и его современников) не только в иной трактовке текста, но и в ином его переводе на русский язык.

Итак, последуем за рецензентом. Он начинает с анализа тех внесенных нами в текст конъектур, авторство которых принадлежит непосредственно нам.

Всего этих конъектур 39. Из них 12 Каждан считает удачными, 18 — вкусовыми, 8 — произвольными и 1 — ошибочной. Одну ошибочную (удаление арктикля τῆν перед предполагаемым ὄδον) мы признаем безусловно (см. стр. 264.12). Из прочих 28 «вкусовых» и «произвольных» рецензент специально упоминает 18, их которых только две касаются не имен собственных (перемещение отрицания οὐ — стр. 268.6 и написание καθ' ἕνα вместо рукописного καθ' ἕνα стр. 276.26). Остальные 16 оспариваемых Кажданом конъектур относятся к транскрипции имен собственных и географических и этнических названий («содержание» имен и названий при этом остается тем же).

Мы не склонны придавать серьезное значение вопросу о написании названия Λάρσα или (как у нас) Λάρσαα, а также: Λαρσάσιοι или Λαρσασάσιοι (11 случаев). В рукописи преобладает написание с одной «σ». Первые издатели предпочли этот вариант, я же — тот, который характерен для образованных византийцев (Константина Багрянородного и Михаила Атталиата; в «Хронографии» Михаила Пселла — одна «σ», а в издании его писем Курцем и Дреком — две. Ср. также написание сходного названия: в «Хронографии» Никифора Ξέσσα, а у авторов X—XI вв. — Ξέσσαα). Точно то же можно было бы сказать и о написании родового имени Романа IV (Ἀργυρόπουλος, как предпочли мы, или Ἀργυρόπῶλος, как предлагает рецензент, ссылаясь на написание рукописи: ἀργυρόπῶλος — см. стр. 280.4).

В четырех случаях мы, однако, отстаиваем точность нашей транскрипции: в рукописи ρουπέρδος (см. стр. 254.9) и Ρουπέρδος (стр. 186.19) мы предпочли оспариваемое рецензентом Ρουπέρδος, так как πρ и μπ почти неразличимы в рукописи, но как раз соответствуют среднегреческому звуку «б», вполне «уместному» в имени норманского вождя Роберта Гвискара. В рукописи φιλιππουπέλωος мы даем Φιλιππουπέλωος, Каждан полагает, что нужно Φιλιππου πέλωος, так как это оправдано двумя ударениями рукописи. Но нашему мнению, важнее тот факт, что слово дано там слитно (случаев же двукратных и даже трехкратных ударений на одном слове в рукописи — изобилие). В рукописи ρώσων, у нас — Ρώσους. Мы предпочли флексивную форму (поменяв только падеж), а не архаичную Ρώς, ибо флексивную избирают также современные Кекавмена Пселл, Атталиат и Иоанн Скилица.

В заключение наших примечаний к этой части рецензии Каждана выразим законное удивление: рецензент пишет, что мы на деле приняли не 22 (как сказано на стр. 33), а 39 конъектур Лемерля (стр. 155). Сочли бы абсолютно недопустимым подобного рода «арифметический промах», если бы он действительно имел место. Каждан приписал Лемерлю авторство еще 17 конъектур, тогда как они лишь одобрены Лемерлем, а предложены впервые Васильевским и Ернштедтом (что отмечено самим Лемерлем). Эти 17 конъектур обозначены нами под соответствующим индексом В-Е (а не Л) и в подстрочных примечаниях и в списке на стр. 308—310. На тех же основаниях (подлинное авторство) мы не приписываем себе множество других бесспорных конъектур первых издателей, не всегда оговаривая их в подстрочнике и в списке конъектур, ибо такого рода конъектур не десятки, как говорит рецензент (стр. 155), а несколько сот.

Переходим к конъектурам, предложенным Кажданом.

Стр. 188.1—2: вм. ὑπὲρ ἐξουσίαν — ὑπ' ἐξουσίαν, как более отвечающее логике пассажа, так как речь идет, по мнению рецензента, о подчиненных стратегу должностных лицах². Но Кекавмен неоднократно употребляет предлог ὑπὲρ в значении «кроме», «помимо» (см., например, стр. 188.22, т. е. здесь же!). Текст осмысливается так же, как понимает его рецензент, без конъектуры: все предыдущие параграфы раздела «Стратегикон» обращены к стратегии, а заключительный — к прочим, имеющим в деле власть, «помимо власти стратега» (они же и подчинены стратегу).

Стр. 244.7: вм. πονηρός — φρβνός³. Считая неправильным наш перевод слова πονηρός как «неутомимый», Каждан ссылается на словарь Лиддла — Скотта, в котором oppressed by toils означает «измученный». Но oppressed by toils значит также «загруженный работой», что вполне подходит к контексту, где идет речь о человеке, приносящем благо не только себе, но и другим.

Стр. 262.13: вм. αὐτῶν — αὐτοῦ, ибо без этой поправки наша попытка трактовать слово συνείδησις как «бессовестность» является будто бы «противоположной смыслу». Каждан с учетом своей конъектуры понимает это место как указание на то, что Никулица был опечален «в своем сознании». Но см. Лиддла — Скотта: συνείδησις — также crime, conscience, т. е. «преступление», «бесстыдство».

² Такую же конъектуру предлагает и Бартияян (указ. соч., стр. 76).

³ Бартияян предлагает πονηρός («трудолюбивый») (там же, стр. 80).

Стр. 292.22—23: вм. *στρατιάς* — *στρατιώτας*. В правке нет необходимости: экскуссия видов собственности давалась действительно не вещам (!), а людям. Это ясно из текста и без поправок, а об экскуссии моста, мельницы, корабля, скота можно прочесть и в кн.: А. П. Каждан. Деревня и город. М., 1960, стр. 183.

Стр. 228.14: вм. рукописного *αὐτῶν* — *αὐτόν*, а не как у нас — *αὐτῶ*. Вполне вероятно, но не более того (смысл остается тем же).

Из предложенных рецензентом поправок мы признали бы заслуживающими внимания две: стр. 228.14 — исправить глагол *δειπνᾷ* на существительное *δειπνά*; стр. 230.30 — читать *χηρῶν* вм. *χηρσίμων* как более оправданное логикой пассажа.

В этом же разделе (конъектуры!) автор рецензии отмечает пропущенную нами опечатку: стр. 246.19 — местоимение *σὶ* передано как артикль *οἱ*.

Переходим к замечаниям Каждана к нашему переводу сочинения Кекавмена. Разделим их на три группы: к первой отнесем те отмеченные рецензентом погрешности, которые мы не собираемся оспаривать, ко второй — отвергаемые нами и к третьей — дискуссионные.

К первой группе принадлежат указанные Кажданом ошибки на стр. 126.24, 140.2, 142.8, 158.27, 192.29, 194.2, 218.9—10, 222.6, 230.10—14, 252.15, 266.26, 284.28—29, 286.13, 18—19, 294.4 (все эти места легко сверить, обратившись к помещенной выше рецензии Каждана). Среди них мы отметили бы как наиболее важные три: на стр. 192.29, 218.9—10 и в особенности — на стр. 284.28—29: предложенное рецензентом понимание значения терминов *ἐκταγή* и *ἀγωγή* впервые со времени изучения сочинения Кекавмена позволяет удовлетворительно уяснить смысл данного пассажа.

Всякий перевод является в той или иной мере толкованием источника. И в перечисленных ниже случаях мы не можем принять то понимание текста, которое предлагает рецензент, отвергая при этом наш перевод.

Стр. 120.14: *οἰκονομία* не «предопределение» (как у нас), а «совокупность действий Христа во спасение» (рода человеческого). Бек, отмечая это редкое и специальное значение данного термина (в «Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich». München, 1959, S. 288), предпочел в своем переводе обычное — «попустительство» (Zulassung). Слово означает также «промысел», «воля», «управление», «разрешение», и в случае, когда имеется в виду бог (а это ясно из контекста), считаем вполне уместным также «предопределение». Вряд ли в этой вскользь оброненной фразе Кекавмен имел в виду именно «искупительную жертву Христа».

Стр. 124.5—10, 186.19, 188.14. Рецензент признает верным перевод выражения *συτῳήρητος* как «попустительство божие» (стр. 188.14) и неверным «соизволение божие» (в двух других случаях). Синонимичность этих значений подчеркнута в словаре Поспишила. Тонкостям нюансов, усмотренных здесь рецензентом, противоречит тот факт, что замечание «я страшусь» стоит не после «попустительства», а после глагола *φθάσης* — «окажешься», общего для всех трех ситуаций (условий успеха), а не только для одной, как это трактует А. П. Каждан.

Стр. 284.12—13: *πτόχους λαόν*. Каждан предлагает переводить не «Держи войско в бедности», а «Держи народ в бедности». Прежде чем отвергать этот перевод, следовало бы доказать несостоятельность нашего сближения этого пассажа с рассказом Пселла, позволяющим уточнить, о чем идет речь. Бек, аннотировавший нашу статью «Кекавмен и Михаил Пселл о Варде Склире» (ее существо изложено в прим. 1198 к изданию)⁴, возражая по другим вопросам, признал «идентичность слов» (BZ, 65/1, 1972, S. 132). Подсчеты рецензентом случаев употребления слова *λαός* в значении «войско» или «народ» нам представляются излишними (все определяет контекст), хотя также свидетельствуют скорее в нашу пользу. Каждан полагает, что значение «народ» вытекает из предыдущей фразы текста, но значение «войско» оправдано следующей. Кроме того, перевод рецензента представляется совершенно немислимым: никто из византийцев не мог дать совета, который находился бы в прямом противоречии с официальной и традиционной доктриной императорской власти в Византии, где вассилевс всегда «пекся» о благе подданных, карая только несправедливых (динатов или непокорных военных).

Стр. 148.29: *ἀκινῆτροι* предлагается переводить только как «более быстрые», хотя есть значения «более трудолюбивые», «более неутомимые» (*impiger, ἀκίβρατος-ἀκίνοος*).

Стр. 164.18: мы предпочитаем свой перевод (см. словарь).

Стр. 168.10: *κλασματικός* св. Возразим: *κλάσμα* — не только «разрыв», но и «часть», «обломок». См. также контекст.

Стр. 190.13 *ἀναγκασία*. Речь идет именно о продовольствии, и это значение слова встречается в византийских текстах сплошь и рядом. Совершенно непонятно, почему рецензент предлагает переводить строго этимологически: «необходимое». См. хотя бы «Историю» Льва Диакона: *ἀπορία τῶν ἀναγκάσιων τὰ σώματα ἐλυμάνετο*⁵.

Стр. 196. 27: *Τελώνης ποταπὸς δίκαιος*; Каждан предлагает переводить *ποταπός* словом «какой», но в среднегреческом оно означает также «низкий», «подлый», да и в древнегреческом имело значение латинского *iste* с пейеративным смыслом.

⁴ См. «Byzantinische Forschungen», 3, 1968/1971, S. 157—164.

⁵ *Leonis Diaconi historiae libri decem*. Bonnae, 1828, p. 60.9.

Стр. 200.28. Предлагается убрать из перевода «огорченные», ибо соответствующего слова нет в оригинале. Но συναχθέντες есть причастие от συναχθῆναι («огорчать»), а не от συνάγομαι.

Стр. 224.22 ἄριστον предлагается понимать не как «обед», а как «утренний плотный завтрак». Лиддл — Скотт отмечают отсутствие строгого значения этого слова, специально указывая, однако, что в поздний (т. е. средневизантийский) период breakfast was called ἀράτισμα and ἄριστον was the midday meal. Обратимся к другому месту Кекамена (стр. 216.20): «не дари после ἄριστον, так как подумают, что ты сделал дар в опьянении». После завтрака византиец трудился, а вот после обеда, подвыпив, соблюдал сиесту. См. и у Скилицы: во время войны со Святославом ромей рассеялись под Доростолом πρὸς ἄριστον περὶ δαίτην ὄψιαν («для еды под вечер»).

Стр. 226.18: στρατεύεις предлагается переводить не «если ты стратиот», а «отправившись на войну», ибо это причастие от глагола στρατεύομαι. Но, как отметила Э. Гликатци-Арвейлер, в XI в. причастие от этого глагола употребляется в значении «воин» даже чаще, чем слово στρατιώτης⁶.

Стр. 226.20—21: Φεύγε δὲ ἀπὸ καπηλοπολέμου· τροφεὶς γὰρ θανάση καὶ μετὰ θάνατον ὄντιδος ἔση. У нас: «Однако избегай трактирной ссоры, так как если умрешь от раны, то не смоешь позора и смертью». Предлагается: «Избегай трактирных драк: там будешь ранен, умрешь и после смерти покрыт позором». Непонятно, почему рецензент решил, что в нашем переводе идет речь о том, чтобы «смыть позор смертью в трактирной драке» (?). Считаю свой перевод точнее: γὰρ опускать не следует, τροφεὶς не глагол, а причастие, θανάση следует переводить «умрешь», а не «будешь убит».

Стр. 228.4: θυμώμενοι предлагается переводить «гневливые». Но речь идет о пагубности любовной страсти, а не о гнев; θυμῶω означает также «вспыхивать», «распалиться»; у нас — «испытывать сильные чувства»⁷.

Стр. 240.23. Согласен с рецензентом, хотя и неясно, почему нужен абсолютно буквальным перевод.

Стр. 264.10, 16, 23: πρόκριτος — предлагается заменить «избранник» на «первенствующий». Не видим к тому оснований. «Первенствующий» скорее πρωτεύων.

Стр. 302.30—31: τὸ βασίλειον κράτος — не «царский престол», а «сам царь». Обычно в византийских памятниках, когда имеется в виду сама личность императора, добавляются притяжательные местоимения σοῦ («твоя»), ἡμῶν («наша») и т. д., что отмечает и рецензент.

К дискуссионным замечаниям рецензента к переводу мы относим следующие:

Стр. 118.2: κωνοτομία лучше переводить не «взыскание», а «несправедливость», ибо стр. 150.15, 17 это слово также имеет значение «несправедливого новшества». Мы полагаем, что более конкретный смысл диктует контекст. На стр. 150.15, 17 оно имеет значение «расход», «ущерб», а на стр. 196.24 сам Каждан трактует это слово как «незаконное изъятие» («незаконно обретенное»).

Стр. 196.24—26. Рецензент переносит запятую на место после ῥόχας и понимает текст в том смысле, что при попытках откупщика обмануть (περιστῆσαι) казну, сохранить и «незаконно обретенное», и ругу подручных придется вышлатить и то, чего он не взыскал (ἀπῆχσας). Перенос запятой равноценен конъектуре. Мы остаемся при своем мнении: аорист может быть здесь переведен будущим временем, περιστῆσαι значит также «остерегаться» (казны), т. е. честно «исполнять дело», ἀδικῆσαι, бесспорно, «обидеть» (ср. выше, замечание к стр. 126.24: ἡδίκησε не «огорчил», а «обидел»). Стилистически текст, по нашему мнению, не оправдывает толкования Каждана.

Стр. 120.1—2. Рецензент справедливо указывает на то, что Кекамен не точно цитирует евангелие, а мы даем перевод в соответствии с каноническим переводом. В другом месте (см. стр. 132.3) Каждан, напротив, упрекает нас за то, что мы точно следуем греческому тексту Писания, отступая от канонического перевода. πολιτεία — все-таки не только «образ жизни», но и «поведение».

Стр. 122.18: καταγνώσεται предлагается понимать безлично — «дабы не заподозрили тебя» (?). Не менее сомнительно.

Стр. 196.3: περισσευόμενον ἐκ τῶν πάντων νομισμάτων τε καὶ πραγμάτων рецензент переводит — «имевший в изобилии все: и номисмы, и всякое добро». Дело — в интерпункции. Даже допустив вместе с Кажданом, что те относится к νομισμάτων непосредственно, мы сохраним наш перевод, так как πᾶς (вопреки мнению рецензента) имеет также значение «всякий» (= παντοῖος), т. е. «имевший в изобилии всевозможные и помыслы, и вещи».

Стр. 198.7—10: δέχα... χρῶνους рекомендуется увязывать не с глаголом ἄξουσι, а с причастием ἀπακτηθέντες. Далекое не очевидно.

Стр. 210.21—22: λογικά καὶ θεωρητικά, согласно рецензенту, не противопоставляются (это — «духовные и умозрительные» науки). Но что же это все-таки? В нашем переводе — попытка осмысления.

Стр. 220.4: χέρσον ἐργαζόμεθα⁸ трактуется как «возделываем целину». Но соответствует ли это логике пассажи?

⁶ Н. Glykatzki-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin. — ВСН, 84, 1960, p. 10.

⁷ Иначе понимает фразу Бартиякян: «Очень раздражительные люди совершают большие преступления» (указ. соч., стр. 87).

⁸ Бартиякян предлагает читать не χέρσον, а χρυσόν, «золото» (указ. соч., стр. 79).

Стр. 262.21—24. Каждан полагает, что λεγούσιν в этом трудном месте можно осмыслять не как 3-е л. мн. числа наст. врем. глагола, а как дат. пад. мн. числа причастия. Трудности, однако, остаются.

Стр. 128.27: τοῦ κακοῦ ἀποτίσις толкуется как «возмещение бедствия», значение «преступление» (κακόν) отвергается безапелляционно, хотя речь идет именно об убийстве (φόνος), ибо это возыскание названо «эпирией», а эпирия, по утверждению рецензента, не имеет ничего общего с поборами за преступления. Но откуда такая уверенность? Эпирия — сверхординарный побор (в отличие от ординарного судебного сбора — ἀρκόβν), и он мог взиматься и за «сверхординарные» преступления (убийство).

Стр. 194.23: «Ἐλλην» надо переводить «язычник». Это замечание не к переводу, а к комментарию, где мы констатируем, но не полемизируем.

Стр. 194.28 περισσπραχτορία трактуется не как «откуп налогов», а «чрезмерные налоговые возыскания». Следовало бы при этом опровергнуть наблюдения Ф. Дэльгера (см. прим. 566), проследившего употребление этого термина в актах.

Стр. 204.19: ἐξωτικῶς не «перед домом», а «наружу». Но смотри контекст.

Стр. 250.12: ἐπαθόν не «пострадали», а «перенесли». Не вижу принципиальной разницы. Вопреки мнению Каждана, семья Никулицы также пострадала, хотя и меньше, чем другие ларисские: переселение (и переселение насильственное) было бедствием — поэтому Кекавмен и приводит этот пример (следует опасаться такой беды).

Стр. 296.28: ἐξέλθης βασιλικῆς —⁹ не «уйдешь от престола», а «выйдешь по царской дороге». Возможно, но см. словари ἡ βασιλική «подразумевается στῶα — «присутственное место царя».

Стр. 304.9—10: ὑπὸ τῆς βασιλείας τῶν κομάτων — не «по воле волн», а «по царственности волн». По-русски ли?

Стр. 156.19—20: ταπεινός и ταπεινότης не «скромный» и «скромность», а «смиренный» и «смирение». Но речь идет о стратеге, отдыхающем от похода (см. весь пассаж — стр. 156.19—25). Наши попытки принять перевод А. П. Каждана не дали успеха — ср. особенно стр. 156.20: «будь смиренен внутренне» (?).

Стр. 188.26: καλαμώνας¹⁰ — не «кустарники», а «заросли камыша (тростника)». Справедливо: византийцы разводили тростник для плетения корзин, цыновок и т. п. Но «эргастрий» ниже упомянут, к сожалению, не в связи с «тростником», а с «мельницами и «автургиями».

Стр. 246.27: ἰδιῶται — не «невежественные», а «простые люди». Контекст оправдывает и наше понимание. См. Деяния, 4,13: ἀγράμματοι καὶ ἰδιῶται¹¹.

Итак, мы рассмотрели замечания Каждана и к конъектурам, и к переводу. Предоставим читателю судить, в чем эти замечания справедливы, а в чем — нет.

Переходим к замечаниям рецензента к комментарию. Каждан справедливо жалеет, что имя сына Никулицы Панкратий (Багат — арм.) и термины ἀπτεροβότος и ὀπτεροβότος остались без специального комментария. Отметил Каждан и ошибки, касающиеся эпарха при Константине I и печати «Георгия Коринфского». Но он неправ, упрекая нас в путанице по поводу датировки удаления от двора Георгия Коринфского. Период между маем 1067 и октябрем 1071 гг. указан нами не как предполагаемое время самого акта *высылки* Георгия из дворца, а как время его пребывания в удалении. Никакого противоречия, которое усмотрел здесь рецензент, нет. Не можем мы принять на свой счет и то, что комментарий слишком «разноплановый» (часть следовало перенести в подстрочный аппарат к греческому тексту): на то была воля издательства и типографии.

Теперь — и только теперь — о главном: о том, имели ли мы право уверенно вынести в подзаголовок издания слова «Сочинение византийского полководца XI века».

Справедливости ради мы должны отметить, что в ходе полемики Каждан стремится не столько утвердить тезис о том, что Кекавмен был гражданским чиновником и не принадлежал к кругам провинциальной военной знати, сколько поставить под сомнение наш вывод о Кекавмене как полководце и выходеце из кругов провинциальной аристократии. Однако на деле этот нюанс не существен.

Сохраним и здесь тот порядок изложения, который принят Кажданом. Прежде всего он рассматривает наши выводы о социальных воззрениях современников Кекавмена: Михаила Атталиата, Продолжателя Скилицы и Михаила Пселла.

Впрочем, сначала несколько наших общих замечаний. Во-первых, тот «кодекс чести», который рецензент в ходе дискуссии постоянно имеет в виду, нашел четкое отражение в византийской литературе не в XI, а в XII столетии, при Комнинах. И нормами этого кодекса нельзя непосредственно измерять взгляды авторов XI в., вынося непреклонный вердикт: аристократ — чиновник, «абсолютизируя», как выразился Каждан, воззрения того или другого вплоть до чисто индивидуальных склонностей и вкусов.

Во-вторых, сам Кекавмен, как мы старались показать, не принадлежал к элите военной аристократии, и вполне закономерно в его воззрениях нет ярких форм выражения интересов этой элиты (как их излагает рецензент по литературе XII в.).

В-третьих, систему взглядов может определять не только социальная принадлеж-

⁹ Бартияян предлагает убрать слово βασιλικῆς (указ. соч., стр. 82).

¹⁰ Бартияян предлагает: ἀμπελώνας, «виноградники» (указ. соч., стр. 76).

¹¹ Этим указанием я обязан М. Я. Сюзюмову.

ность предков (родовитость), но и принадлежность по сделанной индивидуумом карьере (хотя бы он и вышел из низов).

В-четвертых, наконец, в период, когда Кекавмен формировался как личность (30-е — 40-е годы XI в.), грани между двумя группами знати империи (чиновная бюрократия и аристократия провинций) были еще весьма проницаемыми: социальная вертикальная подвижность в верхах общества проявлялась еще ярко. Атталиат пишет, что при Константине X многие полководцы охотно одевали судейские мантии, оставляя военное поприще (Attal., p. 79).

Каждан ставит под сомнение нашу характеристику Атталиата, провинциала по происхождению, но судейского чина по карьере, как представителя скорее столичной бюрократии, чем военной аристократии провинций. Ибо: Атталиат благоволил горожанам, связывает свои надежды с Романом IV и Никифором III — вождями военной аристократии, порицает Михаила VII и признает благородство по происхождению. Но достаточно ли этого? Предок (по утверждению самого Атталиата) Никифора III Никифор II Фока отнюдь не жаловал горожан (а уж не этот ли царь — истинный военный аристократ), а «бюрократ»-временщик Иосиф Вринга принимал экстренные меры, чтобы константинопольцы не голодали. Преклоняясь перед своим благодетелем Никифором III, Атталиат донес представителю бюрократии Михаилу VII на полководцев, поднявших восстание во Фракии, резко осудил «родовитого» Льва Торника за мятеж. Благородство по происхождению признавал и Пселл, близкий к столичному чиновничеству.

Отвергая наш вывод о некотором сходстве воззрений Продолжателя Скилицы и Кекавмена, Каждан указывает на «симпатии» первого к синклиту, отметив, что этот автор пишет о синклите не два, а десять раз. Но мы не видим в упоминании Продолжателя о том, что Константин X держал речь перед «городским народом» и «синклитом», особых симпатий к синклитикам. Атталиат также пишет, что после речи василевс раздал награды «многим из синклита». В остальных же восьми случаях упоминания Продолжателя о синклите, так сказать, протокольно-безразличны и ни о чем не свидетельствуют.

Наконец, мы основывали наше мнение о сходстве взглядов Продолжателя и Кекавмена отнюдь не на одном тезисе (рецензент называет его «недоразумением») об их общем равнодушии к синклиту¹².

Особенно много внимания рецензент уделил нашей трактовке воззрений Пселла. Его труды заслуживают не одной специальной монографии; мы всячески оговорили во введении, что наши сопоставления «беглые», предварительные, основаны лишь на историческом труде («Хронографии») писателя и т. д. Тем не менее Каждан пишет, что мы «обеднили» образ мыслителя, свели его взгляды к оправданию сословных интересов (но именно с этой стороны мы и хотели их рассмотреть). Рецензент даже возмущен нашей характеристикой нравственных устоев этого философа. Но здесь мы не можем уступить: в моральном отношении он куда ниже даже такого педанта, как Кекавмен (ни талант, ни ум, не могут служить оправданием). К тому же замечательные статьи Я. Н. Любарского, вскрывшего сложность психологии этого деятеля, не могли быть нами использованы, так как появились в печати в основном после 1968 г. Не абсолютизировали мы и противопоставление Кекавмена (как антипода по идейной позиции) Пселлу, подчеркнув, что по некоторым вопросам их взгляды чрезвычайно близки.

Главной критике Каждана подверглось наше утверждение, что «теоретически Пселл — безусловный сторонник демократической формы правления» (стр. 79). Каждан тщательно анализирует полупересказанный-полупереведенный нами пассаж из Пселла, на котором мы основывались, и заключает, что там говорится «как раз о противоположном» тому, что сказано нами.

Мы вынуждены привести здесь вызвавшую спор часть текста из Пселла и его толкования (или переводы), данные мною, П. Рено и Кажданом.

Пселл, II, гл. 134, р. 35:

ταῖς μὲν εὐπρατοῦσας πόλεις ἐκ τῶν ἀρίστων καὶ τῶν εὐγενῶν τε ἀμὰ καὶ ἀγενῶν οἱ κατὰ λόγους, κἂν ταῖς πολιτικαῖς τάξεσι, κἂν τοῖς στρατευμασιν; οὕτω γοῦν Ἀθηναῖοι ἐπολιτεύσαντο καὶ ὀπίσσει πόλεις τὴν ἐκείνων δημοκρατίαν ἐξήλωσαν^ο παρ' ἡμῖν δὲ τοῦτ' ἰσχυρῶς ἐρριπταὶ καὶ ἡττιμασται, καὶ λόγος οὐδεὶς εὐγενείας, ἀλλ' ἀνωθεν ἐκ κλήρου διαδοχῆς, Ῥωμούλου πρώτου ἀρχαμένου τῆς τοιαύτης συγχύσεως, ἣ τε σύγκλητος διέφθαρτο, καὶ ὁ βουλούμενός ἐστι δημοποίητος. Ἀμέλει ἐν εὐροί τις παρ' ἡμῖν σισυφόρους τὴν στολήν μεταλλάξαντας...

Н а ш п е р е с к а з - п е р е в о д .

«В древности власть вручалась лучшим, будь то гражданские или военные лица. Таким был порядок в Афинах, и много городов завидовало демократии афинян. «Теперь же это лучшее отбрасывается и презирается». Нет и речи о благородстве, власть передается по наследственному жребию (с тех пор как начался впервые этот беспорядок) — с Ромула). «Синклит погублен, и каждый желающий — гражданин. Конечно, кто-ни-

¹² Укажем в скобках: замечание, что мы пользуемся боннским изданием Продолжателя (в отличие от рецензента, ссылающегося на новое критическое издание), можно было бы сопроводить оговоркой об отлично известном рецензенту факте — это издание ни в момент написания работы, ни во время корректур нам не было доступно (см. Addenda et corrigenda).

будь нашел бы и у нас немало (недавно) кожных носивших и сменивших его на дорогое платье...».

Перевод Рено (для удобства даем его по-русски)

«В хорошо управляемых городах списки граждан были составлены из лучших — как благородных, так вместе с тем и неблагородных, будь они из гражданских или из военных кругов. Так, по крайней мере, управлялись афиняне и все те города, которые старались подражать их демократии. Но у нас это прекрасное установление отброшено и пренебрегаемо. Не придают никакого значения благородству. И ведется это зло с его появления и является наследственным жребием (ибо Ромул первым совершил это смещение), сенат погублен, и всякий, кто хочет, оказывается гражданином. Воистину, у нас нашли бы немало людей, которые некогда, будучи носителями грубой тунники, переменили одежду...» (р. 35).

Каждан дает краткий пересказ (излагает смысл) этого места: «В древности у афинян и в городах, подражавших их демократии, высоко ценилось благородство (а где же оценка этого рода правления? — отметим попугно) У нас же это благо утеряно, и благородство не уважается. Оно (благо) было утеряно изданна, и такой порядок передавался по наследству... Ромул — родоначальник таких порядков (?). Синклит загублен, и первый появившийся становится гражданином. Безусловно, у нас найдутся подобные выскочки...» (далее — без существенных отличий).

Каждан отмечает нашу ошибку: по наследству со времен Ромула передается не власть, а беспорядок. Справедливо. Далее, однако, он утверждает, что, придав уступительное значение (не оправданное текстом) фразе со слова *ἄμελῆς*, мы серьезно исказили мысль. В чем? Нам осталось неясно. Если нет уступительного значения, есть сослагательное. Мысль же — одна и та же: у нас, утверждает Пселл, как и в Риме со времен Ромула, всякие выскочки становятся (почетными) гражданами, т. е. полноправными ромеями. Мы не усматриваем в отмеченном рецензентом нюансе тех важных следствий, на которые как на само собою разумеющиеся намекает Каждан.

Рецензент обвиняет нас в том, что мы видим здесь указание только на царей, тогда как Пселл имеет в виду высокопоставленных вельмож. Но в нашем изложении не сделано такого заключения. Не утверждали мы и того, что Пселл не признает личных качеств государя.

Главное, однако, не в этом. Действительно ли Пселл в приведенном пассаже противопоставляет благородство демократии, как толкует это место рецензент? Действительно ли Пселл не высказывает симпатии к афинской демократии? Ведь только при утвердительном ответе на эти два вопроса можно говорить, как делает Каждан, что Литаврия вычитал у Пселла «противоположное» смыслу высказывания философа.

Пселл одобритительно отозвался о демократии (это — та форма правления, при которой «хорошо» обстояло дело в Афинах и там, где им подражали). Если здесь и имеется какое-либо противопоставление, то противопоставляются афинская демократия и римские (т. е. и византийские) порядки, начиная с Ромула, дававшего гражданство не «лучшим» из гражданских или военных (безразлично), а всякому сброду. Но в Риме и Константинополе — монархия... На чьей же стороне «теоретически», как мы писали, Пселл?

Каждан отвергает наше замечание, что Пселла мало интересует народ, на том основании, что он упоминает среди категорий жителей империи городской плебс, земледельцев и торговцев. Добавим: рассказывая о восстании в столице в апреле 1042 г., Пселл упоминает ремесленников и вообще рядовых горожан целых 10 раз, а то и больше! Мы свое заключение сделали не на основе подобных ссылок, а на том основании, что Пселл всячески восхваляет налоговую политику Михаила IV и Михаила VII, хотя даже синклитики — его современники — с горечью пишут о тех страшных бедствиях для народа, которые влекла за собой эта политика.

И последнее: опровергая нашу гипотезу (о том, что это именно гипотеза, не упомянуто) о возможных в трех местах в сочинении Кекавмена намеках на Пселла, Каждан — совершенно неожиданно для нас — заключает, что мы усмотрели подобного рода намеки на Кекавмена и у Пселла. Но в том месте, на которое указывает рецензент, мы этого не утверждали: там идет речь о нашем общем выводе о Пселле и Кекавмене как о представителях враждебных группировок знати, а не резюмируется смысл последнего абзаца.

Что же касается возможных выпадов Кекавмена против Пселла, философа, выступающего в роли «дипломированного» льстеца и приспешника (стр. 71—72), то мы продолжаем считать наше предположение вполне закономерным. Вряд ли высказывания автора, отмеченные нами, — просто топосы дидактики. Если мы рисковали переоценить значение некоторых ремарок автора, то при позиции Каждана есть не менее серьезная опасность их недооценить.

Сближая Кекавмена с Пселлом, рецензент указывает на то, что Кекавмен благоволил Иоанну Ксифилину, «другу Пселла». Но патриарх Ксифилин в те годы, когда писал наш автор, совсем не был другом Пселла; «благоволить» же Кекавмен мог хотя бы только потому, что Ксифилин помог свату Кекавмена, Никулице Дельфину.

Показав «нечеткость» установленных нами различий во взглядах между современниками Кекавмена — авторами исторических сочинений — и различий между ними и Кекавменом, рецензент переходит к наиболее важному — в противоположность нам

выдвигаются два тезиса: 1. Нет данных о том, что Кекавмен — полководец; 2. Нет данных, что он вообще вышел из среды провинциальных военных.

Первый тезис доказывается посредством анализа сведений о родственниках Кекавмена, о нем самом и о лицах, носивших то же родовое имя (Кекавмены). Как это делается?

Признается, что «дальние предки» (!) Кекавмена происходили из армянских и болгарских военных (полководцев), но не упомянуто, что эти «дальние предки» — деды автора и по отцу, и по матери. Об отце замечено, что сведений о том, кем он был, нет — не сказано, что жил отец (а значит и отрок Кекавмен — речь идет о 30-х годах XI в.) в провинции, лишь изредка наезжая в Константинополь и посещая там видных родственников (т. е. отец автора «сидел в проасти», как выражается сам Каждан, говоря о военных провинциальных аристократах). Назван дядя или двоюродный брат Иоанн Майос, который «был стратигом, а потом занимался откупом — не отмечено, что откупа брали, и не отказываясь от официальной должности (если ее имели — а Майос являлся стратигом), т. е. «был... потом занимался» — просто гипотеза рецензента. Вопреки вполне понятному интересу, проявляемому Кажданом в связи с его исследованиями к родичам византийских знатных лиц по брачным связям, здесь среди родственников Кекавмена почему-то не названы: сват Кекавмена-деда Никулица Старший (полководец, стратиг), сват самого автора Никулица Дельфин — полководец.

Итак, упомянуты не просто «дальние предки», отец и Майос, а 6 родственников Кекавмена, из которых 5 — несомненно, военные (об отце просто нет сведений). Причем все это — провинциалы (исключая Майоса), и жившие, и служившие преимущественно в фемах, а не в столице. Военные провинциалы. Явно — не рядовые люди. Кто же это, по мнению рецензента, считающего наш вывод сомнительным?

О самом Кекавмене мы знаем всего три факта, два из которых слишком глухи для суждения (был во дворце во время восстания 1042 г., занимал какой-то пост в Элладе). Но один факт вполне ясен — в 1040—1041 г., во время похода Михаила IV против восставших болгар, «я сражался тогда за василевса» (стр. 282.28). — пишет Кекавмен. Каждан, как и мы, отмечает скудость этих сведений, но опять-таки менее всего склонен оценить наиболее бесспорный факт — Кекавмен «сражался за василевса».

Говоря о лицах, носивших в XI — начале XII в. имя Кекавменов, Каждан устанавливает, что один из них — полководец, второй — явно чиновник, третий — неизвестно кто, если «оставить в стороне» еще одного — Катакалона Кекавмена, так как не доказано, что он идентичен нашему автору. Но почему же «оставить в стороне»? Остальные — также неизвестно, кем приходились нашему автору. Катакалона же следовало назвать в первую очередь — этот крупнейший полководец империи середины XI в. нес свою службу как раз в те годы, когда и Кекавмен «сражался».

По мнению Каждана, мы расцениваем как «важнейший аргумент» тот факт, что Кекавмен написал стратегикон. Ничего подобного: мы отмечаем, что стратегические трактаты писали и Лев VI, и Константин VII, и Пселл, никогда не принимавшиеся за ратный труд (см. стр. 59), и придаем этому не больше значения, чем тому факту, что прославленный полководец Никифор Уран (кстати говоря, автор стратегикона) сочинял стихотворные гимны в честь богородицы... Важно для нас здесь, — не что, а как писал. Писал Кекавмен как блестящий знаток своего дела, свободно и легко оперирующий стратегемами, а не «пережевывающий» литературную традицию стратегиконов.

Тем не менее, на взгляд Каждана, воинский опыт Кекавмена весьма ограничен. Почему же? Да только потому, что он нигде не говорит о собственных воинских подвигах и привычках. Но такого нет ни в стратегиконе Никифора II Фоки, ни в стратегиконе Урана. Значит, сообщения хронистов об их победах — не божь, как мистификация?

Весьма важным для суждения о социальной среде Кекавмена рецензент считает тот круг лиц, которых наш автор упоминает в своем сочинении. Согласимся: память избирательна (даже безотчетно). Каждан исключает из рассмотрения — и это верно — василевсов и иноземцев. Особо выделяет лариссян. Прослеживает судьбы представителей упоминаемых Кекавменом фамилий до конца XII в. (прием в данном случае неоправданный). Отмечает, что среди них нет лиц, относящихся к аристократическим родам Далассинов, Комнинов, Докианов и, напротив, немало гражданских чиновников или лиц «незнатного происхождения».

Вывод рецензента: одних Кекавмен хвалит, других порицает, к третьим нейтрален. Но ясно — в поле его зрения прежде всего гражданские лица или представители незнатных семей.

Особенность подхода рецензента состоит при этом в том, что в число этих людей им зачислены все лариссяне (в том числе — родичи Кекавмена и его сват — полководец Никулица Дельфин) и все военные, если они — не Далассины, Комнины и Докианы... Кроме того, в перечень вообще не попали: глава гарнизона крепости Сербия Магирий, стратиг Рагузы Катакалон Клазоменит, подчиненные дукке Фессалоники военный Зепа, полководец болгарского происхождения Алусиан, стратиг Гидрунта Малапецис.

Как же дело обогаяло в действительности? Военные: Никулица Старший, Дмитрий Полемарх, Кекавмен-дед, Иоанн Майос, Никулица Дельфин, Василий Монах, Василий Педиадит, Михаил, сын логофета, Андроник Филюкали, Константин ректор, Магирий, Зепа, Катакалон Клазоменит (итого 13). Гражданские: Иоанн Орфанотроф — временщик, Никифорича — временщик, Сервия — пратор, Георгий Коринфский

(итого 4). Лица, род занятий которых неизвестен: Кекавмен-отец (сын военного), Ной (династ Димитриады, властвовавший в крепости Димитриада), Григорий Вамвака, Веривой, Григора, сын Никулицы, Иоанн Гримианит, Димитрий, брат Никулицы, Феодор, брат Никулицы, Феодор Скривона Петаст, Славота Кармалак, Панкратий, сын Никулицы (итого 11). Духовные лица: Иоанн Ксифилин — патриарх, Иоанн Ларисский — епископ.

Итак: 13, 4, 11 и 2. Кто же «в поле зрения» Кекавмена? А следовало бы еще учесть, что среди «неизвестных»: глава крепости (Ной), четыре близких родственника страига Никулицы Дельфина и два участника похода восставших в 1066 г. фессалийцев.

Трудно поверить, что соотношение названных цифр (13 военных и 4 гражданских) укрылось от рецензента. Нет, конечно. Попросту он не считает военными аристократами всех, кто не был связан с названными родами аристократической элиты или столетием позже имел среди родственников или однофамильцев гражданских чиновников. Вся аргументация Каждана построена таким образом, чтобы всячески элиминировать два непреложных факта: все кровные родичи автора — военные, причем — преимущественно провинциалы («сидевшие в проастях»), большинство лиц «в поле его зрения» (причем — подавляющее большинство!) — также военные.

Следующими доводами рецензента являются еще два тезиса: 1. Кекавмен хвалит Никифорицу — врага военной аристократии; 2. Взгляды Кекавмена на другого временщика (также — врага военщины), Иоанна Орфанотрофа, и императора Михаила IV не столь уж отличаются от взглядов Пселла, как это представил Литаврин.

О первом тезисе скажем кратко: Кекавмен писал свойopus во время всевластия Никифорицы (сколь ни интимны его советы, а первейшая заповедь — осторожность), а главное — Никифорица облагодетельствовал свата автора Никулицу, отца невестки Кекавмена.

На втором тезисе остановимся подробнее. Каждан обвиняет нас в том, что мы вырвали из контекста «Хронографии» Пселла фразу об Орфанотрофе — «никому не причинил зла», а на деле будто бы Пселл в целом, как и Кекавмен, резко осуждает Орфанотрофа, и смысл приведенной фразы должен быть примерно передан так: «держал всю страну в страхе, даже не прибегая к насилию».

Мы вынуждены привести контекст — «Хронография», I, гл. 12, стр. 59: «А об этом человеке мы хотим в нашем повествовании поведать кое-что большее, т. е. рассказать нечто ни суетное, ни ложное, так как я сам юношей видел этого мужа, слышал, когда он говорил, был рядом, когда он действовал, и досконально изучил его. Я знаю и о том, что служит ему к похвале, я осведомлен и о том, что не слишком достоин. До крайности, впрочем, смешался в нем те и другие черты. Наготове он держал разум и был пронизателем, как никто другой, — свидетелем тому у него самый его взор, пронзительно смотрящий. Заботливо вникая в дела и проявляя себя при этом чрезвычайно неутомимым, он оказался весьма опытным во всем, а особенно находчивым и дальновидным его признавали в казначейских сборах. Стремясь к тому, чтобы никому решительно не быть причиной тяжкой беды, а также чтобы не подвергнуться чьему-либо презрению, зла он не причинил никому, но останавливая на многих суровый взгляд и тем самым пугая их, одним внешним видом приводил в уныние. Ибо весьма многие, испуганные его внешностью, воздерживались от дурных дел. Посему он был воистину оплотом и братом для василевса, так как ни днем, ни ночью не избавлялся от забот. Даже предаваясь удовольствиям и оказываясь на пиру, на церемонии, на празднестве, он не пренебрегал требующими внимания делами. Буквально ничто не укрывалось от него, да и не было никого, желающего укрыться, ибо всякий страшился и боялся его надзора. Даже посреди ночи, внезапно сев на коня, он исследовал любую часть столицы, подобно молнии проливая каждый жилой закоулок. Итак, подозревая неограниченность его слежки, все сдерживались и таились, каждый жил сам по себе, избегая общения друг с другом...».

Чего больше в этой разносторонней характеристике (восторга или осуждения), пусть судят другие.

Согласно другому месту, пишет Каждан, Орфанотроф «губил добродетельных людей». Приведем и этот пассаж из Пселла (гл. 14, стр. 60—61):

«Распутно живущими он начисто пренебрегал. Если же кто-либо избирал благоприличную жизнь или пребывал в добродетелях вполне непринужденно, или украшал свою душу внешним знанием, всем им одинаково он стоял поперек пути, и делая каждому что-нибудь, обесценивал цель их устремлений. Столь нелепо он держал себя по отношению к чужим людям, а к василевсу, своему брату, сохранял, не меняя и не переиначивая, одно и то же расположение, сберегая ровность своего нрава...». Итак, Орфанотроф «губил добродетельных»?

О несправедливости этого лица, по мнению рецензента, сказано у Пселла в гл. 15 (стр. 61): «Из всех пяти братьев автократор Михаил был как бы противоположною ему по праву. А евнух Иоанн... занимал второе место по добродетели после автократора, а по сравнению с прочими братьями и он был недоступен для сопоставления. Итак, чтобы выразиться яснее, он был противоположною автократора в поведении по отношению к трем братьям. Сравнительно с ним Иоанн во многом проигрывал, но проявлял вместе с тем и большее сходство с ним. Ему также не нравилась испорченность братьев. Но, будучи братолюбивым больше, чем любой другой из них, он не

хотел привлекать их к ответственности за то, что они содеяли, а, утаивая их неправые поступки, он предоставлял еще большую свободу их помыслам, причем так, чтобы о них не было известно автократуру...».

Итак, можем ли мы согласиться с Кажданом, что характеристики Орфанотрофа у Пселла и Кекавмена в целом сходны? Не можем.

Еще менее правомерными мы считаем суждения рецензента о сходстве отзывов Пселла и Кекавмена о Михаиле IV. Каждан указывает на то, что оба автора высоко ценят личные добродетели этого императора, что Кекавмен хвалит его воинские успехи и одобряет дипломатическую хитрость. Но, во-первых, мы говорили об оценке Кекавменом не личности, а политики Михаила IV (см. стр. 67). Во-вторых, наш автор нигде не пишет о воинских успехах Михаила — он сообщает о подвигах Гаральда Гардрода в походе Михаила против болгар. В-третьих, и дипломатия этого василевса не причем — «распорядители дворца» задумали захватить землю Доброны, слишком часто торчавшего в Константинополе.

Главное: Кекавмен пишет специально о Михаиле IV только раз, в связи с советом императору держать в узде своих родичей, чтобы они не чинили произвола. И правление Михаила IV приведено при этом как худший пример (несмотря на его личные добродетели) — он не исполнил царственного долга, отойдя от дел и все передав в руки корыстолюбивым родственникам. Мы также пишем о том, что Кекавмен ценит личные качества этого царя; несомненно, наш автор знал (и кто мог не знать — ни тайной, ни слетней это не было) о тяжком недуге Михаила (эпилепсии). И все-таки Кекавмен осуждает политику Михаила, так как ведет речь не о личных делах, а о деяниях главы империи. В данном случае нельзя отказать посредственному теоретику Кекавмену в трезвости суждений.

Выводы Каждана о мировоззрении Кекавмена — заключительный аккорд рецензии, который, по мысли автора, в значительной мере уже подготовлен предшествующим изложением (система взглядов Кекавмена — не полководца, не представителя военной аристократии — соответствует скорее воззрениям представителей чиновничества, чем военачальников).

В пользу этого, по мнению рецензента, свидетельствуют такие идеи Кекавмена: «Все люди — дети одного Адама, каждый должен знать свое место, бедняк пусть не зарывается, нельзя пренебрегать советом простого человека, не следует отказываться от службы в феме, личная активность — путь к успеху, необходимо соблюдать крайнюю осторожность, заслуживают награды и храбрый стратег, и усердный нотарий.

Стоит ли отвечать на эти доводы? Изложенные здесь мысли Кекавмена не лишены интереса (мы их также рассматриваем во введении), но утверждать, что они не могут принадлежать полководцу, выходцу из провинциальной аристократии средней руки, вряд ли можно всерьез.

Из системы таких аргументов Каждана мы выделили бы три: 1. Благородство в представлениях Кекавмена «этически окрашено»; 2. Его военные советы — призыв к хитрости и изворотливости как главному средству борьбы — подобны советам Евмафия Филокали, полководца Алексея I, выпешего из низов; 3. Кекавмен дает советы императору, как подчинять независимых феодальных князьков — топархов.

Во-первых, нельзя сказать, чтобы Кекавмен совсем не говорил о «крови» как свойстве знатности: см. стр. 204.8 — о жене некоего судьи «из благородной семьи», сестре стратига, а также — стр. 280—284: о Петре, Сенахириме и Аральте (тот факт, что они иноземцы, в данной связи дела не меняет). Да и сам рецензент отмечает, что в той формуле «благородства», которую он вывел сам на основе византийских памятников, «высокая мораль» — непрременный компонент.

Во-вторых, к хитрости призывали и суровый воин, талантливый полководец Никифор II Фока, и благороднейшая царевна, дочь Алексея I Комнина Анна.

В-третьих, Кекавмен дает также советы топарху, как избежать зависимости от императора. И наиболее существенно при этом прямое его высказывание, что положение независимого обладателя даже небольшой области, безусловно, предпочтительнее положения служилого лица, получившего огромные владения, но живущего под страхом лишиться всего по капризу деспота (стр. 298—300). Это ли не идеал военного аристократа, провинциального землевладельца, «сидящего в проастиии»?

Разбирает рецензент и так называемые «формулы стратификации» населения империи, приводимые Кекавменом. Их три. Извлекаем читателя от их пересказа. Тенденция анализа у Каждана при этом едина: показать, что во всех трех формулах Кекавмена либо нет места для военной аристократии, либо это место не выделено особо; напротив — во всех трех формулах непременно имеется в виду чиновничество (в первой это — «высшие чины», обладающие парисией, и низшие — *oi xato* — отнюдь не простонародье; во второй — это архонты, служащие царю и его сопровождающие, а не находящиеся в отдалении в провинциях; в третьей — это синклитики, а возможно — и секретрики, к которым наш автор питает не меньшее уважение, чем к упомянутым в формуле стратигам).

Заметим прежде всего, что при подобном подходе к сходным формулам Пселла и Атталиата мы также получим то заключение, какое хотим. Кроме того, в первой формуле *oi xato* на стр. 120.29 — это не чиновники, а именно простолудины, частные лица, не обладающие ни властью, ни достаточным имуществом, чтобы помочь попавшему в беду, а способные лишь сострадать. Ссылка Каждана на стр. 126 4, где *oi xato* —

несомненно, низшие чиновники, неправомерна: это «низшие» именно, среди чиновничества, а в первом случае — «низшие» среди граждан вообще. *Oi xato* не имеет технического смысла.

Далее. «Архонты» у Кекамена — люди, обладающие властью. Но отнюдь не одни столичные саковники, а также и все те, кто по фемам командует войсками. А такими были и Фоки, и Дуки, и Цимисхий, и Вурцы, которые страшно обижались, если императоры не позволяли им, представителям элиты военной аристократии, «окружать» и «сопровождать» себя, а заставляли «сидеть в проствиях». В таких случаях они сплошь и рядом поднимали грозные восстания.

Третья формула говорит сама за себя (или вообще ни о чем нужном в данной связи не говорит)...

Мы кончили, оставшись при своем мнении: аргументы Каждана не поколебали наших представлений о личности и мировоззрении Кекамена.

Это отнюдь не означает, что мы отвергаем все соображения, которые Каждан высказал в своей рецензии. В ней содержится немало интересного. Прежде всего она убедила нас в том, что необходимы более четкие критерии, позволяющие разграничить военную провинциальную аристократию и чиновную знать XI столетия. Краткие ремарки Каждана на стр. 164—166 позволяют заключить, что его подход к вопросу существенно отличается от нашего: он готов считать военной знатью только представителей потомственной землевладельческой аристократии, «благородной» издревле. Спрашивается, однако, как определить социальную принадлежность тех, кто поднялся в военную среду из низов, из гражданского сословия, из иноплеменников? Когда этих лиц можно считать «акклиматизировавшимися» в среде военной знати? Когда они обрели сходное социальное сознание? Или не обрели его вовсе, сохраняя из поколения в поколение приверженность к воззрениям предков? В какой мере сознание «наследуется» и в какой — формируется в зависимости от жизненных условий и влияния той среды, частью которой личность стала?

Как оказалось, все что заслуживало рассмотрения прежде, чем мы взялись судить о социальной принадлежности и взглядах Кекамена.

Неясны, видимо, и такие часто используемые в историографии понятия, как «крупная» и «средняя» прослойка знати в среде и военной аристократии, и гражданского чиновничества, на что справедливо уже обращено внимание Г. Л. Курбатовым в его рецензии¹³.

Г. Г. Литаврин

А. П. Каждан. Книга и писатель в Византии. М., 1973, 151 стр.

Видный советский византист А. П. Каждан давно уже выступает как популяризатор гуманитарных знаний; ему принадлежит несколько интересных и полезных научно-популярных книг по истории, вспомогательным историческим дисциплинам, истории религии.

Новая работа А. П. Каждана посвящена культурной истории Византийской империи. Она состоит из пролога и четырех глав. В конце помещен вспомогательный материал: примечания, список основной литературы и указатель имен, составленный И. С. Чичуровым.

В первой главе (она называется «От знания до творчества») рассказывается о писчем материале, форме книги (церы, свиток, кодекс), ее внешнем оформлении, включая миниатюры и орнамент, о писцах и их труде. Вторая глава («От буквы до знания») посвящена византийской системе образования: здесь идет речь о начальной и высшей школе, о методах обучения, о положении учителя и образованного человека вообще, о тех, кто, подобно Иоанну Цецу или неизвестному педагогу начала X в., зарабатывал себе на жизнь литературным трудом и обучением юношества.

Третья глава («От знания до творчества») почти целиком отведена Никите Хониату, которого А. П. Каждан справедливо называет «одним из самых своеобразных византийских авторов» (стр. 82). Эта глава представляет собой новый и свежий этюд о Хониате, показывающий мало или вовсе еще не раскрытые особенности и характерные черты его творчества, его писательской индивидуальности. Наконец, последняя глава («От творца к читателю») открывается вопросом — какими путями достигали литературные памятники тех, для кого они были написаны? Автор показывает различные пути распространения художественных произведений и их место в общей духовной жизни народа. Тут говорится о византийском театре, о мистериях в составе богослужения, о богослужении, в котором сохранялись элементы театрализованного действия, правда, принципиально на иной основе, чем это было в античном театре. Далее, автор переходит к литературным жанрам в средневековой греческой литературе, отмечая их разнообразие и бегло характеризуя исторические сочинения, хронографы, агиографию, литургическую поэзию, византийскую сатиру, любовную лирику. Заключается эта глава изложением некоторых сведений о византийских библиотеках и судьбах византийских книжных собраний в последние века существования империи и после ее падения

¹³ Г. Л. Курбатов. Указ. соч., стр. 160.

Как видно из вышесказанного, главы образуют собой как бы цепочку, связывающую культурную жизнь страны в единое целое; процесс производства книги показан как необходимое звено целого.

Книга А. П. Каждана является первой в советском византиноведении (да и вообще в литературе русского византиноведения) книгой, задуманной и построенной столь своеобразно; она не может расцениваться только как научно-популярное сочинение, поскольку в ней содержится немало исследовательского материала (достаточно упомянуть ту же главу о Никите Хониате).

По содержанию глав могут быть сделаны лишь немногие замечания. Так, желательное увеличить число приводимых в книге записей писцов, встречающихся в греческих рукописях, чтобы показать их разнообразие и лучше характеризовать фигуру писца: среди писцов были монахи, для которых переписка церковных книг была делом богоугодным, и писцы, зарабатывавшие себе таким путем на пропитание. Следовало бы также подробнее остановиться на причинах массовой гибели памятников средневековой греческой письменности. Досадной ошибкой является заявление автора (стр. 21) о том, почему писцы античного времени писали, держа рукопись на коленях, в противоположность средневековым писцам, которые клали рукопись на стол. Здесь дело не в том (как предполагает А. П. Каждан), что об «удобстве труда рабов» мало заботились, а в усовершенствовании методов переписки. Не стоит перечислять подобные мелкие и немногочисленные недосмотры в насыщенной содержанием и написанной со знанием дела книге. Такого рода недостатки имеются в любом исследовании, но они не уменьшают значимости работы в целом и не имеют принципиального значения. Мое главное и принципиальное возражение автору касается другой стороны дела.

Судя по названию книги, можно было бы ожидать, что она имеет целью изложить историю византийской книги и судьбы писателей в Византийской империи. Однако автор пытается дать общий обзор духовной или культурной жизни греческого народа на всем протяжении тысячелетнего существования Византии. Такая задача вряд ли может быть выполнена в пределах небольшой работы (всего около 8 печ. листов). Выполнению этой задачи препятствовала прежде всего исходная позиция А. П. Каждана, которая наиболее отчетливо изложена им в конце второй главы (стр. 81): «Византия сделала много для развития культуры. Во-первых, потому, что она сохранила высшие достижения эллинской мысли. Во-вторых, потому, что она, развивая античное наследие, создавала новые принципы научного и художественного творчества». На протяжении всей своей работы автор подчеркивает традиционализм византийской культуры, ее нетворческий характер, неспособность византийской науки к плодотворному самостоятельному развитию, к выработке новых методов исследования, к прокладыванию новых путей или постановке новых проблем. С другой стороны, А. П. Каждан последовательно привлекает данные по истории книги и образованности в Римской империи и средневековой Европе (преимущественно — Италии; см., например, стр. 15, 19, 55, 57, 136 и др.), говорит о славе Константинополя как центра образованности, но лишь о славе этого города среди народов Западной Европы (стр. 71). Перечисляя любителей и собирателей книг, рассказывая о судьбах греческих средневековых библиотек после 1453 г., автор имеет в виду только те библиотеки, которые были переправлены в Западную Европу (см. стр. 137—143).

Итак, А. П. Каждана интересуют связи греческой империи только с народами Западной Европы, а значение византийской книжности и всей культуры в целом только в смысле сохранения античного наследия и его передачи западноевропейским народам; и тут имеется в виду почти исключительно Италия, ученые итальянского Возрождения.

Такая исходная позиция представляется мне односторонней, даже ошибочной. Попытка охарактеризовать византийскую культуру, а в особенности ее письменность, ее значение для культурной истории других народов, ее место в мировом культурном развитии вне связи с культурой восточных славян заранее обречена на неудачу.

Необходимо было уделить соответствующее место вопросу о значении византийской письменности и византийского просвещения для славяно-русской культуры, рассказать о центрах византийско-славянского общения и сотрудничества, где в течение долгих веков работали переводчики и писцы, филологи, обучавшиеся у учителей-греков и отбравшие под их руководством тексты для перевода на свой родной язык.

Автор вправе возразить мне, что тема византийско-славянских культурных связей не была его задачей, но в таком случае обязательно нужно было бы оговорить это обстоятельство. Иначе обиденной оказывается основная тема книги. В самом деле, если значение византийской культуры заключается лишь в сохранении античного наследия и передаче его итальянским гуманистам, можно ли понять и правильно оценить тот величайший значимости факт, что именно на основе этой якобы нетворческой и полной традиционализма культуры выросла письменность и в древней Болгарии, и на Руси? Говоря о византийской образованности, А. П. Каждан забывает о том, что главное место в системе знаний принадлежало комплексу гуманитарных наук, который в настоящее время принято объединять под названием классической филологии. Не случайно греческая церковь, приобщая к христианской религии тот или иной народ, считала нужным позаботиться о переводе на другой язык необходимых церковных текстов. В. Ягич писал следующее: «Уже первый акт, занесенный на страницы славянской культурной истории под именем Константина Философа, его вопрос, заданный им визан-

тийскому императору о том, имеются ли у моравских славян свои буквы, представляет вопрос филологический. На деле Константин был первым славянским филологом в полном смысле слова. Ведь он составил: 1-е — для славян особое письмо; 2-е — установил правописание; 3-е — сделал первые переводы с греческого языка на славянский. Это (т. е. Константина. — *Е. Г.*) примеру подражали потом другие, между прочим, тот аноним, которому мы обязаны вторым славянским письмом. Полстолетия спустя выступил как филолог Иоанн, экзарх болгарский, вдавшийся в рассуждения о трудностях задачи переводчика. Наконец, филологической работой этого первого времени (конца IX и начала X столетия) можно назвать также известную апологию черноризца Храбра, защищавшую славянское письмо от нападков и возражений со стороны греков¹.

В рецензии нет возможности подробнее остановиться на обширной, поистине неисчерпаемой теме византийско-славянских культурных связей. Тема эта, как известно, неизменно привлекает к себе внимание славистов-филологов, литературоведов, историков, археологов в пирожном смысле слова. Лучше попробуем ответить на вопрос, почему эта тема, столь же правомочная, сколь и тема связей Византии с народами Западной Европы, оказалась даже не упомянутой в книге А. П. Каждана? Очевидно, причина заключается в сложившейся традиции. Специалисты по византийской филологии сравнительно редко обращаются к славяно-русской письменности. Гораздо чаще можно встретить обратное явление — а именно обращение специалистов по славяно-русской письменности к византийстике, к теме византийского наследия в славянских странах.

Е. Э. Гранстрем

И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, 163 стр.

Монография посвящена изучению города Мистры. Наименование Мистра употребляется И. П. Медведевым двояко: когда он пишет, что в 1910 г. Милле работал в Мистре, то, безусловно, Мистра — это развалины крепости города Спарты; когда говорится о резиденции правительства, местопребывания крупнейших феодалов, о центре интеллектуальной жизни, искусств, Мистра — своего рода кремль, акрополь расположенного вокруг (включая и берега Эвроты) города (стр. 18); когда говорится о военных событиях, то имеется в виду крепость, акрополь, кастрон. Но когда исследователь переходит к рассмотрению ремесла, торговли, то он говорит уже не о Мистре, а о том городе, который находился вне акрополя, но тем не менее — расходясь с подавляющей массой византийских источников, называет этот город не Спартой (Лакедемоном), а Мистрой. И. П. Медведев отвергает, но без аргументации, положение о том, что в городе Спарте произошло перемещение центра; между тем, построенная крестоносцами в военных целях крепость Мистра, перейдя в руки местного населения в 1262 г., стала новым центром старого города. Ведь не все население Лакедемона-Спарты перешло в крепость, а только феодальная правящая знать со своим окружением. Мистра стала центром национального движения не потому, что население считало себя «мистриотами» (в византийских источниках Мистра называется не Мистрой, а Спартой), а потому, что Спарта, Лакедемония, прославленные в эпосе и литературе, были столь дороги для каждого грека! По нашему мнению, правильнее было бы назвать монографию не «Мистра», а «Спарта в средние века».

И. П. Медведев обстоятельно пишет о Мистре, ставшей центром национально-освободительной войны греков против крестоносных захватчиков. Но при этом не исследуется, что представляло собой греческое население, окружающее район подвергавшийся влиянию Мистры. Между Спартой Никона Метаноита (X в.) и Спартой 1262 г. — провал. Кто такие цакопцы, которых источники XIII—XV вв. считали живущими в труднопроходимых местах локопцами-спартанцами¹.

При объяснении успехов Спарты в освобождении Пелопоннеса от власти крестоносцев это имеет некоторое значение. Вся это касается тенденции И. П. Медведева поставить во главу угла только цитадель Мистру. Странно читать, например, на стр. 32, 34, 38 и др. о «мистриотах», тогда как в источниках речь идет о «лакедемонянах».

Автор считает, что аграрный переворот, происшедший в Византии в XI и XII вв., не коснулся Пелопоннеса. Трудно себе представить, однако, чтобы реформы Мануила не коснулись Пелопоннеса: «Морейская хроника» рассказывает, что прония в Пелопоннесе была распространена и до крестоносцев. К тому же именно в Пелопоннесе крестоносцы встретили сильное сопротивление — и в дальнейшем из среды пелопоннесских землевладельцев возникли крупные фамилии феодальной знати. Доверенность Михаила VIII Макринусу предоставлять пронии вовсе не означает, что до того времени в Пелопоннесе не было проний (стр. 53).

Вторая глава монографии посвящена внешним событиям — борьбе за освобождение области Лакедемонии от власти крестоносцев. И. П. Медведев последовательно по-

¹ *И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910 («Энциклопедия славянской филологии», вып. 1), стр. 3.*

¹ См. ниже нашу аннотацию на работу Х. П. Симеонидиса, стр. 210—212.

казывает патриотизм населения и в то же время исключительную продажность византийской аристократии XV в. Правда, он считает свидетельством Критовула о туркофильстве греческой знати слишком преувеличенным, так как «туркофиль» завязывали одновременно связи и с латинянами. Фактически знати были совершенно безразличны и народность, и религия, лишь бы сохранить собственность на имения и власть над трудовым населением. В то же время автор отмечает, что местное население — лакедемоняне — представляло собой единственную силу, на которую можно было надеяться при восстановлении старинной византийской империи (стр. 38). Войны против турок даны в монографии достаточно подробно. Однако можно отметить одну лагуну: пропущено известие о взятии Мистры Умур-пашой и сыном эмира Сарухана Сулейманом в 1334 или 1335 г. (текст издан И. Меликовой-Сайяр в 1954 г.).

В третьей главе дается характеристика жившей в Мистре феодальной знати. Несмотря на недостаток источников, автор, соединяя данные актов с археологическими материалами, ярко обрисовал социальный статус феодалов средневековой Спарты, их роскошный быт, столь противоречащий бедственному состоянию Византии того времени. Приведа пример «прониара» Плифона, И. П. Медведев полемизирует с Г. А. Острогорским, считая, что прония не обязательно должна быть военной. Однако он забывает, что у Плифона было два сына — Дмитрий и Андроник, а они упомянуты в акте пожалования. Несколько туманно положение о превращении Мистры в своего рода апанаж в назначении кефалатикия Сфрандзи: осталось неясным отношение частнопроводной ренты к правительственным налогам в Мистре.

Основываясь на актах, И. П. Медведев показал серьезную мощь духовенства в Мистре. Описаны богатства монастырей, из которых Бронхокион имел свой центр в Мистре. К сожалению, к книге не приложен план Мистры с указанием местоположения церковно-монастырских центров и их владений как в самом акрополе, так и вне его. В монографии убедительно показана независимость духовенства от светской власти, экономическая концентрация более слабых монастырей вокруг более мощных, а также непримиримость духовенства ко всяким попыткам правительства к союзу с католицизмом. Отсутствие прозелитизма у турок, с одной стороны, и фанатизм сторонников папы, с другой, сделали духовенство, проникнутое идеями психизма, равнодушным к угрозе турецкого владычества. Характерно, что вся пропитанная монашескими идеями Мистра добровольно сдалась туркам, тогда как другие центры отчаянно сопротивлялись!

Переходя к организации ремесла и торговли в Мистре, И. П. Медведев отмечает их глубокий упадок. Добыча железа в районе Лакедемона, очевидно, прекратилась, железо ввозили из-за границы. Можно думать, однако, что для средневековой Спарты такой упадок кажется несколько преувеличенным. Правда, в Мистре-акрополе, по всей вероятности, не было ремесленников, но за стенами акрополя ремесла развивались — Плифон писал, что все необходимое («кроме железа») находится там. Между прочим, за стенами акрополя было расположено около 1000 домов евреев, бывших, очевидно, ремесленниками или торговцами: ведь еврейское ремесло и торговля были развиты в Спарте еще при Никоне Метаноите, который изгнал евреев из Спарты.

Совершенно убедительно И. П. Медведев освещает политику Венеции в отношении Спарты, ее стремление поставить население Спарты в полную зависимость от итальянского ввоза. Даже морская связь Мистры с Константинополем осуществлялась венецианским торговым флотом!

Автор считает, что в Мистре не было среднего сословия. Что касается Мистры-акрополя, то это совершенно правильно. Но это невозможно утверждать относительно города в целом. При той роскоши в быте и многочисленности знати в Мистре нельзя представить себе такой город без ремесленников, торговцев и их верхушки.

И. П. Медведев вслед за Франческо отвергает возможность наличия цехов в Мистре. Однако едва ли можно представить себе большой многолюдный город Спарту, столицу Мореи, без таких объединений, как хлебопеки, особенно же — без товариществ строителей в период усиленной стройки роскошных дворцов и храмов. Как раз об этих объединениях имелись законодательные постановления у Арменопула. Именно эти массы шлебса и были участниками народного движения 1402 против власти госпиталитов.

В шестой главе речь идет об интеллектуальной жизни Мистры. Мистра-акрополь был центром правительства, местопребыванием крупных феодалов, митрополита и монашества. Естественно, что при таких условиях в Мистре могла существовать прослойка интеллектуалов. В монографии приводятся данные о библиотеках, скрипториях Мистры. Особенно подчеркивается, что с приходом Палеологов Мистра становится центром эллинизма (стр. 98), филиалом Константинополя в области образования, очагом богословия и философии. Автор приводит в пример и Мазариса. Но вряд ли Мазарис мог жить в Мистре-акрополе, среди изысканного, упоющего в роскоши общества и выражать протест эксплуатируемого населения.

И. П. Медведев подробно освещает деятельность тайного общества Плифона; он убедительно относит его к более позднему времени — после поездки Плифона в Италию. Такой кружок интеллигенции мог развивать свою деятельность именно в Мистре-акрополе. В монографии приводятся данные о колоссальном значении этого кружка для западного возрождения, особенно после падения Мистры, когда члены кружка расселились по Европе.

Что же касается исихазма в Мистре, то можно вполне согласиться с автором, что именно полная победа в Мистре исихазма над сторонниками Варлаама сделала Плифона фанатиком платоновского идеализма и врагом Аристотеля. И. П. Медведев отвергает положение о том, что Плифон хотел, опираясь на учение Платона об идеях «в чистом виде», создать целостную концепцию. Он считает, что Плифон должен быть неоплатоником. По нашему мнению, Плифон, стремясь дать в «чистом виде» Платона независимо от неоплатоников, сам сделался неоплатоником. И. П. Медведев присоединяется к мнению Хунгера, который пишет, что вся философия Плифона есть система категорий и идеи абсолютного детерминизма; он правомерно выступает против отождествления идей Плифона с социалистическими, с сенсимонистскими; различные же предложения Плифона он считает эклектикой, — в целях рационализации феодального строя. Совершенно правомерно И. П. Медведев возражает против расширительного толкования понятия «возрождение», считая в то же время, что сведение понятия «возрождение» к изучению лишь античных авторов снижает философское понимание слова «Ренессанс». Изучая конкретное применение этого понятия к Византии, автор главное внимание обращает на то, что в Византии не было борьбы против влияния церковности. Поэтому нельзя говорить о византийском возрождении и гуманизме.

Но прав ли И. П. Медведев? Ведь византийский «гуманизм» развивался в период наивысшего влияния итальянской экономики! И в сознании абсолютного превосходства западной культуры вера в абсолютную правоту византийской идеологии пропадала — отсюда в среде интеллектуалов развивался индифферентизм к религиозной догме, отсюда и парадоксы: Плифон — враг христианства — выступал в Италии за ортодоксию, или же тот факт, что многие интеллектуалы Византии переходили в католичество, легко принимая католическую идеологию. Этот индифферентизм и являлся формой византийского индивидуализма, характерного для интеллигенции Возрождения.

Глава VII посвящена архитектуре и живописи Мистры. Автор оговаривается, что он — не археолог и не искусствовед и ему нелегко оценивать художественные достижения Мистры. И здесь отсутствие плана Мистры затрудняет чтение главы. Автор отмечает красоту архитектуры отдельных храмов; приводит полемику о возвращении к стилю базилик (Милле-Штрук); отмечает латинское влияние на архитектуру Мистры (в частности устройство колоколен); присоединяется к положению о том, что в архитектуре господствовал эклектизм (как «начало конца»). И. П. Медведев указывает на общее явление — уменьшение размеров церквей и в то же время повсеместное увеличение численности их. Можно присоединиться к мнению автора о том, что причиной этого являлась победа исихазма: в стремлении к уединению отойти от широкой массы молящихся в грандиозных храмах Византии (стр. 132). Что касается живописи, то автор считает основой монументальную живопись — фрески, вытеснившие мозаику; отмечает характерный для иконографии культ Марии; указывает на сильное влияние константинопольской школы. Автор выступает против резко отрицательной оценки живописи Мистры В. Н. Лазаревым, который даже не решается назвать эту живопись искусством. Между тем, сам В. Н. Лазарев в ранних трудах отмечает достижения живописи Мистры. И. П. Медведев приводит наблюдения Вельманс о наличии тенденции к реалистическим изображениям в миниатюрах, отмечает общее влияние идей исихазма на живопись Мистры; в заключение он приводит фразу Хадзидакиса, который характеризует живопись Мистры как последнюю, «усталую» фазу византийского искусства.

В заключительной главе И. П. Медведев поднимает вопрос о взаимоотношении понятий «феодальный город» и город как «общественный институт». Но не лучше ли вообще говорить не о «феодальном городе», а о «городе в эпоху феодализма»? Взаимное влияние города как общественного института и феодального способа производства видно в этом случае более явственно — ведь во всякой формации имеются пережитки старого, основы нового и ростки будущего строя.

Что же касается причин возвышения Мистры в XIV—XV вв., то автор полагает, что отдаленная от центра Мистра с ее оборонными преимуществами стала последним убежищем от турок. Нам думается, что турки и в первой половине XIV в., и в конце столетия, и в начале XV в. стремились занять Пелопоннес — их отступать заставляло противодействие населения. И в самой последний момент — в 1453 г. — лакедемоняне праздновали победу над турками! Недаром Константин XI мечтал со своими лаконцами отвоевать от турок империю. Сознание необходимости спасения своей народности (блестящие исторические имена «лакедемоняне» и «Спарта» играли при этом определенную роль) давало свободолобивым горцам силу к сопротивлению. Только постоянные междоусобицы, продажность знати, исихазм, корыстолюбие итальянских торговцев привели к концу средневековую Спарту.

В заключение я мог бы сказать, что, если не считать несколько непонятного для меня стремления вычеркнуть из истории поздней Византии фигурирующие в источниках слова «Спарта» и «Лакедемон», то монография И. П. Медведева представляет собой значительный вклад в изучение истории Византии XIII—XV вв. Использованы почти все доступные источники, освоена колоссальная литература. Книга И. П. Медведева совершенно необходима для каждого византиниста.

М. Я. Сюзюмов

Малая Азия представляла собой наиболее важную часть Византийской империи. И именно она была ареной, где развернулись многогранные отношения этого государства с тюрками в XI—XV вв.: в первой половине XI в. — с отрядами огузов и сельджуков, со второй половины XI и по XIV в. — с державой так называемых великих Сельджукидов, Румским султанатом, эмиратами и бейликами, а на заключительном этапе, в первой половине XV в., — с Османским государством. В итоге произошла замена почти всего византийского и христианского тюркским и мусульманским, что изменило положение и ориентацию Малой Азии в системе средневековых государств.

Среди итоговых публикаций по истории средневековой Малой Азии наиболее значительными являются исследования В. А. Гордлевского¹, К. Каэна² и С. Вриониса. Работы первых двух авторов сходны — они посвящены главным образом истории возникновения, существования и гибели Румского султаната (вторая половина XI — первая половина XIV в.). Рецензируемая же книга представляет собой исследование, в котором рассмотрены причины, способствовавшие в течение второй половины XI — первой половины XV в. трансформации христианского населения Малой Азии в мусульманское и тюркоязычное. Этот процесс рассмотрен с двух точек зрения одновременно — византийской и тюркской: *чего* лишилась Византия и *что* приобрели тюрки. Автор не противопоставляет эти точки зрения — они дополняют друг друга, позволяя при подходе с разных позиций более выпукло показать происходивший процесс трансформации. В этом одна из особенностей, а также ценность и новизна исследования. Вот почему не случайно, что за исключением вводной части работы связаны попарно: вторая и третья — это военно-политический и этнический аспекты исследования, четвертая и пятая — конфессиональный, шестая и седьмая — экономический, административный и ряд других аспектов. Таким образом, сама структура соприкасающихся частей подтверждает стремление С. Вриониса раскрыть обе стороны взаимоотношений Византийской империи и государств Сельджукидов и Османского в Малой Азии в течение второй половины XI — первой половины XV в., показать эти взаимоотношения как с византийской, так и с тюркской позиций.

Центральными разделами исследования являются вторая и третья части. Первая — «Византийская Малая Азия накануне тюркского завоевания» (стр. 1—68) — носит вводный характер и содержит обзор экономического, военного, политического, социального, этнического и конфессионального состояния региона перед началом экспансии Сельджукидов в XI в.

Вторая часть — «Политическое и военное крушение Византии в Малой Азии» (стр. 69—142) — это попытка разобраться в ситуации, которая в течение XI—XII вв. дважды привела империю к катастрофе, сперва при Манцикерте (1071 г.), а сто лет спустя — при Мириокефале (1176 г.). Но неужели Манцикерт был *внезапной*, как считает С. Врионис (стр. 69), катастрофой? Разве Византия не была «подготовлена» к ней своим военно-политическим и социально-экономическим развитием в 1025—1071 гг.? Кстати, в самой работе (стр. 70, 80, 85) названы основные внутренние и внешние причины, приведшие империю к поражению при Манцикерте.

С. Врионис полагает, что 1040 г. является датой, обозначающей важный этап в истории не только Ближнего Востока, но и Византии (стр. 83). Действительно, 25 мая 1040 г. близ местечка Данданакад, около Мерва, произошло решающее сражение между Сельджукидами и Газневидами. Победа Сельджукидов позволила им начать планомерное завоевательное и миграционное движение, и уже к середине XI в. тюркские племена продвинулись из Средней Азии к восточной границе империи. Поражение же Византии при Манцикерте облегчило Сельджукидам завоевание Малой Азии, способствовало созданию Румского султаната и расселению тюркских племен. Тем не менее империя была еще достаточно сильна, чтобы противостоять тюркскому натиску при Алексее I и Иоанне II. Но уже с середины XII в. начинается отступление, которое привело к сражению при Мириокефале, где Византия вновь была разбита; автор считает это поражение апогеем византийского отступления перед Сельджукидами (стр. 124 и сл.). В самом деле, после 1176 г. для империи Малая Азия была навсегда потеряна. Отметим также, что сражение 1176 г. произошло намного западнее Манцикерта, и это может свидетельствовать о дальнейшем продвижении Сельджукидов и захвате новых территорий в период между 1071 и 1176 гг. Вместе с тем Мириокефал продемонстрировал прогрессирующее ослабление империи: если Манцикерт потребовал напряжения сил всей державы Сельджукидов, то в 1176 г. византийскому войску противостоял только Румский султанат.

В третьей части — «Начало перемен» (стр. 143—286), являющейся тематически продолжением предыдущей, прослежены изменения, происходившие в Малой Азии в связи с постепенным отступлением империи и усилением натиска Сельджукидов. Об-

¹ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941; 2-е издание: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. I. М., 1960.

² С. Cahen. Pre-Ottoman Turkey. A general survey of material and spiritual culture and history, circa 1071—1330. London, 1968.

ращено внимание на поэтапное продвижение завоевателей, что можно объяснить еще недостаточным военным потенциалом Византии, ее богатым политическим и дипломатическим опытом. Вместе с тем сами государства Сельджукидов были довольно неустойчивы (экономически и политически) для того, чтобы вести перманентное наступление. Необходимы были паузы для накопления сил и создания военно-стратегических баз. Поэтому можно говорить о периодических подъемах и спадах военной активности Сельджукидов в XI—XII вв. Первый важный этап (подъем) — победа при Данданакане, которая открыла путь из Средней Азии на запад. Затем наступает относительное затишье, когда происходили локальные операции. Во время одной из них был захвачен город Ани (1064 г.), превращенный в основную базу для подготовки решительных действий против империи. В результате сражения при Манцикерте Сельджукиды закрепились за собой Закавказье и часть Малой Азии. Потом — вновь временный спад экспансии, вызванный необходимостью «подтянуть тылы», укрепить только что возникший Румский султанат и защищаться от участников I и II крестовых походов. Как только эти трудности остались позади, произошло новое сражение при Мириокефале, и положение Сельджукидов в Малой Азии сделалось весьма устойчивым. Данданакан должен был послужить предупреждением империи, Манцикерт — прямым указанием на грозную опасность. Но Византия не оценила серьезности ситуации или же, скорее, не была в состоянии принять необходимые меры. И Мириокефал стал еще одним важным этапом перед событиями 1204, а затем — 1453 г.

Поэтапность завоеваний Сельджукидов прослеживается не только во времени, но и территориально: каждое следующее сражение происходило западнее предыдущего. Это — свидетельство целеустремленности султанов и недалековидности (или слабости) василевсов, а также результат общей обстановки в Азии и Европе, которая для Сельджукидов сложилась удачно — они сумели завладеть Средней Азией и Ираном, подчинить Закавказье и Малую Азию, Сирию и другие территории.

Автор отмечает (стр. 145), что тюркское завоевание не было безоблачным процессом. Он подсчитал (стр. 145—168), отдельно для западной, восточной, южной, северной и центральной частей Малой Азии, сколько раз в течение XI—XII вв. основные города, городские округа, области и деревни подвергались разорению, разрушению, осаде, а их жители — были взяты в плен, обращены в рабство, подвергнуты избиению. Указано также на перемещения населения (стр. 169 и сл.). Тем не менее значительная часть населения осталась на месте, и с большой долей вероятности можно говорить о том, что, несмотря на невзгоды, связанные с тюркским завоеванием, в XII в. в Малой Азии сохранялось немалое количество христиан, которые и в последующие столетия принимали участие в производственной, административной, торговой, финансовой, военной и политической жизни местных мусульманских государств. Вместе с тем росло иноверческое и тюркоязычное население как за счет перехода части местных жителей в ислам, так и вследствие расселения тюркских племен (стр. 184 и сл.). Процесс расселения тюрков С. Врионис рассматривает односторонне, отождествляя его с номадизацией Малой Азии: это неверно, потому что номадизация не носила тотального характера. Сохранились города, по-прежнему игравшие важную роль в экономической и политической жизни; осталось оседлое местное население, в том числе земледельческое и ремесленно-торговое. Лишь часть земель была отдана пришлым кочевникам-скотоводам, которые сами со временем осели. Вот почему речь может идти не о номадизации, а о тюркской колонизации Малой Азии.

Что же касается вывода, будто неизвестно, какие племена в XI—XII вв. завоевали и заселили Малую Азию (стр. 179), то можно указать на специальные исследования, в которых рассмотрены этническая и языковая проблемы региона в связи с средневековым тюркским этносом³. Завоевание и заселение Малой Азии в XI—XII вв. было осуществлено в первую очередь теми огузскими и примкнувшими к ним другими тюркскими племенами, которые объединились под властью султанов из рода Сельджука. По этому эпониму они получили известность как *сельджуки*. Ввиду того, что сельджуцкое движение носило не только завоевательный, но и миграционный характер, сюда пришли относительно значительные массы тюрков-номадов. Языковая тюркизация Малой Азии была длительным процессом, который, возможно, начался задолго до XI—XII вв., но усилился в период существования здесь государств Сельджукидов и Османского. Причем важно отметить производный момент: приток тюркоязычных масс в Малую Азию был многократным. Таким образом, первое массовое проникновение тюрков сюда можно отнести к XI—XII вв., а период тюркизации приурочить в основном к XI—XV вв.⁴

Далее в книге С. Вриониса говорится о последствиях завоеваний Сельджукидов для церковной администрации в бывших византийских владениях, об интеграции хри-

³ Д. Е. Еремеев. Этногенез тюрков. М., 1971; А. Refik. Anadolu'da türk aşiretleri (966—1200). İstanbul, 1930; А. R. Yalgın. Cenupta türkmen oymakları. İstanbul — Ankara, 1931—1933; H. N. Orkun. Oğuzlara dair. Ankara, 1935; F. Sümer. Oğuzlar. Tarihleri, boy teşkilatı, destanları. Ankara, 1967; A. Şahin. Güney Anadolu'da beg-dilli türkmenleri ve baranlar. Ankara, 1962; A. Inan. Makaleler ve incelemeler. Ankara, 1968.

⁴ С. Cahen. Le problème ethnique en Anatolie. — «Cahier d'histoire mondiale», t. II, 1954, 2, p. 362.

стиан в мусульманское общество в течение XI—XIII вв. (стр. 194 и сл.). Византийская церковь, как отмечает С. Врионис (стр. 195, 198), была строго централизованной и находилась под контролем императоров. Она являлась одним из государственных политических институтов империи. Поэтому Сельджукиды постарались ослабить церковную организацию, т. е. ослабить византийское влияние в захваченной части Малой Азии. Вот почему были разрушены или превращены в мечети наиболее важные и крупные церкви, монастыри ограблены и монахи изгнаны, а значительная доля церковной собственности присвоена завоевателями. Хотя первоначально Малая Азия служила ареной борьбы между исламом и христианством, уже в XIII в. здесь, как в мусульманских, так и в христианских владениях, развивались сельское хозяйство и ремесло, а торговля достигла более высокого уровня, чем при империи (стр. 216, 222). Правда, автору следовало бы отметить, что его заключение об экономическом и культурном подъеме в XIII в. относится в первую очередь к Румскому султанату.

Некоторое внимание уделено тюркским кочевникам (стр. 258 и сл.). Вопрос о номадах, тесно связанный с проблемой расселения тюрок в средневековой Малой Азии, рассмотрен в специальных исследованиях⁵. В связи с этим надо указать на упоминаемых и С. Врионисом тюркских *уджей*⁶ (стр. 133 и сл.), история которых позволяет пролить дополнительный свет на процесс этнической и языковой трансформации этого региона в XI—XIV вв.

В части четвертой — «Упадок церкви в XIV в.» (стр. 288—350) — рассмотрены последствия тюркского завоевания и освоения Малой Азии в конфессиональном аспекте. Автор пришел к заключению, что власть христианского государства здесь была подорвана, а православная церковь подавлена. Пятая часть — «Обращение в ислам» (стр. 351—402) — исследует с другой стороны конфессиональный вопрос в Малой Азии. Основное внимание уделено хорошо изученным мусульманским религиозным институтам, в первую очередь *дервишам* и *футуве*⁷. Может быть процесс замены христианства исламом в Малой Азии XI—XV вв. лучше было бы рассмотреть в иной плоскости: что получило местное население вместе с исламом, а чего лишилось, утратив христианство.

Заключительные части — шестая («Утрата византийской Малой Азии...» — стр. 403—443) и седьмая («Византийское наследие в тюркской Анатолии» — стр. 444—497) — позволили С. Врионису прийти к выводу, что Румский султанат и тюрки, вытеснившие империю из Малой Азии, в немалой степени испытали византийское влияние в экономике, управлении, дворцовом церемониале, фольклоре, языке, религии, этнографии.

Работа С. Вриониса подтверждает тот факт, что, хотя по теме «Византия и Восток» сделано, казалось, немало, остается еще много сюжетов, которые нуждаются в исследовании; что каждый раз иной подход позволяет выявить новые грани; что на нынешнем этапе изученности темы требуется творческое содружество византинистов и востоковедов.

Р. А. Гусейнов

К вопросу об атрибуции суздальского змеевика (в связи со статьей А. В. Рындиной «Суздальский змеевик»)

Статья А. В. Рындиной «Суздальский змеевик»¹, посвящена интересному и сложному памятнику, привлекавшему внимание многих исследователей. Основные положения этой статьи могут быть сформулированы следующим образом: 1) суздальский змеевик был выполнен в начале 20-х годов XII в. для великого князя Мстислава древнерусским мастером, следовавшим византийской традиции; 2) по своему идейному

⁵ См., например: Д. Е. Ермеев. Юрки (Турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969; его же. Этногенез тюрок; К. Güngör. Cenubi Anadolu yürüklerin etno-antropolojik tetkiki. Ankara, 1941; B. Flemming. Landschaftsgeschichte von Pamphilien, Pisidien und Lykien im Spätmittelalter. Wiesbaden, 1964; F. Sümer. Op. cit.; J. R. Roux et K. Özbayrî. Les traditions des nomades de la Turquie méridionale. Contribution à l'études des representations religieuses des sociétés turques d'après les enquetes effectuées chez yoruk et les tahtaci. Istanbul, 1969.

⁶ Система уджей — военно-феодальный институт в государстве Сельджукидов, зарождение которого относится к последней четверти XI в. Уджи были родни византийским акритам, мусульманским гази, славянским порубежникам, воинам маркграфств и членам рыцарских орденов Западной Европы, малоазиатским (сельджукским же) акынджи.

⁷ Дервиши — странствующие мусульманские «монахи», имевшие свои обители и организации; футува — восточные духовно-рыцарские объединения типа братств со своим уставом, существовали в среде городских ремесленников; см., например.: С. Huart. Konia. La ville des dervishes tourneurs. Paris, 1897; F. M. Husluck. Christianity and islam under the sultans. Oxford, 1929; L. Massignon. Opera minora, t. 1—3. Paris, 1964.

¹ «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М., 1972, стр. 217—234.

содержанию памятник связан с ересью богомилов, т. е. в первоначальных истоках — с манихейством.

В появившейся вслед за работой А. В. Рындиной статье М. В. Щепкиной интересующему нас памятнику также уделено несколько страниц². М. В. Щепкина полагает, что суздальский змеевик принадлежал княгине Марии Швановне³, жене владимирского князя Всеволода⁴, и считает его выполненным древнерусским мастером.

Оставляя в стороне вопрос о том, кому именно из русских князей или княгинь мог принадлежать змеевик, считаем необходимым обратить внимание на ряд данных, оставшихся вне поля зрения обоих авторов и остановиться на некоторых проблемах, связанных с атрибуцией этого памятника.

В 1926 г. А. С. Орловым было высказано предположение, что «змеевик Исторического музея № 19726 был выполнен по русскому заказу из византийского материала и в мастерских Византии, по крайней мере в той своей части, которая содержит одни изображения, сделанные, на наш взгляд, искуснее букв, начертанных к тому же иным способом»⁵.

Единственный аргумент, который приводит А. В. Рындина в пользу древнерусского происхождения змеевика, — русская надпись, органично сочетающаяся, по ее мнению, с изображением⁶.

Тот же аргумент является решающим и в атрибуции М. В. Щепкиной, хотя она и отмечает, что круговые надписи на змеевике не одновременны с изображениями⁷.

Однако известные в настоящее время данные о византийских змеевиках позволяют обосновать правильность предположения А. С. Орлова.

Суммируя выводы многочисленных исследователей об амулетах этого рода, можно считать доказанным, что изображения на змеевиках, так же как и характер заклинательных формул (отдельные образы и эпитеты), связаны с магическим трактатом «Testamentum Solomonis» («Завет Соломона») и с возникшими на его основе заклинательными молитвами⁸. Окруженная змеями голова была, по средневековым магическим представлениям, изображением многоименного демона, чаще всего называвшегося Гилу, но имевшего до двенадцати, а иногда и более имен. Отходявшие от головы змеи олицетворяли различные козни дьявола⁹. Такое изображение козней было равносильно их распознаванию, а это, в свою очередь, защищало от них носящего амулет¹⁰.

Амулеты типа «черниговской гривны» (т. е. с изображением архангела Михаила и двенадцатиголового змеиного гнезда) следует датировать XI—XII вв. Иконографический тип архангела Михаила, стилистические признаки и эпиграфические особенности заклинательной надписи говорят в пользу этой даты¹¹.

Обращаясь к той стороне суздальского змеевика, где представлено змеиное гнездо, состоявшее из шести змей, отходящих от помещенной в центре головы, следует подчеркнуть, что композиции такого вида, как и вообще «змеиные гнезда» с небольшим (не более восьми) числом голов, неизвестны на древнерусских змеевиках, в то время как они достаточно распространены на змеевиках византийских¹². Среди последних четко

² М. В. Щепкина. О происхождении Успенского сборника. — В кн.: «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 73—77.

³ Согласно исследованиям М. В. Щепкиной, Мария Швановна — родственница жены князя Святополка, сына великого князя Мстислава, т. е. так или иначе суздальский амулет был выполнен для семьи князя Мстислава.

⁴ М. В. Щепкина. Указ. соч., стр. 70.

⁵ А. С. Орлов. Амулеты-«змеевики» Исторического музея. — «Отчет Государственного исторического музея за 1916—1926 гг.» Приложение V. М., 1926, стр. 12.

⁶ А. В. Рындина. Указ. соч., стр. 218, 233.

⁷ М. В. Щепкина. Указ. соч., стр. 74.

⁸ М. И. Соколов. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. — ЖМНП, ч. 263, 1889, июнь, стр. 339—368; *его же*. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. — В кн.: «Древности. Труды славянской комиссии императорского Московского археологического общества», т. I. М., 1895, стр. 134—202.

⁹ А. А. Веселовский. Заметки по истории апокрифов. — ЖМНП, ч. 245, 1886, июнь, стр. 291.

¹⁰ И. Д. Мансветов. Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах. — В кн.: «Древности. Труды императорского Московского археологического общества», т. 9, вып. 1. М., 1881, стр. 24—36.

¹¹ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V. СПб., 1897, стр. 163; М. Barany-Obershall. Nouvelles données concernant l'histoire des amulettes magiques byzantines. — «Folia archaeologica, № III—IV, 1941, p. 268—271; Z. Kadar. Bemerkungen über byzantinische Amulette. — «Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», t. X, 1962, fasc. 4, S. 404.

¹² G. Schlumberger. Amulettes byzantines anciennes. Mélanges d'archéologie byzantines. Paris, 1895, p. 124, 135—138; V. Laurent. Amulettes byzantines et formules magiques. — BZ, 36, 1936, H. 2, S. 306—309, Taf. V, Abb. 1, 3, 4; H. Möbius. Griechisch-orientalische Bleimedallions aus Ionien. — «Archäologischer Anzeiger», Bd. 56, 1941, H. 1—2, S. 26—32; G. Langmann. Ein Zauberamulett aus Ephesos. — JÖB, 22, 1973, s. 281—284.

различаются две группы памятников: змеевики «семиголовые» (I гр.)¹³ и змеевики «двенадцатиголовые» (II гр.). Основываясь на исследованиях М. И. Соколова, можно проследить, что змеевики в зависимости от внешнего вида змеобразной фигуры связаны с различными, как по содержанию, так и по времени наибольшего распространения, апокрифами. Так, «двенадцатиголовые» змеевики соответствуют описанию многоименного беса, которое дается в византийских средневековых заклинательных молитвах, получивших широкое распространение к XII в.¹⁴ В этих молитвах подчеркивается, что демон имел двенадцать голов (имен), соответствующих двенадцати его козням, что изображение этих двенадцати имен являлось защитой от вредоносного демона: *ἔπου εἰσὶ τὰ ἕβ' μου ὀνόματα οὐ μὴ εἰσέλθω εἰς τὸν οἶκον ἐξαίτων, οὐδὲ εἰς τὸ νῆπιον ἐξαίτων τοῦ οἴκου ἐξαίτων* (где есть двенадцать моих имен, я не войду в тот дом и к младенцу этого дома)¹⁵ и *ἔχοντα τὸ φυλακτήριον τοῦτο ἀποδώκει με ἀπὸ τὸν οἶκον αὐτοῦ* («имеющий этот филактерий прогонит меня [т. е. Гилу] от своего дома»)¹⁶.

Змеобразная фигура на «семиголовых» змеевиках может быть сопоставлена с описанием дьявола в магическом трактате «Завет Соломона». В этом апокрифе один из демонов является Соломону в образе семи женских духов, отличительных семь планет и семь козней, вносимых им в род людской¹⁷. Любопытно отметить сходство «змеиного гнезда» и описания демона, данное в «Завете». Как известно, на змеевиках демоническое драконообразное существо представлено в виде занимающей центр женоподобной головы без туловища, от которой отходят змеи. В «Завете» же сказано, что демон — «женокподобный дух, у которого голова идет от каждого члена» (*πνεῦμα γυναικωιδὲς τῆν κορυφὴν κατέχουσα ἀπὸ παντὸς μέλους*)¹⁸, а туловище как бы скрыто во мраке (*ἄπαν τὸ σῶμα αὐτῆς σκότια*)¹⁹.

Приведенные выдержки из заклинательных молитв и «Testamentum Solomonis» позволяют установить, что «семиголовые» змеевики — нас интересует именно этот тип памятников — связаны не с заклинательными молитвами, возникшими на основе «Завета», а с самим «Заветом». Этот магический трактат был особенно известен в ранне-византийский период (IV—VII вв.). о чем свидетельствует большое количество амулетов с изображением Соломона, поражающего болезнь, и с заклинательными надписями, в которых упоминается печать Соломона²⁰. Есть также свидетельства, что этот трактат был известен и в период иконоборчества²¹. Однако позднее он не упоминается в источниках. Во всяком случае, в XI в. Михаил Пселл писал об этом сочинении как об одной апокрифической книге, которую он нашел²², т. е. в это время «Завет», очевидно, был известен только немногим эрудитам.

Учитывая все сказанное, можно считать XI в. как бы «рубежом» между двумя группами византийских змеевиков. В это время появляются «двенадцатиголовые» змеевики, которые сменяют, но окончательно не вытесняют, змеевики первой группы. Последние на основании эпиграфических особенностей надписей на них, археологических данных (в тех случаях, когда они установимы²³) и некоторых иконографических особенностей и. образований, сочетающихся с «змеиным гнездом», могут быть датированы X—XI вв.²⁴

Таким образом, основная масса змеевиков первой группы, связанных с «Testamentum Solomonis», датируется X — началом XI в., а змеевики второй группы, связанные с заклинательными молитвами, возникшими на основе этого апокрифа, — концом XI—XII в.²⁵ Следует, однако, отметить, наличие отдельных экземпляров I гр. (к ним относится, в частности, змеевик из Мэстрихта)²⁶, датируемых по стилистическим признакам XII в. и восходящих, таким образом, к архаической традиции.

¹³ Изготовитель амулета не всегда строго соблюдал это число; известны памятники, на которых имеются шесть или восемь голов, так что нами берется чаще всего встречающееся среднее число.

¹⁴ М. И. Соколов. Апокрифический материал, стр. 342.

¹⁵ K. N. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. V. Paris, 1876, p. 577, № 3.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ PG, t. 122, col. 1336.

¹⁸ Ibid., col. 1333.

¹⁹ Ibid., col. 1336.

²⁰ Литературу об амулетах с изображением Соломона см. в статье: А. В. Банк. Гемма с изображением Соломона. — ВВ, VIII, 1956, стр. 331—337.

²¹ В. Г. Васильевский. О Гилло (Заметка по поводу статьи М. И. Соколова). — ЖМНП, ч. 263, 1889, июнь, стр. 369—371.

²² М. И. Соколов. Апокрифический материал..., стр. 351.

²³ G. Davidson. Corinth. The Minor Objects, vol. XII. Princeton, 1952, N 1947—1950, 2102, 2106.

²⁴ Подробное обоснование датировки этой группы змеевиков было изложено мною в докладе «Amulettes byzantines magiques et leur lien à la littérature apocryphique» — на XIV конгрессе византистов в Бухаресте.

²⁵ Вопрос о принципах датировки более поздних змеевиков здесь не затрагивается.

²⁶ J. M. B. Tagage. De griekse inscriptie op het zgn. zegel van St. Servatius. — «Jaarboek van Limburgs geschied-en oudheidkundig genootschap», XCII—XCIII. Maastricht, 1956—1957, S. 115—123, Afb. 5—6.

Как можно заметить, по структуре змеообразной фигуры суздальский змеевик относится к первой группе византийских амулетов, не являясь среди них сколько-нибудь уникальным. Отсутствие других древнерусских амулетов, подобных суздальскому, объясняется, как нам кажется, тем обстоятельством, что русские змеевики, производство которых начало налаживаться в XI в.²⁷, имели в качестве образца распространенные в то время в Византии амулеты. Таковыми являлись «двенадцатиголовые». Именно они, как наиболее типичные для своего времени экземпляры («семиголовые» в этот период широкого распространения в Византии уже не имели), были завезены на Русь и явились образцами для местных змеевиков. Таким образом, с точки зрения структуры «змеиного гнезда», суздальский змеевик — типичный византийский амулет, выполненный в архаической для своего времени традиции.

Композиция «Семь отроков эфесских», представленная на другой стороне суздальского амулета, встречается, хотя и не часто, как на древнерусских²⁸, так и на византийских памятниках²⁹. Поскольку на дошедших до нас византийских амулетах эта композиция отмечена дважды³⁰, не считая суздальского змеевика, есть основания полагать, что она не была столь уже редкой. Что касается стилистических особенностей обоих изображений: «змеиного гнезда» и «спящих отроков», то они имеют прямые параллели на византийских змеевиках. Из шести известных в настоящее время яшмовых змеевиков ближайшей аналогией по технологическим приемам передачи змеообразной фигуры является византийский змеевик, датированный X—XI вв. и хранящийся в городском музее Перемышля³¹. Сопоставляя этот амулет с суздальским змеевиком, мы видим тождественную передачу волос и черт лица «медузы», одинаковую разделку туловищ змей косыми штрихами и особый прием передачи змеиных голов, когда две параллельные линии пересекаются наклонной, рядом с которой находится выпуклая точка, означающая глаз. Мэстрихтский змеевик, аналогичный суздальскому по форме (круглый) и по характеру исполнения изображений (резьба вглубь), в целом отличается гораздо большей схематичностью и примитивностью исполнения.

Таким образом, и стилистические особенности суздальского амулета позволяют настаивать на его византийском происхождении. Сопоставление с византийскими яшмовыми змеевиками, прежде всего с амулетами из Перемышля, Мэстрихта и, если судить по описанию, которое приводит В. Лоран, с амулетом из собрания А. Рубенса³², определяют место, которое рассматриваемый предмет занимает в ряду сходных памятников. Наиболее вероятной датой его исполнения оказывается конец XI, возможно, начало XII в.

Следует также особо подчеркнуть обстоятельство, отмеченное в свое время А. С. Орловым: древнерусским ювелирам не была известна резьба по яшме³³. Вплоть до настоящего времени мы не имеем данных, которые бы опровергли это утверждение исследователя. Если древнерусские мастера умели обрабатывать стеатит, то это отнюдь не подтверждает, как полагает А. В. Рындина³⁴, что они знали обработку такого твердого камня, как яшма. Также и наличие мастеров, способных обработать, и даже с исключительным совершенством, известняк, шедший на украшение порталов и стен церквей, не может указывать, как считает М. В. Щепкина³⁵, на непременно наличие ювелиров, резавших из яшмы инталии.

Самым простым объяснением «противоречия» между византийскими по сюжету и стилю изображениями и русскими надписями было бы признание рассматриваемого памятника как сделанного в Византии по русскому заказу. Материалы, содержащиеся в статье А. В. Рындиной и доказывающие принадлежность змеевика семье великого князя Мстислава³⁶, подтверждают такое предположение. Связи Мстислава с Византией, как политические, так и семейные, были достаточно прочными; став великим князем, Мстислав проводил прогрессивную политику. Выполненный по княжескому заказу змеевик мог быть привезен на Русь, где и получил надписи. Если же принять во внимание, что начало текста одной из надписей на змеевике имеет отношение к бракосочетанию дочери князя Мстислава и царевича из дома Комнинов³⁷, то, естественно, направляется предположение, не было ли это событие поводом для изготовления соответствующего подарка родителям навесты, тем более такого подарка, который мог бы, по представлениям того времени, поправить здоровье ее больной матери?

²⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 250.

²⁸ А. В. Рындина. Указ. соч., стр. 226—227.

²⁹ E. Dermenghem, L. Mahfoud, S. Unver, N. de Witt. Les sept dormants d'Ephèse en islam et en chrétienté.—«Recueil documentaire et iconographique». Addenda à «Revue des études islamiques». Paris, 1954, p. 60—62.

³⁰ М. А. Сперанский. О змеевиках с семью отроками.—«Археологические известия и заметки, изданные Московским археологическим обществом», т. I, № 2. М., 1893.

³¹ А. Kunysz. Przemysl miasto zabytkow i kultury. Krakow, 1968, pl. 52—53.

³² V. Laurent. Op. cit., p. 310.

³³ А. С. Орлов. Указ. соч., стр. 12.

³⁴ А. В. Рындина. Указ. соч., стр. 227—228.

³⁵ М. В. Щепкина. Указ. соч., стр. 77.

³⁶ А. В. Рындина. Указ. соч., стр. 220—221.

³⁷ Там же, стр. 222.

Кстати, надписи при изображениях отроков нельзя считать органично сочетающимися с последними. Симметричному расположению надписей препятствуют котомки и посохи отроков, очевидно, выполненные ранее надписей и не рассчитанные на их последующее нанесение. Что касается круговых надписей, то в статье М. В. Шепкиной достаточно убедительно показано, что они не одновременны изображениям³⁸. Таким образом, русские надписи на суздальском змеевике никак не могут служить подтверждением его местного происхождения.

Следует также подчеркнуть, что круговые надписи на амулете — зеркальные³⁹; они расположены не слева направо, а справа налево, что в сочетании с врезанными изображениями на сильно выпуклых сторонах предмета наводит на мысль о том, что перед нами печать, причем печать для оставления оттисков на мягкой фактуре (например воск).

Как использовался конкретно рассматриваемый памятник, остается загадкой. Любопытно лишь отметить, что змеевик из Мэстрихта, имеющий также врезанные изображения, но прямую надпись, принято по традиции, восходящей еще ко времени средневековья, называть «печатью св. Серватия».

Обращаясь к положению статьи А. В. Рындиной о связи изображений на суздальском змеевике с представлениями богомилов (манихеев), следует отметить, что подбор источников, подтверждающих это положение, носит случайный характер, и интерпретация каждого из приведенных документов далеко не бесспорна. Так, А. В. Рындина приводит выдержку из манихейского заговора против духа лихорадки, в котором содержится обращение к Михаилу, Рафаилу и Гавриилу⁴⁰. На основании некоторого сходства формулы заговора и заклинаний на змеевиках ею делается вывод об идейной связи изображений на них с представлениями манихеев. Однако подобная заклинательная формула появляется впервые отнюдь не у манихеев, а у гностиков. Гностические амулеты, на которых она засвидетельствована, датируются III в.⁴¹ Текст же, цитируемый А. В. Рындиной, относится к VI в.⁴² Заимствования манихеев — как идейного, так и обрядового порядка — из разных религий общеизвестны. В данном случае мы имеем как раз такое заимствование; магическая формула, принятая у гностиков, а позднее — в гностико-христианских сектах⁴³, начинает затем фигурировать в заклинаниях манихеев.

Широкое распространение среди богомилов «ложных книг» было, по мнению А. В. Рындиной, «питательной средой» для всякого рода талисманов. Однако, перечисляя тайные книги богомилов, такие, как «Книга святого Иоанна», «Ложное евангелие»⁴⁴, А. В. Рындина не привлекает те источники, которые не только по общей дуалистической концепции, но и по описанию отдельных конкретных образов гораздо ближе змеевикам. Это — названные выше апокрифы («Завет Соломона» и заклинательные молитвы, собранные в издании Сафы) — типичные образцы средневековой магии, в которой нашли отражение и пережитки гностических представлений, и оккультных знаний, и некоторые элементы христианской догматики. Эти источники, достаточно распространенные во всех слоях византийского общества⁴⁵, не считались еретическими. Так, заклинательные молитвы сисиниевского цикла, составляющие значительную часть этих апокрифов, ошибочно приписывались попу Иеремии и богомильскими не являлись⁴⁶.

Амулеты манихеев и богомилов до нас не дошли, и потому утверждение об их связи с суздальским змеевиком может носить только гипотетический характер. Что касается общих черт с гностико-христианскими амулетами, то они разнообразны и могут быть прослежены в разных аспектах. Их связывают общая направленность филактериев, общие иконографические типы, фразеология заклинательных надписей. Действительно, и те и другие должны были защитить от демонического существа Гилу, представленного на гностико-христианских амулетах в образе женщины, из которой исходит змея⁴⁷, а на змеевиках — в образе драконообразного многоименного беса. На многих змеевиках имеется заклинательная надпись, содержащая обращение к Саваофу. На гностико-христианских амулетах встречаются как отдельные слова этого обращения⁴⁸, так и полностью все заклинание⁴⁹. Сходны также отдельные иконографичес-

³⁸ М. В. Шепкина. Указ. соч., стр. 74.

³⁹ Это хорошо видно на фотографии памятника, приведенной в статье А. В. Рындиной (стр. 218) и сделанной не со сленка, как в прочих изданиях, а с самого предмета.

⁴⁰ А. В. Рындина. Указ. соч., стр. 229.

⁴¹ A. Sorlin-Dorigny. Philactère alexandrin contre les épistaxis. — REG, t. IV, 1891, p. 287—296.

⁴² W. B. Henning. Two manichaean magical Texts. — BSOAS, vol. XII, 1947, part 1, p. 50.

⁴³ B. Brenk. Tradition und Neuerung in der christlichen Kunst des ersten Jahrtausends. — «Wiener byzantinistische Studien», Bd. III. Wien, 1966, S. 176.

⁴⁴ А. В. Рындина. Указ. соч., стр. 231.

⁴⁵ V. Laurent. Op. cit., p. 302.

⁴⁶ И. Иванов. Богомильские книги и легенды, т. I. София, 1970, стр. 51.

⁴⁷ A. Sorlin-Dorigny. Op. cit., p. 287.

⁴⁸ Ibid., p. 290.

⁴⁹ G. Millet. Nouvelles et correspondance. — BCH, année 17, N VIII—XII, 1894, p. 638.

кие типы: Соломон на коне, ангел, побивающий беса и др. Восьмиконечная звезда, считавшаяся магической печатью Соломона⁵⁰, присутствует на обоих видах амулетов. Приведенные данные указывают на происхождение змеевиков от гностико-христианских филиakterиев, а не от несуществующих, но только предполагаемых амулетов махнеев.

Итак, есть все основания полагать, что суздальский змеевик был выполнен в начале XII в. в Византии по русскому заказу. Как все современные ему византийские амулеты, он был связан с распространенными в то время суевериями, нашедшими отражение в магических, но совсем не обязательно еретических, трактатах и апокрифах.

В. Н. Залеская

O. Demus. *Byzantine Art and the West*. London, 1970.

O. Demus. *Romanesque Mural Painting*. London, 1970.

Проблема влияния византийской культуры на западную стала интересовать ученых с середины XIX в. Она возникла одновременно с началом изучения византийского искусства. В то время исследователи рассматривали связи Византии и Запада преимущественно с точки зрения иконографии и археологии; только в XX в. их стала больше занимать художественная сторона.

В последнее десятилетие эта проблема рассматривается более многосторонне. Ученых интересует ныне не число заимствований и копирований, а роль Византии в формировании западного искусства. В 1965 г. на очередном весеннем коллоквиуме в Думбартон Оксе тема «Византия и Запад» была поставлена как основная. Через год ведущий специалист по западновизантийским связям О. Демус прочитал для студентов-искусствоведов ряд лекций, а в 1970 г. в Лондоне вышла в свет его книга «Византийское искусство и Запад».

О. Демус обращается только к произведениям живописи, располагая их в хронологическом порядке и беря за основу западные памятники, в которых он обнаруживает или отрицает византийское влияние. Цель книги — показать роль искусства Византии в развитии западного искусства, проследить распространение влияния византийского искусства, установить,шло ли оно по определенным линиям, переходило ли из одной области искусства в другую — из византийской живописи в западную скульптуру, из миниатюры во фреску, из мозаик в миниатюру; исследовать роль византийских художников на Западе и западных художников в Византии; дать ответ на вопрос, почему не каждое произведение византийского искусства оказывало влияние на западных художников — по какой причине такие памятники, как, например, фрески Кастельсеприо, выполненные в VII — начале VIII в. константинопольским мастером в Италии, остались одиноки в своем варварском окружении.

Изучение взаимодействия Византии и Запада осложняется тем, что эволюция византийского искусства происходила не прямолинейно от античных к средневековым методам художественного изображения, но, по справедливому утверждению О. Демуса («Byzantine Art...», р. 3) совершалась как бы по спирали, с неоднократными возвращениями к антике. Суждения об отношениях Запада и Византии во многом затруднены из-за уничтожения или плохого состояния памятников. Особые трудности связаны с отсутствием произведений византийского искусства иконоборческого периода (VII—VIII вв.), т. е. того времени, когда как раз появились первые работы западных живописцев.

Считая, что византийским памятникам можно только подражать, но не дублировать их (стр. 18), О. Демус указывает, что для западных художников вопрос был не в том, нужно ли подражать, а как подражать.

Две главы книги, вторая и третья, посвящены периоду дороманского искусства. Все европейское искусство VII в. не было изобразительным, так как в Византии в то время господствовало иконоборчество, на юге Европы изображать человека запрещал ислам, а на Западе населившими его варварскими племенами создавались преимущественно орнаментальные композиции, украшавшие произведения прикладного искусства.

Первые в западноевропейской живописи изображения человека появляются в христианских рукописях Ирландии. Ирландские художники еще не отличали друг от друга памятники западной и восточной частей бывшей Римской империи. На их миниатюры оказали в равной степени влияние коптские и армянские мотивы, равенская слоновая кость, римские саркофаги (стр. 49).

По Демусу, впервые византийское искусство вполне определенно начинает влиять на западное при Каролингах. Но византийские элементы применялись каролингскими художниками как бы «по ошибке», так как они, стремясь к возрождению античного искусства, ценили в них только античные черты. Ошибка каролингских мастеров стала одной из самых плодотворных в истории западного искусства (стр. 78). Каждая из школ каролингской миниатюры обращалась к различным памятникам византийского искусства. О. Демус прослеживает воздействие конкретных произведений византий-

⁵⁰ Koptisch-gnostische Schriften, 1. Bd. Berlin, 1959, S. 291, 311, 322—324.

ского искусства на каролингские рукописи. Например, утверждая, что на придворную школу миниатюры Карла Великого оказали влияние современные ей византийские памятники, О. Демус находит сходство между фигурой Пантократора из мозаичной композиции «Лев VI перед Иисусом Христом» в константинопольском храме Софии и миниатюрой с изображением евангелиста Марка в Евангелии Ады (стр. 55). В отличие от придворной Реймская школа восприняла византийские памятники не непосредственно, но через те, которые были созданы под влиянием последних в Италии.

Вновь византийское искусство стало играть большую роль в развитии западного почти через 200 лет после смерти Карла Великого, но уже не «по ошибке». Оттоновские художники использовали произведения Византии в качестве обязательных образцов, не отыскивая в них античные элементы. Лучше всего отвечали вкусам оттоновских императоров такие византийские рукописи, как Евангелие греч. 21 Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде. Им и старались подражать миниатюристы при Оттонах.

В романский период влияние византийской культуры было особенно сильным на юге и севере Италии. О. Демус справедливо полагает (стр. 110), что в римской живописи XI—XII столетий византийское искусство не сыграло значительной роли потому, что Рим имел свою собственную достаточно сильную традицию — это монументальная живопись раннехристианского периода, такая, как, скажем, мозаика в церкви Санта-Мария Маджоре (V в.).

В особой главе, озаглавленной «Колониальное искусство», О. Демус много внимания уделяет византийским мозаикам в Италии и их значению для распространения воздействия Византии на западное искусство. В этой части работы автор придерживается хронологического и локального определения мастерских, выработанного им ранее в его специальных трудах¹.

Вопросы, связанные с влиянием византийского искусства на западное в романский период (XI—XII вв.), не выделены в книге О. Демуса «Византийское искусство и Запад» в особую главу и рассмотрены довольно кратко. Это и понятно: в 1968 г. в Мюнхене, а спустя два года в Лондоне вышла большая монография ученого, посвященная романской монументальной живописи². Изучая западноевропейские фрески, О. Демус приходит к выводу о значении для стиля большинства из них византийских образцов. К разбору этой работы мы и переходим.

В книге «Романская монументальная живопись» О. Демус датирует начало романского периода в Европе довольно точно — третьей четвертью XI в. Он считает, что окончательное разделение церквей в 1054 г., норманские завоевания Англии и Сицилии, усиление реконкисты в Испании, появление византийских мозаичистов в Венеции — события, оказавшие влияние на эволюцию искусства в Европе и определившие новый этап в его развитии. Как и большинство исследователей, О. Демус приходит к выводу, что XII в. был тем периодом, когда романская живопись выработала свои классические формулы («Romanesque Mural Painting», p. 12).

Романская живопись гораздо больше связана с Византией, чем скульптура. Это определило ее более официальный характер, хотя в романский период в отличие от предшествующего и последующего, вообще вводится мало новых тем и все они взяты из византийской или воспринявшей ее оттоновской иконографии (стр. 36). Число тем в западной живописи более ограничено, чем в византийской; здесь нет той строгой системы в расположении композиций на стенах храма, как в Византии. Под влиянием византийской иконографии основные персонажи, которых изображают в абсиде храма, — Христос (помещаемый здесь ввиду отсутствия купола в романских соборах) и богоматерь. Правда, богоматерь изображается не стоящей, как в абсидах византийских крестовокупольных церквей, но, подобно Христу, сидящей на троне.

Несмотря на то, что О. Демус постоянно отмечает те или иные стилистические черты, занимающиеся романскими художниками из Византии, он всегда подчеркивает самобытность и оригинальность романских фресок. Так, он пишет, что в романских живописных композициях изображение архитектурных деталей играет гораздо большую роль, чем в византийских. Как в Византии, так и на Западе архитектурные элементы служат для выделения отдельных частей композиций. В романской живописи эти архитектурные формы не просто означают интерьер, как в Византии, но изображают его. Скажем, чтобы показать, что действие происходит внутри дома, византийский художник вводит в композицию две башни, иногда перекидывая между ними велум. Романские же художники отказываются от такой условности. Они всегда показывают постройку непрерывной полосой, окрашивая их в иной цвет, чем тот, которым покрыт фон (стр. 42).

Первое усиление влияния Византии в Европе в романский период О. Демус относит к последним десятилетиям XI в., думая, что оно связано не столько с крестовыми походами, сколько с приглашением византийских художников в Венецию и Монте-Кассино (стр. 42). Новая волна византийского влияния в первой половине XII столетия была определена тем, что придворный стиль Константинополя получил распространение в Италии. Наконец, в самом конце XII в. воздействие комниновского искусства было характерно не только для мозаик Палермо и Чефалу, но имело отголосок даже в Северной Франции, Англии и Южной Германии (Регенсбург). Под влиянием ис-

¹ O. Demus. The Mosaics of Norman Sicily. London, 1949.

² O. Demus. Romanesque Mural Painting. London, 1970.

куства Византии эпохи Комнинов сложилось творчество одного из основных мастеров позднероманского периода, великого скульптора XII в. Николая из Вердена (стр. 50). Как справедливо отмечает О. Демус, воздействие византийского искусства на романскую живопись никогда не носило постоянного статичного характера (стр. 52).

После двух вступительных глав, посвященных основным функциональным и стилистическим чертам романских фресок, в книге «Романская монументальная живопись» следует рассказ о западных художниках. В этой части О. Демус пишет о том, что те сборники иконографических образцов, которыми они пользовались, не были такими систематическими и полными, как те, которые употребляли византийские художники (стр. 60).

Далее в каждой из глав книги специально разбираются памятники романской монументальной живописи Италии, Франции, Испании, Англии и, наконец, Германии и Австрии. Автор полагает, что те из французских фресок, которые испытали в наибольшей степени свое определенное воздействие Византии, не составляют среди остальных произведений монументального искусства Франции особой группы (стр. 96).

Обращаясь к испанскому искусству, О. Демус подчеркивает трудность датировок сохранившихся памятников романского периода и их разнообразие, связанное с существованием различных влияний (стр. 110). В XI в. в Испании можно проследить влияние римского, вестготского, каролингского и собственно испанского искусства. Через Ломбардию и Южную Италию в испанскую живопись проникли византийские элементы. Французское воздействие в XII в. все время обновлялось благодаря паломникам, направлявшимся в Сантьяго. В конце XII в. в испанской живописи появились тенденции, идущие из Англии.

Переходя к памятникам английского искусства, О. Демус указывает на существование прямых церковных контактов между Кентерберри и Константинополем, но доказывает при этом, что ни Константинополь, ни Палестина, ни Сицилия не стали источником стиля английской живописи (стр. 124). Только в самом конце XII столетия, уже с зарождением готики, можно отметить в таких памятниках, как фрески капеллы св. Ансельма в Кентерберийском соборе, и в некоторых рукописях идущее через сицилийские мозаики византийское влияние (стр. 124).

В Германии и Австрии византийское воздействие было всегда особенно значительным. Даже в XV в., когда в других странах господствовала готика, в живописи Германии и Австрии как протест против нее сохранялись старые формы. После завоевания крестоносцами Константинополя в 1204 г. многие византийские памятники попали на Запад. Их использовали немецкие художники не только в миниатюре, но и в монументальной живописи, которая покрывала стены уже готических по своим конструкциям соборов (стр. 146).

С начала XIII столетия в развитии византийского и западного искусства следует отметить некоторый параллелизм, явившийся результатом не влияний и подражаний, а появления общих художественных целей. Однако это единство целей имело место только в течение одного столетия, и вскоре после 1300 г. дороги Запада и Востока навсегда разошлись.

В книге, посвященной романской монументальной живописи, О. Демус, естественно, не рассматривает пути развития европейского искусства после 1300 г. К этому периоду он обращается в заключительных главах своего исследования «Византийское искусство и Запад».

В главе, озаглавленной «Рождение готики», проводится идея, что усиление контактов Запада и Византии сыграло положительную роль в развитии романского искусства в направлении к готическому. Западные художники XIII в. заимствовали пропорции фигур, расположение складок одежд у византийцев. Образцы Византии оживили неподвижность романских статуй. С другой стороны, как доказывает О. Демус, обнаружилось некоторое влияние Запада на византийское искусство, усилившееся при Мануиле Комнине, женатом на германской принцессе.

Вывод, к которому приходит О. Демус в обеих книгах, состоит в том, что следовавшее в течение веков византийским образцам западное искусство, наконец, нашло свой путь: сначала путь назад к античному наследию, затем с помощью этого наследия вперед к новому стилю, первому всеохватывающему стилю в Европе — готическому («Byzantine Art...», p. 204).

Заключительная глава книги «Византийское искусство и Запад» посвящена вопросам, связанным с подготовкой Возрождения в Европе, и роли Византии в этом. По мнению ученого, революция в итальянском искусстве предшествовала революции в искусстве византийском (стр. 255). Византия указала путь итальянским художникам, хотя сама не смогла по нему пойти (стр. 30).

В обеих книгах О. Демуса проводится мысль, что основное значение византийского искусства для западного обусловлено его связью с греко-римским прошлым. Интенсивное изучение византийского искусства как наследника античности подготовило Запад к открытию собственного искусства. Для романских художников-монументалистов античность была в языческом классицизме Рима, в классицизме раннехристианского искусства, в классицизме Византии. От первого они брали декор рамок, архитектурные формы, детали костюма, от второго — иконографические схемы, от третьего — формальные средства выражения («Romanesque Mural Painting», p. 79). Отмечая роль Византии как наследницы античного мира, О. Демус придерживается

установившейся в современной медиевистике точки зрения. Еще в начале XX в. Э. Маль³ писал, что как эллинистическое, так и сирийское искусство имели удивительную судьбу. Их наследием пользовался Запад в течение многих веков, и если каролингские художники использовали то одну, то другую традицию, то начиная с XII столетия они слились воедино, как обязательные образцы для художников.

Нередко О. Демус убедительно опровергает существующие в науке мнения о дате того или иного памятника, о происхождении его авторов, об использованных образцах. Скажем, обращаясь к фрескам Санта-Мария Антиква (705—707 гг.), относительно которых ученые спорят, созданы ли они местными римскими художниками или византийскими фрескистами, О. Демус утверждает, что их стиль идет от Константинополя (стр. 47). Он оспаривает точку зрения французских ученых, что моделировка формы в фресках Сен-Савен (XII в.) происходит под влиянием каппадокийских образцов, и считает, что определенных доказательств этого заимствования нет.

О. Демус всегда стремится точно выяснить, какие именно образцы использовали западные художники. Так, он полагает, что романские фрески церкви Сан-Клименте в Риме показывают непосредственное знание их авторами византийских прототипов, причем, очевидно, не мозаик, а миниатюр («Romanesque Mural Painting», p. 84).

О. Демус уделяет большое внимание иллюстративному материалу. Но не со всеми его сопоставлениями можно согласиться. «Вознесение Христа» Эль Греко и миниатюра «Преображение» в Евангелии греч. 1242 Парижской Национальной библиотеки имеют внешнее композиционное сходство, которое возникло только благодаря близости их композиционного построения с центром, помещенным в верхней части вытянутого по вертикали изображения. Ни о каком прямом заимствовании по этим примерам судить нельзя.

Никак нельзя согласиться с отношением О. Демуса к древнерусскому искусству. Исследователь считает, что древнерусские художники в отличие от западных не заметили в византийском искусстве античного наследия. Их путь — не к Возрождению, он затерялся среди декоративных принципов народного искусства (стр. 240). Такое принижение значения древнерусского искусства, очевидно, связано с тем, что О. Демус мало о нем осведомлен. Не случайно он не обращается к древнерусским аналогиям, кроме того случая, когда сопоставляет Спасо-Мирожские фрески и мозаики Палатинской капеллы («Byzantine Art...», p. 132). Тем более странно звучат эти внезапно появляющиеся его высказывания о древнерусском искусстве, заключающие книгу о связях Запада и Византии.

Не все подписи к иллюстрациям даны правильно. Так, миниатюра Евангелия греч. 21 ГПБ «Неверие Фомы» названа сценой «Омовение ног» (Byzantine Art..., pl. 93).

Введенный в научный оборот обширный материал по истории западного и византийского искусства, сопоставление двух столь сложно и многосторонне связанных между собой областей мировой культуры позволяют сделать вывод о большом значении исследований О. Демуса.

В. Д. Лизачева

По поводу статьи М. В. Алпатова «Искусство Феофана Грека и учение исихастов» («Византийский временник», 33, 1972, стр. 189—202)

В статье М. В. Алпатова дается в корне неверное определение моего принципиального взгляда на отношение Феофана к исихазму. На стр. 190 автор пишет: «В монографии о Феофане В. Н. Лазарев подробно останавливается на судьбе исихазма в XIV в. Что касается Феофана, он допускает, что тот «не мог остаться незатронутым крупнейшим идейным движением его времени». Но тут же высказывает предположение о «глубокой неудовлетворенности мастера этим учением». Забыв о том, что он написал на стр. 190, М. В. Алпатов на стр. 191 уже пишет об «отрицании» мною какого-либо «отношения» Феофана к исихазму.

Всякий, кто непредубежденно читал мою монографию, мог легко удостовериться в том, что в ней впервые поставлен вопрос об отношении Феофана к исихазму и что эта проблема проходит красной нитью через всю книгу. Но трактуется она диалектически — и в плане того, что притягивало Феофана к исихазму, и в плане того, что его от исихазма отталкивало. Поэтому утверждение, будто я отрицаю связи Феофана с исихазмом, является по меньшей мере странным.

Если бы я игнорировал исихазм, то не отвел бы ему ведущее место во II главе «Византийская культура XIV в. и Феофан Грек», где пытался обрисовать историческое место художника среди различных идейных течений его времени. М. В. Алпатов произвольно обрывает цитату из моей книги, когда приводит ее в усеченном виде. Продолжением этой цитаты являются слова: «Суровость феофановских образов, их особая одухотворенность, их порой преувеличенная экстаичность — все это связано с исихазмом, все это вытекает из существа исихастского учения. Однако произведения Феофана свидетельствуют и о другом: они непреложно говорят о глубокой неудовлетворенности мастера этим учением. Феофан не замкнулся в церковной догме, а, наоборот, во многом преодолел ее. Он мыслил гораздо более свободно, чем исихасты. И по мере того,

³ E. Mâle. Art et artistes du Moyen âge. Paris, 1968, p. 12.

как он удалялся в своих странствиях от Константинополя, все более широким делался его кругозор и все более независимыми становились его суждения».

На стр. 40 моей книги, при анализе образов столпников из церкви Спаса Преображения в Новгороде, отмечается, что все они находятся под действием «умного чувства», о котором так подробно повествует в своих трактатах Григорий Палама, и что выбор святых (Макарий Египетский, Акакий и др.) был продиктован симпатиями Феофана. На стр. 102 икона «Преображение» в Третьяковской галерее подробно разбирается под углом зрения учения Паламы о фаворском свете. На стр. 105 подытоживается сложная идейная основа искусства Феофана: «Он чутко откликался на идейные веяния своей эпохи: и на раннепалеологовский гуманизм, и на психологические теории исихастов, и на бунтарство новгородских еретических сект». Как видим, все эти мысли бесконечно далеки от того, что мне приписывает М. В. Алпатов.

Вывод из всего сказанного может быть сделан один: либо М. В. Алпатов недостаточно внимательно читал мою книгу, либо он намеренно закрывал глаза на все то, что в ней было написано о связях Феофана Грека с исихазмом.

В. Н. Лазарев

По поводу статьи Д. Л. Талиса «Сюренская крепость»

В 33-м томе «Византийского временника» помещена статья Д. Л. Талиса о Сюренской крепости в Юго-Западном Крыму (стр. 215—229). Автор ставит целью доказать, что крепость возведена не в VI—VII вв., как признавали до сих пор, а в XII—XIII вв. Отнесение постройки укрепления к эпохе раннего средневековья связано с типом кладки, выполненной из очень крупных квадров на прочном известковом растворе; внутрисстенный промежуток, заполненный бутом, — очень узок, что также является существенным признаком. Такого рода кладка типична именно для раннесредневекового времени (по крайней мере, в Причерноморье) и после VII в., судя по определенно датированным памятникам, неизвестна. Кладка же XII—XIII вв. принципиально отличается от раннесредневековой: она обычно состоит из бута во всю свою толщину и лишь иногда имеет гладко тесанную облицовку. Этого отличия, судя по статье, автор не видит; он видит отличие лишь в калибре камней забутовки (стр. 228), хотя это отнюдь не является хронологическим признаком. По мнению Д. Л. Талиса, тип кладки вообще «не может иметь определяющего значения» (там же). Дату крепостной стены Сюрен он основывает на керамике (главным образом мелких обломках), извлеченной из нескольких маленьких шурфов, заложенных им на плато около стены. Поверим автору, что эта керамика действительно XII—XIII вв.: невыразительные фотографии этих обломков совершенно не дают о ней представления. Полностью же сохранились лишь один кувшин (рис. 4), но так как он не находит себе аналогий среди керамики XII—XIII вв., то автор расчленил его на отдельные элементы (горло, ручка, шейка и т. д.), каждый из которых он датирует отдельно, а затем выводит среднюю дату XII—XIII вв. (стр. 224—225). Такой весьма своеобразный путь датировки керамики к убедительным результатам привести, конечно, не может; он производит впечатление «подгонки» памятника к заранее намеченной дате. Между тем сосуд все-таки не имеет аналогий в XII—XIII вв. — просто потому, что он относится не к этому времени, а скорее к более позднему.

Но независимо от датировки керамики любому непредубежденному человеку ясно, что этот материал не связан органически со стеной и является элементом, сопутствующим ей, элементом приходящим, а потому вообще указанием на дату стены служить не может. Появление позднесредневекового материала на Сюренском мысу может говорить лишь о том, что место это было обитаемо в то время, и ни о чем другом. Нельзя же, например, палаты думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной в Москве, которые построены в XVII в. (в 1657 г.), но в которых живут и работают и *поныне*, датировать по культурным остаткам второй половины XX в. — остаткам, которые неизбежно накапливаются вблизи стен здания, а то и у самых его стен. Очевидно, что такой археологический материал не только не «надежней хронологии, базирующейся на анализе техники кладки» (стр. 227), но, наоборот, может только породить ошибки. Такую элементарную ошибку допускает и Д. Л. Талис. Столь же ошибочна и ссылка на слабость культурного слоя на Сюренском мысу, в чем автор видит подтверждение позднего происхождения Сюренского укрепления. Напомним, что и городище Кыз-кермен, существовавшее, как показали раскопки, в VIII—IX вв., также имеет очень тонкий культурный слой, местами вообще сходящий на нет (скала обнажена). То же наблюдается во многих местах Мангуна и других средневековых поселений Юго-Западного Крыма. Тонкость культурного слоя объясняется совсем другим — во-первых, выдуванием его на высокой незащищенной поверхности, во-вторых, отсутствием интенсивной жизни на плато мыса, что вполне понятно, ибо Сюренское укрепление — не поселение, а только сторожевой пункт.

Столь же произвольна и поздняя датировка круглой башни Сюренского укрепления на основании позднесредневековой даты росписи. Очевидно лишь то, что роспись выполнена спустя много столетий после постройки башни. Наконец, ничто не дает и историческое «оправдание» сооружения Сюренского укрепления путем ссылки на усиление византийской активности в Восточной Таврике в XII в. (стр. 228). Эта ссылка

не укрепляет позиций автора, ибо, во-первых, имеет в виду не Юго-Западную, а Восточную Таврику, а во-вторых, такого рода неконкретные, косвенные ссылки можно подобрать к любым историческим периодам.

Статья Д. Л. Талиса как по своей методологии, так и по фактическому материалу и, соответственно, по своим умозаключениям несостоятельна, его попытку передатировать Сюреньское укрепление нельзя признать серьезной.

А. Л. Якобсон

Новые работы по истории греческой культуры послевизантийского периода

Μ. Ι. Μανουσάκας. Ἀνέκδοτα πατριαρχικά γράμματα (1547—1806) πρὸς τοὺς ἐν Βενετίᾳ μητροπολίτας Φιλαδελφείας καὶ τὴν ὀρθόδοξον ἐλληνικὴν Ἀδελφότητα. Βενετία, 1968.

Греческое братство в Венеции возникло в 1498 г. Крупнейшая греческая колония вне порабощенной турками Греции, важный центр национальной культуры и просвещения, Венецианское братство на протяжении столетий привлекало к себе внимание патриархов Константинополя, Александрии и Иерусалима. Особенно тесно оно было связано с константинопольским патриархатом, в церковно-административной зависимости от которого находилось с момента своего образования. Свидетельством этих взаимоотношений являются хранящиеся в венецианских архивах, и прежде всего в архиве Греческого братства, многочисленные грамоты константинопольских, александрийских и иерусалимских патриархов середины XVI — начала XIX в.

Частично эти документы были изданы 100 лет назад знаменитым историком Венецианской общины Иоанном Велудосом¹. Однако 40 патриарших грамот, написанных между 1547 и 1806 гг., оставались до последнего времени неизвестными. Изданию и исследованию их текста и посвящена книга проф. Μ. Ι. Мануссакаса.

Обнаруженные Μ. Мануссакасом в «Древнем архиве» братства (Παλαιὸν Ἀρχεῖον τῆς Ἑλληνικῆς Ἀδελφότητος Βενετίας), принадлежащем ныне Греческому институту византийских и послевизантийских исследований в Венеции, эти документы распределяются следующим образом: 27 грамот вышли из канцелярии константинопольских патриархов, 8 — александрийских, 5 — иерусалимских. К XVI столетию относятся 13 грамот, к XVII — 9, к XVIII — 17, к XIX — 1; 36 грамот сохранились в подлинниках, 4 — в более поздних копиях.

Сохранение издаваемых документов раскрывает перед нами различные стороны внутренней жизни Венецианского братства, его взаимоотношения с итальянскими государствами, с православными общинами Константинополя, Александрии, Крита. Мы не ставим перед собой цели дать систематический обзор содержания опубликованных Μ. Мануссакасом документов: частично это уже сделано в появившихся рецензиях книги², еще более полно содержание грамот смогут оценить будущие исследователи греческой культуры XVI—XVIII вв.³ Свою же задачу мы видим в том, чтобы показать, во-первых, роль работы Мануссакаса в развитии новогреческой дипломатики как науки и, во-вторых, то значение, которое имеет эта книга для исследования греческих грамот советских хранилищ.

Несмотря на большое число работ, посвященных изданию и изучению греческих документов XVI—XIX вв., новогреческая дипломатика до недавнего времени не имела четких правил издания документов, подобных, например, правилам издания актов византийской эпохи. В последние годы в ряде работ греческих ученых (в том числе самого Μ. Мануссакаса) стал выработываться тот принцип издания позднегреческих документов, который и был принят в рецензируемой книге.

Каждый раздел, посвященный одному документу, состоит из трех частей: 1) дата документа; краткое содержание; шифр оригинала или копии, по которым издается текст; детальное палеографическое описание; 2) текст издаваемого документа; 3) подробные «схολии» — комментарии, которые в работе Μ. Мануссакаса представляют собой целую серию специальных исследований. Если устранить два недостатка той части, где находится описание документа: отсутствие а) сведений о филигранях бумаги, на которой написана грамота, и б) датировок тех копий, которые заменили исчезнувшие подлинники и являются, таким образом, оригиналом изучаемого текста, — то издание Мануссакаса можно считать образцом, которому должны, на наш взгляд, следовать теперь издатели греческих документов XVI—XIX вв.

Важным достоинством работы Μ. Мануссакаса является хорошо продуманное иллюстрирование издаваемых грамот: к книге приложены 22 прекрасного качества фото-

¹ Ι. Βελούδος. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῶν οἰκουμενικῶν πατριαρχῶν ἀνήκοντα εἰς τοὺς Φιλαδελφείας μητροπολίτας, ὑπερτίμους καὶ ἐξάρχους πατριαρχικοὺς καὶ προέδρους πνευματικοὺς τῆς Ἑνετίᾳ τῶν ὀρθοδόξων Κοινότητος. Ἐν Βενετία, 1873.

² См. рецензии: N. Camaritano — RESEE, 8, 1970, p. 572—573; O. Kresten — JÖB, 19, 1970, S. 307—310; G. Veloudis — BZ, 64. Bd., H. 2, 1971, S. 367—369; P. S. Năsturel. — «Südostforschungen», 30, 1971, S. 536—537; A. Pippidi. — «Revue Roumaine d'histoire», 1971, 1, p. 189—191; A. Πολίτης. — «Ἑλληνικά», 24, 1971, σελ. 191—194.

³ См. уже, например: N. Camaritano. Alexandre Mavrocordato, le grand drogman. Son activité diplomatique. 1673—1709. Thessaloniki, 1970.

графических образца почерков патриарших писцов, однако эти 22 таблицы дают представление о писцах 26 грамот, так как иногда несколько документов писаны одной рукой. Можно, конечно, пожалеть, что остались без иллюстраций некоторые документы, особенно XVI — начала XVII в. (например, № 7 или 8, 13, 15, 16), но все же нельзя не быть признательным издателю за возможность ознакомиться с почерковым разнообразием греческих документов архива Венецианского братства.

Изучение почерков греческих грамот XVI—XVIII вв. необычайно перспективно как для новогреческой дипломатики, так и для греческой кодикологии и палеографии. Перспективность такого изучения для первой дисциплины заключается в том, что, определяя по почерку ряд документов, вышедших из-под пера одного и того же писца, мы сможем в дальнейшем достаточно полно представить себе хронологические границы и объем работы писцов патриарших канцелярий послевизантийского периода, установить преемственность в работе писцов, изучить особенности составления документов в разные эпохи. Важность же такого изучения для греческой кодикологии и палеографии состоит в том, что оно открывает новые возможности для исследования рукописной книги: 1) часто писцы патриарших канцелярий одновременно являлись и переписчиками книг; поэтому, имея перед собой рукописную книгу без выходных данных (имени писца, даты и места написания) и написанные тем же писцом грамоты (которые всегда локализованы и датированы), мы можем с большой степенью точности определить место и время создания рукописи; 2) на материале греческих документов патриарших канцелярий можно значительно проще и надежнее изучить особенности, по крайней мере, двух «школ письма» XVI—XVIII вв. — константинопольской и александрийской — и использовать полученные результаты для палеографического исследования греческой рукописной книги этого же времени.

Таблицы книги М. Мануссакаса позволяют сделать немало наблюдений во всех названных направлениях. К конкретному рассмотрению этой части рецензируемой работы мы и переходим.

Табл. 1. Здесь воспроизводится грамота 1547 г. вселенского патриарха Дионисия II. Этим же писцом написаны грамота того же патриарха Ивирскому монастырю на Афоне в марте 1548 г.⁴ и грамота патриарха Иоасафа II 1557 г. русскому царю Ивану IV⁵.

Табл. 3 воспроизводит текст грамоты 1580 г. константинопольского патриарха Митрофана III. Писец этого документа переписал, как можно установить по почерку, часть текстов в интереснейшей рукописи БАН — Q № 14⁶, переписанной, за исключением более поздних добавлений, писцами константинопольской патриаршей канцелярии.

Табл. 4, 7—9. Представленные на этих четырех таблицах образцы почерка принадлежат, по определению М. Мануссакаса, знаменитому константинопольскому писцу логофету Великой церкви Александру, сыну Иеракса. и датированы соответственно 1590, 1597, 1599 и 1603 гг. Основой для идентификации по почерку являются здесь, во-первых, хорошо известные автографы Александра^{6а}, и, во-вторых, издаваемая самим Мануссакасом грамота 1599 г. (табл. 8), в нижнем правом углу лицевой стороны листа которой писец документа сделал приписку, где называет себя «логофетом, сыном великого логофета» (т. е. Иеракса) и указывает, что именно им написан текст грамоты.

Что касается грамот 1597, 1599 и 1603 гг. (табл. 7—9), то мы полностью разделяем мнение М. Мануссакаса: эти три документа писаны рукой Александра, сына Иеракса. Относительно же почерка грамоты 1590 г. (табл. 4) позволим себе высказать следующее заключение

Если проанализировать почерк Александра по таким его бесспорным автографам, как табл. 7—9 рецензируемой книги, фото л. 32 об. рукописи Афинской национальной библиотеки № 1474 в работе Х. Патринелиса или табл. 62 в «Альбоме по греческой палеографии» М. Виттека, с одной стороны, и сравнить полученные наблюдения с фактами, представленными на табл. 4, с другой, то придется сделать вывод о том, что мы имеем здесь дело с двумя писцами. Их почерки удивительно похожи: кажется, что совпадают и «картина» почерка, его характер, то общее впечатление, которое производят эти вытянутые по вертикали каллиграфические почерки на исследователя, и отдельные детали — характерные красивые росчерки — «хвосты» λ и ξ в сочетаниях ελ, αλλ, εξ; χ с поставленным вертикально первым элементом и положенным почти гори-

⁴ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, Taf. 98.

⁵ ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 1.

⁶ И. Н. Лебедева. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, том 5. Греческие рукописи. Л., 1973, стр. 79—81. Отнесение в каталоге почерка на лл. 1—19 об., 47—47об., 135об. — 136 к концу XV в. является неверным — эти листы, а также л. 135об. писаны патриаршим писцом конца XVI в., рукой которого также писана воспроизводимая в книге М. Мануссакаса на табл. 5 грамота Иеремии II 1594 г. (см. ниже, стр. 197).

^{6а} X. Γ. Πατρινέλης. Πατριαρχικά γράμματα και άλλα έγγραφα και σημειώματα του ιερού — τη' αιώνου ἐκ τοῦ κώδικος τοῦ Ἱεράκτος (РΕΘν. Βιβλιοφ. Ἑλλ. 1474). — «Ἐπετηρὶς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχείου», 12, 1965, σελ. 116—165; M. Wittek. Album de paléographie grecque. Gand, 1967, pl. 62.

горизонтально вторым; идентичной формы $\times$ и многое другое. Вместе с тем имеются различия, не позволяющие признать в почерке табл. 4 и табл. 7—9 одну руку: строгая вертикальность письма Александра, с одной стороны, и хорошо видимый наклон вправо у писца табл. 4 — с другой; открытая форма θ у Александра *никогда* не начинается с опущенного влево — вниз «хвоста», тогда как у писца табл. 4 открытая форма этой буквы *всегда* начинается именно с такого «хвоста»; при наличии одинаковых принципов написания μ — с опущенными «ножками» и высоко поднятой петлей — нельзя не заметить и важного различия в «исполнении» этой буквы: у Александра «ножки» μ более высокие, особенно левая, которая *всегда* начинается движением снизу — *слева* вверх — направо; у писца табл. 4 «ножки» этой буквы пониже, вся буква «помягче», левая «ножка» *всегда* пишется движением снизу — *справа* вверх — налево и затем направо. Имеется и еще ряд отличий этих почерков, но мы ограничимся описанными выше — они представляются наиболее показательными, достаточными для различения двух почерков.

Так как грамота, представленная на табл. 4, датируется 1590 г., а грамоты таблиц 7—9 — от 1597 до 1603 гг., можно было бы попытаться объяснить указанные отклонения в письме документов начала и конца 90-х годов тем промежуточным временем, который отделяет эти грамоты, эволюцией почерка писца, происшедшей за 7 лет. Мы не думаем, однако, что в данном случае такая попытка была бы правомерной — Александр, сын Иеракса, являлся писцом-профессионалом, выдающимся каллиграфом, с исключительно устойчивыми навыками начертания всех букв и соединений. Если бы грамота 1590 г. была написана его рукой, то и в последующие годы, изменив начертание отдельных букв, он не смог бы избежать хотя бы редкого повторения давно заученных и закрепленных практикой навыков. Но раз такого повторения в достаточно большом числе доступных нам образцов его письма нет, мы должны сделать вывод, что табл. 4 книги М. Мануссакаса представляет почерк писца, отличный от почерка Александра, сына Иеракса.

Исключительная близость двух рассмотренных почерков наводит на мысль о том, что почерк грамоты на табл. 4 может принадлежать самому Иераксу, великому логофету Великой церкви. Александр, ставший, подобно отцу, чиновником патриаршей канцелярии, вероятно, получил свою писцовую выучку под руководством Иеракса, почерку которого он стремился подражать.

Известные в науке автографы Иеракса, к сожалению, нам недоступны ⁷. Некоторое представление о его почерке можно получить, анализируя его подпись под актом Константинопольского собора 1590 г., утвердившего основание московского патриархата ⁸. В этой подписи союз *καί* дважды написан в такой форме, которая не встречается в автографах Александра. В то же время существует документ, письмо которого, с одной стороны, совершенно идентично письму табл. 4 работы М. Мануссакаса, а с другой — передает *καί* именно в той форме, как это представлено в подписи Иеракса: мы имеем в виду утвердительную грамоту Иеремии II Львовскому братству 1587 г. ⁹ Все это позволяет, нам кажется, считать автографами Иеракса как львовскую грамоту, так и венецианскую грамоту 1590 г. (табл. 4).

Можно также добавить, что во Львове хранятся еще два документа, написанные той же рукой, что и проанализированные выше грамоты 1587 и 1590 гг., — грамоты Иеремии II от ноября 1 индикта (= 1587 г.) и от мая IV индикта (= 1591 г.) ¹⁰.

Коснувшись вопроса об особенностях почерка Александра, сына Иеракса, мы не можем не остановиться на результатах недавних работ, посвященных новому автографу этого писца. Х. Патринелис, говоря в цитированной выше статье о книгописной деятельности Александра, заметил, что путем идентификации по почерку им отнесен к числу его автографов известный патмосский кодекс, содержащий письма Мелетия Пигаса — Patm. 396 ¹¹. Этой рукописи П. Николопулос посвятил специальное исследование, где — вслед за Патринелисом — доказывает тождество почерка Athen. 1474 и Patm. 396 ¹². Наблюдения Патринелиса и Николопулоса приняты как в рецензируемой книге Мануссакаса, так и в вышедшем двумя изданиями альбоме патмосских рукописей ¹³.

Мы не можем согласиться с этим отождествлением. Особенности почерка патмосской рукописи при первом знакомстве с ней действительно создают иллюзию сходства

⁷ А. Ι. Παπαδόπουλος-Κεραμίδης. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, т. 5. Ἐν Πετρούπολει, 1915, σελ. 76—78, 85—89.

⁸ W. Regel. Analecta byzantino-russica. Petropoli, 1891, tab. IV.

⁹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 84. Воспроизведение правой половины листа этого документа см.: О. А. Курчинский, Е. Й. Ружичкий. Каталог пергаментных документов Центрального державного историчного архіву УРСР у Львові. 1233—1799. Київ, 1972, № 708, табл. между стр. 353—354.

¹⁰ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, №№ 83 и 146.

¹¹ Х. Г. Патринелис. Ἐνθ' ἀνωτ., σελ. 152.

¹² П. Г. Νικολόπουλος. Γραφεὶς καὶ πρότυπα τοῦ πατριακοῦ ἐπιστολαρίου Μελετίου τοῦ Πηγᾶ. Ο Πατριακὸς κώδιξ 396 καὶ ὁ Θεόφιλος Λιβός.— «Σύμμικτα», 1, 1966, σελ. 163—183.

¹³ М. Μανουσάκας. Ἐνθ' ἀνωτ., σελ. 42—43; Α. Δ. Κεραμίδης. Πίνακες χρονολογημένων Πατριακῶν κωδίκων. Ἐν Ἀθήναις, 1968, πιν. 67; A. D. Komines. Facsimiles of dated Patmian codices. Athens, 1970, pl. 67.

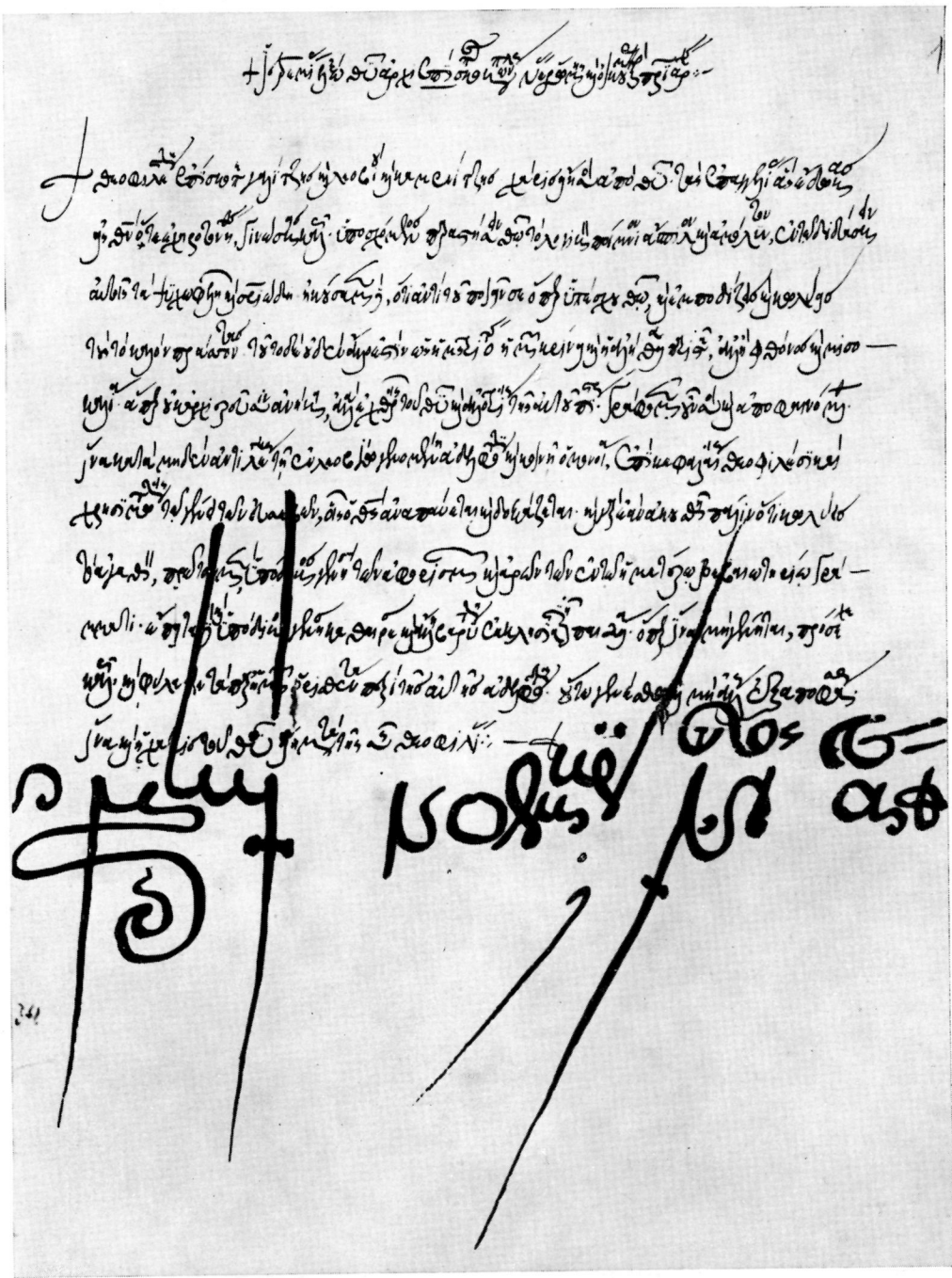

Рис. 1. Грамота патриарха Иеремии II Львовскому братству 1587 г. Львов, ЦГИА УССР, ф. 129, оп. 1, № 83.

Грамата патриарха Иеремии II Львовскому братству 1591 г.

Грамата патриарха Иеремии II Львовскому братству 1591 г. Львов, ЦГИА УССР, ф. 129, оп. 1, № 146. Текст написан в старославянском языке и содержит церковно-административное содержание, включая упоминания о братстве и патриархе.

Рис. 2. Грамота патриарха Иеремии II Львовскому братству 1591 г. Львов, ЦГИА УССР, ф. 129, оп. 1, № 146.

с почерком Александра, сына Иеракса, однако более пристальный анализ не позволяет признать в письме патмосского манускрипта руку Александра — здесь нет ни строго выдержанной вертикальности почерка логофета Великой церкви, ни его замечательных волнистых росчерков; в патмосской рукописи полностью отсутствуют описанные нами выше употребившиеся Александром формы θ , μ и χ . То, что почерки Patm. 396 и Александра отчасти похожи, мы предположительно относим за счет влияния, которое оказывала канцелярия константинопольского патриархата на почерки писцов патриархата александрийского (ибо убеждены, вслед за Ш. Астрюком¹⁴, хотя и не имеем здесь возможности развернуто аргументировать этот вывод, что Patm. 396 писан не в Константинополе, а в Александрии).

Табл. 5. Здесь дается образец почерка писца грамоты Иеремии II 1594 г. В хранилищах Ленинграда и Львова имеются еще семь его автографов:

1) ГПБ, греч. 505 — этим писцом писаны последние четыре с половиной строки текста грамоты Иеремии II, данной Львовскому братству в ноябре 1589 г.;

2) ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 102, 104, 105, 147 — весь текст грамоты Иеремии II 1589—1591 гг. в Молдовалахию, Киев и Львов писан писцом табл. 5;

3) там же, № 146 — этим же писцом написаны последние четыре с небольшим строки текста грамоты Иеремии II, направленной в мае IV индикта (=1591 г.) митрополиту Киева и всем христианам;

4) БАН, Г № 14 — этим писцом писаны лл. 1—19 об., 47—47 об., 135 об. — 136, 155 об. (см. выше, прим. 6).

Так как две первые грамоты были даны львовской общине константинопольским патриархом на обратном пути из Москвы в Константинополь, следовательно, неизвестный нам по имени писец четырех перечисленных документов и одной рукописи приезжал в июле 1588 г. в свите Иеремии II в Москву, в январе 1589 г. принимал участие в постановлении первого русского патриарха и в мае того же года покинул Россию¹⁵.

Табл. 6. Писцом грамоты 1595 г. Мелетия Пигаса М. Мануссакас на основании отождествления по почерку считает самого александрийского патриарха. К числу известных автографов Мелетия Пигаса мы можем добавить еще два: ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 189 — рукой патриарха писаны первые четыре строки грамоты 1593 г., адресованной царю Федору Ивановичу; там же, № 267 — весь текст послания Мелетия 1597 г. во Львов написан его рукой.

Обратившись к грамотам Мелетия Пигаса, мы хотим рассмотреть еще одну группу его документов, писцом которых является, как мы думаем, архидиакон Александрии Максим.

Одновременно с рецензируемой книгой выпла в свет дополняющая ее статья М. Мануссакаса, где публикуется грамота 1597 г. Мелетия Пигаса¹⁶. На приложенной к тексту таблице 2 мы видим почерк того же писца, которым писаны и 3 следующих послания александрийского патриарха — 1596 г. во Львов (ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 279), 1597 г. на Милос¹⁷ и 1600 г. во Львов (ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 309). Характерный почерк всех этих документов (см., например, χ с резким изгибом вправо нижней части буквы или две формы λ — «открытая», с отклоняющимися влево «ножками» и часто, но не обязательно, опущенной вправо перекладной, и «закрытая», с петлеобразными и также отклоняющимися влево «ножками» и петлеобразной перекладной) идентичен почерку иерусалимского сборника писем Мелетия Пигаса (Παναγίου Τάφου 524), писцом которого является Максим, архидиакон Александрии¹⁸.

¹⁴ Ch. Astruc. Théophile d'Alexandrie et les manuscrits de la correspondance de Méletius Pigas. — «Scriptorium», 1, 1946/47, p. 162—164.

¹⁵ В русских документах указано, что вместе с Иеремией II в Москву приезжали «архимандрит, да два священники, да архидиакон, да старец, да казначей, да келарь, да певчей дьячок, да толмач, да девять человек служебников, да с ним же вместе приехали монемвасийский митрополит Ерофей, а с ним старец да четыре человека служебников, да еласонский архиепископ Арсений, а с ним старец да служебник» (ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, № 3, лл. 4об.—5; ср. А. Я. Шапов. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Федора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912, стр. 281). Рукью этого же писца в акте Константинопольского собора 1590 г. поставлена подпись $\acute{\omicron}$ Πογωνιανῆς Ἀρσένιος (W. Regel. Op. cit., tab. IV), однако из этого еще не следует, что писцом рассмотренных нами документов являлся митрополит Арсений: во-первых, в указанном акте более 60 подписей неподлинны, они воспроизведены, по-видимому, писцами патриаршей канцелярии (см. Б. Л. Фонжич. Греческие грамоты советских хранилищ. 3. Из истории учреждения патриаршества в России. Сборные грамоты 1590 и 1593 гг. — «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР», М., 1974, стр. 251—260), а во-вторых, имя митрополита Погоньяны Арсения отсутствует в перечне лиц, приезжавших с Иеремией II в Москву.

¹⁶ Μ. Ι. Μανουσάκας. Γράμματα πατριαρχῶν καὶ μητροπολιτῶν τοῦ 15^{ου} αἰῶνος ἐκ τοῦ Ἀρχιεῖου τῆς ἐν Βενετίᾳ Ἑλληνικῆς Ἀδελφότητος. — «Θησαυρίσματα», т. 5, 1968, σελ. 18—22, πιν. 2.

¹⁷ Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Διάφορα ἑλληνικά γράμματα ἐκ τοῦ ἐν Πετροῦπόλει Μουσείου τῆς Ἀ. Ἐ. τοῦ κυρίου Νικόλας Likhatcheff. Ἐν Πετροῦπόλει, 1907, πιν. 2.

¹⁸ Π. Γ. Νικολόπουλος. Ἐνθ' ἄνωτ., φот. 14.

Табл. 11. Представленный здесь почерк писца грамоты 1622 г. Кирилла Лукариса встретился нам в грамотах того же константинопольского патриарха, присланных в Россию и хранящихся теперь в ЦГАДА: ф. 52, оп. 2, №№ 18 (1625 г.), 25, 29, 30 (все — 1626 г.), 42 и 44 (обе — 1627 г.).

Табл. 12—14. Две грамоты константинопольского патриарха Иоанкия II — 1651 и 1655 гг. — написаны одним писцом, которого мы по почерку отождествляем с писцом грамоты Кирилла Лукариса 1628 г., изданной А. И. Пападопуло-Керамевсом¹⁹. В грамоте 1628 г. и в грамотах 1651 и 1655 гг. присутствуют такие особенности почерка, которые, несмотря на значительный промежуток времени, разделяющий эти документы, позволяют провести указанную идентификацию: овальные изгибы влево элементов букв β, ι, κ (инициал), λ (в сочетаниях ἀλλ, ἐλ), μ, ρ, φ; β с увеличенной верхней и уменьшенной, сжатой нижней петлей; γ и π с резким отклонением влево нижней части буквы; δ с резким изломом дуги и т. п. Отличие почерка документов 50-х годов XVII в. от почерка грамоты 1628 г. состоит лишь в том, что почерк позднейших грамот более небрежен, размашист, менее красив. В советских хранилищах имеется немало документов Кирилла Лукариса, написанных рукой этого писца: ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, №№ 31 (1626 г.), 55, 58 (обе грамоты — 1628 г.), 64, 65 (обе — 1629 г.), 72, 75 (обе — 1630 г.), 76, 78, 83, 85, 87, 88, 89 (все — 1631 г.), 99 (1633 г.), 111 (1634 г.); ГИМ, Синод. № 523 — грамота константинопольского патриарха Мефодия от мая 1668 г. московскому патриарху Иоасафу II²⁰. Им же переписана грамота Кирилла I 1630 г., хранящаяся в архиве афонского Дионисиева монастыря²¹. Таким образом, судя по известным нам документам, писец грамот, представленных на табл. 12—14 книги М. Мануссакаса, являлся писцом канцелярии константинопольских патриархов по крайней мере с 1626 по 1668 гг. Кроме того, он же был и переписчиком книг: его рукой написана рукопись 1644 г. № 626/562 Библиотеки Румынской Академии наук, в составе которой находится «Введение в логику» Феофила Коридаллеса²².

Таковы некоторые наблюдения, которые позволили нам сделать книга М. Мануссакаса. Как видно из приведенных примеров, ее значение для разработки греческих документальных фондов советских хранилищ необычайно велико. Ближайшей задачей советских исследователей является научное описание богатейших собраний греческих грамот XVI—XVIII вв. Москвы, Львова, Ленинграда, Киева, и книга проф. М. Мануссакаса станет тем образцом, которому будут следовать в этой работе ее исполнители.

O. Kresten. Das Patriarchat von Konstantinopel im ausgehenden 16. Jahrhundert. Der Bericht des Leontios Eustratios im cod. Tyb. Mb 10: Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Wien, 1970

В работе О. Крестена впервые издается текст небольшого сочинения, написанного в 1590 г. Леонтием Евстратием и повествующего о взаимоотношениях константинопольского патриархата и турецкого правительства в 80-х годах XVI в. Хотя факты, о которых идет речь в этом сочинении (интриги против патриарха Иеремии II в 1582—1584 гг., его удаление с престола в феврале 1584 г., новое избрание вселенским патриархом в 1587 г. и поездка в Россию в 1588—1589 гг.), известны из других источников, тем не менее издаваемый текст, вышедший из-под пера человека, бывшего очевидцем описанных им событий и хорошо знавшего многих из упоминаемых им лиц, представляет немалый интерес для историка греческой культуры послевизантийского периода.

Сочинение написано кипрским греком Леонтием Евстратием (между 1560—1566—1600/1602) во время его пребывания в Тюбингене в марте 1590 г. по просьбе Мартина Крузия, живо интересовавшегося положением греческого народа под властью турок и пользовавшегося любой возможностью для собирания необходимых сведений. Текст извлечен О. Крестеном из рукописного сборника конца XVI в. университетской библиотеки в Тюбингене — Tyb. Mb 10, принадлежавшего первоначально (как и 32 других рукописи того же хранилища) Крузию. Семь листов (стр. 385—398 рукописи), на которых находится сочинение, представляют собой — по мнению О. Крестена, основанному на изучении почерка, — автограф Леонтия; текст правлен как рукой самого автора, так и Мартином Крузием.

Работа состоит из трех частей.

1. В первом разделе (стр. 13—37) в сжатой форме изложены основные факты, характеризующие интерес представителей европейской образованности XVI в., и прежде всего — Мартина Крузия, к современной им греческой культуре. Вслед за сведениями о рукописи, по тексту которой осуществляется издание, приводится биография Леонтия Евстратия; наибольшее место здесь отводится описанию путешествия Леонтия из Венеции через Вену в Тюбинген и обстоятельств появления его сочинения. Раздел

¹⁹ А. Пападопуло-Керамевс. *Διάφορα ἑλληνικὰ γράμματα*, σελ. 10—11, πιν. 4.

²⁰ Архим. *Владимир*. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Часть первая. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 731.

²¹ Π. Νικολόπουλος — Ν. Οἰκονομίδης. *Γερά μὲν ἑνὸν Διονυσίου. Κατάλογος τοῦ ἀρχιεπίου*. — *Σύμμεικτα*, 1, 1966, φот. 33.

²² Б. Л. Фонкич. О писце рукописи 1644 г., содержащей «Введение в логику» Феофила Коридаллеса. — RESEE, 1974 (в печати).

завершается анализом сочинения — достоверности сообщаемых автором сведений (эти наблюдения Крестена в расширенном и углубленном виде представлены в комментарии — 3-й части книги), особенностей языка сочинения.

2. Стр. 38—51 занимает греческий текст с параллельным немецким переводом. В критическом аппарате отмечены все дополнения и исправления текста, принадлежащие Евстратию и Крузию, конъектуры издателя, определены скрытые цитаты.

3. Текст сопровождается подробным историческим комментарием (стр. 52—86), детальным исследованием всех сообщаемых в сочинении фактов. Работу заключают а) хронологическая таблица с указанием дат описанных Леонтием событий и отсылками к соответствующему месту его записки, б) индекс встречающихся в тексте сочинения собственных имен и в) два фотографических снимка стр. 385—386 тюбингенской рукописи.

Тщательно выполненная публикация интересной записки Леонтия Евстратия, исследование памятника, основанное на знании огромной специальной литературы, делают небольшую аккуратную книжку О. Крестена одной из важных работ по греческой истории конца XVI столетия.

В критической части своей аннотации мы коснемся лишь трех незначительных моментов.

Говоря в обширном примечании на стр. 53 о двух письмах Максима Маргуня — от 7 апреля 1590 г. (№ 16 по Ш. Астриюку) и 19 октября 1590 г. (№ 17), в которых содержится оценка «Туркогrecии» Крузия, Крестен указывает на встречающееся в источниках отнесение этих писем то к 1590, то к 1591 гг. Не отдавая предпочтения ни одному из этих двух вариантов, Крестен считает нужным лишь констатировать — на основании анализа содержания писем — предшествование по времени написания письма № 16. Имея возможность изучить рукописную традицию писем Маргуня по 10 спискам, в том числе по еще не известному в специальной литературе, но чрезвычайно важному с точки зрения истории текста корреспонденции Маргуня ленинградскому сборнику ГПБ, греч. 733, мы можем утверждать, что оба интересующих Крестена письма следует относить к 1590 г.

Комментируя сообщение Евстратия о поездке Иеремии II в Москву, Крестен, ссылаясь на Л. Пти, утверждает, что патриарх пробыл в России до конца 1589 г. (стр. 84). Между тем Иеремия II выехал из Москвы уже в мае 1589 г. (ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, № 3, л. 50; см. также указанную выше, в рецензии на книгу М. Мануссакаса, работу А. Я. Шпакова, стр. 348); ноябрем того же года датированы две грамоты Иеремии II, данные на обратном пути из Москвы Львовскому братству — ГПБ, греч. 505 и ЦГИА СССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 105.

Наконец, к указанной на стр. 85 литературе о поездке Иеремии в Россию следует добавить важную работу А. А. Дмитриевского «Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря» (Киев, 1899)

Б. Л. Фонкич

АННОТАЦИИ

Д. Ангелов, П. Тивчев: Подбрани извори за историята на Византия. София, 1970, 397 стр.

Изданные известными болгарскими византинистами Д. Ангеловым и П. Тивчевым «Избранные источники по истории Византии» представляют собой третье издание этого сборника (первое издание — 1956 г., второе — 1963 г.). Обновляя и дополняя первые два выпуска, рецензируемый сборник отличается от них рядом существенных особенностей, которые позволяют рассматривать его как новый тип хрестоматии по истории Византии, отразивший успехи последнего этапа в развитии болгарского византиноведения.

Сравнительно с первыми двумя изданиями «Избранные источники» значительно дополнены и расширены: уделяя по-прежнему большое внимание проблемам социально-экономического развития и классовой борьбы в византийском обществе, составители включили в сборник большое число впервые переведенных на болгарский язык источников по культурной истории Византийской империи. Частично — и по большей части удачно — дополнены и обновлены материалы и по экономической и политической истории Византии.

Помещенные в сборнике документы охватывают время от правления Юстиниана I до завоевания империи османами. Материалы распределены по четырем большим разделам, соответствующим четырем основным этапам, выделяемым марксистской историографией в социально-экономическом и политическом развитии империи.

Первый раздел включает документы, относящиеся к эпохе разложения рабовладельческих отношений (IV — VI вв.), второй соответствует периоду формирования феодальных отношений в Византии (VII—IX вв.), третий охватывает материалы, относящиеся к «этапу развития феодализма» (X — XII столетия), и четвертый раздел характеризует империю в период позднего феодализма (XIII—XV вв.).

В первом разделе источники разделены на три группы: первую, самую обширную, составляют материалы по социально-экономическому развитию деревни и города в Византии, вторую — документы о провинциальном управлении и обороне границ государства и третью — о классовой борьбе в империи. Основное внимание здесь уделено законодательным памятникам Юстиниановой эпохи и сочинениям Прокопия Кесарийского. Помещенные в первом разделе материалы позволяют выявить процессы, протекавшие в недрах отмирающего рабовладельческого строя: изживание рабства, попытки рабовладельческой реакции, революционные движения угнетенных, разорение мелких землевладельцев, развитие патронатных отношений и т. д.

Во втором разделе преобладают нарративные памятники, хотя приведены полный текст «Земледельческого закона» и выдержки из таких специфических источников, как «Стратегикон» Псевдо-Маврикия и «Об управлении империей» Константина Багрянородного. Все материалы разделены на четыре группы: заселение славянами Балканского полуострова, законодательство византийских императоров в VIII в., иконоборческое движение и классовая борьба. Составители стремились на материале этого раздела дать представление о масштабах и характере славянского вторжения, о значении натиска славян и борьбы рабов и колонов в ликвидации рабовладельческой системы и упрочении в византийском селе свободной крестьянской общины. Документы этого раздела свидетельствуют и о возникновении основной формы классовой борьбы средневековья — борьбы вовлекаемого в зависимость крестьянства и крепнущего класса феодальных собственников, а также о проявившихся в этот период противоречиях внутри господствующих слоев общества (противоречия эти приняли форму иконоборческого движения).

Третий раздел сборника состоит из обширной группы документов, среди которых особое место занимают новеллы императоров Македонской династии, «Книга эпарха», активные материалы, типичные монастырей и памятники эпистолографии; некоторые из них имеют существенное значение для изучения истории болгарского народа в XI—XII вв. (например типичи Бачковского монастыря и монастыря Богородицы Космопитры, акты обители Богородицы Милостивой, хрисовул Алексея I о рабах-болгарах,

письма болгарского архиепископа Феофилакта и др.). Материалы этого раздела иллюстрируют процесс развития феодальных отношений в византийской деревне и социально-экономического развития города, формирование крупного землевладения, рост его привилегий, виды и формы крепнувшей феодальной зависимости крестьян. К этой проблематике относятся документы первых двух групп источников данного раздела. Третья, самая обширная группа включает памятники византийской культуры X—XII вв. Эта группа подразделяется в свою очередь на три параграфа (философия, литература и историография), дающих представление о расцвете византийской феодальной культуры в эту эпоху. Четвертая, последняя группа документов третьего раздела посвящена проблемам классовой борьбы в Византии и отношениям империи с ее соседями, в особенности с Болгарией, в X столетии.

Четвертый раздел хрестоматии сравнительно краток. Собранные здесь документы распределены по трем группам: господство Латинской империи; аграрные отношения, экскуссия и иммунитет: классовая борьба в XIII—XIV вв. Большая часть документов относится к первой и третьей группе. Вторая представлена единственным, но весьма содержательным хрисулом от 1245 г. Материалы этого раздела свидетельствуют о закономерном и неуклонном процессе упадка империи, вызванного внутренними и внешними причинами: обострением внутренних противоречий, разорением населения, нашествием латинян и натиском турецких завоевателей.

Составители хрестоматии осуществили удачный подбор наиболее важных и характерных материалов, которые отразили основные процессы развития Византии в течение тысячелетия ее истории. Д. Ангелов и П. Тивчев последовательно придерживались принципа историзма, расположив документы в строгом хронологическом порядке. В данном издании они ознакомили широкую научную общественность с десятками новых памятников по истории Византии, некоторые из которых (в переводе П. Тивчева) впервые опубликованы на болгарском языке. В сборник включены документы, переведенные с греческого, а также с латинского и других западных языков. Переводы осуществлены не только составителями, но и такими известными специалистами, как Г. Батаклиев, Ст. Маслев, Г. Цанкова-Петкова, В. Тышкова-Заимова.

Самостоятельную ценность представляют краткие научные комментарии к документам и библиографический материал, которым составители снабдили свое издание источников.

Несомненным достоинством рецензируемого сборника является также то, что составители издали не просто хрестоматию по византиноведению, а такого рода подборку документов, которая позволяет одновременно с уяснением явлений и событий собственно византийской истории проследить роль болгар и Болгарского государства в судьбах Юго-Восточной Европы в VII—XIV вв.

Хрестоматия снабжена предметным указателем, в котором с филологической и исторической точек зрения дано пояснение терминологии документов, связанное с социально-экономической историей империи и ее административно-политическим устройством. Составители и здесь, опираясь на соответствующую литературу, стремились кратко, но убедительно обосновать свое понимание институтов византийского феодального общества.

В качестве недостатка рецензируемого издания мы назвали бы прежде всего сравнительную бедность материалов первого раздела. Речь идет о памятниках IV столетия, не привлечших внимания составителей, как, например, эдикт Константина Великого о прикреплении колонов к земле или решения церковных соборов, содержащие ценные сведения о внутривластном положении в империи и о классовой борьбе рабов.

Заслуживал бы расширения и четвертый раздел хрестоматии, в котором почти не отражены события последнего столетия византийской империи, в частности отношения Византии со странами Запада в последние десятилетия перед падением Константинополя. Мы имеем в виду прежде всего материалы Константинопольского, Базельского и Ферраро-Флорентийского соборов, связанные с деятельностью таких крупных исторических персонажей болгарского происхождения, как константинопольский патриарх Иосиф II, Григорий Цамблак, московский митрополит Исидор (есть серьезные основания полагать, что и он был болгарин по происхождению).

Наконец, нам представляется, что составители избрали не лучшее издание хроники Жоффруа Виллардуэна «Завоевание Константинополя крестоносцами», воспользовавшись публикацией В. Николаева, которая подвергалась основательной критике, как не отвечающая требованиям современной науки. Составители приводят также письма Феофилакта Болгарского по прекрасному для своего времени переводу митрополита Симеона, но перевод этот, к сожалению, в значительной степени устарел и местами звучит весьма архаично. Следовало бы вообще всерьез продумать возможность издания нового перевода корпуса писем Феофилакта.

В заключение подчеркнем еще раз, что Д. Ангелов и П. Тивчев подарили научной общественности ценное пособие. Составленный с большой тщательностью и чувством ответственности сборник источников привлекает внимание и добротностью своего полиграфического выполнения. Он принесет пользу не только студентам и вообще историкам, а несомненно найдет признание у широкого круга читателей.

И. Николов.

В 1959 г. Н. Икономидис обнаружил в Эскуриальском хранилище рукописей неизвестный до того тактикон — составленный в 971—975 гг. список высших чинов Византийской империи в порядке их мест за императорской трапезой. Теперь, после длительной работы, Икономидис издал Эскуриальский тактикон и вместе с ним три аналогичных памятника: так называемый тактикон Успенского, «Клиторологий» Филофея и так называемый тактикон Бенешевича, которые датируются соответственно 842—843, 899 и 934—944 гг. Текст, французский перевод и характеристика рукописей составляют основную часть книги Икономидиса, но наряду с этим читатель найдет в ней и характеристику административной системы Византии в середине IX—X в.

По своему содержанию работа Икономидиса значительно богаче аналогичной книги Дж. Бури, которая оставалась до последнего времени классическим трудом по византийской администрации¹. Круг доступных исследователю материалов значительно расширился за 60 лет, протекавшие после выхода в свет монографии Бури: это относится не только к двум тактиконам (Бенешевича и Эскуриальскому), которые тогда были неизвестными, но и к массе печатей и актов, вошедших в последнее время в оборот. Вот один пример уточнений, который смог сделать Икономидис, основываясь на новом материале. Согласно традиционным представлениям, титул ипата в IX—XI вв. занимал одно из последних мест в византийской титулярной иерархии². Икономидис показал, что на XI столетие приходится своего рода возрождение этого титула, который оказывается выше ранга протосафария (стр. 296). В каких-то случаях можно отметить неполноту привлеченной исследователем информации. Так, на стр. 301 он говорит об «очень плохо известной» должности нипсиестария, ограничиваясь отсылкой к работам Бури и Гийана (см. прим. 1 и 2); ни в той, ни в другой работе, однако, не привлечено свидетельство жития патриарха Евфимия («Псамафийской хроники»), которое, кстати сказать, противоречит традиционному представлению о том, что нипсиестарий стоял по официальной шкале ниже кувикюлария³.

Но, разумеется, основная новизна книги Икономидиса обусловлена использованием Эскуриальского тактикона. Помимо некоторых частных сведений [о должности севастофора (стр. 308), августалия (стр. 309), мистографа (стр. 325) и некоторых других], тактикон содержит две категории важных фактов. Во-первых, он сообщает о возникновении к 70-м годам X в. ряда военно-административных должностей: стратилат (стр. 332), стратопедарх (стр. 334), дука, катепан (стр. 344) — стоявших выше стратига. Таким образом, уже в это время дала себя знать тенденция, отчетливо обнаружившаяся при Комнинах, к образованию крупных военных и военно-территориальных единиц (дукаты, катепанаты и т. п.). Во-вторых, тактикон отмечает множество мелких провинций, отсутствовавших в более ранних списках; среди них стратигия Другувития (стр. 357 и сл.), получившая свое имя от славянского племени другувитов-дреговичей; морская фема Евксинского Понта, задачей которой был контроль над Черным морем (против русских) (стр. 358), фема Боспора (Киммерийского) (стр. 363); особенно многочисленны мелкие фемы на восточной границе империи в том числе армянские: Феодосиополь, Тарон (стр. 355 и сл.), Арце (стр. 363), Мелти (стр. 362) и др.

Изданные Икономидисом памятники — наши основные источники для изучения византийской администрации IX—X вв. Их особенность в том, что они показывают византийское чиновничество не в его действии, а в парадной обстановке царских приемов. Картина оказывается односторонней уже по самому характеру документов.

Другая трудность проистекает из того, что тактиконы относятся к одному отрезку времени (середина IX—X вв.). Икономидис, правда, допускает, что существовали и протовизантийские списки (стр. 24), но это чистая гипотеза, во всяком случае, следов от них нет; нет и тактиконов XI—XIII вв., лишь к XIV в. относится трактат Псевдо-Кодина и некоторые краткие списки. Все это делает крайне сложным изучение эволюции принципов византийской чиновной иерархии. Впрочем, кое-какие моменты этой эволюции можно наметить. Икономидис подчеркивает, что протовизантийская иерархия зиждилась на принципе должности (стр. 286 и сл.); именно должность определяла общественное место вельможи. К XIV в. положение меняется коренным образом: определяющим фактором становится титул, сами должности фактически превращаются в титулы. Тактиконы IX—X вв. как бы констатируют переходный момент этой эволюции. Очень важно было бы выяснить ту роль, какую сыграла в развитии византийской иерархии комниновская система, выдвинувшая на передний план принцип родственной близости к императору.

А. Р.

¹ J. V. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London, 1911 (перепечатано в Нью-Йорке, без даты).

² Например: R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines, t. II. Berlin, Amsterdam, 1967, p. 49 sq. Г. Г. Литаврин, объясняя пассаж Кекавмена, упоминавшего ипата, очень осторожно высказал предположение, что в XI в. значение этого титула возросло («Советы и рассказы Кекавмена». М., 1972, стр. 578, прим. 1135). Теперь об этом можно говорить с уверенностью.

³ P. Karlin-Hayter. Vita Euthymii Patriarchae CP. Bruxelles, 1970, p. 51.6; см. «Две византийские хроники X века». М., 1959, стр. 101, прим. 11.

«Житие Ипатия», игумена монастыря Руфинианов (близ Халкидона), написанное его учеником Каллиником во второй половине V в., переносит нас в эпоху, когда христианство еще только закрепляло первоначальный успех. Герою жития приходится сталкиваться с язычниками (гл. 43.3), подчас занимавшими административные посты, подобно скринарию Эгерсию, которого Ипатий обратил в христианство (гл. 40.27—34). В Вифинии еще справлялись праздники в честь Артемиды (гл. 45.1—2), и префект города Леонтий пытался возобновить олимпийские игры в «театре» Халкидона (гл. 33.1). А в свою очередь христианская организация не достигла ни материальной, ни организационной устойчивости: по словам Каллиника, во всей Фригии в конце IV в. едва можно было найти одного или двух благочестивых людей, а там, где имелись церкви, клирики отличались расхлябанностью (гл. 1.4). Основанный Руфином монастырь быстро пришел в запустение и даже не был похож на монашескую обитель (гл. 8.6); в большое строение зимой набивался снег (гл. 8.13).

Значение «Жития Ипатия» как источника и состоит прежде всего в том, что оно позволяет представить характер раннего монашества в окрестностях Константинополя и монашескую идеологию. Конечно, при этом нужно учитывать два обстоятельства: во-первых, житие, как всякий агиографический памятник, идеализирует монашество; во-вторых, его данные касаются лишь одной группы монастырей и не могут быть распространены на всю территорию Римской империи V в.

Герой Каллиника сторонится города и ищет для основания новой обители гору или пещеру (гл. 8.3—4), несмотря на то, что гористые и лесистые районы кажутся ему населенными демонами (гл. 2.1). Впрочем, может быть не «несмотря», а «потому что», ибо отвоевание заблудших душ у демонов — важнейшая задача, поставленная агиографом перед Ипатием. В смутную эпоху варварских вторжений монастырь должен был быть укрепленным: монастырь Алмирис во Фракии Каллиник называет большим *κατὲλλον*, т. е. крепостью (гл. 3.10, ср. гл. 7.1). В Алмирисе жило 80 братьев, число монахов в Руфинианах достигло 50 человек (впрочем, насколько заслуживают доверия числа житийных памятников?). Каллинику монастырь представляется трудовой общиной: Ипатий и его сотоварищи жили своим трудом, обрабатывая шерсть, плетя корзины, возделывая сад (гл. 8.11, ср. 42.4—5). «Они имели хлеб от своих трудов». — подчеркивает Каллиник в другом месте (гл. 18.1, ср. 8.13). При этом любопытно, что монахи фракийского Алмириса обычно связаны с полеводством (гл. 3.10, 4.5, 7.4), тогда как в монастыре Руфинианов, близ Халкидона, садоводство сочеталось с ремесленной деятельностью.

Тенденция к расширению монастырской собственности по самой природе жанра не находит обычно отражения в житийной литературе — тем любопытнее замечание Каллиника о том, что имущество человека, умершего в монастыре, наследуется обителью (гл. 12.5: имеется в виду Cod. Theod. 5.3). Каллиник, впрочем, относится негативно к этому принципу: это обманщики ввели к заблуждению кувикулария Урвикия — на самом же деле после смерти Аэтия в монастыре Руфинианов Ипатий выдал его имущество (гл. 12.12). И в другом месте рассказывается, как Ипатий, получив наследство, тут же раздал деньги (другим) монастырям, а одежду — беднякам (гл. 34.2).

Монашеская идеология обрисована в житии традиционными чертами: благочестие, смирение, повиновение, практика умерщвления плоти, — все это восхваляется Каллиником. При этом, однако, надо обратить внимание на два момента: во-первых, в житии отсутствует то требование подчинения монашества церковным властям, которое было выдвинуто Афанасием Александрийским (Предисловие, стр. 28), а во-вторых, агиограф довольно скептически относится к чрезмерной аскезе (там же, стр. 21 и сл.). В этом отношении очень показательны эпизод посещения отцом Ипатия монастыря Алмирис: несмотря на некоторые колебания, Ипатий все-таки вышел к нему и беседовал с ним (гл. 7.1—3); как известно, автор более позднего «Жития Симеона Богослова» прославляет монаха, отказавшегося выйти к матери. Возникает вопрос, не связаны ли оба эти момента со специфической формой обители, которую имел в виду Каллиник?

Внешний по отношению к монастырю мир мало затронут агиографом. Он упоминает Феодосия II, Иоанна Златоуста, Нестория, некоторых видных чиновников, но эти упоминания не расширяют наших знаний о римском обществе первой половины V в. Встречаются кое-какие бытовые детали: какие-то люди бросали отбросы в источник, откуда монахи брали воду, отчего среди братьев начались болезни (гл. 19.1—2); больному быку натерли язык солью (гл. 22.21). Бросается в глаза довольно частое употребление слова *παῖδες* в значении «рабы». Некий *παῖδιον δουλάρτων*, живший в поместье, был исцелен Ипатием (гл. 38.3—5). У знатных людей Урвикия и Монаксия были *παῖδες* (гл. 12.5, 21.1). Своего раба Павла Монаксий бичевал и заковал в кандалы (гл. 21.3).

Каллиник дважды упоминает гуннов (гл. 3.11, 52.3) — свидетельства, не учтенные Д. Моравчиком в «Byzantinoturcica». Он упоминает также «стратиота» — армянина Иону (гл. 3.1), замечая попутно, что армяне весьма благочестивы (гл. 3.7), Каллиник, который, видимо, происходил из Сирии, был совершенно чужд византийского армянофобства.

Г. Бартелинк издал житие по трем рукописям, положив в основу издания сод. Vatic. 1667, X в. Он снабдил текст переводом, обширным комментарием (основное внимание уделено разъяснению лингвистических и грамматических особенностей) и вводной статьей, где останавливается помимо прочего, на мировоззрении, стиле и языке Каллиника.

А. К.

D. B. Evans. *Leontius of Byzantium. An Origenist Christology.*—«*Dumbarton Oaks Studies*», XIII. Washington, 1970, XIII+206 p.

Согласно традиционным представлениям, Леонтий Византийский — один из виднейших православных богословов VI столетия. «Как по своему внутреннему содержанию, — писал В. Соколов, — так и по внешнему изложению христологии Леонтия Визан[тийского] — безусловно православная христология»¹. Американский исследователь Д. Б. Ивэнс порывает с традиционной точкой зрения и утверждает, что в своей христологии Леонтий выступает как еретик, как последователь Оригена. Аргументация Ивэнса состоит из ряда пунктов.

Во-первых, следуя за М. Ришаром, Ивэнс отделяет Леонтия Византийского от Леонтия Иерусалимского, автора ортодоксальных сочинений против несториан и монофиситов (стр. 1, прим. 1), которые, следовательно, должны быть исключены из *Cognus Leontianum*.

Во-вторых, Ивэнс настаивает на тождестве Леонтия Византийского с одноименным монахом, которого Кирилл Скифопольский прямо называл оригенистом (стр. 172—176). Леонтий, как можно судить по скудным данным о его жизни, был халкидонитом, но в рамках халкидонитства занимал особую позицию — Ивэнс характеризует его как оригениста-халкидонита (стр. 183).

В-третьих — и эта часть доказательств занимает основное место в работе Ивэнса, — автор выясняет оригенистские черты христологического учения Леонтия, основываясь преимущественно на «Трех книгах против несториан и еutihан». Эти черты заключаются в следующем: 1) природа (*οὐσία*) и ипостась в концепции Леонтия выступают как определенные характеристики отношений между сущим (*τὰ ὄντα*): явления могут быть сходными по природе и различными по ипостаси, и наоборот (стр. 30 и сл.); 2) Иисус Христос, согласно Леонтию, является не воплощенным словом, но невещественным разумом, предвечно соединенным с богом и обретшим плоть по милости божьей; это учение Леонтия близко к взглядам оригениста второй половины IV в. Евагрия Понтийского (стр. 124—131)².

Констатируя оригенизм христологии Леонтия, Ивэнс ставит задачу пересмотра роли учения Оригена в формировании ранневизантийской теологии: помимо Евагрия и Леонтия, он ссылается на такого столпа православия, как Максим Исповедник (стр. 145).

А. К.

Новый жанр византиноведческих публикаций

В последние годы все более распространенными становятся сборники статей ведущих византиноведов — как покойных, так и живых. Внешняя причина издания таких сборников состоит в том, что работы современных ученых подчас выходят в трудно доступных изданиях, получить которые непросто. Однако сборники такого рода имеют и другой, более глубокий, внутренний резон: с начала этого столетия все чаще встречается особый тип византиниста (как правило, это филологи и источниковеды), творчество которого состоит из серии частных исследований, не сводимых в большие работы. Но и ученые иного рода, авторы больших монографий и справочников, создают параллельно своим главным трудам произведения «малых форм» — статьи и рецензии, важные по их результатам.

Для жанра малых форм особенно показателен двухтомник статей С. Дж. Меркати (*S. G. Mercati. Collectanea byzantina. vol. I—II. Bari, 1970*), подготовленный А. А. Лонго и снабженный предисловием Дж. Скиро. Первый том занимают статьи по филологии, второй — по палеографии и кодикологии, папирологии, эпиграфике, по истории итало-греческих литературных связей, по археологии и истории искусства, по новогреческой литературе и несколько работ, объединенных титулом «Разное». Тематика статей и периоды, интересовавшие Меркати, чрезвычайно разнообразны: наряду с такими корифеями византийской литературы, как Пселл, Продром или Никифор Григора, в работах Меркати проходят малоизвестные авторы (Стефан Мелит, Василий Кекавмен, Михаил Аллухир, Никифор Уран); наряду с житиями и гомилиями — эпиграммы и сонники. По большей части это публикации, текстологические заметки, поправки (сборник включает ряд рецензий Меркати), истолкования терминов

¹ В. Соколов. Леонтий Византийский. Его жизнь и литературные труды. Сергиев Посад, 1916, стр. 332.

² О взглядах Евагрия см. теперь: А. Guillaumont. Un philosophe au désert: Euaigre le Pontique — «*Revue de l'histoire des religions*», 181, 1972.

и т. п. Расположить этот огромный и гетерогенный материал в строгой системе было, разумеется, невозможно (может быть, следовало бы попытаться сгруппировать статьи внутри разделов, руководствуясь хронологическим принципом? Впрочем, условность многих датировок делает этот принцип недостаточно надежным), тем большее значение приобретает в этих условиях указатели. Издатели снабдили сборник огромным указателем имен (т. II, стр. 803—838) и указателями рукописей и папирусов; из указателей следует, между прочим, что Меркати знал ряд московских и — меньше — ленинградских манускриптов. Предметного индекса в книге, к сожалению, нет.

В сборнике помещена библиография работ Меркати за 1908—1962 гг. (т. II, стр. 781—799). Она включает 165 названий (не считая статей в «Итальянской энциклопедии»), в том числе его большую публикацию сочинений Ефрема Сирина (№ 4), не вошедшую в сборник. Однако в самом сборнике я насчитал 182 номера — больше, чем в библиографии.

По своему замыслу к изданию трудов Меркати близки два сборника, выпущенные болгарским издательством «Наука и искусство» в серии «Българско историческо наследство»: В. Златарски. Избрани произведения (т. I, София, 1972), под редакцией П. Петрова, и П. Мутафчиев. Избрани произведения (т. I, София, 1973), под редакцией Д. Ангелова. Однако оба они получались тематически более однородными. Первый том произведений Златарского объединен одной темой — историей болгаро-византийских отношений, и издатели размещают материал в хронологической последовательности тематики. При этом в конце статьи даются очень краткие дополнительные замечания с указанием на новую литературу, преимущественно болгарскую. В основе первого тома произведений Мутафчиева лежат две его книги, посвященные аграрным отношениям: «Сельское землевладение в Византии (по «Земледельческому закону»)» и «Воинское землевладение и войны в Византии XIII—XIV вв.». Остальные работы довольно разнородны.

Изданные в одном издательстве, сборники Мутафчиева и Златарского тем не менее оформлены по-разному: если сочинениям Златарского придана тематико-хронологическая последовательность, труды Мутафчиева размещаются в зависимости от времени их написания; дополнительные замечания вынесены здесь в конец тома (стр. 679—682), а библиографические указания (где и когда издана та или иная работа) вовсе отсутствуют. Хотелось бы пожелать, чтобы в последних томах «избранных произведений» были помещены, как в сборнике Меркати, указатели и библиографические списки.

Ряд сборников имеет тематический характер. Таковы в первую очередь многие книги, выпускаемые издательством «Вариорум репринтс». Они выглядят несколько неряшливо: репринт предполагает, естественно, воспроизведение шрифта оригинала, в результате чего все статьи смотрятся по-разному; к тому же отсутствие единой пагинации осложняет не только использование этих книг, но и ссылки на них. Зато в отличие от рассмотренных выше сборников издания «Вариорум репринтс» уже в оглавлении имеют пометку о месте и времени издания, что облегчает ориентацию в томе.

Книги этой серии отличаются одна от другой, что определяется исследовательскими особенностями авторов. Сборник статей Ж. Даррузеса (*J. Darrouzès. Littérature et histoire des textes byzantins. London, 1972*) по организации материала весьма близок к трудам Меркати, и это неудивительно, ибо работа Даррузеса во многом протекает в русле интересов Меркати: изучение рукописей и издание текстов занимает центральное место в творчестве французского ученого, опубликовавшего в последние годы сочинения Симеона Богослова, Никиты Стифата, Георгия и Дмитрия Торников, сборники писем X в. и многое другое. Заметки, из которых в основном состоит рецензируемый сборник, — главным образом характеристики рукописей и обзоры новой литературы, посвященной византийским памятникам. Несколько особое место занимает статья о Григории Антиохе — опыт характеристики византийского писателя (кстати, в сборник почему-то не включена другая статья Даррузеса об Антиохе)¹. Статьи расположены в порядке их выхода в свет, без какой-либо попытки объединить в группы.

Работы Х. Г. Бека (*H. G. Beck. Ideen und Realitäten in Byzanz. London, 1972*) носят иной характер: автор стремится пройти от источника к пониманию природы византийского общества и общественной мысли. И в соответствии с особенностями творчества Бека структура сборника оказывается иной, чем в сочинениях Меркати и Даррузеса: статьи объединены по группам — историография, богословие, Византия и Запад, социальная история, история литературы (отмечу, что тематическая структура сборника отличается от структуры, принятой в «*Byzantinische Zeitschrift*»), внутри групп они также располагаются в логическом порядке.

К сожалению, ни в том, ни в другом сборнике нет библиографического списка; отсутствуют и дополнения к публикуемым работам, зато в сборнике Даррузеса помещены две страницы исправления опечаток, допущенных в первых изданиях.

Добротно сделанный сборник статей Р. Ж. Ленертца (*R. J. Loenertz. Byzantina et Franco-Graeca. Roma, 1970*), подготовленный П. Шрайнером, посвящен преимущественно поздневизантийскому периоду, причем главным образом политическим и культурным взаимоотношениям Византии с западным миром. Он состоит из трех разделов: в первом трактуются некоторые византийские писатели (Иоанн Кантакузин,

¹ *J. Darrouzès. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173. — BS, 23—24, 1962—1963.*

Георгий Сфрандзи и ряд других), во втором — агиографические памятники (прежде всего легенда о Дионисии Ареопажите и его культ во Франции) и в третьем — отдельные вопросы политической, культурной и административной истории Византии в XIV в. Книга содержит список трудов Лепертца и указатели — именной и предметный.

Сборник статей Г. А. Острогорского (G. Ostrogorsky. Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973) построен по образцу изданий серии «Вариорум репринтс» — статьи также воспроизводятся репринтным способом с той только разницей, что в книге осуществлена единая пагинация. Лишь одна статья — «Возвышение рода Ангелов» — печатается заново — в немецком переводе, а не в русском оригинале.

Работы Острогорского затрагивают широкий круг вопросов, главным образом, по социально-экономической и административной истории Византии и служат важным обоснованием его концепции, положенной в основу «Истории Византийского государства».

К сожалению, в сборнике отсутствуют как индекс, так и список трудов автора.

Так как, по всей видимости, жанр сборника малых форм будет все более развиваться, не следует ли подумать об известной его унификации? Сравнение нескольких сборников позволяет видеть, что далеко не повсюду мы можем встретить необходимые элементы, к которым относятся: 1) четкое (в оглавлении) указание места и времени первой публикации, 2) единая пагинация (может быть, при сохранении (в скобках?) первоначальной пагинации), 3) именной и предметный указатели, а в некоторых случаях — указатель рукописей, 4) список трудов автора. Более сложен вопрос о дополнительных замечаниях: мне кажется, что указание на новую литературу и на дискуссионность тех или иных положений воспроизводимой работы (как это сделано в болгарских изданиях) тоже принесло бы пользу читателю; такие дополнения ни в коей мере не могут считаться обидными для автора статей сборника.

А. К.

St. Runciman. The Last Byzantine Renaissance. Cambridge. University Press, 1970, IX+112 p.

Маленькая книжка С. Рэнсимена — четыре лекции, прочитанные в Белфасте в 1968 г. По своему характеру книга — скорее популяризация достигнутого наукой в изучении византийского «возрождения» XIII—XV вв., нежели изложение собственных исследовательских результатов. Автор, пожалуй, охотнее ссылается на общие труды типа «Истории византийской литературы» К. Крумбаха (в сокращенных сносках очень не по-немецки именуемой «Byzantinischen Litteratur» — стр. 17, 72, 75 и др.) или «Введение в историю науки» Дж. Сартона, чем на источники. И вместе с тем прочитанные одним из самых больших специалистов по истории и культуре Византии лекции показательны как итог того, что сегодня сделано в этой области, и, я бы даже сказал, того, как печально мало в ней сделано.

Первая лекция — вводная, она посвящена упадку империи и возрождению эллинизма, и автор очень остро начинает ее с бросающейся в глаза противоположности между политическим упадком Византии в XIV—XV вв. и интенсивной интеллектуальной жизнью эпохи политического декаданса. Социальная сторона исторического процесса игнорируется; более того, Рэнсимен неодобрительно отзываясь о стремлении Г. А. Острогорского выяснить социальные корни политической борьбы XIV в. (стр. 11, прим. 1) и полемизирует с «чрезмерным упрощением» тех (не названных) ученых, которые видят в гражданской войне Иоанна Кантакузина и Анны Савойской столкновение «земельных магнатов и городского пролетариата» (стр. 12); думаю, что в последнем случае английский византист ополчается на им же созданного противника: во всяком случае, в последних серьезных работах о гражданской войне второй четверти XIV в. (я имею в виду книги Г. Вайса и К. П. Мачке: см. рецензии в ВВ, 34, 1973, стр. 293—296; 35, 1973, стр. 270—272) нет ничего похожего на формулу Рэнсимена.

Решение противоречия Рэнсимен ищет в возрождении слова «эллин», чему положил начало Николай Кавасила в Солуни (стр. 20). Я цитирую: «Революционное возрождение слова «эллин» дает ключ к природе последнего византийского ренессанса. Он был греческим, эллинским» (стр. 22). Итак, по Рэнсимену, не социальные сдвиги, а осознание своего эллинского прошлого явилось основой культурного подъема XIV—XV вв. При этом Рэнсимен включает в эллинский ренессанс и Никейскую империю: Никифор Влеммид (стр. 55 сл.), Феодор II Ласкарь (стр. 57) находят себе место в пантеоне последнего византийского ренессанса. Однако хорошо известно, что авторы XIII в. употребляли этникон «эллин» в традиционном значении «язычник» и поддерживали идею «ромейского» континуитета, что, по мысли И. Ирмшера, дало Никейской империи силу в борьбе с феодальной децентрализацией осуществить реставрацию Византии¹. Если следовать принципу Рэнсимена, XIII столетие, во всяком случае, должно остаться за рамками последнего ренессанса. Впрочем, только ли XIII сто-

¹ J. Irmscher. Nikäa als Mittelpunkt des griechischen Patriotismus.—«Byz. Forsch.», 4, 1972, S. 125, 136 f.

летие? Изучение римского права в Солуни XIV в. (это явление не затронуто Рэнсименом) или создание Григорой «Ромейской истории» (середина XIV в.), в которой Византия трактуется как ἡγεμονία (или ἐπικρατεία) ромеев и где Сципион, Брут, Август, Адриан выступают такими же образцами поведения, как и герои древней Греции, — эти (и многие иные) факты не объяснимы с помощью «эллинского ключа».

Во второй лекции Рэнсимен стремится показать, что Византия не знала «партий» (кроме религиозных) и что греки были слишком большими индивидуалистами, чтобы осуществлять «партийную политику». В соответствии с этим гражданская война второй четверти XIV в. расценивается как борьба «молодого поколения» против старого и некомпетентного императора (стр. 27), а восстание вилотов — как «местное националистическое движение» (стр. 28). В связи с этим Рэнсимен указывает на то, что в XIII—XIV вв. три главных противоречия, волновавших образованное общество (соотношение античной науки и христианства, отношение к западной церкви и отношение к мистицизму), не приводили к непреодолимой враждебности. «В этих контроверзах отдельных греческий ученый искренне следовал индивидуальным путем. Он мог принадлежать к группировке (faction), но никогда — к партии» (стр. 48; ср. стр. 84).

Интересное наблюдение, что индивидуализм составлял существенную черту социальной психологии византийцев, думается мне, абсолютизировано Рэнсименом. Конечно, социальные связи в Византии были более «рыхлыми», чем на Западе, но они существовали: и в форме ремесленных коллегий и сельских общин, и в форме этерий знати или кружков интеллектуалов. В полемике Паламы и Григоры отчетливо выступают «школы», и многие ученики и приверженцы опальных идеологов не боялись разделить их судьбу. Поэтому и разница в развитии византийской и западной гетеродоксии была не столь принципиальной, как думает Рэнсимен (стр. 32 и сл.): если бы он не ограничился Иоанном Италом, но рассмотрел бы также «дела» Евстратия Никейского и Сотриха, это обстоятельство поступило бы яснее.

Третью лекцию — об ученых XIII—XV вв. — Рэнсимен начинает с остроумного наблюдения над тем, что византийские деятели возрождения при всей их полиматии никогда не были художниками или скульпторами, и объясняет это тем, что византийское общество видело в художниках простых ремесленников (стр. 49—52). Может быть, впрочем, в XIII в. положение начинает меняться: так, Пахимер специально упоминает монаха Руху, человека ловкого в строительном деле, которого Михаил послал в Константинополь отстраивать на царские деньги поврежденную церковь (I, p. 172 sq.). Этот Руха, в глазах Пахимера, во всяком случае, — не простой ремесленник.

Основную часть лекции составляет список (с подробными биографическими данными) виднейших ученых — от Никифора Влеммида до Марка Евгеника. Однако поскольку в 1-й гл. Рэнсимен отверг социальный критерий, а во 2-й гл. — принцип партийной принадлежности, составленный им список лишен системы, а сообщаемые им сведения подчас случайны. Скажем, почему для характеристики Симеона Солунского как деятеля ренессанса так важно, что его любили не только греки, но также итальянцы и евреи (стр. 74)?

А ведь такой список мог бы стать объектом плодотворных социологических изысканий! Первый опыт подобных изысканий представлен докладом И. И. Шевченко на XIV Византиноведческом конгрессе, где, в частности, подсчитано, что 45% деятелей культуры XIV в. были светскими людьми², тогда как, по Рэнсимену (стр. 60), почти все они были вовлечены в церковную организацию.

Другая беда списка Рэнсимена, опять-таки вытекающая из теоретических предпосылок, заключается в унификации византийских ученых. К примеру, сказанное там о Пахимере (стр. 59) и Григоре (стр. 69—70), не дает оснований отличить их друг от друга, тогда как на самом деле оба историка-современника противостоят друг другу и по художественной манере, и по философии истории. Наоборот, в другой лекции (стр. 95) Рэнсимен выделяет как «интересные» взгляды Григоры на историю как на ступеньку человечества — то, что Р. Гийан (на которого Рэнсимен ссылается в этой связи) назвал «банальными общими местами».

В этой лекции Рэнсимен постоянно говорит об университете, о патриаршей академии (стр. 55 и др.). Но можно ли быть уверенным, что эти учреждения существовали в XIV—XV вв.? Скорее центрами обучения были в ту пору частные и монастырские школы, иногда получавшие государственные дотации. Во всяком случае, ничего подобного западным университетам поздняя Византия не знала.

Последняя лекция задумана очень интересно. Автор ставит вопрос о реальном результате «последнего ренессанса» и приходит к довольно пессимистическому выводу: поздневизантийские ученые не оставили наследства (стр. 97). Впрочем, в какой мере справедливо оценивать ту или иную культуру прошлого с позиций ее наследников? Сколь незначительными оказались бы в таком случае египетская или хеттская цивилизации. Вопрос, мне кажется, должен быть поставлен иначе: какие новые черты выступают в культуре этой эпохи? И тут надо спросить себя, что понимать под культурой.

В самом деле, Рэнсимен говорит преимущественно о естественных науках, об области, в которую византийцы внесли немного (за исключением, пожалуй, медицины и

² I. Ševčenko. Society and Intellectual Life in the XIVth Century. — «XIVe Congrès Internationale d'études Byzantines». Rapports, I. Bucarest, 1971, p. 11.

фармакопии). Иное дело — гуманитарные науки. Здесь Триклиний несомненно подготовил деятельность гуманистов — издателей XV в. Об истории Рэнсимен не говорит ничего, хотя именно в сфере философии истории в XV в. происходили серьезные перемены. Ничего не сказано и о художественной литературе, в том числе и о таком явлении, как развитие литературы на народном языке, о романе-сказке и пр.

Но ренессанс коснулся не только творчества — он затронул и идеал поведения. Пахимер повествует об Иосифе Галисийце, константинопольском патриархе (I, p. 304): странно (τὸ δὲ ξέρον), что этот человек, соблюдая монашеский образ жизни (бодрствование, посты и т. п.), живя в простоте и правдолюбии, вместе с тем не пренебрегал и «человеческой добродетелью» (τῆς κατ' ἀνθρώπων ἀρετῆς); т. е. humanitas, а именно любил встречаться с людьми, беседовать, смеяться, устраивать обильные застолья. Пахимеру это странно, как странно ему и поведение адрианопольского митрополита Варлаама-Василия, желавшего стать полководцем (I, p. 302), — а ведь все это тенденции к созданию нового поведенческого образца.

Книга Рэнсимена хорошо написана, в ней много острых, подчас парадоксальных формулировок. Ее читаешь с удовольствием. К сожалению, в ней время от времени попадаются обмолвки (стр. 167, прим. 2: Лексикон Свиды, стр. 17 и др.: Михаил Акиминат; стр. 52 и др.: Григорий Хоннад, вм. Хоннад, стр. 81: Марк Евгений родился «около 1292 г.»). Она, во всяком случае, показывает, насколько настоятельно нужно новое исследование о так называемом последнем византийском ренессансе.

А. К.

J. Laurent. Etudes d'histoire arménienne. Louvain, 1971 p. 175 (Bibliothèque arménienne de la Fondation Galouste Gulbenkian)

Жозеф Лоран известен в первую очередь как автор монографий «Византия и тюрки-сельджуки» и «Армения между Византией и исламом»¹. В биографической заметке Г. Берберян (он же составитель сборника и библиографии работ Лорана) пишет: Ж. Лоран родился 2 ноября 1870 г. в Бар-ле-Дюке (Мёз), учился в местном лицее, затем в лицее «Генрих IV» в Париже. В 1895 г. Лоран стал членом Ecole Française в Афинах, с 1899 по 1938 гг. преподавал в Нанси. Ему довелось объездить Грецию, Болгарию, европейскую и частично азиатскую Турцию. Лоран умер в Аркалоне 1 июня 1955 г.

Рецензируемый сборник содержит статьи Лорана, опубликованные в периодической прессе в 1920—1932 гг. Сборник открывается статьей «Средневековые истоки армянского вопроса». Это очерк политических отношений между армянами, с одной стороны, арабами, Византией, сельджуками, крестоносцами — с другой. Лоран характеризует условия, когда Армения становилась жертвой действий иноземных завоевателей. Эти обстоятельства вынуждали армян покидать родину и искать пристанища на чужбине.

Статья «Армянский феодал IX в.: Гургэн Арцруни, сын Абу-Белджа» содержит живую характеристику лица, обозначенного в заглавии. Сведения о нем содержатся в известной «Истории Арцрунидов» Фомы Арцруни. На протяжении всей своей жизни Гургэну Арцруни приходилось менять ориентацию; он служил арабам и Византии и восставал против них, искал союза с армянскими князьями, добывался высших должностей и вслед за этим становился жертвой преследований. Гургэн Арцруни жил в эпоху, когда в Армении начали создаваться предпосылки для восстановления собственной государственности. Его биография отразила характерные черты этой сложной, насыщенной политической борьбой эпохи. Лоран дает нечто вроде литературного портрета своего героя, жизнь которого прошла в приключениях и опасностях.

В статье «Армяне Киликии: Асплет, Ошин, Урсин» Лоран анализирует источники, относящиеся к носителям этих имен, и приходит к выводу, что они — разные лица. Встречающиеся в литературе утверждение, что все три имени принадлежат одному и тому же лицу, не соответствует действительности.

В статье «От греков до крестоносцев» дана подробная история Эдессы с 1071 по 1098 г., когда город был занят крестоносцами. За это время в Эдессе сменилось множество правителей, но только с утверждением франков город утратил свою автономию. В специальном разделе (стр. 121—128) Лоран сводит воедино данные, характеризующие внутреннюю организацию Эдессы в последней четверти XI в. Статья написана на основе многочисленных источников как восточного, так и западного происхождения и продолжает служить хорошим справочником для изучения политической истории Эдессы в названный период.

В статье «Крестоносцы и Армения» обрисована роль Киликийской Армении в продвижении крестоносцев на восток. С одной стороны, утверждает Лоран, можно наблюдать ненависть армян к крестоносцам и взаимное полное непонимание, с другой стороны, армяне и крестоносцы способны уживаться друг с другом и сотрудничать

¹ J. Laurent. Byzance et les Turcs Seldjucides en Asie occidentale jusqu'en 1081. Nancy, 1914; *idem*. Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886. Paris. 1919. М. Канар подготавливает новое издание этой книги.

(стр. 146). В этой статье опровергается встречающееся в литературе мнение о гармоничности интересов киликийских армян и крестоносцев.

Биографию известного Филарета Варажнуни содержит статья «Византия и Антиохия при куропалате Филарете». К ней примыкает статья «Дука Антиохии Хачатур», где обрисована деятельность последнего в 1068—1071 гг. Обе статьи написаны на основании нарративных источников.

Сборник завершается статьей о данишмендидских эмирах до 1104 г. Данишмендиды утвердились в Севастии в последней трети XI в. С начала XII в. государство Данишмендидов быстро идет к упадку. Оно не выдерживает натиска султанов Икония и Багдада, Византии, армян и латинских государств Сирии (стр. 173).

В сборник включена библиография работ Лорана, из которой по недоразумению выпало название: *Byzance et les Turcs seldjoucides en Asie Mineure. Leurs traités antérieurs à Alexis Comnène.* — „Βυζαντις“, II, 1911—1913, p. 101—126.

Статьи Лорана, в особенности те, которые снабжены научным аппаратом, продолжают сохранять свое научное значение, хотя то обстоятельство, что автор не имел возможности использовать новые данные (печати), ныне становится существенным недостатком. Тем не менее эти статьи важны, в частности, для изучения политической жизни армян, переселившихся в XI в. за пределы своей исторической родины.

К. Ю.

The Teaching of Saint Gregory. An Early Armenian Catechism. Translation and Commentary by Robert W. Thomson. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1970, 207 p.

Армянская действительность V в. н. э. отмечена двумя моментами первостепенной важности. Разделенная между Византией и Ираном (387), утратившая самостоятельную государственность, Армения, тем не менее, решительно сопротивлялась попыткам внести изменения в специфические социально-экономические устои страны. Восстания 450—451 и 481—484 гг. нанесли сильный удар престижу сасанидского двора, который на долгое время вынужден был отказаться от идеи ассимиляции армян путем обращения их в зороастризм. Другой характерной чертой V в. является небывалый взрыв интеллектуальной энергии, который реализовался в создании собственной письменности и многообразной литературы. Независимо от того, как это воспринималось современниками, оба момента тесно связаны друг с другом.

В V в. появляются важнейшие памятники армянской литературы. Это перевод Библии, который выявил богатейшие лексические и стилистические возможности армянского языка. Это сочинение Фавста Бузанда, эпический сказ о делах минувших, где отсутствие «научности» полностью компенсируется точностью в изображении повседневной жизни общества, реалий, характеров. Это панегирическая биография Маштоца, в канонические рамки которой ее автор Корюн включил важнейшие события жизни своего учителя. Это «Слово о войне армянской» Египше — взволнованный рассказ современника и очевидца о восстании 450—451 гг. и наставление о твердости духа¹. Это трехчастная история Лазара Парбеци, который глубже чем кто-либо из его литературных современников выразил идею общности исторических судеб Армении, Грузии, Албании. Это «История Армении» Мовсеса Хоренаци — высшее достижение армянской средневековой историографии, исторического мышления².

Перечисленные памятники составляют лишь небольшую часть литературы V в. — явления сложного и весьма многообразного, но они в наиболее яркой форме отразили общественные идеи своей эпохи. К числу таких памятников следует отнести и труд Агафангела. Это наиболее популярное произведение армянской литературы, оно было известно в ряде переводов и переложений — греческих, арабских, грузинских, латинском, славянском, эфиопском, коптском и др. В то же время это наиболее сложный по своему происхождению труд. Он посвящен жизни и проповеднической деятельности Григория Просветителя, при котором христианство стало государственной религией Армении³. Полагают, что сначала это сочинение называлось *αγαθός*

¹ Не могу не выразить своего огорчения, что вопреки воле издателя русский перевод этого труда вышел под неверным названием, тогда как в начальных строках сочинения его подлинное название — *Слово о войне армянской* — выявляется достаточно определенно; см. *Египше*. О Вардане и армянской войне. Подготовка к печати и предисловие Е. Тер-Минасяна. Ереван, 1957, стр. 3.1—2 (на арм. яз.); ср. *Египше*. О Вардане и войне армянской. Пер. И. А. Орбели, подготовка к изданию, предисл. и примеч. К. Н. Юзбашьяна. Ереван, 1971.

² Надо признать, однако, что датировка этого памятника V в. носит по большей части декларативный характер и не снимает всех сомнений по поводу более позднего происхождения памятника. Разумеется, оценка труда Мовсеса Хоренаци не зависит от времени жизни автора.

³ Около 314 г.; см. *P. Ananian. La date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore.* — *LeM*, LXXIV, 3—4, p. 335—344.

ἀγγελος — «добрый посланец», но впоследствии появилось апокрифическое предисловие, где весь труд был объявлен сочинением выходца из Рима, секретаря армянского царя Трдата III (ок. 287—330) Агафангела.

Сочинение Агафангела, помимо предисловия, состоит из трех частей: происхождения и мученичества Григория, также мученичеств Гайяны и Рипсимии, «Поучения» Григория и истории распространения христианства в Армении. Критический текст памятника был издан в 1909 г. на основе многочисленных рукописей, это издание продолжает служить хорошей основой для исследований⁴.

Книга Р. В. Томсона, американского исследователя, сириолога и армениста, специалиста по патристике⁵, посвящена второй части сочинения — «Поучению» Григория Просветителя. Работа состоит из введения (стр. 1—28), перевода памятника на английский язык с примечаниями (стр. 41—82), списка армянских, греческих и сирийских источников и специальной литературы (стр. 191—197), общего указателя — именного и предметного (стр. 199—205) — и указателя основных тем «Поучения» (стр. 206—207). На европейский язык «Поучение» Григория переводится впервые.

Основное содержание памятника составляют тесно переплетенные наставление о догме, экзегеза Ветхого и Нового завета и призыв к покаянию. В предисловии и комментарии «Поучение» исследуется в первую очередь в теологическом аспекте, выясняются источники идей этого памятника, его лексика и др. Доверяя здесь полностью компетентности издателя⁶, я хотел бы остановиться на тех его выводах, которые касаются иных сторон культурно-исторического значения этого памятника. Представляя собой самостоятельное целое, «Поучение» в то время является органической частью сочинения в редакции уже 60-х годов V в. Загадочным образом все три греческие версии опускают «Поучение». В то же время версия, изданная П. де Лагардом, сохраняет проповедь Григория Просветителя, в которой он излагает основные положения «Поучения» (§§ 252—258), а также и замечания Григория, относящиеся к этому разделу (§ 716)⁷. Охридская версия Агафангела⁸, в общем сходная с эскуриальской⁹, содержит три главы из «Поучения» (§ 652—659), две из которых перешли в арабскую версию.

«Поучение» принадлежит V в., как и «История» Агафангела. «История» преследовала цель возвести на патриарший престол в Валааршпате (до этого центр религиозной жизни был на западе, в Аптишате). Сознательно подражая Корюну, автор «Истории» стремился представить Григория Просветителя как непосредственного предшественника Маштоца. Точно так же и «Поучение», которое составлено в стиле Маштоца, призвано было, полагает Томсон, придать особый авторитет сочинениям и вообще миссионерской деятельности последнего. Выказанное Н. Акипяном мнение, что автором «Поучения» был сам Маштоц, Томсон отвергает за недоказанностью. Автор «Поучения» принадлежит к той группе переводчиков, которая отправилась за рубеж изучать греческую и сирийскую науку. Плоды их литературной деятельности отмечены неким единством стиля, что явилось результатом непосредственного воздействия на них наставников — Маштоца и католика Саака. Автор «Поучения» безусловно владел греческим, почти наверняка сирийским (стр. 35). Он хорошо знает патристику, широко использует Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста, Василия Кесарийского (хотя и не называет свои источники). Многочисленные указания на источники и параллели придают переводу, выполненному Томсоном, особую ценность.

Работа Р. В. Томсона, в которой армянский литературный памятник изучается в его действительных связях с восточнохристианской литературой вообще, представляет безусловный интерес и по своей строгой методике, и по общим выводам.

К. Ю.

Х. П. Συμεωνίδης. Οἱ Τζάκωνες καὶ ἡ Τζακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972, 188 σελ.

Проблема этнической динамики населения Пелопоннеса усиленно изучалась уже с начала XIX в., особенно — когда противостояли друг другу теории Фальмерайера и Гопфа о роли славянства в происхождении современного греческого народа и новогреческого языка. Уже тогда было обращено внимание на наименования Τζάκωνες и Τζακωνία в греческих источниках.

⁴ Об Агафангеле см. А. С. Анасян. Армянская библиология V—XVIII вв., 1. Ереван, 1959, стб. 151—213 (на арм. яз.); А. Н. Тер-Гевондян. Новая арабская редакция Агафангела (Арабский текст и исследование). Ереван, 1968 (на арм. яз., с включением арабск. текста, с русск. и франц. резюме).

⁵ См. *Athanasius. Contra Gentes and De Incarnatione*. Edited and translated by Robert W. Thomson. Oxford, 1971.

⁶ Ср. рецензию: В. Outtier. in RE Arm, VIII, 1971, p. 462—465.

⁷ P. de Lagarde. Agathangelus.—«Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», 35, 1880, S. 1—88. Здесь и далее — разбивка на параграфы, принятая в критическом издании 1909 г.

⁸ G. Garitte. La vie grecque inédite de Saint Grégoire d'Arménie (ms. 4 d'Ochride).— «Anal. Boll.», 83, 1965, p. 233—290.

⁹ G. Garitte. Documents pour l'étude du livre d'Agathange. Vatican, 1946.

Кто такие были «цаконы», «цаконцы» или «чаконцы»? Литература о них, начиная с Дюканжа, колоссальна, причем особенно тщательно этот вопрос разбирается в последние десятилетия нашего времени. Недавно фессалоникийский византист Х. П. Симеонидис выпустил монографию, специально посвященную вопросу о цаконах и Цаконии. Он ставил своей целью рассмотреть все существующие теории и обосновать собственную, используя детальные аргументы филологического характера и пытаясь при этом доказать греческое происхождение слова Τσάκωνες. Это слово появилось в греческой письменности только в X в. у Константина Багрянородного, уже после славянского вторжения в Пеллопоннес. Казалось, естественно понимать цаконовцев как наименование славянского племени, поселившегося в Пеллопоннесе. С этим были согласны и Фальмерайер, подборник славянского характера византийского населения, и его противник Гопф. Однако поздневизантийские источники Пахимер, Григора, Мазарис утверждают, что цаконы — это испорченное слово лаконцы, т. е. потомки лакедемонян. Все усилия Симеонидиса направлены к тому, чтобы объяснить происхождение в греческой среде слова «цаконы». Теорию о том, что цаконы происходили от кавконовцев, пеласгического племени Пеллопоннеса, известного по Гомеру и Страбону, Симеонидис считает натяжкой. Такой же натяжкой он считает положение Касселя о том, что цаконы — это извращенное наименование германцев — саксоновцев, группы которых во время переселения народов обосновались в Пеллопоннесе. Натяжкой считает он и происхождение слова «цаконы» от славянского «закон». Автором приводится и положение о возможности существования славянского племени «чаконцы»: ведь сербского посланника в 1948 г. звали Цаконович!

Однако в дальнейшем автор не возвращается к славянскому происхождению цаконовцев. В книге упомянуты гипотезы о происхождении слова «Цакония» от Саκος (город в Лаконии) и от слов военного характера σάκος — «оружие, щит» (откуда в дальнейшем будто бы и произошло название Саконы и цаконы), ζάκα — «запада в горном ущелье» или τζάκος — «панцирная рубашка». Убедительным кажется объяснение, данное в словаре Скарлата (1954), что слово «лаконцы» прямо перешло в «цаконы», подобно тому, как древнегреческое «разбрасываю» — λαιίζω передается в димотике — τζαιίζω. Казалось бы, это полное подтверждение источника. Но Симеонидис отвергает такое объяснение, считая (по Адриотису), что на языке лаконцев превращение λ в τζ невозможно. Приводится также положение Деффнера о том, что не сами лаконцы, а пришедшие славяне стали называть лаконцев цаконами, что и перешло в греческий язык. Поскольку цаконы служили в обозе, делалась попытка связать Τσάκωνες с Διάκωνες.

Но и эти объяснения не принимаются Симеонидисом. Он переходит к новой исходной позиции: в Монемавасийской хронике упоминается, что цаконы жили в труднодоступных местах, ἐν τραχίνοις τόποις. Автор приводит гипотезу о происхождении слова «тцаконы» от ἐξω Λάκωνες, т. е. «вне-лаконцы», которые, живя в горных местностях, оказывались долгое время вне христианизации, отсюда — Ἐωλάκωνες — Τσάκωνες. Однако трудно все-таки объяснить, как исчезла в слове «лаконец» буква λ.

Автор не придает значения данным источникам, в которых упоминаются вместе славяне милингы и цаконы («Морейская хроника», II, 168, 183). Факт наличия в Пеллопоннесе славянских племен в XIII—XIV вв. в анализе не приводится. Конечно, раз Мазарис, Пахимер и Григора считают цаконовцев греками, мы не можем это оспаривать; тем не менее цаконы могли быть первоначально славянским племенем, впоследствии эллинизированным. Симеонидис стремится доказать греческое происхождение слова «цаконы», исходя из законов развития греческого языка.

Во второй части своей монографии Симеонидис разрабатывает аргументацию теории о происхождении слов Τσάκωνες — Τσάκωνια от τραχύς — Τραχώνια, «малодоступные места». Эта теория может быть принята. Если слово «цаконы» происходит от τραχύς, значит оно не является наименованием племени, народности, а просто означает «горец», «горный житель», «смелый, любящий независимость» и может быть славянского, греческого либо албанского происхождения.

Однако автор стремится сблизить горцев-трахонитов именно с *лаконцами* и опирается при этом на «Монемавасийскую хронику», в которой говорится, что после нападения славян лаконцы частично скрылись в труднодоступных местностях, стали называться Τραχωνίται, а потом и Τσάκωνες (стр. 98). Центром исследования Симеонидиса во второй главе являются его экскурсы в теорию развития новогреческого языка в Пеллопоннесе (позднеродического диалекта и так называемого «цаконского» языка). Автор стремится показать, что первоначально Цаконией назывались τραχίνοι τόποι в Киндурии (границы Лаконии и Аргολиды) и что затем, в средние века, наименование «Цакония» стало распространяться вплоть до Монемавасии и мыса Малеи.

Филологические изыскания Симеонидиса убедительно показывают возможности перехода τρ в τς, Τραχωνίται в Τσάκωνες. Однако автор слабо оттеняет социальное положение и историческую роль «цаконовцев». Следовало бы особенно отметить, что под цаконами понимаются только свободные горцы в противоположность закабаленному крестьянству Пеллопоннеса, особенно после злосчастной для славян битвы под Патраму.

XIII—XV века были временем постоянных войн, когда нужно было защищать крепости, замки, клясуры. Естественно, что молодое поколение свободных горцев, не имея возможности прокормиться в труднодоступных местностях, вступало в ряды местных воинов — не стратиготов, которыми они по своей бедности быть не могли,

а в качестве наемников, живших в крепостях и сражавшихся под начальством кастрофилаков. Нужно сказать, цаконцы служили не только в греческих крепостях: в источниках они встречаются и в качестве гарнизона в сербских крепостях XIV в. (стр. 80); они использовались также в качестве полицейской силы (стр. 77). Цаконцы — отборная часть постоянного войска на жаловании, готовая служить любому хозяину крепости, замка. Мы могли бы отождествить цаконцев в социальном отношении с итальянскими кондотьерами того времени. Но, разумеется, считая себя лакедемонянами, цаконцы могли в отдельные моменты быть определенной силой в борьбе против крестоносцев и оказывать сопротивление туркам (особенно в 1262—1264 гг.). До XIII в. сведения о цаконцах в источниках связываются с понятием наемного войска, только с XIII в. цаконцев стали рассматривать как особый народ. Можно сказать, что только тогда среди горных жителей Пелопоннеса слияние разных племен привело к более или менее единому диалекту и эллинизации.

С новым этапом развития Спарты вокруг акрополя Мистры имя лакедемонян снова стало знаменем спасения империи. Так, Виссарион советовал Константину XI в 1444 г. разбить турок, перерывшись с его лакедемонянами в Малую Азию¹. Разумеется, под лакедемонянами имелись ввиду цаконцы! Мы могли бы также сказать, что и мечты Плифона в какой-то мере имели своим стимулом деятельность лаконцев-цаконцев, реальной силы возродившейся средневековой Спарты. Однако при предательстве знати лаконцам-цаконцам не удалось сохранить национального государства; только в начале XIX в. они проявили свой героизм...

Монография Симеонидаса полностью вводит нас в историю разработки проблемы цаконцев, дает представление о филологической аргументации греческого происхождения этого слова, оформляет более приемлемую теорию о цаконцах и Цаконии. Тем не менее еще не исключена возможность, что «цаконы» — это поселившееся и эллинизированное, смешавшееся с греческим населением Пелопоннеса славянское племя «цаконцев».

М. Я. Сюзюмов.

K. Weitzmann. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. III. Ivories and Steatites. Washington, 1972, p. 108+80 plates.

Каталог изделий из слоновой кости и стеатита, изданный Куртом Вейцманом, представляет собой третий том «Каталога византийских и раннесредневековых памятников в собрании Думбартон Окса». Первые два тома были посвящены изделиям из металла, эмалям, стеклу и глиняке (изданы в 1962 и 1965 гг., автор М. Росс).

Подготовленный одним из крупнейших знатоков византийского искусства, каталог явился результатом более чем 35-летнего изучения К. Вейцманом слоновой кости, хранящейся в коллекциях Думбартон Окса. Каталог включает 42 памятника, подразделяемых на пять групп: изделия из слоновой кости II—VI вв. с «языческими» сюжетами (№ 1—17), изделия из слоновой кости конца V—VIII вв. с христианскими мотивами и декоративные по характеру (№ 18—20, 42), византийская резная слоновая кость X—XIV вв. (№ 21—31, 40—41), изделия из слоновой кости западноевропейской работы X—XI вв. (№ 32—34), изделия из стеатита XI—XIV вв. (№ 35—39).

Коллекция Думбартон Окса сравнительно невелика и наряду с первоклассными произведениями искусства содержит (что вполне естественно для каждой коллекции) также памятники заурадного качества. Некоторые из них вызывают интерес не столько сами по себе, а скорее обстоятельностью связанных с ними исследований, проведенных автором каталога.

Каталог предваряется вводной статьей, которая представляет собой краткий очерк истории византийской резной слоновой кости. Очерк основан преимущественно на памятниках коллекции Думбартон Окса, которые рассматриваются в связи с общим ходом развития этой области художественного творчества. В соответствии с составом коллекции К. Вейцман выявляет особенности памятников II—VI вв., связанных с Египтом, а затем сосредоточивает внимание на произведениях X в. — периода расцвета искусства византийской резной кости.

Здесь автор дает тонкий и глубокий анализ существовавших в середине и второй половине X в. константинопольских школ резьбы по слоновой кости, соотнося с ними памятники из коллекции Думбартон Окса. К. Вейцман рассматривает «живописную» школу, стиль которой связан с миниатюрой македонского времени («Уверение Фомы» — № 21 и др.), проникнутую аристократизмом «школу императора Романа» («Богоматерь с Иоанном Крестителем и св. Василием» — № 26 и др.), «школу императора Никифора», склонявшуюся к непосредственной выразительности («Богоматерь Одигитрия» — № 28), «группу триптихов», памятники которой исполнены в более простой и непритязательной манере («Успение Богоматери» — № 29 и др.). Классификация эта развертывается К. Вейцманом не впервые, но в Каталоге она опирается на подробные характеристики, содержащиеся в разделе, посвященном конкретным памятникам.

Далее автор отмечает упадок искусства резьбы по слоновой кости, наступивший в Византии в XI в., и распространение в связи с этим изделий из стеатита, характе-

¹ См. *И. П. Медведев*. Мистра. Л., 1973, стр. 38

ризует новый подъем, пережитый искусством резьбы по слоновой кости в палеологовский период. В заключение он обращается к западноевропейским памятникам: двум — испанской и одному — нижнерейнской работы.

Особый интерес представляет собственно каталожный раздел книги. Иконография, стиль и вопросы происхождения памятников рассматриваются здесь в широком сопоставлении с экспонатами других музеев и коллекций. Многие произведения из собрания Думбартон Окса давно получили известность и хорошо исследованы. Тем не менее в труде К. Вейцмана мы встречаемся с целым рядом новых суждений о них. Статьи о некоторых памятниках представляют собой обстоятельные исследования, имеющие самостоятельную ценность. Такова статья о пиксиде (конец V—VI в.) с изображением Моисея, получающего заповеди, и Даниила во рву львином. В ней дан анализ особенностей стиля, сочетающего драматизм и повествовательность, и иконографии (изображение заповедей в виде свитка, три фигуры слугников Моисея, два ангела по сторонам от Даниила и др.), приводящий к выводу о восточном происхождении памятника и о связи сюжетов с апокрифической 14-й главой Книги Даниила.

В статье о пластине с изображением «Рождества» (конец VII—VIII в.) затрагивается одна из наиболее сложных проблем истории византийского искусства — взаимоотношение и особенности искусства предиконоборческого и послепредиконоборческого периодов. Ее сложность, как известно, породила резкие расхождения в датировке ряда важных памятников искусства VII—VIII или X—XI вв. К числу таких проблемных произведений византийского искусства относится и «Рождество». В статье об уникальной пиксиде середины XIV в. с изображением двух императорских семей К. Вейцман предлагает свою версию идентификации правой группы. Он полагает, что здесь изображен не Иоанн V Палеолог с семьей, как считает А. Грабар, а Матфей Кантакюзин с Ириной Палеологиней и их сыном Иоанном.

Характерной особенностью работы, проведенной К. Вейцманом, является то, что исследователь не ограничивается изучением памятника самого по себе, но предлагает свои опыты реконструкции произведений искусства, фрагменты которых ныне рассеяны по разным музеям. Так, «Уверение Фомы» (№ 21) в сочетании с берлинским «Воскрешением Лазаря» и хьюстонским «Услением Богоматери» он воссоставливает как части большого складня. Частью одного складня К. Вейцман предлагает считать «Богоматерь с Иоанном Крестителем и св. Вацлием» (№ 26) и створку с изображением св. Феодора, хранящуюся в Лувре. В реконструированном и реставрированном виде приводится в каталоге ларец из слоновой кости (№ 30). Специальный интерес для советского читателя представляет статья о фрагменте с изображением архангела Гавриила (№ 40). Этот фрагмент (поступивший в Думбартон Окс из коллекции Тайлера, когда каталог уже был в печати) рассматривается автором как часть эпистилия темплона, в который входили четыре рельефных изображения, хранящиеся ныне в Бамберге, и два рельефа из ленинградского Эрмитажа. Свою гипотезу К. Вейцман изложил в статье «Диптих слоновой кости из Эрмитажа, относящийся к кругу императора Романа» (ВВ, 32, 1971). Соответствующий раздел в каталоге служит своего рода продолжением этой статьи.

Следует отметить, что автор весьма широко привлекает памятники, хранящиеся в Ленинграде. С московской коллекцией позднеантичной и византийской слоновой кости он, вероятно, знаком менее обстоятельно. Видимо, этим объясняется неточность в указании местонахождения известной пластинки с изображением императора Константина VII: с 1930-х гг. она хранится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, а не в Историческом музее, как указано в каталоге К. Вейцмана (рис. 24).

Безусловного внимания заслуживает система иллюстрирования каталога. Большинство памятников воспроизведено в их натуральную величину. Памятники показаны с нескольких точек зрения, что позволяет читателю представить их вполне наглядно. Обильно приведенные аналогии дополняют репродукции памятников коллекции Думбартон Окса. Можно считать, что литература по прикладному искусству Византии пополнилась еще одним капитальным изданием.

В. М. Полевой

ХРОНИКА

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ
В ЛЕНИНГРАДЕ

1—2 июня 1972 г. в ЛГУ состоялась юбилейная научная сессия, посвященная столетию отечественной школы византиноведения. Сессия была организована Ленинградским университетом, Византийской группой при ЛОИИ АН СССР, Сектором истории Византии Института всеобщей истории АН СССР при сотрудничестве других учреждений. В ее работе приняли участие ученые Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Еревана, Свердловска и Волгограда.

На сессии были представлены 50 докладов, посвященных социально-экономической истории Византии, культуре, искусству, литературе, источниковедению, вспомогательным дисциплинам, археологии; византийско-славянским, византийско-русским, армяно- и грузино-византийским отношениям, историографии.

За время работы сессии состоялись два пленарных и шесть секционных заседаний. Работали следующие секции: 1. Истории Византии, 2. Археологии и искусства, 3. Литературы, 4. Истории науки.

На пленарных заседаниях с докладами выступили: Г. Л. Курбатов (Ленинград), З. В. Удальцова (Москва), С. Г. Каухчишвили (Тбилиси), Е. Э. Гранстрем, В. В. Мавродин, М. И. Артамонов, В. С. Шандровская (все — Ленинград).

Сессию открыл декан Исторического факультета ЛГУ В. А. Ежов. Он отметил возрастание научного авторитета советского византиноведения, развитие международных связей советских византинистов, роль Петербургского-Ленинградского университета в становлении отечественного византиноведения. В. А. Ежов особо остановился на том внимании, которое уделяет развитию византиноведения и подготовке кадров в этой области науки Ленинградский университет.

Г. Л. Курбатов в докладе «100 лет византиноведения в Петербургском-Ленинградском университете» отметил выдающуюся роль В. Г. Васильевского и Н. П. Кондакова в создании отечественной школы византиноведения, превращении последнего в самостоятельную отрасль исторической науки. Им были подробно охарактеризованы те научные традиции и особенности, которые составили специфику русской школы византиноведения и принесли ей мировую известность — глубокий интерес к коренным проблемам социально-экономической, преимущественно аграрной, истории Византии, внимание к изучению поздней античности, истории славянства и Руси, занятия славянской филологией, связь византиноведения с ориенталистикой. В докладе были прослежены основные направления развития русского дореволюционного византиноведения, которые были унаследованы и развиты советской наукой. Видное место в докладе Г. Л. Курбатова заняло освещение основных этапов становления советской византиноведческой науки и вклада в ее развитие таких крупных ученых, как М. В. Левченко и Н. В. Пигулевская.

В докладе З. В. Удальцовой «Академик Е. А. Косминский и советское византиноведение» была дана характеристика научной деятельности выдающегося советского ученого, признанного главы советской медиевистики и византиноведения академика Е. А. Косминского. Медиевист-западник, ученый огромной эрудиции, Е. А. Косминский отдал много сил возрождению византиноведческих занятий в СССР, создал и возглавил единый центр византиноведческой науки, был бессменным редактором новой советской серии журнала «Византийский временник», организатором первых всесоюзных византиноведческих сессий. В своих многочисленных выступлениях он сумел раскрыть роль Византии и ее культуры во всемирно-историческом процессе.

Большое внимание участников сессии привлек посвященный одному из «вечных» классических сюжетов византиноведения доклад С. Г. Каухчишвили — о происхождении греческого романа о Варлааме и Иоасафе. Выпускник Петроградского университета, ученик выдающихся византинистов и кавказоведов, один из создателей византиноведения в Грузии С. Г. Каухчишвили в своем докладе проанализировал существующие в современной историографии точки зрения по вопросу об авторе греческого романа о Варлааме и Иоасафе и на основании свидетельства греческих, грузинских и латинских источников пришел к выводу о принадлежности этого романа Евфимию

Ивиру. Построенный на тонком анализе источников, доклад С. Г. Каухчипвили явился новым шагом вперед в изучении этого выдающегося памятника средневековой литературы.

Около 30 докладов было представлено учеными Ленинграда и ЛГУ. Группа ученых ЛГУ выступила с докладами, отражавшими основные направления развития советского византизоведения и посвященными изучению внутренней истории Византии, византийско-ближневосточных отношений, восточной специфики византийского государства, византийско-русских связей. С интересными докладами на пленарных заседаниях выступили В. В. Мавродин и М. И. Артамонов. В обстоятельном докладе, посвященном проблеме хазар, хазаро-византийских отношений в свете новейших археологических данных, М. И. Артамонов рассмотрел основные этапы внутреннего развития хазарского каганата, вопрос о территориальном распространении хазар, их общественном строе и характере взаимоотношений с соседями, в том числе с болгарями. Выводы докладчика, важные для понимания эволюции всей системы византийско-хазарских связей, уточняют многие аспекты византийско-славянских и византийско-русских отношений.

С важным, обобщающим результаты многолетних наблюдений докладом «Некоторые критерии для датировки памятников прикладного искусства X—XII вв.» выступила А. В. Банк. Докладчик ставил своей целью выработку научных критериев для датировки памятников византийского прикладного искусства. А. В. Банк, в частности, остановилась на значении датированных камей VI в., лондонской камее Никифора и камее XIII в. для определения хронологии других памятников подобного типа. Она подчеркнула необходимость углубленного изучения археологических обстоятельств той или иной находки, сопоставления памятников с другими сохранившимися частями аналогичных произведений искусства, привлечения палеографических данных. Докладчик особо остановилась на анализе произведений из слоновой кости, важных для датировки других памятников прикладного искусства.

Доклад В. С. Шандровской был посвящен проблемам датировки и идентификации памятников византийской сфрагистики. Докладчик отметила, с одной стороны, значение материала печатей для дальнейшего изучения истории Византии, а с другой — необходимость более тщательного сопоставления материала и датировки печатей по совокупности всех имеющихся данных. Автор специально остановилась на вопросах изучения изображений, титулатуры и палеографических особенностей надписей на молибдосулах. В связи с этим В. С. Шандровская указала на то внимание, которое обращал на характер надписей Б. А. Панченко, и отметила значение работы И. В. Соколовой, выделившей характерные для IX—X вв. особенности надписей херсонских печатей. В докладе были определены те признаки, изучение которых поможет определить дату многих недатированных печатей.

На секции истории Византии были представлены доклады, посвященные внутренней истории Византии, ее культурной жизни, внешним отношениям.

В докладе И. Ш. Шифмана (Ленинград) «Сирия на рубеже двух эпох» были изложены наблюдения автора о специфике развития имущественных и поземельных отношений, рабства, городского строя в Сирии.

А. Г. Лундин (Ленинград) доложил результаты своих исследований истории города и городского строя Южной Аравии по II—IV вв. Докладчик особо остановился на вопросах о характере городской общины, составе и положении ее населения, роли Совета старейшин как органа городского управления во II—IV вв. По мнению А. Г. Лундина, для южно-арабской городской общины этого времени было характерно, в частности, наличие своего ополчения — войска под командованием особых городских магистратов — «вождей». Докладчик присоединился к мнению Н. В. Пигулевской о том, что городская организация не была привнесена в эти области, она явилась результатом спонтанного развития городского строя, который, по сравнению с греко-римским городом имел здесь некоторую специфику.

Доклад И. Ф. Филмана (Ленинград) был посвящен проблеме отношений крупного землевладения и муниципальной организации в Египте по материалам Оксиринха. Оценивая эти отношения, докладчик пришел к выводу, что самостоятельность муниципальной организации в VI в. имела чисто номинальный характер, она зависела от крупного землевладения, была во многом подчинена его интересам, а многие общественные функции городской организации были с течением времени присвоены крупными частными домами.

Интересный материал о положении в Византии Юстиниановской эпохи аргиропратов был представлен А. А. Чекаловой (Москва). Докладчик остановился на составе аргиропратов, их положении в Константинополе, их имущественном состоянии, характере деятельности, участии в государственной службе.

На основании анализа законодательства и ряда других данных автор попытался оценить политику Юстиниана в отношении аргиропратов и пришел к выводу, что она была недостаточно определенной и четкой, в целом же — не очень благоприятной для них, что и вызвало заговор аргиропратов против Юстиниана.

В докладе И. В. Соколовой (Ленинград) «Администрация херсонской фемы по данным византийской сфрагистики» были суммированы данные херсонских печатей о титулатуре, функциях и деятельности представителей херсонской администрации, выявлена характерная для Херсона специфика организации его управления.

Проблемам императорской власти был посвящен доклад *И. С. Чичурова* (Москва) «Представления об идеале императора и критика императоров в «Хронографии Феодана». На материале «Хронографии» автор попытался выявить и изучить распространенные в Византии представления об идеале императора. *И. С. Чичуров* отмечает, что критика императоров — «одно из излюбленных занятий Феодана», а также, по-видимому, и других хронистов; заслуживает внимания, что эта критика, как правило, ограничивается критикой отдельных императоров и их деятельности, но совершенно не касается императорской власти в целом.

К. Н. Юзбашян (Ленинград) в докладе «Неизвестный адресат Романа Лакапина», анализируя терминологию византийских источников, высказал ряд интересных соображений о характере использования терминов «архонто» — «архонт». *К. Н. Юзбашян* приходит к выводу, что адресатом Романа Лакапина был армянский удельный князь.

Проблемам военной истории Византии был посвящен доклад *В. В. Кучмы* (Волгоград) «К вопросу о соотношении «Стратегикона» Псевдо-Маврикия и «Тактики» Льва», в котором автор исследовал вопрос о зависимости «Тактики» от «Стратегикона». Анализ и сопоставление целого ряда мест этих памятников показывают, что составитель «Тактики» не был простым копистом. Он пользовался, помимо «Стратегикона», и другими, оставшимися нам не известными, источниками. Важен вопрос о целях и способах использования Львом предшествующих материалов. Обращает на себя внимание осмысленная и целенаправленная переработка их составителем «Тактики», обусловившая совсем иное структурное построение произведения, ощущение устаревших и утративших теоретическое или практическое значение сведений.

С сообщением «Византийский монах XI в. Илья», содержащим характеристику социальных типов византийского монашества по данным Пселла, выступил *Я. Н. Любарский* (Ленинград).

Значительная часть докладов касалась проблемы взаимоотношений Византии с соседями, в том числе со славянами и Русью. Среди них прежде всего следует отметить доклад *Р. А. Наследовой* (Москва) «К вопросу о хронологии первой войны Симеона с Византией». Проанализировав сведения источников об этапах первой войны Симеона с Византией, докладчик показал, что они не могут дать безусловного подтверждения существования мирного договора между Византией и Болгарией в период с 896 по 913 гг. Данные источников могут быть истолкованы скорее в том смысле, что договор, заключенный в 896 г., был в этом же году нарушен Симеоном. Состояние войны между государствами могло продолжаться, по предположению *Р. А. Наследовой*, вплоть до 904 г.

В обстоятельном докладе *Н. Ю. Ломоури* (Тбилиси) «Некоторые вопросы утверждения христианства в Иберийском (Картийском) царстве» были проанализированы существующие точки зрения и свидетельства источников о начале христианизации Картли (Иберии). Как известно, принятые датировки христианизации Иберии колеблются между 316 и 356 гг. Докладчик пришел к выводу о недостоверности датировок, сообщаемых грузинскими летописями и привел ряд интересных соображений в пользу того, что христианизация Грузии имела место до утверждения господства арианства. *Н. Ю. Ломоури* считает, что обращение Картли произошло бесспорно до перенесения столицы Римской империи в Константинополь и может быть отнесено ко времени между 325 и 330 гг.

В. А. Арутюнова (Ереван) в докладе «Армянские владетели в Киликии и Северной Сирии в канун Первого крестового похода» исследовала характер отношений между армянскими княжествами и Византией во второй половине XI в. Интересны наблюдения автора о характере византийского управления этими областями, организации отношений между ними и Византией, о валичи феодальных дружин.

Доклад «Из истории грузинско-византийских отношений X—XI вв.», богатый фактическим материалом, сделала *И. М. Нодия* (Тбилиси).

Обзор существующих в современной литературе точек зрения по вопросу об основании Вачковского (Петридовского) монастыря дал *Г. Гудушаури* (Тбилиси).

Значительная группа докладов касалась проблем истории поздней Византии. Доклад *К. В. Хвостовой* (Москва) был посвящен применению математических методов количественного анализа имущественно-податной дифференциации поздневизантийского крестьянства. Используя данные «практиков», преимущественно Южной Македонии, и пользуясь методом комбинаторного анализа, автор попытался определить и оценить степень имущественно-налоговой дифференциации византийского крестьянства в начале XIV в. По мнению докладчика, на основании данных о имущественно-налоговой дифференциации в деревне в начале XIV в. можно говорить о появлении таких предпосылок имущественного расслоения, которые свидетельствуют о возможности зарождения предкапиталистических отношений. Однако темпы роста имущественной дифференциации в среде византийского крестьянства были в рассматриваемый период настолько незначительными, что практически эти возможности и предпосылки остались нереализованными.

Ряд докладов был посвящен проблемам идейно-политической, духовной жизни поздней Византии. К их числу относится доклад *М. А. Поляковой* (Свердловск) об эсхатологических представлениях Алексея Макремволита, основанный прежде всего на исследовании его «Плача». Историко-литературный анализ памятника показал, что

у Макремволита постепенно нарастали настроения безысходности, неверия в возможность разрешения социально-политических противоречий, настроения, особенно отчетливо проявившиеся в его «Плаче».

Духовной жизни Византии было посвящено сообщение *И. П. Медведева* (Ленинград) «Литературно-философские салоны в Византии XIV—XV вв.» В центре внимания докладчика — проблемы интеллектуальной жизни Византии указанных столетий. По мнению автора, на фоне угасания экономико-политической жизни продолжался расцвет литературно-философской деятельности, который и находил свое отражение в существовании литературно-философских «салонов». Впервые применив этот термин и объяснив его понимание, докладчик все же не уточнил, чем этот термин отличается от уже принятого и распространенного — «кружок». Автор подробно остановился на характере и формах деятельности «салонов» и отметил, что их существование было связано с наличием светской интеллигенции, находившейся в незначительной зависимости от церкви.

Среди докладов, посвященных проблемам византийско-русских отношений, следует прежде всего отметить доклад *Г. Г. Литаврина* (Москва) «Особенности русско-византийских отношений в XII в.» Исследовав византийско-русские отношения XII в., Г. Г. Литаврин убедительно показал их существенное отличие от отношений в XI в. и опроверг ряд бытовавших в науке представлений об интенсивности торговых и церковных связей Византии с Русью в XII в. Докладчик пришел к заключению, что для Византии и Руси, в силу многих сложившихся обстоятельств, эти связи уже не имели жизненно важного значения.

История византийско-хазарских отношений в Таврике была рассмотрена в сообщении *А. В. Гадло* (Ленинград).

Интересные соображения об этапах развития крупного землевладения, феодального хозяйства на Руси были высказаны в докладе *И. Я. Фроилова* (Ленинград) «Место крупного землевладения в экономике Киевской Руси и способы его мобилизации».

Л. С. Клейн (Ленинград) доложил о находке Византийского солида иконоборческой эпохи в одном из кочевнических погребений на Доцу.

Проблемам византийско-русских культурных и литературных связей был посвящен и доклад *О. А. Белобровой* (Ленинград) «К изучению древнерусских хождений в страны Ближнего и Среднего Востока».

Многие доклады касались истории византийской литературы. Большое число сообщений по этим вопросам свидетельствует об интересе к изучению византийской литературы. В докладе *А. В. Пайковой* (Ленинград) «Эволюция агнографического жанра в сирийской литературе» была предпринята попытка проследить жанровую эволюцию сирийской агнографии.

Доклад *С. С. Аверинцева* (Москва) был посвящен византийской поэзии VII в. Рассматривая вопрос о формировании акафиста, докладчик пришел к выводу, что он был составлен к 626 г. и в своей основе представлял гимн именованию. С. С. Аверинцев подробно проанализировал стихотворные особенности акафиста, систему рифмовки и т. д.

В докладе *С. В. Поляковой* (Ленинград) «Ахилл Татий и Евматий» исследовалось своеобразие осмысления и трактовки Евматием Макремволитом классических античных сюжетов, сюжетного построения и т. д. В качестве характерных приемов византийского писателя С. В. Полякова отмечает тенденцию к приподнятости и абстрактности изложения, стремление увидеть в мельчайших событиях глубокий смысл.

В ряде докладов поднимались вопросы византийско-славянских, византийско-русских, грузинских и армянских литературных связей. Здесь следует отметить доклад *Н. А. Махарадзе* (Тбилиси) «Византийские литературные памятники в древнегрузинских переводах и вопросы становления греческого языка византийского периода». Результатами своих наблюдений над текстами славянских переводов «Хроникографикона» патриарха Никифора поделилась *Е. К. Пиотровская* (Ленинград).

Показателем расширения сферы исследований советских византистов явился доклад *Л. Кеерикашвили* (Тбилиси) «Вопросы византийской гимнографии в связи с историей древнегрузинской письменности». Автор остановился на значении изучения переводов памятников греческой гимнографии на грузинский язык для выяснения особенностей развития гимнографии византийской. Многие из этих переводов донесли до нас единственные сохранившиеся образцы этих памятников. Особое значение для изучения византийской гимнографии имеют несколько переводных сборников VIII—IX вв., которые существенно восполняют пробел в представлениях о развитии византийской гимнографии в эти столетия. Докладчик проследил важнейшие линии связей греческой и грузинской гимнографии, проявления влияния византийских канонов и традиции.

Несколько докладов были посвящены проблемам источниковедения. Среди них можно отметить доклад *С. П. Карпова* (Москва) «Трапезундский источник в сочинении Лаоника Халкокондила». По мнению докладчика, ряд отрывков из Лаоника Халкокондила свидетельствует о том, что им был использован не дошедший до нас трапезундский источник, в одних случаях подвергшийся авторской обработке, в других — включенный в сочинение историка XV в. без переделок. Последнее позволяет в полной мере оценить уникальное значение сведений одного из отрывков Халкокондила, относящегося к трапезундской империи, выявить своеобразие трапезундской историографии.

Доклад *З. Г. Самодуровой* (Москва) «Мануил Ласкарис — греческий писец XV в.» посвящен исследованию судьбы греческой рукописи Синодального собрания ГИМ.

Художественное оформление византийских рукописей рассмотрено в докладе *В. Д. Лихачевой* (Ленинград) «Оформление византийских литургических свитков». Докладчик подробно остановился на существовавших в Византии принципах оформления литургических рукописей, использовании миниатюры, наиболее распространенных приемах выделения значительных мест текста и т. д. Автор ставит своей целью проследить эволюцию художественного оформления рукописей. В частности, *В. Д. Лихачевой* было отмечено, что наличие фигурных инициалов характерно для рукописей конца XI в. Рассматривая один из студийских литургических свитков, докладчик определил особенности оформленных в скриптории Студийского монастыря рукописей и на основании анализа художественных данных датировал исследуемую рукопись концом XI — началом XII в.

Доклад *В. Н. Залесской* (Ленинград) «Некоторые аспекты изучения византийских рельефов IV—V вв. в собрании Эрмитажа» был посвящен исследованию ранневизантийских рельефов. На целом ряде памятников IV—V вв. автор проследил сохранение в них сильной античной традиции.

Одной из отличительных особенностей сессии было наличие значительного числа докладов по истории отечественной византиноведческой науки, историографии. Помимо уже упоминавшихся докладов *Г. Л. Курбатова* и *З. В. Удальцовой*, следует отметить целый ряд сообщений по истории русского и советского византиноведения.

Так, сообщение *В. Л. Фонкича* (Москва) было посвящено Антонию Капустину (1817—1894) как собирателю греческих рукописей.

В докладе *С. Б. Аврулиной* (Ленинград) изучается роль русских археологических съездов XIX в. в становлении и развитии отечественного византиноведения. Докладчик убедительно показал, что до конца XIX в. русские археологические съезды были основными национальными форумами, на которых выступали русские византилисты.

Материалы для воссоздания научной биографии известного византиниста *А. П. Рудакова* были собраны и представлены *Г. Е. Лебедевой* (Ленинград). Оценка научного наследия выдающегося русского и советского ученого *В. Н. Бенешевича* была дана в докладе его ученицы *Е. Э. Гранстрем* (Ленинград).

В докладе *И. Н. Лебедевой* (Ленинград) «*В. М. Истрин и византиноведение*» был дан развернутый анализ византиноведческих работ *В. М. Истрина*, а также изучены его приемы исследования византийско-славянской хронографии.

Роль *Д. В. Айдалова* в изучении ранневизантийского искусства исследовал в своем докладе *С. А. Беляев* (Ленинград).

Среди обзорных докладов, посвященных развитию советского византиноведения, следует отметить доклад *Л. Церетели* (Тбилиси) «Византиноведение в Грузии в 1957—1972 гг.», а также тематический обзор *С. Шкапериной* (Ленинград) «Вопрос о начале контактов восточных славян с Византией в Северном Причерноморье в советской историографии». Представленные на конференции историографические сообщения имеют большое значение; речь идет не только о содержащемся в них новом комплексе материалов по истории науки, но и о более глубоком анализе научного наследия, исследовательских методов. Во многих докладах и сообщениях речь шла о значении тех или иных приемов и методов для современной исследовательской работы, реальной практической значимости этой части научного наследия нашего византиноведения для решения новых проблем. Поэтому можно говорить о важном методическом и методологическом значении сессии.

Большая работа в период подготовки к сессии была проведена учеными ЛГУ. Они опубликовали ряд трудов по истории отечественного византиноведения, среди которых следует отметить исследование *Г. Л. Курбатова* «*В. Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском-Ленинградском университете*», подготовленный к печати учеными ЛГУ коллективный обзор «100 лет византиноведения в Петербургском-Ленинградском университете».

Г. Е. Лебедева

ДИССЕРТАЦИИ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ В 1968—1972 гг.

Тематика защищенных в последние годы диссертаций по истории Византии довольно разнообразна: это и вопросы социально-экономической и политической жизни Византии, и история народных движений, и проблемы культуры и искусства.

Одной из основных проблем истории ранней Византии — институту рабства — посвящена кандидатская диссертация *Г. Е. Лебедевой* «*Рабы и проблема рабства в Кодексах Феодосия и Юстиниана*» (Л., 1972). Исследовательница рассмотрела вопрос о внутренних и внешних источниках рабства, все еще сохранявших свое значение, а также проанализировала употреблявшиеся для обозначения рабов термины, отражавшие источники и характер происхождения рабов. По мнению автора, в IV—VI вв. ослабевает четко выраженное прежде деление рабов на рабов-военнопленных и рабов внутреннего происхождения, замороженных рабов. Большое внимание уделила *Г. Е. Лебедева* изучению роли рабского труда у различных слоев населения. По ее

мнению, в византийской деревне IV—VI вв. сохранялся значительный слой рабов-земледельцев. Рассматривая вопрос о городских рабах, автор исследует положение рабов, работавших в государственных мастерских, обращая также внимание на роль муниципальных рабов — общественной собственности города, среди которых еще в IV — начале V в. было немало ремесленников. Роль рабства (по крайней мере в IV — начале V в.) сохранялась и в частном ремесле. Изучение терминологии рабства привело Г. Е. Лебедеву к выводу, что представление о преобладании «обслуживающей» деятельности рабов в IV—VI вв. в литературе несколько преувеличено. По мнению исследовательницы, в этот период еще сохранялась экономическая и социально-политическая значимость рабства.

Проблема византийского города VII — первой половины IX в. вновь была поднята в кандидатской диссертации А. И. Романчук «Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII — первой половины IX в.)» (Свердловск, 1972). Изучив археологический материал и данные письменных источников, автор приходит к выводу, что Херсонес в изучаемый период являлся городом переходного типа, сохранившим в своем облике и системе организации управления черты античности. Исследовательница признает известный упадок городов в VII — начале IX в., следствием которого явилась натурализация связей между городом и деревней. Однако, по мнению А. И. Романчук, этот процесс не настолько сказался на экономике Херсонеса, чтобы можно было говорить о глубокой аграризации городского хозяйства, о резком срывании, а подчас и полном исчезновении торговых связей, производственной деятельности горожан. Херсонес на протяжении всей своей истории оставался прежде всего торгово-ремесленным центром, кумулятором натурально-хозяйственного продукта хоры и местом превращения его в товар. Наличие подобных центров в Византии, отмечает А. И. Романчук, накладывало своеобразный отпечаток на формирование новых производственных отношений.

Анализ социально-политической борьбы в Константинополе VI в. на примере восстания Ника дан в кандидатской диссертации А. А. Чекаловой «Социально-политическая борьба в Константинополе во второй четверти VI в. (восстание Ника)» (М., 1972). Восстание Ника рассмотрено в этой работе на общем фоне экономической и социальной жизни византийской столицы VI в. Автор раскрывает экономические, политические и религиозные причины восстания. Показав решающую роль в этом движении народных масс, А. А. Чекалова отмечает вместе с тем определенное влияние на ход восстания сенаторской и династической оппозиции. Сравнив восстание Ника с народными волнениями в Константинополе конца V — первой половины VI в., автор приходит к выводу, что оно являлось наиболее типичным движением для этой эпохи, движением, вобравшим в себя все, даже самые мелкие, черты, характерные для сложной социально-политической борьбы того времени. Не разделяя бытующего мнения относительно последствий восстания Ника, автор полагает, что оно не дало Юстиниану возможности установить автократию, к которой он стремился в первые годы своего правления.

Ряд вопросов социально-экономической и политической жизни Византийской империи второй половины XI в. рассмотрела В. А. Арутюнова в кандидатской диссертации «Типик Григория Пакуриана и некоторые вопросы истории Византийской империи» (Ереван, 1968). На основании изучения типика Григория Пакуриана, который исследовательница сопоставила с написанным Исааком Комнином уставом монастыря Богородицы Космостиры, а также данных нарративных памятников, В. А. Арутюнова пришла к заключению, что в Византии во второй половине XI в. существовал вассалитет, в основных своих чертах близкий к западноевропейскому. Главной особенностью византийского вассалитета является отсутствие его юридического оформления. Вассалы, отмечает автор, были только у очень крупных феодалов, таких, как Исаак Комнин и Григорий Пакуриан. Активное участие Григория Пакуриана в событиях второй половины XI в. исследовательница объясняет не только его личными качествами, но и принадлежностью к армяно-халкедонитской знати Тайна. Как полагает В. А. Арутюнова, армяно-халкедониты играли весьма важную роль в церковной и государственной жизни Византийской империи.

Исследованию общественной и духовной жизни Византии XV в. посвящена кандидатская диссертация С. К. Красавиной «Идейно-политическая борьба в византийской историографии XV в. и место в ней греческого историка Дуки» (М., 1969). В работе дается анализ основных политических партий того времени: православной, пролагинской и протугрецей. Дука, по мнению автора, явился выразителем взглядов патриотических кругов византийского общества, которые в самом Константинополе составляли весьма немногочисленную группу. Характеризуя основные направления византийской исторической мысли XV в., С. К. Красавина отмечает отдельные признаки, позволяющие говорить об определенном сдвиге в идеологии поздней Византии в сторону идеологии Возрождения. Среди сочинений греческих историков XV в. особой политической заостренностью и полемичностью отличается произведение Дуки. Все мировосприятие этого хрониста, отмечает исследовательница, проникнуто духом византизма. Из греческих историков этого периода он является наиболее ортодоксальным по своим убеждениям, его мировоззрение находится целиком и полностью во власти традиционных для Византии теологических представлений. Вместе с тем для него характерны интерес к повседневной жизни, производству, фактам социального протеста,

трезвый подход к политическим проблемам своего времени. Сочинение Дуки, заключает автор, отразило в себе многообразие, сложность, а порой и противоречивость, своей эпохи.

К изучению византийской образованности обратилась *З. Г. Самодурова* в кандидатской диссертации «Малые византийские хроники и их культурно-историческое значение» (М., 1968). Исследовательница дала научную классификацию малых византийских хроник, доказала существование общего для них протооригинала и сделала попытку его реконструкции. Особое внимание *З. Г. Самодурова* обратила на роль малых хроник в истории византийской образованности. По ее мнению, хроники являлись пособием по истории и хронологии, используемым в византийских школах. Анализ «древних» компендиев позволил автору выяснить содержание самого курса истории, объем сведений, усваиваемый византийскими школярами, систему периодизации и эволюцию исторических представлений. Как выяснила *З. Г. Самодурова*, содержание и объем сведений по античной и библейско-христианской истории не остаются неизменными. В V—VIII вв. в хрониках сосуществуют три традиции: христианская, эллинистическая и римская. В конце VIII — начале X в. утверждается чисто христианский взгляд на всемирную историю. В центре повествования хронистов находится история иудеев и христиан. С середины X в. в «древних» компендиях усиливается светская струя. В них, при сохранении старого плана изложения, возрастает объем и достоверность сведений по светской истории древней Греции и Рима.

Исследование поэмы о Дигенисе Акрите представлено в докторской диссертации *Г. М. Бартияна* «Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для армяноведения» (Ереван, 1970). Основное внимание автор сосредоточил на выявлении среды, в которой сложился эпос о Дигенисе Акрите и вопросе об этнической принадлежности этой среды. *Г. М. Бартиян* пришел к выводу, что в создании эпоса принимали участие не только феодальная знать восточных пограничных областей империи, но и павликиане, но это были не грозные еретики-повстанцы, а павликиане, которые, найдя убежище у арабов после своего поражения в 70-х годах IX в., позднее, примирившись с Византией, вернулись обратно. По мнению *Г. М. Бартияна*, эпос о Дигенисе Акрите сложился в Западной Армении, когда население этого края состояло преимущественно из армян, не потерявших своего этнического облика, хотя и говоривших по-гречески. Исследователь обнаружил связи между армянскими легендами о Торке Ангеле и поэмой о Дигенисе Акрите, дал сравнение эпоса о Дигенисе Акрите с курдским эпосом о Златоруком хане, с песней о сыне Армуриса и Давидом Сасунским, а также показал значение поэмы для изучения армянской средневековой архитектуры.

Итогом многолетнего изучения греческих рукописей Ленинграда является докторская диссертация *Е. Э. Гранстрем* «Греческие средневековые рукописи ленинградских хранилищ и проблемы истории письма и книги в Византии» (Л., 1969). В своей работе автор дает обзор истории и современного состояния греческой палеографии, характеризует мировой фонд греческих рукописей, уделяя особое внимание рукописям ленинградских собраний, сообщает сведения о библиотеках византийского времени. Подробно останавливается *Е. Э. Гранстрем* на унциальном и минускульном периодах византийского письма. По мнению исследовательницы, период господства унциала не менее значителен для истории византийской книги, чем период господства минускула, поскольку именно в IV—VIII вв. были выработаны и окончательно сложились главные приемы оформления византийской рукописной книги. Как полагает *Е. Э. Гранстрем*, деление истории византийского минускула на три периода носит формальный характер. Большой интерес представляет глава о палимпсестах, систематическим изучением и выявлением которых исследовательница занялась впервые в истории нашей науки. Она выступает против бытующего мнения, что главной причиной уничтожения текстов было стремление монахов стереть еретические сочинения и произведения античных авторов. Смытые тексты, отмечает *Е. Э. Гранстрем*, уничтожались скорее за ненадобностью и прежде всего по причине нехватки пергамента. Огромную важность для византиноведения представляет первый сводный каталог греческих средневековых рукописей ленинградских хранилищ, которому отведена вторая часть диссертации.

Комплексному исследованию рукописей московских и ленинградских собраний посвящена кандидатская диссертация *Б. Л. Фонкича* «Греческая кодикология (на материале рукописей X—XVII вв. собраний Москвы и Ленинграда)» (М., 1969). Свою работу автор рассматривает как подготовку материалов для создания подлинно научного каталога греческих рукописей одной из самых ценных наших коллекций — Синодального собрания Исторического музея в Москве.

Одним из основных методов работы *Б. Л. Фонкича* является отождествление писцов по почерку. В результате автору удалось обнаружить большое число не известных ранее автографов (среди них — 1 автограф Максима Грека, 10 автографов иерусалимского патриарха Досифея, 26 автографов иерусалимского патриарха Хрисанфа и др.). Это в свою очередь позволило по-новому осветить некоторые события политической и культурной жизни православного Востока, дало богатый материал для освещения деятельности выдающихся представителей греческой средневековой культуры XI—XVII вв., «оживило» молчавшие до сих пор рукописные книги. Большой материал для исследования библиотек Афона и раскрытия судеб отдельных уникальных кодексов дало изучение автором помет и записей писцов и владельцев рукописных книг.

В своей работе Б. Л. Фонкич сочетает внутреннюю и внешнюю критику источника, и это позволяет ему в одном случае восстановить историю текста «Стратегикона» Кекамена на основании изучения единственного его списка, а в другом — проникнуть в творческую лабораторию знаменитого венецианского типографа Альда Мануция и раскрыть интереснейшую страницу истории книги — «встречу» рукописи и печатного издания.

К изучению сирийских изделий из металла обратилась В. Н. Залеская в кандидатской диссертации «Сирийский художественный металл византийского времени и его историческое значение» (Л., 1970). На основании своего исследования автор приходит к выводу, что памятники прикладного искусства следуют в русле общих художественных тенденций VI в. Сирийские изделия из металла как вид вещественных памятников подтверждают и дополняют выводы, полученные на основании изучения письменных свидетельств. Они подтверждают данные источников о высоком уровне развития ремесла в Сирии византийского времени, об отсутствии экономического упадка в VI в. Исследованные памятники, дополняя письменные свидетельства, сообщают сведения об отдельных исторических деятелях. Самое важное, по мнению В. Н. Залеской, значение сирийских изделий из металла заключается в том, что они позволяют определить роль Сирии в прикладном искусстве Византии. Изображения на сирийских металлических изделиях показывают, что особый характер интерпретации иконографических изводов, за которым укрепилось название исторического и нарративного, возник именно в Сирии. Роль Сирии, отмечает В. Н. Залеская, оказывается значительной и в формировании стилистических принципов византийского искусства. Исследование металлических изделий подтвердило, по мнению автора, положение о том, что условный иератический стиль изображений имеет в своих истоках Сирию в широком смысле слова.

В кандидатской диссертации А. И. Ромеча «Византийская архитектура IX—XII вв. и архитектура Киева конца X — начала XII столетий» (М., 1971) дается сравнительный анализ византийской и древнерусской архитектуры. Диссертация делится на две части. Первая посвящена византийской архитектуре, при характеристике которой автор уделяет особое внимание типу храма на четырех колоннах, определившему движение византийского искусства со второй половины IX в. Как отмечает автор, этот тип храма явился венцом развития византийской архитектуры. Вторая часть диссертации посвящена анализу развития древнерусской архитектуры. Характеризуя отдельные типы храмов Руси и отмечая их сходство с византийскими столичными храмами, автор вместе с тем показывает их большое своеобразие, вызванное местными условиями и волей заказчика.

Отдельные стороны русско-византийских связей (вопрос о монашеском общественном движении, распространившемся в XIV в. из Византии по всей православной Европе) и русско-византийских отношений (события, связанные с деятельностью митрополита Киприана) рассмотрены в кандидатской диссертации Г. М. Прохорова «Повесть о Митяе и ее литературная среда» (Л., 1968).

Сходство во взглядах на искусство в Византии и на Руси отмечено в кандидатской диссертации Н. К. Голейзовского «Послание иконописцу» Иосифа Волоцкого и его адресат — Дионисий» (М., 1970), посвященной малоизученному произведению древнерусской литературы второй половины XV в.

А. А. Чекалова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века	BAW	— Bayerische Akademie der Wissenschaften
АЕ	— Археологический ежегодник	BCH	— Bulletin de Correspondance Hellénique
БАН	— Библиотека АН СССР	BISI	— Bolletino dell' Istituto storico italiano
ВАН	— Вестник общественных наук АН Армянской ССР	BK	— Bedi Kartlisa-Revue de Kartvélogie
ВВ	— Византийский временник	BNJ	— Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher
ВМ	— Вестник Матенадарана	BS	— Byzantinoslavica
ВО	— Византийские очерки	BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies
ГБЛ	— Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина	Byz.	— Byzantion
ГИМ	— Гос. Исторический музей	BZ	— Byzantinische Zeitschrift
ГПБ	— Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	CJ	— Codex Justinianus
ГСУ	— Годовник на Софийский университет	CTh	— Codex Theodosianus
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения	DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ЗРВИ	— Сборник Радова. Византологический институт	ΕΕΒΣ	— Ἐπιστηρικὴ Ἐταιρεία Βυζαντινῶν Σπουδῶν
ИАН	— Известия АН Армянской ССР, общественные науки	EO	— Echos d'Orient
ИБИД	— Известия на Българското историческо дружество	JHS	— Journal of Hellenic Studies
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности	JIAN	— Journal international d'Archéologie et Numismatique
ИЦ	— Исторически преглед	JÖB	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе.	JÖBG	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
ИФЖ	Историко-филологический журнал АН Армянской ССР	MBPAR	— Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte
ЛГУ	— Ленинградский гос. университет	MGH.SS	— Monumenta Germaniae historica. Scriptores
ЛОИИ СССР	— Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР	MM	— <i>F. Miklosich, J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi</i>
МГУ	— Московский гос. университет	OCP	— Orientalia Christiana Periodica
ПИ	— Проблемы источниковедения	PG	— <i>J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca</i>
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей	PL	— <i>J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina</i>
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы	REArm	— Revue des études arméniennes
УЗ	— Ученые записки	REB	— Revue des études byzantines
ЦГАДА	— Центральный гос. архив древних актов	REG	— Revue des études grecques
ЦГИА	— Центральный гос. исторический архив	RESEE	— Revue des études sud-est européennes
ЦНБАН УССР	— Центральная научная библиотека АН УССР	SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских		

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

З. В. Удальцова, К. А. Осипова (Москва). Отличительные черты феодальных отношений в Византии (постановка проблемы)	3
Г. Е. Лебедева (Ленинград). Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства	31
Е. Э. Липшиц (Ленинград). Византийское право в период между Эклогой и Прохироном	45
К. Н. Юзбашян (Ленинград). Завещание Евстафия Воилы и вопросы фемной администрации «Иверии»	73
С. П. Карпов (Москва). Трапезунд и Константинополь в XIV веке	83
П. И. Жаворонков (Москва). Никейская империя и Запад	100
П. Тивчев (София). Леонтий Махера как историк Кипра	122
Б. Л. Фонкич (Москва). Заметки о греческих рукописях советских хранилищ	134
З. Г. Самодурова (Москва). Греческие рукописи, содержащие малые византийские хроники	139
И. П. Медведев (Ленинград). К вопросу об источниках «Жизнеописания Иоанна Кантакузина»	145
Е. К. Пиотровская (Ленинград). О третьей русской редакции «Летописца вскре» константинопольского патриарха Никифора	147

Критика и библиография

Рецензии

А. П. Каждан (Москва). К вопросу о социальных воззрениях Кекавмена . .	154
Г. Г. Литаврин (Москва). Ответ рецензенту	167
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). А. П. Каждан. Книга и писатель в Византии. М., 1973	177
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973	179
Р. А. Гусейнов (Баку). Sp. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. Berkley and Los Angeles, 1971	182
В. Н. Залеская (Ленинград). К вопросу об атрибуции Суздальского змеевика (в связи со статьей А. В. Рындиной «Суздальский змеевик»)	184
В. Д. Лихачева (Ленинград). O. Demus. Byzantine Art and the West. London, 1970. O. Demus. Romanesque mural painting. London, 1970	189
В. Н. Лазарев (Москва). По поводу статьи М. В. Алпатовова «Искусство Феофана Грека и учение исихастов» («Византийский временник», 33, 1972, стр. 189—202)	192
А. Л. Якобсон (Ленинград). По поводу статьи Д. Л. Талиса «Сюреньская крепость»	193
Б. Л. Фонкич (Москва). Новые работы по истории греческой культуры после-византийского периода	194

Аннотации

Д. Ангелов, П. Тивчев. Подбрани извори за историята на Византия. София, 1970	200
N. Oikonomidès. Les Listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972	202
Callinicos. Vie d'Hypatios. Paris, 1971	203

D. B. Evans. Leontius of Byzantium.—«Dumbarton Oaks Studies», XIII. Washington, 1970	204
Новый жанр византиноведческих публикаций	204
St. Runciman. The Last Byzantine Renaissance. Cambridge, 1970	206
J. Laurent. Etudes d'histoire arménienne. Louvain, 1971	208
The Teaching of Saint Gregory. An Early Armenian Catechism. Cambridge, Massachusetts, 1970	209
Χ. Π. Σωμεωνίδης. Οι Τζακωνες και η Τζακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972	210
K. Weitzmann. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, III. Washington, 1972	212

Хроника

Г. Е. Лебедева (Ленинград). Научная сессия по византиноведению в Ленинграде	214
А. А. Чекалова (Москва). Диссертации по истории Византии, защищенные в 1968—1972 гг.	218
Список сокращений	222

Византийский временник, том 36

Утверждено к печати

Институтом всеобщей истории Академии Наук СССР.

Редактор **Б. Л. Фонкич**. Редактор издательства **Ф. Н. Арский**

Художественный редактор **Ю. П. Трапезов**. Технический редактор **П. С. Кашина**

Сдано в набор 26/VII 1974 г. Подписано к печати 21/XI-1974 г. Формат 70×108^{1/16}
 Бумага № 2. Усл. печ. л. 21,29 Уч.-изд. л. 25,8 Тираж 1600. Т-16790 Тип. зак. 964
 Цена 1 р. 57 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10